

ДЖЕЙН
ОСТЕН

ДЖЕЙН ОСТЕН

2

ДЖЕЙН
ОСТЕН

ДЖЕЙН ОСТЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1988

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ВТОРОЙ

НОРТЕНГЕРСКОЕ АББАТСТВО

Роман

МЭНСФИЛД ПАРК

Роман

Перевод с английского

Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1988

**ББК 84. 4Вл
0—76**

JANE AUSTEN

1775—1817

Редколлегия:

Г. АНДЖАПАРИДЗЕ, Е. ГЕНИЕВА, М. КЛИМОВА, Н. МИХАЛЬСКАЯ

Комментарии

Н. ДЕМУРОВОЙ И Н. МИХАЛЬСКОЙ

Оформление

А. ЛЕПЯТСКОГО

Иллюстрации

Г. БРОКА, Ч. БРОКА, Х. ТОМСОНА

**В томе воспроизводятся также произведения
английских художников — современников Дж. Остен
и иконографический материал конца XVIII — начала XIX в.**

**О 4703000000—213
028(01)—88** **подписное**

**ISBN 5—280—00305—0 (Т. 2)
ISBN 5—280—00303—4**

**© Перевод, отмеченный в содержаниях*, комментарии, оформление.
Издательство «Художественная литература», 1988 г.**

НОРТЕНГЕР
СКОЕ
АББАТСТВО

РОМАН

*Перевод
И.С. Маршана*

NORTHANGER ABBEY

1818

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА
К «НОРТЕНГЕРСКОМУ АББАТСТВУ»

та небольшая работа была закончена в 1803 году в предположении, что она будет сразу опубликована. Ее принял издатель, о ее предстоящем выходе из печати было даже объявлено, и почему дело не пошло дальше, — автор так и не понял. Обстоятельства, в которых издатель находит выгодным приобрести рукопись и невыгодным — ее напечатать, выглядят из ряда вон выходящими. Впрочем, автору и читающей публике не было бы сейчас до этого дела, если бы какие то части книги за минувшие тринадцать лет несколько не устарели. Читателей просят иметь в виду, что прошло тринадцать лет после завершения этой работы, много больше — с тех пор, как она была задумана, и что за истекшие годы географические понятия, человеческие характеры и взгляды, а также литература претерпели существенные изменения.

ГЛАВА 1

два ли ктонибудь, кто знал Кэтрин Морланд в детстве, мог подумать, что из нее вырастет героиня романа. Общественное положение и характеры ее родителей, собственные качества и склонности — все у нее было для этого совершенно неподходящим. Отец ее был священником, не бедным и забитым, а, напротив, весьма преуспевающим, — правда, он носил заурядное имя Ричард и никогда не был хорош собой. Не считая двух неплохих церковных приходов, он имел независимое состояние, и ему не было нужды держать своих дочек в черном теле. Мать ее отличалась рассудительностью и добрым нравом, и, как ни странно, — превосходным здоровьем. Еще до Кэтрин она успела родить трех сыновей, а произведя на свет дочку, отнюдь не умерла, но продолжала жить на земле, прижила еще шестерых детей и растила весь выводок в полном благополучии. Семейство, насчитывающее десятерых детей, обычно считается прекрасным семейством с вполне достаточным числом рук, ног и голов. Увы, Морланды не могли претендовать на этот эпитет во всех его смыслах, ибо отнюдь не отличались внешней привлекательностью. На протяжении многих лет Кэтрин оставалась такой же дурнушкой, как и все ее родичи. Тощая, несуразная фигура, вялый цвет лица, темные прямые волосы — вот как она выглядела со стороны. Ничуть не больше годился для героини романа ее характер. Ей всегда нравились мальчишеские игры — крикет она предпочитала не только куклам, но даже таким возвышенным развлечениям поры детства, как воспитание мышки, кормление канарейки или поливка цветочной клумбы. Работа в саду была ей не по вкусу, а если иногда она собирала букеты, то делала это как будто назло — так, по крайней мере, можно было за

ключить, судя по тому, что она обрывала именно те цветы, которые ей запрещалось трогать. Таковы были ее наклонности. И столь же мало сулили в будущем ее способности. Ей никогда не удавалось что то понять или выучить прежде, чем ей это объяснят, — а иной раз и после того, ибо частенько она бывала невнимательной, а порою даже туповатой. Целых три месяца потребовалось ее матери, чтобы вдолбить ей в голову «Жалобу нищего». И все же младшая сестра Салли декламировала это стихотворение гораздо выразительнее. Не то чтобы Кэтрин была безнадежной тупицей — вовсе нет. Басню про «Зайца и его дружков» она вызубрила так же легко, как и любая английская девчонка. Матери хотелось научить ее музыке. И Кэтрин полагала, что заниматься музыкой необыкновенно приятно — она ведь так любила барабанить по клавишам разбитых клавикордов. Занятия начались, когда девочке исполнилось восемь лет. Она проучилась год, и ей стало невмоготу. Миссис Морланд, считая неразумным принуждать детей к делу, к которому у них не было способностей или не лежала душа, оставила дочку в покое. День, в который Кэтрин рассталась с учителем музыки, был счастливейшим в ее жизни. Ее способности к рисованию раскрылись в той же степени, хотя, если ей удавалось раздобыть у матери обертку письма или какойнибудь другой клочок бумаги, она использовала их самым основательным образом, изображая мало отличающиеся друг от друга домики, кустики и петушков или курочек. Писать и считать учил ее отец, а говорить по французски — мать. Успехи ее были далеко не блестящими, и она отлынивала от занятий как только могла. Но что это был за странный, необъяснимый характер! При всех признаках испорченности, к десяти годам от роду она все же оставалась доброй и отзывчивой, редко упрячилась, почти никогда ни с кем не ссорилась и была хороша с малышами, если не считать редких вспышек тиранства. Она была шумной и озорной девочкой, терпеть не могла чистоту и порядок и больше всего на свете любила скатываться по зеленому склону холма позади дома.

Такой была Кэтрин Морланд в десять лет. К пятнадцати годам впечатление, которое она производила на окружающих, стало понемногу исправляться. Она начала завивать волосы и подумывать о балах. Ее внешность улучшилась, лицо округлилось и посвежело, глаза стали более выразительными, а фигура — соразмерной. Она перестала быть грязнулей и научилась следить за собой, превратившись в опрятную и миловидную девушку. И ей было приятно, что

в разговорах между родителями зазвучали одобрительные отзывы об ее изменившейся наружности. «Кэтрин начинает выглядеть совсем недурно — она становится почти хорошенькой!» — слышала она время от времени. И что это было за удовольствие! Казаться почти хорошенькой для девушки, которая первые пятнадцать лет своей жизни слыла дурнушкой, — радость, гораздо более ощутимая, чем все радости, которые достаются красавице с колыбели.

Миссис Морланд была добрейшей женщиной и хотела, чтобы ее дети получили в жизни все, что только им причиталось. Но она была слишком занята тем, что рожала и воспитывала малышей, и старшие дочери оказывались поневоле предоставленными самим себе. Ничего поэтому не было удивительного, что Кэтрин, от природы лишенная всего истинно героического, в четырнадцать лет предпочитала бейсбол, крикет, верховую езду и прогулки — чтению, по крайней мере — серьезному чтению. Ибо она ничего не имела против книг, в которых не было поучительных сведений, а содержались одни только забавные происшествия. Но между пятнадцатую и семнадцатую годами она стала готовить себя в героини. Она прочла все, что должны прочитать героини романов, которым необходимо запастись цитатами, столь полезными и ободряющими в их полной превратностей жизни.

От Поупа она научилась осуждать тех, кто

В притворном горе ускользнуть не прочь...

От Грея узнала,

Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой...

Томсон открыл ей,

Как славно молодежь
Воспитывать уроками стрельбы!

А Шекспир снабдил ее огромным запасом сведений, и среди них, что

Ревнивца убеждает всякий вздор,
Как доводы Священного писанья,—

что

Ничтожный жук, раздавленный ногой,
Такое же страданье ощущает,
Как с жизнью расстающийся гигант...

и что к выражению лица влюбленной молодой женщины вполне подходят слова:

Как статуя Терпения застыв,
Она своим страданиям улыбалась...

В этом отношении ее успехи были удовлетворительными, так же как и во многих других. Ибо, хоть она и не умела писать сонеты, она приучила себя их читать. И хотя у нее не было надежды вызвать восторг публики исполнением на фортепьяно прелюдии собственного сочинения, она была способна, не испытывая усталости, слушать игру других музыкантов. Самым слабым ее местом было рисование, в котором она не смыслила ровно ничего — настолько мало, что, попытайся она запечатлеть на бумаге профиль возлюбленного, ее и тогда никому не удалось бы изобличить. По этой части она не могла соревноваться ни с одной героиней романа. Однако, до сих пор данный недостаток не открывался даже ей самой, так как у нее не было возлюбленного и ей некого было рисовать. К семнадцати годам она еще ни разу не встретила на своем пути достойного молодого человека, который был способен воспламенить ее чувства, и ни разу не возбудила в комнибудь не только любовной склонности, но даже восхищения, большего, чем самое поверхностное и мимолетное. Это в самом деле было очень странно! Но многие странные вещи удается объяснить, если по настоящему вдуматься в их причины. В окрестностях не было ни одного лорда, даже баронета. Среди знакомых Морландов не было ни одной семьи, которая вырастила бы найденного на пороге мальчика неизвестного происхождения. У ее отца не было воспитанника, а местный сквайр вообще не имел детей.

Однако если молодой леди суждено стать героиней, она ею станет, даже несмотря на то, что так оплошали сорок живущих по соседству семейств. Чтонибудь случится, и герой окажется на ее пути.

Мистеру Аллену, владельцу почти всех земель вокруг Фуллертона — деревушки, в которой жили Морланды, — было предписано отправиться в Бат для лечения подагры. И его супруга, добродушная женщина, которой очень понравилась мисс Морланд и которая, возможно, догадывалась, что если с молодой леди не происходит никаких приключений в родной местности, то ей следует поискать их на стороне, пригласила Кэтрин поехать в Бат вместе с ними. Мистер и миссис Морланд отнеслись к этому предложению вполне благосклонно, а Кэтрин пришла от него в неподдельный восторг.

ГЛАВА II

добавок к уже упомянутым достоинствам внешности и характера Кэтрин Морланд на том рубеже ее жизни, на котором ей предстояло испытать тяготы и превратности полуторамесячного пребывания в Бате, читателю может быть сообщено — на случай если позднейшие страницы не дадут ему достаточного представления о ее облике, — что у нее было мягкое сердце, открытый, веселый и лишенный всякого притворства или жеманства нрав, естественные, только что освободившиеся от детской застенчивости и неуклюжести манеры, правильные, в благоприятные минуты даже почти красивые черты лица и, как свойственно особам женского пола в семнадцать лет, весьма невежественный и непрощенный ум.

По мере приближения минуты отъезда материнская озабоченность миссис Морланд, естественно, должна была крайне усилиться. Тысячи опасностей, подстерегавших ее любимую Кэтрин во время жестокой разлуки, не могли не тревожить ее сердце дурными предчувствиями и в последние два три дня пребывания дочери под отеческим кровом не исторгать у нее то и дело потоки слез. Разумеется, во время прощальной беседы в материнской спальне с ее мудрых уст должен был слететь самый важный практический совет — из ее сердца не могло не вырваться предостережение, касающееся бесчувственных лордов и баронетов, которые тешат себе душу, соблазняя молодых леди и увозя их в свои отдаленные поместья. Да и кто бы об этом не подумал? Однако миссис Морланд так слабо представляла себе лордов и баронетов, что даже не имела понятия об их всеобщей испорченности и не подозревала об ущербе, который они могли нанести ее дочери своими гнусными происками. Ее заботы ограничились только следующими пунктами:

— Пожалуйста, Кэтрин, получше закутывай шею, выходя с бала. И мне бы хотелось, чтобы ты записывала свои расходы — я тебе дам для этого особую тетрадку.

Салли, или, точнее, Сара (ибо какая же молодая леди из круга небогатых дворян сохраняет первоначальное имя, достигнув шестнадцатилетнего возраста?), должна была, судя по ситуации, стать к этому времени самой близкой подругой Кэтрин, пользующейся ее неограниченным доверием. Однако, как ни странно, она вовсе не умоляла сестру

Миссис Сиддонс.
С картины Т.Лоуренса, 1830 г. (?)

посылать письма с каждой почтой и не взяла с нее обещания рассказывать во всех подробностях про каждого нового знакомого и про каждый поворот интересного разговора. Решительно во всем, что касалось этой важной поездки, Морланды обнаружили спокойствие и умеренность, вполне свойственные обычному поведению обычных людей, но не совместимые с теми изысканными чувствами и возвышенными переживаниями, которые всегда характеризуют первую разлуку героини романа с родным кровом. И отец, вместо того чтобы вручить дочери банковский ордер на неограниченную сумму или хотя бы чек на сто фунтов стерлингов, дал ей всего десять гиней, обещав прислать еще в случае надобности.

Разлука состоялась при таких малообещающих предзнаменованиях, и поездка началась. Она проходила в приятном спокойствии и без всяких опасных приключений.

Путешественникам не угрожали разбойники или буря, а их карета так и не перевернулась, давая повод появлению на сцене героя. В пути им не пришлось испытать никаких тревог, кроме опасения миссис Аллен, что она оставила в придорожной гостинице пару деревянных башмаков — опасения, к счастью, неподтвердившегося.

Они въехали в Бат. Обращая внимание то на одну, то на другую особенность любопытных окрестностей и улиц этого города, по которым они проследовали до гостиницы, Кэтрин пребывала в полном восторге. Она сюда ехала с тем, чтобы радоваться, и была теперь счастлива.

Их устроили в удобных комнатах на Палтни стрит.

Сейчас следует как то охарактеризовать миссис Аллен, с тем чтобы читатель мог оценить, в какой степени последующие поступки этой особы, объясняемые ее бесцеремонностью, вульгарностью или подозрительностью, будут способствовать развитию главной жизненной драмы героини (то бишь каким именно образом — перехватив ли письма своей подопечной, возведя ли на нее напраслину или выгнав из дома — миссис Аллен сумеет к последнему тому романа довести бедную Кэтрин до свойственной героине степени неблагополучия).

Миссис Аллен принадлежала к тем многочисленным особам женского пола, общество которых не вызывает у окружающих никаких эмоций, кроме удивления, что в мире нашлись мужчины, способные так ими увлечься, чтобы на них жениться. Она не отличалась ни красотой, ни талантами, ни образованием, ни изысканным воспитанием. Барственные замашки, вялое и бездеятельное добронравие и беззаботность — вот качества, которыми она прельстила столь разумного и образованного человека, каким был мистер Аллен. В одном отношении она особенно подходила для того, чтобы ввести в общество юную леди — она не меньше, чем молодая девица, стремилась всюду побывать и на все посмотреть. Больше всего ее интересовали новые моды. Ею владела безобидная страсть изысканно одеваться. Поэтому вступление нашей героини на светское поприще задержалось на три четыре дня, в течение которых прежде всего было выяснено — что сейчас главным образом носят, а вслед за тем для миссис Аллен было сшито самое модное платье. Кэтрин также сделала некоторые приобретения, и, когда со всеми делами было покончено, наступил наконец знаменательный вечер ее первого появления в Верхних залах. Волосы ее были подстрижены и уложены лучшим парикмахером, ее одели со всем вниманием и, по мнению

миссис Аллен и горничной, она выглядела как нельзя лучше. Ободренная этим отзывом, Кэтрин надеялась проскользнуть в толпе, не дав своей наружностью повода для чьих либо замечаний. Конечно, было бы приятно вызвать восхищение, но об этом она и не мечтала.

Миссис Аллен одевалась так долго, что они вошли в бальный зал довольно поздно. Сезон был в разгаре, народу было множество, и две леди протискивались вперед без чьей либо помощи, ибо мистер Аллен прямо направился в карточную комнату, предоставив дамам наслаждаться толчеей самостоятельно. Миссис Аллен миновала сборище мужчин около входа с той скоростью, с какой это было возможно, уделяя больше внимания своему новому платью, чем своей молодой спутнице. Кэтрин, однако, все время оставалась около нее, держа покровительницу под руку настолько крепко, что их не могла разъединить всеобщая давка. К своему крайнему изумлению, она обнаружила, что продвижение в глубь зала вовсе не помогает им выбраться на свободное пространство. Напротив, толпа даже становилась еще плотнее. Она надеялась, что, достаточно отойдя от дверей, они легко отыщут себе место и смогут с удобством наблюдать за танцующими. Но получилось совсем по другому, и, хотя благодаря неутомимой энергии миссис Аллен они добрались до самой отдаленной от входа точки, положение их не улучшилось. Танцующие по-прежнему были заслонены от них толпой, и им были видны только кончики перьев на головах некоторых дам. Они продолжали продвигаться в поисках места получше. И, прибегая то и дело к силе и ловкости, в конце концов оказались в проходе позади самой верхней скамьи. Здесь народу было меньше, чем внизу, и отсюда мисс Морланд могла наконец обозреть все расположенное под ними сборище и все преграды, которые им только что удалось преодолеть. Вид был великолепный, и впервые в этот вечер она почувствовала себя на балу. Ей очень хотелось танцевать, но она ни с кем не была знакома. А все, что при этих обстоятельствах могла для нее сделать миссис Аллен, ограничивалось повторяющимися время от времени бесстрастными высказываниями наподобие следующих:

— Так было бы приятно, моя дорогая, если бы вам удалось принять участие в танцах! Если бы только для вас нашелся партнер!

В течение некоторого времени ее юная спутница испытывала к ней благодарность за сочувствие. Но подобные фразы миссис Аллен повторяла так часто и проку от них бы

ло так немного, что в конце концов они стали лишь раздражать бедную Кэтрин, которой надоело на них отзывать.

Наши дамы, однако, недолго наслаждались дорогого доставшимся им удобным местом на возвышении. Вскоре все устремились в чайную комнату, и им пришлось протискиваться туда вместе с остальной публикой. Кэтрин ощущала уже некоторое разочарование — она устала от того, что ее толкали со всех сторон люди с малопривлекательными лицами, среди которых она чувствовала себя настолько чужой, что даже не могла отвлечься от неудобства давки, обмениваясь с окружающими односложными замечаниями. Когда в конце концов они добрались до чайной комнаты, невозможность присоединиться к каким-нибудь знакомым, с кем то поздороваться или ждать помощи от какого-нибудь джентльмена почувствовалась особенно остро. Мистера Аллена не было видно. И, не найдя ничего лучшего, они были вынуждены присесть за краешком стола, вокруг которого собралась уже какая-то большая компания, не зная, что предпринять, и разговаривая только между собой.

Как только они уселись, миссис Аллен поздравила себя с тем, что ей удалось уберечь свое новое платье.

— Было бы просто ужасно, — сказала она, — если бы его порвали, не правда ли? Такой тонкий муслин! Признаюсь, я не видела другого подобного туалета во всем зале!

— Как досадно, что у нас здесь нет ни одного знакомого человека! — прошептала Кэтрин.

— Разумеется, дорогая моя, — бесстрастно отозвалась миссис Аллен, — это в самом деле очень досадно.

— Но что же нам делать? Господа за этим столом поглядывают на нас так, словно удивляются, видя нас здесь. Мы как бы навязываемся им в компанию.

— Это в самом деле ужасно. Было бы лучше, если бы у нас нашлось здесь много знакомых.

— Да хоть бы немного! Мы хоть к кому то могли бы тогда подойти.

— Вот именно, дорогая! Если бы мы здесь кого то знали, мы подошли бы к нему тотчас же. В прошлом году здесь были Скиннеры. Вот было бы приятно сейчас их увидеть!

— Но не следует ли нам в таком случае уйти? Видите, нам даже не предлагают чаю.

— В самом деле не предлагают. Возмутительно! Но лучше посидим здесь. В толпе просто невозможно дышать. Как выглядит моя прическа, дорогая? Кто то толкнул меня так сильно, что я испугалась, как бы она не рассыпалась.

— О нет, она в полном порядке. Но, милая миссис Аллен, вы убеждены, что среди всей этой массы народа вы не знаете ни одного человека? Должны же вы быть хоть с кем то знакомы!

— Честное слово — ни с кем! Я была бы рада сама. Так было бы приятно, если бы у нас появилось много знакомых и я смогла бы найти вам партнера для танцев. Я бы очень хотела, чтобы вам удалось потанцевать. Но взгляните на эту странную даму. Что за платье! Таких не носят уже бог знает с каких пор. Только посмотрите на ее спину!

Через некоторое время кто то из соседей по столу предложил им чаю. Они приняли его с благодарностью. Если не считать возникшего при этом обмена любезностями, то за весь вечер до прихода, уже после окончания танцев, мистера Аллена с ними никто больше не разговаривал.

— Надеюсь, мисс Морланд, — спросил мистер Аллен, появляясь, — бал доставил вам удовольствие?

— О да, очень большое, — ответила Кэтрин, тщетно скрывая зевок.

— Я все время ждала, что ее ктонибудь пригласит танцевать, — сказала его жена. — Так хотелось найти для нее партнера! Я уже говорила ей, как жалко, что Скин неры, вместо того чтобы приехать нынче, побывали здесь в прошлом году. И Пэрри тоже не приехали — они ведь сюда собирались. Кэтрин могла бы танцевать с Джорджем Пэрри. Какая жалость, что у нее не нашлось партнера!

— Ну, не беда, — утешил их мистер Аллен. — В другой раз, надеюсь, нам повезет больше.

После танцев толпа начала понемногу редеть — настолько, что у оставшихся гостей появилась возможность прогуливаться с некоторыми удобствами. И вот для героини, сыгравшей до сих пор не слишком заметную роль, наступило время, когда она могла бы привлечь внимание и вызвать восхищение. С каждой минутой народу становилось все меньше и красота Кэтрин становилась виднее. Она могла броситься в глаза многим молодым людям, которые раньше к ним не приближались. Однако ни один из них открыто не проявил восторга, никто не назвал Кэтрин богиней и по залу не пронесся недоуменный ропот по поводу появления никому не ведомой красавицы. Тем не менее Кэтрин выглядела претяливо, и если бы присутствующие могли сравнить ее внешность с тем, как она выглядела три года назад, они нашли бы ее очаровательной.

И все же кто то посмотрел на нее благосклонно — она сама слышала, как два джентльмена называли ее хорошенькой. Слова эти произвели свое действие. Бал сразу представился ей гораздо более приятным, чем казался прежде. Ее непритязательное тщеславие было удовлетворено. Мимолетный комплимент в устах двух молодых людей был ей милее, чем подлинной героине — пятнадцать сонетов, написанных во славу ее очарования. И на протяжении остального вечера она испытывала благодарность ко всем присутствующим и была вполне удовлетворена вниманием, проявленным к ее особе.

аждое утро посвящалось теперь какому нибудь очередному занятию: беготне по магазинам, осмотру новой части города или посещению Галереи бювета, по которой они фланировали около часа, разглядывая встречных, но не имея возможности ни с кем вступить в разговор. Миссис Аллен по прежнему горела желанием располагать в Бате обширным знакомством и говорила об этом ежедневно, всякий раз, как какое нибудь обстоятельство напоминало ей, что она не знает здесь решительно никого.

Они побывали в Нижних залах, и там судьба обошлась с нашей героиней более благосклонно. Распорядитель представил ей в качестве партнера по танцам молодого человека, которого почти с полным правом можно было назвать красавцем. Он был двадцати четырех — двадцати пяти лет от роду, высокого роста и благородной осанки, с приятными чертами лица и острым, живым взглядом. Фамилия его была Тилни. Кэтрин сразу почувствовала к нему симпатию. Во время танца они почти не могли разговаривать. Но за чайным столом она убедилась, что первое благоприятное впечатление ее не обмануло. Он говорил оживленно и остроумно, и в его поведении ощущались добродушная ирония и лукавство, которые доставляли ей удовольствие, хотя она и не вполне могла их раскусить. Поболтав некоторое время о том, что их непосредственно окружало, он неожиданно сказал:

— Простите, сударыня, мою нерадивость в качестве партнера по танцам. Я до сих пор не осведомился у вас — давно ли вы сюда приехали, приходилось ли вам бывать в Бате прежде, посетили ли вы Верхние залы, театр и концерты и какое этот город произвел на вас общее впечатление. Я недопустимо пренебрег своими обязанностями. Но не найдете ли вы возможным дать мне соответствующие разъяснения, хотя бы с опозданием? Если не возражаете, я примусь за дело тотчас же.

— Вам незачем, сэр, по этому поводу беспокоиться.

— Помилуйте, сударыня, мне это не причинит ни малейшего беспокойства.— И, изобразив на лице жеманную улыбку, он спросил более высоким голосом: — Давно ли, сударыня, вы прибыли в Бат?

— Около недели тому назад, сэр,— ответила Кэтрин, стараясь удержаться от смеха.

— В самом деле?! — воскликнул он с нарочитым удивлением.

— Почему, сэр, вы этому удивляетесь?

— Вы, разумеется, правы,— произнес он обычным тоном.— Но ведь нужно же было выразить по поводу вашего приезда какие то эмоции. А при подобных обстоятельствах удивление кажется вполне уместным и ничуть не уступает любому другому чувству. Итак, продолжим. Приходилось ли вам бывать здесь раньше?

— Никогда, сэр.

— Вот как! А удостоили ли вы своим посещением Верхние залы?

— Да, сэр, я была там в прошлый понедельник.

— И уже побывали в театре?

— Да, сэр, я смотрела спектакль во вторник.

— И на концерте?

— Да, сэр, в среду.

— А какое у вас общее впечатление от Бата?

— Благодарю вас, самое лучшее.

— Теперь мне остается только глупо ухмыльнуться, после чего мы сможем снова вести себя разумно.

Кэтрин отвернулась, не зная, вправе ли она позволить себе рассмеяться.

— Догадываюсь, что вы обо мне думаете,— сказал он печально.— Завтра вы ответите обо мне в вашем дневнике не слишком лестно.

— В моем дневнике?

— Да, я знаю отлично, что там будет написано: «Пятница. Посещение Нижних залов. Надела узорчатое муслиновое платье с синей отделкой, простые черные туфли, выглядела эффектно. Была фраппирована странным половым субъектом, который со мной танцевал и досаждал мне своими глупостями».

— Уверяю вас, у меня в мыслях не было ничего подобного!

— Хотите, я скажу, что у вас должно быть в мыслях?

— Если вам угодно.

— «Танцевала с очень милым молодым человеком, представленным мне мистером Кингом. Была увлекательная беседа — он показался мне необыкновенно одаренным — надеюсь познакомиться с ним поближе». Мне бы хотелось, сударыня, чтобы вы написали именно так.

— Но, быть может, я вовсе не веду дневника?

— Быть может, вы не сидите в этой комнате, а я не сижу подле вас. Эти два предположения кажутся мне

столь же обоснованными. Не ведете дневника! Но как же без него представят себе вашу жизнь в Бате отсутствующие кузины? Как вам удастся рассказать должным образом обо всех услышанных вами любезностях и комплиментах, если вы не будете по вечерам записывать их в дневник? Как сможете вы запомнить со всеми подробностями ваши разнообразные туалеты, ваше сомочувствие, ваши прически? Дорогая сударыня, я не настолько несведущ в образе жизни молодых леди, как вам хотелось бы думать. Только благодаря похвальной привычке вести дневник дамы способны так превосходно писать и славятся своим стилем. Общеизвестно, что писание писем — талант главным образом женский. Конечно, некоторое значение имеет и природа, но я убежден, ей немало способствует ведение дневников.

— Я иногда задумывалась, — с сомнением сказала Кэтрин, — верно ли, что женщины пишут письма лучше мужчин. Говоря по правде, я не уверена, что в этой области превосходство всегда принадлежит моему полу.

— Насколько я способен судить, женщины пишут письма, как правило, безукоризненно... Если только не принимать во внимание трех мелких недостатков.

— Каких же именно?

— Бессодержательности, полного невнимания к пунктуации и частых грамматических ошибок.

— Ах, вот как? Вашу похвалу, оказывается, вовсе не нужно оспаривать. Вы не придерживаетесь о нас в этом вопросе слишком высокого мнения.

— Отныне я не буду считать неопровержимым, что женские письма лучше мужских, так же как и то, что женщины лучше поют в дуэтах или лучше рисуют пейзажи. В любом деле, определяемом вкусом, превосходство делится между обоими полами равномерно.

Их разговор был прерван вмешательством миссис Аллен:

— Кэтрин, дорогая, пожалуйста, вытащите булавку из моего рукава. Боюсь, она уже прорвала дыру. Я бы немало огорчилась — это мое любимое платье, хотя материя стоила всего по девяти шиллингов ярд.

— Именно так я и подумал, сударыня, — сказал Тилни, рассматривая материю.

— Вы разбираетесь, сэр, в муслине?

— Превосходно. Я всегда сам покупаю себе шарфы и считаюсь в этом деле знатоком. Моя сестра часто поручает мне выбрать ей платье. Как то раз я ей купил

одно, и все видевшие его дамы единодушно признали, что я совершил прекрасную покупку. Я заплатил всего по пяти шиллингов за ярд, а это был настоящий индийский муслин.

Миссис Аллен была восхищена его способностями.

— Мужчины обычно так плохо разбираются в этих вещах! Я никогда не научу мистера Аллена отличать одно мое платье от другого. Ваша сестра, сэр, должно быть, очень вами дорожит.

— Надеюсь, что так, сударыня.

— А скажите, сэр, что вы думаете о платье мисс Морланд?

— Оно очень красиво, сударыня,— сказал Тилни, серьезно его рассматривая.— Но, мне кажется, на него плохо подействует стирка. Боюсь, оно сильно сядет.

— Как вы можете,— со смехом сказала Кэтрин,— так...— Она чуть было не произнесла: «притворяться».

— Вполне с вами согласна, сэр,— ответила миссис Аллен.— Я говорила ей то же самое, когда она его покупала.

— Вы знаете, сударыня, муслин всегда может на чтонибудь пригодиться. Мисс Морланд сможет сделать себе из него платки, чепчик или накидку. Он никогда даром не пропадает. Моя сестра говорила мне это не раз, покупая материи больше, чем требовалось, или неудачно разрезая ее на куски.

— Бат, сэр,— очаровательное место! Здесь столько прекрасных магазинов. К сожалению, мы живем в самой глуши. Конечно, у нас есть неплохие магазины и в Сэлс бери, но туда так тяжело добираться. Восемь миль — это не шутка. Мистер Аллен утверждает, будто бы даже девять,— так, мол, измерено. Но я убеждена, там не больше восьми. И все же это страшно утомительно — я оттуда возвращаюсь без сил. А здесь — выйдешь из двери, и через пять минут все, что вам нужно, в ваших руках.

Мистер Тилни был достаточно любезен, чтобы выразить интерес к ее словам. И она обсуждала с ним тему о муслине вплоть до возобновления танцев. Слушая их разговор, Кэтрин подумала, что ее кавалер, пожалуй, чересчур снисходителен к слабостям ближних.

— О чем это вы так серьезно задумались? — спросил Тилни по пути в танцевальный зал.— Надеюсь, мысли у вас не заняты вашим партнером,— судя по выражению лица, они вас не радуют.

Кэтрин покраснела.

Мистер и миссис Томас Колтмен.
С картины Дж. Райта из Дерби, ок. 1769—1773 гг.

— Я вообще ни о чем не думала.

— С вашей стороны это очень любезно. Но вы вполне могли бы сказать, что просто не хотите ответить на мой вопрос.

— Что ж, не хочу!

— Благодарю вас. Мы скоро хорошо друг друга узнаем — я получаю право вас дразнить. Ничто так не способствует близкому знакомству.

Они протанцевали еще один танец и, когда вечер кончился, расстались с желанием, — по крайней мере, со стороны леди, — встретиться снова. Произвел ли он на нее столь сильное впечатление, чтобы она думала о нем, когда пила теплое вино с водой и готовилась ко сну, — трудно сказать. Надеюсь все же, что мысль о нем пришла ей в голову, лишь когда она засыпала или в утренней дреме. Ибо,

согласно мнению выдающегося писателя¹, в той же мере, в какой молодой леди не подобает влюбляться до объяснения в любви со стороны джентльмена, ей не следует и думать о нем прежде, чем станет известно, что он думает о ней.

Мистеру Аллену не было дела до того, станет ли мистер Тилни думать о Кэтрин и собирается ли он в нее влюбиться. Но у него не было возражений против нового знакомства. Еще в самом начале вечера он не поленился навести справки и получил о молодом человеке вполне благоприятные сведения, согласно которым мистер Тилни избрал духовную карьеру и принадлежал к весьма уважаемому семейству в Глостершире.

ГЛАВА IV

а следующий день Кэтрин поспешила в Галерею с особенным нетерпением, надеясь еще утром увидеть там мистера Тилни и готовясь встретить его приветливой улыбкой. Увы, ей не пришлось улыбаться — мистер Тилни не появился. В разное время дня, в те часы, когда в Галерее собиралось больше всего народа, там можно было заметить кого угодно, кроме него. Множество людей то и дело поднималось и спускалось по ступенькам, входило и выходило. Людей, до которых никому не было дела и которых никто не хотел видеть. И только он отсутствовал.

— Какое прелестное место Бат,— сказала миссис Аллен, когда они уселись возле огромных часов после утомительного расхаживания по залу.— И как было бы приятно, если бы мы здесь встретили когонибудь из знакомых!

Это пожелание высказывалось ею все достаточно часто, и миссис Аллен не могла особенно надеяться, что судьба на сей раз откликнется на него более благоприятно. Но, как нас учили: «Надежды не теряй и к цели следуй», поскольку: «Упорный труд венчается победой». И упорному труду ежедневных повторений одного и того же пожелания суждено было в конце концов увенчаться справедливой наградой, ибо они не просидели и десяти минут,

¹ Смотри письмо мистера Ричардсона № 97, т. II, «Бродяга». (Примеч. автора.)

как находившаяся неподалеку и внимательно всматривавшаяся в миссис Аллен дама примерно ее возраста вдруг самым любезным образом обратилась к ней со следующими словами:

— Мне думается, сударыня, я не могла ошибиться. С тех пор как я имела удовольствие вас видеть, прошло достаточно времени, но, не правда ли, ваша фамилия Аллен?

Когда на этот вопрос с готовностью ответили, дама сообщила, что ее фамилия Торп. И миссис Аллен тотчас же узнала черты своей любимой школьной подруги, с которой, после того как они повыходили замуж, виделась всего один раз, да и то много лет назад. Радость обеих дам по поводу этой встречи была, как и следовало ожидать, необыкновенной,—принимая во внимание, что на протяжении последних пятнадцати лет их вполне устраивало полное отсутствие сведений друг о друге. Были произнесены комплименты по поводу того, что каждая из них удивительно хорошо выглядит. И, упомянув о том, как много времени утекло с их последней встречи, насколько неожиданно для них это свидание в Бате и как приятно найти старых друзей, они стали расспрашивать и рассказывать о своих семьях, сестрах и кузинах, говоря одновременно, почти не слушая друг друга и делясь сведениями с гораздо большей охотой, чем их приобретая. В этой беседе миссис Торп располагала перед миссис Аллен неоспоримым преимуществом — она могла рассказывать о своих детях. И, рассуждая о талантах сыновей и красоте дочерей, сообщая об их занятиях и видах на будущее — что Джон учится в Оксфорде, Эдвард служит в портновской фирме, а Уильям плавает в море, и что всех троих знакомые ценят и уважают больше, чем кого либо в целом мире,—она заставляла миссис Аллен, лишенную подобных радостей, как и возможностей делиться ими с недоверчивой и равнодушной приятельницей, сидеть молча, делая вид, как будто она к этим материнским излияниям прислушивается, и утешаясь открывшимся ее проницательному взору наблюдением, что кружево на ротонде миссис Торп, по крайней мере, вдвое дешевле того, которое носит она сама.

— А вот мои дорогие девочки! — воскликнула миссис Торп, указывая на трех прелестных особ женского пола, которые шли в ее сторону, держась за руки.— Дорогая миссис Аллен, я жажду вам их представить. Они будут счастливы с вами познакомиться. Самая высокая — Изабелла, моя старшая. Не правда ли, очаровательное созда

ние? Других тоже находят хорошенькими, но Изабелла, по моему, превзошла всех.

Девуцы Торп были представлены. И мисс Морланд, о которой на некоторое время забыли, была, в свою очередь, представлена дамам Торп. Ее фамилия поразила всех. И после нескольких любезных замечаний старшая из сестер громко сказала младшим:

— Как похожа мисс Морланд на своего брата!

— Она его вылитый портрет! — воскликнула мать, после чего каждая повторила по нескольку раз:

— Я бы сразу догадалась, что это его сестра, где бы ее ни встретила!

В первые минуты Кэтрин испытывала недоумение. Но едва только миссис Торп и ее дочери принялись описывать обстоятельства, при которых состоялось их знакомство с мистером Джеймсом Морландом, она вспомнила, что ее старший брат недавно подружился с учившимся с ним в колледже молодым человеком по фамилии Торп и провел в его доме неподалеку от Лондона последнюю неделю рождественских каникул.

Как только все разъяснилось, девушки Торп выразили самое горячее желание поближе с ней познакомиться, ибо дружба между их братьями уже сделала их подругами, и так далее, и тому подобное. Кэтрин отнеслась к этому весьма благосклонно, ответив со всей любезностью, на какую была способна. И в качестве первого доказательства дружбы ей вскоре была предложена рука мисс Торп старшей, пригласившей ее пройти по залу. Кэтрин была в восторге от приобретения нового батского знакомства и, болтая с мисс Торп, почти совсем забыла о мистере Тилни, — дружба, несомненно, является целительным бальзамом для ран от разочарований в любви.

Беседа их обратилась к темам, свободное обсуждение которых обычно немало способствует внезапному возникновению доверительной дружбы между молодыми девушками — таким, как наряды, балы, флирт и человеческие причуды. Будучи на четыре года старше и располагая, следовательно, более долгим опытом, мисс Торп при обсуждении этих тем имела существенные преимущества. Она могла сравнить балы в Бате с балами в Танбридже, а также здешние наряды — с лондонскими, объяснить новой подруге, что такое со вкусом подобранные украшения, уловить флирт между джентльменом и леди, которые всего лишь улыбнулись друг другу, и в густой толпе заметить какогонибудь чудака. Подобные способности

привели совершенно несведущую во всем этом Кэтрин в полный восторг. И у нее составилось о подруге такое высокое мнение, которое могло бы помешать близости между ними, если бы простота обращения и живость мисс Торп, а также ее многократные заверения в том, как она счастлива их знакомству, не рассеяли в Кэтрин чувства благоговения перед ней, сохранив в ее душе лишь горячую симпатию. Растущая взаимная привязанность не позволила новым подругам ограничиться только полудюжиной пройденных по Галерее кругов и вынудила мисс Торп, когда вся компания покинула это заведение, проводить мисс Морланд до самых дверей дома мистера Аллена. Они расстались после нежного и долгого рукопожатия, обнаружив, к взаимной радости, что им предстоит встретиться вечером в театре, а наутро молиться в одной и той же церкви. Кэтрин тотчас же взбежала по лестнице и стала наблюдать из окна гостиной, как мисс Торп удалялась по улице, восхищаясь грациозностью ее походки и элегантностью ее фигуры и платья и благодаря судьбу за то, что она послала ей такую подругу.

Миссис Торп была вдовой, не слишком богатой. Она была благодушной, доброжелательной женщиной и снисходительной матерью. Ее старшая дочь была красавицей, а младшие, воображая, что они столь же хороши, как их сестра, подражая ее манерам и одеваясь в том же стиле, вполне довольствовались своей судьбой.

Эта краткая характеристика семьи потребовалась для того, чтобы уберечь читателя от долгого и подробного повествования самой миссис Торп о ее злоключениях и невзгодах, которое заняло бы три или четыре следующие главы, разоблачая пороки домовладельцев и стряпчих и воскрешая разговоры двадцатилетней давности.

ГЛАВА V

Вечером в театре Кэтрин была не настолько занята обменом любезностями и улыбками с мисс Торп (поглощавшими, впрочем, немалую долю ее внимания), чтобы не поискать взглядом во всех даже самых отдаленных ложах мистера Тилни. Увы, она вглядывалась напрасно. Пьеса так же мало интересовала мистера Тилни, как и Галерея. Она решила, что сле

дующий день окажется более удачным. И когда, словно в угодую ее желанию, на завтра выдалось великолепное утро, она уже почти в этом не сомневалась. Ибо хороший воскресный день в Бате выгоняет из дому всех его обитателей, заставляя их отправиться на прогулку, чтобы выразить знакомым свое восхищение чудесной погодой.

После богослужения компании Торпов и Алленов сразу же объединились. И, проведя в Галерее ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы прийти к выводу о невыносимости тамошней толчеи и невозможности встретить в ней хотя бы одно приятное лицо,— вывод, делаемый всеми каждое воскресенье в продолжение всего сезона,— они поспешили к Крессенту, чтобы подышать свежим воздухом в более достойном окружении. Здесь Кэтрин и Изабелла, гуляя рука об руку, могли вновь насладиться душевной беседой. Они разговаривали долго и с большим чувством. Но надежда Кэтрин встретить своего партнера по танцам оказалась опять несостоятельной. Его не было нигде. Все попытки его найти оканчивались ничем. Он не показывался ни на утренних сборищах, ни на вечерних ассамблеях, ни в Верхних, ни в Нижних залах, ни на костюмированных балах, ни на обычных. Он не появлялся днем на прогулках, не катался верхом, не разъезжал в экипаже. Имени его не было в книге посетителей Галереи, и его больше просто негде было искать. Следовало думать, что он уехал из Бата. И тем не менее он даже не упомянул, что будет здесь так недолго. Подобная всегда благоприятствующая герою романа таинственность создала в воображении Кэтрин вокруг его облика и поведения новый ореол и усилила ее стремление хоть что то о нем узнать. От Торпов, однако, она не могла получить о нем никаких сведений, так как они прибыли в Бат лишь за два дня до встречи с миссис Аллен. И все же мистер Тилни занял значительное место в разговорах Кэтрин с ее прелестной подругой, которая всячески поощряла ее к беседе о нем и тем самым не давала изгладиться впечатлению, оставленному им в ее памяти. Изабелла не сомневалась, что он должен быть обаятельнейшим молодым человеком. И в равной степени она была убеждена, что он не может не восторгаться ее дорогой Кэтрин и, следовательно, скоро вернется в Бат. Особенно нравилось ей то, что он избрал карьеру священника, ибо она «считала своим долгом признаться в особой склонности к этому призванию». Слова эти были произнесены с чем то вроде вздоха. Кэтрин, возможно,

допустила ошибку, не выведав у подруги причины столь тонкого выражения чувств. Но проявления любви и дружеские обязанности были ей знакомы еще недостаточно, чтобы она могла догадаться, когда следует добродушно пошутить, а когда — добиваться волнующей откровенности.

Миссис Аллен была теперь вполне счастлива и совершенно довольна Батом. Она разыскала знакомых, они, по счастью, оказались семьей ее самой дорогой давней подруги и в довершение всего были одеты значительно беднее, чем она сама. Вместо ежедневно повторяемой фразы: «Как бы мне хотелось встретить здесь когонибудь из знакомых!», она стала теперь говорить: «Как я рада, что мы встретились с миссис Торп!» И постоянное общение двух семей сделалось для нее не менее желанным, чем для ее юной воспитанницы и Изабеллы. Ни один день не казался ей проведенным с толком, если большую его часть она не проводила бок о бок с миссис Торп, поглощенная тем, что они называли беседой, в которой, впрочем, не хватало не только обмена мнениями, но часто даже общей темы, поскольку миссис Торп главным образом говорила о детях, а миссис Аллен — о туалетах.

Дружба между Кэтрин и Изабеллой развивалась столь же стремительно, сколь внезапным было ее начало, и они так быстро прошли все ступени растущей взаимной симпатии, что вскоре не осталось ни одного возможного свидетельства этого чувства, которого бы они не явили друг другу и окружающим. Они называли друг друга по именам, гуляли только под руку, закалывали друг другу шлейфы перед танцами и были неразлучны в любом обществе. И если дождливое утро лишало их других развлечений, они, невзирая на сырость и грязь, непременно встречались и, закрывшись в комнате, читали роман. Да, да, роман, ибо я вовсе не собираюсь следовать неблагородному и неразумному обычаю, распространенному среди пишущих в этом жанре, — презрительно осуждать сочинения, ими же приумножаемые, — присоединяясь к злейшим врагам и хулителям этих сочинений и не разрешая их читать собственной героине, которая, случайно раскрыв роман, с неизменным отвращением перелистывает его бездарные страницы. Увы! Если героиня одного романа не может рассчитывать на покровительство героини другого, откуда же ей ждать сочувствия и защиты? Я не могу относиться к этому с одобрением. Предоставим обозревателям бранить на досуге эти плоды творческого воображения и отзываться о каждом новом романе избитыми фразами,

заполнившими современную прессу. Не будем предавать друг друга. Мы — члены ущемленного клана. Несмотря на то, что наши творения принесли людям больше глубокой и подлинной радости, чем созданные любой другой литературной корпорацией в мире, ни один литературный жанр не подвергался таким нападкам. Чванство, невежество и мода делают число наших врагов почти

равным числу читателей. Дарования девятисотого автора краткой истории Англии или составителя и издателя тома, содержащего несколько дюжин строк из Мильтона, Поупа и Прайора, статью из «Зрителя» и главу из Стерна, восхваляются тысячами перьев, меж тем как существует чуть ли не всеобщее стремление преуменьшить способности и опорочить труд романиста, принизив творения, в пользу которых говорят только талант, остроумие и вкус. «Я не любитель романов!», «Я редко открываю романы!», «Не воображайте, что я часто читаю романы!», «Это слишком хорошо для романа!»,— вот общая погудка. «Что вы читаете, мисс?» — «Ах, это всего лишь роман!» — отвечает молодая девица, откладывая книгу в сторону с подчеркнутым пренебрежением или мгновенно смутившись. Это всего лишь «Цецилия», или «Камилла», или «Белинда»,—или, коротко говоря, всего лишь произведение, в котором выражены сильнейшие стороны человеческого ума, в котором проникновеннейшее знание человеческой природы, удачнейшая зарисовка ее образцов и живейшие проявления веселости и остроумия преподнесены миру наиболее отточенным языком. Но будь та же самая юная леди занята вместо романа томом «Зрителя», с какой гордостью она покажет вам книгу и назовет ее заглавие! А между тем весьма маловероятно, чтобы ее в самом деле заинтересовала какаянибудь часть этого объемистого тома, содержание и стиль которого не могут не оттолкнуть девушку со вкусом,— настолько часто его статьи посвящены надуманным обстоятельствам, неестественным характерам и беседам на темы, давно уже переставшие интересовать когонибудь из живущих на свете, к тому же изложенным на языке столь вульгарном, что едва ли он может оставить благоприятное впечатление о веке, который его переносил.

ГЛАВА VI

Беседа между двумя подругами, состоявшаяся в Галерее однажды утром на восьмой или девятый день их знакомства, приводится здесь, чтобы дать читателю представление о силе их взаимной привязанности, а также тонкости, глубине и своеобразии их мыслей и литературных вкусов, на которых эта привязанность основывалась.

Их встреча была заранее условлена, и так как Изабелла явилась в Галерею пятью минутами раньше своей подруги, первыми ее словами, естественно, были:

— Дорогая моя, что это вас так задержало? Я жду вас целую вечность!

— Неужели я вас заставила ждать? Извините меня. Мне казалось, я не опаздываю. Только что пробил час. Надеюсь, вы здесь недавно?

— Тысячу лет, не меньше. Во всяком случае, уже битых полчаса. Ну, а теперь давайте доставим себе маленькое удовольствие и посидим тихонько вон там, в глубине зала. Мне надо поделиться с вами сотней разных вещей. Прежде всего, я так боялась дождя, когда утром собиралась из дому! Казалось, он вот вот хлынет, — это бы разбило мне сердце. Вы знаете, проходя по Мильсом стрит, я заметила на витрине самую миленькую шляпку, какую только можно себе представить, — вроде вашей, но не с зелеными лентами, а с пунцовыми. Мне смертельно захотелось ее купить! Но, Кэтрин, дорогая, как прошло ваше утро? Читали ли вы дальше «Удольфо»?

— Я принялась за него, как только открыла глаза. И уже добралась до черного покрывала.

— Что вы говорите? Какая прелесть! Но я ни в коем случае не скажу, что под ним спрятано. Хоть вы, наверно, умираете от любопытства?

— Еще бы! Что бы это могло оказаться? Нет, нет, не говорите, ради бога, ни слова! Наверно, там спрятан скелет, — я убеждена, что это будет скелет Лорентины. О, я в восторге от этой книги! Я бы ее с удовольствием читала всю жизнь. Уверяю вас, если бы не наша встреча, я бы ни за что на свете от нее не оторвалась.

— Милочка моя, я так вам признательна! Но когда вы кончите «Удольфо», мы с вами примемся за «Итальянца». И я уже приготовила для вас список еще десяти — двенадцати романов в том же роде.

— Правда? Мне даже не верится. Но что это за романы?

— Сейчас я их вам перечислю, все до одного — они у меня здесь, в записной книжке. «Замок Вольфенбах», «Клермонт», «Таинственное предостережение», «Чародей Черного леса», «Полуночный колокол», «Рейнская сирота» и еще «Страшные тайны». Этого пока достаточно.

— О да, конечно. Но все они с ужасами? Вы уверены, что все они с ужасами?

— Абсолютно. Моя ближайшая подруга, мисс Эндрюс, — милейшая особа, самое чудное существо на юмле, — перечитала их все. Если бы вы знали мисс Эндрюс, вы бы ее обожали. Вы даже представить не можете, какое она себе вяжет прелестное платье. По моему, она просто ангел. Почему то мужчины ею не восхищаются. Это выводит меня из себя, и я их отчитываю как могу.

— Отчитываете? Вы отчитываете мужчин за то, что она им не нравится?

— Само собой разумеется. Чего только я не сделаю ради настоящих друзей. Я не способна на половинчатое чувство — мне это не свойственно. Привязанности мои необыкновенно сильны. Этой зимой на одной из наших ассамблей я заявила капитану Ханту, что, сколько бы он ко мне ни приставал, я не стану с ним танцевать, пока он не подтвердит, что мисс Эндрюс красива как ангел. Вы знаете, мужчины считают, что мы не созданы для подлинной дружбы, но я докажу им, что они заблуждаются. Пусть только я услышу, что кто то неуважительно отзовется о вас, — увидите, какой он получит отпор. Впрочем, это едва ли случится — вы ведь относитесь к женщинам, которые у мужчин пользуются успехом.

— Что вы! Как вы могли это сказать? — покраснев, ответила Кэтрин.

— Уверяю вас. Вам свойственна живость, которой так не хватает мисс Эндрюс. Должна признаться, в ней есть что то пресное... Ах да, могу вас обрадовать! Вчера, когда мы расстались, я заметила молодого человека, смотревшего на вас очень внимательно. Готова поручиться — он в вас влюблен!

Кэтрин опять покраснела и запротестовала еще энергичнее, но Изабелла продолжала со смехом:

— Клянусь вам, это чистая правда! Но я догадываюсь, в чем дело: вы не дорожите ничьей благосклонностью, кроме благосклонности джентльмена, имени которого можно не называть. Что ж, если говорить серьезно, эти чувства естественны. Не смею вас за них упрекать. Если сердце занято, — мне это так знакомо! — внимание посторонних его не радует. Все, что не связано с его избранником, кажется таким заурядным и скучным! Ваши чувства вполне понятны.

— Вам незачем убеждать меня, что я много думаю о мистере Тилни, которого, быть может, никогда не унижу.

Никогда не увидите? Милочка моя, как можете вы

так говорить? Поверьте, если бы вы и впрямь так думали, вы были бы глубоко несчастны.

— Нисколько. Я не скрываю, он мне понравился. Но когда я читаю «Удольфо», мне кажется, что сделать меня несчастной не может ничто на свете. Ах, это ужасное черное покрывало! Изабелла, дорогая, я уверена, что под ним скелет Лорентины.

— Как странно, что вы до сих пор не читали «Удольфо». Миссис Морланд, наверно, не любит романов?

— Да нет же, любит! Просто до нас не доходят новые книги. Она сама часто перечитывает «Сэра Чарлза Грандисона».

— «Сэра Чарлза Грандисона»? Но ведь его просто невозможно читать! Я помню, мисс Эндрюс не смогла одолеть первого тома.

— Конечно, это совсем непохоже на «Удольфо». Но все же он показался мне занимательным.

— Неужели? Вы меня удивляете. Мне представлялось, что эта книга просто невыносима. Но, Кэтрин, дорогая, вы уже придумали, что вы наденете на голову сегодня вечером? Я твердо решила во всех случаях одеваться так же, как вы. Мужчины, знаете, иногда обращают на это внимание.

— Но ведь нам до этого нет дела? — невинно спросила Кэтрин.

— Нет дела? Боже! Я взяла себе за правило не считаться с их мнением. Мужчины подчас бывают ужасно дерзки, если только перед ними робеть и не держать их на расстоянии.

— Правда? Я этого никогда не замечала. При мне они всегда бывали достаточно сдержанны.

— Они такими только прикидываются. Это самые самоуверенные существа на земле, воображающие о себе бог весть что. Кстати, все время забываю у вас спросить: кого вы предпочитаете — блондинов или брюнетов?

— Мне трудно сказать, я об этом никогда не задумывалась. Наверно, чтонибудь среднее — шатены. Не слишком светлые, но и не темные.

— Отлично, Кэтрин, он ведь именно таков. Я не забыла вашего описания мистера Тилни: «смуглое лицо с темными глазами и не слишком темные волосы». Что ж, мой вкус отличается от вашего. Я предпочитаю светлые глаза и бледное лицо. Они кажутся мне более привлекательными. Вы не выдадите меня, встретив когонибудь из ваших знакомых с этими качествами?

— Выдать вас! В каком смысле?

— Ах, не терзайте меня! Я и так уже слишком много сказала. Поговорим о другом.

Кэтрин с некоторым удивлением подчинилась. Немного помолчав, она была уже готова вернуться к тому, что интересовало ее сейчас больше всего, то есть к скелету Лорентины. Однако подруга опередила ее, воскликнув:

— Ради бога, уйдем из этого конца зала! Вы заметили тех двух ужасных молодых людей, которые уже полчаса таращат на меня глаза? Они действуют мне на нервы. Давайте посмотрим в книге, кто еще прибыл в Бат. Едва ли они последуют за нами.

Подруги подошли к столу с книгой для записи новых посетителей Галереи. И пока Изабелла читала имена, Кэтрин пришлось следить за поведением дерзких незнакомцев.

— Ну как, они все еще там? Надеюсь, у них не хватит дерзости нас преследовать. Умоляю вас сказать мне, если они двинутся в нашу сторону. Я твердо решила на них не смотреть.

Вскоре Кэтрин с непритворной радостью сообщила подруге, что она может больше не беспокоиться, ибо джентльмены покинули Галерею.

— Куда же они направились? — быстро обернувшись, спросила Изабелла. — Один из них совсем недурен.

— Они вошли в церковные ворота.

— Ну что ж, я очень довольна, что мы от них отделались. А теперь, как вы относитесь к тому, чтобы пройтись со мной до Эдгарс Билдингс — взглянуть на мою новую шляпку? Вы ведь сказали, что хотели ее посмотреть?

Кэтрин охотно согласилась.

— Но, — добавила она, — как бы нам не столкнуться с теми молодыми людьми?

— Пустяки. Если поспешить, мы успеем проскочить перед ними. Мне до смерти хочется показать вам шляпку.

— Достаточно подождать несколько минут — и встречи можно будет вообще не бояться.

— Они недостойны того, чтобы я к ним подлаживалась! Не считаю нужным уделять мужчинам много внимания. Этим их можно только испортить.

Против последнего довода у Кэтрин не нашлось возражений. И дабы подтвердить независимость взглядов мисс Торп, а также ее решимость проучить представителей ианавистного пола, они тут же пустились в погоню за молодыми людьми.

ГЛАВА VII

следующую минуту они пересекли прилегающий к Галерее двор и очутились под сводами арки напротив переулка Юнион. Но тут им пришлось остановиться. Всякий знакомый с Батом хорошо помнит, как трудно здесь пересечь Чип стрит. Эта улица в самом деле так неладно устроена и находится в такой неблагоприятной близости к лондонской и оксфордской большим дорогам, а также главной городской гостинице, что не проходит дня, в который каким то леди, независимо от значительности предприятия ими дела — покупки ли пирожных, посещения галантерейной лавки или, как было на этот раз, преследования молодых людей, — не пришлось бы задержаться на той или другой ее стороне, пропуская всадников, экипажи или повозки. Со времени приезда в Бат Изабелла, к своей досаде, наталкивалась на это препятствие по несколько раз в день. И сейчас ей довелось натолкнуться на него и почувствовать досаду еще раз, ибо в тот самый момент, когда они оказались напротив переулка Юнион и увидели двух джентльменов, пробиравшихся сквозь толпу и месивших грязь в этом привлекательном месте, им помешало перейти дорогу приближение кабриолета, который самоуверенный возница гнал по негодной мостовой с воодушевлением, подвергавшим смертельной опасности его самого, его седока и коня.

— Противные кабриолеты! — вырвалось у Изабеллы. — До чего я их ненавижу!

Однако ее ненависть, хоть и столь справедливая, оказалась непродолжительной, — взглянув снова на экипаж, она воскликнула:

— Что я вижу? Брат и мистер Морланд!

— Господи, это Джеймс! — одновременно вырвалось у Кэтрин.

Едва только молодые люди их заметили, лошадь была сразу же остановлена таким рывком, что почти поднялась на дыбы, после чего седоки выпрыгнули из экипажа, оставив его на попечение встребенувшегося от внезапной остановки слуги.

Кэтрин, для которой появление брата было совершенно неожиданным, встретила его с большой радостью. Брат, искренне к ней привязанный приятный молодой человек, отвечал ей тем же — в той мере, в какой ему это

позволяли непрерывно отвлекавшие его очаровательные глазки мисс Торп. Приветствие, с которым он сразу же обратился к этой леди, отразившее одновременно переживаемые им радость и смущение, могло бы подсказать его сестре, если бы она лучше умела разбираться в чужих чувствах и не слишком была поглощена своими собственными, что Джеймс ценит красоту Изабеллы не менее высоко, чем сама Кэтрин.

Джон Торп, отдававший распоряжения относительно экипажа, вскоре присоединился к ним и должным образом вознаградил Кэтрин за испытанный ею недостаток внимания. Он весьма небрежно поздоровался с Изабеллой, едва лишь пожав ей руку, но зато по всем правилам расшаркался перед ее подругой.

Это был полный юноша среднего роста, с невзрачными чертами лица и нескладной фигурой, который, казалось, чтобы не выглядеть слишком привлекательно, одевался, как грум, а чтобы не сойти за человека с хорошими манерами, вел себя непринужденно, если следовало проявлять сдержанность, и развязно — если была допустима непринужденность. Вынув из кармана часы, он спросил:

— Как вы думаете, мисс Морланд, за сколько времени мы доскакали из Тётбери?

— Я ведь не знаю, далеко ли это отсюда.

Ее брат заметил, что до Тетбери двадцать три мили.

— Двадцать три? — спросил Торп. — Двадцать пять, и ни дюйма меньше!

Морланд возразил ему, ссылаясь на свидетельства путеводителей, хозяев гостиниц и дорожных знаков, но его приятель отверг их все, поскольку располагал более надежной мерой расстояния.

— Я знаю, — сказал он, — что мы проехали двадцать пять миль, по времени, которое у нас отняла дорога. Сейчас половина второго. Мы выкатили со двора гостиницы в Тетбери, когда городские часы пробили одиннадцать. Я вызову на дуэль любого человека, который скажет, что моя лошадь пробегает в упряжке меньше десяти миль в час. Отсюда и выходит ровно двадцать пять миль.

— У вас потерялся один час, Торп, — сказал Морланд. — Когда мы выезжали из Тетбери, было всего десять часов.

— Десять часов? Клянусь жизнью, было одиннадцать! Я пересчитал все удары. Ваш брат, мисс Морланд, доведет меня до иступления. Только взгляните на мою лошадь — вы видели за свою жизнь существо, более приспо-

собленное для быстрого бега? (Слуга в это время как раз взобрался на сиденье и отгонял экипаж.) Настоящих кровей! Три с половиной часа на то, чтобы пробежать какие то двадцать три мили, — не угодно ли? Посмотрите на это животное и попробуйте себе представить такую нелепость.

— О да, лошадь сильно разгорячилась.

— Разгорячилась! До Уолкотчёрч на ней и волосок не шелохнулся. Взгляните на ее передние ноги. Взгляните на круп. Только посмотрите на ее поступь. Такая лошадь не может пробегать в час меньше десяти миль, даже если ее стреножить. А что скажете вы, мисс Морланд, о моем кабриолете? Хорош, не правда ли? Отличная подвеска. Столичная работа. Он у меня меньше месяца. Заказан человеком из Крайстчёрч, моим приятелем — отличным парнем. Бедняга поездил на нем несколько недель, пока, я думаю, не стало удобным его продать. Я в это время как раз подыскивал себе чтонибудь легкое в этом роде — даже решил было уже купить шарабан. И тут встретил его на мосту Магдалины при въезде в Оксфорд — после прошлых каникул. Он мне и кричит: «Эй, Торп, а не нуждаетесь ли вы, часом, в такой скорлупке? Лучшая в своем роде — только я от нее чертовски устал». А я отвечаю: «Черт побери, я тот, кто вам нужен. Сколько возьмете за драндулет?» И знаете, мисс Морланд, сколько он взял?

— Не имею ни малейшего понятия.

— А вы только взгляните: рессорная подвеска, сиденье, дорожный сундук, ящик для оружия, крылья, фонари, серебряная отделка — все, как видите, в отличном порядке. Железные части — как новые, если только не лучше. Запросил пятьдесят гиней. Я решил сразу. Выложил деньги, и экипаж мой.

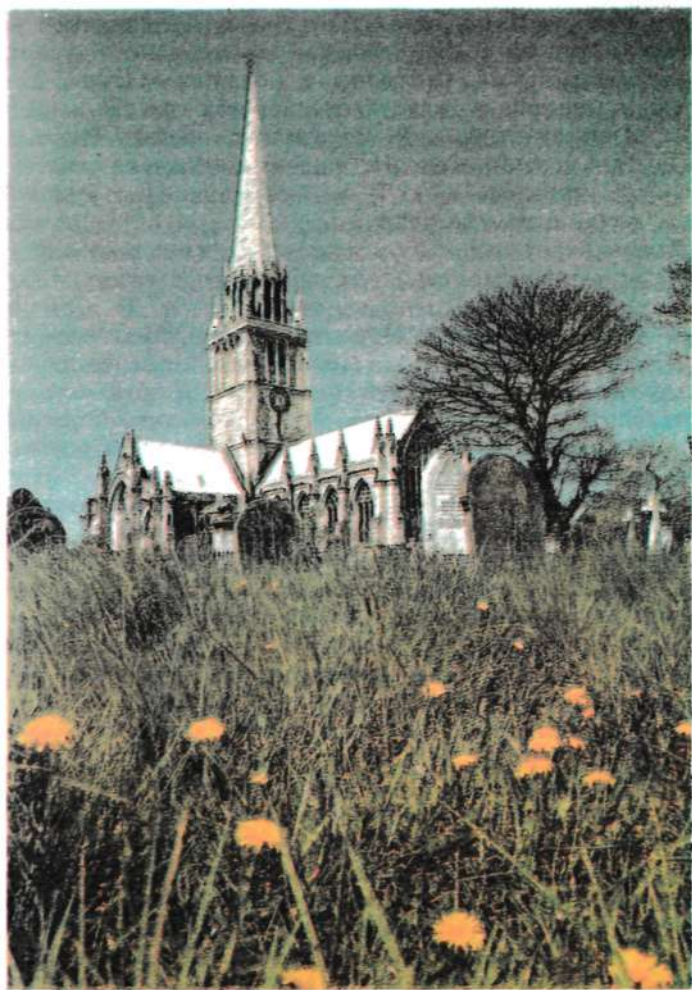
— Поверьте, — сказала Кэтрин, — я так мало в этом разбираюсь, что не могу судить — дорого это или дешево.

— Ни то, ни другое. Могло обойтись дешевле. Но терпеть не могу торговаться, а у бедняги Фримена в кошельке было пусто.

— С вашей стороны это великодушно, — сказала растроганная Кэтрин.

— К чертям! Когда я что то для друга делаю, терпеть не могу чувствительности.

У молодых леди спросили, куда они направляются, и, узнав о цели их прогулки, джентльмены решили проводить их до Эдгарс Билдингс и засвидетельствовать свое почтение миссис Торп. Джеймс и Изабелла шли впереди. И последняя была настолько довольна своим жребием,

Церковь св. Патрика, построенная в 1369 г.
Архитектор Роберт из Патрингтона.

так горячо старалась сделать эту прогулку приятной для человека, которого ей вдвойне рекомендовало родство с подругой и дружба с братом, и испытывала такие естественные, лишенные всякого притворства чувства, что, хотя на Мильсом стрит они встретили и прошли мимо тех самых двух дерзких молодых джентльменов, она совсем не старалась привлечь к себе их внимание и обернулась к ним всего лишь три раза.

Джон Торп шел, разумеется, с Кэтрин и после нескольких минут молчания возобновил разговор о кабриолете:

— Быть может, мисс Морланд, ктонибудь скажет вам, что это дешевая вещь. Но я мог продать ее через день на десять гиней дороже. Джексон из Ориэла предлагал мне шестьдесят тут же на месте, — это было при Морланде.

— Да, да, — сказал Морланд, услышав его слова. — Но вы забываете, что в цену входила лошадь.

— Лошадь?! Черта с два! Я бы не продал мою лошадь и за сто гиней. Вы любите, мисс Морланд, открытые экипажи?

— Да, конечно. Но я не припомню случая, чтобы я в них каталась. Хотя они мне очень нравятся.

— Отлично. Я буду катать вас в моем кабриолете каждое утро.

— Благодарю вас, — немного смутившись, ответила Кэтрин, не уверенная — прилично ли ей принять это приглашение.

— Завтра мы с вами едем на Лэнсдаун Хилл.

— Благодарю вас. Но разве ваша лошадь не нуждается в отдыхе?

— В отдыхе?! Это после того, как она пробежала сегодня какихнибудь двадцать три мили? Вздор! Нет ничего вреднее для лошадей, чем отдых. От него они мрут быстрее всего. Нет, нет, пока я здесь, она у меня каждый день будет тренироваться не меньше чем по четыре часа.

— Правда? — очень серьезно спросила Кэтрин. — Но ведь это же выйдет по сорок миль в день!

— Сорок, пятьдесят — какая разница? Значит, завтра — на Лэнсдаун Хилл. Помните, я в вашем распоряжении!

— Как это будет чудесно! — обернувшись, сказала Изабелла. — Кэтрин, дорогая, я почти вам завидую. Но, Джон, я боюсь, третий седок у тебя может не поместиться.

— Третий? Как бы не так! Я прибыл в Бат не для того, чтобы катать здесь своих сестриц. Не правда ли — милое развлечение? О тебе, надеюсь, позаботится Морланд.

Это вызвало обмен любезностями между шедшими наперед, но Кэтрин не расслышала его подробностей и чем он закончился. Рассуждения ее спутника, исчерпав оживлявшую их тему, ограничивались теперь только краткими благоприятными или неодобрительными отзывами о внешности встречавшихся им по пути женщин. Со скромностью и почтительностью, подобающими юной девице, которая не осмеливается иметь собственное мнение, отличное от мнения самоуверенного кавалера, особенно в отношении женской красоты, Кэтрин слушала и соглашалась сколько могла, пока не решила переменить тему разговора, задав вопрос, давно вертевшийся у нее на языке:

— Мистер Торп, вы читали «Удольфо»?

— «Удольфо»? Бог мой, увольте. Я не читаю романов. У меня достаточно других дел.

Осекшаяся и сконфуженная Кэтрин хотела уже было принести извинения за неуместный вопрос. Но не успела она открыть рта, как он добавил:

— Романы полны вздора и чепухи. После «Тома Джонса» не было ни одного сколько нибудь приличного — разве что «Монах». Я его недавно прочел. Все остальные — полнейшая чушь.

— Мне кажется, «Удольфо», если бы вы его прочитали, нам бы понравился. Он написан так увлекательно.

— Увольте, ей богу. Уж кабы я согласился прочесть роман, то разве из сочиненных миссис Радклиф. Они хоть читаются с интересом, и в них есть какой то смысл.

— Но ведь «Удольфо» сочинила миссис Радклиф, — нерешительно заметила Кэтрин, опасаясь его обидеть.

— Ничего подобного! Гм, разве? Ах да, ну конечно. Я имел в виду другую дурацкую книгу, написанную той женщиной, из за которой было столько разговоров и которая вышла замуж за французского эмигранта.

— Может быть, вы говорите о «Камилле»?

— Вот вот, она самая. Какая чепуха — старик качается на качелях! Я как то взял полистать первый том, да сразу смекнул, что его и читать не стоит. Впрочем, я догадался, что это за ерунда, еще раньше, когда узнал про ее замужество. Сразу сообразил, что в эту книгу нечего и заглядывать.

— Я ее никогда не читала.

— Немного потеряли, поверьте. Самая дурацкая книга, какую можно себе представить. В ней ничего и нет, кроме старичка, который качается на качелях да еще зубрит латынь. Клянусь честью!

Эти критические высказывания, справедливость коих, к сожалению, не могла быть оценена Кэтрин, он произнес, подходя к дому, в котором остановилась миссис Торп и где чувства пронизательного и нелицеприятного критика «Камиллы» были вытеснены чувствами встретившегося с матерью преданного и нежного сына. Миссис Торп узнала их еще издали, глядя из окна.

— А, мама, как поживаете? — сказал он, тряхнув ей руку. — Где это вы подцепили такую диковинную шляпу? Вы в ней похожи на старую ведьму. Мы с Морландом решили провести с вами несколько дней. Придется вам подыскать неподалеку приличное жилье с двумя постелями.

Такое обращение, по видимому, вполне отвечало чаяниям ее нежного материнского сердца, ибо миссис Торп встретила сына самым восторженным образом. Двум младшим сестрам он выразил равную родственную привязанность, спросив у них, как они поживают, и объявив им, что обе они уродины.

Все это Кэтрин не слишком понравилось. Но мистер Торп был другом Джеймса и братом Изабеллы! И на ее суждение о нем повлияли к тому же слова Изабеллы, сказавшей ей, когда они наконец отправились вдвоем посмотреть на новую шляпку, что Джон находит ее самой прелестной девушкой в мире, а также приглашение танцевать с ним на предстоявшем в тот день балу, сделанное Джоном при расставании. Будь она более опытной и более тщеславной, эти комплименты, возможно, не возымели бы своего действия. Но при сочетании юности и неуверенности в себе требуется незаурядная сила ума, чтобы не поддаваться такому отзыву о собственной внешности и такому заблаговременному приглашению к танцу. Следствием всего этого было то, что, когда брат и сестра Морланды, проведя час у Торпов, вышли из дома, чтобы идти вместе к Алленам, и Джеймс, затворив за собой дверь, спросил: «Ну, Кэтрин, понравился тебе мой друг Торп?» — она, вместо того чтобы ответить честно, как она бы это сделала, не подействуй на нее лесть и дружеские чувства: «Решительно не понравился!» — без запинки произнесла: «Очень понравился, с ним так приятно провести время!»

— Он и впрямь самый славный парень на свете. Немного говорлив, но вам, барышням, это, должно быть, даже по вкусу. А нравятся тебе его родные?

— Еще бы, особенно Изабелла!

— Это приятно слышать. Я бы хотел, чтобы ты подружилась именно с такой молодой особой. У нее столько

здорового смысла, столько очарования и ни капли притворства. Я давно вас мечтал познакомиться. И она очень к тебе привязана. Она отзывается о тебе самым восторженным образом. А добрым мнением такой девушки, как мисс Торп, — сказал он, ласково взяв ее за руку, — можешь гордиться даже ты, Кэтрин.

— Я в самом деле им горжусь, — ответила его сестра. — Я люблю ее всей душой и счастлива, что тебе она тоже нравится. Ты о ней лишь упомянул, когда писал мне, вернувшись от Торпов.

— Я просто надеялся скоро с тобой увидеться. Мне кажется, вам надо как можно больше времени проводить вместе, пока вы живете в Бате. Она очень мила. И какая умница! Как дорожит ею семья! По видимому, она всеобщая любимица. Наверно, она пользуется в Бате большим успехом, как ты думаешь?

— Я в этом не сомневаюсь. Мистер Аллен считает ее здесь самой хорошенькой молодой леди.

— И он едва ли ошибается. Не знаю другого человека, который бы лучше разбирался в женской красоте. Мне незачем спрашивать тебя, дорогая, нравится ли тебе эта посадка. Встретив такую подругу, ты не можешь быть недовольна. Да и Аллены, должно быть, очень к тебе внимательны?

— О конечно. Я никогда не жила так весело, как сейчас. А с твоим приездом станет еще веселее. Как ты был добр, приехав издалека, чтобы меня повидать!

Джеймс принял эту дань благодарности, успокоив свою совесть тем, что произнес от души:

— Кэтрин, я ведь в самом деле к тебе очень привязан.

Последовавший затем обмен вопросами и ответами относительно братьев и сестер, — как одни учатся, как другие растут, — а также о прочих семейных делах продолжался лишь с одним кратким отступлением Джеймса касательно достоинств мисс Торп до самого их прихода на Палтни стрит, где молодой человек был весьма любезно принят мистером и миссис Аллен, из которых первый предложил ему с ними пообедать, а вторая — определить качество и угадать цену новой муфты и палантина. Предварительная договоренность в Эдгарс Билдингс лишила Джеймса возможности принять приглашение джентльмена и заставила как можно скорее разделаться с вопросами леди. И после того, как было условлено о встрече обеих компаний и Восьмиугольном зале, Кэтрин могла наконец погрузиться в тревожные, возвышенные и душераздирающие переживания

ния над страницами «Удольфо», забыв суетные заботы о платье и обеде, не будучи в состоянии умерить тревогу миссис Аллен по поводу опоздания портнихи и только в течение одной минуты из каждых шестидесяти доставляя себе удовольствие мыслью о том, что она уже приглашена танцевать на сегодняшнем балу.

ГЛАВА VIII

есмотря на «Удольфо» и портниху, компания с Палтни стрит явилась в Верхние залы как раз вовремя. Торпы и Джеймс Морланд прибыли туда всего на две минуты раньше. И после того, как Изабелла совершила свой обычный ритуал, встретив Кэтрин залпом восторгов и улыбок, восхитившись ее нарядом и позавидовав ее прическе, молодые леди рука об руку проследовали за старшими в балльный зал, перешептываясь обо всем, что только приходило им в голову, и возбуждая друг в друге игру воображения пожатием руки или нежной улыбкой.

Танцы начались через две минуты после того, как они расселись. Джеймс, который пригласил свою даму тогда же, когда была приглашена его сестра, сразу стал уговаривать Изабеллу присоединиться к танцующим. Но мистер Торп ушел в карточную комнату, чтобы поговорить с приятелем, и ничто, по словам мисс Торп, не могло заставить ее принять участие в танцах без ее дорогой подруги.

— Имейте в виду, — провозгласила она, — без вашей сестры я не танцую, посулите мне хоть все сокровища мира! Мы не желаем расставаться на целый вечер.

Кэтрин вполне оценила ее преданность, и они просидели бок о бок еще три минуты, после которых Изабелла, продолжавшая до того разговаривать с Джеймсом, снова повернулась к подруге и прошептала:

— Боюсь, моя дорогая, мне все же придется потанцевать — вашему брату слишком не терпится. Вы ведь не станете возражать, если я исчезну, не правда ли? Через минуту вернется Джон, и вам тогда нетрудно будет меня найти.

У Кэтрин был достаточно покладистый характер, чтобы, несмотря на некоторое разочарование, выразить какой то протест. В это время все поднялись, и Изабелла успела только произнести на ходу: «До свидания, моя радость», — и быстро пожать ей руку. Младшие мисс Торп уже танце

вали, и Кэтрин оказалась одна между миссис Аллен и миссис Торп. Отсутствие мистера Торпа было досадно не только из-за невозможности присоединиться к танцующим, но и потому, что уважительная причина ее неучастия в танцах была никому не известна и ее могли отнести к многочисленному племени ущемленных девиц, которым не удалось обзавестись кавалером. Оказаться униженной в глазах общества, нести на себе клеймо позора, оберегая чистоту сердца и невинность поступков, очерненных кознями подлинного виновника зла, — одна из непременных черт биографии героини. И твердость, с которой героиня переносит все испытания, делает честь ее характеру. Кэтрин тоже была тверда. Она страдала, но ни слова жалобы не сорвалось с ее уст.

Из этого плачевного состояния она десять минут спустя перенеслась в мир более приятных ощущений при виде мистера — нет, не Торпа, а Тилни, вдруг оказавшегося в нескольких шагах от их кресел. Продвигаясь как будто в их сторону, он все еще их не замечал, так что вызванная его внезапным появлением радостная улыбка и легкая краска на лице Кэтрин успели исчезнуть без ущерба для ее стоической репутации.

Мистер Тилни был, как всегда, изыщен и любезен. Он увлеченно беседовал с опиравшейся на его руку молодой и привлекательной светской особой, в которой Кэтрин сразу распознала его сестру и тем самым необдуманно пренебрегла прекрасной возможностью вообразить его уже женатым и, следовательно, утраченным для нее навсегда. Подчиняясь простому и естественному ходу мыслей, она была не в силах предположить, что мистер Тилни мог оказаться женатым человеком. Он не так разговаривал, не так себя вел, как виденные ею до тех пор семейные мужчины. И хотя он упоминал в разговоре свою сестру, он ни еловом не обмолвился о жене. Всего этого было достаточно, чтобы принять теперешнюю его спутницу за мисс Тилни. Поэтому, вместо того чтобы смертельно побледнеть и рухнуть в обмороке на грудь миссис Аллен, Кэтрин продолжала владеть собой и осталась сидеть на месте, хоть и с чуть порозовевшим лицом.

Мистер Тилни и его спутница хотя и медленно, но продолжали приближаться, следуя вплотную за дамой, которая оказалась знакомой миссис Торп. И когда эта дама, с которой они составляли одну компанию, остановилась и заговорила с миссис Торп, они остановились вместе с ней. Взглянув на Кэтрин, мистер Тилни сразу улыбнулся, об

наружив тем самым, что он ее узнал. Кэтрин приветливо улыбнулась в свою очередь, и тогда он, еще немного приблизившись, заговорил с ней и миссис Аллен, которая встретила его весьма радушно:

— Мне необыкновенно приятно, сэр, вас увидеть. Я уже боялась, что вы совсем покинули Бат.

Мистер Тилни поблагодарил ее за любезность и сказал, что ему пришлось на следующее утро после того, как он имел удовольствие с ними познакомиться, на неделю уехать.

— Не сомневаюсь, сэр, вы вернулись охотно. Это самый подходящий уголок для молодежи, как, впрочем, и для остальной публики. Когда мистер Аллен говорит, что ему здесь надоело, я всегда стараюсь ему втолковать, что он жалуется напрасно, поскольку Бат — город необычайно приятный. В это тоскливое время года здесь гораздо лучше, чем дома. И я объясняю мистеру Аллену, как ему повезло, что состояние здоровья заставило его сюда приехать.

— Надеюсь, сударыня, мистер Аллен должен будет полюбить это место еще и потому, что оно принесет пользу его здоровью.

— Благодарю вас, сэр. Я в этом не сомневаюсь. Наш сосед, доктор Скиннер, лечился здесь прошлой зимой и вернулся вполне здоровым.

— Это весьма обнадеживающее обстоятельство.

— О да, сэр. Но доктор Скиннер с семьей провел в Бате три месяца. Потому то я и уговариваю мистера Аллена не торопиться с отъездом.

Их разговор был прерван просьбой миссис Торп к миссис Аллен, чтобы она слегка подвинулась и позволила сесть миссис Хьюз и мисс Тилни, которые пожелали присоединиться к их компании. После того как дамы расселись, мистер Тилни постоял несколько минут около них, а затем пригласил Кэтрин танцевать. Такой сам по себе приятный знак внимания с его стороны только вдвойне ее огорчил и, отказываясь от приглашения, она сожалела столь явно, как будто это ей в самом деле было нелегко сделать. И если бы появившийся вскоре Торп подошел к ним минутой раньше, он мог подумать, что она переживает этот отказ даже сильнее, чем следует. Весьма небрежная манера, с которой Торп объяснил свое отсутствие, нимало не примирила Кэтрин с ее неудачей. А сообщенные им во время танцев подробности о лошадях и собаках встреченного им приятеля и их уговоре поменаться терьерами не настолько ее заинтересовали, чтобы помешать ей часенъко поглядывать в тот конец зала, где остался мистер

Тилни. Ее дорогой Изабеллы, которой она жаждала покачать этого молодого человека, как будто и след простыл. Они очутились в разных танцующих партиях. Оторванная от своей компании и всех знакомых, испытав одно огорчение за другим, Кэтрин извлекла из происшедшего важный вывод о том, что приглашение на танец, полученное до бала, не обязательно сулит молодой леди много радостей и торжества на балу. Раздумывая подобным образом, она

вдруг почувствовала чье то прикосновение к своему плечу и, повернувшись, увидела прямо перед собой миссис Хьюз в сопровождении мисс Тилни и какого то джентльмена.

— Прошу простить меня, мисс Морланд, — сказала миссис Хьюз, — за мою вольность. Я никак не могла найти мисс Торп, и миссис Торп убедила меня, что вы не будете возражать, если я оставлю эту молодую леди танцевать неподалеку от вас.

Миссис Хьюз не могла обратиться в этом зале ни к кому, кто с большей готовностью откликнулся бы на ее просьбу. Молодые леди были представлены друг другу, мисс Тилни достойным образом выразила, насколько она ценит оказываемое ей внимание, а мисс Морланд со свойственной щедрому сердцу деликатностью дала понять, что оно для нее совершенно не обременительно. И довольная тем, что ей удалось так удачно позаботиться о своей подопечной, миссис Хьюз вернулась к своей компании.

У мисс Тилни была изящная фигура, а также красивое лицо с правильными чертами и приятным выражением. Хотя она не старалась, подобно мисс Торп, показать себя с выгодной стороны и проявить нарочитую изысканность, во всем ее облике чувствовалось подлинное благородство. Манеры ее свидетельствовали об уме и хорошем воспитании — она не выглядела скованной, но и не была чрезмерно развязной. И казалось, она была способна чувствовать себя молодой и привлекательной и радоваться балу, не пытаясь вместе с тем обратить на себя внимание каждого находившегося поблизости мужчины и не преувеличивая своих чувств изъяснением доходящего до экстаза восторга или крайнего негодования из за всякого пустяка. Кэтрин, с самого начала заинтересованная ее наружностью и родством с мистером Тилни, стремилась ближе с ней познакомиться, а потому охотно говорила ей все, что только приходило в голову и что она имела смелость и время произнести. Но трудности, существующие на пути к быстрому сближению, вызванные частой нехваткой хотя бы одного из этих условий, не позволили им продвинуться дальше самых первых ступеней знакомства, на которых они высказали друг другу свое отношение к Бату и поделились тем, насколько им понравилась его архитектура и окрестности, в какой мере та и другая любят рисовать, играть или петь и как они относятся к верховой езде.

Сразу по окончании двух танцев Кэтрин почувствовала рукопожатие ее верной Изабеллы, с восторгом провозгласившей:

— Наконец то я вас нашла! Любовь моя, я уже битый час вас разыскиваю. И вы могли танцевать в этой партии, зная, что я танцую в другой? Без вас я себя чувствовала просто несчастной!

— Изабелла, дорогая, как же я могла танцевать с вами? Я и понятия не имела, где вы находитесь.

— Это самое я и твердила вашему брату, но он, видите ли, мне не верил. «Пойдите и поищите ее, мистер Морланд!» — говорила я ему. Но тщетно — я не заставила его сделать ни шагу. Быть может, это было не так, мистер Морланд? Мужчины — такой ленивый народ! Вам, Кэтрин, даже не поверится, как я его отчитывала. Знаете, я не церемонюсь в подобных случаях.

— Взгляните на молодую леди с белой диадемой на голове, — прошептала Кэтрин, отводя подругу от Джеймса. — Это сестра мистера Тилни.

— Боже! Не может быть! Дайте же мне как следует ее рассмотреть. Что за прелестная особа — в жизни не видела подобной красавицы! Но где же ее неотразимый братец? Здесь, в этом зале? Покажите мне его сейчас же — я умираю от нетерпения! Мистер Морланд, пожалуйста, не прислушивайтесь. Мы говорим не о вас.

— О чем же вы шепчетесь? Чтонибудь случилось?

— Ну вот, этого я и ожидала. Мужчины так любопытны! А еще говорят о любопытстве женщин! Какой вздор. Но удовлетворитесь тем, что вас сие не касается.

— Вы думаете, меня это может удовлетворить?

— Нет, я положительно ничего подобного не встречала! Скажите, какое вам дело, о чем мы здесь разговариваем? Если бы речь шла о вас, я бы вам не советовала подслушивать. Как бы вам не пришлось услышать нечто не слишком приятное.

В этой пустой, продолжавшейся довольно долго болтовне первоначальная тема была начисто забыта. И хотя Кэтрин была рада на какое то время ее оставить, у нее не могло не возникнуть подозрения, насколько ее подруга действительно хочет увидеть мистера Тилни.

Когда оркестр заиграл снова, Джеймс попытался увести свою прелестную даму, но она этому решительно сопротивлялась.

— Поверьте, мистер Морланд, я на это не соглашусь ни за какие блага на свете. Вы совершенно несносны. Только подумайте, Кэтрин, дорогая, до чего дошел ваш любезный братец. Он хочет, чтобы я с ним танцевала второй раз. Ведь я ему растолковала, насколько это неприлично и противно

всем правилам. Если мы не сменим партнеров, мы станем притчей во языцех.

— Честное слово, — сказал Джеймс, — на подобных общественных балах можно танцевать с одним и тем же партнером, а можно и с разными.

— И вы способны утверждать такой вздор? Но уж коли мужчина что либо вобьет себе в голову, ему хоть кол на голове теши. Кэтрин, дорогая, заступитесь хоть вы за меня — объясните вашему братцу, что это просто невозможно. Скажите, что, если я ему уступлю, вы будете недовольны. Вас ведь это в самом деле расстроит, не правда ли?

— Нет, почему же? Но если вам кажется, что этого делать не следует, танцуйте с другим.

— Вот, — вскричала Изабелла, — вы слышали, что сказала ваша сестра? И вы еще смеете стоять на своем? Что ж, запомните, если из за нас старухи в Бате поднимут переполох, я ни при чем. Кэтрин, любовь моя, ради самого неба, идемте танцевать с нами!

С этими словами она и мистер Морланд отправились к своей прежней партии. Между тем Торп куда то ушел. И Кэтрин, все время мечтавшая дать мистеру Тилни возможность повторить столь приятное для нее приглашение, которым он удостоил ее в начале вечера, стала торопливо пробираться к миссис Аллен и миссис Торп, надеясь еще застать его около них. Увы, разочаровавшись в этой надежде, она поняла ее беспочвенность.

— Ну как, моя дорогая, — сказала миссис Торп, которой не терпелось услышать хвалебный отзыв о своем сыне, надеюсь, вы были довольны вашим партнером?

— Вполне довольна, сударыня.

— Очень этому рада. У Джона чудесный характер, не правда ли?

— Дорогая моя, вы видели мистера Тилни? — спросила миссис Аллен.

— Нет. Где же он?

— Сию минуту от нас отошел. Ему, по его словам, так надоело стоять среди зрителей, что он решил потанцевать. Я думаю, он бы пригласил вас, если бы вы с ним встретились.

— Куда же он мог пойти? — спросила Кэтрин, осматриваясь по сторонам.

Без большого труда она отыскала глазами мистера Тилни, сопровождавшего молодую леди в сторону танцующих.

— Ах, он таки нашел себе даму. Жаль, что он не пригласил вас, дорогая! — Сказав это, миссис Аллен после

**Герцог и герцогиня Камберленд.
С картины Т. Гейнсборо, ок. 1785—1788 гг.**

некоторого молчания добавила: — Он такой славный молодой человек!

— Вы, разумеется, правы, — с довольной улыбкой подтвердила миссис Торп. — Я не могу этого не признать, хотя и прихожусь ему матерью. Самый славный молодой человек на земле!

Эти слова, сказанные невпопад, могли бы у многих вызвать недоумение. Однако они нисколько не озадачили миссис Аллен, которая после краткого раздумья шепнула на ухо Кэтрин:

— Она, видно, считает, что я говорила о ее сыне.

Кэтрин была разочарована и расстроена. То, о чем она так мечтала, ускользнуло у нее прямо из рук. Находясь в таком расположении духа, она отнюдь не была склонна

особенно любезно ответить на обращение вернувшегося вскоре Джона Торпа:

— Что ж, мисс Морланд, не поплясать ли нам с вами еще?

— О нет, премного вам благодарна. Два наших танца уже кончились. К тому же я устала и больше танцевать не хочу.

— Не хотите? Ну так давайте пройдемтесь и посмеемся над публикой. Я покажу вам четыре самые нелепые фигуры на этом балу: моих сестриц и их кавалеров. Я потешался над ними битых полчаса.

Кэтрин еще раз ответила отказом, и в конце концов ему пришлось продолжать свои развлечения в одиночестве. Остаток вечера показался Кэтрин особенно скучным. Мистер Тилни, обязанный заботиться о своей даме, не мог за чаем присоединиться к их компании. Мисс Тилни, хоть и оставалась с ними, сидела от нее вдалеке. А Изабелла была настолько увлечена разговором с Джеймсом, что не могла уделить подруге ничего, кроме одного восклицания: «Кэтрин, любовь моя», одного пожатия руки и одной улыбки.

ГЛАВА IX

В заключение Кэтрин в этот вечер продолжились следующим образом. Прежде всего у нее возникло отвращение ко всем окружающим, следствием чего явилась ранняя усталость и желание как можно скорее вернуться домой. Желание это по возвращении на Палтни стрит перешло в волчий аппетит, который, после того как она его утолила, уступил место непреодолимой сонливости. Этим была достигнута высшая точка ее неблагополучия, после чего она незамедлительно погрузилась в глубокий сон, продолжавшийся девять часов и настолько укрепивший ее душевные силы, что она пробудилась от него в прекрасном настроении и полная свежих планов и надежд. Больше всего ей хотелось продолжить знакомство с мисс Тилни, и первым делом она решила встретиться с ней в середине дня в Галерее. Мисс Тилни, как и все, кто только что прибыл в Бат, несомненно, должна была там появиться. А это помещение уже зарекомендовало себя в глазах Кэтрин таким удобным местом для раскрытия совершенств женской души и для укрепления женской

дружбы и так подходило для задушевных бесед и возникновения безграничного доверия, что наша героиня вполне резонно надеялась приобрести в его стенах еще одну близкую подругу. Чем будет занят ее день; было, таким образом, определено. И после завтрака она спокойно уселась за чтение, решив, пока не пробьет час дня, не отрываться от книги и не прислушиваться, как обычно, к рассуждениям и возгласам миссис Аллен, которая из за недостатка интереса к чему либо и от непривычки о чем то думать хоть не была говорливой, но и молчать толком не умела, так что терялась ли у нее при шитье иголка или рвалась нитка, проезжала ли мимо дома карета или обнаруживалось пятно на платье, — все это оказывалось поводом для ее замечаний, независимо от того, был ли ктонибудь расположен на них ответить или до них никому не было дела. Около половины первого необычно громкий шум на улице заставил миссис Аллен броситься к окну. И не успела она сообщить Кэтрин, что у крыльца остановились два открытых экипажа — передний пустой, с одним только слугой, а задний с мистером Морландом и мисс Торп, — как по лестнице взбежал Джон Торп и громогласно представился:

— А вот и я! Небось заждались, мисс Морланд? Никак раньше не могли выбраться. Старый хрыч каретник целую вечность подбирал какую то затычку. А когда выехали, она опять треснула. Как поживаете, миссис Аллен? Недурно вчера повеселились, а? Поторапливайтесь, мисс Морланд, остальным там уже невмоготу. Прямо рвутся в дорогу.

— Что это значит? Куда вы собрались?

— Собрались?! Ничего себе. Да вы что, забыли наш уговор? Разве у нас не было решено насчет прогулки? Что же у вас за голова? Держим курс на Клавертон Даун!

— Что то об этом, кажется, было сказано, — ответила Кэтрин, бросив умоляющий взгляд на миссис Аллен. — Но, говоря по правде, я вас не ждала!

— Не ждали? Вот это мило! А чем бы вы тут занимались, если бы я не приехал?

Молчаливый призыв Кэтрин о помощи не нашел со стороны миссис Аллен никакой поддержки, ибо последняя, не умея чтонибудь выражать собственным взглядом, даже не подозревала о возможности подобного способа передачи мыслей кем то другим. И поскольку желание Кэтрин снова встретиться с мисс Тилни допускало ради этой прогулки небольшую отсрочку, а катанье с мистером Торпом, при условии, что Изабелла ехала с Джеймсом, не каза

лось предосудительным, ей оставалось только просто спросить:

— Как вы думаете, миссис Аллен, вы бы могли обойтись без меня час или два? Можно мне поехать?

— Поступайте, как вам больше хочется, моя дорогая, — сказала миссис Аллен вполне равнодушно.

Кэтрин последовала этому совету и пошла одеваться. Она вернулась очень скоро, едва позволив оставшимся обменяться одобрительными замечаниями по ее адресу, после того как Торп добился от миссис Аллен признания достоинств своего кабриолета. И, попрощавшись с этой дамой, молодые люди поспешили на улицу.

— Любовь моя, — воскликнула Изабелла, к которой по долгу дружбы Кэтрин должна была подбежать прежде, чем сесть в свой экипаж, — вы собирались не меньше трех часов! Я даже встревожилась — уж не заболели ли вы? Какой чудесный был вчера бал! Мне нужно вам сказать тысячу вещей. Скорее, скорее садитесь. Сил нет, как хочется ехать.

Кэтрин послушалась и пошла к другому экипажу, но не настолько быстро, чтобы не услышать слов, сказанных Изабеллой Джеймсу:

— Какая же она прелесть! Я ее просто обожаю!

— Вы только, мисс Морланд, не пугайтесь, — сказал Торп, подсаживая ее в кабриолет, — если лошадь, прежде чем тронуться с места, немного побалуется. Она может разок другой рвануть, потом постоит минуту, а уж затем почует хозяйскую руку. Что поделаешь — озорная лошадка, любит подурить, хотя и без злобы.

Кэтрин эта характеристика не показалась слишком обнадеживающей. Но отступать было поздно — для того, чтобы признаться в собственной робости, она была еще слишком юной. Поэтому, доверясь судьбе и понадеявшись на хваленую преданность животного своему хозяину, она покорно села в экипаж, глядя, как Торп устраивается с ней рядом. Когда все было наконец готово, слуге, стоявшему подле лошадиной головы, было громко сказано: «Отпускай!», после чего они тишайшим образом без малейшего рывка, толчка или чего либо подобного тронулись в путь. Обрадованная этим счастливым обстоятельством Кэтрин с веселым изумлением выразила свое удовольствие. И ее спутник тут же растолковал ей, что все попросту объясняется особым его умением придерживать вожжи и необыкновенными ловкостью и чутьем, с которыми он пользуется кнутом. Хотя Кэтрин не могла по

нять, зачем при таком мастерском управлении лошадью ему понадобилось пугать спутницу нравом животного, она все же искренне поздравила себя с тем, что находится под покровительством столь опытного возницы. И, заметив, что лошадь продолжает двигаться в той же спокойной манере, вовсе не пытаясь проявлять опасную резвость (при положенных ей десяти милях в час), Кэтрин почувствовала себя в полной безопасности и всей душой наслаждалась прогулкой и ласкающей свежестью прекрасного февральского дня. Вслед за коротким разговором несколько минут прошли в молчании, после чего Торп внезапно спросил:

— Небось старый Аллен богат, как жид?

Кэтрин его не поняла, и он повторил вопрос, добавив для пояснения:

— Старикан Аллен, у которого вы живете.

— Вы имеете в виду мистера Аллена? Да, мне кажется, он очень богат.

— И у него нет никаких детей?

— Нет, никаких.

— Неплохо для его любимчиков. Он что же — ваш крестный?

— Крестный? Вовсе нет.

— Вы ведь живете с ними.

— Да, конечно.

— Про то я и говорю. Славный старикан — верно, в свои годы неплохо пожил. Не зря заработал подагру, а? Он и сейчас каждый день выпивает по бутылочке?

— По бутылочке? О нет. Откуда вы взяли? Это очень умеренный человек. Неужели вам показалось, что он вчера был навеселе?

— Бог с вами! У женщин каждый мужчина навеселе. Не думаете ли вы, что человека можно свалить одной бутылкой? Я убежден в одном: если бы каждый выпивал в день по бутылке, в мире не было бы и половины теперешних безобразий. Тогда бы все зажили как надо.

— Что то не верится.

— Черт побери, это спасло бы массу народа. В королевстве не выпивают и сотой доли того, что следует. С туманами иначе не сладишь.

— А мне говорили, что в Оксфорде пьют *слишком* много.

— В Оксфорде? Да в Оксфорде теперь вовсе не пьют, поверьте. Никто не пьет. Вы едва ли встретите там человека, способного больше чем на четыре пинты. Когда у меня собрались в последний раз, все удивлялись, что у нас вышло по пяти пинт на брата. Смотрели на это, как на что то диковинное. В моем доме, в самом деле, есть что выпить — это в Оксфорде найдешь не всюду, — чего же тут удивляться. Вот и судите, как там в общем обстоит с выпивкой.

— Да, по этому вполне можно судить, — возмущенно ответила Кэтрин. — Оказывается, вы выпиваете много больше вина, чем я предполагала. Но я уверена, что Джеймс пьет гораздо меньше.

Ее утверждение было встречено такими громогласными словоизлияниями, — в которых ничего нельзя было разобрать, кроме множества сдаб्रивавших их клятвенных

заверений, — что Кэтрин еще сильнее укрепилась в своем мнении о чрезмерности оксфордских возлияний и счастливой вере в сравнительную воздержанность ее брата.

После этого мысли Торпа сосредоточились на достоинствах его выезда, и он призвал Кэтрин оценить живость и легкость, с которой бежала его лошадь, а также плавный ход кабриолета, обязанный мерной поступи животного и высокому качеству рессор. Кэтрин соглашалась со всеми выражениями его восхищения как только могла. Ни ослабить их, ни усилить было невозможно: его осведомленность и ее невежество в подобных вопросах, его убежденность и ее неуверенность в себе полностью это исключали. Она не могла высказать ни одного собственного суждения, но с готовностью признавала все, что бы он ни утверждал, и в конце концов они без труда пришли к обоюдному заключению, что его выезд по всем статьям самый лучший выезд подобного рода в Англии, поскольку кабриолет у него — лучшего устройства, лошадь — лучшая по скорости бега, а сам он — лучший возница.

— Но, говоря по правде, — произнесла Кэтрин, решившись наконец слегка переменить тему, так как полагала прежнюю вполне исчерпанной, — вы же не думаете, что кабриолет Джеймса такой уж непрочный?

— Непрочный? Черт возьми! Вы еще когданибудь видели такую шаткую штуковину? В нем нет ни одного живого места. Колеса начисто износились лет десять назад, не говоря уже обо всем остальном. Клянусь честью, его только тронь, и он рассыплется на куски. Это самое хлипкое сооружение, которое мне только приходилось встречать. Слава богу, у нас с вами кое что получше. В их драндулете я бы не рискнул и двух миль проехать, дайте мне хоть пятьдесят тысяч фунтов.

— Боже правый! — воскликнула напуганная Кэтрин. — В таком случае, я вас умоляю, вернемтесь в Бат. Если мы поедem дальше, с ними непременно случится несчастье. Пожалуйста, вернемтесь, мистер Торп. Остановитесь и объясните брату, какая им грозит опасность.

— Опасность? Какого черта! Подумаешь, важное дело. Просто они вывалятся, когда он под ними рассыплется. Грязи здесь хватит — шлепнутся в свое удовольствие... Клянусь дьяволом, всякий экипаж надежен, если только уметь им управлять. В хороших руках эта вещь еще проживет лет двадцать, пока не износится до конца. Да что там! За пять фунтов я бы на нем съездил в Йорк и обратно, не потеряв ни гвоздя.

Кэтрин слушала его с изумлением. Она никак не могла взять в толк, каким образом можно совместить столь противоположные суждения об одном и том же предмете: полученное ею воспитание не научило ее, до чего может дойти безудержная болтовня и какие пустые утверждения и бесстыдную лож рождает избыток тщеславия. В ее семье смотрели на вещи просто и не увлекались словесными изощрениями: отец вполне удовлетворялся какимнибудь каламбуром, а мать — пословицей. Поэтому они не привыкли лгать, чтобы прибавить себе значительности, и не позволяли себе утверждать в предыдущую минуту то, что пришлось бы оспаривать в последующую. В течение какого то времени она переживала растерянность и не один раз уже была готова просить мистера Торпа более ясно выразить его мнение по беспокоившему ее вопросу. Но, вспомнив, что он до сих пор не слишком проявлял склонность объяснять просто вещи, о которых перед тем выражался туманно, она сдержалась и успокоила свою тревогу, смекнув, что он не стал бы и впрямь подвергать друга и сестру опасности, от которой их легко было уберечь, а значит, вполне уверен в надежности их экипажа. Сам Торп, по видимому, обо всем этом тут же забыл, и их дальнейший разговор, или, вернее, его рассуждения, целиком относились к нему самому и к его собственным делам. Он рассказывал о лошадях, купленных им за бесценок и проданных за баснословные суммы, о скачках, на которых безошибочно предсказывал победителей, об охотничьих вылазках, на которых убивал больше дичи (не сделав ни одного приличного выстрела), чем все другие участники вместе взятые. Особенно подробно он описал необыкновенную лисью травлю, в которой его дальновидность и умение управляться с собаками загладили промах самого опытного охотника, а его бесстрашие в седле, хоть вовсе и не угрожавшее его собственной жизни, то и дело заставляло попадать впросак других, так что многие, как он хладнокровно выразился, свернули себе из за этого шею.

Как ни мало Кэтрин была подготовлена к самостоятельным выводам и какими бы неясными ни были ее понятия о мужском совершенстве, но, прислушиваясь к бесконечному бахвальству Торпа, она не могла отделаться от сомнения в безукоризненности этого человека. То была весьма смелая догадка, ибо он ведь был братом Изабеллы, и Джеймс заверял ее, что присущие Торпу особенности должны нравиться женскому полу. Но не

смотря на это, утомленная его обществом уже на первом часу прогулки и доведенная им под конец, когда они снова остановились на Палтни стрит, до полного изнеможения, Кэтрин была готова противостоять столь авторитетным свидетельствам и отнестись с некоторым недоверием к его способности нравиться всем людям без исключения.

Трудно описать недоумение Изабеллы, когда перед самым домом миссис Аллен она обнаружила, что уже слишком поздно для визита к подруге: «Как, уже больше трех часов? Но это же невероятно, непостижимо, невозможно!» Она не хотела верить ни собственным часам, ни часам ее брата или слуги. Она не могла согласиться ни с каким доводом, основанным на реальности и здравом смысле, покуда этого не подтвердил мистер Морланд, показав ей свои часы. После этого невероятным, непостижимым и невозможным было бы всякое сомнение. И ей оставалось только заявить, что никакие другие два с половиной часа в ее жизни не пролетали для нее так незаметно.

Ее подруга, ей казалось, должна была чувствовать то же самое. Но Кэтрин была неспособна ко лжи даже в стремлении угодить Изабелле. Впрочем, последняя не услышала возражений, так как не дождалась ответа: собственные переживания поглотили ее целиком. Особенно несчастной она себя чувствовала оттого, что вынуждена была немедленно возвращаться домой. Прошли века с тех пор, как она имела возможность перекинуться словом со своей обожаемой Кэтрин. Казалось, им больше не представится случай побыть друг с другом наедине, хотя ей необходимо сказать подруге тысячи вещей! И так, с улыбками по поводу величайшего несчастья и веселыми взглядами при выражении глубокого горя она попрощалась и уехала.

Кэтрин нашла миссис Аллен только что покончившей с хлопотливым утранным бездельем и встретившей ее словами:

— А вот вы и опять здесь, моя дорогая! — достоверность чего у Кэтрин не было ни причины, ни желания опровергнуть. — Надеюсь, вы получили удовольствие от прогулки?

— Большое спасибо, погода была вполне благоприятной.

— Миссис Торп думала то же самое. Она была очень довольна, что вы все поехали вместе.

— Вы видели миссис Торп?

— Когда вы уехали, я пошла в Галерею. Мы с ней встретились и приятно поболтали. Сегодня, по ее словам, на рынке было трудно купить телятину — ее привезли необычайно мало.

— Вы встретили когонибудь еще из знакомых?

— О да, мы свернули на Крессент и нашли там миссис Хьюз, которая гуляла с мистером и мисс Тилни.

— В самом деле! И вы с ними разговаривали?

— Конечно. Мы полчаса прогуливались вместе по Крессенту. Это весьма приятные люди. На мисс Тилни было муслиновое платье в крапинку. Насколько я могла заметить, она всегда одевается очень красиво. Миссис Хьюз много рассказывала про их семью.

— И что же она рассказала?

— Целую уйму всего. Кажется, ни о чем другом она и не говорила.

— Вы узнали, в какой части Глостершира они проживают?

— Да, конечно. Я только не могу сейчас припомнить. Они — люди очень достойные. И очень богатые. Миссис Тилни в девичество была мисс Драммонд. Они с миссис Хьюз были школьными подругами. И у мисс Драммонд было огромное состояние. А когда она вышла замуж, отец дал ей двадцать тысяч да еще прибавил пятьсот фунтов на свадебные наряды. Миссис Хьюз видела все ее платья, когда их привезли из магазина.

— Мистер и миссис Тилни тоже приехали в Бат?

— Кажется, да. Я не вполне уверена. Впрочем, если мне не изменяет память, они уже умерли, по крайней мере, мать. Да, конечно, миссис Тилни умерла — миссис Хьюз рассказывала про чудесный жемчужный гарнитур, подаренный мистером Драммондом дочери к свадьбе. После смерти матери он перешел к мисс Тилни.

— А мистер Тилни, который со мной танцевал, — единственный сын?

— Не могу судить с полной уверенностью, дорогая моя, но, кажется, да. Во всяком случае, миссис Хьюз говорит, что он очень приятный молодой человек, живущий на широкую ногу.

Больше Кэтрин ни о чем не расспрашивала. Она услышала достаточно, чтобы почувствовать, как мало стоящих сведений может здесь почерпнуть и как много она потеряла, упустив возможность встретиться с братом и сестрой Тилни. Если бы она эту возможность предвидела, ничто

не заставило бы ее предпринять прогулку в другой компании. Но раз уж так вышло, ей оставалось только жалеть о своем невезении и думать о том, что она потеряла,— думать до тех пор, пока ей не стало вполне ясно, что прогулка не принесла ей ни малейшего удовольствия и что Джон Торп — пренеприятнейший молодой человек.

ГЛАВА X

Вечером Аллены, Морланды и Торпы встретились в театре. Изабелла сидела рядом с Кэтрин и благодаря этому получила возможность поделиться с ней некоторыми из тех тысяч новостей, которые у нее накопились за время их бесконечной разлуки.

— Боже, Кэтрин, любовь моя, наконец то мы опять вместе! — воскликнула она, когда Кэтрин вошла в ложу и села в соседнее кресло. — Итак, мистер Морланд, — он сидел по другую сторону от нее, — до конца вечера вы от меня не услышите ни слова. Извольте на это не рассчитывать. Кэтрин, милочка, как прошла для вас эта вечность? Впрочем, мне незачем спрашивать, вы чудесно выглядите. Сегодня у вас еще более восхитительная прическа, чем обычно; ах вы, негодное создание, вам хочется покорить весь мир? Вы знаете, мой брат от вас без ума. А что до мистера Тилни — то ведь это дело решенное. При всей вашей скромности, теперь вы не можете сомневаться в его чувствах. Его возвращение в Бат достаточно их прояснило. Чего бы я ни дала, чтобы наконец на него посмотреть! В самом деле, я без ума от нетерпения. Мамаша утверждает, что это самый обаятельный молодой человек на свете. Вы знаете, она его утром видела. Познакомьте меня с ним, ради бога. Он в театре? Ради всего святого, посмотрите вокруг. Поверьте, пока я его не увижу, я просто не существую.

— Его что то не видно, — сказала Кэтрин. — Наверно, он не пришел.

— Это ужасно! Мне, наверное, не суждено с ним познакомиться. Вам понравилось мое платье? Как будто неплохо выглядит? Рукава я придумала совершенно сама. Вы знаете, мне так осточертел Бат! Мы с вашим братом утром решили, что хотя здесь и можно неделю другую

развлечься, но жить здесь постоянно мы бы не согласились ни за какие миллионы. Оказывается, мы оба предпочитаем сельскую жизнь. Наши взгляды в самом деле удивительно схожи — мы не нашли никакого различия. Мне бы не хотелось, чтобы вы при этом разговоре присутствовали. С вашей насмешливостью вы бы сказали по этому поводу бог весть что.

— Право, вы напрасно так думаете!

— Ах, я уверена. Я знаю вас лучше, чем вы себя. Вы бы сказали, что мы созданы друг для друга или какойнибудь вздор в этом роде, и расстроили бы меня до слез. Я бы покраснела, как ваши розы! Нет, я бы ни за что в мире не хотела, чтобы вы тогда были рядом.

— Вы ко мне несправедливы. Я не могла бы сделать столь неуместного предположения. Не говоря о том, что оно бы мне просто не пришло в голову.

Изабелла посмотрела на нее с недоверием и весь остальной вечер разговаривала только с Джеймсом.

Решимость встретиться с мисс Тилни проснулась в Кэтрин на следующее утро с новой силой, и до обычного часа посещения Галереи ее не покидала тревога, как бы этому не помешало какоенибудь новое обстоятельство. Но ничего не случилось, их не задержал ни один посетитель, и в надлежащее время она со своими спутниками отправилась в Галерею, где все шло по заведенному обычаю и велись обычные разговоры. Выпив стакан воды, мистер Аллен заговорил с какимто джентльменом о политике, сравнивая высказывания читаемых ими газет. А леди стали прогуливаться по залу, подмечая всякое новое лицо и почти всякую новую шляпку. Женская часть семьи Торп, сопровождаемая Джеймсом Морландом, появилась в толпе меньше чем через четверть часа, и Кэтрин тотчас же заняла обычное место подле своей подруги. Джеймс, который теперь всюду сопровождал Изабеллу, занял такое же место с другой стороны, и, отделившись от остальных, они какое то время прохаживались втроем, пока Кэтрин не усомнилась в удобстве своего положения, при котором она целиком была прикована к подруге и брату, не пользуясь ни малейшим ответным вниманием. Ее спутники были все время заняты чувствительными объяснениями или оживленными спорами, но выражали чувства таким тихим шепотом, а оживление — таким громким смехом, что, хотя каждый из них нередко просил у Кэтрин поддержки, она была к этому решительно неспособна, так как не разбирала в их разговоре ни слова.

В конце концов ей все же удалось от них отделаться, сказав, что ей необходимо поговорить с мисс Тилни, появлению которой в обществе миссис Хьюз она очень обрадовалась. И она подошла к молодой леди с той решимостью поближе с ней познакомиться, какой вряд ли могла бы набраться, не подтолкну ее вчерашняя неудача. Мисс Тилни встретила с ней очень приветливо, ответив на все ее дружественные обращения с равным доброжелательством, и они разговаривали до тех пор, пока вся компания не покинула Галерею. И хотя, по всей вероятности, ни та, ни другая девица не сделала ни одного наблюдения и не произнесла ни одной фразы, которые бы не говорились под этой крышей тысячи раз на протяжении каждого сезона, все же простота, безыскусственность и искренность сказанного были в данном случае несколько необычными.

— Как хорошо танцует ваш брат! — наивно воскликнула под конец Кэтрин, одновременно удивив и порадовав этим свою собеседницу.

— Вы говорите о Генри? — ответила та с улыбкой. — О да, он танцует неплохо.

— Ему, наверно, показалось странным, когда я в тот вечер ответила ему, что уже приглашена танцевать, хотя сидела среди зрителей. Но меня в самом деле еще с утра пригласил мистер Торп. — Мисс Тилни смогла в ответ только кивнуть. — Вы не можете себе представить, — добавила Кэтрин после минутного раздумья, — как я была удивлена, снова его увидев. Я не сомневалась, что он совсем уехал из Бата.

— Когда Генри имел удовольствие видеть вас в первый раз, он приезжал в Бат всего на один два дня, чтобы снять для нас помещение.

— Это не приходило мне в голову. И конечно, нигде его не видя, я решила, что он уехал. Не правда ли, молодую леди, с которой он танцевал в понедельник, звали мисс Смит?

— Да, это знакомая миссис Хьюз.

— Кажется, она была рада потанцевать. Вы находите ее хорошенькой?

— Как вам сказать...

— А он, наверно, никогда не заходит в Галерею?

— Нет, почему же? Но сегодня они с отцом отправились на верховую прогулку.

В это время к ним подошла миссис Хьюз и спросила у мисс Тилни, собирается ли она уходить.

— Надеюсь иметь удовольствие видеть вас скоро еще раз, — сказала Кэтрин. — Вы будете завтра на котильонном балу?

— Думаю, что мы... Конечно, мы там будем, почти наверно.

— Очень приятно, мы тоже туда придем.

Эта любезность была должным образом возвращена, после чего они расстались, причем мисс Тилни вынесла из разговора некоторое представление о чувствах своей новой знакомой, а Кэтрин — полную уверенность в том, что она их нисколько не обнаружила.

Возвращаясь домой, она была счастлива. Утро целиком ответило ее ожиданиям, а с завтрашним вечером связывались надежды на новые радости. Главной ее заботой сделался теперь выбор платья и прически для предстоящего бала. Увы, в этом она не заслуживала оправдания. Одежда — это суета сует, и чрезмерное к ней внимание нередко производит обратное действие. Кэтрин могла прочно усвоить эту истину — ее двоюродная бабушка сделала ей соответствующее наставление только в прошлое рождество. И все же, лежа в постели в среду ночью, она не засыпала целых десять минут, не зная, какому платью отдать предпочтение — вышитому или в крапинку, — и только недостаток времени помешал ей заказать для бала новый наряд. Она совершила бы при этом небольшую, хотя и весьма распространенную ошибку, предостереечь от которой с большим успехом ее мог бы представитель другого пола, нежели собственного, скорее брат, нежели двоюродная бабушка, ибо только мужчине известно, насколько мужчины нечувствительны к новым нарядам. Многие леди были бы уязвлены в своих чувствах, если бы поняли, насколько мужское сердце невосприимчиво ко всему новому и дорогому в их убранстве, как мало на него действует дороговизна ткани и в какой мере оно равнодушно к крапинкам или полоскам на кисее или муслине. Женщина наряжается только для собственного удовольствия. Никакой мужчина благодаря этому не станет ею больше восхищаться, и никакая женщина не почувствует к ней большего расположения. Опрятность и изящество вполне устраивают первого, а некоторая небрежность и беспорядок в туалете особенно радуют последнюю. Но ни один из этих основательных доводов не нарушал, однако, душевного спокойствия нашей героини.

В четверг она вошла в бальный зал, полная чувств, разительно непохожих на те, которые переживала, входя

в него в понедельник. Тогда она была счастлива тем, что ее пригласил танцевать мистер Торп. Сейчас ей больше всего хотелось не попасться ему на глаза, чтобы не оказаться снова им приглашенной. Ибо хоть она и не могла, не смела надеяться, что мистер Тилни пригласит ее в третий раз, ее надежды, желанья и планы были сосредоточены только на этом и ни на чем другом. Всякая молодая девица легко представит себе чувства моей героини в эту ответственную минуту, поскольку всякая молодая девица в ту или иную пору переживала нечто подобное. Каждой приходилось, или, по крайней мере, якобы приходилось, избегать ухаживаний того, от кого ей хотелось отделаться, и каждая стремилась привлечь внимание того, кому ей хотелось понравиться. И как только Торпы присоединились к их компании, страдания Кэтрин начались. Она трепетала, когда Джон Торп приближался, пряталась от него, сколько могла, и делала вид, что не слышит, когда он с ней заговаривал. Котильоны кончились, начался контрданс, а Тилни не показывались.

— Пожалуйста, не пугайтесь, моя дорогая, — прошептала ей Изабелла. — Но я в самом деле собираюсь снова танцевать с вашим братом. Конечно, я понимаю, насколько это ужасно. Я уже сказала мистеру Морланду, что ему следует этого стыдиться. Но вы с Джоном можете облегчить наше положение. Поторопитесь, любовь моя, и присоединяйтесь к нам. Джон только что отошел и через минуту вернется.

У Кэтрин не было ни желания, ни времени ей ответить. Парочка удалилась. Джон Торп находился неподалеку, и она было совсем пала духом. Чтобы не создавать впечатления, что она его поджидает или высматривает, Кэтрин уставилась глазами в свой веер. И, упрекнув себя в глупости, которая позволила ей надеяться встретить в такой толпе, да еще так скоро, мистера Тилни, она вдруг обнаружила, что к ней обращается он сам, вновь приглашая ее на танец. Нетрудно себе представить, с какими сверкающими глазами и выражением готовности она приняла его приглашение, с каким сердечным трепетом шла с ним по залу, чтобы присоединиться к танцующим. Ускользнуть из под самого носа Джона Торпа и быть приглашенной — с места в карьер — мистером Тилни, как будто он ее нарочно разыскивал! Казалось, судьба не могла принести ей большего счастья. Едва только они нашли место среди танцующих пар, ее внимание было отвлечено Джоном Торпом, который появился у нее за спиной.

— Ба, мисс Морланд! Что это значит? Мне думалось, мы будем танцевать вместе?

— Странно, что вам это пришло в голову. Вы меня не приглашали.

— Вот так здорово, черт побери! Я пригласил вас, как только сюда вошел. И уже собирался вести вас на танец — поворачиваюсь, а вы пропали. Это шутка дурного тона. Я и пришел то на бал затем, чтобы с вами танцевать. Мы условились еще в понедельник, я помню. Как же — я пригласил вас, когда вы ждали в гардеробной. И я уже всем здесь похвастался, что танцую с самой красивой девчонкой на этом балу. Когда увидят, что с вами другой кавалер, меня поднимут на смех.

— О нет, никто и не подумает, что вы говорили обо мне.

— Клянусь, если кто то так не подумает, я этого дурака выброшу за дверь! Что это с вами за молодежь?

Кэтрин удовлетворила его любопытство.

— Тилни? Гм. Не знаю такого. Кавалер хоть куда. Он вам как раз под стать. А лошадь ему не нужна? Тут у моего дружка Сэма Флетчера есть одна на продажу — угодит кому угодно. Дьявольски умна в упряжке — всего лишь за сорок гиней. Я не раз уже решал ее взять — такое у меня правило: покупать любую добрую лошадь, какую увижу. Но мне она не годится — она не для охоты. За настоящую охотничью лошадь я бы отдал любые деньги. Сейчас у меня их три — самых лучших, какие только ходили под седлом. Я бы их не продал и за восемьсот гиней. К будущему сезону мы с Флетчером надумали купить дом в Лестершире. Чертовски неудобно останавливаться в гостинице!

После этой фразы ему уже больше не пришлось злоупотреблять вниманием Кэтрин, так как его неодолимо оттеснила от нее длинная вереница молодых леди. Мистер Тилни подошел к ней поближе, сказав:

— Этот джентльмен вывел бы меня из терпения, если бы задержался возле вас еще хоть на полминуты. Какое у него право отвлекать от меня внимание моей дамы? Мы с вами заключили договор, что этим вечером будем доставлять друг другу как можно больше приятного, и все приятное, чем каждый из нас располагает, принадлежит на это время его партнеру. Никто не смеет отвлекать внимание одной из сторон договора, так как этим он наносит ущерб другой стороне. Контрданс, по моему, — подобие брака. В том и другом главные достоинства челове

ка — взаимные верность и обязательность. И мужчинам, которые предпочитают не жениться или не танцевать, не может быть дела до жен или дам их соседей.

— Но это такие разные вещи!

— По вашему, их нельзя сравнивать?

— Разумеется, нет. Те, кто женятся, не могут разойтись и обязаны вести общее хозяйство. А те, кто танцуют, только находятся в большом зале друг против друга, проводя вместе лишь полчаса.

— Вот, оказывается, каково ваше представление о браке и о танцах! Если смотреть на это таким образом, сходства как будто немного. Но, мне кажется, на них можно взглянуть и по другому. Вы согласны, что в обоих

случаях мужчина вправе выбирать, а женщина — только отказывать? Оба случая представляют собой соглашение между мужчиной и женщиной, заключенное для взаимной пользы. Раз в него вступив, до истечения срока они принадлежат только друг другу. В каждом случае долгом обоих является не давать повода партнеру желать другого устройства своей судьбы, а главной заботой — не позволять воображению отвлекаться на достоинства посторонних, представляя, что эта судьба могла бы сложиться более благоприятно. Вы согласны со всем этим?

— Конечно, когда вы так рассуждаете, это выглядит убедительно. И все же разница между двумя вещами очень велика. Их даже рядом нельзя поставить — ведь они налагают совсем разные обязательства.

— В одном отношении есть, конечно, отличие. В браке мужчина доставляет средства существования женщине, а женщина хлопочет о домашних радостях для мужчины. Его дело — добывать, ее — улыбаться. В танцах же обязанности распределяются обратным образом. Радовать, угождать должен он. А она — заботиться о веере и лавандовой воде. Должно быть, именно это отличие в распределении обязанностей привлекло ваше внимание и заслонило основное сходство.

— Вовсе нет, я об этом даже не думала.

— В таком случае я просто теряюсь. Но об одном я все же должен сказать. Ваши взгляды меня тревожат. Вы совершенно отрицаете сходство названных обязательств. Уж не следует ли отсюда, что вы смотрите на долг партнера по танцам не так строго, как того мог бы желать ваш кавалер? Не должен ли я бояться, что, стоит тому джентльмену, с которым вы только что беседовали, вернуться, — или еще какому нибудь другому к вам обратиться, — и вам ничто не помешает разговаривать с ним так долго, как только заблагорассудится?

— Мистер Торп настолько близкий друг моего брата, что, если он заговорит со мной снова, мне опять придется ему ответить. Но, кроме него, я знаю в этом зале не более трех молодых людей.

— И вся моя безопасность зиждется только на этом? Увы, увы!

— Что ж, мне кажется, это обеспечивает ее наиболее надежно. Если я никого больше не знаю, мне не с кем здесь разговаривать. К тому же мне и не хочется говорить с кем нибудь, кроме вас.

— Вот теперь я получил более стоящее обеспечение, которое придает мне храбрости для дальнейшего. Находите ли вы Бат столь же приятным городом, каким он вам казался, когда я впервые имел честь с вами беседовать?

— О да. Пожалуй, даже более приятным.

— Гм, более приятным? Но будьте осторожны — иначе вы забудете, что в положенное время он обязан вам надоесть. Это должно произойти через шесть недель после приезда.

— Не думаю, что он мне надоест, даже если бы мне пришлось провести здесь шесть месяцев.

— В Бате по сравнению с Лондоном меньше разнообразия, — такое открытие делается здесь всеми ежегодно. «Я допускаю, шесть недель в Бате можно провести довольно сносно; но дальше он становится скучнейшим местом на свете!» — вам это будут говорить люди любого звания, приезжающие сюда каждую зиму, растягивающие здесь свои шесть недель до десяти или двенадцати и покидающие Бат только потому, что не могут себе позволить остаться здесь дольше.

— Ну что ж, пусть другие говорят что хотят. Для тех, кто бывает в Лондоне, Бат может быть малоинтересен. Но люди, подобные мне, живущие в глубокой провинции, в маленькой деревушке, не обнаружат в нем меньше разнообразия, чем у себя дома. Здесь столько развлечений, столько можно увидеть и сделать за день, — не то что у нас.

— Вы не очень любите сельскую жизнь?

— О нет, люблю. Я провела все детство в глуши и всегда была очень счастлива. Но, конечно, в деревенской жизни гораздо меньше разнообразия, чем в здешней. Все дни там похожи один на другой.

— Зато время тратится там гораздо разумнее, чем в городе, не так ли?

— Вы думаете?

— А разве нет?

— Я не заметила существенной разницы.

— Здесь вы целый день ищете развлечений.

— Так же, как и дома. Только там я реже их нахожу. И там и здесь я совершаю прогулку. Но здесь на каждой улице я могу встретить самых разных людей, а там — всего лишь навестить миссис Аллен.

Мистер Тилни был в восторге.

— Всего лишь навестить миссис Аллен? Какая узость горизонта! Однако, когда вы снова канете в эту бездну,

вам все же будет о чем вспоминать. Вы сможете рассказывать о Бате и обо всем, что здесь пережили.

— Да, конечно. У меня никогда не будет недостатка в темах для разговора с миссис Аллен или с кем то еще. Наверно, дома я в самом деле буду постоянно рассказывать о Бате — так он мне понравился. Если бы только папа и мама, а также все остальные оказались здесь, я чувствовала бы себя вполне счастливой. Я так была рада, когда приехал Джеймс (это мой старший брат). К тому же оказалось, что семья, с которой мы только что подружились, с ним уже близко знакома. Нет, разве Бат может комунибудь надоесть?

— Во всяком случае, это не грозит тем, кто приезжает сюда с таким, как у Вас, свежим восприятием окружающего. Но большинство здешних завсегдатаев уже давно оторвались от папы и мамы, а также от старших братьев. И вместе с ними утратили непосредственное восприятие радости от балов, спектаклей и того, что встречается на каждом шагу.

На этом беседа прервалась. Танец потребовал усиленного внимания, и им уже нельзя было отвлекаться на что либо другое.

Вскоре после того, как они приблизились к дальней стороне зала, Кэтрин почувствовала на себе пристальный взгляд джентльмена, стоявшего среди зрителей, в непосредственной близости от ее кавалера. Это был весьма внушительного вида мужчина с военной выправкой, переваливший пору расцвета, но еще в соку. И она заметила, как этот человек, не сводя с нее глаз, что то запросто шепнул мистеру Тилни. Смущенная вниманием джентльмена и краснея оттого, что оно могло быть вызвано каким нибудь беспорядком в ее туалете, она отвернула голову. Но в это время джентльмен отошел, а ее кавалер приблизился к ней, сказав:

— Я вижу, вы пытаетесь угадать, о чем меня только что спрашивали. Этот джентльмен знает, как вас зовут, и вы вправе узнать, кто он такой. Это генерал Тилни, мой отец.

Кэтрин могла произнести только «А», но это «А» выразило все надлежащие чувства — внимание к сказанному и доверие к собеседнику. Она следила теперь взглядом за пробиравшимся сквозь толпу генералом с подлинным интересом и искренним восхищением. «Какая красивая семья!» — заметила она про себя.

Новым источником радости для нее была беседа с мисс Тилни, продолжавшаяся до окончания бала. Со времени

приезда в Бат Кэтрин еще ни разу не выбиралась на пешую загородную прогулку. Мисс Тилни, знакомая здесь со всеми обычно посещаемыми местами, рассказывала о них так, что у ее слушательницы возникло страстное желание увидеть все собственными глазами. И когда она прямо высказала опасение, что ей трудно будет найти себе спутника, брат и сестра предложили ей какнибудь утром отправиться на прогулку вместе с ними.

— Это бы доставило мне самое большое удовольствие! — воскликнула Кэтрин. — Давайте не откладывать — пойдемте завтра.

Предложение было охотно принято, с одной только оговоркой со стороны мисс Тилни — относительно дождя, — хотя его, по мнению Кэтрин, никак не следовало ожидать. К двенадцати часам они должны были зайти за ней на Палтни стрит. «Так помните, завтра в двенадцать!» — сказала Кэтрин, прощаясь со своей подругой. Другой, более давней, более заслуженной подруги, — Изабеллы, — преданностью и достоинствами которой она так гордилась в течение двух предшествовавших недель, она за весь вечер почти не видела. Ей очень хотелось поделиться с ней своим счастьем, но она охотно согласилась с миссис Аллен рано покинуть бал. И на обратном пути сердце ее подпрыгивало в груди от счастья, как сама она подпрыгивала на подушках кареты.

ГЛАВА XI

ледующий день начался с очень тусклого утра, в течение которого солнце лишь раз попыталось пробиться сквозь облака. Из этого Кэтрин сделала вывод, что все для ее планов складывается как нельзя лучше. В столь раннюю пору года солнечное утро, по ее понятиям, чаще всего оборачивалось дождливым днем, тогда как хмурый рассвет предвещал позднейшее прояснение. Она попросила мистера Аллена подтвердить ее предположения, но тот, лишенный возможности распоряжаться небесными явлениями и не имея при себе барометра, отказался нести ответственность за погоду. Тогда Кэтрин обратилась к миссис Аллен. Ответ этой леди казался более благоприятным: она, мол, нисколько не сомневается, что день будет ясным, если только тучи рассеются и выглянет солнце.

Около одиннадцати часов, однако, настороженный взгляд Кэтрин заметил на оконном стекле несколько капель дождя, вызвавших ее печальное восклицание:

— Боже мой, кажется, начинается дождь!

— Я так и думала,— сказала миссис Аллен.

— Значит, мы никуда не пойдем — сказала Кэтрин со вздохом.— Но, быть может, его пронесет стороной или он к двенадцати часам кончится?

— Может, и так, дорогая. Только после дождя будет ужасно грязно.

— Ну, это пустяки. Грязь меня не испугает.

— Да,— безразлично сказала миссис Аллен,— я знаю. Вас грязь не испугает.

Немного погодя Кэтрин, которая вела наблюдение из окна, заметила:

— Дождик усиливается.

— В самом деле, усиливается. Если он продолжится, земля станет совсем мокрой.

— Уже видно четыре зонтика. До чего я их ненавижу!

— Их неудобно таскать с собой. Я всегда предпочитаю карету.

— А ведь утро казалось таким благоприятным! Я была уверена, что будет сухо.

— Все в этом были уверены, дорогая. Но если дождь не кончится, в Галерее будет мало народа. Надеюсь, мистер Аллен наденет перед уходом плащ. Боюсь, однако, он этого не сделает,— он ведь способен на что угодно, только бы не носить плаща. Странно, почему мистер Аллен его не любит, в нем ему так хорошо!

Дождь продолжался, частый, но мелкий. Каждые пять минут Кэтрин подбегала к часам, объявляя по возвращении, что, если в следующие пять минут он не прекратится, она потеряет всякую надежду. Пробило двенадцать, а лить не переставало.

— Вы не сможете пойти, моя дорогая.

— Я все еще немного надеюсь. Подожду до четверти первого. В это время обычно проясняется, мне кажется, небо чуть чуть посветлело. Уже двадцать минут первого, больше ждать нечего. Ах, если бы у нас установилась погода, какая стояла в Удольфо или, по крайней мере, в Тоскане, или, скажем, на юге Франции! В ночь, когда умер бедняга Сент Обен. О такой погоде можно только мечтать!

В половине первого, когда Кэтрин утратила к погоде всякий интерес и уже не видела смысла в ее улучшении,

небо начало само собой проясняться. Выглянувшее солнце застигло ее врасплох. Она огляделась. Тучи рассеивались, и, тотчас же вновь вернувшись к окну, она стала наблюдать и приветствовать благоприятные перемены в природе. Через десять минут уже нельзя было сомневаться, что вторая половина дня будет великолепной, — в полном соответствии с мнением миссис Аллен, которая «все время считала, что погода улучшится». Теперь возникал вопрос — может ли Кэтрин надеяться, что ее друзья все же за ней зайдут, то есть не был ли дождь настолько сильным, чтобы помешать мисс Тилни выйти после него из дома.

Было слишком грязно, чтобы миссис Аллен решилась сопровождать мужа в Галерею. Поэтому он отправился туда один. И едва лишь Кэтрин проводила его взглядом вдоль улицы, как ее внимание привлекли те же самые два экипажа с теми же самыми тремя пассажирами, которые застали ее врасплох несколько дней тому назад.

— Боже мой, Изабелла, Джеймс и мистер Торп! Боюсь, что они приехали за мной. Но я не поеду — я никак не могу с ними ехать — вы же знаете, мисс Тилни может еще прийти!

Миссис Аллен с этим согласилась. Джон Торп вскоре предстал перед ними. А немного раньше они услышали его голос, потребовавший еще с лестницы, чтобы мисс Морланд поторапливалась, и объявивший, как только дверь распахнулась:

— Живей, живей! Немедленно шляпу на голову, нельзя терять ни секунды — едем в Бристоль. Как поживаете, миссис Аллен?

— В Бристоль? Это же так далеко! И все равно я сегодня не могу с вами ехать — я занята. За мной в любую минуту могут зайти друзья.

Разумеется, это возражение было отвергнуто как несущественное. Миссис Аллен была призвана Торпом подтвердить его правоту, и двое его спутников вступили в комнату ему на подмогу.

— Кэтрин, любовь моя, разве это не замечательно? У нас будет божественная поездка. Благодарите вашего брата и меня — это мы ее выдумали. Нас осенило за завтраком, клянусь вам, в один и тот же момент. Если бы не этот противный дождь, мы бы выехали на два часа раньше. Но какое это имеет значение — сейчас лунные ночи, и все пройдет замечательно. Вообразите, нас ждут просторы полей, деревенский воздух! Я в полном востор

ге — насколько это лучше, чем Нижние залы. Мы направляемся прямо в Клифтон и там обедаем. А когда закончим с обедом, если останется время, доедем до Кингвестона.

— Не уверен, что все это нам удастся,— заметил Морланд.

— Бросьте каркать! — закричал Торп. — Нам удастся в десять раз больше. Кингвестон? Да что там! И Блэйзский замок, и любое другое место, о котором мы узнаем. Вот только сестрице вашей эта поездка не угодна.

— Блэйзский замок! — вскричала Кэтрин. — Что это такое?

— Лучшее место в Англии. Чтобы на него взглянуть, стоит проехать пятьдесят миль в любую погоду.

— Но что это? Настоящий старинный замок?

— Самый старинный во всем королевстве!

— И похож на те замки, о которых пишут в романах?

— Как две капли воды!

— Нет, правда, там есть башни и галереи?

— Дюжины!

— Мне бы, конечно, хотелось на все это посмотреть. Но я не могу. Мне невозможно уехать.

— Невозможно уехать? Любовь моя, что это значит?

— Я не могу ехать, потому что... — (глядя в пол из боязни увидеть улыбку на лице Изабеллы) — я жду мисс Тилни и ее брата. Мы условились предпринять загородную прогулку, и они обещали за мной зайти в двенадцать часов. В это время шел дождь, но сейчас погода исправилась и они, должно быть, вот вот придут.

— Можете их не ждать,— сказал Торп. — Я их заметил, когда мы сворачивали на Брод стрит. У этого Тилни фаэтон со светлыми гнедыми?

— Право, не знаю.

— Я зато знаю. Его я и видел. Вы ведь говорите о человеке, с которым вчера танцевали, не так ли?

— Конечно.

— Ну да, я и видел, как они свернули на Лэнсдаун роуд. С ним была еще такая смазливая девчонка.

— Вы их действительно видели?

— Клянусь честью. И сразу узнал — у него, оказывается, недурная скотина.

— Как странно! Должно быть, они решили, что для прогулки пешком слишком грязно.

— Вот именно. Такой непролазной грязи еще не бывало! Пешком? Это так же невозможно, как летать по

воздуху. Так грязно не было еще за всю зиму — везде по щиколотку!

Его поддержала Изабелла:

— Кэтрин, дорогая моя, вы представить себе не можете, какая на улицах грязь! Итак, едемте. Вы должны ехать — больше отказываться не из за чего.

— Мне бы очень хотелось увидеть замок. Но сможем ли мы в него зайти? Подняться по лестницам, заглянуть в помещения?

— Да, да, в любую щель и любой угол!

— И все же! Что, если они уехали ненадолго, пока подсохнет, и скоро придут?

— Этого не случится, будьте покойны. Я слышал, как Тилни крикнул кому то, кто скакал мимо, что они едут до самого Уик Рокса.

— Хорошо, я согласна. Миссис Аллен, могу я поехать?

— Как хотите, моя дорогая.

— Уговорите ее, миссис Аллен! — раздался общий призыв.

Миссис Аллен не оставила его без ответа.

— Что ж, дорогая, может, вам действительно стоит поехать?

И через две минуты они были уже в пути.

Чувства Кэтрин, когда она садилась в экипаж, находились в полном смятении. Ей было жаль лишиться одного большого удовольствия, и вместе с тем она предвкушала другое, почти равное по силе, хотя и иного рода. Она не могла избавиться от мысли, что Тилни обошлись с ней не слишком любезно, так легко нарушив договоренность и даже не сообщив ей, чем это вызвано. После времени, назначенного для прогулки, прошел только час. И вопреки всему, что ей говорили о непролазной уличной грязи, собственные ее наблюдения доказывали, что по улицам можно было пройти без особенных неудобств. Сознать, что новые друзья проявили к ней полное невнимание, было весьма больно. С другой стороны, предвкушаемое удовольствие от посещения замка, похожего на Удольфо, каким ей представлялся Блэйзский замок, казалось настолько заманчивым, что могло отвлечь ее чуть ли не от любых огорчений.

Не сказав друг другу ни слова, они быстро проехали по Палтни стрит и Лора плейс. Торп переговаривался со своей лошадью, а Кэтрин размышляла о нарушенных обещаниях и разрушенных арках, о фаэтонах и ошибок

ных казнях, о семействе Тилни и люках ловушках. Когда они проезжали Аргайл Билдингс, эти размышления были внезапно прерваны вопросом ее спутника:

— Что это там за девица на вас пялилась, пока мы ее обгоняли?

— Кто? Где?

— Да вон, с правой стороны. Ее, наверно, уже не видеть.

Кэтрин оглянулась и увидела мисс Тилни, которая медленно шла по улице, опираясь на руку своего брата. Оба смотрели ей вслед.

— Остановитесь, мистер Торп, остановитесь! — вскричала она нетерпеливо.— Это мисс Тилни! Это же она! Как вы могли сказать, что они уехали? Сейчас же остановитесь! Я соскочу и вернусь к ним!

Что толку было в ее мольбах? Торп лишь подхлестнул лошадь, чтобы она бежала быстрее. Брат и сестра Тилни скоро перестали на них смотреть и через минуту скрылись за углом Лора плейс, а в следующее мгновение она сама перенеслась на Рыночную площадь. Но все же и теперь, и на протяжении всей следующей улицы Кэтрин продолжала молить Торпа, чтобы он остановил кабриолет.

— Ради бога, мистер Торп, ради бога! Остановитесь. Я не могу ехать дальше. Я не поеду. Я должна вернуться к мисс Тилни!

Но мистер Торп только смеялся, щелкал кнутом, гикал и издавал другие невнятные звуки, продолжая нахлестывать лошадь. И бедной раздосадованной Кэтрин, лишенной возможности выбраться из экипажа, ничего не оставалось, как отказаться от дальнейших попыток бегства и подчиниться. Она, однако, не поскупилась на упреки.

— Как же вы, мистер Торп, посмели так меня обмануть? Как вы могли сказать, что видели их на Лэнсдаун роуд? Я бы отдала все на свете, лишь бы этого не случилось! Они сочтут, что я вела себя так странно, так невежливо. Проехала мимо и ничего не сказала! Вам не понять, насколько это меня мучает. Теперь ни Клифтон, ни все другое не доставит мне никакого удовольствия. Лучше бы мне, гораздо лучше сейчас же сойти и добраться до них пешком. Зачем вы придумали, что видели их в фээтоне?

Торп оправдывался, ничуть не смущаясь, клялся, что никогда в жизни не встречал таких похожих друг на друга мужчин, и почти не отказывался от утверждения, что видел все же самого мистера Тилни собственной персоной.

Их совместное путешествие — даже после того, как они исчерпали эту тему,— не могло быть особенно приятным. Кэтрин уже не старалась, как во время предыдущей поездки, оказывать ему внимание. Она слушала его неохотно и отвечала небрежно. Единственным утешением для нее оставался Блэйзский замок, и только о нем она время от времени думала с удовольствием, хотя, конечно, отказалась бы от радости лицезреть его стены, лишь бы не пожертвовать пешей прогулкой и тем более не вызывать неудовольствие мистера и мисс Тилни,— отказалась

бы от возможности пройти по анфиладе обширных, бог весть когда заброшенных палат с остатками великолепной мебели; застрять в узком повороте подземелья, наткнувшись на низкую, забранную решеткой дверь; или даже вдруг очутиться в непроглядной тьме, оттого что порывом ветра внезапно задуло их светильник — единственный светильник!

Поездка продолжалась тем временем без каких либо происшествий. Они находились в виду города Кейншэма, когда оклик ехавшего позади Морланда заставил его приятеля натянуть поводья и поинтересоваться, что случилось. Отставший экипаж подъехал ближе, и, когда они получили возможность переговариваться, Морланд сказал:

— Лучше бы повернуть, Торп. Уже слишком поздно, чтобы забираться сегодня дальше. Ваша сестра со мной согласна. Мы выехали с Палтни стрит час назад, а проехали чуть больше семи миль. Остается не меньше восьми. Ничего не получится. Мы поздно выбрались. Отложим ка поездку на другой день, — сейчас лучше вернуться.

— А мне наплевать! — угрюмо ответил Торп и, тут же повернув лошадь, погнал ее в Бат. — Если б у вашего брата была в упряжке не эта старая кляча, — проворчал он, — мы бы отлично успели. Моя лошадь, дайте ей волю, добежала бы до Клифтона за какойнибудь час. Я себе чуть руку не вывихнул, приноравливая ее к шагу этой запаленной кобылы. Этакая глупость, что у Морланда нет своего кабриолета и лошади.

— Вы ошибаетесь! — горячо возразила Кэтрин. — Уверена, что он этого просто не может себе позволить.

— Отчего же не может?

— Должно быть, у него нет для этого денег.

— И чья же в этом вина?

— Насколько мне известно, ничья.

В ответ Торп в своей громогласной и бессвязной манере, к которой прибегал столь часто, выразил мысль, что «скарედность — чертовски дрянное качество» и что «если люди, купающиеся в деньгах, не способны покупать хорошие вещи, то кто же тогда способен». Кэтрин даже не пыталась его понять. Утратив то, что должно было стать для нее утешением в первой утрате, она все меньше старалась быть приятной сама и находить приятным своего спутника. И на обратном пути до Палтни стрит она не произнесла даже десятка слов.

Войдя в дом, Кэтрин узнала от лакея, что через несколько минут после ее отъезда приходили джентльмен

и леди и справлялись о ней. Когда он сказал, что она уехала с мистером Торпом, леди поинтересовалась, не просила ли мисс Морланд что-нибудь передать, и, получив отрицательный ответ, стала искать свою карточку, не нашла ее при себе и ушла. Размышляя об этом душевраздирающем известии, Кэтрин медленно поднималась по лестнице. На верхней площадке ее встретил мистер Аллен. Узнав о причине их быстрого возвращения, он сказал:

— Я рад, что вы вернулись и что у вашего брата хватило благоразумия отказаться от этой безрассудной затеи.

Вечер все провели у Торпов. Кэтрин была встревожена и грустна. Но Изабелла, играя в покер и имея своим партнером Морланда, нашла в этом вполне удовлетворительную замену просторам полей и деревенскому воздуху Клифтона. Она также не раз выразила свое удовлетворение по поводу того, что все они не пошли в Нижние залы.

— Как я сочувствую несчастным, которые там собрались! И как я рада, что меня нет среди них! Любопытно — состоится ли там бал по всей форме? Танцы, конечно, еще не начались. Я ни за какие блага на свете не хотела бы там оказаться! Такое удовольствие провести иной вечер в узком кругу! Могу поручиться, что хорошего бала сегодня не будет. Митчелы, насколько я знаю, не придут. Право, мне жаль тех, кто там собрался. Но вам, мистер Морланд, я чувствую, хотелось бы быть среди них, не так ли? Уверена, что хотелось бы. Ну что ж, ради бога, вас никто не удерживает. Надеюсь, мы сможем отлично без вас обойтись. Мужчины всегда воображают о себе бог знает что.

Кэтрин уже почти готова была обвинить Изабеллу в недостаточной чуткости к ней и к ее огорчениям — так невнимательно подруга отнеслась к ее мыслям и так ничтожно было предложенное ею утешение.

— Любовь моя, — прошептала она, — не будьте такой букой. Вы разобьете мое сердце. Разумеется, это было ужасно. Но во всем виноваты лишь Тилни. Почему они не пришли чуть пораньше? Было, конечно, немного грязно, но разве это существенно? Мы с Джоном, я уверена, не обратили бы на это внимания. Когда дело касается друзей, я готова на все! Уж так я устроена — ничего не поделаешь. И Джон такой же — он удивительно привязчив. Боже, какие вам выпали карты! Клянусь, у вас все

короли! Я счастлива, как никогда в жизни. Мне во сто раз приятнее, что они все у вас, чем если бы они попали ко мне.

Здесь я могу покинуть Кэтрин простертой на подобающем истинной героине бессонном ложе с головой на терниях облитой слезами подушки. И да будет она считать себя счастливой, если ей доведется хотя бы один раз вкусить полноценный ночной отдых на протяжении трех предстоящих месяцев!

ГЛАВА XII

миссис Аллен,—спросила Кэтрин на следующее утро,—вы не будете возражать, если я навещу сегодня мисс Тилни? Я не смогу успокоиться, пока не объясню ей, как все случилось.

— Непременно пойдите, моя дорогая. Наденьте только белое платье. Мисс Тилни всегда ходит в белом.

Кэтрин легко согласилась и поспешно переоделась, стремясь как можно скорее попасть в Галерею, чтобы уточнить адрес генерала Тилни. По ее представлению, он жил на Мильсом стрит, но она не была уверена в отношении дома, а неопределенные сведения, сообщенные по этому поводу миссис Аллен, еще больше сбивали ее с толку. Оказалось, что он в самом деле живет на Мильсом стрит, и, запомнив номер, она направилась туда поспешными шагами и с бьющимся сердцем, чтобы нанести визит, объяснить свои поступки и получить прощение. Церковный двор она миновала, намеренно не глядя по сторонам, дабы не оказаться вынужденной заметить свою дорогую Изабеллу и ее милых родственников, которые, по расчетам Кэтрин, находились в это время в соседней лавке. Она добралась до цели без всяких помех, взглянула на номер подъезда, постучала в дверь и сказала, что ей нужно видеть мисс Тилни. Впустивший ее человек ответил, что мисс Тилни, кажется, у себя, но что он должен это проверить — не будет ли она любезна себя назвать? Кэтрин дала свою карточку. Через несколько минут слуга вернулся и с выражением лица, которое не вполне подтверждало его слова, сказал, что он ошибся, ибо мисс Тилни, оказывается, нет дома. Вспыхнув от обиды, Кэтрин сошла с крыльца. Она почти не сомнева

лась, что мисс Тилни вовсе не отсутствовала, но настолько рассержена, что отказывается ее принять. И, проходя мимо дома, она не удержалась и бросила взгляд на окна гостиной, ожидая ее увидеть, — там, впрочем, никого не было. Однако в конце улицы она вновь оглянулась, и на этот раз — не в окне дома, а на его крыльце — взору ее предстала мисс Тилни собственной персоной. Следом за ней вышел джентльмен, которого Кэтрин приняла за ее отца, и они вместе повернули в сторону Эдгарс Билдингс. Совершенно уничтоженная, Кэтрин продолжала свой путь, едва не ожесточившись сама против тех, кто проявил к ней такое жестокое пренебрежение. Но она подавила в своей душе это чувство, вспомнив о собственном промахе. Ей было неизвестно, как он оценивается светскими правилами, в какой мере он непростителен и на какую суровость ответного обращения ее обрекает.

Подавленная и униженная, она даже подумывала некоторое время о том, чтобы вечером отказаться от посещения театра. Но, говоря по правде, продолжалось это недолго: во первых, она сообразила, что не сможет назвать причину, по которой решила остаться дома, а во вторых, ей особенно хотелось посмотреть именно сегодняшнюю пьесу. Поэтому она отправилась в театр вместе со всеми. Никаких Тилни, способных ее расстраивать или радовать, там не оказалось. Она заподозрила, что любовь к театру не входила в число многочисленных достоинств их семьи. Быть может, однако, это объяснялось привычкой к более искусным лондонским постановкам, по сравнению с которыми, как утверждала Изабелла, все другие кажутся «просто несносными».

Предвкушая удовольствие от пьесы, она не обманулась. Комедия настолько отвлекла Кэтрин от ее забот, что никто, наблюдая за ней в течение первых четырех актов, не мог бы подумать, что она чем то удручена. В начале пятого акта, однако, внезапное появление Генри Тилни и его отца среди зрителей, занимавших ложу напротив, вновь вызвало у нее в душе тревогу и упадок настроения. Сцена уже не поглощала ее целиком и не заставляла самозабвенно смеяться. В среднем каждый второй ее взгляд обращался к противоположной стороне зала. И она наблюдала за Генри Тилни на протяжении двух явлений, так и не заметив, чтобы он хоть раз посмотрел в ее сторону. Его уже нельзя было заподозрить в безразличии к театру — в течение обоих явлений он

ни разу не оторвал взгляда от сцены. В конце концов он все таки встретился с Кэтрин глазами и слегка поклонился. Но что это был за поклон! Ни сопровождавшего его пристального взгляда, ни улыбки! И тотчас вслед за тем внимание его вновь было обращено к пьесе. Кэтрин испытывала мучительное нетерпение. Она была готова пробежать через весь зал к его ложе и заставить его выслушать ее объяснение. Чувства скорее естественные, нежели героические владели ее душой. Вместо того чтобы счесть себя оскорбленной столь незаслуженным осуждением и в гордом сознании своей невиновности заклеить презрением того, кто мог в ней усомниться, предоставив ему самому разбираться в случившемся, уклоняясь от его взгляда или кокетничая с другими, она принимала всю вину или, по крайней мере, ее видимость на себя и мечтала только о возможности объяснить свое поведение.

Пьеса кончилась, занавес опустился. Генри Тилни уже не было видно на прежнем месте, но отец его еще сидел там же. Возможно, сын в это время обходил театр, направляясь в их ложу. Ее предположение оказалось правильным. Через несколько минут он появился и, пройдя через наполовину опустевшие ряды, с одинаково сдержанной любезностью поклонился миссис Аллен и ее спутнице. Совсем не столь сдержанным оказался ее ответ:

— Боже мой, мистер Тилни, я просто измучилась от желания поговорить с вами и принести вам свои извинения. Вам, наверно, кажется, что я поступила очень невежливо? Но на самом деле я не виновата, не правда ли, миссис Аллен? Разве они не сказали мне, что мистер Тилни и его сестра уехали в фаэтоне из города? Что же мне оставалось делать? Но мне в тысячу раз больше хотелось пойти с вами. Верно же, миссис Аллен?

— Дорогая моя, вы мнете мне платье.

Ее заверения, хотя они так и остались неподтвержденными, не пропали даром. Благодаря им на его лице появилась более естественная и приветливая улыбка, и в тоне его ответа было уже значительно меньше прежней искусственной холодности:

— Мы очень вам признательны за то, что, проезжая мимо нас по Аргайл стрит, вы пожелали нам счастливой прогулки. Вы были даже столь любезны, что оглянулись на нас с этой целью.

— Я вовсе не желала вам счастливой прогулки! Мне это и в голову не пришло! Я заставляла мистера Торпа

остановиться. Я потребовала этого, как только вас увидела. Не правда ли, миссис... Ах нет, вас же там не было!.. Но я говорю правду. И если бы мистер Торп остановился, я бы выпрыгнула на мостовую и побежала к вам.

Существует ли на свете такой Генри, который мог бы остаться бесчувственным к подобному признанию? Генри Тилни, во всяком случае, не мог. С еще более приветливой улыбкой он высказал все подобающие слова о том, насколько его сестра жалеет о случившемся, сочувствует Кэтрин и не сомневается, что она вполне может полагаться на ее дружбу.

— Только не говорите, что мисс Тилни на меня не сердится! — воскликнула Кэтрин. — Я знаю, что это не так. Она даже не захотела меня принять, когда я к вам сегодня приходила. Я видела, как она сама через минуту вышла из дома. Мне было очень горько, но я не обиделась. Может быть, вы даже не знали о моем приходе.

— Меня в то время не было дома. Но я слышал об этом от Элинора, которая с тех пор жаждет вам рассказать, чем объясняется столь невежливое поведение с ее стороны. Впрочем, я, наверно, могу сделать это вместо нее. Все произошло оттого, что наш отец... оба они как раз собирались на прогулку, он очень спешил и, не желая задерживаться, заставил слугу сказать, что мисс Тилни нет дома. Вот и все, поверьте. Ей это было крайне неприятно, и она хотела при первой же возможности извиниться.

Это сообщение сняло с души Кэтрин тяжелый камень. И все же некоторое недоумение у нее осталось, вызвав с ее стороны вопрос, сам по себе бесхитростный, но показавшийся довольно каверзным ее собеседнику:

— Отчего же вы сами, мистер Тилни, проявили меньшее великодушие, чем ваша сестра? Если она так верила в мои добрые намерения и могла объяснить происшедшее только недоразумением, почему же вы так легко на меня обиделись?

— Вы так думаете?

— Судя по выражению вашего лица, когда вы входили в ложу, вы были очень рассержены.

— Рассержен? У меня не могло быть для этого никаких оснований.

— Да, но, глядя на ваше лицо, никто бы не подумал, что у вас нет для этого оснований.

Вместо ответа он попросил Кэтрин немного подвигнуться и заговорил о пьесе.

Тилни провел в их ложе некоторое время и доставил Кэтрин такое удовольствие своим обществом, что, расставаясь с ним, она не могла не испытать некоторого чувства утраты. При прощании, однако, было условлено, что намеченная прогулка должна состояться возможно скорее. И если не считать ее сожаления по поводу ухода Тилни, она в общем сознавала себя теперь одним из самых счастливых существ на свете.

Пока они разговаривали, Кэтрин с некоторым удивлением заметила, что Джон Торп, никогда не проводивший и десяти минут в одном месте, поглощен беседой с генералом Тилни. И она ощутила нечто большее, чем удивление, заподозрив по некоторым признакам, что предметом их внимания и беседы является она сама. Что они могут говорить о ней? Кэтрин боялась, что генералу Тилни не понравилась ее внешность. Этим она объясняла, что он не допустил ее свидания с мисс Тилни, для которого достаточно было лишь на пять минут отложить их прогулку.

— Откуда мистер Торп знает вашего отца? — с тревогой спросила она собеседника, обращая его внимание на ложу, занятую генералом.

Не имея об этом ни малейшего представления, мистер Тилни сказал, что его отец, как всякий военный, располагает обширными знакомствами.

По окончании дивертисмента Торп появился в их ложе, чтобы помочь дамам уехать. Главным предметом его внимания была Кэтрин. И пока они в вестибюле ждали карету, он опередил вопрос, уже готовый сорваться с ее губ, и со значительным видом спросил: заметила ли она, как он болтал с генералом Тилни?

— Отличный старикан, честное слово! Живой, крепкий, на вид не старше своего сына. Очень мне нравится, поверьте. Благородство во всем — другого такого и не сыщешь!

— Но откуда вы его знаете?

— Откуда? Здесь не так то много людей, с которыми я не был бы знаком. Он мне запомнился еще в Бедфорде. Сразу его узнал, как только вошел в бильярдную. Один из лучших игроков, кстати! Мы с ним перебросились шариками, хоть поначалу я и побаивался. Счет был пять — четыре в его пользу. Если б не один мой удар, какого, наверно, еще свет не видывал, — я положил его шар прямо... Впрочем, вам без стола не понять. Так или иначе, моя взяла. Отличный парень. Богат, как жид. Мечтаю у него пообедать — говорят, у него отлично кормят.

А о чем бы, вы думали, у нас шла речь? Конечно, о вас, чтоб я пропал! Он вас находит самой красивой девчонкой в Бате.

— Что за глупости! Как вы можете так говорить?

— А что, по вашему, я ответил? — (Понизив голос): — «Прямо в точку, генерал! Я с вами совершенно согласен!»

Здесь Кэтрин, которую его мнение о своей особе интересовало куда меньше, чем мнение генерала Тилни, без огорчения услышала, что ее зовет миссис Аллен. Торп тем не менее проводил ее до кареты и, пока она усаживалась, продолжал ей расточать подобные тонкие комплименты, хотя она всячески пыталась его унять.

То, что она произвела на генерала Тилни вовсе не дурное, а, напротив, хорошее впечатление, было ей очень приятно. И она с радостью подумала, что теперь в этой семье нет ни одного человека, встречи с которым ей следовало бы бояться. Этот вечер подарил ей больше, чем она от него ждала!

ГЛАВА ХШ

онедельник, вторник, среда, четверг, пятница и суббота прошли чередой перед глазами читателя. События каждого дня, его надежды и страхи, огорчения и восторги были изложены одно за другим, и, чтобы завершить неделю, остается описать лишь воскресные страдания. Клифтонский план был только отложен, а не отменен, и на воскресной послеобеденной прогулке по Крессенту он подвергся новому обсуждению. В разговоре наедине между Изабеллой и Джеймсом, из которых первая особенно стремилась осуществить это путешествие, а второй не меньше стремился доставить ей удовольствие, было решено отправиться в путь, в случае благоприятной погоды, на следующее утро. И чтобы не слишком поздно вернуться, требовалось выехать как можно раньше. Условившись таким образом и получив согласие Торпа, они должны были теперь уговорить Кэтрин, которая ненадолго отошла от них, чтобы повидаться с мисс Тилни. План был принят как раз в это время, и, как только Кэтрин вернулась, от нее потребовали его одобрения. Но вместо радостного согласия, которого ждала Изабелла, ответ на

хмурившейся и выразившей свое сожаление Кэтрин был отрицательным. Договоренность, которая не должна была ей позволить участвовать в прошлой неудавшейся попытке, делала эту поездку для нее совершенно невозможной. Только что она условилась с мисс Тилни осуществить завтра намеченную пешую прогулку. Решение это было окончательным, и она от него не откажется ни при каких обстоятельствах. Но она ведь может и должна отказаться! — мгновенно воскликнули брат и сестра Торп. Они должны завтра поехать в Клифтон, они туда не поедут без нее, ей ничего не стоит отложить на день простую прогулку по окрестностям, они и слышать не хотят об отказе! Кэтрин была огорчена, но не сломлена.

— Не убеждайте меня, Изабелла. Я договорилась с мисс Тилни. Я не могу поехать.

Это не помогло. Те же доводы снова были пущены в ход: она должна ехать, может ехать и ни о каком отказе не может быть и речи!

— Нет ничего проще, чем сказать мисс Тилни, что вам напомнили о более ранней договоренности, и всего лишь отложить прогулку до вторника.

— Нет, это было бы не просто. Я этого сделать не могу. Более ранней договоренности не существовало.

Изабелла сделалась более настойчивой, разговаривая с ней все более ласковым тоном и называя ее самыми нежными именами. Она уверена, что ее обожаемая, ее чудеснейшая Кэтрин не может серьезно отказать в пустяковой просьбе, с которой обращается к ней бесконечно любящая ее подруга. У ее любимой Кэтрин, она знает, такое отзывчивое сердечко и такой ангельский характер, что она, конечно, легко уступит тем, кого любит. Но все было тщетно. Кэтрин была убеждена в своей правоте и, страдая от этих нежных и лстивых уговоров, не позволяла себе им поддаваться. Изабелла испробовала другой способ. Она стала упрекать ее в большей привязанности к мисс Тилни, которую знает лишь без году неделю, чем к своим старейшим и лучшим друзьям, короче — в холодности и равнодушии к ней самой.

— Я не могу подавить в себе чувство ревности, Кэтрин, видя как мною пренебрегают ради едва знакомых людей — мною, подругой, которая так безмерно вас любит. Ничто на свете не способно поколебать моих привязанностей, раз уж они возникли. Но, должно быть, я испытываю более сильные чувства, чем все другие. Очевидно, они слишком сильны для моего собственного

благополучия. И когда на моих глазах совершенно чужие люди вытесняют меня из вашего сердца, душа моя разрывается на части. Эти Тилни отнимают у меня все!

Такой упрек показался Кэтрин странным и недобрым. Настоящей подруге едва ли пристало обнажать перед всеми ее сокровенные чувства. Изабелла выглядела человеком невеликодушным и себялюбивым, пренебрегающим всем, кроме собственной прихоти. Эти горькие мысли мелькнули в ее голове, но она промолчала. Между тем Изабелла приложила к глазам платок, и у расстроенного зрелищем Джеймса невольно вырвалось:

— Знаешь, Кэтрин, я думаю, ты не можешь дольше упрямыться. Не такая уж это жертва. Чтобы выполнить просьбу такой подруги... Я перестану верить твоей доброте, если ты не уступишь.

Это был первый случай, когда ее брат выступил против нее. Стараясь его не огорчать, она сделала примирительное предложение: если они отложат поездку до вторника, что им нетрудно сделать, ибо это зависит от них самих, она могла бы с ними поехать, и все были бы удовлетворены. В ответ сейчас же прозвучало:

— Нет, нет, нет! Это невозможно, Торп ведь еще не знает, не придется ли ему во вторник уехать в Лондон.

Кэтрин выразила сожаление, но ничего не могла больше поделать. Наступило короткое молчание, нарушенное Изабеллой, которая сказала с едва сдерживаемым раздражением:

— Очень хорошо, поездка отменяется. Если Кэтрин не едет, я не поеду тоже. Не могу же я быть единственной женщиной. Я ни за что не позволю себе совершить столь неприличный поступок.

— Кэтрин, ты должна ехать!

— Но почему же мистер Торп не может взять с собой одну из сестер? Уверяю вас, каждая из них с удовольствием бы поехала.

— Премного вам благодарен,— ответил Торп.— Я в Бате не для того, чтобы катать здесь своих сестриц и казаться всем дураком. Нет уж, коль вы не хотите, провались я ко всем чертям, если сам поеду. Я бы и поехал то лишь ради того, чтобы покатать вас.

— Ваша любезность не доставляет мне удовольствия.

Ее слова, однако, не дошли до его ушей, так как он сейчас же куда то исчез. Остальные продолжали мучительную для Кэтрин прогулку. Иногда спутники ее молчали, иногда снова обрушивали на нее мольбы и упреки.

Ее рука по прежнему поддерживала руку Изабеллы, но сердца их были разделены. В некоторые минуты Кэтрин смягчалась, в другие была взволнована, все время оставаясь печальной, но непреклонной.

— Я не думал, что ты настолько упряма,— сказал Джеймс.— Тебя было всегда нетрудно уговорить, ты казалась мне самой доброй и покладистой из сестер.

— Надеюсь, я и до сих пор осталась такой же,— ответила она с большим чувством.— Но мне в самом деле невозможно поехать. Если я и ошибаюсь, я делаю то, что считаю правильным.

— Подозреваю, что при этом вам не приходится слишком с собой бороться,— сказала Изабелла.

Сердце Кэтрин переполнилось. Она высвободила руку, и Изабелла этому не противилась. Прошло десять долгих

минут, пока к ним опять не присоединился Торп, который, вернувшись с повеселевшим видом, сказал:

— Ну вот и отлично, дело улажено. Мы все можем завтра ехать с чистой совестью. Я видел мисс Тилни и передал ей ваши извинения.

— Вы не могли этого сделать! — воскликнула Кэтрин.

— Сделал, клянусь душой! Только что к ней подошел и сказал все, что полагается: вы просите, мол, передать, что должны отложить вашу совместную прогулку до вторника, так как на понедельник еще раньше назначили поездку с нами в Клифтон. Она ничего не имела против — сказала, что вторник ее так же устраивает. Итак, все в порядке — никаких затруднений! Неплохо придумано, а?

Лицо Изабеллы снова осветилось благодушием и улыбкой, и Джеймс тоже опять казался счастливым.

— В самом деле, это была чудесная мысль. Кэтрин, дорогая моя, все тревоги теперь позади. Вы с честью освободились от обязательства, и нас ждет прелестнейшая поездка.

— Это невозможно,— сказала Кэтрин.— Я этого не могу допустить. Я должна сейчас же пойти к мисс Тилни и с ней объяснить.

Изабелла схватила ее за одну руку, Торп — за другую, и все трое стали бурно протестовать. Даже Джеймс вышел из себя. Теперь, когда все уладилось, когда мисс Тилни сказала, что ее ничуть не меньше устраивает вторник, продолжать спорить было просто глупо, просто смешно.

— Не в этом дело. Мистер Торп не имел права передавать выдуманное поручение. Если бы я считала возможным, я сказала бы мисс Тилни сама, что откладываю прогулку. А так это получилось еще более грубо. И откуда мне знать, что мистер Торп в самом деле... что он опять не ошибся. Из за его ошибки в пятницу я уже совершила непростительный промах. Позвольте мне идти, мистер Торп. Изабелла, перестаньте меня удерживать.

Торп сказал, что искать мистера и мисс Тилни бессмысленно, так как он догнал их на углу Брок стрит и сейчас они уже дома.

— Ну что ж, я пойду к ним домой,— ответила Кэтрин.— Где бы они ни находились, я должна их увидеть. Разговаривать больше не о чем. Если, несмотря на все уговоры, я не согласилась поступить, на мой взгляд, неправильно, принудить меня к этому не удастся никакими уловками.

Сказав это, она вырвалась и убежала. Торп хотел было броситься за ней, но его удержал Морланд.

— Пусть она идет! Пусть себе идет, если уж ей так хочется!

— Она упряма, как...

Торп не закончил сравнения, так как оно бы едва ли оказалось приличным.

Крайне взволнованная Кэтрин шла так быстро, как только возможно было пробираться через толпу, боясь преследования, но твердая в своей решимости. По пути она продолжала думать о случившемся. Ей было жаль огорчать и расстраивать друзей, а особенно брата. Но она не жалела, что отказалась от поездки. Независимо от ее собственных чувств, нарушить договоренность с мисс Тилни, взять назад — притом по выдуманной причине — обещание, которое она дала всего пятью минутами раньше, было непозволительно. Она упрячилась вовсе не из эгоизма, заботясь о своих удовольствиях. Их она в какой то мере могла получить от поездки и осмотра Блэйзского замка. Нет, она боролась ради других, ради доброго мнения людей. Ее убежденности в своей правоте было, однако, недостаточно, чтобы она смогла восстановить душевное равновесие, — до встречи с мисс Тилни об успокоении нельзя было даже думать. И, еще сильнее ускорив шаг после того, как она покинула Крессент, остальной путь, отделявший ее от Мильсом стрит, Кэтрин почти пробежала, преодолев его настолько быстро, что, хотя мистер и мисс Тилни направились к дому гораздо раньше, она успела их заметить при входе в подъезд. Впустивший их слуга еще не ушел, и, ограничившись словами о необходимости увидеть мисс Тилни сию же минуту, Кэтрин избежала наверх, распахнула первую же увиденную ею дверь и внезапно предстала в гостиной перед генералом Тилни, его сыном и дочерью. Объяснение такой поспешности, недостатком которого было только то, что из за ее нервного возбуждения и нехватки дыхания оно ничего не объясняло, было дано ею немедленно:

— Я страшно торопилась... Все это... Я с ними ехать вовсе не обещала... Я им сразу сказала, что не могу... И я бежала, как могла, чтобы вам об этом сказать... Мне неважно, что вы подумаете... Я не могла ждать, пока обо мне доложит слуга...

Существо дела, однако, хоть и не лучшим образом растолкованное этой речью, вскоре перестало быть загадкой. Кэтрин узнала, что Джон Торп передал таки выдуманное им поручение. И мисс Тилни не сочла нужным скрыть, что оно ее удивило. Но не вызвало ли оно более сильного негодования ее брата, к которому Кэтрин в своих оправданиях инстинктивно обращалась в такой же мере, как и к его сестре, гостя никоим образом выяснить не могла. Что бы ни говорилось или ни предполагалось

до ее прихода, но после ее взволнованного рассказа выражение лиц хозяев и весь их тон сразу стали настолько дружелюбными, насколько она могла только мечтать.

Когда все таким образом счастливо уладилось, она была представлена их отцу, встретив с его стороны любезный и обходительный прием, напомнивший отзыв о нем Торпа и дававший приятный повод считать, что последний в некоторых случаях говорит правду. Заботливость генерала дошла до того, что, не будучи осведомлен о необыкновенной поспешности, с которой Кэтрин поднималась по лестнице, он не в шутку рассердился на слугу, из-за нерадивости которого ей пришлось собственноручно отворить дверь в гостиную.

— Что себе позволяет Уильям? Я еще этим займусь!

И если бы Кэтрин самым горячим образом не засвидетельствовала его невиновности, Уильям мог бы из-за ее поспешности навсегда лишиться расположения хозяйина, а то и своего места.

Просидев четверть часа, она поднялась, чтобы со всеми проститься, и была приятно изумлена, когда генерал Тилни попросил ее оказать ему и его дочери честь, отобедав у них и проведя с ними остаток дня. Мисс Тилни присоединилась к его просьбе. Кэтрин чувствовала себя весьма польщенной, но была не вправе согласиться, ибо мистер и миссис Аллен с минуты на минуту ждали ее возвращения. Генерал сказал, что не смеет больше настаивать — пренебречь интересами мистера и миссис Аллен было бы непозволительно. Но в какой-нибудь другой день, о котором можно будет договориться заранее, они не откажутся, он надеется, пожертвовать ее обществом ради того, чтобы отпустить мисс Морланд к ее подруге. О нет, Кэтрин не сомневалась, что у них не будет ни малейших возражений, и она с большим удовольствием примет приглашение. Генерал проводил ее до дверей на улицу, самым приятным образом беседуя с ней, пока они спускались по лестнице, и восхищаясь упругостью ее походки, удивительно соответствовавшей манере, с которой она танцует, и на прощание отвесил ей самый изящный поклон, какой ей когда-либо приходилось видеть.

Довольная всем случившимся, Кэтрин весело шла к Палтни стрит своей, как она теперь знала, упругой походкой, которой до того она даже не замечала. Она добралась до дому, не встретив никого из обидевшейся на нее компании. И теперь, когда ею была достигнута решительная победа, выдержан характер и спасена завт

рашняя прогулка, она начала (по мере того как проходило ее волнение) сомневаться в своей совершенной правоте. Самоотверженность всегда благородна. И если бы она проявила уступчивость, она бы теперь была избавлена от неприятных мыслей о рассерженной подруге, расстроенном брате и сорванной, быть может ее усилиями, поездке, которая могла доставить им так много удовольствия.

Чтобы облегчить душу и услышать из уст непредубежденного человека истинную оценку своего поведения, она в разговоре с мистером Алленом упомянула, воспользовавшись случаем, о задуманной ее братом и Торпом завтрашней поездке. Мистер Аллен откликнулся сразу.

— Что ж, — спросил он, — и вы тоже хотите с ними отправиться?

— Нет. Как раз перед тем, как они мне об этом сказали, я условилась с мисс Тилни о прогулке по окрестностям Бата. Поэтому, вы понимаете, я не могла с ними ехать, не правда ли, не могла?

— Разумеется, нет. Я рад, что вы отказались. Такого рода поездки — вообще неподходящее дело. Молодые люди и девицы, разъезжающие по дорогам в открытых экипажах! В отдельных случаях это допустимо. Но совместные посещения гостиниц и других публичных мест! Это не доводит до добра. Я удивляюсь, что миссис Торп смотрит на такие вещи сквозь пальцы. И рад, что вы решили не ехать. Вашей матушке это бы не понравилось. Вы согласны со мной, миссис Аллен? Не находите ли вы подобные поездки предосудительными?

— Разумеется, даже очень. Открытые экипажи — ужасная вещь! Чистое платье становится в них грязным за пять минут. Вас забрызгивает, когда вы в них влезаете и когда вылезаете. А ветер треплет прическу и шляпу решительно во все стороны. Я ненавижу открытые экипажи!

— Я это знаю. Но речь сейчас идет о другом. Не кажется ли вам, что молодые леди, то и дело разъезжающие в открытом экипаже с молодыми людьми, не состоящими с ними даже в родстве, выглядят несколько странно?

— Да, мой дорогой, они в самом деле выглядят странно. Я этого терпеть не могу!

— Дорогая миссис Аллен, — воскликнула Кэтрин, — почему же вы мне раньше об этом не сказали? Если бы я знала, что этого делать не следует, уверяю вас, я вообще не ездила бы с мистером Торпом. Я думала, вы предупредите меня, если увидите, что я поступаю неправильно.

— Так оно и есть, моя дорогая, можете на меня положиться. Перед отъездом я обещала миссис Морланд заботиться о вас, насколько это окажется в моих силах. Но нельзя быть чересчур требовательной. Как говорит ваша добрая матушка, молодежь остается молодежью. Вы помните, когда мы приехали, я не хотела, чтобы вы покупали этот узорчатый муслин. Но вы все же его купили. Молодежь не любит, когда ей слишком многое запрещают.

— Но тут ведь речь шла о действительно важном обстоятельстве. Не думаю, чтобы вам трудно было меня убедить.

— То, что случилось, не так уж страшно,— сказал мистер Аллен.— Но я бы, дорогая, советовал вам больше не ездить с мистером Торпом.

— Именно это я и хотела сказать,— добавила его жена.

Перестав тревожиться о себе, Кэтрин почувствовала беспокойство за Изабеллу. И после минутного раздумья она спросила у мистера Аллена, не поступит ли она правильно и великодушно, если напишет мисс Торп о том нарушении приличий, о котором ее подруга, как прежде она сама, наверно, и не догадывается. В противном случае, как ей казалось, Изабелла, несмотря на случившееся, может все же завтра поехать в Клифтон. Мистер Аллен, однако, отсоветовал ей это делать.

— Лучше, дорогая моя, оставьте ее в покое. Мисс Торп — достаточно взрослая девица и должна сама следить за своим поведением. А на худой конец, у нее есть мать, которая может дать ей совет. Несомненно, миссис Торп слишком снисходительна. И все же вам лучше не вмешиваться. Она и ваш брат уже решили поехать, так что из за этого они только станут к вам хуже относиться.

Кэтрин смирилась. И хотя ей было грустно думать, что Изабелла совершает ошибку, она испытывала большое облегчение оттого, что мистер Аллен одобрил ее поступок, и была искренне рада, что его совет помешал ей впасть в ту же ошибку самой. Избавление от поездки в Клифтон поистине казалось ей теперь настоящим избавлением. Ибо что подумали бы о ней мистер и мисс Тилни, если бы она нарушила данное им обещание ради того, что было столь дурно само по себе? Если бы она провинилась в нарушении одного долга лишь для того, чтобы нарушить другой?

ледующее утро было великолепным, и Кэтрин почти не сомневалась, что она будет вновь атакована компанией, собирающейся ехать в Клифтон. Однако, после того как она заручилась поддержкой мистера Аллена, они уже больше не были ей страшны. И все же она предпочитала избегать столкновения, сама победа в котором была бы для нее мучительной, и искренне радовалась, что их было не видно и не слышно. Тилни зашли к ней в назначенное время. И поскольку не возникло никаких новых затруднений,—ничего не вспомнилось, не пришло неожиданного вызова и никто бесцеремонным вторжением не нарушил их намерений,—наша героиня весьма противостественным образом смогла выполнить свое обещание, хотя оно и было дано не кому иному, как самому герою романа.

Они решили обойти вокруг Бичен Клиффа, величественного холма, яркая зелень и нависшие кустарники которого делают его столь заметным с любого открытого места в Бате.

— Когда я на него смотрю,—сказала Кэтрин, пока они шли вдоль реки,—я всегда вспоминаю о юге Франции.

— Вы бывали за границей? — с некоторым удивлением спросил Генри.

— Да нет же, я говорю просто о том, что описано в книгах. Этот холм всегда наводит меня на мысль о стране, по которой в «Удольфских тайнах» путешествовали Эмили и ее отец. Но вы ведь, наверно, не читаете романов?

— Почему же?

— Они для вас недостаточно умны. Джентльмены читают более серьезные книги.

— Человек, будь то джентльмен или леди, не получающий удовольствия от хорошего романа, должен быть безнадежно глуп. Я прочел все сочинения миссис Радклиф, и большинство из них с большим интересом. Когда я взялся за «Удольфские тайны», я не мог оторваться от книги. Помню, я проглотил ее за два дня, и все это время волосы дыбом стояли на моей голове.

— Да,—прибавила мисс Тилни,—я помню, как ты мне начал читать ее вслух. Когда я только на пять минут отвлеклась, чтобы ответить на записку, ты, вместо того чтобы ненадолго отложить книгу, убежал с романом

в Эрмитажную аллею, и мне потом пришлось ждать, пока ты его не закончишь.

— Спасибо, Элинора. Весьма убедительное свидетельство! — Вы видите, мисс Морланд, насколько необоснованным было ваше подозрение. Вот что со мной сделало желание поскорее узнать о дальнейших событиях. Я не мог всего пять минут подождать свою сестру, нарушил обещание прочесть ей этот роман вслух и в самом интересном месте заставил ее мучиться от любопытства, убежав с книгой, которая, примите во внимание, была ее, и только ее, собственностью! Вспоминая об этом, я испытываю чувство гордости и надеюсь, что этот случай позволит вам составить обо мне хорошее мнение.

— Мне это и в самом деле приятно слышать. Теперь я не буду стыдиться того, что мне нравится «Удольфо». До сих пор я не в шутку думала, что все молодые люди с поразительным презрением говорят о романах.

— Вот именно, поразительным. Можно и впрямь поражаться тем, что они способны презирать книги, которые сами читают наравне с женщинами. Я лично прочел их сотни. Не воображайте, что вы можете соревноваться со мной в знакомстве со всеми Джулиями и Луизами. Коли мы станем считаться, спрашивая без конца друг у друга: «Читали ли вы то», или: «Читали вы это», — я скоро оставлю вас так далеко позади, как, — что бы такое придумать в качестве подходящего сравнения? — как сама ваша любезная Эмили оставила позади бедного Валанкура, уехав со своей теткой в Италию. Подумайте, насколько раньше я начал. Я уже учился в Оксфорде, когда вы еще были милой маленькой девочкой и вышивали дома салфеточки для подарков.

— Боюсь, что не слишком милой. Но скажите мне все же, не находите ли вы, что «Удольфо» прелестнейшая книга на свете?

— Вы, должно быть, имеете в виду «красивейшая»? Это зависит от переплета.

— Генри, — сказала мисс Тилни, — ты позволяешь себе слишком много! Мисс Морланд, он обращается с вами совершенно так же, как со своей сестрой. Ему всегда хочется поймать меня на том, что я как то не точно выразилась. А теперь он пробует и с вами затеять ту же игру. Он недоволен вашим употреблением слова «прелестнейшая», и вам лучше побыстрее его заменить, так как в противном случае он будет всю дорогу пилить нас Джонсоном и Блэром.

— Я уверена,— воскликнула Кэтрин,— что у меня и в мыслях не было ничего плохого. Но это в самом деле прелестная книга — почему же мне так ее не назвать?

— Совершенно верно,— сказал Генри.— И сегодня прелестная погода. И мы совершаем прелестную прогулку. И вы обе — самые прелестные молодые леди. Какой же это поистине прелестный мир! Слово подходит ко всему. Быть может, первоначально его использовали, только чтобы выразить красоту, изящество, утонченность,— говорили о прелестных платьях, чувствах или вкусах. Но теперь одним этим словом можно охарактеризовать любое качество в любом предмете.

— В то время как на самом деле,— воскликнула его сестра,— оно может относиться только к тебе, не характеризуя при этом ничего. Ты и впрямь человек прелестный, да вот нрав у тебя известный! Давайте, мисс Морланд, предоставим ему размышлять о точности наших выражений, а сами будем восторгаться «Удольфо», пользуясь любыми словами, какие только придут нам в голову. Это действительно интереснейшая книга. Вы любите подобное чтение?

— Сказать по правде, я не очень люблю другое.

— Вот как?

— То есть я могу читать стихи, пьесы и тому подобное и неплохо отношусь к описаниям путешествий. Но историей, настоящей солидной историей я никак не могу увлечься. А вы можете?

— Да, я люблю историю.

— Я тоже хотела бы ее любить. Я иногда читаю исторические книги по обязанности, но они меня только злят или усыпляют. Споры королей и пап, с войнами или чумой на каждой странице! Мужчины — ничтожества, о женщинах вообще почти не говорится — все это невыносимо. И вместе с тем мне часто кажется странным, что это так скучно. Ведь большую часть того, что там написано, пришлось сочинить. Речи, вложенные в уста героев, их мысли, планы — почти все это надо было придумать, а в других книгах я больше всего люблю выдумку.

— Вам кажется,— сказала мисс Тилни,— что историкам не слишком удаются взлеты фантазии? Они щеголяют воображением, не возбуждая интереса у читателя? Я люблю историю, и меня вполне удовлетворяет смесь истины с выдумкой. Главные факты исторические авторы добывают из архивов — древних книг и летописей, которым, я надеюсь, можно настолько верить, насколько во

обще можно верить сведениям о том, что происходит не у нас на глазах. А что касается названных вами маленьких украшений, то они и есть всего лишь украшения, и я воспринимаю их в качестве таковых. Если речь хорошо написана, я читаю ее с удовольствием независимо от того, кем она сочинена,— возможно, даже с большим удовольствием благодаря тому, что вместо подлинных слов Карактакуса, Агриколы или Альфреда Великого передо мной — сочинение мистера Юма или мистера Робертсона.

— Так вы любите историю? И мистер Аллен с моим отцом тоже любят. И два моих брата не питают к ней отвращения. Столько примеров среди маленького круга моих друзей — просто удивительно! Такая пропорция позволяет мне не испытывать жалости к историческим писателям. Если люди любят читать их книги, то все в порядке. А не то — отдавать столько сил, чтобы исписывать огромные тома, в которые, как я думала, добровольно даже никто и не заглядывает,— работать только ради мучения маленьких мальчиков и девочек — такая судьба мне казалась слишком жестокой! И хотя мне известно, насколько это все правильно и нужно, я часто удивлялась самоотверженности людей, которые способны засесть за подобную работу.

— Что маленьких мальчиков и девочек следует мучить,— сказал Генри,— не станет отрицать ни один человек, хоть немного знакомый с жизнью в цивилизованном государстве. Но говоря о наших выдающихся историках, должен заметить, что предположение, будто они не преследуют более высокой цели, могло бы их сильно оскорбить. Судя по их методу и стилю, мне думается, они вполне способны мучить читателей в гораздо более зрелом возрасте и с более развитым интеллектом. Я употребляю глагол «мучить», пользуясь вашим собственным языком, вместо глагола «учить», считая их отныне синонимами.

— Вам кажется нелепым, что я учение назвала мучением. Но если бы вы, подобно мне, привыкли наблюдать, как бедные маленькие дети сперва заучивают буквы, а потом учатся правописанию; если бы вы всю жизнь, подобно мне, видели, какими непонятливыми они бывают на протяжении целого утра и как устает наша бедная мать к его концу, то вы согласились бы, что «мучить» и «учить» в некоторых случаях можно считать одним и тем же.

— Вполне возможно. Но историки не в ответе за трудность обучения грамоте. И даже вас самих, хотя вы, кажется, не слишком склонны к суровым и напряженным чанятиям, быть может, удастся убедить, что неплохо пострадать два три года, чтобы всю остальную жизнь иметь возможность читать. Подумайте, если бы нас не учили чтению, миссис Радклиф писала бы зря — или, быть может, не писала бы совсем!

Кэтрин согласилась, и ее самый жаркий панегирик по поводу талантов упомянутой леди исчерпал тему. Очень скоро Генри и Элинор принялись обсуждать другую, по поводу которой Кэтрин сказать было нечего. Они стали обозревать местность, как это делают люди,

занимающиеся живописью, и с жаром знатоков заспорили о том, в какой мере она подходит для пейзажа. В этих вопросах Кэтрин не разбиралась. У нее не было ни малейших представлений о рисовании и художественном вкусе. И она вслушивалась в их разговор с тщетным вниманием, ибо все, что они говорили, было ей почти целиком непонятно, а то малое, что ей удавалось в нем уловить, находилось в вопиющем противоречии со скудными сведениями в этой области, почерпнутыми ею из других источников. Оказывалось, что красивый вид не следует отныне рисовать с вершины холма и что чистое синее небо невыгодно для дневного пейзажа. Она до глубины души стыдилась своего невежества. Неуместный стыд! Тому, кто хочет кого-то к себе привязать, полезно проявить неосведомленность. Обладать хорошей осведомленностью — значит ущемлять тщеславие окружающих, чего разумный человек всегда должен избегать, в особенности женщина, имеющая несчастье быть сколько-нибудь образованной и вынужденная поелику возможно скрывать этот недостаток.

В какой мере естественная простота благоприятствует хорошенькой девушке, было уже разъяснено мастерским пером моей сестры по профессии. И к ее трактовке этой темы я, из чувства справедливости к мужскому полу, добавлю только, что, хотя для более значительной и более легкомысленной его части привлекательность женщины усиливается ее наивностью, между мужчинами все же есть и такие, которые настолько разумны и образованны, что ищут в женщине чего-то большего, чем невежество. Кэтрин, однако, не признавала своего преимущества — она не знала, что хорошенькая девушка с чувствительным сердцем и самым непросвещенным умом, при отсутствии каких-либо неблагоприятных обстоятельств, не может не привлечь к себе умного молодого человека. В настоящем случае она с огорчением призналась в своей недостаточной осведомленности и заявила, что за умение рисовать была бы готова пожертвовать всем на свете. В ответ незамедлительно последовала лекция о прекрасном, в которой объяснения ее спутника были настолько доходчивыми, что она тут же стала любоваться всем, что казалось красивым ему, и к которой она выказала такое серьезное внимание, что он ощутил полнейшее удовлетворение ее выдающимся природным вкусом. Он говорил ей о передних планах, расстояниях и далях, боковых фонах и перспективах, свете и тенях.

И Кэтрин оказалась столь способной ученицей, что, когда они поднялись на вершину Бичен Клиффа, она сама отвергла вид на город Бат в качестве возможного объекта для пейзажа. Восхищаясь ее успехами и боясь утомить ее ум слишком большой дозой премудрости, преподнесенной за один раз, Генри позволил содержанию беседы постепенно измениться, и, легко перейдя от скалистого утеса и засохшего дуба, который он поместил неподалеку от его вершины, к дубам вообще, к лесам, к окружающим их землям, пустующим пространствам, государственным угольям и правительству, он вскоре оказался в сферах политики. А от политики было уже нетрудно прийти к молчанию. Затяжная пауза, последовавшая после того, как он кратко рассмотрел состояние нации, была нарушена Кэтрин, которая сказала весьма серьезно:

— Я слышала, в Лондоне ждут чего то ужасного.

Мисс Тилни, к которой главным образом были обращены эти слова, вздрогнула и поспешно откликнулась:

— В самом деле! В каком же роде?

— Не имею понятия ни о роде, ни об истоках. Я только слышала, что речь идет о чем то чудовищном — несравнимом со всем, что было известно прежде.

— Боже! Откуда вы это узнали?

— Моя близкая подруга получила вчера письмо из Лондона. Что то необыкновенно страшное. Можно ждать убийства и тому подобного.

— Вы удивительно владеете собой, рассказывая об этом. Надеюсь, что сообщения вашей подруги преувеличены. И если о подобном замысле известно заранее, правительством будут приняты необходимые меры, чтобы предотвратить его осуществление.

— Правительство,— сказал Генри, сдерживая улыбку,— не обладает ни желанием, ни возможностью вмешиваться в подобные дела. Убийства нужны. И правительство безразлично, в каких масштабах.

Леди посмотрели на него с удивлением. Он засмеялся и прибавил:

— Послушайте, вы хотите, чтобы я помог вам понять друг друга, или же предоставить вам выбирать из этой путаницы своими силами? О нет, я буду великодушен и докажу, что я мужчина, не только щедростью своей души, но и ясностью рассудка. Я терпеть не могу представителей моего пола, которые считают недостойным иногда снисходить до уровня вашего разумения. Возможно, женский ум недостаточно основателен и остер —

недостаточно деятелен и пронизателен. Возможно, вам не хватает наблюдательности, интуиции, логики, огня, гения и остроумия...

— Мисс Морланд, не обращайтесь внимания на его слова. Но будьте добры, расскажите мне, что это за ужасный заговор?

— Заговор? Какой заговор?

— Дорогая Элинора, заговор существует лишь в твоём воображении. Какая несусветная путаница! Мисс Морланд всего навсего упомянула о новом готовящемся к выходу романе в трех томах дуодецимо, по двести семьдесят шесть страниц в каждом, с фронтисписом в первом, изображающим два могильных камня и фонарь,— ты поняла? Ваши ясные высказывания, мисс Морланд, моя бестолковая сестра неверно восприняла. Вы говорили об ожидаемых в Лондоне ужасах, но вместо того, чтобы сразу понять, как подобало бы разумному существу, что ваши слова относятся только к распространенным изданиям, она немедленно нарисовала в своём воображении собравшуюся в Сент Джордж Филдсе трехтысячную толпу, разгромленный Банк, осажденный Тауэр, залитые кровью лондонские улицы, вызванный из Нортгемптона для подавления восставших эскадрон 12 го полка легких драгун (надежда нации!) и славного капитана Фредерика Тилни, сбитого с лошади брошенным из верхнего окна кирпичом в самый момент его появления во главе вверенных ему войск. Простите её её недогадливость. Сестринская привязанность соединилась здесь со слабостью женщины. Вообще то она вовсе не так уж плохо соображает.

Кэтрин чувствовала себя достаточно неловко.

— А теперь, Генри,— сказала мисс Тилни,— после того как ты помог нам понять друг друга, ты мог бы помочь мисс Морланд понять и тебя самого,— если только ты не хочешь, чтобы она считала тебя непозволительно бесцеремонным по отношению к твоей сестре и великим грубияном по отношению к слабому полу вообще. Мисс Морланд еще не привыкла к твоим чудачествам.

— Я буду счастлив познакомить её с ними получше.

— Не сомневаюсь. Но этим ты еще не дал необходимых сейчас объяснений.

— Что же от меня требуется?

— Ты это знаешь сам. Изложи свои подлинные взгляды. Объясни, какого ты высокого мнения об умственных способностях женщин.

— Мисс Морланд, я весьма высоко ставлю умственные способности всех женщин на свете, кто бы они ни были, в особенности тех, с кем я имею счастье находиться в одной компании.

— Этого недостаточно. Будь серьезнее.

— Мисс Морланд, никто не судит об умственных способностях женщин так высоко, как я. Мне кажется, что природа дала им так много, что они никогда не считают нужным использовать больше половины.

— В данный момент, мисс Морланд, мы не добьемся от него ничего более разумного. Он сейчас не настроен на серьезный лад. Но, уверяю вас, было бы совершенно неверно предполагать, что он способен высказаться несправедливо о какой-нибудь женщине вообще или недоброжелательно обо мне.

Поверить, что Генри Тилни не может поступить плохо, было для Кэтрин совсем нетрудно. Выходки его иногда вызывали у нее удивление, но относился он ко всему всегда правильно. А тем, что было в нем непонятно, она готова была восхищаться так, как будто она это понимала. Вся прогулка показалась Кэтрин чудесной, и, хотя она закончилась слишком быстро, чудесным было и ее завершение: ее друзья зашли вместе с ней в дом, и перед тем, как расстаться, мисс Тилни, обращаясь в равной степени к ней и к миссис Аллен, самым любезным образом попросила Кэтрин доставить ей удовольствие, приняв приглашение послезавтра у них пообедать. Со стороны миссис Аллен не возникло никаких затруднений, а единственная трудность для Кэтрин была связана с необходимостью скрыть переполнившие ее радостные чувства.

Утро прошло так приятно, что совершенно вытеснило из ее памяти мысли о дружбе и сестринской привязанности. За все время прогулки она ни разу не подумала об Изабелле и Джеймсе. Когда Тилни ушли, ей захотелось что-нибудь о них узнать, но на первых порах это оказалось невозможным. Миссис Аллен ничем не могла расшеять ее тревогу по поводу отсутствия сведений о подруге и брате. Около середины дня, однако, Кэтрин под предлогом безотлагательной покупки ярда цветных лент вышла на улицу. На Бонд стрит она обогнала среднюю мисс Торп, шедшую в Эдгаре Билдингс между двумя самыми очаровательными на свете девицами, которые в течение этого утра были ее любимейшими подругами. От нее Кэтрин узнала, что путешествие в Клифтон состоялось.

— Они выехали в восемь часов,— сказала мисс Энн,— и, поверьте, я не завидую их поездке. Мне кажется, мы с вами счастливо отделались от этой затеи. Ничего не могло быть скучнее — в это время года в Клифтоне ни души. Белл поехала с вашим братом, а Джон повез Марию.

Кэтрин выразила полное удовлетворение, узнав, как все устроилось.

— Еще бы,— поддакнула ей Энн,— Мария сразу согласилась. Она была в диком восторге, надеясь получить удовольствие. Не могу сказать, что восхищаюсь ее вкусом. Что касается меня, я с самого начала решила не ехать, как бы меня ни упрашивали.

Несколько в этом сомневаясь, Кэтрин не удержалась от замечания:

— Я бы желала, чтобы и вы участвовали в прогулке. Жаль, что вы не смогли поехать со всеми.

— Благодарю вас, мне это было ни к чему. Я ни за что не поехала бы сама. Когда вы подошли, я как раз говорила об этом Эмили и Софье.

Кэтрин осталась неубежденной, но радовалась, что Энн располагала подругами, которые могли ее утешить. Вполне успокоенная, она попрощалась с мисс Торп и вернулась домой, довольная тем, что ее отказ не сорвал поездки, и надеясь, что благодаря удовольствию, полученному от прогулки, Джеймс и Изабелла перестанут сердиться на проявленное ею упорство.

ГЛАВА XV

а следующий день утром записка от Изабеллы, дышавшая в каждой строке миром и дружбой и умолявшая прийти немедленно по исключительно важному делу, заставила подгоняемую преданностью и любопытством Кэтрин поспешить в Эдгарс Билдингс. В гостиной она застала двух младших мисс Торп. И когда Энн вышла, чтобы позвать Изабеллу, Кэтрин воспользовалась возможностью расспросить ее сестру о вчерашней поездке. Мария только и ждала случая выразить свои восторги, и Кэтрин тотчас же услышала, что они совершили чудеснейшую прогулку на свете и что никто не может себе представить, до чего это было

изумительно, и поверить, как это было очаровательно. Таковы были сведения, сообщенные за первые пять минут. В продолжение последующих были переданы некоторые подробности: они приехали прямо в гостиницу «Йорк», слегка перекусили, заказали ранний обед, сходили в Галерею бьюет и попробовали там воду из источника, расставив несколько шиллингов в сумочки и копилки, завернули к кондитеру поесть мороженого, поспешили в гостиницу и, боясь задержаться до темноты, наспех проглотили поданные им блюда, а затем прелестнейшим образом вернулись домой — правда, луны не было и пошел небольшой дождь, да еще лошадь мистера Морланда так заморилась, что еле еле переставляла ноги.

Кэтрин вполне удовлетворило выслушанное сообщение. Про Блэйзский замок они, как видно, даже не вспомнили, а обо всем остальном не стоило жалеть ни минуты. В конце рассказа Мария выразила нежное сочувствие своей сестре Энн, которая, по ее мнению, была смертельно обижена тем, что ее не взяли в поездку.

— Она мне этого никогда не простит, я убеждена. Но вы же знаете, разве я могла чтонибудь сделать? Джон хотел, чтобы поехала я, — он клялся, что не повезет ее из за ее толстых лодыжек. Боюсь, настроение у нее испорчено на целый месяц. Но я твердо решила не обращать на это внимания. Меня ведь не так то легко вывести из себя.

В эту минуту в комнату стремительно вбежала Изабелла с таким счастливым и многозначительным видом, что сразу привлекла к себе все внимание своей подруги. Мария была бесцеремонно выставлена за дверь, и Изабелла, заключив Кэтрин в объятия, начала следующим образом:

— Да, да, Кэтрин, это в самом деле так. Ваша проницательность вас не обманула. У, этот ваш коварный взгляд! Он все видит насквозь.

Взгляд Кэтрин выражал лишь недоумение.

— Ну вот, моя бесценная, моя самая любимая подруга, — продолжала Изабелла, — видите, до чего я взволнована. Давайте сядем поуютнее и поговорим. Значит, вы обо всем догадались, как только получили мою записку? Лукавое создание! Ах, Кэтрин, вы одна знаете мое сердце — только вы способны понять, как я счастлива. Ваш брат — обаятельнейший человек на земле. Только бы мне стать достойной его! Но что скажут ваши чудесные родители? Боже! Когда я думаю о них, меня всю трясет.

Кэтрин начала догадываться о случившемся. Мысль об этом осенила ее внезапно. И, густо покраснев под дей

ствием столь нового для нее переживания, она воскликнула:

— Боже мой! Изабелла, дорогая моя, что вы хотите сказать? Неужели, неужели вы с Джеймсом и вправду друг друга любите?

Ее смелая догадка, однако, как она скоро поняла, отражала истинное положение дел только наполовину. Горячая симпатия к Джеймсу, которую Кэтрин якобы постоянно замечала в каждом взгляде и поступке Изабеллы, была вознаграждена во время вчерашней поездки его нежнейшим признанием в любви. И теперь она была связана с ее братом сердцем и словом. Еще никогда до ушей Кэтрин не доходила такая радостная, такая увлекательная и необычайная новость. Ее брат и ее подруга помолвлены! Впервые переживая подобное событие, она придавала ему столь большое значение, как будто жизненная рутина не могла принести ей еще раз чего либо в этом роде. Выразить силу своих чувств она не могла, но их суть вполне удовлетворяла ее подругу. И прежде всего Кэтрин дала им выход, признавшись, насколько она будет счастлива приобрести такую сестру, после чего две прекрасные леди обнялись и их счастливые слезы смешались в общем потоке.

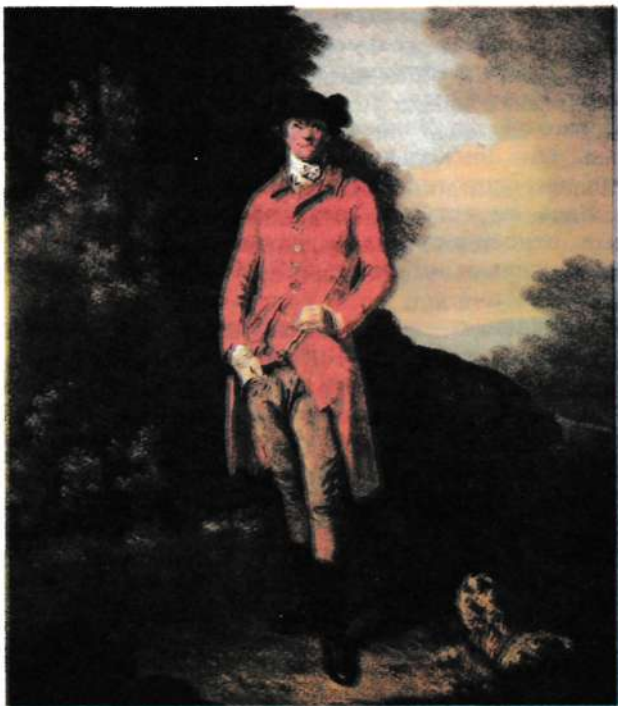
Как бы искренне Кэтрин ни была рада их будущему родству, следует признать, что Изабелла далеко превзошла ее в предвкушении близости между ними.

— Моя Кэтрин будет мне несравнимо дороже, чем Энн или Мария. Я знаю, что привяжусь ко всем моим дорогим Морландам гораздо сильнее, чем к своей семье.

Подобная возвышенность дружеских чувств оставалась для Кэтрин недостижимой.

— Как вы похожи на вашего брата! — продолжала Изабелла. — С тех пор, как мы встретились, я в вас души не чаю. Но так бывает со мной всегда — первое мгновение решает все! В первый же день, когда Морланд приехал в прошлом году к нам на рождество, в ту самую секунду, как я его увидела, мое сердце мне больше не принадлежало. На мне, помню, было тогда желтое платье, а волосы заплетены в косы. Я вошла в гостиную, Джон мне его представил, и мне показалось, что я в жизни еще не видела более красивого человека.

Здесь Кэтрин отметила про себя могущественную силу любви. Ибо хоть она и была очень привязана к брату и относилась пристрастно к его достоинствам, она никогда не находила его красивцем.

Лорд Спенсер Гамильтон.
С картины Ф. Уитли, ок. 1778 г.

— В тот вечер, помнится, у нас пила чай мисс Эндрюс — на ней было платье из красновато-коричневого шелка. И она выглядела так божественно, — я была уверена, что ваш брат непременно в нее влюбится. Думая об этом, я всю ночь не сомкнула глаз. Ах, Кэтрин, скольких бессонных ночей стоил мне ваш брат! Я не желала бы вам выстрадать и половину того, что досталось на мою долю. Я знаю, насколько я похудела. Но мне незачем терзать вас, описывая все мои муки. Вы их наблюдали достаточно. Мне кажется, я выдавала себя на каждом шагу. Я так неосторожно призналась в своей склонности к людям духовного звания! Но я не сомневалась, что вы сохраните мою тайну.

Кэтрин знала, что ничего не могло быть сохраннее. Но, стыдясь признаться подруге в своей недогадливости, она не смела оспаривать приписываемые ей лукавую про

ницательность и душевную симпатию. Ей стало известно, что ее брат хочет незамедлительно ехать в Фуллертон, чтобы объявить о случившемся родителям и испросить их согласия. И это было причиной некоторого действительного беспокойства Изабеллы, которое Кэтрин постаралась рассеять. Она нисколько не сомневалась, что отец и мать никогда не воспротивятся желаниям Джеймса.

— Едва ли есть на свете родители,— сказала она,— которые относились бы к детям с большей добротой и сильнее желали им счастья. Я убеждена, что они согласятся немедленно.

— Морланд говорит то же самое,— сказала Изабелла.— И все же я не смею надеяться. Я так бедна — они никогда на это не согласятся. Ваш брат ведь может жениться на ком угодно!

Тут Кэтрин снова подумала о могуществе любви.

— Право, Изабелла, вы себя недооцениваете. Какое значение может иметь различие в имущественном положении?

— Кэтрин, дорогая моя, конечно, для вашего благородного сердца оно не значило бы ничего. Но мы не можем ждать того же бескорыстия от каждого человека. Что до меня, я бы с радостью поменялась с вашим братом ролями. Будь в моем распоряжении миллионы, владей я всем миром, я бы выбрала только его!

Этот благородный порыв, отличавшийся широтой взглядов и новизной, приятнейшим образом напомнил Кэтрин о множестве знакомых ей героинь. И она подумала, что ее подруга еще никогда не казалась ей столь прекрасной, как в ту минуту, когда выражала свою великодушную мысль.

— Они непременно согласятся,— то и дело повторяла Кэтрин.— И вы, я уверена, им очень понравитесь.

— Что касается меня,— сказала Изабелла,— то я настолько неприхотлива, что удовлетворилась бы самым скромным доходом. Для тех, кто по настоящему любит, сама бедность заключает в себе богатство. Я презираю роскошь. И я бы ни за что на свете не переехала в Лондон. С каким бы восторгом я поселилась в маленьком коттедже где нибудь в глухой деревушке. Около Ричмонда есть такие очаровательные маленькие виллы!

— Ричмонд! — воскликнула Кэтрин.— Вы должны поселиться около Фуллертона. Вы должны жить неподалеку от нас.

— Поверьте, я буду несчастна, если нам это не удастся. Только бы мне быть рядом с вами — большего мне

не нужно. Но ведь это пустая болтовня. Я не позволю себе мечтать об этом, пока мы не узнаем ответа вашего отца. По словам Морланда, если сегодня он пошлет письмо из Сэлсбери, завтра оно уже будет здесь. Завтра! У меня не хватит духа его распечатать. Я знаю, для меня это будет означать смерть.

Высказав такое убеждение, Изабелла задумалась. Она нарушила молчание, только чтобы объяснить, какое она собирается заказать себе свадебное платье.

Их беседа была прервана появлением влюбленного юноши собственной персоной — он пришел, чтобы обменяться со своей возлюбленной прощальным приветом перед отбытием в Уилтшир. Кэтрин хотелось его как следует поздравить, но она не нашла подходящих слов, так что красноречивыми были только ее глаза. В них достаточно выразительно сияли все восемь частей речи, которые Джеймсу нетрудно было расставить в должном порядке. Стремясь к скорейшему осуществлению связанных с поездкой надежд, он прощался недолго. И прощание было бы еще короче, если бы любимая не задержала его настоятельными просьбами, чтобы он ускорил свой отъезд. Дважды она возвращала его уже от самых дверей, умоляя отправляться немедленно.

— Право, Морланд, я должна вас выпроводить. Подумайте, как далеко вам предстоит ехать! Я не могу видеть, как вы медлите. Ради бога, не тратьте попусту время. Уезжайте, уезжайте скорей! Я этого требую!

Две подруги, чьи сердца были теперь связаны прочнее, чем когда либо раньше, в течение всего дня оставались неразлучны. Рисуя перед собой радужные картины будущих родственных отношений, они не замечали, как бежит время. Миссис Торп и ее сын, знавшие обо всем и ожидавшие только согласия мистера Морланда отца, чтобы отнестись к помолвке Изабеллы, как к счастливейшему семейному событию, были допущены к участию в их разговорах и внесли свою долю многозначительных взглядов и сокровенных намеков, доведших непосвященных сестер Изабеллы до крайней степени любопытства. Станный способ сохранения тайны представлялся Кэтрин, с ее простыми чувствами, не слишком великодушным и действенным. И она высказалась бы по поводу его жестокости, если бы не убедилась в том, что он не достиг цели. Энн и Мария вскоре успокоили ее тревогу своими проникновенными «А я все знаю!». И вечер прошел в своеобразном словесном турнире, в ходе которого фамильная находчивость прояви

лась одинаково успешно в нарочитой таинственности одной из сторон и недоговариваемых догадках другой.

Следующий день Кэтрин вновь провела с подругой, успокаивая ее тревогу и помогая ей пережить томительно долгие часы до прибытия почты. Усилия ее оказались весьма полезными, так как по мере приближения ожидаемого события Изабелла все больше и больше падала духом и к моменту прихода письма довела себя до полного отчаяния. Но куда девалось ее уныние, когда письмо было наконец получено: «Мне не составляло никакого труда добиться согласия моих добрых родителей, которые обещали сделать все от них зависящее, чтобы способствовать моему счастью»,— говорилось в первых же строчках, и с этой минуты для Изабеллы наступила радостная уверенность. Ее лицо засияло, тревога и озабоченность улетучились, она почти утратила способность владеть собой и без колебаний называла себя счастливейшей из смертных.

Миссис Торп со слезами обняла дочь, сына, гостью и с удовольствием обняла бы половину жителей Бата. Сердце ее было переполнено нежностью. Каждое ее обращение сопровождалось эпитетом: «Мой дорогой Джон», «Моя дорогая Кэтрин». «Дорогая Энн» и «Дорогая Мария» сейчас же были приобщены к общим восторгам, а в применении к имени Изабеллы даже удвоенный эпитет не исчерпывал того, чего заслуживало в эту минуту ее любимое дитя. Джон и тот не скупился на проявления радости. Он не только удостоил мистера Морланда высокого звания одного из лучших парней на свете, но напропалую клятвенно подтверждал всевозможные похвалы по его адресу.

Письмо, вызвавшее это ликование, было кратким и содержало только известие о благоприятном исходе разговора с родителями. Все подробности откладывались до того времени, когда Джеймс сможет написать еще раз. Но подробностей Изабелла легко могла подождать. В обещании мистера Морланда заключалось все необходимое. Залогом того, что все устроится прекраснейшим образом, была его честь. А каким способом будет обеспечен их доход—получат ли они земельную собственность или им будет выделен известный капитал,—мало занимало ее бескорыстную душу. Она знала достаточно, чтобы с уверенностью ждать достойного и быстрого устройства своей судьбы, и ее воображение перелетело уже к сопутствующим радостям. Она представляла себе, как через несколько недель у нее появится собственный выезд, новая фамилия на визитных карточках и ослепительный набор колец на

пальце, а также предвкушала, как на ней будут останавливаться восхищенные взоры ее новых фуллертонских знакомых и как ей будут завидовать ее любимые старые подруги из Патни.

Когда содержание письма стало известно, Джон Торп, откладывавший свой отъезд в Лондон только до его получения, собрался в дорогу.

— Что ж, мисс Морланд,— сказал он, застав ее в гостиной одну,— я пришел с вами проститься.

Кэтрин пожелала ему счастливого пути. Как будто не расслышав ее, он подошел к окну, потоптался там, промурлыкал себе под нос какую то песенку и, казалось, целиком ушел в свои мысли.

— Вы не опоздаете в Дивайз? — спросила Кэтрин.

Он не ответил, но после минутного молчания его словно прорвало:

— Отличная это штука — женитьба, клянусь честью! Морланд и Белл славно придумали. А как это понравилось вам, мисс Морланд? Я бы сказал, это неплохая затея, а?

— Мне кажется, даже очень хорошая.

— Правда? Вот это прямота, ей богу! Во всяком случае, я рад, что вы не предубеждены против брака. Слышали старый припев: «Сходишь на свадьбу — готовься к другой»? Надеюсь, вы будете у Белл на свадьбе?

— Я обещала вашей сестре быть в этот день с ней, если только смогу.

— А тогда,— Торп скривился и глупо захихикал,— а тогда, знаете, мы могли бы проверить, есть ли в старой песенке какойнибудь толк.

— Вы думаете? Но ведь я не пою. Что ж, счастливого пути. Сегодня я обедаю у мисс Тилни, и мне надо торопиться домой.

— Зачем вам спешить? Кто знает, когда еще доведется встретиться. Хоть я и собираюсь сюда через две недели, они мне покажутся чертовски длинными.

— Для чего же так задерживаться? — сказала Кэтрин, видя, что он ждет ее ответа.

— Спасибо за добрые слова. Добрые и великодушные. Я о них не забуду. В вас, я думаю, больше великодушия и всего такого, чем в ком бы то ни было. Уйма великодушия, и не только его, но еще много, много самого разного! И еще в вас есть... клянусь небом, я не знаю никого вроде вас!

— Что вы, таких, как я, великое множество, даже гораздо лучше. Всего хорошего!

— Я хочу сказать, мисс Морланд, что собираюсь в скором времени навестить Фуллертон, засвидетельствовать там, если вы ничего не имеете против, мое почтение.

— Ради бога. Мои родители будут рады вас видеть.

— Но вам, мисс Морланд, надеюсь, это не будет неприятно?

— Почему же? Ни в коей мере. На свете мало людей, которых мне неприятно видеть. В обществе ведь всегда веселее!

— Я рассуждаю в том же роде. Дайте мне, говорю я, небольшую веселую компанию, дайте мне компанию людей, которых я люблю,— лишь бы я находился там, где мне нравится, да среди тех, кто мне нравится, и я отдам дьяволу остальное! Чертовски приятно слышать от вас то же самое. Мне сдается, мисс Морланд, наши мнения отлично сходятся во всех вопросах.

— Может быть, хотя это не приходило мне в голову. Что касается *всех вопросов*, то, говоря по правде, среди них не так уж много таких, о которых я успела составить свое мнение.

— Ей богу, у меня их не больше! Морочить себе голову тем, что меня не касается, не в моем вкусе. Мой взгляд на вещи прост. Дайте, говорю, мне девчонку, чтоб была по душе, да уютный домик в придачу, и какое мне дело до всего остального? Богатство — вздор. Доход у меня подходящий. Если у нее нет за душой ни пенса — тем лучше.

— Совершенно справедливо. Я думаю точно так же. Если в браке одна сторона располагает средствами, другой они ни к чему. Неважно, кому они принадлежат, достаточно только, чтобы была обеспечена семья. Когда одно богатство тянется к другому, это кажется отвратительным. Женитьба ради денег, по моему,— самая ужасная вещь на свете. Всего хорошего. Мы будем рады видеть вас в Фуллертоне, когда вам будет удобно.

И она ушла. Всей его обходительности не хватило бы, чтобы задержать ее дольше. Она должна была сообщить столь важные новости и приготовиться к столь важному визиту, что в его распоряжении не могло найтись ничего, чем бы он мог заставить ее остаться. И Кэтрин поспешила к выходу, оставив его размышлять в одиночестве о том, как ловко он выразил ей свои чувства и насколько недвусмысленно она его поощрила.

Незнакомое ей прежде волнение, которое она испытала, узнав о помолвке брата, давало ей повод думать, что рассказ об этом необычайном событии произведет соответствующее

впечатление и на мистера и миссис Аллен. Увы, ее ждало полное разочарование. Когда после многих вводных слов это ошеломительное известие было доведено до их слуха, оказалось, что они предвидели его с первого дня приезда Джеймса в Бат. Все, что они выразили по этому поводу, заключалось в пожелании счастья молодым людям, сопровождавшемся отзывами о красоте невесты, когда говорилось о джентльмене, и об удачном замужестве, когда говорилось о леди. Кэтрин видела в этом непонятную ей бесчувственность. Тем не менее, узнав, что Джеймс накануне тайно уехал в Фуллертон, миссис Аллен была несколько выведена из равновесия, ибо к этому известию она не могла отнестись столь же безучастно. Она то и дело причитала, что от нее скрыли его поездку, жалела, что не догадалась о его намерениях, и сетовала, что не повидала его перед отъездом и не смогла послать с ним добрые пожелания его родителям и сердечное приветствие семейству Скиннер.

ГЛАВА XVI

Кэтрин питала такие радужные надежды по поводу предстоящего посещения Мильсом стрит, что ей предстояло неминуемое разочарование. И, соответственно, хотя она была безукоризненно принята генералом Тилни и радушно встречена его дочерью, хотя Генри был дома, а из посторонних никого больше не было, не прошло и нескольких часов после ее возвращения оттуда, как, разобравшись в своих чувствах, она поняла, что не извлекла из этого визита того удовольствия, на какое рассчитывала. Все сказанное за этот день не только не сблизило ее с мисс Тилни, но, напротив, она уже не чувствовала себя с ней в тех коротких отношениях, какие установились между ними прежде. Хотя она видела Генри Тилни в благоприятной обстановке за непринужденной семейной беседой, он никогда еще не был столь скован и молчалив. И несмотря на подчеркнутую любезность со стороны их отца, несмотря на все его авансы, комплименты и изъявления благодарности, расставшись с ним, она почувствовала облегчение. Все это казалось загадочным. Это не могло быть виной генерала Тилни. Вне всякого сомнения, он был добродушным, благожелательным и во всех отношениях приятным человеком — ведь он был хорош собой, высок ростом и при

ходиллся отцом Генри. Он не мог быть в ответе за плохое настроение детей и за то, что она сама не получала удовольствия от его общества. Первое, вероятно, объяснялось случайностью, а второе — ее собственной глупостью.

Изабелла, узнав о подробностях визита, предложила другое объяснение:

— Все это — следствие их гордости, да, да — нестерпимого высокомерия и гордости! Она давно подозревала, что это семейство думает о себе невесть что, а теперь больше в этом не сомневалась. Ей еще не приходилось слышать, чтобы ктонибудь вел себя так заносчиво, как мисс Тилни! Своей невоспитанностью она не делает чести этому дому. Так обращаться с гостями! Почти с ней не разговаривать!

— Все это было вовсе не так плохо, Изабелла. Никакой заносчивости она не проявляла. И она была очень любезна.

— Пожалуйста, не защищайте ее! А каков ее братец, который, казалось, был вами так увлечен? Великий боже! Некоторых людей я положительно не понимаю. Так, значит, за весь день он на вас даже и не взглянул?

— Я бы этого не сказала. Но он словно был не в своей тарелке.

— Какое ничтожество! Больше всего я ненавижу непостоянство. Я требую, дорогая, чтобы вы этого человека выбросили из головы. Он недостойн вас.

— Недостойн меня? Едва ли он когданибудь обо мне думал.

— Это я и хочу сказать. Он о вас совсем не думает. Что за вероломство! Ни ваш, ни мой брат так бы не поступили. По моему, у Джона на редкость постоянное сердце.

— Но если говорить о генерале Тилни, едва ли ктонибудь мог проявить ко мне больше внимания и любезности, поверьте. Казалось, развлечь меня и доставить мне удовольствие было главной его заботой.

— О нем я другого мнения. Я не считаю его гордецом. Это, должно быть, настоящий джентльмен. Джон очень его хвалит, а слова Джона...

— Что ж, посмотрим, как они будут держаться со мной сегодня вечером. Мы встретим их в залах.

— Я тоже должна там быть?

— Разве вы не хотите? Мне казалось, это решено.

— Если для вас это важно, я не могу отказаться. Но не требуйте от меня, чтобы я там веселилась,— сердце мое, вы знаете, будет находиться в сорока милях отсюда. И, прошу вас, ни слова о танцах! Об этом не может быть и речи. Чарлз Ходжес, наверно, изведет меня до смерти.

Но я сумею его осадить. Десять против одного, что он способен докопаться до сути дела,—хоть именно этого я хотела бы избежать. Я требую, чтобы свои догадки он держал при себе.

Мнение Изабеллы о семье Тилни не повлияло на ее подругу. Она знала, что ни брат, ни сестра отнюдь не держали себя заносчиво. И ей казалось невероятным, чтобы их одолевала гордыня. Ее доверие к ним вознаградилось в тот же вечер: она была встречена с прежним вниманием мистером Тилни и по-прежнему приветливо его сестрой. Мисс Тилни старалась быть рядом с ней, а Генри пригласил ее танцевать.

Наслышавшись накануне на Мильсом стрит об ожидающемся с часу на час приезде их старшего брата, капитана Тилни, она без труда отгадала, кем был красивый и светский молодой человек, которого она никогда прежде не видела и который явно принадлежал к их компании. Она смотрела на него с восхищением и даже могла допустить, что кому то он мог понравиться больше своего младшего брата, хотя и отличался, по ее мнению, некоторой самоуверенностью и менее располагающей внешностью. Его манеры и чувство такта были отнюдь не столь безупречны. Она сама слышала, как капитан Тилни не только отверг всякую мысль об участии в танцах, но даже высмеял Генри, когда тот предположил такую возможность. Данное обстоятельство свидетельствовало, что, как бы ни относилась к нему наша героиня, его восхищение ею не имело опасного характера, чреватого враждой между братьями или преследованием леди. Он не мог стать подстрекателем трех негодяев в кавалерийских плащах, которые втащили бы ее в запряженную парой коней карету, готовую умчаться в неизвестном направлении. Не предвидя подобных неприятностей или вообще каких либо неприятностей, кроме слишком быстрого окончания танцев, Кэтрин тем временем радовалась, как обычно, обществу Генри Тилни, выслушивая с сияющими глазами все, что он ей говорил, и становясь неотразимей оттого, что находила неотразимым его.

После окончания первого танца капитан Тилни вновь оказался рядом с ними и, к большому неудовольствию Кэтрин, увел от нее своего брата. Они ушли, перешептываясь. И хотя при всем богатстве фантазии она не почуяла опасности и не заподозрила капитана Тилни в намерении сообщить Генри какие то сведения, способные разлучить их навеки, ее все же не могло не огорчить, что она лишилась партнера. Ей пришлось прождать целых пять минут, которые показались ей долгой четвертью часа, прежде чем

Но он ошибся — она бы не стала танцевать ни за что на свете.

Генри улыбнулся.

— Объяснение человеческих поступков дается вам без труда, — сказал он.

— В каком смысле? Что вы имеете в виду?

— Для вас не существует вопросов: «Как то то повлияло на того то?», «Что могло руководить человеком таких то взглядов, возраста, положения и привычек?». Вы думаете лишь: «Как это повлияло бы на меня?», «Какими побуждениями руководствовалась бы я?».

— Я вас не понимаю.

— У нас с вами в таком случае неравное положение. Я вас понимаю прекрасно.

— Меня? Еще бы. Я не умею выражаться так тонко, чтобы оставаться непонятой.

— Браво! Превосходная насмешка над современной манерой выражаться.

— Но что же все таки вы имели в виду?

— Сказать вам? Вам правда этого хочется? Но вы не предвидите последствий. Вам станет неловко, и между нами возникнет отчуждение.

— Нет, нет, не будет ни того, ни другого! Я этого не боюсь.

— Ну что ж, я всего лишь имел в виду, что, объясняя намерение моего брата танцевать с мисс Торп его добротой, вы обнаружили ни с чем не сравнимую доброту собственного сердца.

Кэтрин покраснела и запротестовала, чем подтвердила предсказание своего собеседника. Однако нечто, заключенное в его словах, вознаградило ее за пережитое смущение, и это нечто настолько заняло ее мысли, что на какое то время она замкнулась в себе, перестав слушать и разговаривать, и почти забыв, где она находится. Из этого состояния ее вывел голос Изабеллы, которую она увидела рядом с капитаном Тилни, приготовившимся соединить с ней руки в танце.

Изабелла пожала плечами и улыбнулась — в настоящую минуту то было единственным объяснением, которое она могла дать совершившейся в ней необычайной перемене. Эта перемена не укладывалась в сознании Кэтрин, и она простодушно выразила свое изумление партнеру по танцам.

— Не понимаю, как это могло случиться. Изабелла твердо решила не танцевать.

— Разве Изабелла до сих пор никогда не меняла своих решений?

— Да, но ведь... А ваш брат! Как он мог ее пригласить после того, как вы передали ему мои слова?

— С этой стороны я не вижу ничего странного. Вам хотелось, чтобы меня удивил поступок вашей подруги, — я подчинился. Но что касается моего брата, его поведение представляется мне, признаюсь, именно таким, какого в данном случае следовало от него ожидать. Красота мисс Торп бросилась ему в глаза. А о твердости ее решений было известно вам одной.

— Вы шутите. Но уверяю вас, Изабелла обычно стоит на своем.

— Это можно сказать о ком угодно. Стоять на своем часто значит проявлять упрямство. Способность к разумным уступкам — свидетельство здравого смысла. И безотносительно к моему брату, я и впрямь не считаю, что мисс Торп совершила ошибку, выбрав для этого настоящий случай.

Кэтрин и Изабелла не могли побыть вместе и поговорить между собой до самого окончания танцев. Но, гуляя затем с подругой по залу, Изабелла объяснила все следующим образом.

— Вы, разумеется, ужасно удивлены. Ах, право, я смертельно устала. Что за неугомонный человек! Не будь я так полна своими переживаниями — с ним даже было бы интересно. Но я бы отдала все на свете, чтобы посидеть в тишине.

— Почему же вы так не поступили?

— Любовь моя, это выглядело бы странно! Вы же знаете, я этого терпеть не могу. Я отказывалась как могла, но он и слышать не хотел. Вы не представляете, как он меня уговаривал. Я умоляла его меня извинить и пригласить когонибудь другого. Но нет, это было не для него. Желая танцевать только со мной, он не мог и подумать о другой даме. И он не только хотел танцевать, но, видите ли, хотел быть со мной *рядом!* Подумать только, какие глупости. Я ему заявила, что, пытаясь добиться успеха в моих глазах, он выбрал неверный путь, что больше всего на свете я ненавижу лесть и комплименты. И вот... И вот я поняла, что, пока я не уступлю, он не даст мне покоя. Кроме того, я боялась, как бы на меня не обиделась миссис Хьюз, — она мне его представила. И ваш дорогой брат — разве ему было бы приятно, если бы я весь бал провела у стены? Какое счастье, однако, что с этим покончено!

Я просто измучилась, слушая его болтовню. К тому же он такой блестящий молодой человек! На нас, я это чувствовала, смотрели все в зале.

— Он и вправду хорош собой.

— Хорош собой? Быть может. Многим он должен нравиться. Впрочем, этот господин не в моем вкусе. Терпеть не могу пышущих здоровьем брюнетов! А в остальном он совсем неплох. Наверно, воображает о себе бог весть что. Я раза два его осадила — вы знаете, я это умею.

Когда молодые леди встретились в следующий раз, у них была гораздо более важная тема для разговора. Пришло второе письмо от Джеймса, в котором подробно излагались намерения его отца. Вверенный мистеру Морланду церковный приход, приносящий в год около четырехсот фунтов, будет передан его сыну, как только Джеймс достигнет необходимого возраста. Никаких мелких отчислений от семейных доходов, скудных подачек одному из десятирех детей. Более того, за Джеймсом в качестве будущего наследства останется также приблизительно равноценная недвижимость.

Джеймс испытывал в связи с этим подобающее чувство сыновней признательности. И он смиренно соглашался с тем, что, как это ни печально, — хоть и не хуже, чем можно было ожидать, — с женитьбой им предстояло потерпеть от двух до трех лет. Кэтрин, чьи суждения по этому поводу были столь же смутными, как и представления об отцовских доходах, вполне полагалась на брата и была удовлетворена в равной мере, сердечно поздравив Изабеллу с таким благоприятным исходом дела.

— Это, конечно, очень мило, — с кислым видом сказала Изабелла.

— Мистер Морланд поступил, конечно, весьма великодушно, — сказала осторожная миссис Торп, тревожно взглянув на дочку. — Как бы мне хотелось сделать то же самое! Нельзя же было ждать от него большего. А если со временем у него появятся новые возможности, он, я уверена, ими воспользуется, — это ведь, безусловно, добрейший и прекраснейший человек. Конечно, четыре сотни — небольшие средства, чтобы начинать жизнь, но ведь тебе, моя дорогая Изабелла, нужно так мало — ты даже сама не сознаешь, дорогая, как скромны твои потребности.

— Мечтая о большем, я думаю не о себе. Невыносимо сознавать, что из за меня пострадает мой дорогой Морланд,

прозябая на средства, едва обеспечивающие его самые простые и насущные нужды. Мне то что, о себе я не беспокоюсь.

— Разумеется, моя дорогая. И твоей неизменной наградой будет любовь окружающих. Еще не было молодой женщины, пользующейся, подобно тебе, такой всеобщей любовью. И я осмелюсь сказать, что, когда мистер Морланд увидит мое дорогое дитя... Но не будем расстраивать такими разговорами нашу дорогую Кэтрин. Мистер Морланд, ты знаешь, поступил очень великодушно. Я всегда слышала, что это превосходный человек. И конечно, моя дорогая, мы не должны думать, что, располагай ты сама большими средствами, вы получили бы больше и от него. Я в этом уверена, он человек самых широких взглядов.

— Никто о мистере Морланде не может думать лучше, чем я. Но у каждого есть свои слабости. И каждый вправе распоряжаться собственными деньгами, как ему вздумается.

Эти упреки возмутили Кэтрин.

— Я совершенно убеждена,— сказала она,— что мой отец обещал Дать столько, сколько ему было по силам.

Изабелла опомнилась.

— В этом, Кэтрин, дорогая, не может быть никакого сомнения. Вы ведь хорошо знаете, меня бы удовлетворил и гораздо меньший доход. Сейчас я немножко расстроена, но это вовсе не из за денег. Деньги я ненавижу! Если бы наш союз осуществился сейчас же и мы получили бы всего пятьдесят фунтов в год, мне больше нечего было бы желать. Да, да, моя Кэтрин. Вы проникли в самую суть. Вот отчего у меня болит душа. Долгие, ах, какие долгие два с половиной года ждать, пока ваш брат получит приход!

— Изабелла, мой ангел,— сказала **миссис Торп**,— мы тебя прекрасно понимаем. Ты сама прямота, и мы обе тебе сочувствуем. Твоя искренняя бескорыстная привязанность сделала тебя для всех нас еще дороже.

Неприятные ощущения в душе Кэтрин начали рассеиваться. Она попыталась поверить, что огорчение Изабеллы было вызвано только отсрочкой свадьбы. И когда Кэтрин увидела ее в следующий раз такой же, как прежде, приветливой и беззаботной, она попыталась забыть о мелькнувших в ее голове мыслях совершенно иного рода. Вслед за своим письмом вскоре приехал Джеймс, которому была устроена нежнейшая встреча.

Наступила шестая неделя пребывания Алленов в Бате, и Кэтрин с замиранием сердца прислушивалась к возникавшим в последнее время разговорам о том, окажется ли она последней. Столь раннее прекращение знакомства с семейством Тилни представлялось ей потерей, которую будет невозможно восполнить. Пока вопрос обсуждался, ей казалось, что на карту поставлено все ее счастье, и, когда было решено снять занимаемые ими апартаменты еще на две недели, она почувствовала себя спасенной. Что смогут ей дать две лишние недели, кроме удовольствия видаться иногда с Генри, занимало ее мысли весьма мало. Правда, раз или два, побуждаемая помолвкой Джеймса, она задумывалась и о своем будущем и позволяла себе доходить до затаенного «кто знает?», но, как правило, блаженство от встречи с мистером Тилни было пределом ее желаний. Настоящее, заключенное теперь в ближайших трех неделях, обещало ей счастье, а остальной отрезок ее жизни был так далек, что не возбуждал в ней значительного интереса. В то утро, когда дело решилось таким образом, она навестила мисс Тилни, чтобы поделиться с ней радостной новостью. Судьба определила этому дню стать днем испытаний. Не успела она выразить свой восторг по поводу решения мистера Аллена продлить свое пребывание в Бате, как мисс Тилни сказала ей, что ее отец принял внезапное решение через неделю уехать. Удар был ошеломляющим. По сравнению с этим несчастьем предшествующие тревожения представлялись безмятежным спокойствием и благополучием. Лицо Кэтрин вытянулось, и она упавшим голосом повторила, как эхо, последние слова мисс Тилни:

— Через неделю уехать?..

— Да, отца редко удастся убедить довести до конца лечение здешними водами. Некоторые его друзья, которых он здесь надеялся встретить, к сожалению, не приехали. И раз сейчас он чувствует себя хорошо, ему не терпится вернуться домой.

— Как жалко,— удрученно сказала Кэтрин.— Если бы я только знала...

— Быть может,— смущенно произнесла мисс Тилни,— вы не откажетесь... Мы были бы счастливы...

Появление ее отца прервало фразу, которой, как надеялась Кэтрин, мисс Тилни хотела выразить желание с ней

переписываться. Поздоровавшись с присущей ему любезностью, он сказал, обращаясь к дочери:

— Итак, Элинор, можно ли поздравить тебя с успехом? Наша прелестная приятельница, надеюсь, приняла твоё приглашение?

— Когда вы вошли, я как раз заговорила об этом.

— Что ж, ради бога, продолжай. Я знаю, как тебе этого хочется. У моей дочери, мисс Морланд,— продолжал он, не давая дочери кончить,— возникло очень дерзкое желание. Быть может, она вам уже сказала, что через неделю, считая с субботы, мы покидаем Бат. Из письма моего управляющего я узнал, что меня ждут дома дела. Поскольку надежда встретить здесь старых друзей, маркиза Лонгтауна и генерала Кортни, увы, оказалась несостоятельной, меня здесь ничто не держит. И если бы наш эгоистический замысел в отношении вас осуществился, мы расстались бы с Батом без всякого сожаления. Короче говоря, можно ли надеяться уговорить вас покинуть сие поприще ваших триумфов и доставить вашей подруге Элинор удовольствие видеть вас у себя в Глостершире? Я почти стыжусь этой просьбы, хотя ее дерзость бросилась бы в глаза любому жителю Бата значительно более явно, чем вам. Скромность, подобная вашей... Но я ни за что на свете не хочу ее ранить восхвалениями вслух. Если бы мы склонили вас оказать нам честь и принять приглашение, мы были бы по настоящему счастливы. Конечно, мы не сможем предложить вам тех увеселений, которыми так богат здешний оживленный уголок. Мы не можем соблазнить вас ни развлечениями, ни роскошью, ибо, как видите, живем мы просто и непритязательно. Но мы не пожалеем сил, чтобы жизнь в аббатстве Нортенгер не показалась вам нестерпимо однообразной.

Аббатство Нортенгер! Эти волнующие душу слова довели восторженное состояние Кэтрин до предела. Ее счастливое и благодарное сердце едва позволяло ей настолько сдержаться, чтобы ее ответ прозвучал хоть в какой то степени хладнокровно. Чувствовать себя столь желанной гостьей! Получить столь лестное приглашение! Оно заключало в себе все радости — возможность упиваться настоящим и предаваться мечтам о будущем. И она приняла его, не раздумывая, оговорив лишь необходимость получить одобрение папы и мамы.

— Я сейчас же напишу домой,— сказала она,— и если они не станут возражать... Я уверена, что не станут...

Генерал Тилни питал не менее радужные надежды, ибо он уже навел ее превосходных друзей на Палтни стрит,

**Мисс Джорджина Леннокс.
С картины Т. Лоуренса.**

со стороны которых его намерения встретили полное одобрение.

— Поскольку они готовы вас отпустить, мы можем рассчитывать на такую же сговорчивость всех остальных.

Мисс Тилни была смущена, но приветлива, и все дело, с необходимой оговоркой относительно Фуллертона, было решено за считанные минуты.

События этого утра швыряли Кэтрин от неопределенности к уверенности и от нее — к новому разочарованию. Но теперь она испытывала полное блаженство. И в ликующем настроении, с Генри в сердце и с названием аббатства на устах она поспешила домой, чтобы засесть за письмо. Мистер и миссис Морланд, полагаясь на суждение своих друзей, которым они доверили свою дочь, не сомневались в добропорядочности одобренного этими друзьями знакомства, а потому прислали с обратной почтой свое полное

согласие на поездку в Глостершир. Такая благосклонность родителей, хотя Кэтрин в ней нисколько не сомневалась, окончательно убедила ее, что ей больше всех на свете повезло в отношении друзей, родни, обстоятельств и удачи. Все как нарочно складывалось к ее благополучию. Благодаря дружескому участию Алленов она попала туда, где ее на каждом шагу ждали всевозможные радости. Ее чувства, ее симпатии встречали полную взаимность. Если ей с кемнибудь хотелось сблизиться, ей это удавалось. Привязанность Изабеллы была закреплена тем, что они становились сестрами. Семейство Тилни, мнение которых было для нее важнее всего на свете, совершило для продолжения их дружбы гораздо больше, чем она могла даже мечтать. Ей предстояло стать их избранной гостьей, прожить несколько недель под одной крышей с человеком, чьим обществом она так дорожила. И к тому же эта крыша была крышей аббатства! Ее увлечение старинной архитектурой уступало только ее увлечению Генри. Замки и аббатства завладевали ее воображением во всех случаях, когда оно не было занято молодым Тилни. Уже несколько недель она мечтала осмотреть какую-нибудь окруженную крепостным валом башню или монастырскую галерею. Но оказаться в подобном месте не случайным посетителем — всего лишь на час, другой, — о таком она даже не смела мечтать. И это должно было осуществиться! При столь большой вероятности, что, ей назло, название Нортенгер могло принадлежать дому, залу, местности, парку, двору или коттеджу, оно означало именно аббатство, и Кэтрин предстояло стать его обитательницей. Его длинные замшелые галереи, его тесные кельи и разрушенную капеллу ей предстояло обходить ежедневно, и она могла не совсем отречься от надежды обнаружить связанное с ними старинное предание или зловещие следы мучений какой-нибудь несчастной монахини.

Было просто удивительно, что ее друзья относились к обладанию своим жилищем с таким спокойствием, что это так мало их трогало. Только сила давней привычки могла вызвать подобное равнодушие. Отличие, к которому они привыкли с рождения, не возбуждало в них чувства гордости. Превосходство родного дома имело для них не больше значения, чем превосходство их человеческих качеств.

Ей страстно хотелось расспросить мисс Тилни о множестве подробностей. Но хотя ее воображение было столь деятельным, все же, получив ответы на свои вопросы, она никак не могла уразуметь, что аббатство Нортенгер, бывшее

богатым монастырем во времена Реформации, после его расформирования попало в руки предка семьи Тилни, что крыло древнего здания до сих пор служило частью их жилища, в то время как все остальное разрушилось, и что оно расположено довольно низко в долине, будучи с севера и с востока прикрыто поднимающимся по склону дубовым лесом.

ГЛАВА XVIII

аходясь во власти счастливых переживаний, Кэтрин вряд ли даже заметила, что в течение двух или трех дней ей не пришлось провести бок о бок с Изабеллой больше нескольких минут. Впервые это дошло до ее сознания, и она затосковала по обществу мисс Торп, когда прогуливалась с миссис Аллен по Галерее, не имея ничего ей сказать и не надеясь что либо от нее услышать. Она размышляла о подруге не дольше пяти минут, когда появилась она сама и, пригласив Кэтрин для душевного разговора, подвела ее к скамейке.

— Это мое любимое местечко,— сказала Изабелла, усаживаясь между двумя входами, откуда можно было легко наблюдать за всеми, кто в каждый из них входил или выходил,— оно такое укромное.

Заметив, что глаза Изабеллы то и дело рыскают от одной двери к другой, как будто она кого то с нетерпением поджидает, и вспомнив, сколько раз подруга незаслуженно приписывала ей лукавую проницательность, она сочла данный случай подходящим, чтобы проявить это качество на самом деле, и шутливо сказала:

— Не тревожьтесь, Изабелла. Джеймс скоро прибудет.

— Фи, моя дорогая, не считайте, что я такая уж дурочка, чтобы все время держать его при себе. Всегда быть вместе — что может быть ужаснее! Мы стали бы притчей во языцех. Так, значит, вы отправляетесь в Нортенгер? Я безумно рада за вас. Говорят, это одно из чудеснейших старинных местечек в Англии. Надеюсь, вы мне его опишете во всех подробностях?

— Во всяком случае, постараюсь. Но кого вы высматриваете? Вы ждете ваших сестер?

— Никого я не высматриваю. Куданибудь же нужно смотреть. И вы догадываетесь, как трудно мне следить за собой, когда мои мысли витают так далеко. Я безумно

рассеянна. Наверно, я самое рассеянное существо на земле. Тилни считает, что натуры определенного склада всегда бывают такими.

— Но мне показалось, Изабелла, вы что то хотели мне сказать?

— Ах да, конечно! Вот вам и доказательство моих слов. Бедная моя головушка! Я об этом просто забыла. Дело в том, что я получила сегодня от Джона письмо. Вы догадываетесь, о чем?

— Нет, право, не догадываюсь.

— Любовь моя, не будьте такой притворщицей. О чем же он мог писать, как не о вас? Вы же знаете, он по уши в вас влюблен.

— В меня? Изабелла, дорогая!..

— Ну, моя радость, это же просто глупо! Скромность и все такое хороши в свое время. Но, право, некоторая прямота и честность тоже иногда могут украсить человека. Я не понимаю, для чего так переигрывать. Как будто вы напрашиваетесь на похвалы. Он ухаживал за вами настолько явно, что это заметил бы и ребенок. А всего за полчаса до отъезда Джона из Бата вы его недвусмысленно поощрили! Об этом говорится в его письме. По его словам, он как бы сделал вам предложение, а вы отнеслись к его чувству с большой симпатией. Теперь он хочет, чтобы я за него перед вами похлопотала и передала вам самые нежные приветствия. Так что играть в неведение больше уж ни к чему.

С возможной искренностью Кэтрин выразила удивление по поводу упрека Изабеллы, заявив, что ни малейшим образом не подозревала о влюбленности мистера Торпа, а потому никак не могла в этом его поощрять.

— Если говорить о знаках внимания с его стороны, то, даю вам слово, я ни разу их не заметила, не считая случая, когда он по приезде тотчас пригласил меня танцевать. А что касается сделанного им предложения или чего либо подобного, то здесь произошла необъяснимая ошибка. Я не могла бы, вы понимаете сами, неправильно понять его в таком деле. И я торжественно заявляю — и, как никогда, хочу, чтобы вы мне поверили, — что между нами не было сказано ни слова в этом роде. За полчаса до его отъезда из Бата? Чистое недоразумение! В тот день, когда он уехал, я его даже не видела.

— Но вы его точно видели! Вы провели тогда в Эдгарс Билдингс целое утро, — помните, когда пришло согласие вашего отца? И я убеждена, что вы с Джоном не

задолго до того, как ушли от нас, оставались в гостиной вдвоем.

— Вы убеждены? Что ж, если вы это говорите, так оно, наверно, и было. Я, хоть убей, не припоминаю. Мне теперь кажется, что тогда я была у вас и, возможно, видела его вместе со всеми. Но чтобы мы провели с ним какое то время наедине!.. Об этом, во всяком случае, не стоит спорить,— что бы ни было с его стороны, но ведь сама я даже об этом не помню. И значит, вы можете быть уверены, что я не думала, не ждала и не желала ничего подобного. Мне очень жаль, что он ко мне почувствовал склонность. Но поверьте, я к этому совершенно не стремилась и ничуть об этом не догадывалась. Ради бога, поскорее раскройте ему глаза и напишите, что я прошу у него прощения, то есть... Я даже не знаю, что я должна ему выразить, но пусть он поймет меня правильно. Я не могла бы говорить неуважительно о нашем брате, Изабелла. Но вы ведь знаете, что если я способна думать о каком то человеке больше, чем о других, то это не он.— Изабелла молчала.— Дорогая моя, вы не должны на меня сердиться. Я не допускаю мысли, чтобы ваш брат был сильно мной увлечен. И вы же знаете, мы все равно станем сестрами.

— Да, да,— (покраснев),— сестрами можно стать по разному. Но что же я хотела сказать? Значит, вы, моя дорогая, твердо настроены против бедного Джона, не так ли?

— Я решительно не в состоянии ответить на его чувства и столь же решительно утверждаю, что никогда не хотела их возбудить.

— В таком случае я, конечно, не буду вас больше этим донимать. Джон хотел, чтобы я с вами поговорила — я выполнила его просьбу. Но признаюсь, как только я прочла его письмо, я отнеслась ко всему этому, как к очень неразумному и неосмотрительному намерению, осуществление которого едва ли осчастливило бы вас обоих. На что бы вы жили, если бы вы сошлись? Конечно, у каждого из вас что то есть, но семью в наше время прокормить не так то просто. И что бы там ни утверждали романтики, без денег не ступишь и шага. Мне кажется, Джон мог бы об этом подумать. Наверно, мое последнее письмо до него не дошло.

— Значит, вы меня оправдываете? Вы убедились, что я отнюдь не собиралась обманывать вашего брата и до этой минуты даже не подозревала, что ему нравлюсь?

— Ну, что касается этого,— ответила Изабелла со смехом,— я не берусь судить о ваших прошлых мыслях

и планах. Вам лучше знать. Безобидное кокетство или нечто подобное случается просто так — всегда можно посулить больше, чем собираешься дать. Но вы можете быть уверены, я последняя стала бы вас осуждать. В молодости, в шутку, все это вполне допустимо. То, что показалось сегодня, может не показаться завтра. Возникают новые обстоятельства, меняются мнения.

— Но мое мнение о вашем брате никогда и не менялось. Оно всегда было одним и тем же. Вы говорите о том, чего не было.

— Кэтрин, дорогая моя,— не обращая внимания на ее слова, продолжала Изабелла,— ни за что на свете я не стала бы торопить вас с помолвкой, прежде чем вы бы разузнали, на что вы идете. Я бы не нашла себе оправдания, уговаривая вас, из стремления угодить Джону — лишь оттого, что он мой брат,— и жертвуя вашим счастьем. К тому же, возможно, он будет столь же счастлив без вас, ибо люди редко знают, чего хотят, особенно молодые,— они так удивительно изменчивы и непостоянны. Я спрашиваю себя: почему счастье брата должно для меня быть дороже счастья подруги? Вы знаете, как я высоко ставлю дружбу. Но прежде всего, Кэтрин, любовь моя, не торопитесь. Запомните мои слова — если вы поспешите, вам придется жалеть об этом всю жизнь. Тилни говорит, что ни в чем люди так часто не заблуждаются, как в оценке собственных привязанностей. И я полагаю, он прав. Кстати, вот и он сам! Но какое это имеет значение,— он нас, конечно, не заметит.

Подняв глаза, Кэтрин увидела капитана Тилни. Болтая с подругой, Изабелла неотрывно за ним следила и вскоре перехватила его взгляд. Он сейчас же к ним подошел и занял место, которое она молча ему предложила. Его первые слова заставили Кэтрин вздрогнуть. Хотя он говорил шепотом, она смогла уловить:

— Итак, вы всегда под надзором, личным или по поручению!

— Фи, какие глупости! — так же тихо ответила Изабелла.— Что вы хотите сказать? Насколько я могу судить, мое поведение достаточно независимо.

— Хотел бы я, чтобы независимым было ваше сердце. Это бы меня больше устраивало.

— Сердце? Вот как! Какое вам дело до сердец? Среди мужчин нет ни одного, кто бы обладал сердцем!

— Если у нас нет сердец, у нас есть глаза. Они то и заставляют нас страдать.

— Ах, глаза? Я вам сочувствую. Очень жаль, что они видят во мне что то столь неприятное. Мне лучше сесть по другому. Ну как, — (повернувшись к нему спиной), — это вас устроит? Надеюсь, ваши глаза теперь не страдают?

— Никогда не страдали так сильно. Краешек цветущей щеки все же виден — слишком много и в то же время слишком мало.

Кэтрин слышала все. Слушать это больше ей было нелегко. Она не понимала, как Изабелла все это терпит. Почувствовав ревность за брата, она встала, сказав, что должна подойти к миссис Аллен, и предложила подруге прогуляться. Но Изабелла была к этому не склонна. Она безумно устала, ей осточертело без толку фланировать по Галерее, и она боится, уйдя отсюда, пропустить сестер, которых ждет с минуты на минуту. Так что обожаемая Кэтрин должна ее извинить и спокойно присесть с ней рядом. Но Кэтрин тоже могла быть упрямой. И когда вскоре к ним подошла миссис Аллен и спросила ее, не пора ли им отправляться домой, она покинула с ней Галерею, оставив Изабеллу в обществе капитана Тилни. Уходила она с большой тревогой. Капитан Тилни, казалось, был близок к тому, чтобы влюбиться в Изабеллу, а Изабелла бессознательно его поощряла. Разумеется, бессознательно, ибо ее привязанность к Джеймсу была столь же несомненной и признанной, как и их помолвка. Сомневаться в ее искренности и добрых намерениях едва ли было возможно. Тем не менее на протяжении всего их разговора она вела себя как то странно. Кэтрин было бы приятнее, если бы Изабелла больше говорила в присущей ей манере и меньше вспоминала о деньгах. И не радовалась бы так явно появлению капитана Тилни. Неужели она не замечает его восхищенных взглядов? Кэтрин очень хотелось, намекнув ей об этом, предостеречь ее и тем самым предотвратить огорчения, которые излишняя игривость подруги могла причинить Джеймсу и капитану.

Как ни льстило ей отношение Джона Торпа, оно не искупало ветрености его сестры. В одинаковой степени Кэтрин не верила и не желала, чтобы это отношение было серьезным. Она не могла забыть о его способности к преувеличениям. То, как он рассказал о сделанном им предложении и ее обнадеживающем ответе, доказывало, что его ошибки могли иногда быть вопиющими. Тщеславие ее, в сущности, ничего не выиграло, — главное, что она извлекла из последней беседы, было удивление. То, что ему на какое то время вздумалось вообразить себя в нее влюбленным,

удивляло ее живейшим образом. Изабелла говорила о знаках внимания с его стороны. Сама Кэтрин их совершенно не замечала. Но Изабелла высказала также много другого, что, как надеялась ее подруга, сорвалось с ее уст случайно и никогда не будет повторено. Этими выводами Кэтрин рада была сейчас ограничиться, чтобы отдохнуть душой и успокоить свою тревогу.

рошло несколько дней. Не позволяя себе в чем то подозревать Изабеллу, Кэтрин все же не могла за ней не наблюдать. Результаты этого наблюдения были далеко не утешительны. Изабелла как будто переродилась. Правда, когда Кэтрин встречала ее в окружении ближайших друзей на Палтни стрит или в Эдгарс Билдингс, изменение казалось настолько незначительным, что, если бы этим все ограничивалось, о нем можно было бы и не думать. Время от времени на Изабеллу находило какое то томное безразличие или пресловутая рассеянность, которая ей прежде была несвойственна. Не будь ничего худшего, это придало бы ей лишь новое очарование и сделало ее еще интереснее. Но когда Кэтрин видела ее среди публики принимающей ухаживания капитана Тилни с такой же готовностью, с какой они предлагались, и уделяющей ему почти столько же внимания и то же количество улыбок, какие доставались на долю Джеймса, то перемена становилась слишком явной, чтобы остаться незамеченной. Что ее подруга, изменив свое поведение, имела в виду, чего она добивалась, было для Кэтрин загадкой. Изабелла не могла не понимать, какую она причиняет ей боль. Но она проявляла какое то нарочитое легкомыслие, которое у Кэтрин вызывало только осуждение. Зато Джеймс от него страдал. Кэтрин чувствовала, что он становится мрачным и беспокойным. И если женщина, подарившая ему свое сердце, была к его благополучию безразлична, для Кэтрин оно было дорого по прежнему. Она сильно тревожилась и о бедном капитане Тилни. Хотя он сам ей не нравился, его фамилия обеспечивала ему ее доброе отношение, и она с искренним сочувствием предвидела предстоявшее ему разочарование. Ибо его поведение было совершенно несовместимо с помолвкой Изабеллы. Несмотря на слова, подслушанные в Галерее, Кэтрин, по зрелому размышлению, не могла допустить, что он знает об этой помолвке. Он мог считать Джеймса своим соперником, но роль, в какой он выступал на самом деле, объяснялась заблуждением, в которое его ввела Изабелла. Она пыталась мягко напомнить Изабелле о ее обязанностях и дать ей почувствовать, какую боль она может причинить обоим молодым людям. Но неблагоприятные условия или недостаточная понятливость подруги все время препятствовали ее попыткам — когда же ей удавалось подруге на что либо намекнуть, та

ее не понимала. В этой тревожной обстановке предполагаемый отъезд семейства Тилни сделался для Кэтрин единственным утешением. Через несколько дней им предстояло уехать в Глостершир, и исчезновение капитана Тилни должно было вернуть покой всем сердцам, кроме его собственного. Однако капитан Тилни вовсе не собирался исчезать. Он не желал ехать вместе со всеми в Нортенгер — он оставался в Бате. Когда Кэтрин узнала об этом, она сразу приняла решение. Заговорив по этому поводу с Генри, она выразила сожаление, что его брат питает склонность к мисс Торп, и умоляла его предупредить капитана о ее помолвке.

— Брат о ней знает,— было ответом Генри.

— Знает? Зачем же он здесь остается?

Генри ничего не ответил и заговорил о постороннем. Кэтрин, однако, продолжала настаивать:

— Почему вы не уговариваете его уехать? Чем дольше он здесь задержится, тем ему потом будет хуже. Ради бога, посоветуйте ему для его же пользы,— для пользы всех,— уехать из Бата как можно скорее. В другом месте он сможет легко забыться. А здесь ему не на что надеяться — если он останется, он будет несчастен.

Генри улыбнулся.

— Я знаю, что брат этого ни за что не сделает.

— Но вы его постараетесь уговорить?

— Уговоры не помогут. Простите меня, я даже не могу попытаться этого сделать. Я сам сказал ему, что мисс Торп помолвлена. Он знаком со всеми обстоятельствами и должен за себя отвечать.

— Нет, он их вовсе не знает! — воскликнула Кэтрин. — Он не знает, какую боль причиняет моему брату. Нет, нет, Джеймс ничего такого не говорил. Но я уверена, что ему очень тяжело.

— А вы уверены, что в этом виноват мой брат?

— Да, конечно.

— Вы считаете, что боль причиняют ухаживания Фредерика или готовность, с которой их принимает мисс Торп?

— Но ведь это одно и то же?

— Мне думается, мистер Морланд подтвердил бы, что это не так. Ни один мужчина не станет обижаться, если кто то восхищается любимой им женщиной. Страдания может причинить только она сама.

Кэтрин покраснела за подругу.

— Изабелла,— сказала она,— поступает, конечно, дурно. Но я уверена, она не желает огорчить Джеймса. Она слишком к нему привязана. Она влюблена в него с пер

вого дня знакомства. Пока от нашего отца не пришло согласие на их брак, она чуть не заболела. Вы понимаете, как он ей дорог?

— Да, понимаю. Она влюблена в Джеймса и флиртует с Фредериком.

— Нет, не флиртует! Женщина, влюбленная в одного, не может флиртовать с кем то другим.

— Ей при этом не удастся настолько влюбиться или так флиртовать, как она могла бы, будь она занята кем то одним. Обоим джентльменам приходится несколько поступиться в своих правах.

После некоторой паузы Кэтрин начала снова:

— Значит, вы не верите, что Изабелла привязана к Джеймсу так сильно?

— Об этом я судить не могу.

— Но что имеет в виду ваш брат? Если он знает о помолвке, что означает его поведение?

— Вы требуете от меня слишком многого.

— Правда? Я ведь спрашиваю лишь то, что мне необходимо узнать.

— Но не спрашиваете ли вы больше, чем можете узнать от меня?

— По моему, нет. Сердце вашего брата вам известно.

— О сердце моего брата, как вы выражаетесь, я в данном случае могу только гадать.

— И что же?

— А если дело доходит до гадания, пусть каждый им занимается сам по себе. Пользоваться догадками из вторых рук — нестоящее дело. Вы располагаете всеми сведениями. Брат мой жизнерадостный, а временами, возможно, легкомысленный молодой человек. Он знаком с вашей подругой одну неделю, и почти с самого начала ему известно о ее помолвке.

— Что ж,— сказала Кэтрин, немного подумав,— вы, наверно, могли бы по всему этому судить о его намерениях. Я же сознаюсь, что такое мне не под силу. Но разве это не беспокоит вашего отца? Неужели он не хочет, чтобы капитан Тилни уехал? Я уверена, если бы с ним поговорил ваш отец, он бы здесь не остался.

— Дорогая мисс Морланд,— сказал Генри,— не допускаете ли вы в трогательной заботе о своем брате маленькой ошибки? Не заходите ли вы слишком далеко? Будет ли он вам признателен — от своего имени или от имени мисс Торп — за предположение, что на ее привязанность или, по крайней мере, на ее достойное поведение

можно полагаться лишь в отсутствие капитана Тилни? Разве он вправе ей верить только тогда, когда она в одиночестве? Разве ее сердце предано ему только оттого, что его не добивался никто другой? Этого он думать не может, и, вы согласитесь, он бы не хотел, чтобы так думали вы. Я не буду говорить: «Не тревожьтесь»,— ибо знаю, насколько вы в эту минуту встревожены. Но постарайтесь тревожиться по возможности меньше. Вы не сомневайтесь во взаимной привязанности вашего брата и вашей подруги. Положитесь же на эту привязанность в том, что они не дадут друг другу повода для ревности. Положитесь на нее в том, что между ними не будет настоящей размолвки. Их сердца открыты друг другу так, как они не могут открыться вам. Они знают точно, чего вправе требовать и что

можно перенести. И верьте, что они позволят себе дразнить друг друга лишь до тех пор, пока это не станет им неприятно.

Видя, что она остается расстроенной и печальной, он добавил:

— Хотя Фредерик не уезжает из Бата с нами, он здесь пробудет недолго — может быть, всего несколько дней после нашего отъезда. Отпуск его скоро кончится, и ему придется вернуться в полк. И что станется тогда с их знакомством? В офицерской столовой будут пить за здоровье Изабеллы Торп две недели, а сама она с вашим братом — смеяться над страстью бедного Тилни месяц.

Кэтрин больше не противилась стремлению ее успокоить. Она не уступала ему на протяжении всего разговора, но под конец сдалась. Генри Тилни должен все знать лучше ее. Она упрекала себя за то, что встревожилась до такой степени, и решила никогда больше не относиться к этому вопросу столь серьезно.

Поведение Изабеллы при их прощальной встрече укрепило ее в этом решении. Последний вечер пребывания Кэтрин в Бате Торпы провели на Палтни стрит, и между женихом и невестой не произошло ничего, что могло бы возбудить в душе Кэтрин беспокойство или внушить ей перед отъездом дурные предчувствия. Джеймс был в превосходном настроении, а Изабелла выглядела вполне безмятежной. Главным владевшим ею чувством была нежная привязанность к ее подруге. Но в подобную минуту это можно было понять. Один раз она ответила жениху резкостью, в другой — отняла у него руку. Но Кэтрин помнила рассуждения Генри и сочла это проявлением умеренного кокетства. Объятия, слезы и клятвы, которыми прекрасные леди обменялись при прощании, легко можно себе представить.

ГЛАВА XX

истеру и миссис Аллен было грустно расстаться со своей юной подопечной: благодаря ее покладистому и веселому нраву они всегда дорожили ее обществом, а в заботах о ее удовольствиях сами получали немало радости. Однако путешествие с мисс Тилни сулило ей столько счастья, что они не могли ей в нем отказать. К тому же через неделю они сами уезжали из Бата, так что ее отсутствие должно было ощущать

ея совсем недолго. Мистер Аллен проводил Кэтрин до Мильсом стрит, где ей предстояло позавтракать, и убедился, что новые друзья приняли ее с большим радушием. Но сама она пришла в такое волнение, сознавая себя теперь как бы членом их семьи, и так боялась вызвать их неодобрение, допустив хотя бы малейшую оплошность, что из за неловкости в первые минуты чуть было не захотела вернуться с мистером Алленом на Палтни стрит.

Обращение с ней мисс Тилни и улыбки Генри несколько ослабили ее скованность. И все же она чувствовала себя далеко не свободно. Беспрестанные знаки внимания со стороны генерала также не помогали ей обрести уверенность. Напротив, ей казалось, сколь это ни выглядело нелепо, что, если бы он меньше ее замечал, ей стало бы только легче. Его забота об ее удобствах, его настойчивые просьбы, чтобы она больше ела, сопровождавшиеся непрестанными опасениями, что она ничего не находит себе по вкусу,— при том, что она еще никогда не видела подобного разнообразия блюд за завтраком,— все это ни на секунду не позволяло ей забыть, что она в доме гостя. Она считала, что совершенно не заслуживает такого внимания, и не знала, как ей на него отвечать.

Она не обрела уверенности ни когда генерал стал проявлять нетерпение по поводу отсутствия капитана Тилни, ни когда он выразил неудовольствие его опозданием после его прихода. Ее покорила чрезмерная суровость, с которой отец упрекал сына, и это ощущение сделалось особенно острым, когда оказалось, что главным поводом для выговора явилась она сама, поскольку медлительность капитана была расценена как знак невнимания к госте. Тем самым она попала в особенно неловкое положение, ибо, сочувствуя Фредерику, не могла рассчитывать на доброжелательность с его стороны.

Капитан выслушал отца молча и не пытался оправдаться, чем подтвердил ее опасения, что связанная с Изабеллой душевная озабоченность вызвала у него бессонницу, по причине которой он так поздно поднялся. Это был первый случай, когда ей пришлось провести значительное время в его обществе, и она хотела воспользоваться этим, чтобы составить о нем какое то мнение. Но в присутствии отца капитан почти не разговаривал. И даже позднее он, видимо, был настолько не в духе, что она не услышала от него ничего, кроме слов, брошенных им его сестре:

— Как же я буду счастлив, когда вы наконец уедете!

Суэта сборов не содержала ничего приятного. Часы пробили десять, когда только вынесли сундуки. Между тем по расчетам генерала им к этому времени уже следовало покинуть Мильсом стрит. Его шинель,— хотя ему должны были ее принести, чтобы он мог сразу ее надеть,— оказалась в шарабане, в котором ему предстояло ехать с Генри. Среднее сиденье в карете не было выдвинуто, хотя ехать в ней должны были три человека, причем служанка мисс Тилни так все загромождила узлами и свертками, что мисс Морланд негде было устроиться. Подсаживая ее, генерал настолько этим встревожился, что ей лишь с трудом удалось спасти свой новый письменный прибор от того, чтобы его не вышвырнули на панель. Однако в конце концов дверца за тремя особами женского пола захлопнулась и четверка прекрасно откормленных помешанных лошадей двинулась бодрым аллюром, которым обычно пробегала тридцать миль до аббатства, разделенные в этот раз на два перегона. Настроение Кэтрин после отъезда сразу улучшилось — в обществе мисс Тилни она не ощущала ни малейшей неловкости. И, видя перед собой незнакомую дорогу, с аббатством впереди и шарабаном сзади, она простилась с Батом без всякого сожаления и проезжала каждую милю, заранее предвкушая начало следующей. Наступившая затем остановка — скука двухчасового привала в «Маленькой Франции», в течение которого можно было только есть, не испытывая голода, и прогуливаться, ничего не наблюдая, несколько охладила ее восторг по поводу езды в щегольской карете с четверкой в упряжке и размеренно приподымающимися на стремени фореиторами в нарядных ливреях, сопровождаемой многочисленными ловко сидящими в седле всадниками. Если бы во время остановки все шло гладко, промедление не было бы столь неприятно. Но генерал Тилни, несмотря на то, что он был таким превосходным человеком, как будто нарочно портил настроение своим детям, так что в его присутствии никто почти не разговаривал. Наблюдая за ним, замечая его недовольство всем, чем располагала гостиница, и его раздражительность по отношению к гостиничной прислуге, Кэтрин проникалась перед ним все большей и большей робостью и чувствовала, что два часа привала превращаются для нее как бы в четыре. Наконец все же распоряжение об отъезде было отдано. И к большому удивлению Кэтрин, генерал предложил ей оставшуюся часть пути проехать вместо него в шарабане

своего сына, поскольку погода, мол, стоит отличная и ему бы хотелось, чтобы она увидела вокруг как можно больше.

Вспомнив мнение мистера Аллена относительно прогулок с молодыми людьми в открытых экипажах, она покраснела и хотела было отказаться. Однако, тут же рассудив, что генерал Тилни не мог предложить ей чего то неподобающего, она уже через несколько минут уселась в шарабан бок о бок с Генри, почувствовав себя счастливейшим существом в мире. Карета с четверкой лошадей катила, конечно, очень величественно, но была такой громоздкой и требовала столько хлопот — Кэтрин не могла забыть двухчасовой остановки в «Маленькой Франции». Шарабану хватило бы и половины этого времени, и его легкие лошадки были настолько проворны, что если бы генерал не пожелал прокладывать ему путь в своей карете, он обогнал бы ее за полминуты. Однако преимущества шарабана заключались не только в упряжке. Генри правил им так искусно, спокойно, без всякой суетливости, не рисуясь перед спутницей, не покрикивая на лошадей — столь непохоже на некоего возницу джентльмена, с которым она имела возможность его сравнить! И шляпа сидела на нем так ладно, и множество пелерин на его плече выглядели так значительно! Кататься с ним в экипаже, как и танцевать с ним, было величайшим из земных наслаждений. А вдобавок ко всем прочим радостям, она еще удостоилась его комплимента. По крайней мере, он выразил ей благодарность за согласие погостить у его сестры, которое, оказывается, явилось свидетельством подлинной дружбы, заслуживающей подлинной признательности. Элинора, по его словам, живет очень несладко — она лишена женского общества, а во время нередких отлучек отца остается порой в полном одиночестве.

— Как так, — спросила Кэтрин, — разве вы живете отдельно?

— Мне лишь иногда удается пожить в Нортенгере. У меня собственный дом в Вудстоне, в двадцати милях от отцовского поместья, и я должен проводить часть времени там.

— И вы об этом жалеете?

— Мне всегда грустно расставаться с Элинорой.

— Вы должны скучать не только по ней, но и по аббатству. Привыкнув к аббатству, жить в обычном приходском домике, наверно, ужасно плохо?

Он улыбнулся.

— У вас, должно быть, весьма благоприятное представление об аббатстве?

— Еще бы. Разве это не одно из тех прекрасных старинных строений, о которых читаешь в романах?

— И вы подготовили себя ко всем неожиданностям, могущим произойти в «строениях, о которых читаешь в романах»? Вы достаточно мужественны? Вам будет ни-почем, если вдруг перед вами раздвинется гобелен или стена?

— О да, надеюсь, меня это не очень испугает. В доме ведь будет много народа. А кроме того, он не был долгие годы необитаем — его владельцы не возвращаются в него внезапно, без предупреждения, как это обычно происходит в романах.

— Нет, конечно. Нам не придется пробираться ощупью через холл, едва освещенный тусклым светом догорающих углей, или стелить постели на полу зала без окон и дверей, лишенного всякой обстановки. Но вы должны помнить, что молодую леди, которой довелось (все равно каким образом) попасть в такое место, обычно поселяют вдали от остальных обитателей. И когда члены семьи уютно располагаются в своем конце здания, она, в сопровождении безмолвной престарелой домоправительницы по имени Дороти, поднимается по дальней лестнице, следует бесконечными мрачными переходами и попадает в помещение, которое оставалось необитаемым с той самой поры, как какой-нибудь кузен или дальний родственник скончался в ней лет двадцать тому назад. Выдержите ли вы такое испытание? Сохраните ли вы присутствие духа, оказавшись в мрачной комнате, слишком просторной и высокой, освещенной единственным слабым светильником, который позволяет лишь оглядеть обтянутые гобеленами стены, с вытканными на них фигурами в человеческий рост, и похожую на катафалк кровать, задрапированную темно-зеленой тканью или пурпурным бархатом? Душа у вас при этом не уйдет в пятки?

— Меня, надеюсь, не ждет ничего подобного!

— Вы с трепетом начинаете осматривать обстановку комнаты. И что же вы обнаруживаете? Не какие-нибудь там столы, туалеты, гардеробы или комоды, но, скажем, останки сломанной лютни у одной стены, у другой — тяжеловесный сундук, не открываемый никакими усилиями, а над камином — портрет величественного воина, черты лица которого производят на вас такое неизгладимое впечатление, что вы не в состоянии оторвать от него

взгляд. Тем временем Дороти, не менее пораженная вашей внешностью, всматривается в вас с явным волнением, бормоча при этом нечто загадочное. Более того, для подкрепления вашего духа она дает вам понять, что часть здания, в которой вас поселили, посещается, как известно, привидениями, и предупреждает, что никто из прислуги не услышит вашего зова. Простившись с вами, таким образом, весьма сердечно и сделав вам книксен, она уходит, и вы до последнего отзвука прислушиваетесь к ее замирающим шагам. Когда же, вконец упав духом, вы пытаетесь запереть дверь, вы с отчаянием обнаруживаете, что в ней нет замка.

— О, мистер Тилни, как страшно! Словно из книги! Но на самом деле ничего такого со мной не случится. Я уверена, вашу домоправительницу зовут не Дороти. Хорошо, что же дальше?

— В первую ночь, возможно, ничего зловещего больше не будет. Справившись с *неодолимым* ужасом, который вам внушила кровать, вы все же ложитесь и на несколько часов погружаетесь в тревожную дрему. Но на вторую или уж, во всяком случае, *третью* ночь после вашего приезда, разражается страшнейшая буря. Оглушительные удары грома, словно сотрясающие стены до основания, обрушиваются над окружающими горами. Удары сопровождаются жесточайшими порывами ветра, и вы вдруг различаете — ведь лампа еще не погашена, — что обивка на одной стене колыхается чуть сильнее, чем на других. Не в силах подавить любопытство при столь возбуждающих его обстоятельствах, вы, разумеется, вскакиваете и, накинув халат, пытаетесь установить причину этого явления. После непродолжительных поисков вы обнаруживаете в гобелене разрез, настолько скрытый, что в обычных условиях его нельзя заметить при тщательнейшем осмотре. Раздвинув ткань, вы находите под ней дверь; запертая лишь массивным засовом и висячим замком, она под действием ваших усилий вскоре отпирается, и вы с лампой в руке проникаете в небольшое сводчатое помещение.

— Право, я буду слишком напугана, чтобы на это решиться.

— Как? После того, как Дороти сообщила вам о существовании между вашей спальней и часовней святого Антония подземного хода длиной только в две мили?! Вы сможете устоять против такого соблазна? Нет, нет, вы зайдете в сводчатое помещение и через него в несколько других, впрочем, не обнаружив в них ничего особенного:

в одном, быть может, ваш взор упадет на кинжал, в другом на несколько пятен крови, в третьем на обломки приспособления для пыток. Не найдя, таким образом, чего либо из ряда вон выходящего и увидев, что огонь в вашей лампе вот вот погаснет, вы повернете обратно в спальню. Однако, когда вы снова будете проходить через сводчатое помещение, ваше внимание привлечет к себе большой старомодный шкаф черного дерева с золотом, который раньше, при внимательном осмотре обстановки, вы почему то не заметили. Влекомая neodолимым предчувствием, вы бросаетесь к нему, отпираете створки и осматриваете все ящики — вначале не находя в них ничего значительного, разве что изрядную грудку бриллиантов, не больше. В конце концов, однако, вы задеваете скрытую пружину, отчего распаивается внутреннее отделение, и перед вами оказывается бумажный свиток. Вы хватаете его, — он состоит из множества мелко исписанных листков, — спешите с драгоценной находкой в спальню, но едва успеваете разобрать: «О ты, кем бы ты ни был, в чьи руки попадут эти строки несчастной Матильды!..», как ваша лампа внезапно гаснет, и вы погружаетесь в крошечную тьму.

— Ах, нет, нет! Пожалуйста, продолжайте!

Ее спутника, однако, произведенное им впечатление слишком развеселило, чтобы он мог продолжить рассказ. Мистеру Тилни было уже неловко сохранять в выражении лица и в голосе подобающую торжественность, и поэтому он попросил Кэтрин в части содержания записок Матильды прибегнуть к собственной фантазии. Опомившись, она устыдилась проявленного волнения и стала его убеждать, что, несмотря на свой интерес к рассказу, вовсе не предполагала, будто ее на самом деле ждет нечто подобное. Мисс Тилни, она уверена, ни за что не поместит ее в такую комнату, как он описал. Это не может случиться.

По мере приближения к цели ее нетерпение увидеть Нортенгер, ненадолго ослабленное беседой на увлекательную тему, приобрело прежнюю силу, и за каждым новым поворотом дороги Кэтрин теперь с трепетом ожидала появления поднимающихся среди старой дубравы массивных стен из серого камня со стрельчатыми готическими окнами, прекрасно озаренными отблесками закатного солнца. Здание, однако, оказалось расположенным настолько низко, что они въехали в главные ворота поместья, так и не заметив перед тем даже какой нибудь старинной дымовой трубы.

Она не знала, можно ли этому удивляться, но подобное прибытие было для нее совершенно непредвиденным. Проехать между двумя современного вида сторожками и сразу оказаться у самого аббатства, быстро катясь по ровной и гладкой, посыпанной гравием дороге, — без каких-нибудь задержек, сигналов тревоги или торжественных церемоний, — такого она не предполагала. Однако ей не пришлось об этом долго раздумывать. Внезапно разразившийся дождь лишил ее возможности каких бы то ни было наблюдений и заставил сосредоточить все помыслы на благополучии новой соломенной шляпки. И, оказавшись под стенами аббатства, выпрыгнув при содействии Генри из экипажа, укрывшись под защиту старинного подъезда и даже пройдя в холл, где ее встретили мисс Тилни и генерал, она так и не успела проникнуться роковыми предчувствиями ожидавших ее здесь злоключений и вообразить те ужасные события, которые когда-то совершались в этих стенах. Порывы ветра не донесли до нее вздохов злосчастных жертв — они не донесли до нее ничего более неприятного, чем капли холодного дождя. И хорошенько стряхнув воду с дорожной накидки, она ждала приглашения в гостиную, чтобы понять, куда же она попала.

Аббатство! Да, она была в восторге от сознания, что проникла в аббатство. Но, оглядывая комнату, она не видела ни малейшего признака, который свидетельствовал бы о том, где она находится. Обстановка своим разнообразием и изысканностью вполне соответствовала современным вкусам. Камин, вопреки ее ожиданиям, не поразил ее размерами отесанных в старину массивных каменных глыб и к тому же оказался облицован гладко полированным мрамором, оборудован наклонной решеткой Рамфорда и украшен прелестнейшим английским фарфором. Окна, на которые она особенно рассчитывала, так как слышала от генерала, что он бережно сохранил их готическую форму, тоже не соответствовали картине, рисовавшейся ее воображению. Конечно, заостренный свод остался — форма их была готическая, и они, возможно, даже имели открывающиеся створки, — но стекла в них были такими большими, такими прозрачными и светлыми! Для того, кто ожидал увидеть густые переплеты, тяжелое каменное обрамление, окрашенные стекла, грязь и паутину, отличие было разительным.

Генерал, подметив ее взгляды, начал говорить о тесноте помещения и скромности обстановки, состоящей из не

обходимейших для жизни предметов повседневного обихода, и тому подобных вещах. Вместе с тем он льстил себя надеждой, что она увидит в аббатстве апартаменты, *достойные* ее внимания. Но, начав было описывать дорожную позолоченную отделку одного из них, он вдруг вынул часы, прервал рассказ и с удивлением объявил, что уже двадцать минут пятого! Слова эти как бы дали всем знать, что пора расходиться, и мисс Тилни увлекла Кэтрин за собой, показывая своей поспешностью, что распорядок дня поддерживается в Нортенгере весьма скрупулезно.

Вернувшись в просторный и высокий холл, они по широкой полированной дубовой лестнице с несколькими маршами и площадками поднялись в длинную галерею. Вдоль одной ее стены шел ряд дверей. Галерея была освещена окнами в противоположной стене, которые, как заметила Кэтрин, выходили в квадратный двор. Мисс Тилни поспешно ввела ее в одну из комнат и, едва успев выразить надежду, что эта комната ей понравится, тотчас же удалась, попросив подругу произвести лишь самые необходимые перемены в ее одежде.

ГЛАВА XXI

первого же взгляда Кэтрин убедилась, что представленная ей комната совершенно не соответствует описанию, которым ее пытался запугать Генри. Она вовсе не выглядела непомерно большой и не содержала ни бархата, ни гобеленов. Стены ее были оклеены обоями, пол покрыт ковром. Окна были такими же великолепными и ничуть не более темными, чем в гостиной внизу, а обстановка, хоть и не самая модная, удобной и красивой. Общее впечатление от нее оставалось вполне благоприятным. Успокоив себя в этом отношении и боясь своей задержкой вызвать неудовольствие генерала, она решила не терять времени на подробный осмотр. Поэтому она с возможной поспешностью скинула дорожную накидку и приготовилась было вынуть булавки из предназначенного для немедленного употребления и привезенного на сиденье кареты холщового свертка, как вдруг заметила огромный сундук у задней стены глубокой ниши рядом с камином. Вид его заставил ее вздрогнуть. Забыв обо всем и застыв в немом удивле

нии, она не сводила с него глаз, в то время как в ее голове пробегали следующие мысли:

«Как странно! Вот неожиданность! Большущий, тяжелый сундук! Что в нем припрятано? Зачем он здесь? Еще и задвинут подальше, чтобы не бросался в глаза! Надо в него заглянуть во что бы то ни стало! Сейчас же, пока не стемнело! Если откладывать, может погаснуть свеча!»

Кэтрин приблизилась к сундуку и внимательно его осмотрела. Он был сделан из кедрового дерева, затейливо выложенного более темной породой, и помещался на такой же резной подставке высотой около фута. У сундука был серебряный, почерневший от времени замок, на концах — обломки рукояток, тоже серебряных, быть может, давно еще исковерканных каким то необычайным усилием, а в середине крышки — таинственная монограмма из того же металла. Кэтрин всячески ломала себе над ней голову, но не могла ее разгадать. С какой бы стороны она на нее ни смотрела, последней буквой никак не могла быть «Т». А найти в этом доме монограмму без этой буквы было в самом деле странно. Если когда то сундук принадлежал кому то другому, какие же необыкновенные события перенесли его в семейство Тилни?

Ее разбуженное любопытство росло с каждой минутой. Отодвинув дрожащей рукой щеколду замка, она решилась любой ценой узнать, что в сундуке находится. С трудом, словно преодолевая какую то силу, она приподняла крышку на несколько дюймов, но внезапный стук в дверь заставил ее, вздрогнув, разжать пальцы, так что сундук с пугающим грохотом захлопнулся. Несвоевременным посетителем оказалась служанка мисс Тилни, присланная хозяйкой, чтобы помочь мисс Морланд. Девушка была тотчас же отослана, но ее приход напомнил гостю о ее долге, заставив, несмотря на жгучее желание проникнуть в зловещую тайну, сразу приняться за переодевание. Взоры и мысли Кэтрин были, однако, по прежнему сосредоточены на столь сильно заинтересовавшем ее предмете, так что действовала она не слишком проворно. Не осмеливаясь улучшить минуту для новой попытки проникнуть в сундук, она не отходила от него ни на шаг. Наконец, натянув на себя один рукав платья и считая себя почти одетой, она решила дать волю своему любопытству. Минута на это могла быть потрачена. И исполненная такого рвения, что, без сверхъестественного вмешательства, крышка должна была отлететь в одно мгновение, она кинулась к сундуку.

Предчувствие ее не обмануло. Одним рывком она открыла сундук, и перед ее смущенным взором предстало аккуратно сложенное белое хлопчатое покрывало, одиноко покоившееся на дне.

Кэтрин ошеломленно его рассматривала, когда в комнату вошла мисс Тилни, беспокоясь о том, как бы ее подруга не задержалась. И, к стыду последней из за ее беспричинно разыгравшегося воображения, добавился еще стыд из за того, что ее застали за таким неподобающим розыском.

— Не правда ли, любопытный сундук? — спросила мисс Тилни, в то время как Кэтрин захлопнула крышку и обернулась к зеркалу. — Трудно сказать, сколько он здесь находится. Не зная, откуда он взялся, я не стала его убирать, подумав, что сундук может пригодиться для хранения головных уборов. Он плох только тем, что с трудом открывается, — очень уж тяжелая крышка. Впрочем, в этом углу он, по крайней мере, никому не мешает.

Кэтрин было не до ответа — она краснела, завязывала ленты на платье и давала себе в душе мудрейшие обещания весьма решительного свойства. Мисс Тилни осторожно намекнула, что боится, как бы они не опоздали к обеду, и через полминуты подруги уже бежали вниз, охваченные, как оказалось по прибытии, не совсем безосновательной тревогой, ибо нашли генерала Тилни в гостинной отмеривающим шаги с часами в руке. При их появлении он дернул шнурок звонка и скомандовал:

— Обед на стол — *мигом!*

Вздрогнув от выраженного в этой фразе укора, Кэтрин села, бледная и задыхающаяся, сознавая свое ничтожество, сочувствуя детям генерала и ненавидя старые сундуки. Генерал, однако, взглянув на нее, сделался снова любезен. Оставшееся до перехода в столовую время он бранил дочь за то, что та заставила свою прелестную подругу запыхаться, хотя для спешки не было никаких оснований. И Кэтрин переживала двойную неловкость из за упреков, которым по ее вине подверглась ее подруга, и из за собственного глупого поведения — до тех пор, пока все благополучно не расселись за столом и доброжелательные улыбки генерала в сочетании с хорошим собственным аппетитом не восстановили ее душевного равновесия. Столовая оказалась величественным помещением, — рядом с ней семейная гостиная казалась несоответственно скромной, — отделанным с богатством и роскошью, почти не замеченными Кэтрин, которая обратила внимание разве что на количество толпивших

ея вокруг стола слуг и на ее размеры. О последних она позволила себе высказаться, в связи с чем генерал снисходительно признал комнату достаточно обширной, добавив, что, относясь к подобным вещам, как и большинство людей, безразлично, он все же считает в меру просторную столовую одной из насущных жизненных необходимостей. Он предположил, однако, что «в доме мистера Аллена она привыкла к значительно более просторным помещениям».

Ничего подобного, с жаром возразила Кэтрин, столовая мистера Аллена и вполнину не так велика! Она еще никогда в жизни не видела столовой таких размеров. Настроение генерала поднялось еще больше: что ж, поскольку у него в доме такие комнаты есть, по его мнению, было бы глупо ими не пользоваться. Но он искренним об

разом верит, что комната вдвое меньших размеров могла бы оказаться даже удобнее. Поэтому он не сомневается, что дом мистера Аллена имеет как раз те размеры, которые необходимы для истинного благополучия.

Вечер прошел без каких либо новых волнений, а во время отлучек генерала Кэтрин было по настоящему весело. Небольшая усталость от путешествия ощущалась только в его присутствии. Но даже тогда, даже в минуты молчания и стесненности, ее не покидало ощущение счастья, и она была способна вспоминать о своих друзьях в Бате, вовсе не испытывая желания оказаться среди них.

Ночь была ветреной. Во второй половине дня погода непрерывно ухудшалась, и, перед тем как все покинули гостиную, ветер и дождь разгулялись вовсю. Проходя через холл, Кэтрин прислушалась к урагану с некоторым беспокойством. И когда до нее донеслось, как он свирепствует за стенами старинного дома и с каким ожесточением хлопает вдалеке какой то дверью, она впервые ощутила, что в самом деле находится в аббатстве. Да, это были характерные звуки. Они напомнили ей бесчисленные описания жутких картин и зловещих событий, которым предшествовали подобные бури и свидетелями которых бывали стены таких же зданий. И Кэтрин от души радовалась более благоприятным обстоятельствам, при которых она вступила под этот величественный кров: ей то не приходилось опасаться ночных разбойников или пьяных проходимцев. Генри, разумеется, только шутил во время утреннего разговора. В таком хорошо обставленном и обжитом доме ей нечего бояться — с ней здесь ничего не случится. И она может зайти к себе в спальню так же уверенно, как будто бы это была ее собственная комната в Фуллертоне. Поддерживая свою храбрость, пока она поднималась по лестнице, подобными здравыми рассуждениями, Кэтрин смогла войти в комнату, не утратив присутствия духа, особенно после того, как убедилась, что через две двери от нее находилась спальня мисс Тилни. Приветливый вид затопленного камина еще больше придал ей бодрости.

«Насколько приятнее,— подумала она, подойдя к каминной решетке,— насколько приятнее найти у себя уже зажженный огонь, чем, дрожа от холода, ждать, пока улягутся хозяева дома,— как приходилось стольким несчастным девицам,— ждать, пугаясь, прихода верной служанки с охапкой хвороста. Как хорошо, что Нортенгер оказался таким, как он есть! Если бы он был похож на другие места,

не знаю, смогла бы я в подобную ночь сохранить спокойствие. Но сейчас, разумеется, бояться нечего».

Она огляделась вокруг. Занавеси на окнах как будто чуть чуть колыхались. Это могло объясняться только действием ветра, проникавшего в оконные щели. Чтобы убедиться в этом, она, напевая что то себе под нос, решительно подошла к окну, смело раздвинула занавеси и, не найдя ничего зловещего на низком подоконнике, приложила ладонь к раме и удостоверилась, что сквозь нее действительно дуло. Взгляд, брошенный ею на старый сундук, оказался кстати. Она с презрением подумала о вздорных страхах, возникающих в праздном воображении, и начала безмятежно готовиться ко сну. «Она будет вести себя так, как положено, и не станет спешить. Что ей за дело, если она и ляжет в доме последней? И незачем ей поддерживать в камине огонь — это было бы проявлением трусости, словно она испугается темноты, когда ляжет в кровать». Камин догорел, и Кэтрин, потратив добрых полчаса на приготовления, хотела было уже улечься в постель, когда, осмотрев напоследок комнату, остановила взгляд на высоком старомодном черном шкафу, который, хоть и стоял достаточно на виду, почему то раньше не был ею замечен. Ей тотчас же вспомнился рассказ Генри — описание шкафа из черного дерева, сначала якобы ускользнувшего от ее внимания. И хотя оно на самом деле мало что значило, необычайное совпадение показалось ей все же странным. Она взяла свечу и внимательно осмотрела шкаф. Он вовсе не был сделан из черного дерева с золотом. Но это был черный лак — прекрасный черный лак с желтым японским орнаментом. А при свете свечи желтые линии напоминали золотые. В замок был вставлен ключ, и она почувствовала странное желание заглянуть внутрь — разумеется, вовсе не ожидая найти там что либо особенное, но ощущая любопытство под влиянием утреннего рассказа Генри. Короче говоря, не заглянув в шкаф, она не могла бы уснуть. Поэтому, поставив осторожно свечу на стул, она схватилась за ключ и дрожащей рукой попробовала его повернуть. Замок не отпирался, несмотря ни на какие усилия. Тревожась, но не сдаваясь, она попробовала повернуть ключ в другую сторону. Замок щелкнул, и она уже вообразила, что добилась своего. Но что за чертовщина? Дверца по прежнему не поддавалась. Кэтрин на минуту замерла от удивления. Ветер завывал в дымовой трубе, струи дождя хлестали по окнам, — решительно во всем ощущалось нечто зловещее. Однако укладываться в постель, ничего не добившись, было бессмысленно, — она не могла бы

— У вас, должно быть, весьма благоприятное представление об аббатстве?

— Еще бы. Разве это не одно из тех прекрасных старинных строений, о которых читаешь в романах?

— И вы подготовили себя ко всем неожиданностям, могущим произойти в «строениях, о которых читаешь в романах»? Вы достаточно мужественны? Вам будет ни-почем, если вдруг перед вами раздвинется гобелен или стена?

— О да, надеюсь, меня это не очень испугает. В доме ведь будет много народа. А кроме того, он не был долгие годы необитаем — его владельцы не возвращаются в него внезапно, без предупреждения, как это обычно происходит в романах.

— Нет, конечно. Нам не придется пробираться ощупью через холл, едва освещенный тусклым светом догорающих углей, или стелить постели на полу зала без окон и дверей, лишенного всякой обстановки. Но вы должны помнить, что молодую леди, которой довелось (все равно каким образом) попасть в такое место, обычно поселяют вдали от остальных обитателей. И когда члены семьи уютно располагаются в своем конце здания, она, в сопровождении безмолвной престарелой домоправительницы по имени Дороти, поднимается по дальней лестнице, следует бесконечными мрачными переходами и попадает в помещение, которое оставалось необитаемым с той самой поры, как какой-нибудь кузен или дальний родственник скончался в ней лет двадцать тому назад. Выдержите ли вы такое испытание? Сохраните ли вы присутствие духа, оказавшись в мрачной комнате, слишком просторной и высокой, освещенной единственным слабым светильником, который позволяет лишь оглядеть обтянутые гобеленами стены, с вытканными на них фигурами в человеческий рост, и похожую на катафалк кровать, задрапированную темно-зеленой тканью или пурпурным бархатом? Душа у вас при этом не уйдет в пятки?

— Меня, надеюсь, не ждет ничего подобного!

— Вы с трепетом начинаете осматривать обстановку комнаты. И что же вы обнаруживаете? Не какие-нибудь там столы, туалеты, гардеробы или комоды, но, скажем, останки сломанной лютни у одной стены, у другой — тяжеловесный сундук, не открываемый никакими усилиями, а над камином — портрет величественного воина, черты лица которого производят на вас такое неизгладимое впечатление, что вы не в состоянии оторвать от него

взгляд. Тем временем Дороти, не менее пораженная вашей внешностью, всматривается в вас с явным волнением, бормоча при этом нечто загадочное. Более того, для подкрепления вашего духа она дает вам понять, что часть здания, в которой вас поселили, посещается, как известно, привидениями, и предупреждает, что никто из прислуги не услышит вашего зова. Простившись с вами, таким образом, весьма сердечно и сделав вам книксен, она уходит, и вы до последнего отзвука прислушиваетесь к ее замирающим шагам. Когда же, вконец упав духом, вы пытаетесь запереть дверь, вы с отчаянием обнаруживаете, что в ней нет замка.

— О, мистер Тилни, как страшно! Словно из книги! Но на самом деле ничего такого со мной не случится. Я уверена, вашу домоправительницу зовут не Дороти. Хорошо, что же дальше?

— В первую ночь, возможно, ничего зловещего больше не будет. Справившись с *неодолимым* ужасом, который вам внушила кровать, вы все же ложитесь и на несколько часов погружаетесь в тревожную дрему. Но на вторую или уж, во всяком случае, *третью* ночь после вашего приезда, разражается страшнейшая буря. Оглушительные удары грома, словно сотрясающие стены до основания, обрушиваются над окружающими горами. Удары сопровождаются жесточайшими порывами ветра, и вы вдруг различаете — ведь лампа еще не погашена, — что обивка на одной стене колышется чуть сильнее, чем на других. Не в силах подавить любопытство при столь возбуждающих его обстоятельствах, вы, разумеется, вскакиваете и, накинув халат, пытаетесь установить причину этого явления. После непродолжительных поисков вы обнаруживаете в гобелене разрез, настолько скрытый, что в обычных условиях его нельзя заметить при тщательнейшем осмотре. Раздвинув ткань, вы находите под ней дверь; запертая лишь массивным засовом и висячим замком, она под действием ваших усилий вскоре отпирается, и вы с лампой в руке проникаете в небольшое сводчатое помещение.

— Право, я буду слишком напугана, чтобы на это решиться.

— Как? После того, как Дороти сообщила вам о существовании между вашей спальней и часовней святого Антония подземного хода длиной только в две мили?! Вы сможете устоять против такого соблазна? Нет, нет, вы зайдете в сводчатое помещение и через него в несколько других, впрочем, не обнаружив в них ничего особенного:

в одном, быть может, ваш взор упадет на кинжал, в другом на несколько пятен крови, в третьем на обломки приспособления для пыток. Не найдя, таким образом, чего либо из ряда вон выходящего и увидев, что огонь в вашей лампе вот вот погаснет, вы повернете обратно в спальню. Однако, когда вы снова будете проходить через сводчатое помещение, ваше внимание привлечет к себе большой старомодный шкаф черного дерева с золотом, который раньше, при внимательном осмотре обстановки, вы почему то не заметили. Влекомая neodолимым предчувствием, вы бросаетесь к нему, отпираете створки и осматриваете все ящики — вначале не находя в них ничего значительного, разве что изрядную грудку бриллиантов, не больше. В конце концов, однако, вы задеваете скрытую пружину, отчего распаивается внутреннее отделение, и перед вами оказывается бумажный свиток. Вы хватаете его, — он состоит из множества мелко исписанных листков, — спешите с драгоценной находкой в спальню, но едва успеваете разобрать: «О ты, кем бы ты ни был, в чьи руки попадут эти строки несчастной Матильды!..», как ваша лампа внезапно гаснет, и вы погружаетесь в кромешную тьму.

— Ах, нет, нет! Пожалуйста, продолжайте!

Ее спутника, однако, произведенное им впечатление слишком развеселило, чтобы он мог продолжить рассказ. Мистеру Тилни было уже неловко сохранять в выражении лица и в голосе подобающую торжественность, и поэтому он попросил Кэтрин в части содержания записок Матильды прибегнуть к собственной фантазии. Опомнившись, она устыдилась проявленного волнения и стала его убеждать, что, несмотря на свой интерес к рассказу, вовсе не предполагала, будто ее на самом деле ждет нечто подобное. Мисс Тилни, она уверена, ни за что не поместит ее в такую комнату, как он описал. Это не может случиться.

По мере приближения к цели ее нетерпение увидеть Нортенгер, ненадолго ослабленное беседой на увлекательную тему, приобрело прежнюю силу, и за каждым новым поворотом дороги Кэтрин теперь с трепетом ожидала появления поднимающихся среди старой дубравы массивных стен из серого камня со стрельчатыми готическими окнами, прекрасно озаренными отблесками закатного солнца. Здание, однако, оказалось расположенным настолько низко, что они въехали в главные ворота поместья, так и не заметив перед тем даже какой нибудь старинной дымовой трубы.

Она не знала, можно ли этому удивляться, но подобное прибытие было для нее совершенно непредвиденным. Проехать между двумя современного вида сторожками и сразу оказаться у самого аббатства, быстро катясь по ровной и гладкой, посыпанной гравием дороге, — без каких-нибудь задержек, сигналов тревоги или торжественных церемоний, — такого она не предполагала. Однако ей не пришлось об этом долго раздумывать. Внезапно разразившийся дождь лишил ее возможности каких бы то ни было наблюдений и заставил сосредоточить все помыслы на благополучии новой соломенной шляпки. И, оказавшись под стенами аббатства, выпрыгнув при содействии Генри из экипажа, укрывшись под защиту старинного подъезда и даже пройдя в холл, где ее встретили мисс Тилни и генерал, она так и не успела проникнуться роковыми предчувствиями ожидавших ее здесь злоключений и вообразить те ужасные события, которые когда-то совершались в этих стенах. Порывы ветра не донесли до нее вздохов злосчастных жертв — они не донесли до нее ничего более неприятного, чем капли холодного дождя. И хорошенько стряхнув воду с дорожной накидки, она ждала приглашения в гостиную, чтобы понять, куда же она попала.

Аббатство! Да, она была в восторге от сознания, что проникла в аббатство. Но, оглядывая комнату, она не видела ни малейшего признака, который свидетельствовал бы о том, где она находится. Обстановка своим разнообразием и изысканностью вполне соответствовала современным вкусам. Камин, вопреки ее ожиданиям, не поразил ее размерами отесанных в старину массивных каменных глыб и к тому же оказался облицован гладко полированным мрамором, оборудован наклонной решеткой Рамфорда и украшен прелестнейшим английским фарфором. Окна, на которые она особенно рассчитывала, так как слышала от генерала, что он бережно сохранил их готическую форму, тоже не соответствовали картине, рисовавшейся ее воображению. Конечно, заостренный свод остался — форма их была готическая, и они, возможно, даже имели открывающиеся створки, — но стекла в них были такими большими, такими прозрачными и светлыми! Для того, кто ожидал увидеть густые переплеты, тяжелое каменное обрамление, окрашенные стекла, грязь и паутину, отличие было разительным.

Генерал, подметив ее взгляды, начал говорить о тесноте помещения и скромности обстановки, состоящей из не

обходимейших для жизни предметов повседневного обихода, и тому подобных вещах. Вместе с тем он льстил себя надеждой, что она увидит в аббатстве апартаменты, *достойные* ее внимания. Но, начав было описывать дорожную позолоченную отделку одного из них, он вдруг вынул часы, прервал рассказ и с удивлением объявил, что уже двадцать минут пятого! Слова эти как бы дали всем знать, что пора расходиться, и мисс Тилни увлекла Кэтрин за собой, показывая своей поспешностью, что распорядок дня поддерживается в Нортенгере весьма скрупулезно.

Вернувшись в просторный и высокий холл, они по широкой полированной дубовой лестнице с несколькими маршами и площадками поднялись в длинную галерею. Вдоль одной ее стены шел ряд дверей. Галерея была освещена окнами в противоположной стене, которые, как заметила Кэтрин, выходили в квадратный двор. Мисс Тилни поспешно ввела ее в одну из комнат и, едва успев выразить надежду, что эта комната ей понравится, тотчас же удалась, попросив подругу произвести лишь самые необходимые перемены в ее одежде.

ГЛАВА XXI

первого же взгляда Кэтрин убедилась, что представленная ей комната совершенно не соответствует описанию, которым ее пытался запугать Генри. Она вовсе не выглядела непомерно большой и не содержала ни бархата, ни гобеленов. Стены ее были оклеены обоями, пол покрыт ковром. Окна были такими же великолепными и ничуть не более темными, чем в гостиной внизу, а обстановка, хоть и не самая модная, удобной и красивой. Общее впечатление от нее оставалось вполне благоприятным. Успокоив себя в этом отношении и боясь своей задержкой вызвать неудовольствие генерала, она решила не терять времени на подробный осмотр. Поэтому она с возможной поспешностью скинула дорожную накидку и приготовилась было вынуть булавки из предназначенного для немедленного употребления и привезенного на сиденье кареты холщового свертка, как вдруг заметила огромный сундук у задней стены глубокой ниши рядом с камином. Вид его заставил ее вздрогнуть. Забыв обо всем и застыв в немом удивле

нии, она не сводила с него глаз, в то время как в ее голове пробегали следующие мысли:

«Как странно! Вот неожиданность! Большущий, тяжелый сундук! Что в нем припрятано? Зачем он здесь? Еще и задвинут подальше, чтобы не бросался в глаза! Надо в него заглянуть во что бы то ни стало! Сейчас же, пока не стемнело! Если откладывать, может погаснуть свеча!»

Кэтрин приблизилась к сундуку и внимательно его осмотрела. Он был сделан из кедрового дерева, затейливо выложенного более темной породой, и помещался на такой же резной подставке высотой около фута. У сундука был серебряный, почерневший от времени замок, на концах — обломки рукояток, тоже серебряных, быть может, давно еще исковерканных каким то необычайным усилием, а в середине крышки — таинственная монограмма из того же металла. Кэтрин всячески ломала себе над ней голову, но не могла ее разгадать. С какой бы стороны она на нее ни смотрела, последней буквой никак не могла быть «Т». А найти в этом доме монограмму без этой буквы было в самом деле странно. Если когда то сундук принадлежал кому то другому, какие же необыкновенные события перенесли его в семейство Тилни?

Ее разбуженное любопытство росло с каждой минутой. Отодвинув дрожащей рукой щеколду замка, она решилась любой ценой узнать, что в сундуке находится. С трудом, словно преодолевая какую то силу, она приподняла крышку на несколько дюймов, но внезапный стук в дверь заставил ее, вздрогнув, разжать пальцы, так что сундук с пугающим грохотом захлопнулся. Несвоевременным посетителем оказалась служанка мисс Тилни, присланная хозяйкой, чтобы помочь мисс Морланд. Девушка была тотчас же отослана, но ее приход напомнил гостю о ее долге, заставив, несмотря на жгучее желание проникнуть в зловещую тайну, сразу приняться за переодевание. Взоры и мысли Кэтрин были, однако, по прежнему сосредоточены на столь сильно заинтересовавшем ее предмете, так что действовала она не слишком проворно. Не осмеливаясь улучшить минуту для новой попытки проникнуть в сундук, она не отходила от него ни на шаг. Наконец, натянув на себя один рукав платья и считая себя почти одетой, она решила дать волю своему любопытству. Минута на это могла быть потрачена. И исполненная такого рвения, что, без сверхъестественного вмешательства, крышка должна была отлететь в одно мгновение, она кинулась к сундуку.

Предчувствие ее не обмануло. Одним рывком она открыла сундук, и перед ее смущенным взором предстало аккуратно сложенное белое хлопчатое покрывало, одиноко покоившееся на дне.

Кэтрин ошеломленно его рассматривала, когда в комнату вошла мисс Тилни, беспокоясь о том, как бы ее подруга не задержалась. И, к стыду последней из за ее беспричинно разыгравшегося воображения, добавился еще стыд из за того, что ее застали за таким неподобающим розыском.

— Не правда ли, любопытный сундук? — спросила мисс Тилни, в то время как Кэтрин захлопнула крышку и обернулась к зеркалу. — Трудно сказать, сколько он здесь находится. Не зная, откуда он взялся, я не стала его убирать, подумав, что сундук может пригодиться для хранения головных уборов. Он плох только тем, что с трудом открывается, — очень уж тяжелая крышка. Впрочем, в этом углу он, по крайней мере, никому не мешает.

Кэтрин было не до ответа — она краснела, завязывала ленты на платье и давала себе в душе мудрейшие обещания весьма решительного свойства. Мисс Тилни осторожно намекнула, что боится, как бы они не опоздали к обеду, и через полминуты подруги уже бежали вниз, охваченные, как оказалось по прибытии, не совсем безосновательной тревогой, ибо нашли генерала Тилни в гостинной отмеривающим шаги с часами в руке. При их появлении он дернул шнурок звонка и скомандовал:

— Обед на стол — *мигом!*

Вздрогнув от выраженного в этой фразе укора, Кэтрин села, бледная и задыхающаяся, сознавая свое ничтожество, сочувствуя детям генерала и ненавидя старые сундуки. Генерал, однако, взглянув на нее, сделался снова любезен. Оставшееся до перехода в столовую время он бранил дочь за то, что та заставила свою прелестную подругу запыхаться, хотя для спешки не было никаких оснований. И Кэтрин переживала двойную неловкость из за упреков, которым по ее вине подверглась ее подруга, и из за собственного глупого поведения — до тех пор, пока все благополучно не расселись за столом и доброжелательные улыбки генерала в сочетании с хорошим собственным аппетитом не восстановили ее душевного равновесия. Столовая оказалась величественным помещением, — рядом с ней семейная гостиная казалась несоответственно скромной, — отделанным с богатством и роскошью, почти не замеченными Кэтрин, которая обратила внимание разве что на количество толпивших

ея вокруг стола слуг и на ее размеры. О последних она позволила себе высказаться, в связи с чем генерал снисходительно признал комнату достаточно обширной, добавив, что, относясь к подобным вещам, как и большинство людей, безразлично, он все же считает в меру просторную столовую одной из насущных жизненных необходимостей. Он предположил, однако, что «в доме мистера Аллена она привыкла к значительно более просторным помещениям».

Ничего подобного, с жаром возразила Кэтрин, столовая мистера Аллена и вполнину не так велика! Она еще никогда в жизни не видела столовой таких размеров. Настроение генерала поднялось еще больше: что ж, поскольку у него в доме такие комнаты есть, по его мнению, было бы глупо ими не пользоваться. Но он искренним об

разом верит, что комната вдвое меньших размеров могла бы оказаться даже удобнее. Поэтому он не сомневается, что дом мистера Аллена имеет как раз те размеры, которые необходимы для истинного благополучия.

Вечер прошел без каких либо новых волнений, а во время отлучек генерала Кэтрин было по настоящему весело. Небольшая усталость от путешествия ощущалась только в его присутствии. Но даже тогда, даже в минуты молчания и стесненности, ее не покидало ощущение счастья, и она была способна вспоминать о своих друзьях в Бате, вовсе не испытывая желания оказаться среди них.

Ночь была ветреной. Во второй половине дня погода непрерывно ухудшалась, и, перед тем как все покинули гостиную, ветер и дождь разгулялись вовсю. Проходя через холл, Кэтрин прислушалась к урагану с некоторым беспокойством. И когда до нее донеслось, как он свирепствует за стенами старинного дома и с каким ожесточением хлопает вдалеке какой то дверью, она впервые ощутила, что в самом деле находится в аббатстве. Да, это были характерные звуки. Они напомнили ей бесчисленные описания жутких картин и зловещих событий, которым предшествовали подобные бури и свидетелями которых бывали стены таких же зданий. И Кэтрин от души радовалась более благоприятным обстоятельствам, при которых она вступила под этот величественный кров: ей то не приходилось опасаться ночных разбойников или пьяных проходимцев. Генри, разумеется, только шутил во время утреннего разговора. В таком хорошо обставленном и обжитом доме ей нечего бояться — с ней здесь ничего не случится. И она может зайти к себе в спальню так же уверенно, как будто бы это была ее собственная комната в Фуллертоне. Поддерживая свою храбрость, пока она поднималась по лестнице, подобными здравыми рассуждениями, Кэтрин смогла войти в комнату, не утратив присутствия духа, особенно после того, как убедилась, что через две двери от нее находилась спальня мисс Тилни. Приветливый вид затопленного камина еще больше придал ей бодрости.

«Насколько приятнее,— подумала она, подойдя к каминной решетке,— насколько приятнее найти у себя уже зажженный огонь, чем, дрожа от холода, ждать, пока улягутся хозяева дома,— как приходилось стольким несчастным девицам,— ждать, пугаясь, прихода верной служанки с охапкой хвороста. Как хорошо, что Нортенгер оказался таким, как он есть! Если бы он был похож на другие места,

не знаю, смогла бы я в подобную ночь сохранить спокойствие. Но сейчас, разумеется, бояться нечего».

Она огляделась вокруг. Занавеси на окнах как будто чуть чуть колыхались. Это могло объясняться только действием ветра, проникавшего в оконные щели. Чтобы убедиться в этом, она, напевая что то себе под нос, решительно подошла к окну, смело раздвинула занавеси и, не найдя ничего зловещего на низком подоконнике, приложила ладонь к раме и удостоверилась, что сквозь нее действительно дуло. Взгляд, брошенный ею на старый сундук, оказался кстати. Она с презрением подумала о вздорных страхах, возникающих в праздном воображении, и начала безмятежно приготовляться ко сну. «Она будет вести себя так, как положено, и не станет спешить. Что ей за дело, если она и ляжет в доме последней? И незачем ей поддерживать в камине огонь — это было бы проявлением трусости, словно она испугается темноты, когда ляжет в кровать». Камин догорел, и Кэтрин, потратив добрых полчаса на приготовления, хотела было уже улечься в постель, когда, осмотрев напоследок комнату, остановила взгляд на высоком старомодном черном шкафу, который, хоть и стоял достаточно на виду, почему то раньше не был ею замечен. Ей тотчас же вспомнился рассказ Генри — описание шкафа из черного дерева, сначала якобы ускользнувшего от ее внимания. И хотя оно на самом деле мало что значило, необычайное совпадение показалось ей все же странным. Она взяла свечу и внимательно осмотрела шкаф. Он вовсе не был сделан из черного дерева с золотом. Но это был черный лак — прекрасный черный лак с желтым японским орнаментом. А при свете свечи желтые линии напоминали золотые. В замок был вставлен ключ, и она почувствовала странное желание заглянуть внутрь — разумеется, вовсе не ожидая найти там что либо особенное, но ощущая любопытство под влиянием утреннего рассказа Генри. Короче говоря, не заглянув в шкаф, она не могла бы уснуть. Поэтому, поставив осторожно свечу на стул, она схватилась за ключ и дрожащей рукой попробовала его повернуть. Замок не отпирался, несмотря ни на какие усилия. Тревожась, но не сдаваясь, она попробовала повернуть ключ в другую сторону. Замок щелкнул, и она уже вообразила, что добилась своего. Но что за чертовщина? Дверца по прежнему не поддавалась. Кэтрин на минуту замерла от удивления. Ветер завывал в дымовой трубе, струи дождя хлестали по окнам, — решительно во всем ощущалось нечто зловещее. Однако укладываться в постель, ничего не добившись, было бессмысленно, — она не могла бы

уснуть, помня о находящемся рядом таинственно запертом шкафе. Поэтому она снова взялась за ключ и, вращая его в обе стороны с отчаянием последней попытки, вдруг почувствовала, что дверца качнулась. Обрадованная одержанной победой, она распахнула обе створки. Вторая створка удерживалась лишь задвижкой, менее сложной, чем замок, на первый взгляд тоже мало чем примечательный. Внутри Кэтрин увидела два ряда маленьких ящичков между более крупными ящиками сверху и снизу и маленькую дверцу посередине, также со вставленным в замочек ключом, прикрывавшую, очевидно, главное вместилище.

Сердце Кэтрин учащенно билось, но она не теряла мужества. С выражением надежды на лице и горящим от любопытства взором она ухватила за ручку ящика и потянула его к себе. Он оказался пустым. С меньшим волнением и большей поспешностью она выдвинула второй, третий, четвертый ящики. Все они были в равной мере пусты. Она осмотрела все ящики до последнего, но ни в одном из них не нашла ровно ничего. Хорошо знакомая по прочитанным книгам с тем, как прячут сокровища, она не забыла о возможности существования у ящиков фальшивого дна, судорожно, но тщетно ощупав каждый из них изнутри. Оставалось не обследованным только среднее отделение. И хотя она вовсе и не предполагала найти что-нибудь в каком-то уголке шкафа и отнюдь не испытывала ни малейшего разочарования в связи с произведенным осмотром, было бы глупо не довести его до конца, раз уж она за него взялась. Прошло, однако, некоторое время, прежде чем ей удалось открыть дверцу, — внутренний замок оказался столь же капризным, как и наружный. В конце концов и он отомкнулся. И здесь ее поиски оказались не такими тщетными, какими были до сих пор. Жадный взор Кэтрин тотчас же заметил задвинутый в глубину, очевидно для лучшей сохранности, бумажный сверток — и ее чувства в этот момент едва ли поддаются описанию. Лицо ее побледнело, сердце трепетало, колени дрожали. Неверной рукой она схватила драгоценную рукопись, — одного взгляда было достаточно, чтобы различить на бумаге письма, — и с волнением, отдавая себе отчет в том, как необыкновенно сбывается предсказание Генри, решила тотчас же, прежде чем лечь в постель, прочесть все до последнего слова.

Мерцание свечи заставило ее со страхом оглянуться. Свеча не могла скоро погаснуть — ее должно было хватить на несколько часов. И чтобы избежать всяких по

мех, кроме затруднений при чтении старинного текста, Кэтрин поспешно сняла с нее нагар. Увы, при этом она ее погасила. Никакой светильник не мог бы погаснуть так внезапно. На несколько мгновений охваченная ужасом Кэтрин окаменела. Все было кончено. Не осталось даже тлеющей искорки на фитиле, которую бы можно было со всей осторожностью попытаться раздуть. Непроницаемая, бескрайняя тьма залила комнату. Жестокий порыв ветра, взревели с внезапной свирепостью, усугубил ужас этой минуты. Кэтрин дрожала с головы до ног. В наступившей затем тишине ее встревоженный слух как бы различил удаляющиеся шаги и отдаленный стук закрывшейся двери. Это было выше человеческих сил. Лоб ее покрылся холодной испариной, сверток выпал из рук. Ощупью отыскав постель, она сразу же зарылась в нее с головой, стараясь хоть немного успокоить свое волнение. О том, что ей удастся сомкнуть глаза, нельзя было и подумать, — в таком возбуждении, охваченная таким естественным любопытством, она, разумеется, была не способна заснуть. Она не могла припомнить подобной бури. Обычно Кэтрин мало обращала внимания на погоду, но сейчас каждый порыв ветра словно был полон каких-то зловещих предзнаменований. Рукопись, найденная при таких необычайных обстоятельствах, такое странное совпадение с утренним разговором, — какое этому могло быть дано объяснение? Что она содержала, к кому была обращена? Каким образом она так долго оставалась незамеченной? И как раз на долю Кэтрин выпало ее найти! Ей не удастся ни успокоиться, ни отдохнуть, прежде чем она не узнает ее содержания. И она примется за чтение с первыми же лучами солнца. Сколько мучительных часов ей предстоит еще ждать?

Ее трясло, и она то и дело поворачивалась в постели, завидуя спящим. Буря неистовствовала по-прежнему, и до ее встревоженного слуха доходили самые необыкновенные звуки, еще более пугающие, чем завывание ветра. В какую-то минуту ей показалось, что зашевелился даже полог ее кровати, в другую — что кто-то, пытаясь войти к ней в комнату, возится с дверным замком. Из галереи доносилось глухое бормотанье, и не раз ее кровь леденела в жилах при звуках отдаленных стонов. Проходил час за часом, и измученная Кэтрин слышала, как все часы в доме пробили три, прежде чем буря стихла или сама она незаметно для себя погрузилась в глубокий сон.

тук распахиваемых служанкой в восемь часов утра оконных ставен был первым звуком, осознанным Кэтрин при пробуждении. Открыв глаза,— при том, что она не понимала, как ей удалось их закрыть,— она увидела самую радостную картину. В камине уже горел огонь, а на смену бурной ночи пришло солнечное утро. С первыми же проблесками мысли она вспомнила о рукописи. И сразу после ухода служанки, спрыгнув с постели, она поспешно собрала всё разбросанные при падении свертка бумажные листки и юркнула обратно, чтобы прочесть их с удобством, лежа под одеялом. Она не могла, оказывается, рассчитывать, что рукопись будет столь обширной, как другие подобные рукописи, от содержания которых ей приходилось содрогаться при чтении романов. Сверток состоял только из небольших разрозненных листков и был далеко не тяжелым — значительно более легким, чем ей представлялось накануне.

Жадным взглядом впиалась она в одну из страниц. То, что она увидела, ее ошеломило. Могло ли это быть на самом деле или чувства ее обманывали? Перед ней был всего лишь написанный современными корявыми буквами перечень белья! Если можно было верить глазам, она держала в руках счет от прачки! Она посмотрела на другой листок и нашла в нем те же предметы с небольшой перестановкой. Третий, четвертый, пятый не открыли ничего нового. В каждом из них значились рубашки, чулки, галстуки, жилетки. Еще два листка, исписанных той же рукой, содержали столь же незначительные статьи, как то: пудру для париков, шнурки для ботинок и пуговицы для штанов, а самый большой листок, в который были завернуты все остальные, судя по первой корявой строке: «За примочки гнедой кобыле», был счетом от коновала. Вот чем оказался бумажный сверток (по видимому, очутившийся там, где его нашла Кэтрин, из за небрежности прислуги), который вызвал у нее такую игру воображения и столько страхов, наполовину лишив ее ночного отдыха! Она чувствовала себя совершенно уничтоженной. Неужели она не научилась уму разуму после происшествия с сундуком? Видневшийся ей краешек сундука служил как бы вещественным доказательством ее вины. Беспочвенность ее недавних догадок была теперь совершенно очевидной. Предположить, что в такой обжитой, современной комнате могли сохраниться никем не замеченные

бумаги, написанные бог весть сколько поколений тому назад?! Или что ей довелось первой отпереть шкаф, ключ от которого находился у всех на виду?! Как ей могла прийти в голову такая нелепость? Не дай бог, чтобы о ее глупости проведал когданибудь Генри! Правда, в некоторой мере он был сам виноват в случившемся — если бы шкаф не напомнил ей так сильно его рассказ об ожидающих ее приключениях, он бы не вызвал у нее любопытства. Ее успокаивало только это. Стремясь поскорее отделаться от ненавистных доказательств своей глупости — дурацких разбросанных по кровати листков бумаги, — она вскочила с постели, свернула листки в такой же, как раньше, сверток и сунула его на прежнее место в шкаф, горя желанием, чтобы никакие неблагоприятные обстоятельства не заставили его снова перед ней появиться, вызвав у нее презрение к собственной персоне.

Почему замки раньше отперлись с таким трудом, оставалось, однако, загадкой — сейчас она справилась с ними беспрепятственно. В этом все же заключалось нечто таинственное — она допустила на минуту столь лестное для себя предположение. Однако мысль о том, что шкаф вообще не был заперт и что она сначала сама его заперла, пришла ей в голову достаточно быстро и еще раз вызвала краску на ее лице.

Она поспешила покинуть спальню, в которой собственные ее поступки вызывали у нее такие неприятные переживания, и направилась прямо в комнату для завтрака, показанную ей мисс Тилни еще с вечера. Там находился один Генри. Выразив надежду, что ее не потревожила ночная буря, и лукаво намекнув при этом на особенность приютившего их крова, он немало смутил Кэтрин своим приветствием. Ей ни в коем случае не хотелось бы, чтобы он догадался о ее слабости. И все же, не способная к прямому обману, она была вынуждена признать, что ветер какое то время мешал ей уснуть.

— Но после бурной ночи наступило такое восхитительное утро! — добавила она, стремясь возможно скорее переменить тему разговора. — Буря и бессонница ничего не значат, если они миновали. Что за прелестные гиацинты! Я полюбила их только недавно.

— И как же вы к этому пришли? Случайно или путем умозаключений?

— Этому научила меня ваша сестра — не понимаю сама, каким образом. Миссис Аллен много лет старалась меня заставить их полюбить. Но у нее ничего не выхо

дило — пока я их не увидела на Мильсом стрит. Обычно я к цветам равнодушна.

— А теперь вы любите гиацинты? Как это хорошо. Вы приобрели новый источник радости, а человеку надо радоваться как можно больше. Кстати, дамам вообще полезно любить цветы — это может лишний раз побудить их отправиться на прогулку. И хотя гиацинт — растение комнатное, кто знает, если у вас родилась любовь к цветам, не распространится ли она и на розы?

— Но мне вовсе не нужно особого повода, чтобы выбраться на прогулку. Возможность двигаться, дышать свежим воздухом — этого для меня достаточно. В хорошую погоду я провожу на воздухе больше половины времени, — мама говорит даже, что меня трудно загнать домой.

— Я рад все же, что вы полюбили гиацинты. Хорошо уже, что вы научились что то любить. Способность молодой леди воспринимать уроки — дар божий. А как вам понравились воспитательные приемы моей сестры?

Кэтрин избежала смущения при ответе на этот вопрос благодаря появлению генерала. Сдобренное улыбками приветствие хозяина дома свидетельствовало о его хорошем настроении. Однако его легкий намек на то, что она, как и он, предпочитает рано вставать, не очень способствовал ее душевному спокойствию.

Когда все сели за стол, она не могла не обратить внимание на красоту сервиза для завтрака. К счастью, сервиз был куплен генералом. Довольный тем, что она одобрила его выбор, генерал признал сервиз простым и милым, выразив мнение, что отечественную промышленность следует поощрять и что, как он полагает, чай, поданный в стаффордской глине, на его невзыскательный вкус, ничуть не хуже чая, поданного в глине из Севра или Дрездена. Сервиз, правда, немного устарел — ему уже не меньше двух лет. С тех пор производство ушло вперед. Когда он в последний раз был в столице, он видел несколько прелестных образчиков. И не будь он начисто лишен тщеславия этого рода, он бы соблазнился и заказал себе новый. Однако, как он надеется, в недалеком будущем ему представится случай приобрести еще один сервиз — хоть и не для себя самого. Из всех сидевших за столом единственным человеком, который его не понял, была Кэтрин.

Вскоре после завтрака Генри попрощался и уехал в Вудстон, где его на два три дня должны были задержать дела. Все собрались в холле, чтобы посмотреть, как он садится на лошадь, и, вернувшись в комнату для зав

трака, Кэтрин подошла к окну, надеясь взглянуть на него еще раз.

— Немалое испытание для твердости Генри,— заметил генерал, обращаясь к дочери.— Вудстон покажется ему сегодня довольно мрачным.

— Это красивое место? — спросила Кэтрин.

— Как ты полагаешь, Элинора? Ну ка, поделись своим мнением. Говоря о природе, одна леди лучше представляет себе взгляды другой, — так же, как говоря о мужчинах. На мой непревзойденный вкус у этого места есть свои преимущества. Представьте себе дом с окнами на юго-восток, среди зеленых лужаек и с прекрасным, выходящим на ту же сторону садом. И вокруг всего этого — ограда, которую я выстроил для сына лет десять тому назад. Это дом для семьи, мисс Морланд. И поскольку земли в этих местах принадлежат главным образом мне, можете поверить, я достаточно позаботился, чтобы он был таким, как требуется. Если бы средства к существованию Генри давал лишь этот приход, мой сын и в этом случае был бы вполне обеспечен. Кажется странным, не правда ли, что, имея лишь одного младшего сына, я счел необходимым дать ему профессию? Случаются минуты, когда все мы предпочли бы, чтобы его не обременяли никакие дела. Но хотя мне, наверно, не удастся убедить в этом подобных вам молодых леди, ваш отец, я уверен, согласился бы со мной, что каждый молодой человек должен иметь какое-то занятие. Дело тут не в деньгах, деньги ни при чем, суть — в занятии. Даже Фредерик, мой старший сын, которому в наследство достанется столько земельной собственности, сколько едва ли находится в руках другого частного лица во всем нашем графстве, даже у него, как вы знаете, есть профессия.

Последний довод произвел действие, вполне соответствовавшее желаниям говорившего. Молчание Кэтрин доказывало его неопровержимость.

Во вчерашнем разговоре упоминалось, что ей покажут все здание. Сейчас генерал предложил ей себя самого в качестве сопровождающего. И хотя Кэтрин надеялась познакомиться с домом в обществе его дочери, предложенный осмотр, суливший столько удовольствия при любых обстоятельствах, не мог ее не обрадовать. В самом деле, она провела в аббатстве уже восемнадцать часов, а успела пока осмотреть всего лишь несколько комнат! Раскрытая перед тем без особой надобности шкатулка для рукоделия была тут же охотно закрыта, и Кэтрин приготовилась следовать за генералом.

«Когда же будет осмотрен весь дом, он рассчитывает на удовольствие прогуляться с ней по саду и парку». Кэтрин поблагодарила его легким приседанием.

«Но, возможно, ей приятнее совершить прогулку сначала? Погода как раз подходящая, а в данное время года нельзя особенно полагаться на ее постоянство. Что же она предпочитает? Она может располагать им в равной степени для того и другого. Не подскажет ли его дочь — что больше по сердцу ее прелестной подруге? Нет, он уже понял это сам. Он ясно прочел в глазах мисс Морланд разумное желание воспользоваться чудесной погодой. Впрочем, разве она когданибудь принимала ошибочное решение? В доме ведь всегда сухо и безветренно. Он безусловно подчиняется и покидает их только на минуту, чтобы взять шляпу».

Генерал вышел из комнаты, а разочарованная и расстроенная Кэтрин стала объяснять подруге, насколько ей неловко заставлять его идти на прогулку, когда ему этого вовсе не хочется, — всего лишь в угоду ее мнимому желанию. Мисс Тилни, однако, перебила ее, сказав с некоторым смущением:

— Мне кажется, самое правильное сейчас — это воспользоваться прекрасным утром. Не тревожьтесь за моего отца — он обычно гуляет в такое время.

Кэтрин не вполне поняла значение этих слов. Почему мисс Тилни смутилась? Не имеет ли генерал чегонибудь против того, чтобы она осмотрела аббатство? Но ведь он сам предложил. И разве не странно, что он всегда так рано гуляет? Совсем не похоже на ее отца или мистера Аллена. Как обидно — она больше всего хотела осмотреть дом, и ей вовсе нет дела до усадьбы. Если бы еще Генри был с ними. Теперь же она даже не сможет понять, чем любоваться. Тем не менее, оставляя эти мысли при себе, Кэтрин покорно, хотя и без удовольствия, надела шляпку.

Она, однако, была удивлена далеко превзошедшими ее предположения размерами аббатства, увиденного ею впервые с прилежавшей лужайки. Здание имело вид охватывающего большой двор прямоугольника — восхищенному взгляду зрителей открылись две его стороны, щедро украшенные готическим орнаментом, а остальное скрывалось купами старых деревьев или густыми посадками. Поднимающиеся сзади и защищавшие его от ветра крутые лесистые холмы казались прекрасными даже в безлиственные мартовские дни. Ничего подобного ей еще видеть не приходилось. Впечатление было настолько сильным, что, не дождавшись более веских суждений, Кэтрин смело высказала, насколько она поражена и восхищена. Довольный генерал отнесся к ее отзыву вполне одобрительно —

можно было подумать, что до сих пор собственная его оценка Нортенгера вызывала у него сомнения.

Далее им пришлось восторгаться садоводством, в которое генерал провел их через уголок парка.

Кэтрин не могла не поразиться, услышав, сколько оно занимает акров земли, — вдвое больше того, чем располагали вместе мистер Аллен и ее отец, включая церковный двор и фруктовые посадки. Бесчисленным шпалерам не было видно конца. Между ними возвышался целый городок теплиц. И среди всего этого трудилось, казалось, все население здешнего прихода. Генерал был польщен ее изумленными взглядами, которые подтверждали так же ясно, как и вырвавшиеся у нее восклицания, что она еще никогда не видела подобного великолепия, после чего скромно признал, что, хотя он и лишен честолюбия этого рода и не имеет в этом отношении никаких притязаний, он, мол, отнюдь не думает, что у него нет в королевстве соперников, — все же, если уж у него есть любимый конек, так это сад. Да, он влюблен в садовое дело. Будучи равнодушен ко всякой другой еде, он любит хорошие фрукты, а если не любит сам, то их любят его дети, его друзья. Наблюдение за таким садом, однако, хлопотливое дело. Даже отличный уход не всегда вознаграждается урожаем наиболее ценных фруктов. Ананасные парники, например, принесли в прошлом году всего лишь сотню плодов. Мистеру Аллену такого рода огорчения, должно быть, знакомы?

— О нет, нисколько. Мистер Аллен совершенно равнодушен к саду — он туда даже не заходит!

С улыбкой торжествующего превосходства генерал пожелал себе такого же равнодушия, ибо ни одно посещение сада, увы, не обходится для него без огорчения — чтонибудь там непременно оказывается не так.

— У мистера Аллена большое тепличное хозяйство? — спросил генерал, объясняя устройство теплиц во время их осмотра.

— У него всего лишь одна маленькая теплица, которую миссис Аллен зимой использует для цветов. Время от времени ее протапливают.

— Счастливый человек! — заметил генерал с видом блаженного самодовольства.

Проведя их по всем закоулкам и показав Кэтрин каждый уголок, он настолько исчерпал ее возможности чемнибудь любоваться и восхищаться, что в конце концов позволил девицам выйти через калитку. После этого ге

— У вас, должно быть, весьма благоприятное представление об аббатстве?

— Еще бы. Разве это не одно из тех прекрасных старинных строений, о которых читаешь в романах?

— И вы подготовили себя ко всем неожиданностям, могущим произойти в «строениях, о которых читаешь в романах»? Вы достаточно мужественны? Вам будет ни-почем, если вдруг перед вами раздвинется гобелен или стена?

— О да, надеюсь, меня это не очень испугает. В доме ведь будет много народа. А кроме того, он не был долгие годы необитаем — его владельцы не возвращаются в него внезапно, без предупреждения, как это обычно происходит в романах.

— Нет, конечно. Нам не придется пробираться ощупью через холл, едва освещенный тусклым светом догорающих углей, или стелить постели на полу зала без окон и дверей, лишенного всякой обстановки. Но вы должны помнить, что молодую леди, которой довелось (все равно каким образом) попасть в такое место, обычно поселяют вдали от остальных обитателей. И когда члены семьи уютно располагаются в своем конце здания, она, в сопровождении безмолвной престарелой домоправительницы по имени Дороти, поднимается по дальней лестнице, следует бесконечными мрачными переходами и попадает в помещение, которое оставалось необитаемым с той самой поры, как какой-нибудь кузен или дальний родственник скончался в ней лет двадцать тому назад. Выдержите ли вы такое испытание? Сохраните ли вы присутствие духа, оказавшись в мрачной комнате, слишком просторной и высокой, освещенной единственным слабым светильником, который позволяет лишь оглядеть обтянутые гобеленами стены, с вытканными на них фигурами в человеческий рост, и похожую на катафалк кровать, задрапированную темно-зеленой тканью или пурпурным бархатом? Душа у вас при этом не уйдет в пятки?

— Меня, надеюсь, не ждет ничего подобного!

— Вы с трепетом начинаете осматривать обстановку комнаты. И что же вы обнаруживаете? Не какие-нибудь там столы, туалеты, гардеробы или комоды, но, скажем, останки сломанной лютни у одной стены, у другой — тяжеловесный сундук, не открываемый никакими усилиями, а над камином — портрет величественного воина, черты лица которого производят на вас такое неизгладимое впечатление, что вы не в состоянии оторвать от него

взгляд. Тем временем Дороти, не менее пораженная вашей внешностью, всматривается в вас с явным волнением, бормоча при этом нечто загадочное. Более того, для подкрепления вашего духа она дает вам понять, что часть здания, в которой вас поселили, посещается, как известно, привидениями, и предупреждает, что никто из прислуги не услышит вашего зова. Простившись с вами, таким образом, весьма сердечно и сделав вам книксен, она уходит, и вы до последнего отзвука прислушиваетесь к ее замирающим шагам. Когда же, вконец упав духом, вы пытаетесь запереть дверь, вы с отчаянием обнаруживаете, что в ней нет замка.

— О, мистер Тилни, как страшно! Словно из книги! Но на самом деле ничего такого со мной не случится. Я уверена, вашу домоправительницу зовут не Дороти. Хорошо, что же дальше?

— В первую ночь, возможно, ничего зловещего больше не будет. Справившись с *неодолимым* ужасом, который вам внушила кровать, вы все же ложитесь и на несколько часов погружаетесь в тревожную дрему. Но на вторую или уж, во всяком случае, *третью* ночь после вашего приезда, разражается страшнейшая буря. Оглушительные удары грома, словно сотрясающие стены до основания, обрушиваются над окружающими горами. Удары сопровождаются жесточайшими порывами ветра, и вы вдруг различаете — ведь лампа еще не погашена, — что обивка на одной стене колышется чуть сильнее, чем на других. Не в силах подавить любопытство при столь возбуждающих его обстоятельствах, вы, разумеется, вскакиваете и, накинув халат, пытаетесь установить причину этого явления. После непродолжительных поисков вы обнаруживаете в гобелене разрез, настолько скрытый, что в обычных условиях его нельзя заметить при тщательнейшем осмотре. Раздвинув ткань, вы находите под ней дверь; запертая лишь массивным засовом и висячим замком, она под действием ваших усилий вскоре отпирается, и вы с лампой в руке проникаете в небольшое сводчатое помещение.

— Право, я буду слишком напугана, чтобы на это решиться.

— Как? После того, как Дороти сообщила вам о существовании между вашей спальней и часовней святого Антония подземного хода длиной только в две мили?! Вы сможете устоять против такого соблазна? Нет, нет, вы зайдете в сводчатое помещение и через него в несколько других, впрочем, не обнаружив в них ничего особенного:

в одном, быть может, ваш взор упадет на кинжал, в другом на несколько пятен крови, в третьем на обломки приспособления для пыток. Не найдя, таким образом, чего либо из ряда вон выходящего и увидев, что огонь в вашей лампе вот вот погаснет, вы повернете обратно в спальню. Однако, когда вы снова будете проходить через сводчатое помещение, ваше внимание привлечет к себе большой старомодный шкаф черного дерева с золотом, который раньше, при внимательном осмотре обстановки, вы почему то не заметили. Влекомая neodолимым предчувствием, вы бросаетесь к нему, отпираете створки и осматриваете все ящики — вначале не находя в них ничего значительного, разве что изрядную грудку бриллиантов, не больше. В конце концов, однако, вы задеваете скрытую пружину, отчего распаивается внутреннее отделение, и перед вами оказывается бумажный свиток. Вы хватаете его, — он состоит из множества мелко исписанных листков, — спешите с драгоценной находкой в спальню, но едва успеваете разобрать: «О ты, кем бы ты ни был, в чьи руки попадут эти строки несчастной Матильды!..», как ваша лампа внезапно гаснет, и вы погружаетесь в крошечную тьму.

— Ах, нет, нет! Пожалуйста, продолжайте!

Ее спутника, однако, произведенное им впечатление слишком развеселило, чтобы он мог продолжить рассказ. Мистеру Тилни было уже неловко сохранять в выражении лица и в голосе подобающую торжественность, и поэтому он попросил Кэтрин в части содержания записок Матильды прибегнуть к собственной фантазии. Опомнившись, она устыдилась проявленного волнения и стала его убеждать, что, несмотря на свой интерес к рассказу, вовсе не предполагала, будто ее на самом деле ждет нечто подобное. Мисс Тилни, она уверена, ни за что не поместит ее в такую комнату, как он описал. Это не может случиться.

По мере приближения к цели ее нетерпение увидеть Нортенгер, ненадолго ослабленное беседой на увлекательную тему, приобрело прежнюю силу, и за каждым новым поворотом дороги Кэтрин теперь с трепетом ожидала появления поднимающихся среди старой дубравы массивных стен из серого камня со стрельчатыми готическими окнами, прекрасно озаренными отблесками закатного солнца. Здание, однако, оказалось расположенным настолько низко, что они въехали в главные ворота поместья, так и не заметив перед тем даже какой нибудь старинной дымовой трубы.

Она не знала, можно ли этому удивляться, но подобное прибытие было для нее совершенно непредвиденным. Проехать между двумя современного вида сторожками и сразу оказаться у самого аббатства, быстро катясь по ровной и гладкой, посыпанной гравием дороге, — без каких-нибудь задержек, сигналов тревоги или торжественных церемоний, — такого она не предполагала. Однако ей не пришлось об этом долго раздумывать. Внезапно разразившийся дождь лишил ее возможности каких бы то ни было наблюдений и заставил сосредоточить все помыслы на благополучии новой соломенной шляпки. И, оказавшись под стенами аббатства, выпрыгнув при содействии Генри из экипажа, укрывшись под защиту старинного подъезда и даже пройдя в холл, где ее встретили мисс Тилни и генерал, она так и не успела проникнуться роковыми предчувствиями ожидавших ее здесь зловещих и вообразить те ужасные события, которые когда-то совершались в этих стенах. Порывы ветра не донесли до нее вздохов злосчастных жертв — они не донесли до нее ничего более неприятного, чем капли холодного дождя. И хорошенько стряхнув воду с дорожной накидки, она ждала приглашения в гостиную, чтобы понять, куда же она попала.

Аббатство! Да, она была в восторге от сознания, что проникла в аббатство. Но, оглядывая комнату, она не видела ни малейшего признака, который свидетельствовал бы о том, где она находится. Обстановка своим разнообразием и изысканностью вполне соответствовала современным вкусам. Камин, вопреки ее ожиданиям, не поразил ее размерами отесанных в старину массивных каменных глыб и к тому же оказался облицован гладко полированным мрамором, оборудован наклонной решеткой Рамфорда и украшен прелестнейшим английским фарфором. Окна, на которые она особенно рассчитывала, так как слышала от генерала, что он бережно сохранил их готическую форму, тоже не соответствовали картине, рисовавшейся ее воображению. Конечно, заостренный свод остался — форма их была готическая, и они, возможно, даже имели открывающиеся створки, — но стекла в них были такими большими, такими прозрачными и светлыми! Для того, кто ожидал увидеть густые переплеты, тяжелое каменное обрамление, окрашенные стекла, грязь и паутину, отличие было разительным.

Генерал, подметив ее взгляды, начал говорить о тесноте помещения и скромности обстановки, состоящей из не

обходимейших для жизни предметов повседневного обихода, и тому подобных вещах. Вместе с тем он льстил себя надеждой, что она увидит в аббатстве апартаменты, *достойные* ее внимания. Но, начав было описывать дорожную позолоченную отделку одного из них, он вдруг вынул часы, прервал рассказ и с удивлением объявил, что уже двадцать минут пятого! Слова эти как бы дали всем знать, что пора расходиться, и мисс Тилни увлекла Кэтрин за собой, показывая своей поспешностью, что распорядок дня поддерживается в Нортенгере весьма скрупулезно.

Вернувшись в просторный и высокий холл, они по широкой полированной дубовой лестнице с несколькими маршами и площадками поднялись в длинную галерею. Вдоль одной ее стены шел ряд дверей. Галерея была освещена окнами в противоположной стене, которые, как заметила Кэтрин, выходили в квадратный двор. Мисс Тилни поспешно ввела ее в одну из комнат и, едва успев выразить надежду, что эта комната ей понравится, тотчас же удалась, попросив подругу произвести лишь самые необходимые перемены в ее одежде.

ГЛАВА XXI

первого же взгляда Кэтрин убедилась, что представленная ей комната совершенно не соответствует описанию, которым ее пытался запугать Генри. Она вовсе не выглядела непомерно большой и не содержала ни бархата, ни гобеленов. Стены ее были оклеены обоями, пол покрыт ковром. Окна были такими же великолепными и ничуть не более темными, чем в гостиной внизу, а обстановка, хоть и не самая модная, удобной и красивой. Общее впечатление от нее оставалось вполне благоприятным. Успокоив себя в этом отношении и боясь своей задержкой вызвать неудовольствие генерала, она решила не терять времени на подробный осмотр. Поэтому она с возможной поспешностью скинула дорожную накидку и приготовилась было вынуть булавки из предназначенного для немедленного употребления и привезенного на сиденье кареты холщового свертка, как вдруг заметила огромный сундук у задней стены глубокой ниши рядом с камином. Вид его заставил ее вздрогнуть. Забыв обо всем и застыв в немом удивле

нии, она не сводила с него глаз, в то время как в ее голове пробегали следующие мысли:

«Как странно! Вот неожиданность! Большущий, тяжелый сундук! Что в нем припрятано? Зачем он здесь? Еще и задвинут подальше, чтобы не бросался в глаза! Надо в него заглянуть во что бы то ни стало! Сейчас же, пока не стемнело! Если откладывать, может погаснуть свеча!»

Кэтрин приблизилась к сундуку и внимательно его осмотрела. Он был сделан из кедрового дерева, затейливо выложенного более темной породой, и помещался на такой же резной подставке высотой около фута. У сундука был серебряный, почерневший от времени замок, на концах — обломки рукояток, тоже серебряных, быть может, давно еще исковерканных каким то необычайным усилием, а в середине крышки — таинственная монограмма из того же металла. Кэтрин всячески ломала себе над ней голову, но не могла ее разгадать. С какой бы стороны она на нее ни смотрела, последней буквой никак не могла быть «Т». А найти в этом доме монограмму без этой буквы было в самом деле странно. Если когда то сундук принадлежал кому то другому, какие же необыкновенные события перенесли его в семейство Тилни?

Ее разбуженное любопытство росло с каждой минутой. Отодвинув дрожащей рукой щеколду замка, она решилась любой ценой узнать, что в сундуке находится. С трудом, словно преодолевая какую то силу, она приподняла крышку на несколько дюймов, но внезапный стук в дверь заставил ее, вздрогнув, разжать пальцы, так что сундук с пугающим грохотом захлопнулся. Несвоевременным посетителем оказалась служанка мисс Тилни, присланная хозяйкой, чтобы помочь мисс Морланд. Девушка была тотчас же отослана, но ее приход напомнил гостю о ее долге, заставив, несмотря на жгучее желание проникнуть в зловещую тайну, сразу приняться за переодевание. Взоры и мысли Кэтрин были, однако, по прежнему сосредоточены на столь сильно заинтересовавшем ее предмете, так что действовала она не слишком проворно. Не осмеливаясь улучшить минуту для новой попытки проникнуть в сундук, она не отходила от него ни на шаг. Наконец, натянув на себя один рукав платья и считая себя почти одетой, она решила дать волю своему любопытству. Минута на это могла быть потрачена. И исполненная такого рвения, что, без сверхъестественного вмешательства, крышка должна была отлететь в одно мгновение, она кинулась к сундуку.

Предчувствие ее не обмануло. Одним рывком она открыла сундук, и перед ее смущенным взором предстало аккуратно сложенное белое хлопчатое покрывало, одиноко покоившееся на дне.

Кэтрин ошеломленно его рассматривала, когда в комнату вошла мисс Тилни, беспокоясь о том, как бы ее подруга не задержалась. И, к стыду последней из за ее беспричинно разыгравшегося воображения, добавился еще стыд из за того, что ее застали за таким неподобающим розыском.

— Не правда ли, любопытный сундук? — спросила мисс Тилни, в то время как Кэтрин захлопнула крышку и обернулась к зеркалу. — Трудно сказать, сколько он здесь находится. Не зная, откуда он взялся, я не стала его убирать, подумав, что сундук может пригодиться для хранения головных уборов. Он плох только тем, что с трудом открывается, — очень уж тяжелая крышка. Впрочем, в этом углу он, по крайней мере, никому не мешает.

Кэтрин было не до ответа — она краснела, завязывала ленты на платье и давала себе в душе мудрейшие обещания весьма решительного свойства. Мисс Тилни осторожно намекнула, что боится, как бы они не опоздали к обеду, и через полминуты подруги уже бежали вниз, охваченные, как оказалось по прибытии, не совсем безосновательной тревогой, ибо нашли генерала Тилни в гостиной отмеривающим шаги с часами в руке. При их появлении он дернул шнурок звонка и скомандовал:

— Обед на стол — *мигом!*

Вздрогнув от выраженного в этой фразе укора, Кэтрин села, бледная и задыхающаяся, сознавая свое ничтожество, сочувствуя детям генерала и ненавидя старые сундуки. Генерал, однако, взглянув на нее, сделался снова любезен. Оставшееся до перехода в столовую время он бранил дочь за то, что та заставила свою прелестную подругу запыхаться, хотя для спешки не было никаких оснований. И Кэтрин переживала двойную неловкость из за упреков, которым по ее вине подверглась ее подруга, и из за собственного глупого поведения — до тех пор, пока все благополучно не расселись за столом и доброжелательные улыбки генерала в сочетании с хорошим собственным аппетитом не восстановили ее душевного равновесия. Столовая оказалась величественным помещением, — рядом с ней семейная гостиная казалась несоответственно скромной, — отделанным с богатством и роскошью, почти не замеченными Кэтрин, которая обратила внимание разве что на количество толпивших

ея вокруг стола слуг и на ее размеры. О последних она позволила себе высказаться, в связи с чем генерал снисходительно признал комнату достаточно обширной, добавив, что, относясь к подобным вещам, как и большинство людей, безразлично, он все же считает в меру просторную столовую одной из насущных жизненных необходимостей. Он предположил, однако, что «в доме мистера Аллена она привыкла к значительно более просторным помещениям».

Ничего подобного, с жаром возразила Кэтрин, столовая мистера Аллена и вполнину не так велика! Она еще никогда в жизни не видела столовой таких размеров. Настроение генерала поднялось еще больше: что ж, поскольку у него в доме такие комнаты есть, по его мнению, было бы глупо ими не пользоваться. Но он искренним об

разом верит, что комната вдвое меньших размеров могла бы оказаться даже удобнее. Поэтому он не сомневается, что дом мистера Аллена имеет как раз те размеры, которые необходимы для истинного благополучия.

Вечер прошел без каких либо новых волнений, а во время отлучек генерала Кэтрин было по настоящему весело. Небольшая усталость от путешествия ощущалась только в его присутствии. Но даже тогда, даже в минуты молчания и стесненности, ее не покидало ощущение счастья, и она была способна вспоминать о своих друзьях в Бате, вовсе не испытывая желания оказаться среди них.

Ночь была ветреной. Во второй половине дня погода непрерывно ухудшалась, и, перед тем как все покинули гостиную, ветер и дождь разгулялись вовсю. Проходя через холл, Кэтрин прислушалась к урагану с некоторым беспокойством. И когда до нее донеслось, как он свирепствует за стенами старинного дома и с каким ожесточением хлопает вдалеке какой то дверью, она впервые ощутила, что в самом деле находится в аббатстве. Да, это были характерные звуки. Они напомнили ей бесчисленные описания жутких картин и зловещих событий, которым предшествовали подобные бури и свидетелями которых бывали стены таких же зданий. И Кэтрин от души радовалась более благоприятным обстоятельствам, при которых она вступила под этот величественный кров: ей то не приходилось опасаться ночных разбойников или пьяных проходивцев. Генри, разумеется, только шутил во время утреннего разговора. В таком хорошо обставленном и обжитом доме ей нечего бояться — с ней здесь ничего не случится. И она может зайти к себе в спальню так же уверенно, как будто бы это была ее собственная комната в Фуллертоне. Поддерживая свою храбрость, пока она поднималась по лестнице, подобными здравыми рассуждениями, Кэтрин смогла войти в комнату, не утратив присутствия духа, особенно после того, как убедилась, что через две двери от нее находилась спальня мисс Тилни. Приветливый вид затопленного камина еще больше придал ей бодрости.

«Насколько приятнее,— подумала она, подойдя к каминной решетке,— насколько приятнее найти у себя уже зажженный огонь, чем, дрожа от холода, ждать, пока улягутся хозяева дома,— как приходилось стольким несчастным девицам,— ждать, пугаясь, прихода верной служанки с охапкой хвороста. Как хорошо, что Нортенгер оказался таким, как он есть! Если бы он был похож на другие места,

не знаю, смогла бы я в подобную ночь сохранить спокойствие. Но сейчас, разумеется, бояться нечего».

Она огляделась вокруг. Занавеси на окнах как будто чуть чуть колыхались. Это могло объясняться только действием ветра, проникавшего в оконные щели. Чтобы убедиться в этом, она, напевая что то себе под нос, решительно подошла к окну, смело раздвинула занавеси и, не найдя ничего зловещего на низком подоконнике, приложила ладонь к раме и удостоверилась, что сквозь нее действительно дуло. Взгляд, брошенный ею на старый сундук, оказался кстати. Она с презрением подумала о вздорных страхах, возникающих в праздном воображении, и начала безмятежно приготовляться ко сну. «Она будет вести себя так, как положено, и не станет спешить. Что ей за дело, если она и ляжет в доме последней? И незачем ей поддерживать в камине огонь — это было бы проявлением трусости, словно она испугается темноты, когда ляжет в кровать». Камин догорел, и Кэтрин, потратив добрых полчаса на приготовления, хотела было уже улечься в постель, когда, осмотрев напоследок комнату, остановила взгляд на высоком старомодном черном шкафу, который, хоть и стоял достаточно на виду, почему то раньше не был ею замечен. Ей тотчас же вспомнился рассказ Генри — описание шкафа из черного дерева, сначала якобы ускользнувшего от ее внимания. И хотя оно на самом деле мало что значило, необычайное совпадение показалось ей все же странным. Она взяла свечу и внимательно осмотрела шкаф. Он вовсе не был сделан из черного дерева с золотом. Но это был черный лак — прекрасный черный лак с желтым японским орнаментом. А при свете свечи желтые линии напоминали золотые. В замок был вставлен ключ, и она почувствовала странное желание заглянуть внутрь — разумеется, вовсе не ожидая найти там что либо особенное, но ощущая любопытство под влиянием утреннего рассказа Генри. Короче говоря, не заглянув в шкаф, она не могла бы уснуть. Поэтому, поставив осторожно свечу на стул, она схватилась за ключ и дрожащей рукой попробовала его повернуть. Замок не отпирался, несмотря ни на какие усилия. Тревожась, но не сдаваясь, она попробовала повернуть ключ в другую сторону. Замок щелкнул, и она уже вообразила, что добилась своего. Но что за чертовщина? Дверца по прежнему не поддавалась. Кэтрин на минуту замерла от удивления. Ветер завывал в дымовой трубе, струи дождя хлестали по окнам, — решительно во всем ощущалось нечто зловещее. Однако укладываться в постель, ничего не добившись, было бессмысленно, — она не могла бы

уснуть, помня о находящемся рядом таинственно запертом шкафе. Поэтому она снова взялась за ключ и, вращая его в обе стороны с отчаянием последней попытки, вдруг почувствовала, что дверца качнулась. Обрадованная одержанной победой, она распахнула обе створки. Вторая створка удерживалась лишь задвижкой, менее сложной, чем замок, на первый взгляд тоже мало чем примечательный. Внутри Кэтрин увидела два ряда маленьких ящичков между более крупными ящиками сверху и снизу и маленькую дверцу посередине, также со вставленным в замочек ключом, прикрывавшую, очевидно, главное вместилище.

Сердце Кэтрин учащенно билось, но она не теряла мужества. С выражением надежды на лице и горящим от любопытства взором она ухватила за ручку ящика и потянула его к себе. Он оказался пустым. С меньшим волнением и большей поспешностью она выдвинула второй, третий, четвертый ящики. Все они были в равной мере пусты. Она осмотрела все ящики до последнего, но ни в одном из них не нашла ровно ничего. Хорошо знакомая по прочитанным книгам с тем, как прячут сокровища, она не забыла о возможности существования у ящиков фальшивого дна, судорожно, но тщетно ощупав каждый из них изнутри. Оставалось не обследованным только среднее отделение. И хотя она вовсе и не предполагала найти что-нибудь в каком-то уголке шкафа и отнюдь не испытывала ни малейшего разочарования в связи с произведенным осмотром, было бы глупо не довести его до конца, раз уж она за него взялась. Прошло, однако, некоторое время, прежде чем ей удалось открыть дверцу, — внутренний замок оказался столь же капризным, как и наружный. В конце концов и он отомкнулся. И здесь ее поиски оказались не такими тщетными, какими были до сих пор. Жадный взор Кэтрин тотчас же заметил задвинутый в глубину, очевидно для лучшей сохранности, бумажный сверток — и ее чувства в этот момент едва ли поддаются описанию. Лицо ее побледнело, сердце трепетало, колени дрожали. Неверной рукой она схватила драгоценную рукопись, — одного взгляда было достаточно, чтобы различить на бумаге письма, — и с волнением, отдавая себе отчет в том, как необыкновенно сбывается предсказание Генри, решила тотчас же, прежде чем лечь в постель, прочесть все до последнего слова.

Мерцание свечи заставило ее со страхом оглянуться. Свеча не могла скоро погаснуть — ее должно было хватить на несколько часов. И чтобы избежать всяких по

мех, кроме затруднений при чтении старинного текста, Кэтрин поспешно сняла с нее нагар. Увы, при этом она ее погасила. Никакой светильник не мог бы погаснуть так внезапно. На несколько мгновений охваченная ужасом Кэтрин окаменела. Все было кончено. Не осталось даже тлеющей искорки на фитиле, которую бы можно было со всей осторожностью попытаться раздуть. Непроницаемая, бескрайняя тьма залила комнату. Жестокий порыв ветра, взревели с внезапной свирепостью, усугубил ужас этой минуты. Кэтрин дрожала с головы до ног. В наступившей затем тишине ее встревоженный слух как бы различил удаляющиеся шаги и отдаленный стук закрывшейся двери. Это было выше человеческих сил. Лоб ее покрылся холодной испариной, сверток выпал из рук. Ощупью отыскав постель, она сразу же зарылась в нее с головой, стараясь хоть немного успокоить свое волнение. О том, что ей удастся сомкнуть глаза, нельзя было и подумать, — в таком возбуждении, охваченная таким естественным любопытством, она, разумеется, была не способна заснуть. Она не могла припомнить подобной бури. Обычно Кэтрин мало обращала внимания на погоду, но сейчас каждый порыв ветра словно был полон каких-то зловещих предзнаменований. Рукопись, найденная при таких необычайных обстоятельствах, такое странное совпадение с утренним разговором, — какое этому могло быть дано объяснение? Что она содержала, к кому была обращена? Каким образом она так долго оставалась незамеченной? И как раз на долю Кэтрин выпало ее найти! Ей не удастся ни успокоиться, ни отдохнуть, прежде чем она не узнает ее содержания. И она примется за чтение с первыми же лучами солнца. Сколько мучительных часов ей предстоит еще ждать?

Ее трясло, и она то и дело поворачивалась в постели, завидуя спящим. Буря неистовствовала по-прежнему, и до ее встревоженного слуха доходили самые необыкновенные звуки, еще более пугающие, чем завывание ветра. В какую-то минуту ей показалось, что зашевелился даже полог ее кровати, в другую — что кто-то, пытаясь войти к ней в комнату, возится с дверным замком. Из галереи доносилось глухое бормотанье, и не раз ее кровь леденела в жилах при звуках отдаленных стонов. Проходил час за часом, и измученная Кэтрин слышала, как все часы в доме пробили три, прежде чем буря стихла или сама она незаметно для себя погрузилась в глубокий сон.

тук распахиваемых служанкой в восемь часов утра оконных ставен был первым звуком, осознанным Кэтрин при пробуждении. Открыв глаза,— при том, что она не понимала, как ей удалось их закрыть,— она увидела самую радостную картину. В камине уже горел огонь, а на смену бурной ночи пришло солнечное утро. С первыми же проблесками мысли она вспомнила о рукописи. И сразу после ухода служанки, спрыгнув с постели, она поспешно собрала все разбросанные при падении свертка бумажные листки и юркнула обратно, чтобы прочесть их с удобством, лежа под одеялом. Она не могла, оказывается, рассчитывать, что рукопись будет столь обширной, как другие подобные рукописи, от содержания которых ей приходилось содрогаться при чтении романов. Сверток состоял только из небольших разрозненных листков и был далеко не тяжелым — значительно более легким, чем ей представлялось накануне.

Жадным взглядом впиалась она в одну из страниц. То что она увидела, ее ошеломило. Могло ли это быть на самом деле или чувства ее обманывали? Перед ней был всего лишь написанный современными корявыми буквами перечень белья! Если можно было верить глазам, она держала в руках счет от прачки! Она посмотрела на другой листок и нашла в нем те же предметы с небольшой перестановкой. Третий, четвертый, пятый не открыли ничего нового. В каждом из них значились рубашки, чулки, галстуки, жилетки. Еще два листка, исписанных той же рукой, содержали столь же незначительные статьи, как то: пудру для париков, шнурки для ботинок и пуговицы для штанов, а самый большой листок, в который были завернуты все остальные, судя по первой корявой строке: «За примочки гнедой кобыле», был счетом от коновала. Вот чем оказался бумажный сверток (по видимому, очутившийся там, где его нашла Кэтрин, из за небрежности прислуги), который вызвал у нее такую игру воображения и столько страхов, наполовину лишив ее ночного отдыха! Она чувствовала себя совершенно уничтоженной. Неужели она не научилась уму разуму после происшествия с сундуком? Видневшийся ей краешек сундука служил как бы вещественным доказательством ее вины. Беспочвенность ее недавних догадок была теперь совершенно очевидной. Предположить, что в такой обжитой, современной комнате могли сохраниться никем не замеченные

бумаги, написанные бог весть сколько поколений тому назад?! Или что ей довелось первой отпереть шкаф, ключ от которого находился у всех на виду?! Как ей могла прийти в голову такая нелепость? Не дай бог, чтобы о ее глупости проведал когда-нибудь Генри! Правда, в некоторой мере он был сам виноват в случившемся — если бы шкаф не напомнил ей так сильно его рассказ об ожидающих ее приключениях, он бы не вызвал у нее любопытства. Ее успокаивало только это. Стремясь поскорее отделаться от ненавистных доказательств своей глупости — дурацких разбросанных по кровати листков бумаги, — она вскочила с постели, свернула листки в такой же, как раньше, сверток и сунула его на прежнее место в шкаф, горя желанием, чтобы никакие неблагоприятные обстоятельства не заставили его снова перед ней появиться, вызвав у нее презрение к собственной персоне.

Почему замки раньше отперлись с таким трудом, оставалось, однако, загадкой — сейчас она справилась с ними беспрепятственно. В этом все же заключалось нечто таинственное — она допустила на минуту столь лестное для себя предположение. Однако мысль о том, что шкаф вообще не был заперт и что она сначала сама его заперла, пришла ей в голову достаточно быстро и еще раз вызвала краску на ее лице.

Она поспешила покинуть спальню, в которой собственные ее поступки вызвали у нее такие неприятные переживания, и направилась прямо в комнату для завтрака, показанную ей мисс Тилни еще с вечера. Там находился один Генри. Выразив надежду, что ее не потревожила ночная буря, и лукаво намекнув при этом на особенность приютившего их крова, он немало смутил Кэтрин своим приветствием. Ей ни в коем случае не хотелось бы, чтобы он догадался о ее слабости. И все же, не способная к прямому обману, она была вынуждена признать, что ветер какое-то время мешал ей уснуть.

— Но после бурной ночи наступило такое восхитительное утро! — добавила она, стремясь возможно скорее переменить тему разговора. — Буря и бессонница ничего не значат, если они миновали. Что за прелестные гиацинты! Я полюбила их только недавно.

— И как же вы к этому пришли? Случайно или путем умозаключений?

— Этому научила меня ваша сестра — не понимаю сама, каким образом. Миссис Аллен много лет старалась меня заставить их полюбить. Но у нее ничего не выхо

дило — пока я их не увидела на Мильсом стрит. Обычно я к цветам равнодушна.

— А теперь вы любите гиацинты? Как это хорошо. Вы приобрели новый источник радости, а человеку надо радоваться как можно больше. Кстати, дамам вообще полезно любить цветы — это может лишний раз побудить их отправиться на прогулку. И хотя гиацинт — растение комнатное, кто знает, если у вас родилась любовь к цветам, не распространится ли она и на розы?

— Но мне вовсе не нужно особого повода, чтобы выбраться на прогулку. Возможность двигаться, дышать свежим воздухом — этого для меня достаточно. В хорошую погоду я провожу на воздухе больше половины времени, — мама говорит даже, что меня трудно загнать домой.

— Я рад все же, что вы полюбили гиацинты. Хорошо уже, что вы научились что-то любить. Способность молодой леди воспринимать уроки — дар божий. А как вам понравились воспитательные приемы моей сестры?

Кэтрин избежала смущения при ответе на этот вопрос благодаря появлению генерала. Сдобренное улыбками приветствие хозяина дома свидетельствовало о его хорошем настроении. Однако его легкий намек на то, что она, как и он, предпочитает рано вставать, не очень способствовал ее душевному спокойствию.

Когда все сели за стол, она не могла не обратить внимание на красоту сервиза для завтрака. К счастью, сервиз был куплен генералом. Довольный тем, что она одобрила его выбор, генерал признал сервиз простым и милым, выразив мнение, что отечественную промышленность следует поощрять и что, как он полагает, чай, поданный в стаффордской глине, на его невзыскательный вкус, ничуть не хуже чая, поданного в глине из Севра или Дрездена. Сервиз, правда, немного устарел — ему уже не меньше двух лет. С тех пор производство ушло вперед. Когда он в последний раз был в столице, он видел несколько прелестных образчиков. И не будь он начисто лишен тщеславия этого рода, он бы соблазнился и заказал себе новый. Однако, как он надеется, в недалеком будущем ему представится случай приобрести еще один сервиз — хоть и не для себя самого. Из всех сидевших за столом единственным человеком, который его не понял, была Кэтрин.

Вскоре после завтрака Генри попрощался и уехал в Вудстон, где его на два три дня должны были задержать дела. Все собрались в холле, чтобы посмотреть, как он садится на лошадь, и, вернувшись в комнату для зав

трака, Кэтрин подошла к окну, надеясь взглянуть на него еще раз.

— Немалое испытание для твердости Генри,— заметил генерал, обращаясь к дочери.— Вудстон покажется ему сегодня довольно мрачным.

— Это красивое место? — спросила Кэтрин.

— Как ты полагаешь, Элинора? Ну ка, поделись своим мнением. Говоря о природе, одна леди лучше представляет себе взгляды другой, — так же, как говоря о мужчинах. На мой непревзойденный вкус у этого места есть свои преимущества. Представьте себе дом с окнами на юго-восток, среди зеленых лужаек и с прекрасным, выходящим на ту же сторону садом. И вокруг всего этого — ограда, которую я выстроил для сына лет десять тому назад. Это дом для семьи, мисс Морланд. И поскольку земли в этих местах принадлежат главным образом мне, можете поверить, я достаточно позаботился, чтобы он был таким, как требуется. Если бы средства к существованию Генри давал лишь этот приход, мой сын и в этом случае был бы вполне обеспечен. Кажется странным, не правда ли, что, имея лишь одного младшего сына, я счел необходимым дать ему профессию? Случаются минуты, когда все мы предпочли бы, чтобы его не обременяли никакие дела. Но хотя мне, наверно, не удастся убедить в этом подобных вам молодых леди, ваш отец, я уверен, согласился бы со мной, что каждый молодой человек должен иметь какое-то занятие. Дело тут не в деньгах, деньги ни при чем, суть — в занятии. Даже Фредерик, мой старший сын, которому в наследство достанется столько земельной собственности, сколько едва ли находится в руках другого частного лица во всем нашем графстве, даже у него, как вы знаете, есть профессия.

Последний довод произвел действие, вполне соответствовавшее желаниям говорившего. Молчание Кэтрин доказывало его неопровержимость.

Во вчерашнем разговоре упоминалось, что ей покажут все здание. Сейчас генерал предложил ей себя самого в качестве сопровождающего. И хотя Кэтрин надеялась познакомиться с домом в обществе его дочери, предложенный осмотр, суливший столько удовольствия при любых обстоятельствах, не мог ее не обрадовать. В самом деле, она провела в аббатстве уже восемнадцать часов, а успела пока осмотреть всего лишь несколько комнат! Раскрытая перед тем без особой надобности шкатулка для рукоделия была тут же охотно закрыта, и Кэтрин приготовилась следовать за генералом.

«Когда же будет осмотрен весь дом, он рассчитывает на удовольствие прогуляться с ней по саду и парку». Кэтрин поблагодарила его легким приседанием.

«Но, возможно, ей приятнее совершить прогулку сначала? Погода как раз подходящая, а в данное время года нельзя особенно полагаться на ее постоянство. Что же она предпочитает? Она может располагать им в равной степени для того и другого. Не подскажет ли его дочь — что больше по сердцу ее прелестной подруге? Нет, он уже понял это сам. Он ясно прочел в глазах мисс Морланд разумное желание воспользоваться чудесной погодой. Впрочем, разве она когданибудь принимала ошибочное решение? В доме ведь всегда сухо и безветренно. Он безусловно подчиняется и покидает их только на минуту, чтобы взять шляпу».

Генерал вышел из комнаты, а разочарованная и расстроенная Кэтрин стала объяснять подруге, насколько ей неловко заставлять его идти на прогулку, когда ему этого вовсе не хочется, — всего лишь в угоду ее мнимому желанию. Мисс Тилни, однако, перебила ее, сказав с некоторым смущением:

— Мне кажется, самое правильное сейчас — это воспользоваться прекрасным утром. Не тревожьтесь за моего отца — он обычно гуляет в такое время.

Кэтрин не вполне поняла значение этих слов. Почему мисс Тилни смутилась? Не имеет ли генерал чегонибудь против того, чтобы она осмотрела аббатство? Но ведь он сам предложил. И разве не странно, что он всегда так рано гуляет? Совсем не похоже на ее отца или мистера Аллена. Как обидно — она больше всего хотела осмотреть дом, и ей вовсе нет дела до усадьбы. Если бы еще Генри был с ними. Теперь же она даже не сможет понять, чем любоваться. Тем не менее, оставляя эти мысли при себе, Кэтрин покорно, хотя и без удовольствия, надела шляпку.

Она, однако, была удивлена далеко превзошедшими ее предположения размерами аббатства, увиденного ею впервые с прилегавшей лужайки. Здание имело вид охватывающего большой двор прямоугольника — восхищенному взгляду зрителей открылись две его стороны, щедро украшенные готическим орнаментом, а остальное скрывалось купами старых деревьев или густыми посадками. Поднимающиеся сзади и защищавшие его от ветра крутые лесистые холмы казались прекрасными даже в безлиственные мартовские дни. Ничего подобного ей еще видеть не приходилось. Впечатление было настолько сильным, что, не дождавшись более веских суждений, Кэтрин смело высказала, насколько она поражена и восхищена. Довольный генерал отнесся к ее отзыву вполне одобрительно —

можно было подумать, что до сих пор собственная его оценка Нортенгера вызывала у него сомнения.

Далее им пришлось восторгаться садоводством, в которое генерал провел их через уголок парка.

Кэтрин не могла не поразиться, услышав, сколько оно занимает акров земли, — вдвое больше того, чем располагали вместе мистер Аллен и ее отец, включая церковный двор и фруктовые посадки. Бесчисленным шпалерам не было видно конца. Между ними возвышался целый городок теплиц. И среди всего этого трудилось, казалось, все население здешнего прихода. Генерал был польщен ее изумленными взглядами, которые подтверждали так же ясно, как и вырвавшиеся у нее восклицания, что она еще никогда не видела подобного великолепия, после чего скромно признал, что, хотя он и лишен честолюбия этого рода и не имеет в этом отношении никаких притязаний, он, мол, отнюдь не думает, что у него нет в королевстве соперников, — все же, если уж у него есть любимый конек, так это сад. Да, он влюблен в садовое дело. Будучи равнодушен ко всякой другой еде, он любит хорошие фрукты, а если не любит сам, то их любят его дети, его друзья. Наблюдение за таким садом, однако, хлопотливое дело. Даже отличный уход не всегда вознаграждается урожаем наиболее ценных фруктов. Ананасные парники, например, принесли в прошлом году всего лишь сотню плодов. Мистеру Аллену такого рода огорчения, должно быть, знакомы?

— О нет, нисколько. Мистер Аллен совершенно равнодушен к саду — он туда даже не заходит!

С улыбкой торжествующего превосходства генерал пожелал себе такого же равнодушия, ибо ни одно посещение сада, увы, не обходится для него без огорчения — чтонибудь там непременно оказывается не так.

— У мистера Аллена большое тепличное хозяйство? — спросил генерал, объясняя устройство теплиц во время их осмотра.

— У него всего лишь одна маленькая теплица, которую миссис Аллен зимой использует для цветов. Время от времени ее протапливают.

— Счастливый человек! — заметил генерал с видом блаженного самодовольства.

Проведя их по всем закоулкам и показав Кэтрин каждый уголок, он настолько исчерпал ее возможности чемнибудь любоваться и восхищаться, что в конце концов позволил девицам выйти через калитку. После этого ге

выедет по своим делам в Вудстон, с тем чтобы закусить там у него бараньими отбивными. Генри был этим польщен и обрадован, а Кэтрин пришла в полный восторг.

— Когда же, сэр, можно рассчитывать, что вы доставите мне это удовольствие? Мне нужно быть в Вудстоне в понедельник, чтобы принять участие в собрании прихожан, и, вероятно, я задержусь там на два три дня.

— Ну что ж, отлично, мы соберемся в какойнибудь из этих дней. Нет нужды улавливать заранее,— тебе незачем нарушать свои планы. Нам вполне хватит того, что окажется в доме. Смею сказать от имени молодых леди — за твой холостяцкий стол на тебя не обидятся. Ну ка, прикинем: в понедельник ты занят, в этот день мы не приедем. Вторник — занятой день у меня: должен приехать мой землемер из Брокхема. Утром он доложит мне о делах, а потом я обязан отправиться в клуб. Я не смогу встретиться со знакомыми, если этого не сделаю,— то, что я нахожусь здесь, известно, и мое отсутствие будет слишком заметно. А я, мисс Морланд, взял для себя за правило не наносить соседям обиду, если этого можно избежать небольшой жертвой времени и внимания. Они у нас — вполне достойные люди. Дважды в год им в Нортенгере поджаривают половину оленя, и, если я бываю свободен, я с ними обедаю. Итак, вторник отпадает. Но, мне кажется, Генри, в среду ты можешь нас ждать. Мы приедем пораньше, чтобы успеть оглядеться. Добираться до Вудстона, наверно, придется два и три четверти часа. И если мы сядем в экипаж в десять, мы без четверти час окажемся у тебя.

Даже бал не мог бы обрадовать Кэтрин больше, чем эта маленькая поездка,— так ей хотелось взглянуть на Вудстон. И сердце ее еще трепетало от радости, когда в комнату, в которой она находилась с Элинор, через какое то время зашел одетый по дорожному Генри и сказал:

— Я пришел к вам, молодые леди, в весьма философическом настроении. Приходится напомнить, что в этом мире за все удовольствия надо платить. Наши сделки часто оказываются весьма невыгодными, отнимая наличное счастье за вексель на предстоящее, который может остаться неоплаченным. Взгляните на меня. В расчете на удовольствие, которое я надеюсь получить, видя вас в Вудстоне в среду,— но которого меня может лишить дурная погода или десяток других причин,— я вынужден уехать сегодня, двумя днями раньше, чем мне хотелось.

— Уехать! — воскликнула Кэтрин с вытянувшимся лицом. — Но почему же?

— Почему? Как вы можете спрашивать? Да потому, что мне надлежит поскорее испугать до глубины души мою старую экономку — она ведь должна заблаговременно позаботиться, чтобы приготовить для вас обед.

— Вы шутите!

— Увы, нет. Увы — потому что я предпочел бы остаться.

— Но после того, что было сказано генералом, как вы могли об этом подумать? Он же не хотел нарушать ваших планов и уверял, что будет доволен всем, что найдется в доме! — Генри улыбнулся. — Мне и вашей сестре, я уверена, это совершенно не нужно. А генерал просил, чтобы вы ничего не устраивали. Впрочем, если бы он об этом ничего не сказал, — у него всегда такой роскошный стол, что один раз он вполне обойдется более скромным.

— Я был бы рад рассуждать так, как рассуждаете вы, — для его и для моей пользы. Прощайте. Завтра, Элинора, воскресенье, — поэтому я не вернусь.

Он уехал. И так как для Кэтрин было гораздо легче усомниться в собственных взглядах, чем в рассуждениях Генри, она, сколько ни огорчителен был для нее этот отъезд, вскоре поверила в его необходимость. Однако странность поведения генерала еще долго занимала ее мысли. Его взыскательность по части еды была замечена ею самой. Но то, что он так решительно утверждал одно, имея в виду совсем другое, — казалось необъяснимым. Как такого человека можно понять? И кто, кроме Генри, разобрался бы в истинных желаниях его отца.

Так или иначе, с субботы до среды им предстояло прожить без Генри — таков был печальный итог ее размышлений. Можно было не сомневаться, что письмо капитана Тилни придет в его отсутствие. И что в среду будет лить дождь. Прошое, настоящее и будущее выглядели в равной степени безрадостными. Брат ее был несчастен. Она утратила близкую подругу. А отсутствие Генри всегда отражалось на настроении Элинора. Чем она могла заняться или развлечься? Ей надоели аллеи и кустарники, всюду подстриженные и ухоженные. Само аббатство для нее не отличалось больше от любого другого дома. Единственное чувство, которое оно вызывало, было печальное воспоминание о ее вздорных вымыслах. Как она переменилась! Она, так мечтавшая об аббатстве! Теперь для нее не было ничего милее непритязательного уюта

приходского домика, похожего на Фуллертон, но более благоустроенного. У Фуллертона были свои недостатки, но у Вудстона, конечно, их не было. Если бы только когда нибудь наступила среда!

Она наступила, и именно тогда, когда ее следовало ожидать. Наступила и оказалась прекрасным солнечным днем. Кэтрин чувствовала себя на седьмом небе. В десять часов карета четверней с тремя пассажирами отбыла из Нортенгера и, прокатив благополучно около двадцати миль, въехала в Вудстон,— большую населенную деревню в красивой местности. Кэтрин постеснялась высказать, насколько ей здесь понравилось, так как генерал счел необходимым извиниться по поводу незначительных размеров селения и его равнинного расположения. Но на взгляд Кэтрин, селение было самым прекрасным из всех, какие ей довелось посетить, и она с восторгом разглядывала каждый приветливый домик, который мог сойти хотя бы за коттедж, и каждую стоявшую на пути мелочную лавку. В конце деревни, на достаточном от нее удалении, находился дом пастора,— недавно возведенная каменная постройка с разбитым полукругом газоном и зеленой калиткой. И когда они сюда подъехали, Генри вместе с развлекавшими его в одиночестве друзьями,— большим щенком ньюфаундлендом и двумя тремя терьерами,— уже стоял перед ними, готовый помочь им выйти из экипажа и оказать им всяческое внимание.

Кэтрин входила в дом слишком занятая своими мыслями, чтобы сразу оглядеться вокруг и свободно разговаривать. И пока генерал не спросил у нее, нравится ли ей комната, в которой они находятся, она едва ли даже заметила, где они уселись. Но, осмотревшись, она тут же пришла к выводу, что комната эта — самая прекрасная в мире. Однако, испытывая слишком большое стеснение, она не решилась это высказать, и сдержанность ее похвалы немало его разочаровала.

— Мы не считаем Вудстон хорошим жильем,— сказал он.— Его нельзя сравнить с Фуллертоном или Нортенгером. Мы смотрим на него просто как на пасторский домик,— разумеется, маленький и тесный, но все же вполне приличный и пригодный для обитания. Во всяком случае, он не уступает большинству подобных построек. Говоря по правде, в Англии, наверно, найдется немного сельских пасторских домиков, стоящих и половину того, что стоит этот. Тем не менее он может быть усовершенствован — не стану оспаривать. Возможно, конечно, что, по су

ти дела, это только времянка. Но, — говоря между нами, — чего я не терплю, так это времянок латаных.

Кэтрин недостаточно прислушивалась к его рассуждениям, чтобы в них вникнуть или почувствовать себя задетой. И благодаря затеянному Генри разговору на другую тему, а также внесенному слугой подносу с закуской, генерал пришел снова в благодушное настроение, а она справилась со своей застенчивостью.

Комната, в которой они находились, служила достаточно просторной, удачно спланированной и красиво обставленной столовой. Покинув ее, чтобы прогуляться по саду, они миновали сперва меньшее помещение, занимаемое самим хозяином дома (приведенное по данному случаю в необычный порядок), и далее — помещение, предназначенное для гостиной, которым, хоть оно и не было обстав

лено, Кэтрин была восхищена вполне достаточно, чтобы удовлетворить генерала. Это была комната очень приятной формы, с окнами, доходившими до самого пола, и с прекрасным, открывавшимся из них видом, правда, всего лишь на зеленую лужайку. И она тут же выразила свое восхищение с той же естественностью, с которой его почувствовала.

— О, мистер Тилни! Почему же вы не отделали эту комнату? Как жаль, что она еще не отделана. Это лучшая комната, какую я когда либо видела. Восхитительнейшая комната в мире!

— Надеюсь,— сказал генерал с довольной улыбкой,— она будет обставлена в недалеком будущем. Чтобы ее обставить, требовалось только узнать вкус ее будущей хозяйки!

— Если бы это был мой дом, я проводила бы здесь все свое время. Какой славный коттедж виден среди деревьев! Это же яблони! Самый очаровательный коттедж!

— Вы его одобряете? Вам нравится его вид? Этого достаточно. Генри, не забудь,— надо будет сказать Робинзону. Коттедж остается!

Такая любезность заставила Кэтрин снова почувствовать себя неловко, и она тут же умолкла. И хотя генерал подчеркнуто интересовался предпочтительным для нее цветом обоев и занавесей для окон, никакого положительного мнения на этот счет ему добиться не удалось. Свежий воздух и свежие впечатления смогли, однако, отвлечь ее от смутивших ее намеков. И, дойдя до той части прилегающей к дому угодьев, в которой намечалось разбить парк,— это была окаймлявшая луг дорожка, над украшением которой Генри начал трудиться полгода назад,— Кэтрин уж достаточно пришла в себя, чтобы найти ее самым приятным местом для прогулок, какое ей когда либо приходилось посещать,— хоть там и не было еще ни одного кустика, поднявшегося выше зеленой скамейки на повороте.

Пока они прогулялись еще по одному лугу и по прилегающей к нему части селения, осмотрели конюшни, с их усовершенствованиями, и поиграли с очаровательными, только что научившимися бегать щенками, время подошло к четырем часам, хотя Кэтрин казалось, что еще не наступило и трех. В четыре должен был начаться обед, а на шесть был назначен отъезд. Еще ни один день не проносился так быстро!

Она не могла не заметить, что обильный стол не вызвал у генерала ни малейшего удивления. Более того, он

тщетно искал глазами на буфетной стойке ростбиф, которого там не оказалось. Его сын и дочь заметили нечто другое. Они редко видели, чтобы он ел с таким аппетитом за чьим либо столом, кроме своего собственного. И никогда до сих пор он не сердился так мало из за расплавившегося подогретого масла.

К шести часам, после того как генералу было подано кофе, Кэтрин снова оказалась в карете. Все его отношение к ней на протяжении этого визита было таким доброжелательным и так ясно свидетельствовало об ожидаемом им событии, что, будь Кэтрин столь же уверена в намерениях его сына, она покидала бы Вудстон, не слишком тревожась о том, когда и в качестве кого ей придется сюда вернуться.

ГЛАВА XXVII

овое утро принесло следующее, совершенно неожиданное послание от Изабеллы:

«Бат, апрель...

Моя обожаемая Кэтрин!

Я получила два Ваших милых письма с величайшей радостью и должна принести Вам тысячу извинений в том, что не ответила на них раньше. Мне в самом деле стыдно за свою лень. Но в этом ужасном месте не хватает времени решительно ни на что. Со дня Вашего отъезда из Бата я бралась за перо, чтобы написать Вам, чуть ли не ежедневно. Но какойнибудь пустяковый повод непременно меня от этого отрывал. Умоляю Вас, напишите мне поскорее и адресуйте письмо нам домой. Слава богу, завтра мы покидаем это мерзкое место. С тех пор как мы с Вами расстались, оно больше меня не радовало — все потускнело и все стоящие люди отсюда уехали. Хотя, если бы мы с Вами могли встречаться, мне, я уверена, не было бы дела до всех остальных, ибо Вы для меня дороже кого угодно. Я очень беспокоюсь о Вашем замечательном брате, который не дает о себе знать, с тех пор как уехал в Оксфорд. Меня тревожит, что мы с ним друг друга не поняли. Но ваше доброе участие все исправит: он — единственный человек, которого я когда либо могла полюбить и на самом деле любила. И я верю, что Вы его в этом сможете убедить. Весенние моды уже почти забыты — шляпки теперь

носят такие ужасные, что Вам даже трудно себе представить. Надеюсь, Вы приятно проводите время, но боюсь, что Вы обо мне и не вспоминаете. Не стану Вам ничего рассказывать из того, что могла бы, о семье, в которой Вы живете, ибо хочу быть великодушной и не желаю Вас восстанавливать против тех, кем Вы дорожите. Но так трудно понять,— на кого можно положиться! И, увы, молодые люди никогда не знают сегодня, что им взбредет на ум завтра. Рада Вам сообщить, что молодой человек, к которому я испытываю особенное отвращение, покинул Бат. Это определение позволит Вам догадаться, что я имела в виду капитана Тилни, который, как Вы можете вспомнить, особенно меня изводил и преследовал перед Вашим отъездом. Впоследствии он держал себя еще хуже и буквально стал моей тенью. Многие девицы попались бы на его удочку — так еще ник'о ни за кем не ухаживал! Но я слишком хорошо изучила этот коварный пол. Два дня назад он уехал в свою часть, и я надеюсь, что буду избавлена от встречи с ним навсегда. Он самый большой вертопрах, какого я когда либо видела,— необыкновенно противный. Перед отъездом он дня два не отходил от Шарлотты Дэвис — я жалела о его вкусе, но не уделяла ему никакого внимания. В последний раз мы с ним столкнулись на Бат стрит, и, чтобы он не мог со мной заговорить, я тут же зашла в магазин. Мне даже смотреть на него не хотелось. После этого он направился в Галерею, но я бы за ним не пошла ни за какие блага на свете. Как он отличается от Вашего брата! Умоляю Вас, сообщите мне о нем чтонибудь. Мне его мучительно жалко: перед отъездом он выглядел таким несчастным — из-за простуды или чего-то еще, испортившего ему настроение. Я бы написала ему сама, если бы не потеряла его адреса. К тому же, как я Вам уже намекнула, боюсь, что ему чем-то не понравилось мое поведение. Ради бога, объясните ему все, чтобы он успокоился. А если он будет еще сомневаться,— несколько присланных им слов или его визит в Патни, когда он окажется в Лондоне, все поставят на место. Я уже сто лет не была ни в залах, ни в театре, если не считать вчерашнего вечера. Мы пошли с Ходже-сами из озорства по дешевым билетам — они меня туда просто затащили. Я не желала, чтобы они говорили, будто я заперлась из-за отъезда Тилни. Мы встретились случайно у Митчеллов, и они сделали вид, что страшно удивлены, застав меня там. Я знаю им цену: одно время мы почти не здоровались, но теперь они — воплощение дружбы. Меня,

впрочем, не так то легко провести — не на такую напали! Вы знаете, я ведь тоже себе на уме. Энн Митчелл попыталась соорудить себе тюрбан вроде того, в каком я была неделю назад на концерте. Ничего путного у нее не получилось. Наверно, он шел только к моему своеобразному лицу — так, по крайней мере, утверждал тогда Тилни, уверяя, будто все мною любят. Но он — последний человек, чьи слова для меня хоть чтонибудь значат. Теперь я ношу все только пурпуровое. Я понимаю, что кажусь в нем уродиной, но мне безразлично — это ведь любимый цвет Вашего замечательного брата! Не теряйте же ни минуты, моя любимейшая, моя обожаемая Кэтрин, и напишите сейчас же ему и той, которая вечно... и т. д..»

Такое явное лицемерие не могло ввести в заблуждение даже Кэтрин. Непоследовательность, противоречивость и лживость письма бросились ей в глаза с первых же строк. Ей было стыдно за свою бывшую подругу и стыдно, что когда то она могла ее любить. Выражения привязанности Изабеллы были настолько же отвратительны, насколько никчемны ее извинения и бесстыдны ее просьбы. «Писать Джеймсу, чтобы ее выгородить? Нет, Джеймс никогда больше не услышит имени Изабеллы из уст своей сестры!»

Когда Генри вернулся из Вудстона, она рассказала ему и Элинор о спасении их брата, — искренне их поздравив, — и с негодованием прочла вслух наиболее существенные места письма. Закончив чтение, она воскликнула:

— Знать не хочу никакой Изабеллы и всего, что с ней связано! Она должна считать меня дурочкой — иначе бы она так не писала. Но, быть может, благодаря письму я научилась разбираться в ней лучше, чем она разбирается во мне. Я поняла, что она собой представляет, — тщеславная кокетка, которой не удалось ее козни. Вряд ли она хоть когданибудь была привязана ко мне или к Джеймсу. Лучше бы я ее вообще не встречала!

— Пройдет немного времени, — сказал Генри, — и вам покажется, что вы с ней и вправду никогда не встречались.

— Не могу понять одного. Ее планы в отношении капитана Тилни провалились. Но чего все это время добивался он сам? Почему ему понадобилось за ней ухаживать, ссорить ее с моим братом, чтобы затем улизнуть?

— Оправдать намерения Фредерика, если я их правильно понял, мне, признаюсь, трудно. Он, как и мисс Торп, полон тщеславия. Разница между ними лишь в том,

что благодаря большему здравому смыслу ему его тщеславие пока не повредило. Если результат его поведения не снимает с него вины в ваших глазах,—лучше нам оставить его в покое.

— Значит, вы уверены, что на самом деле он вовсе не был ею увлечен?

— Совершенно уверен.

— И хотел, чтобы в это поверили другие, только из озорства?

В знак согласия Генри кивнул головой.

— Что ж, в таком случае его поведение мне не нравится. Хотя все обошлось для нас с вами благополучно, мне это не по душе. Получилось, что он не причинил большого вреда, поскольку у Изабеллы, кажется, вообще нет сердца, которое он мог бы разбить. Но представим себе, что она бы в него влюбилась по настоящему.

— Мы должны были бы прежде представить, что у Изабеллы есть сердце, которое может разбиться, то есть что она совсем иное существо. В этом случае с ней по иному бы и обращались.

— На вашем месте защищать своего брата вполне естественно.

— А если вы защищаете *своего*, вам незачем особенно огорчаться по поводу разочарования, пережитого мисс Торп. Впрочем, ваши чувства настолько проникнуты врожденной порядочностью, что на них не оказывают влияния ни семейные узы, ни жажда мести.

Этот комплимент заметно подсластил горечь переживаний в душе Кэтрин. Фредерик не мог быть так непростительно виноват при том, что Генри был так хорош. Она решила не отвечать Изабелле на письмо и выбросить его из головы.

ГЛАВА XXVIII

скоре после этого генерал счел необходимым уехать на неделю в Лондон. И он покинул Нортенгер, искренне сожалея, что дела лишают его общества мисс Морланд, каждым часом пребывания с которой он так дорожит, и настойчиво внушая своим детям, что забота о ее удобствах и развлечениях в его отсутствие является важнейшим их долгом. Его отъезд позволил Кэтрин впервые убедиться на соб

ственном опыте, что некая утрата иногда может обернуться приобретением. То, как радостно они теперь зажили, занимаясь чем им хотелось, позволяя себе сколько угодно смеяться, проводя непринужденно и весело часы за столом, гуляя когда и где им вздумается и распоряжаясь временем занятий и досуга по своему усмотрению, позволило Кэтрин отчетливо осознать скованность, которую вызывало присутствие генерала, и особенно оценить их теперешнюю свободу. Ощущение радости и непринужденности делало для нее этот дом и живущих в нем брата и сестру с каждым днем все более близкими. И если бы не ожидание приближающейся разлуки с одной и неуверенность в ответном чувстве другого, счастье ее в каждую минуту каждого дня было бы совершенно безоблачным. Визит ее, однако, продолжался уже четвертую неделю. Ко дню возвращения хозяина дома четвертая неделя уже истекла и ее дальнейшее пребывание в Нортенгере могло показаться назойливым. Мысль эта вызывала у нее время от времени грустное чувство, и, чтобы облегчить свою душу, она вскоре решила поговорить по этому поводу с Элино́р, высказав ей свое намерение уехать и поступив в дальнейшем сообразно с тем, как это намерение будет воспринято.

Сознавая, что если она станет с этим тянуть, то коснуться столь неприятной темы позже ей будет еще тяжелее, она воспользовалась первой минутой пребывания с Элино́р наедине и, разговаривая с ней о том о сем, упомянула о необходимости скорого отъезда. Выражение лица и ответ Элино́р явно показали, насколько она была этим огорчена. Она «надеялась, что сможет наслаждаться обществом Кэтрин гораздо дольше, воображала, возможно из себялюбия, что получила согласие на визит гораздо более продолжительный, не сомневалась, что, знай мистер и миссис Морланд, сколько радости доставляет ей гостья, они великодушно согласились бы не торопить ее возвращения, и т. д. и т. д.». По поводу последнего затруднения Кэтрин заметила, что «в этом отношении папа и мама вовсе не беспокоятся — им вполне достаточно, что она сейчас счастлива». — «Но тогда можно ли осведомиться, чем вызвана подобная поспешность?» — «Ах, просто тем, что она уже пробыла здесь слишком долго!»

— Что ж, если вы употребляете это слово, я не смею вас удерживать. Если вам показалось слишком долгим...

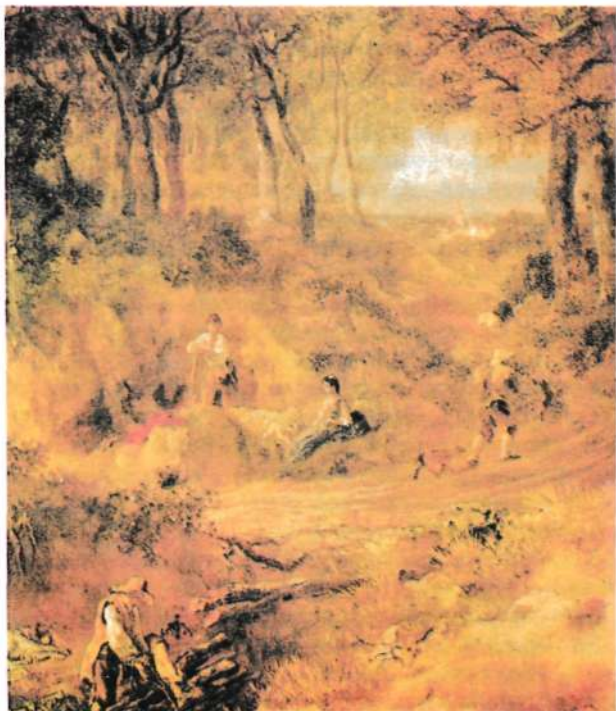
— Ах нет, мне вовсе не показалось. Сама я была бы рада остаться вдвое дольше...

И между ними тут же было условлено, что, до тех пор пока ей это не *покажется*, об отъезде Кэтрин не должно быть и речи.

Как только одна причина ее неуверенности была благополучно устранена, действие другой тоже уменьшилось. Любезность и искренность, с которыми Элинор уговорила ее не торопиться с отъездом, и благодарный взгляд, брошенный Генри, когда он узнал, что она остается, были настолько приятными доказательствами их привязанности, что у нее оставалась только та легкая неуверенность, без которой вообще не обходится человеческое сознание. Кэтрин почти не сомневалась, что Генри ее любит, и была убеждена, что его отцу и сестре она нравится и что они рады принять ее в свою семью. А раз уж она в это поверила, ее озабоченность и беспокойство превратились в нечто похожее на упражнения.

Генри не смог выполнить наказа генерала — не отлучаться из Нортенгера до его приезда, заботясь о благополучии дам. Дела, связанные с Вудстонским приходом, потребовали, чтобы в субботу он на два дня их покинул. На этот раз исчезновение Генри подействовало на жизнь в аббатстве не так, как в присутствии генерала, — жизнь эта стала менее оживленной, но не сделалась неприятной. И для двух довольных взаимным обществом молодых леди время летело так незаметно, что в день отъезда Генри они засиделись после ужина часов до одиннадцати — весьма поздно для этого старинного жилища. Они успели подняться по лестнице, когда им показалось, — насколько можно было расслышать сквозь толстые стены, — что к дому подъехал экипаж. Тотчас же это подтвердилось громким звоном дверного колокольчика. После первого удивленного возгласа: «Боже праведный, кто бы это мог быть?!» — Элинор высказала предположение, что приехал ее старший брат, который и прежде нередко наезжал столь же внезапно, хотя и не в такое позднее время, и, соответственно, поспешила ему навстречу.

Кэтрин прошла к себе в комнату, стараясь собраться с душевными силами для возобновления знакомства с капитаном Тилни. Несмотря на неблагоприятное мнение о его поступке и уверенность в пренебрежительном отношении к ней столь блестящего офицера, было приятно, что встреча их состоится все же не при тех обстоятельствах, которые сделали бы ее еще более затруднительной. Она не сомневалась, что он не станет говорить о мисс

Конардский лес.
С картины Т. Гейнсборо, ок. 1748 г.

Торп. Сейчас, когда он уже должен был стыдиться сыгранной им роли, этого можно было не бояться. И поскольку тема о Бате будет исключена, она сможет вести себя с ним вполне дружески. Эти мысли заняли у нее довольно много времени. Прошло полчаса, а Элинор все не возвращалась. То, что она так обрадовалась брату и должна была так много ему сказать, свидетельствовало несомненно в его пользу.

В эту минуту Кэтрин уловила шаги в галерее. Она постаралась к ним прислушаться, но все стихло. Едва лишь, однако, она убедила себя, что ей это только почудилось, как чуть слышное движение около ее комнаты заставило ее вздрогнуть. Казалось, кто то прикоснулся к двери — и через мгновение слабое шевеление дверной ручки подтвердило, что на нее снаружи легла чья то рука. Мысль, что к ней пытаются проникнуть с такой

осторожностью, вызвала у нее легкую дрожь. Но, решив не поддаваться больше воображаемым страхам и осточертевшим ей зловещим признакам, она заставила себя спокойно шагнуть вперед и распахнуть дверь. За дверью стояла Элино́р,— всего только Элино́р. Однако тревога Кэ́трин рассеялась ненадолго — Элино́р выглядела бледной и потрясенной. Хотя она явно направлялась в комнату подруги, ей, казалось, трудно было переступить порог и еще труднее заговорить. Объяснив состояние Элино́р ее огорчением по поводу дел капитана Тилни, Кэ́трин смогла выразить ей сочувствие лишь безмолвной заботой — усадив ее в кресло, растерев ей виски лавандовой водой и нежно прильнув к ней щекой.

— Кэ́трин, дорогая, оставьте меня, ради бога оставьте! — были первые связные слова, вырвавшиеся у Элино́р.— Я прекрасно себя чувствую. Ваше участие заставляет меня еще больше страдать — я этого не вынесу. Я пришла к вам с таким известием!

— С известием? Ко мне?

— Как мне о нем сказать?! Боже, как мне сказать!

Новая, возникающая в голове Кэ́трин догадка вызвала на ее лице такую же бледность, как у Элино́р.

— Ктонибудь прибыл из Вудстона?

— Ах нет, совсем не то,— сказала Элино́р, глядя на подругу со страдальческим видом.— Это вовсе не из Вудстона. Это отец.

При последних словах голос ее дрогнул, взгляд потупился.

Сердце Кэ́трин упало от одного только известия о непредвиденном приезде генерала, и в течение какого то времени она вовсе не думала, что ее ждет более неприятная новость. Она молчала. И Элино́р, пытаясь взять себя в руки и произносить слова твердо, не поднимая глаз, вскоре заговорила опять:

— Вы слишком добры, я знаю, чтобы рассердиться на меня за поручение, которое я вынуждена исполнить. Я с большой неохотой передаю вам чужую волю. После нашей недавней беседы, после утренней договоренности,— я была этому так рада, так благодарна! — что вы отложите свой отъезд еще, как мне бы хотелось, на много недель,— могу ли я сказать вам, что надобность в вашем великодушии, увы, отпала, что удовольствие, которое вы до сих пор нам дарили, должно быть оплачено... Я не нахожу слов! Кэ́трин, моя дорогая, мы вынуждены расстаться. Отец вспомнил о данном им обещании, ради

которого мы должны всей семьей выехать в понедельник. Мы едем на две недели в имение лорда Лонгтауна около Херефорда. Объяснения и оправдания в равной степени невозможны. Ни на то, ни на другое я неспособна.

— Элинор, дорогая,—воскликнула Кэтрин, стараясь по возможности совладать со своими чувствами,—незачем огорчаться! Более поздняя договоренность должна быть отменена ради предшествовавшей. Мне очень грустно, что мы расстаемся, притом так быстро, так внезапно. Но я ничуть не обижена—ни в малейшей степени. Я могу прервать мое пребывание здесь, как вы знаете, в любое время. А когда вы вернетесь от этого лорда, вы сможете приехать в Фуллертон.

Элинор молчала. И Кэтрин, вспомнив об обстоятельствах, более близких ее сердцу, добавила, выражая вслух свои мысли:

— Понедельник—уже в понедельник! И вы уезжаете все?! Ну что ж, мне все же удастся... Я все же смогу попрощаться... Не правда ли, я ведь могу уехать перед самым вашим отъездом? Не огорчайтесь, Элинор, меня понедельник вполне устраивает. То, что мои родители не будут об этом предупреждены, не имеет значения. Генерал, конечно, пошлет со мной—хотя бы до половины пути—служанку, а там будет уже рукой подать до Сэлсбери, это всего в девяти милях от нашего дома.

— Увы, Кэтрин, если бы все обстояло так, это бы еще куда ни шло, хотя и тогда вам не было бы оказано и половины внимания, которого вы заслуживаете. Но вы должны—мне тяжело вам это сказать—покинуть нас завтра же утром, и вам не предоставляется даже право выбрать время отъезда. Распоряжение об экипаже уже отдано,—он будет готов к семи часам, и никакая служанка с вами не поедет.—У Кэтрин перехватило дыхание, зарыбило в глазах и она присела на стул.—Когда мне об этом сказали, я не поверила своим ушам. Любое ваше справедливое чувство обиды, любое негодование не уступают тому, что я сама... Но говорить вам о моих чувствах ни к чему. Если бы я хоть чемнибудь могла это все объяснить! Боже мой, что скажут ваши родители! После того, как вас увезли от настоящих друзей почти вдвое дальше от дома, вас выпроваживают, пренебрегая даже простейшими правилами вежливости! Кэтрин, милая, дорогая, передавая вам эту весть, я и себя чувствую виноватой в наносимом вам оскорблении. И все же я верю, что вы меня оправдаете. Вы здесь прожили достаточно долго,

чтобы понять, как мало я в этом доме значу и какая я в нем ненастоящая хозяйка.

— Я чемнибудь обидела генерала? — с дрожью в голосе спросила Кэтрин.

— Увы, при всем почтении, которое следует испытывать к отцу, я не знаю, я не могу себе представить, чтобы у него существовал разумный повод на вас обидеться. Он в самом деле очень рассержен — таким мне приходилось видеть его весьма редко. Характер у него нелегкий, а сейчас случилось что то, от чего он просто взбешен, — какое то разочарование, досадное событие, кажущееся ему в эту минуту исключительным, которое к вам, как я себе представляю, не может иметь никакого отношения, не правда ли?

Кэтрин было мучительно трудно заговорить, но она превозмогла себя ради Элинора.

— Поверьте, — сказала она, — я чувствовала бы себя очень несчастной, если бы в самом деле чем то задела самолюбие генерала. Меньше всего я была способна сделать это сознательно. Но незачем так расстраиваться, Элинора. Вы знаете, обещание следует выполнять. Разумеется, жаль, что о нем не вспомнили раньше, когда я еще могла написать родителям. Но разве это так уж существенно?

— Надеюсь, — желаю всей душой, чтобы вы в самом деле от этого не пострадали. Но во всех других отношениях проявленное к вам невнимание и вправду существенно — в смысле удобства путешествия, защиты вашего достоинства, соблюдения приличий, — для вашей семьи, для общества. Если бы ваши друзья Аллены еще находились в Бате, вы могли бы добраться до них сравнительно легко — за несколько часов. Но проехать семьдесят миль в почтовой карете одной, без прислуги, в вашем возрасте.'

— Путешествие само по себе ничего не значит. О нем не стоит и говорить. И если нам суждено расстаться, то произойдет ли это несколькими часами раньше или позже, не имеет значения. Я буду готова к семи. Пусть, когда наступит время, меня позовут.

Элинора почувствовала, что Кэтрин хочет остаться в одиночестве. И, решив, что обоим будет легче, если на этом они прекратят разговор, она покинула подругу со словами:

— Я приду утром.

Чувства Кэтрин должны были вырваться наружу. В присутствии Элинора гордость и дружеская привязанность в одинаковой мере заставляли ее сдерживаться. Но как

только она осталась одна, слезы хлынули из ее глаз ручьем. Выгнана из дома — и каким образом! Без малейшего оправдывающего повода, без малейшего извинения, которое смягчало бы внезапность, грубость, нет, оскорбительность подобного обращения. Генри в отъезде, и она даже не сможет с ним проститься! Любые связанные с ним ожидания, любые надежды в лучшем случае откладываются неизвестно на какой срок. Кто скажет, когда они встретятся опять. И все исходит от такого человека, как генерал Тилни,— любезного, обходительного, до сих пор столь ей благоволившего! Это было так же непостижимо, как и чудовищно. Что было всему причиной и к чему это приведет — в равной степени вызывало недоумение и тревогу. С ней обошлись крайне невежливо. Ее выдворяли, не обратив внимания на ее собственные удобства, не дав ей даже для виду выбрать время отъезда и способ передвижения. Из двух оставшихся дней назначен первый, чуть ли не самый ранний его час, как будто при этом добивались ее исчезновения до того, как хозяин дома поднимется с постели, чтобы избавить его от встречи с нею. Могло ли это восприниматься иначе, как намеренное оскорбление? Неизвестным образом она имела несчастье провиниться перед генералом. Элинор старалась ее в этом разубедить, но Кэтрин не допускала мысли, чтобы какие угодно раздражение и неприятности могли заставить так обойтись с человеком, который не был, или, по крайней мере, не предполагался их виновником.

Ночь прошла мучительно. Сон или скольконибудь заменяющий его отдых были исключены. Комната, в которой легко возбудимое воображение терзало Кэтрин первую ночь, проведенную в Нортенгере, снова сделалась местом ее душевных страданий и тревожной бессонницы. Но как теперь изменилась причина ее волнений! Насколько, увы, она стала естественной и объяснимой. Ее беспокоило событие, происшедшее на самом деле, ее опасения имели под собой почву. И, будучи занята мыслями о зле ощущаемом и подлинном, она даже не замечала ни окружающей темноты, ни одиночества. И хотя дул сильный ветер, то и дело вызывавший по всему дому непонятные внезапные звуки, она была к ним в долгие часы бессонницы совершенно равнодушна.

Вскоре после того, как пробило шесть, пришла Элинор, жаждавшая проявить к подруге внимание и оказать ей возможную помощь. Однако все в основном было уже сделано. Кэтрин не теряла времени зря. Она была почти одета, ее вещи — почти все собраны. Когда Элинор появи

лась, Кэтрин подумала, что у подруги может иметься какое то примирительное поручение от генерала. Разве не было естественным, что после приступа гнева он почувствовал раскаяние? И она лишь не знала, в какой мере после случившегося ей подобает принять его извинения. Однако на сей раз ей это было знать ни к чему. Ни ее самолюбие, ни великодушие не подверглись испытанию — никакого поручения от генерала у Элинора не оказалось.

Они почти друг с другом не говорили — та и другая искала защиты в молчании, и они обменялись только самыми незначительными словами. Кэтрин торопливо заканчивала свой туалет, а Элинора обнаруживала больше доброй воли, чем умения, при укладке вещей. Когда все было готово, они вышли из спальни — Кэтрин при этом на мгновение отстала от подруги, чтобы последним взглядом окинуть все, что ей здесь сделалось дорого, — и спустились в комнату для завтрака, где стол был уже накрыт. Чтобы избежать уговоров и успокоить подругу, Кэтрин попыталась заставить себя поесть. Но у нее не было аппетита, и она смогла сделать только несколько глотков. Сознание того, насколько этот завтрак отличается от их завтрака в той же комнате накануне, причинило ей новую боль и усилило ее отвращение ко всякой еде. За такой же трапезой они сидели здесь всего только двадцать четыре часа назад, — но как много с тех пор переменялось! С какой веселой беспечностью, счастливой, хотя и неоправданной верой в будущее смотрела она тогда кругом, радуясь всему, что попадалось на глаза, и не огорчаясь ничем, кроме кратковременного отъезда Генри в Вудстон! Счастливый, счастливый завтрак! Генри был тогда здесь, Генри сидел рядом и оказывал ей внимание! Довольно долго Элинора ничем не отвлекала подругу от ее раздумий, погруженная в свои собственные. И только появление экипажа заставило обеих встрепенуться и вернуло их к обстоятельствам настоящей минуты. Вид его вызвал краску на лице Кэтрин. Мысль о том, что с ней поступают столь недостойным образом, сделалась для нее особенно непереносимой и на какое то время переполнила ее душу гневом. Казалось, что Элинора почувствовала необходимость взять себя в руки и заговорить.

— Вы должны мне написать, Кэтрин, — сказала она. — Вы должны сообщить о себе как можно скорее! Пока я не узнаю, что вы благополучно вернулись домой, у меня не будет ни минуты покоя. Единственный раз, — чем бы это мне ни грозило, — я умоляю вас написать. Одно лишь

известие, что вы благополучно добрались до Фуллертона и всех ваших близких нашли здоровыми,— и до тех пор, пока я не смогу просить вас со мной переписываться,— что было бы с моей стороны так естественно,— я от вас не буду ждать никаких других. Пошлите его — я вынуждена вас об этом просить — в имение лорда Лонгтауна, на имя Элис.

— Нет, Элинор, если вам запрещено получать от меня письма, лучше я не стану писать. В том, что я доеду благополучно, можно не сомневаться.

Элинор ответила только:

— Ваши чувства меня не удивляют. Не хочу вас уговаривать — я полагаюсь на ваше доброе ко мне отношение, когда мы окажемся в разлуке.

Эти слова вместе с выраженным в ее глазах душевным страданием помогли Кэтрин мгновенно преодолеть в себе самолюбивое чувство, и она точас же воскликнула:

— Элинор, дорогая, ну *конечно же*, я вам напишу!

Оставалась еще одна деликатная тема, которой мисс Тилни считала необходимым коснуться, хотя ей было крайне неловко это сделать. Она понимала, что после продолжительного пребывания вдали от дома у Кэтрин может не найтись достаточного для путешествия количества денег. Когда она очень деликатно предложила подруге свою помощь, выяснилось, что дело обстояло именно так. До сих пор Кэтрин об этом даже не задумывалась. Но, заглянув в кошелек, она убедилась, что, если бы подруга ее не выручила, она могла бы оказаться выброшенной из дома, даже не располагая средствами, чтобы добраться к родным. И мысль о том, в какую беду она при этом могла бы попасть, настолько захватила воображение каждой из них, что они едва ли обменялись хоть одним словом до самой минуты прощания. Вскоре, однако, эта минута наступила. Было объявлено, что вещи уже находятся в экипаже. Кэтрин точас же поднялась, и нежное продолжительное объятие заменило прощальные приветствия. Проходя через холл, она все же почувствовала невозможность покинуть аббатство, не упомянув о том, чье имя до сих пор оставалось не произнесенным. И, чуть чуть приостановившись, она дрожащими губами дала понять, что передает «самые добрые пожелания отсутствующему другу». Это приближение к его имени настолько истощило ее способность сдерживать свои чувства, что, закрыв лицо платком, она выбежала из холла, прыгнула в экипаж и уже через мгновение отъехала от дома.

этрин чувствовала себя слишком несчастной, чтобы чего то опасаться. Путешествие ее не тревожило, и она отправилась в путь, не думая о его продолжительности и не ощущая одиночества. Забившись в угол кареты и заливаясь слезами, она проехала несколько миль, прежде чем впервые подняла голову. И уже наиболее возвышенное место парка скрывалось из глаз, когда она смогла на него оглянуться. На беду, ей пришлось ехать по той же дороге, по которой десять дней назад она прокатилась в таком счастливом настроении дважды,— направляясь в Вудстон и возвращаясь в Нортенгер. И на протяжении четырнадцати миль горечь ее переживаний еще усугублялась видом предметов, на которые она в первый раз смотрела при столь несхожих обстоятельствах. С каждым шагом, приближавшим ее к Вудстону, ее страдания усиливались, и, когда она миновала поворот дороги, от которого до пасторского домика оставалось только пять миль, вообразив при этом ничем не встревоженного, находящегося чуть ли не рядом Генри, ее отчаяние и волнение казались беспредельными.

День, который она провела в этом месте, был одним из счастливейших в ее жизни. Именно там, именно тогда генерал разговаривал и вел себя таким образом, употреблял в отношении ее и Генри такие выражения, как будто определенно хотел, чтобы они поженились. Да, прошло лишь десять дней с тех пор, как своей величайшей благосклонностью он вызвал в ее душе ликование, даже смутив ее своими слишком прозрачными намеками! А теперь... Что она сделала или что упустила сделать, вызвав такую перемену?

Единственный поступок, в котором она сознавала себя перед ним виновной, едва ли мог оказаться ему известен. О питаемых ею сдурю чудовищных подозрениях знали только она и Генри. Но в его способности сохранять тайну она сомневалась не больше, чем в своей. Генри, по крайней мере, не мог выдать ее намеренно. Если бы в силу какого то злосчастного стечения обстоятельств его отец узнал обо всем том, что она посмела вообразить и пыталась обнаружить,— о ее беспочвенных подозрениях и недостойных розысках,— его негодованию можно было не удивляться. Если бы ему стало известно, что она смотрела на него как на убийцу, можно было не удивляться, что он даже выгнал

ее из дома. Но она не сомневалась, что такой губительной для нее осведомленности у него быть не могло. Как бы мучительны ни были размышления Кэтрин по этому поводу, они, однако, не стояли у нее на первом месте. Существовала забота, более близкая ее сердцу, более захватывающая, более насущная — занимавшая ее сильнее всего, ни на минуту ее не покидавшая и попеременно то приводившая ее в уныние, то дарившая ей некоторую надежду. Что подумает, что почувствует и как будет выглядеть Генри, когда завтра, вернувшись в Нортенгер, он узнает об ее отъезде? Иногда она с ужасом представляла себе его равнодушную покорность, а иногда отвечала себе на эти вопросы, восторженно рисуя в своем воображении картину его отчаяния. Разумеется, он не посмеет говорить о ней с генералом. Но с сестрой — что он скажет о ней своей сестре?!

В этом непрестанном чередовании догадок и сомнений, из за которого она ни на чем не могла по настоящему сосредоточиться, время текло незаметно, и путешествие показалось ей не таким долгим, как она ожидала. Назойливый рой мыслей, мешавший ей следить за всем окружающим с тех пор, как остались позади окрестности Вудстона, не позволял ей также наблюдать за своим продвижением. И хотя ничто по пути не привлекло к себе ее внимания, дорога не показалась ей скучной. От дорожной скуки ее спасала и другая причина — она не ждала с нетерпением конца путешествия. Возвращение в Фуллертон при таких обстоятельствах не сулило ей почти никакого удовольствия от встречи с родными — даже после такой долгой, одиннадцатинедельной разлуки. О чем она сможет им рассказать, что не было бы унижительно для нее самой и не ранило бы ее близких? Какой рассказ не усугубит ее собственного горя и не распалит напрасного гнева, имеющего следствием огульное недоброжелательство по отношению к правым и виноватым? Ей никогда не удастся должным образом охарактеризовать достоинства Генри и Элинора. Она ощущала их слишком сильно, чтобы выразить свои чувства словами. А если неприязнь родных распространится и на ее молодых друзей, если, основываясь на представлении о генерале, они станут плохо думать о его детях, ей будет нанесена рана в самое сердце.

При таких мыслях она скорее боялась, нежели мечтала разглядеть хорошо знакомую церковную колокольню, вид которой должен был засвидетельствовать ей, что она находится всего в двадцати милях от дома. Покидая Нортенгер, она знала, что ей надо держать путь на Сэлсбери. Но

после первого же перегона ей пришлось полагаться при выборе следующих пунктов своего продвижения на советы станционных зрителей — так велика была ее неосведомленность о предстоявшей дороге. Однако все прошло гладко и благополучно. Ее молодость, любезное обращение с окружающими и денежная щедрость обеспечили ей все внимание, в каком могла нуждаться подобная путешественница. И, останавливаясь, только чтобы переменить лошадей, она продвигалась без всяких тревог и приключений на протяжении одиннадцати с лишним часов и между шестью и семью вечера обнаружила, что въезжает в Фуллертон.

Героиня, возвращающаяся под конец своих мытарств к родному очагу в блеске восстановленной репутации и в ореоле графского титула, сопровождаемая вереницей фазтонов с высокопоставленной родней, а также каретой с четверкой лошадей и тремя собственными горничными, представляет собой образ, на котором перу его создателя приятно остановиться подольше. Такая героиня делает честь концовке любого романа, и его автор вправе воспользоваться частью лавров, которыми она щедро делится со всеми окружающими. Мне, однако, приходится иметь дело со случаем иного рода. Свою героиню я возвращаю в родной дом одинокой и опозоренной. И, поскольку у меня нет повода для ликования, ничто не побуждает меня рассказывать о ее прибытии сколько нибудь обстоятельно. Героиня, едущая в наемной почтовой карете, наносит чувствам автора такой жестокий урон, под действием которого исчезает всякая охота к возвышенному и торжественному стилю повествования. А посему кучер быстро провезет ее через поселок, минуя группы воскресных зевак, и она тотчас же покинет свой экипаж. И все же, как бы Кэтрин ни была расстроена, представ таким образом перед пасторским домиком, и какое бы унижение ни испытывал, рассказывая об этом, ее биограф, обитателям домика она доставила недюжинную радость, вызванную, во первых, остановкой у его подъезда кареты, а во вторых — появлением из кареты ее самой. Карета с путешественниками не часто показывалась в Фуллертоне, и, завидев ее, все семейство тотчас собралось у окна. Остановка же кареты возбудила всеобщее ликование, озарив улыбками их лица и завладев воображением каждого члена семьи, — ликование, не предвиденное никем, кроме двух младших ее отпрысков, мальчика шести и девочки четырех лет от роду, которые ждали прибытия брата или сестры в каждом проезжавшем мимо экипаже. Счастлив был взгляд, первым распознавший Кэтрин! Счастлив был голос,

возвестивший это открытие! Впрочем, принадлежало ли это счастье по справедливости Джорджу или Харриет, установить было невозможно.

Отец, мать, Сара, Джордж, Харриет, собравшиеся у подъезда, чтобы встретить ее со всем радушием,— такое зрелище не могло не вызвать в душе Кэтрин ответных переживаний. И в одном за другим объятиях у подножки кареты она обрела утешение, намного большее, чем ей

перед тем казалось возможным. Ее так плотно окружили, так обласкали — она даже почувствовала себя счастливой! Проявление родственных чувств на какое то время отодвинуло на задний план ее горе, а радость встречи на первых порах не оставляла времени для любопытства. Между тем миссис Морланд, обратив внимание на бледность и усталый вид бедной путешественницы, поспешила, для подкрепления ее сил, прежде чем начнутся расспросы, требующие обстоятельных ответов, усадить всех вокруг чайного стола.

С большими колебаниями и неохотой Кэтрин приступила наконец к тому, что полчаса спустя ее снисходительные слушатели смогли счесть за объяснение, — до того они едва ли уловили причину или уразумели хоть какие нибудь подробности ее внезапного отъезда из Нортенгера. Они не были людьми, чересчур возбудимыми, легко впадающими в гнев или слишком обидчивыми. Но в данном случае, когда все стало ясно, налицо было оскорбление, которое нельзя было оставить без внимания или забыть через полчаса. Не переживая преувеличенных страхов по поводу долгого и одинокого путешествия дочери, мистер и миссис Морланд не могли не сознавать, что оно должно было показаться ей весьма неприятным, что сами бы они его не допустили и что, отправляя в него Кэтрин, генерал Тилни вел себя непорядочно и бесчувственно — отнюдь не так, как должен был вести себя джентльмен и отец семейства. Почему он так поступил, что побудило его к такому нарушению правил гостеприимства и так внезапно превратило его особую благосклонность к Кэтрин в неприкрытое недоброжелательство — было вопросом, ответить на который им было, по крайней мере, столь же трудно, как и их дочери. Но они не стали над этим долго раздумывать. И после известного количества бесплодных предположений они исчерпали свой гнев и свое удивление, заявив, что «все это так странно» и что, «должно быть, он весьма странный человек». Саре, увлекшейся загадочностью истории и с юным пылом предлагавшей все новые и новые объяснения, мать сказала:

— Дорогая моя, ты причиняешь себе слишком много ненужных забот. Поверь, дело это вообще не стоит того, чтобы ломать над ним голову.

— Когда он вспомнил свое обещание, ему, разумеется, понадобилось, чтобы Кэтрин уехала. Но почему он не мог добиться этого вежливым образом?

— Мне жалко его детей, — сказала миссис Морланд. — Их это должно было огорчить больше всего. А что касается остального, то какое это имеет значение? Кэтрин

теперь дома, а наше благополучие не зависит от генерала Тилни.— Тут Кэтрин вздохнула.— Что ж,— продолжала ее философски настроенная мать,— мне, конечно, лучше было не знать о твоей поездке заранее. Но теперь, когда все позади, я в ней не вижу особенно большого вреда. Молодежь нуждается в упражнениях. Ты, моя милая, всегда была довольно рассеянной особой. А во время этого переезда, при перемене экипажей и тому подобное, тебе все же пришлось немного взять себя в руки. Будем надеяться, что ты не оставила чего нибудь в каретных карманах.

Кэтрин сказала, что она тоже на это надеется и хотела бы избавиться от своих недостатков. Но душевный подъем у нее уже прошел, и, почувствовав вскоре, что ей хочется помолчать и остаться одной, она с готовностью последовала материнскому совету пораньше улечься в постель. Ее родители, объясняя плохой вид и нервическое состояние дочери пережитой ею обидой, а также непривычным напряжением и усталостью с дороги, расстались с ней в полной уверенности, что она придет в себя, как только хорошенько выспится. И хотя на следующее утро им не показалось, что ее состояние улучшилось в той мере, как они рассчитывали, им тем не менее даже не пришло в голову, что с Кэтрин творится нечто более серьезное. Они не потрудились подумать о ее сердце, что со стороны родителей юной леди семнадцати лет от роду, только что вернувшейся после первой отлучки из дома, было весьма неблагоприятно.

Как только с завтраком было покончено, Кэтрин взялась за письменные принадлежности, чтобы выполнить обещание, которое она дала мисс Тилни. Вера подруги в действие на ее чувства расставания и времени вполне оправдалась, ибо Кэтрин уже винила себя, что рассталась с Элинором слишком холодно, никогда по настоящему не дорожила ее добротой и прочими качествами и недостаточно близко приняла к сердцу все, что той пришлось пережить. Сила этих чувств, однако, далеко не способствовала легкости ее пера. Ни одно письмо еще не затрудняло ее в такой степени, как письмо к Элиноре Тилни. Выразить сразу должным образом свои чувства и свое душевное состояние, высказать благодарность без самоуничтожения, изъясниться сдержанно, но без холодности, прямо, но без следа обиды, написать так, чтобы Элинора не ощутила боли при чтении, и,— самое важное,— чтобы ей самой не пришлось краснеть за написанное, если письмо случайно попадет на глаза Генри,— такая задача своей непосильностью мешала Кэтрин

взяться за ее исполнение. И за растерянностью и долгими раздумьями пришла решимость ограничиться, дабы обезопасить себя от возможной ошибки, всего лишь несколькими словами. Одолженные ей Элинор деньги были возвращены поэтому вместе с запиской, содержащей немногим больше, чем выражение горячей благодарности и исходящих из глубины сердца нежнейших пожеланий.

— Что за странное знакомство! — сказала миссис Морланд, когда Кэтрин наконец справилась с письмом.— Внезапно возникшее и внезапно прерванное. Жаль, что так получилось: миссис Аллен говорила, что Тилни очень милые молодые люди. А тебе еще так не повезло с Изабеллой. Бедняга Джеймс! Что ж, ведь учиться приходится всю жизнь. Надеюсь, следующие друзья, которых вы заведете, окажутся более подходящими.

Покраснев, Кэтрин ответила с жаром:

— Никакие друзья не окажутся более подходящими, чем Элинор.

— Ну, если так, моя дорогая, я уверена, что вы с ней рано или поздно встретитесь снова. Можешь не беспокоиться. Ставлю десять против одного, что через несколько лет жизнь столкнет вас опять. И сколько же радости доставит вам эта встреча!

Попытка миссис Морланд утешить Кэтрин оказалась не очень удачной. Надежда на встречу через несколько лет должна была навести ее на мысль о том, что за это время могло случиться, сделав такую встречу невыносимой. Она никогда не сможет забыть Генри или думать о нем с меньшей нежностью, чем в эту минуту. Но он может забыть ее! И после этого встретиться! Ее глаза наполнились слезами, когда она мысленно представила себе такое возобновление их знакомства. А миссис Морланд, поняв, что ее успокоительные рассуждения не достигли цели, предложила дочери в качестве еще одного средства для подъема ее настроения навестить миссис Аллен.

Их дома находились всего в четверти мили друг от друга, и, пока они туда шли, миссис Морланд коротко рассказала, что она думает по поводу крушения надежд бедного Джеймса.

— Его, конечно, жалко,— сказала она.— Но в остальном расстройство этой женитьбы нас мало огорчило. Мы не могли особенно приветствовать его обручение с девицей, которую совсем не знаем и у которой за душой нет ни гроша. А после того, что случилось, мы вообще не можем хорошо о ней думать. В данную минуту Джеймсу приходит

ея трудновато. Но это пройдет. И я надеюсь, что легкомыслие, допущенное им при первом выборе, заставит его проявить большую осмотрительность в будущем.

Это был как раз тот краткий вывод, который еще мог дойти до слуха ее дочери. Одна лишняя фраза грозила вывести ее из равновесия и заставить ее произнести что-нибудь не вполне вразумительное. Ибо сознание Кэтрин было вскоре целиком поглощено переменой в ее чувствах и настроениях, происшедшей с тех пор, как она в последний раз ступала по этой знакомой дороге. Не прошло и трех месяцев с того времени, когда, полная счастливых надежд, она десять раз на день пробегала по ней туда и назад с легким, радостным и свободным сердцем, мечтая о еще не изведанных и ничем не омраченных удовольствиях, не опасаясь никаких неприятностей и не имея о них ни малейшего представления. Три месяца назад все обстояло именно так. Каким изменившимся человеком вернулась она теперь!

Аллены встретили Кэтрин так радостно, как только можно было от них ожидать, учитывая неожиданность ее приезда и их постоянную к ней привязанность. И когда они услышали, как с ней обошлись в Нортенгере,—при том, что миссис Морланд говорила об этом весьма сдержанно, вообще не вызывая к их сочувствию,—их изумление и негодование, казалось, не имели границ.

— Кэтрин застигла нас вчера вечером врасплох,—сказала миссис Морланд.—Всю дорогу ей пришлось ехать в почтовой карете, совсем одной, хотя до ночи с субботы на воскресенье она даже не думала об отъезде. Генералу Тилни по какой-то причине, ни с того, ни с сего надоело ее присутствие, и она была почти выгнана из дома. Это в самом деле весьма некрасиво с его стороны. Он, по видимому, весьма странный человек. Но мы так рады, что она опять с нами! И приятно сознавать, что она оказалась не таким уж беспомощным существом и все же смогла о себе позаботиться.

Мистер Аллен выразил по этому поводу разумное сочувствие и возмущение. И по мнению миссис Аллен, его слова были настолько удачными, что она смогла тут же их повторить. Его удивленные высказывания, догадки и объяснения тотчас же подхватывались ею с добавлением единственной собственной фразы, которой она заполняла каждую случайную паузу:

— В самом деле, терпеть не могу этого генерала!

После ухода мистера Аллена из комнаты «В самом деле, терпеть не могу этого генерала!» было повторено ею

дважды с тем же негодованием и без существенного развития мысли. В третий раз эта фраза была несколько развита, а сразу же после четвертого миссис Аллен с ходу добавила:

— Вы только подумайте, милочка, как хорошо мне в Бате зашили ту ужасную прореху в моих лучших меховых кружевах! Этого места даже и не заметишь. Какнибудь я их вам непременно покажу. Нет, что ни говорите, а Бат все же приятный город. Уверяю вас, Кэтрин, дома я не чувствую себя и вполтину так хорошо. Не правда ли, нам очень повезло, когда мы встретили там миссис Торп? Сначала, как вам известно, мы себя чувствовали ужасно одиноко.

— Да, но это продолжалось недолго,— сказала несколько просветлевшая Кэтрин при мысли о том, что ей впервые скрасило пребывание в Бате.

— Совершенно верно, милочка. Мы скоро встретились с миссис Торп, и все затем пошло хорошо. Дорогая моя, не правда ли, эти шелковые перчатки еще неплохо выглядят? Я обновила их, знаете, когда мы с вами впервые отправились в Нижние залы. С тех пор я их надевала много раз. Вы помните этот вечер?

— Еще бы не помнить!

— Не правда ли, мы провели его очень приятно? С нами еще пил чай мистер Тилни, и мне кажется, мы от этого только выиграли — он такой любезный молодой человек. По моему, вы даже с ним танцевали, хотя я и не уверена. Припоминаю лишь, что на мне было мое любимое платье.

Кэтрин оказалась не в силах что либо ответить. И, немного поговорив на другие темы, миссис Аллен вскоре вернулась к первоначальной.

— В самом деле, терпеть не могу этого генерала! А ведь он на вид такой приятный и достойный мужчина! Не думаю, миссис Морланд, чтобы вам приходилось встречать более воспитанного человека. Его комнаты, Кэтрин, были сданы на следующий день после их отъезда. Впрочем, в этом нет ничего удивительного — вы же знаете, Мильсом стрит...

Когда мать и дочь возвращались домой, миссис Морланд попыталась внушить Кэтрин, насколько ей следует дорожить постоянной благосклонностью таких друзей, как мистер и миссис Аллен, и как мало должно ее задевать невнимание или недоброе отношение едва знакомых людей вроде Тилни, если старые друзья сохраняют к ней свое расположение. Во всем этом заключалось немало здравого смысла. Но в человеческой жизни порой возни

кают обстоятельства, при которых здравый смысл оказывается бессильным. И чувства Кэтрин оспаривали каждое слово матери. Именно от поведения этих едва знакомых людей зависело все ее счастье. И пока миссис Морланд успешно подкрепляла свои выводы убедительностью своих доказательств, Кэтрин молча размышляла о том, что вот сейчас Генри прибыл в Нортенгер, сейчас он узнал об ее отъезде, а сейчас, быть может, они все уже выезжают в Херефорд.

ГЛАВА XXX

Кэтрин никогда не была склонна к особой усидчивости и не отличалась особенным прилежанием. Но какими бы ни были ее недостатки такого рода в прошлом, миссис Морланд не могла не заметить, что сейчас они значительно углубились. Ее дочка не могла просидеть спокойно или заниматься одним делом и десяти минут сряду: она то и дело вскакивала и отправлялась гулять по садовым дорожкам, словно только движение было ее естественным состоянием. Казалось, будто она предпочитает даже бродить по дому, вместо того чтобы хоть какое то время провести в общей комнате. Однако еще больше перемена эта выразилась в утрате ею всякой жизнерадостности. В блужданиях и бездействии ее прежние привычки выглядели как бы только усиленными. Между тем печаль и неразговорчивость совершенно не соответствовали тому, что так было свойственно ей в прежние времена.

На протяжении первых двух дней миссис Морланд наблюдала все это, ничем не обнаруживая своей тревоги. Но когда после трехдневного отдыха Кэтрин не вернула себе обычного веселого вида, не занялась полезной для дома деятельностью и не заинтересовалась шитьем, мать не смогла больше сдержать мягкого упрека:

— Кэтрин, дорогая моя, боюсь, что ты становишься слишком утонченной особой. Если бы бедному Ричарду не на кого было надеяться, кроме тебя, трудно сказать, сколько бы ему пришлось дожидаться своих шейных платков. Бат в твоей голове занял слишком большое место. Все мое время — для балов, и спектаклей, и для работы. Ты достаточно долго развлекалась, пора браться и за дело.

Кэтрин сейчас же принялась за шитье, сказав с подавленным видом, что «Бат в ее голове много места не занимает».

— Значит, ты себя слишком мучаешь из за генерала Тилни. С твоей стороны это глупо. Ставлю десять против одного, что ты его больше никогда не увидишь. Нечего огорчаться по пустякам.— Немного помолчав, она добавила: — Надеюсь, Кэтрин, ты не разлюбила свой дом отто

го, что он не столь богат, как Нортенгер? Если это случилось, поездка не принесла тебе пользы. Всегда надо быть довольной местом, в котором находишься, в особенности собственным домом,— здесь ведь придется провести большую часть жизни. Мне не очень понравилось, что за завтраком ты так расхваливала французские булки, которые пекутся в аббатстве.

— Но я на хлеб не обращаю внимания. Не все ли мне равно, что я ем.

— У нас наверху есть очень умная книга о молодых девицах, на которых дурное действие оказывают великосветские знакомства; кажется, она называется «Зеркало». Я ее какнибудь поищу — тебе будет полезно ее прочесть.

Кэтрин промолчала и, желая вести себя хорошо, углубилась в работу. Но через несколько минут она незаметно для себя самой снова оказалась во власти задумчивости и беспокойства и стала ерзать на стуле под действием угнетающей ее тоски гораздо больше, чем работать иглой. Миссис Морланд наблюдала за этим возвратом болезни. И, считая отсутствующий и разочарованный взгляд дочери достаточным подтверждением того, что ею завладел дух неудовлетворенности, которым, по мнению матери, целиком объяснялось ее плохое настроение, она поспешно вышла из комнаты, чтобы раздобыть упомянутую книгу и поскорее приступить к необходимому лечению. Чтобы найти требуемое, понадобилось какое-то время. Ее задержали и другие семейные обязанности, так что прошло четверть часа, прежде чем она смогла спуститься с томом, на который возлагались большие надежды. Из за шума, который она производила своими хлопотами, она не слышала прибытия посетителя. И когда она вошла в комнату, первым, кого она там увидела, оказался совершенно незнакомый ей молодой человек. Гость тотчас же почтительно встал и, будучи представлен ее смущенной дочерью в качестве «мистера Генри Тилни», извинился с идущей от природной деликатности приятной застенчивостью за свое бесцеремонное вторжение, признав, что после происшедшего в Нортенгере он не вправе ждать в Фуллертоне радужного приема, и объяснил свой приезд желанием убедиться, что мисс Морланд благополучно доехала. Он обращался не к пристрастному судье и не к озлобленному сердцу. Далекая от того, чтобы возлагать вину отца на детей, миссис Морланд питала к последним добрые чувства и, удовлетворенная впечатлением от его внешности, приняла мистера Тилни просто и приветливо, поблагодарив за

внимание к дочери, заверив его, что они с мужем рады друзьям своих детей, и попросив ни словом больше не вспоминать о случившемся.

Мистер Тилни не счел нужным с ней спорить, ибо, хотя и испытывал облегчение, вызванное таким неожиданным дружелюбием, все же не считал настоящий момент подходящим, чтобы продолжить разговор на ту же тему. Поэтому, молча вернувшись на свое место, он в течение нескольких минут весьма любезно отвечал миссис Морланд на обычные расспросы о состоянии дорог и о погоде. Между тем Кэтрин — возбужденная, трепетная, счастливая и торжествующая Кэтрин — хранила молчание. Но ее горящее лицо и сияющие глаза убедили миссис Морланд, что, по крайней мере на какое то время, этот благотворный визит облегчил душу дочери, а посему она охотно отложила первый том «Зеркала» до другого подходящего случая.

Рассчитывая на содействие мистера Морланда, чтобы ободрить гостя и помочь ему в поисках темы для беседы, и относясь с полным сочувствием к смущению молодого человека, вызванному поступком его отца, миссис Морланд почти сразу же послала кого то из детей за мужем. Но мистера Морланда, к сожалению, не оказалось дома. А без мужской поддержки им к исходу четверти часа больше не о чем было разговаривать. После некоторого молчания Генри, впервые в присутствии миссис Морланд, повернулся к Кэтрин и с внезапной непринужденностью спросил у нее — здесь ли находятся мистер и миссис Аллен. Уразумев суть ее многословного ответа, которую можно было выразить всего одним словом, он объявил, что хочет засвидетельствовать им свое почтение, и тут же спросил у нее, покраснев, не будет ли она любезна показать ему дорогу к их дому.

— Дом виден из этого окна, сэр! — объявила Сара, заслужив сдержанный поклон гостя за оказанную помощь и недовольный взгляд матери за неумение держать язык за зубами.

Как предположила миссис Морланд, истинным поводом для визита молодого человека к их почтенным соседям была потребность объяснить Кэтрин наедине поступок его отца. Поэтому она охотно согласилась, чтобы ее дочь пошла вместе с ним. Они отправились, и, как оказалось, миссис Морланд не совсем ошиблась в своих догадках. Некоторое объяснение отцовских действий у Генри и правда имелось. Но прежде ему было необходимо объяснить самому, и еще до того, как они дошли до Алле

нов, он это сделал с такой полнотой, что не оставил, по мнению Кэтрин, ничего для других подобных объяснений в ближайшем будущем. Заверив ее в своих чувствах, он спросил, может ли она ему ответить взаимностью, хотя оба они,— пожалуй, в равной степени,— в этом нисколько не сомневались. Ибо при том, что Генри был ею теперь по настоящему очарован, сознавал и ценил ее достоинства и искренне дорожил ее обществом, влюбленность его, я должна признаться, выросла не из чего иного, как из чувства благодарности,— другими словами,— единственной причиной, заставившей его серьезно к ней приглядеться, была уверенность в ее привязанности к нему. Подобная разновидность чувства совершенно необычна в романах и весьма унижительна для гордости героини. Но если она так же необычна в реальной жизни, пусть мне хотя бы принадлежит честь открытия этого дитяща необузданного воображения.

Весьма краткий визит к миссис Аллен, во время которого мистер Тилни рассуждал сбивчиво и бессвязно, а мисс Морланд, погруженная в созерцание своего невыразимого счастья, не размыкала губ, сменился для них прелестью нового *tete a tete*. И прежде, чем ему было суждено кончиться, Кэтрин ролучила возможность судить, насколько матримониальное предложение сына было одобрено его отцом. Вернувшись два дня назад из Вудстона, Генри был встречен невядалеке от аббатства нетерпеливым генералом, который раздраженно объявил ему об отъезде мисс Морланд и потребовал, чтобы он выкинул ее из головы.

Таково было отеческое благословение, основываясь на котором Генри сейчас просил ее руки. Опечаленная Кэтрин, несмотря на следовавшую из этого сообщения угрозу ее надеждам, не могла не оценить великодушной предусмотрительности Генри,— заранее заручившись ее согласием, он избавил ее от необходимости ответить отказом из уважения к ее отцу. И по мере того, как он излагал подробности, в ее душе все сильнее крепло чувство победного ликования. Генерал, оказывается, ни в чем не мог ее обвинить и ни за что не осуждал, кроме того, что она стала невольной причиной его ошибки, которой не прощала его гордость, но которую истинная гордость даже постыдилась бы признать. Она была виновна лишь в том, что оказалась не столь богатой, как он рассчитывал. Заблуждаясь относительно ее средств и положения в обществе, он приветствовал знакомство с ней в Бате, пригласил ее в Нортенгер и хотел, чтобы она стала его

невесткой. Обнаружив ошибку, он не нашел ничего лучшего, как выгнать ее из дома, хотя, на его взгляд, его раздражение против нее самой и презрение к ее семье выразилось в этом отнюдь недостаточно.

Первым, кто сбил его с толку, был Джон Торп. Однажды, находясь в театре и заметив, что его сын уделяет внимание какой-то мисс Морланд, генерал между прочим спросил у Торпа — знает ли он о ней что-нибудь, кроме ее имени. Довольный возможностью коротко поболтать с человеком высокого положения, Торп охотно и с гордостью поделился своими сведениями. Тогда со дня на день ждали обручения между Морландом и Изабеллой, и сам Торп намеревался жениться на Кэтрин. Поэтому он из тщеславия представил семью Морландов еще более богатой, чем это рисовалось его собственному тщеславию и алчному взору. Тем, с кем он был или надеялся быть связан, всегда надлежало ради его собственной значительности занимать высокое положение. И по мере его сближения с этими людьми они становились как бы все более богатыми. Состояние его приятеля Морланда, переоцененное Торпом с самого начала, стало с того дня, как он познакомил его с Изабеллой, непрерывно возрастать. И всего лишь удвоив, ради торжественного случая, ранее удвоенную сумму предполагаемых доходов мистера Морланда и его утроенный капитал, придумав этому семейству богатую тетушку и утопив половину детей, он представил его генералу в самом выгодном свете. Для Кэтрин же, привлеченной к себе особое внимание его собеседника и бывшей предметом его собственных матримониальных планов, Торп припас еще нечто особое. И десять или пятнадцать тысяч фунтов, которые якобы мог за ней дать ее отец, превратились лишь в неплохую прибавку к имению мистера Аллена. Ее близость к этой супружеской чете убедила его, что в будущем Кэтрин может рассчитывать здесь на немалое наследство, — основываясь на этом, он мог с легкостью выдавать ее за наследницу Фуллертонского поместья. И генерал начал действовать, доверившись этим сведениям. Сомнение в их достоверности не приходило ему в голову. Внимание Торпа к этой семье ввиду предполагавшегося брака между одним из ее членов и его сестрой, а также его собственные виды в отношении мисс Морланд (обстоятельство, которым он хвастался почти так же открыто) как будто служили достаточным подтверждением правдивости его слов. К этому добавлялось, что Аллены были богаты и бездет

ны, что мисс Морланд находилась на их попечении и что, как он в этом убедился лично после возникновения между ними знакомства, они проявляли о ней отеческую заботу. Решение генерала было принято безотлагательно. Он уже подметил в поведении сына признаки его склонности к мисс Морланд. И, будучи благодарен мистеру Торпу за предоставленные им сведения, генерал почти тотчас же решил не щадить усилий, чтобы расстроить лелеемые им планы, перехватив у него его хваленую добычу. Дети генерала разбегались тогда в его намерениях не больше, чем сама Кэтрин. Не понимая, чем она при ее положении в обществе смогла привлечь к себе такое исключительное внимание их отца, Генри и Элинора с удивлением отмечали внезапность, силу и постоянство его благосклонности. И хотя из некоторых намеков, сопровождавших подобный приказу отцовский совет,— не пренебрегать ничем, чтобы завоевать ее сердце,— Генри со временем понял, что генерал считает Кэтрин выгодной партией, он до последнего разговора в Нортенгере даже не подозревал о ложных отцовских расчетах. Их полную несостоятельность генералу открыл тот самый человек, который его на них натолкнул,— случайно встреченный им в Лондоне Торп. Под действием чувств, прямо противоположных прежним, досадуя на отказ Кэтрин выйти за него замуж, а еще более на неудачу его последней попытки помирить Морланда и Изабеллу (заставившую его поверить, что они разошлись навсегда), и утратив интерес к дружбе, которая уже не сулила ему никаких выгод, он поспешил опровергнуть все сообщенное им раньше для возвышения Морландов. Торп объяснил, что хвастовство его приятеля ввело его в заблуждение относительно их средств и общественного положения, что он считал мистера Морланда богатым и влиятельным человеком, хотя, как обнаружилось в последние три недели, он не вправе претендовать на эти качества, и что после щедрых посулов в связи с предполагавшимся браком между членами их семей мистер Морланд, припертый к стенке его, Торпа, натиском, вынужден был признаться в неспособности обеспечить молодую чету даже скромной поддержкой. Оказалось, что это совсем нищая семья, к тому же невероятно многочисленная и, как ему удалось установить совсем недавно, не пользующаяся никаким уважением у соседей. Они живут не по средствам, норовят улучшить свое положение посредством выгодных браков, и все, как один, людишки пронырливые, дошлые и хвастливые.

Ростбиф старой доброй Англии.
С картины У. Хогарта, 1749 г.

Ошеломленный генерал, взглянув вопросительно, упомянул фамилию Аллен, но и здесь Торп признал свою ошибку. Аллены, оказывается, достаточно прожили в соседстве с Морландами, чтобы узнать им цену. Кроме того, теперь стало известно имя молодого человека, которому со временем должно будет достаться Фуллертонское поместье. Этого генералу было довольно. Сердясь на всех в мире, кроме себя, он на следующий же день помчался в аббатство и распорядился там уже известным образом.

Предоставляю здравому смыслу читателя решить, какую часть всего этого Генри сумел в то время сообщить Кэтрин, какую — узнать от своего отца, в чем помогла ему его сообразительность и что еще должно было разъяснить письмо от Джеймса. Ради его, читателя, пользы, я объединила вместе то, что он должен разъединить ради моей. Кэтрин, во всяком случае, услышала вполне достаточно, чтобы почувствовать, как мало она преувеличила жестокость генерала, вообразив, что он убил или подверг пожизненному заточению свою жену.

Генри, вынужденный разоблачить подобным образом собственного отца, заслуживал сейчас почти такого же сострадания, как в то время, когда знакомился сам с этим впервые. Руководившие генералом низкие побуждения заставили его густо покраснеть. Разговор между отцом и сыном в Нортенгере был резок до крайности. Услышав, какая обида нанесена Кэтрин, и поняв, что имеет в виду и с чем приказывает ему смириться его отец, он протестовал открыто и смело. Генерал, который привык, что при всех обстоятельствах его воля в семье имела силу закона, допускавший только безмолвное инакомыслие, только свободу воли, которая не осмеливалась выражаться в словах, ответил на противодействие сына — твердое в меру того, что оно основывалось на заключениях разума и велениях совести,— приступом безудержного гнева. Однако при подобных обстоятельствах отцовский гнев мог возмутить, но не утратить убежденного в своей правоте сына. Генри сознавал, что он связан с мисс Морланд честью и сердцем. И, веря, что сердце, которое его раньше поощряли завоевать, им побеждено, он не мог — в угоду вызванному бессмысленной злобой противоположному указанию и вероломно отобранному молчаливому согласию — нарушить верность долгу и уклониться от следовавших из нее обязательств. Он наотрез отказался участвовать в поездке в Херефордшир, предпринятой наспех в качестве повода для изгнания Кэтрин, и так же твердо заявил, что будет просить ее руки. Генерал пришел от этого в ярость, и они расстались в состоянии решительной взаимной отчужденности. Переживая нервное потрясение, которое могло пройти только после пребывания в одиночестве, Генри на какое то время вернулся в Вудстон и во второй половине следующего дня прямо оттуда выехал в Фуллертон.

ГЛАВА XXXI

Мистер и миссис Морланд были немало удивлены, когда мистер Тилни попросил у них согласия на брак с их дочерью. До этого мысль о существовании сердечной склонности с той или другой стороны даже не приходила им в голову. Но так как в конце концов не было ничего неестественного в том, что в Кэтрин кто то влюбился, они вскоре

стали относиться к этому со счастливым чувством удовлетворенной гордости и в той мере, в какой дело зависело от них, были готовы пойти навстречу молодым людям. Хорошие манеры и разумное поведение юноши говорили в его пользу. И поскольку о нем не шло дурной славы, а подозревать плохое было им несвойственно, заменившая длительное знакомство собственная доброжелательность рекомендовала им его вполне достаточно.

— Бедная Кэтрин, конечно, окажется очень беспомощной молодой хозяйкой, — предположила ее мать. Однако она быстро утешилась тем, что все приобретается с опытом.

Короче говоря, имелось только одно препятствие, заслуживавшее упоминания. Но пока это препятствие не будет устранено, они все же не считали возможным согласиться на обручение. Морланды были людьми мягкими, но не отступавшими от твердых правил, и, поскольку отец юноши так резко возражал против предполагаемого союза, они не считали возможным этому союзу способствовать. Будучи людьми непритязательными, они не потребовали, встав в позу, чтобы генерал лично испросил для своего сына руки их дочери или хотя бы всей душой приветствовал эту женитьбу. Но приличное подобие разрешения с его стороны было необходимо, и, как только оно будет получено, — а сердце подсказывало им, что долго ждать этого не придется, — они охотно и незамедлительно дадут свое согласие. Отец должен *снять свой запрет* — требовалось только это. Они не желали, они не чувствовали себя вправе говорить о *деньгах*. В соответствии с брачным контрактом своих родителей Генри должен был получить достаточное наследство. Его средства в настоящее время обеспечивали ему независимость и необходимые жизненные удобства, и при самом скаредном подходе такое замужество оказывалось для их дочери более благоприятным, чем всякое другое, на которое она могла бы рассчитывать.

Такое решение не должно было удивить молодых людей. Оно их огорчило, причинило им боль, но не могло вызвать протеста с их стороны. И они расстались, утешая себя надеждой, что казавшаяся почти невозможной перемена в генерале совершится достаточно быстро, соединив их в блаженстве одобренного всеми союза. Генри вернулся туда, где отныне был его единственный дом, чтобы ухаживать там во славу Кэтрин за молодыми посадками, мечтая о том времени, когда они смогут трудиться вместе.

А Кэтрин осталась проливать слезы в Фуллертоне. Не станем любопытствовать, насколько боль разлуки смягчалась для них негласной перепиской. Мистер и миссис Морланд никогда этим не интересовались. Они были слишком добры, чтобы потребовать от дочери какогонибудь обещания по этому поводу. И если Кэтрин получала письмо, — а в те времена это случалось довольно часто, — они в такую минуту всегда смотрели куда то в сторону.

Беспокойство о будущем, ставшее на этой ступени их романа уделом Генри и Кэтрин, а также всех тех, кому они были дороги, едва ли доступно воображению читателей, которые, по предельной сжатости лежащих перед

ними заключительных страниц, уже почувствовали наше совместное приближение к всеобщему благополучию. Остается лишь разгадать обстоятельство, которое способствовало скорейшему бракосочетанию героя и героини. Какое событие могло подействовать на человека с таким нравом, как генерал Тилни? Больше всего на него повлияла свадьба дочери с богатым и знатным юношей, которая состоялась тем же летом. Ублаготворив тщеславие генерала, эта свадьба привела его в особо благодушное настроение, которое прошло лишь после того, как Элинор выговорила у него для Генри прощение вместе с разрешением «валать дурака, если это ему приспичило».

Замужество Элинор Тилни, ее избавление от всех горестей, которые дом, подобный Нортенгеру, должен был причинять ей после изгнания из него Генри, и ее переезд в дом, отвечавший ее вкусу, — вместе с человеком, выбранным также по вкусу, — явилось событием, обрадовавшим, как мне кажется, всех ее друзей и знакомых. Сама я радуюсь этому вполне искренне. Я не знаю никого, кто в большей мере, чем эта девушка, своими долгими страданиями и высокими душевными качествами заслуживал бы право на неомраченное счастье. Чувство к ее избраннику возникло в душе Элинор еще давно. Но недостаточно высокое положение в обществе лишало его возможности просить ее руки. Нежданно свалившиеся на него титул и состояние разрушили все преграды. И дочь, посвятившая отцу столько заботы и внимания и так много от него вытерпевшая, никогда еще не была так дорога генералу, как в ту минуту, когда он впервые обратился к ней со словами «ваша светлость». Муж Элинор вполне заслужил такую жену, будучи и впрямь, независимо от доставшихся ему титула, богатства и связей, самым обаятельным юношей на свете. Более пространного описания его достоинств не требуется — самый обаятельный юноша на свете всегда присутствует в нашем воображении. Относительно определенного юноши, который имеется в виду, могу лишь добавить (памятуя о законах композиции, запрещающих выводить на сцену не связанные с фабулой персонажи), что это был именно тот джентльмен, после пребывания которого в Нортенгере там заваялся, из за нерадивости слуги, сверток счетов от прачки, вызвавший одно из самых волнующих переживаний нашей героини.

Благотворное для Генри влияние виконта и виконтессы подкрепили сведения о подлинных средствах мистера Морланда, которые были любезно предоставлены генералу,

как только он оказался способным их воспринять. Из них следовало, что он едва ли был больше введен в заблуждение первоначальным хвастовством Торпа, расписавшего непомерные богатства семьи Морландов, чем его последним злонамеренным описанием их крайней нищеты, — что на самом деле эта семья вовсе не бедствует и даже ни в чем не нуждается и что за Кэтрин родители дают три тысячи фунтов приданого. По сравнению с прежним его представлением это выглядело настолько благоприятно, что существенно помогло генералу превозмочь свое упрямство. К тому же не осталось бесследным и полученное им не без некоторых хлопот частное сообщение, согласно которому Фуллертонским поместьем, свободным от каких либо наследственных обязательств, целиком располагал нынешний владелец, благодаря чему оно не было ограждено ни от каких будущих притязаний.

Под действием этих обстоятельств генерал вскоре после свадьбы Элинор разрешил сыну вернуться в Нортенгер и вручил ему свое письменное согласие, изложенное в занимавшем целую страницу витиеватом послании к мистеру Морланду. Событие, которому оно открыло дорогу, произошло незамедлительно. Бракосочетание Генри и Кэтрин состоялось, звонили колокола, все улыбались. И поскольку это случилось меньше чем через двенадцать месяцев после их первой встречи, едва ли ктонибудь скажет, что все огорчительные промедления, вызванные жестокостью генерала, заставили их страдать чересчур долго. Начать вполне счастливую совместную жизнь в возрасте соответственно двадцати шести и восемнадцати лет не так уж плохо. И, признаваясь в своем убеждении, что неблагоприятное вмешательство генерала, в конечном счете не повредившее их блаженству, было для них даже полезным, заставив их глубже узнать друг друга и укрепив их взаимную привязанность, я предоставляю тем, кого это касается, решить — служит ли эта книга прославлению родительской тирании или оправданию сыновнего непослушания.

МЭНСФИЛД
ПАРК

РОМАН

*Перевод
Р. Обионской*

MANSFIELD PARK

1814

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

ет тому тридцать мисс Марии Уорд из Хантингдона, имевшей всего семь тысяч фунтов, посчастливилось пленить сэра Томаса Бертрама из Мэнсфилд парка, что в графстве Нортгемптоншир, и таким образом возвыситься до положения жены баронета, владелицы прекрасного дома и значительного дохода со всеми вытекающими отсюда удобствами и возможностями. Весь Хантингдон пришел в восторг от столь замечательной партии, а ее дядя, адвокат, к тому же расстарался, чтоб у ней оказалось еще, по крайней мере, на три тысячи фунтов меньше, чем полагалось бы невесте такого лица. У ней были две сестры, коим ее успех должен был помочь в жизни; и те из знакомых, кто почитал наружность старшей мисс Уорд и мисс Франсис такою же привлекательной, как и мисс Марии, не колеблясь, прочили им столь же завидное замужество. Но, право, на свете куда меньше мужчин с большим состоянием, нежели хорошеньких женщин, которые их достойны. По прошествии шести лет мисс Уорд вынуждена была связать свою судьбу с другом своего зятя, преподобным мистером Норрисом, у кого, можно сказать, и состояния то никакого не было, а мисс Франсис преуспела и того менее. Благодаря попечению сэра Томаса, сумевшего предоставить своему другу место приходского священника в Мэнсфилде, брак мисс Уорд, в сущности, оказался не вовсе жалким, и семейное счастье четы Норрисов началось при доходе почти что в тысячу фунтов в год. А мисс Франсис вышла замуж, чтобы, как говорится, досадить своему семейству,

чего и достигла в полной мере, связав жизнь с моряком, лейтенантом без образования, состояния и связей. Трудно было бы сделать выбор неудачнее. Сэр Томас Бертрам, человек влиятельный, столько же из принципа, сколько из гордости, а также из свойственного ему желания поступать по справедливости и видеть всех своих близких устроенными благопристойно, с радостью употребил бы свое влияние на пользу сестре леди Бертрам; но профессия ее мужа была такова, что это оказалось ему не по силам; и еще прежде, нежели он успел измыслить какой либо иной способ помочь молодым супругам, между сестрами произошел совершенный разрыв. То было естественное следствие такого поведения обеих сторон, какое почти всегда вызывается опрометчивым браком. Желая избежать бесполезных увещаний, миссис Прайс написала обо всем семье, лишь когда бракосочетание уже совершилось. Леди Бертрам, наделенная характером на редкость покладистым и вялым, отчего ее трудно было вывести из равновесия, удовлетворялась бы тем, что просто махнула бы на сестру рукой и более не стала думать о произошедшем; но миссис Норрис, натура деятельная, не могла успокоиться, пока не написала Фанни длинное гневное письмо, в котором высказалась об ее безрассудном поведении и предвещала сестре всевозможные дурные последствия. Миссис Прайс, в свой черед, была уязвлена и разгневана; и ответное письмо, исполненное ожесточения против сестер и содержащее столь неуважительные замечания касательно сэра Бертрама, что миссис Норрис никак не могла сохранить его в тайне, надолго положило конец всяким отношениям между ними.

Они жили в таком отдалении друг от друга и вращались в кругах таких различных, что в последующие одиннадцать лет почти вовсе лишены были возможности получать вести друг о друге; во всяком случае, сэра Бертрама до крайности удивило, когда миссис Норрис вдруг сердито сообщила им — как она делала время от времени, — что у Фанни родился еще один ребенок. Но к концу этих одиннадцати лет миссис Прайс уже не могла долее позволить себе тешить свою гордость и обиду или пренебрегать родством, от которого можно было бы ждать помощи. Большая и все увеличивающаяся семья, муж, негодный к службе, однако же всегда готовый выпить в компании приятелей, и весьма скромные средства для удовлетворения всех нужд заставили ее вспомнить о родных, от которых она так беспечно отказалась; она написала к леди

Бертрам, и письмо ее свидетельствовало о таком искреннем раскаянии и унынии, о таком обилии детей и почти полном отсутствии чуть ли не всего прочего, что оно не могло не привести к всеобщему примирению. Миссис Прайс предстояли вскорости девятые роды, и, посетовав по сему поводу и прося о покровительстве ожидаемому младенцу, она не скрыла от родных, как важна была бы их поддержка для будущего благополучия ее восьмерых подрастающих отпрысков. Старшенький, красивый, живой мальчик, мечтает повидать мир, но как ему помочь? Не окажется ли он в дальнейшем полезен сэру Томасу в связи с его собственностью в Вест Индии? Ему подойдет самая скромная должность... А что скажет сэр Томас о Вулидже? Или, может быть, отправить мальчика на Восток?

Письмо оказало свое действие. Оно восстановило мир и благожелательность. Сэр Томас передал дружеские заверения и советы. Леди Бертрам отправила деньги и детское приданое, миссис Норрис присовокупила к этому письма.

Таковы были прямые последствия, но не прошло и года, как послание миссис Прайс принесло еще более весомые плоды.

Миссис Норрис часто говаривала, что бедняжка сестра и ее семейство не идут у ней из головы, и, как ни много уже для нее сделано, несчастная миссис Прайс, кажется, еще нуждается в помощи: надо бы ее полностью освободить от забот и трат, приходящихся на долю одного из ее многочисленных чад.

— Не взять ли нам на себя попечение об ее старшей дочери, девочке сейчас девять лет, этот возраст нуждается в большем внимании, нежели ей способна уделить бедняжка мать?хлопоты и расходы, каковые потребуются от родных, сущие пустяки по сравнению с таким благодеянием.

Леди Бертрам тотчас с нею согласилась.

— Лучше не придумаешь, — сказала она. — Надобно послать за девочкой.

Сэр Томас не мог одобрить эту мысль столь же быстро и безоговорочно; он размышлял и колебался: это дело серьезное, девочка, достойным образом воспитанная, должна быть и соответственно обеспечена, в противном случае, забрав ее из семьи, они совершат не добро, а жестокость. Он думал о своих четверых детях, о двоих сыновьях, о любви, что нередко вспыхивает у кузенов, и тому подоб

ном; но едва он стал осторожно высказывать свои возражения, как миссис Норрис прервала его и ответила на них все, высказанные и невысказанные.

— Любезный сэр Томас, я полностью вас понимаю и отдаю должное великодушию и деликатности ваших мнений, они, конечно же, всецело соответствуют вашим взглядам и поведению; я совершенно согласна с вами в главном, что касается до необходимости сделать все от нас зависящее, чтобы обеспечить дитя, за которое в известном смысле каждый из нас берет на себя ответственность. И уж конечно, ради такого случая я тоже внесу свою скромную лепту. Не имея собственных детей, кого же, кроме детей моих сестер, могу я почитать достойными той малости, что у меня есть?.. И я уверена, мистер Норрис уж такой справедливый, что... ну да вы знаете, не мастерица я говорить и заверять. Да не убоимся мы доброго дела из за пустяка. Дайте девочке образование и надлежащим образом подготовьте ее к вступлению в жизнь, и можно ставить десять против одного, что все наладится безо всяких дополнительных расходов с чьей либо стороны. Скажу прямо, нашей племяннице, или, уж во всяком случае, вашей, сэр Томас, ежели она вырастет в здешних местах, откроется множество возможностей. Не говорю, что в ней так же будет видна порода, как в ее кухнях. Боюсь, что нет; но она будет введена в общество при столь благоприятных обстоятельствах, что, по всей вероятности, займет в нем подобающее место. Вы думаете о своих сыновьях... Но неужто вы не понимаете, что уж этого менее всего можно опасаться — ведь они стали бы расти вместе, как братья и сестры? То, чего вы страшитесь, совершенно невозможно. Я не знаю тому ни единого примера. Напротив, это самый верный способ предотвратить нежелательные отношения. Представьте, ежели она хорошенькая и Том или Эдмунд увидят ее впервые через семь лет, вот тут, смею сказать, жди беды. Самой мысли, что ей пришлось расти в отдалении ото всех нас, в бедности и небрежении, было бы довольно, чтобы любой из наших милых, добросердечных мальчиков в нее влюбился. Но ежели воспитывать ее с этих пор вместе с ними и пускай она окажется даже ангельски хороша, все равно она будет для них всего только сестрою.

— В ваших словах много правды, — отвечал сэр Томас, — и у меня и в мыслях не было воздвигать воображаемые препятствия перед планом, каковой так сообразуется с положением всех родственников. Я лишь хотел остеречь

Портрет дамы
С картины Т. Лоуренса.

от поспешных решений, и, чтобы это действительно принесло пользу миссис Прайс и послужило к нашей чести, надо обеспечить девочку или почитать нашу обязанностью обеспечить ее, как пристало женщине нашего сословия, в будущем, когда в том возникнет необходимость, ежели судьба ее сложится не столь благополучно, как вы с такой уверенностью предсказали.

— Я совершенно вас понимаю! — воскликнула миссис Норрис. — Вы само великодушие и внимательность, и нам тут, конечно же, не о чем спорить. Вы ведь знаете, ради блага тех, кого я люблю, я на все готова; и хотя никогда я не буду питать к этой девочке и сотой доли тех чувств, какие питаю к вашим милым деткам, потому как никоим образом не могу почитать ее до такой степени своею, однако же, я не прощу себе, ежели не стану об ней заботиться. Разве она не дитя моей сестры? И возможно ли для

меня не поделиться с нею, ежели она будет в нужде, последним куском? Любезный сэр Томас, при всех моих недостатках у меня доброе сердце; и какая я ни бедная, а скорее откажу себе в самом необходимом, чем поступлю невеликодушно. Так что, ежели вы не против, я завтра же напишу к моей бедняжке сестре и сделаю ей это предложение; и коль скоро все будет улажено, сама озабочусь доставить девочку в Мэнсфилд, вам не надобно об этом беспокоиться. Вы ведь знаете, я не считаю за труд лишний раз побеспокоиться. Я нарочно для того пошлю в Лондон Ненни, она остановится у своего родича шорника, и мы условимся, чтобы девочка там с нею и встретилась. Ее запросто могут отправить из Портсмута в Лондон почтовой каретою, препоручив заботам любого внушающего доверие попутчика. Среди пассажиров уж непременно окажется жена какого нибудь почтенного торговца.

Сэр Томас запротестовал единственно против родича Ненни, других возражений у него не нашлось, тем самым место встречи заменили более пристойным, хотя и не столь экономным; было сочтено, что все устроилось, и они уже заранее наслаждались своим великодушным поступком. Строго говоря, радость, какую они испытывали, не должна была бы быть одинакова, ибо сэр Томас исполнился решимости стать истинным и неизменным покровителем маленькой избранницы, тогда как миссис Норрис не имела ни малейшего намерения входить в какие либо расходы на ее содержание. Что до прогулок, разговоров, всяческих замыслов, тут миссис Норрис было не занимать щедрости, и никто не превзошел бы ее в искусстве требовать широты натуры от других; но любовь к деньгам была у ней равна любви распоряжаться, и потратить денешки своих родных она умела не хуже, чем сберечь свои кровные. Выйдя замуж за человека с доходом более скромным, чем ей хотелось бы, она поначалу вообразила, будто необходимо во всем соблюдать весьма строгую экономию; и то, чему сперва была причиною вынужденная расчетливость, в скором времени пришлось ей по вкусу, стало предметом неустанного попечения, обыкновенно направляемого на детей, коих у ней не было. Ежели надо было бы содержать большое семейство, миссис Норрис никогда не сберегла бы свои деньги; но такой заботой она не была обременена, и оттого ничто не препятствовало ее бережливости и не убавляло довольства, какое приносил доход, что ежегодно пополнялся и превышал их надобности. Увлеченная страстью к накопительству и при этом не питая

истинной привязанности к сестре, она готова была претендовать единственно на честь придумать и привести в действие столь дорогостоящую благотворительность; хотя, могло статься, она так плохо себя знала, что после беседы с сэром Томасом возвращалась домой в счастливой уверенности, будто, кроме нее, нет на свете сестры и тетушки, которой присуща была бы такая широта натуры.

Когда разговор о сем предмете зашел вновь, она высказалась более определенно, и в ответ на безмятежный вопрос леди Бертрам — «Куда девочку сперва привезут, сестра, к тебе или к нам?» — сэр Томас не без удивления услышал, что миссис Норрис ни в коем случае не может взять на себя присмотр за нею. Сэр Томас полагал, что в доме приходского священника, у тетушки, не имеющей своих детей, девочке будут особенно рады, но оказалось, он сильно ошибался. Миссис Норрис с огорчением сказала, что поселить у них ребенка и думать нечего, по крайней мере, при их теперешних обстоятельствах. Из за незавидного состояния здоровья бедняжки мистера Норриса это никак невозможно: он столь же не в силах переносить шум, связанный с пребыванием в доме ребенка, как летать. Если его перестанет мучить подагра, тогда, конечно, другое дело. Сама она не посмотрит ни на какие неудобства и, в свой черед, будет с радостью брать племянницу к себе. Но как раз сейчас все ее время до минуты отдано бедняжке мистеру Норрису, с ним даже заговорить об этом нельзя, он наверняка тотчас расстроится.

— Тогда лучше ей приехать к нам, — невозмутимо заявила леди Бертрам.

И сэр Томас, подумав, прибавил с достоинством:

— Да, пускай ее дом будет у нас. Мы постараемся исполнить свой долг по отношению к ней, и для нее, по крайней мере, уже то будет хорошо, что она найдет сверстников и опытную гувернантку.

— Воистину так! — воскликнула миссис Норрис, — оба эти соображения очень важные, и мисс Ли, конечно же, все равно трех девочек учить или только двух — никакой разницы. Я и рада бы оказаться более полезной, но сами видите, я делаю все, что в моих силах. Я не из тех, кто избегает хлопот, Ненни непременно поедет за нею, как бы ни трудно мне было на три дня остаться без моей главной помощницы. Я думаю, сестра, ты поместишь девочку в белую комнатку наверху, рядом с бывшей детской. Это для нее самое подходящее место, совсем рядом с мисс Ли, и недалеко от девочек, и до горничных рукой подать,

любая поможет ей одеться и присмотреть за одеждой, ты ведь, конечно, не думаешь, что Эллис или кто другой должен ей прислуживать как нашим девочкам. Право, не вижу, куда бы еще ты могла ее поместить.

Леди Бертрам не возражала.

— Надеюсь, она девочка добронравная и будет понимать, какое ей выпало редкостное счастье иметь таких покровителей, — продолжала миссис Норрис.

— Если же нрав у ней окажется дурной, мы из за наших собственных детей не сможем оставить ее у нас, — сказал сэр Томас. — Но у нас нет оснований ждать такой беды. Многие в ней нам, вероятно, захочется изменить, и надо быть готовыми к вопиющему невежеству, к некоему убожеству взглядов и весьма неприятной вульгарности манер, но эти недостатки не из числа неисправимых, или, во всяком случае, они не опасны для окружающих. Будь она старше моих дочерей, я бы счел, что ввести ее в дом зятя весьма рискованная, но при том, как обстоит дело, надеюсь, эта близость им ничем не повредит, а ей всячески пойдет на пользу.

— Я думаю в точности так же и это самое говорила сегодня утром мужу, — воскликнула миссис Норрис. — Уже одно то, что она окажется в обществе своих кузин, будет способствовать ее воспитанию. Даже если ее ничему не научит мисс Ли, она наберется ума и благородства у них.

— Надеюсь, она не станет дразнить моего мопсика, — сказала леди Бертрам. — Мне едва удалось отвадить от него Джулию.

— Нам предстоит одна сложность, миссис Норрис, — заметил сэр Томас. — Речь идет о надлежащем различии, которое должно существовать между девочками, когда они подрастут: как сохранить у моих дочерей сознание, кто они такие, без того, чтобы они ставили кузину слишком уж низко, и как, не чересчур омрачая ее настроение, не дать ей забывать, что она отнюдь не мисс Бертрам. Я не против, чтобы они подружились, и никак не стал бы поощрять в своих дочерях ни малейшего высокомерия по отношению к их родственнице, но все же она им не ровня. Их положение, состояние, права, виды на будущее всегда будут несравнимы. Тут требуется величайшая деликатность, и вы должны нам помочь в наших стараниях избрать верную линию поведения.

Миссис Норрис заверила зятя, что она всецело к его услугам, и, хотя вполне согласна, что задача это нелегкая,

конечно же, он может надеяться, что уж они то справятся с ней без труда.

Легко поверить, что миссис Норрис написала сестре не напрасно. Миссис Прайс несколько удивилась, что выбор остановили на девочке, когда у ней столько прекрасных мальчиков, но с благодарностью приняла предложение и заверила родных, что ее дочь девочка благонравная, добросердечная и, она надеется, у них не будет причины отослать ее обратно. Далее она писала, что девочка хрупкая и слабенькая, но от перемены обстановки, без сомнения, окрепнет. Бедная женщина, вероятно, думала, что перемена обстановки пошла бы на пользу всем ее многочисленным детям.

ГЛАВА 2

Девочка благополучно совершила долгое путешествие до Нортгемптона, где ее встретила тетушка Норрис, гордая своим великодушием и своей миссией — приветствовать племянницу, ввести в дом родных и вверить их доброте.

Фанни в ту пору было ровно десять лет, и хотя при первом знакомстве ее наружность ничем особенным не привлекла, но ничем и не оттолкнула. Для своих лет была она маленькая, личико без румянца, без иных бросающихся в глаза признаков красоты; до крайности застенчивая и робкая, она избегала привлекать к себе внимание; но в ее манерах, хотя и неловких, не ощущалось никакой вульгарности, голосок был нежный, и, когда она разговаривала, видно было, как она мила. Сэр Томас и леди Бертрам приняли ее очень сердечно, сэр Томас, видя, как она нуждается в ободрении, старался всячески ее приветить, но натолкнулся на весьма неуместную замкнутость, а леди Бертрам не приложила и половины его усилий, и там, где он произносил десяток слов, обходилась одним, но благодаря всего лишь ее добродушной улыбке девочка сразу же стала дичиться ее куда меньше, чем сэра Томаса.

Юное поколение всё находилось дома и охотно, без замешательства внесло свою долю в церемонию знакомства, по крайней мере, это можно было сказать о сыновьях, кои в свои семнадцать и шестнадцать не по годам высокие, показались маленькой кухне воплощением муж

ского великолепия. Девочки же, обе моложе братьев и куда больше братьев трепетавшие перед отцом, который обратился к ним в этот час с непомерной торжественностью, были несколько смущены. Но слишком привыкшие быть на людях и слышать похвалы в свой адрес, они не знали ничего похожего на истинную робость, и неуверенность кузины лишь прибавила им уверенности, так что скоро они уже со спокойным равнодушием принялись разглядывать ее лицо и платье.

В семействе Бертрам дети были как на подбор, сыновья хороши собой, девочки, можно сказать, настоящие красавицы, и все высокие, статные не по летам, и наружностью они отличались от кузины столь же разительно, как и манерами, отшлифованными воспитанием; и никому бы и в голову не пришло, что девочки так близки друг другу по возрасту. Младшую сестру и Фанни разделяли всего два года. Джулии Бертрам было только двенадцать, а Марии всего на год больше. Меж тем маленькая гостья чувствовала себя глубоко несчастной. Всех их она боялась, стыдилась себя, тосковала по оставленному дому и оттого не смела поднять глаз и говорила едва слышно или сквозь слезы. Всю дорогу от Нортгемптона миссис Норрис твердила, какое поразительное ей выпало счастье, и как велика должна быть ее благодарность, и как примерно следует себя вести, и вот теперь девочка страдала еще более от сознания, что это дурно — не чувствовать себя счастливой. Скоро оказала себя еще и усталость от столь долгого путешествия. Напрасны были исполненные самых добрых побуждений снисходительность сэра Томаса и настойчивые предсказания тетушки Норрис, что девочка будет хорошей, напрасно улыбалась леди Бертрам и усадила ее на диван рядом с собою и с мопсом, не утешил даже пирог с крыжовником; она и двух кусочков не съела, как опять полились слезы, и, подумав, что всего лучше ее успокоит сон, ее уложили в постель и оставили избывать свои горести.

— Начало не очень многообещающее, — сказала миссис Норрис, когда Фанни вышла. — После всего, что я говорила ей дорожкою, я думала, она будет вести себя лучше; я объяснила, как важно ей произвести хорошее впечатление при первой встрече. Хотела бы я, чтобы в ней не было и толики угрюмости — ее мать, бедняжка, всегда этим отличалась; но нам не следует забывать, что она еще ребенок, и вряд ли ей можно ставить в вину, что она горюет, расставшись со своим домом, ведь, какой ни есть, это и вправду ее дом, и ей

еще не понять, как изменится к лучшему ее жизнь; но все таки во всем должно соблюдать умеренность.

Однако, чтобы Фанни примирилась с незнакомым ей прежде Мэнсфилд парком и с разлукой со всем, к чему привыкла, потребовалось больше времени, чем склонна была ей дать тетушка Норрис. Всю остроту ее чувств толком не понимали и потому относились к ним без должного внимания. Никто не желал ей зла, но никто не собирался утруждать себя ради ее спокойствия.

Свободный от занятий день, который на завтра предоставили девочкам Бертрам, чтобы они не спеша познакомились со своей маленькой кузиной и развлекли ее, никак их не сблизил. Узнав, что у ней всего две ленты и что она никогда не занималась французским, они потеряли к ней интерес; а когда поняли, что, милостиво исполнив для нее дуэт на фортепиано, никак ее не поразили своим искусством, им только и пришлось в голову щедро одарить ее кое какими наименее любимыми своими игрушками и предоставить ее самой себе, а потом они принялись за одно из тех занятий, каким в ту пору отдавали предпочтение в свободное время — стали делать искусственные цветы или попусту переводить золотую бумагу.

Рядом с кузинами или поодаль от них, в классной ли комнате, в гостиной, в садовой аллее, Фанни все время чегонибудь в комнибудь боялась, и всюду она чувствовала себя несчастной и одинокой. Молчание леди Бертрам угнетало ее, серьезное лицо сэра Томаса внушало благоговейный страх, а наставления тетушки Норрис совсем подавляли. Кузины, старше нее по возрасту, унижали ее разговорами о том, что она слишком мала ростом, приводили в смущенье, замечая ее робость. Мисс Ли дивилась ее невежеству, горничные с презрением смотрели на ее платье; эти горести становились еще горше из за мыслей о сестрах и братьях, для которых она была неизменной участницей игр, наставницей и нянькой; глубокая печаль снедала ее детское сердечко.

Великолепие дома Бертрамов поражало ее, но утешить не могло. Комнаты были слишком велики, она чувствовала себя в них скованно, она боялась дотрагиваться до вещей — как бы чего не испортить, и двигалась по дому с опаской, вечно чего то страшась; часто уходила в свою комнату поплакать; и та самая девочка, о которой, когда она вечером покидала гостиную, говорили, что она, как и хотелось бы, кажется, сознает, какое редкостное ей выпало счастье, каждый исполненный горестей день засыпала в слезах. Так прошла неделя, и по ее тихому покорному поведению никто

ничего не подозревал, пока однажды утром ее кузен Эдмунд, младший из сыновей четы Бертрам, не застал ее плачущей на лестнице, ведущей наверх.

— Милая кузиночка, — сказал он с присущей его превосходной натуре мягкостью, — что такое случилось? — И, севши рядом с нею на ступеньку, он всеми силами старался преодолеть ее смущение оттого, что ее застали врасплох, и уговаривал открыться ему. — Может быть, ей нездоровится? или ктонибудь на нее рассердился? или она повздорила с Марией или Джулией? или чего то не поняла из урока, он с радостью ей объяснит? Иными словами, не хочет ли она, чтобы он чтонибудь ей принес или чтонибудь для нее сделал?

Долгое время ему только и удавалось от нее услышать, что «нет, нет... вовсе нет... нет, спасибо», но он все не отступался, и, лишь когда заговорил об ее родном доме, усилившиеся рыдания объяснили ему, из за чего она горюет. Он попытался ее утешить.

— Ты тоскуешь в разлуке с мамой, милая моя Фанни, — сказал он, — а это значит, что ты очень хорошая девочка. Но помни, Фанни, ты ведь сейчас у родных, у друзей, тебя все любят и все хотят, чтобы тебе было хорошо. Давай выйдем в парк, и ты мне расскажешь про своих братьев и сестер.

Продолжая расспрашивать, Эдмунд понял, что, как ни милы девочке все ее братья и сестры, есть среди них один, кто ей всех дороже. Это Уильям, об нем она говорила больше всего, об нем больше всего тосковала. Уильям, старший брат, годом старше нее, постоянный ее собеседник и друг, во всякой беде защитник перед матерью (которая любит его более всех остальных). Уильям не хотел, чтобы она уезжала... говорил, что будет очень о ней скучать.

— Но уж наверно Уильям будет писать тебе письма. Да, он обещал, но сказал, пускай первая напишет она.

— И когда ж ты напишешь?

Фанни опустила голову и ответила, запинаясь, что не знает, у ней нет ни листка бумаги.

— Если вся беда в этом, я дам тебе бумагу и все необходимое, и можешь писать к брату, когда тебе вздумается. Ты будешь довольна, если сможешь ему писать?

— Да, очень.

— Тогда не надо откладывать. Идем со мной в малую гостиную, там мы найдем все, что нужно, и никто нам не помешает, там сейчас никого нет.

— Кузен... а на почту письмо попадет?

— Конечно, это уж моя забота; его отправят со всеми остальными письмами; твой дядя заранее оплатит его и оно не введет Уильяма в расход.

— Дядя! — испуганно повторила Фанни.

— Когда напишешь, я отнесу письмо папеньке, и он его франкирует.

Фанни подумала, что это будет дерзость, но больше противиться не стала; и они вместе пошли в малую гостиную, там Эдмунд достал бумагу и разлиновал ее с такой охотой, будто сам Уильям, только, пожалуй, еще аккуратнее. Он оставался с Фанни все время, пока она писала, и, если надобно, пускал в ход свой перочинный ножик или говорил, как пишется то или иное слово, и сверх этих забот, на которые она отзывалась всей душой, выказал благожелательность к ее брату, что более всего обрадовало ее. Собственной рукою он приписал привет своему кузену Уильяму и, прежде чем запечатать письмо, вложил в него полгинеи. По этому случаю на Фанни нахлынули такие чувства, что, ей казалось, она не способна их выразить, но само ее лицо и несколько безыскусственных слов в полной мере передали ее признательность и восторг, и теперь кузен почувствовал к ней интерес. Он еще поговорил с нею, и все ею сказанное убедило его, что у ней любящее сердце и она полна желания вести себя наилучшим образом; и ему ясно стало, что крайняя уязвимость положения, в котором она оказалась, и крайняя робость и впредь дают ей право на внимание. Прежде он никогда сознательно не обижал ее, но теперь почувствовал, что она нуждается в большей доброте, и потому прежде всего старался умалить ее страх перед окружающими, да еще надавал ей множество добрых советов, вроде того, что надобно играть с Марией и Джулией и быть как можно веселее.

С этого дня Фанни стало уютнее. Она поняла, что у ней появился добрый друг, и от этого стала держаться уверенней со всеми остальными. Мэнсфилд парк уже не казался таким чужим, а его обитатели такими грозными, и, если кое кого она еще побаивалась, она хотя бы постепенно узнавала их привычки и училась наилучшим образом к ним применяться. Некоторая достойная сожаления неотесанность и угловатость, что поначалу доставляли неприятные минуты всем, и прежде всего ей самой, сгладились, как тому и следовало быть, и она уже, в сущности, не боялась показываться на глаза дяде и не слишком пугалась, услышав голос тетюшки Норрис. Теперь кузины уже не тяготились ею и приглашали изредка в свои игры. Хотя, оттого что была

она моложе и слабее, они не считали, что она достойна постоянно проводить время в их обществе, но в удовольствиях и забавах им иной раз бывало не обойтись без третьего, да еще когда этот третий такой услужливый и покладистый; и если тетушка расспрашивала их об ее промахах или брат Эдмунд убеждал их, что Фанни вправе рассчитывать на их доброту, они не могли не признать, что «Фанни довольно милая».

Сам Эдмунд был неизменно добр, а что до Тома, она не видела от него ничего плохого, он всегда слегка над нею подшучивал, семнадцатилетнему юноше это казалось подходящим обращением с десятилетним ребенком. Том только еще вступал в жизнь, радость была в нем ключом, и, как истый старший сын, чувствующий, что рожден лишь для того, чтобы сорить деньгами и получать удовольствие, он был расположен ко всем и вся. Доброту по отношению к маленькой кузине он выражал в полном согласии со своим положением и правами: иной раз делал ей милые подарки и посмеивался над нею.

Когда наружность и настроение девочки улучшились, сэр Томас и тетушка Норрис стали думать о своем благодеянии с еще большим удовлетворением; и очень скоро между ними было решено, что хотя умной ее никак не назовешь, зато она выказала склонность к послушанию и, пожалуй, особых хлопот с ней не будет. Невысокого мнения об ее способностях придерживались не только они. Фанни и умела всего лишь читать, рукодельничать да писать, ничему другому ее не научили; и когда кузины обнаружили, что она понятия не имеет о многом, с чем сами они давно знакомы, они сочли ее невероятной тупицею, и первые две три недели в подтверждение этого то и дело рассказывали в гостиной чтонибудь новенькое.

— Мамочка, дорогая, вы только подумайте, кузина не может правильно расположить ни одно государство на карте Европы... Или — кузина не может показать главные реки России... Или — она слыхом не слыхала про Малую Азию... Или — она не знает, какая разница между акварельными красками и цветными карандашами!.. Как же так!.. Вы когданибудь слышали о такой тупости?

— Это, конечно, нехорошо, детка, — вступалась тактичная тетушка, — но нельзя ждать, чтобы все и каждый были такими же развитыми да способными, как ты сама.

— Но, тетушка, она уж такая невежда! Вы знаете, вчера вечером мы ее спросили, в какую сторону она поедет, чтобы попасть в Ирландию, и она сказала, она переправится на

остров Уайт. Она только и думает что об острове Уайт, она называет его просто Остров, будто других островов вообще нет на свете. Да я бы сгорела со стыда еще задолго до ее лет, если б вот так ничего не знала. Я уж и не помню, с каких пор я знаю много всего, об чем она еще и сейчас не имеет ни малейшего понятия. Тетушка, мы ведь давным давно выучили, какие короли были в Англии, кто после кого взшел на престол и какие при этом были важнейшие события.

— Да, и римских императоров давно знаем, еще с Северия, — прибавила вторая кузина. — Да сколько языческих мифов, и все металлы, и металлоиды, и планеты, и знаменитых философов.

— Ну конечно, мои дорогие, но господь наградил вас обеих замечательной памятью, а у вашей бедняжки кузины, может, и вовсе ее нет. Память бывает очень разная, как и все прочее, и потому надобно быть снисходительными к кузине, сожалеть об ее несовершенстве. И запомните, если вы такие сами умницы и так преуспеваете в ученье, вам надобно быть скромными; потому что, сколько бы вы уже ни знали, вам предстоит узнать еще куда больше.

— Да, конечно, до того, как мне исполнится семнадцать. Но я еще расскажу вам про Фанни, это так странно и так глупо. Вы знаете, она говорит, что не хочет учиться музыке и рисованию.

— Конечно, моя дорогая, это и вправду очень глупо и показывает, как основательно ей недостает способностей и стремления к самоусовершенствованию. Но если хорошенько подумать, пожалуй, так оно и лучше, потому что хотя, как вы знаете (благодаря мне), ваши папенька и маменька по доброте своей воспитывают ее вместе с вами, однако же ей вовсе нет надобности быть такой же образованной, как вы, — напротив того, гораздо желательней, чтоб в этом было некоторое отличие.

Таковы были советы, с помощью которых миссис Норрис старалась воспитать души своих племянниц; и не удивительно, что при всех их многообещающих талантах и рано приобретенных знаниях, они были вовсе лишены не столь широко распространенных склонностей к самопознанию, великодушию и смирению. Они получали превосходное воспитание, которое касалось всего, кроме их характера. Сэр Томас не знал, чего им недостает, потому что, хотя и относился к отцовским обязанностям поистине ревностно, внешне отцовскую любовь не проявлял, и его сдержанность мешала детям давать при нем волю чувствам.

Леди Бертрам не уделяла образованию дочерей ни малейшего внимания. Для подобных забот у ней не хватало времени. Нарядно одетая, она целыми днями сидела на диване и занималась каким-нибудь бесконечным рукоделием, никому не нужным и некрасивым, думая при этом все больше о своем мопсе, а не о детях, но относилась к ним очень снисходительно, если только они не докучали ей, и во всех важных делах следовала советам сэра Томаса, а в заботах помельче — своей сестры. Будь у нее больше свободного времени, чтобы посвятить его дочерям, она бы, вероятно, сочла, что в этом нет необходимости, ведь они на попечении гувернантки, и у них прекрасные учителя, чего же еще надобно. А что до Фанниной тупости в ученье, «можно только сказать, это весьма прискорбно, но иные люди и вправду тупы, так что Фанни должна стараться, не жалея сил; ничего другого тут не придумаешь; и надобно прибавить, что, кроме такой неспособности, она, леди Бертрам, не видит в бедняжке ничего плохого, к тому же девочка всегда так ловко и проворно исполняет поручения и приносит все, за чем ее ни пошлешь».

При всей своей робости и пробелах в знаниях Фанни прижилась в Мэнсфилд-парке и, постепенно привязываясь к нему все сильнее, почти как к родному дому, росла не вовсе безрадостно в окружении кузенов и кузин. Мария и Джулия были не злы по натуре, и, хотя своим поведением нередко унижали Фанни, она была о себе такого невысокого мнения, что не чувствовала обиды.

Примерно в ту пору, когда она вошла в семью, леди Бертрам, из-за небольшого нездоровья и великой лени, отказалась от дома в Лондоне, где прежде проводила каждую весну, и жила теперь постоянно за городом, предоставив сэру Томасу исполнять его обязанности в парламенте и жить отныне с большим, а быть может, и с меньшим комфортом, вызванным ее отсутствием. Тем самым за городом обе мисс Бертрам продолжали упражнять память, разучивать на фортепиано дуэты и становились высокими и женственными; и их отец видел, что наружностью, поведением и достоинствами они делались такими, какими ему и хотелось их видеть. Старший сын рос беспечным расточителем и уже доставил отцу немало тревог; но от остальных детей можно было ждать только хорошего. Дочери, пока носят имя Бертрам, будут лишь способствовать его украшению, а расставшись с ним, без сомнения, соединят свое семейство с другими, столь же почтенными и родовитыми; характер же Эдмунда, отменный здравый смысл и сильно развитое

чувство справедливости служили наилучшим образом к пользе, чести и счастью его самого и всех его близких. Ему предстояло стать священником.

За довольством и заботами, которые доставляли сэру Томасу собственные дети, он не забывал делать все возможное для детей миссис Прайс; он щедро помогал ей в образовании и дальнейшем устройстве сыновей, когда они достаточно подросли и пора было избрать для них постоянное поприще; и Фанни, хотя почти вовсе разлученная со своей семьей, искренне радовалась всякий раз, как слышала о любом проявлении доброты по отношению к ним, любой малости, что сулила перемены к лучшему в их положении и поведении. Однажды, всего лишь однажды за многие годы ей выпало счастье побыть с Уильямом. Остальных же она никогда не видела; казалось, никто и не думал, что она когданибудь опять придет к ним, пусть даже только погостить, казалось, дома никому она не нужна; но Уильяма, вскорости после ее отъезда решившего стать моряком, перед уходом в плаванье пригласили в Нортгемптоншир провести неделю с сестрой. Горячую привязанность, проявившуюся при встрече, беспредельный восторг оттого, что они вместе, часы радостного веселья и минуты серьезных разговоров — все это можно представить; так же как бодрость и радость жизни, не оставлявшие брата даже и в последние минуты, и горе сестры, когда он уехал. По счастью, он гостил в Мэнсфилд парке в рождественские праздники, и Фанни могла сразу же искать утешения у кузена Эдмунда; а он чудесно живописал ей, чем Уильяму предстоит заниматься сейчас и кем он станет в дальнейшем, и постепенно Фанни пришлось признать, что в их разлуке, возможно, есть кое какой смысл. Дружба Эдмунда никогда ее не обманывала: окончание Итона и переход в Оксфорд ничуть не изменили его доброго нрава, лишь дали ему возможность чаще проявляться. Нисколько не кичась тем, что делает больше других, и нисколько не опасаясь, что делает слишком много, он неизменно и преданно пекся о благе девочки и со вниманием относился к ее чувствам, стараясь, чтобы ее достоинства были поняты и чтобы она преодолела неуверенность в себе, которая мешала им стать более очевидными; она находила у него советы, утешение и ободрение.

Все прочие мало ею интересовались, и поддержка его одного не могла приблизить к ним Фанни, однако же его внимательность была чрезвычайно важна в другом отношении: помогала совершенствовать ее ум и расширять получаемые от этого удовольствия. Он знал, что она девочка смы

шленная, понятливая, к тому же исполнена здравомыслия и любви к чтению, которое, должным образом направленное, уже само по себе есть образование. Мисс Ли учила ее французскому и слушала, как она читает ежедневный урок из истории; но Эдмунд рекомендовал ей книги, которые завораживали ее в часы досуга, он развивал ее вкус и поправлял ее суждения; чтение шло ей на пользу, так как Эдмунд беседовал с нею о прочитанном и благоразумной похвалою делал книгу еще привлекательнее. В ответ на его помощь Фанни любила его более всех на свете, кроме Уильяма; сердце ее принадлежало им двоим.

ГЛАВА 3

Первое важное событие в семье, смерть мистера Норриса, произошло, когда Фанни было около пятнадцати лет, и за ним неизбежно последовали перемены и новшества. Расставшись с домом приходского священника, миссис Норрис сначала переехала в Мэнсфилд парк, а после в деревню, в скромный домик, принадлежащий сэру Томасу, и в потере мужа утешилась мыслью, что прекрасно может обойтись без него, а в сокращении своих средств — очевидною необходимостью более строгой экономии.

Приход предназначался Эдмунду, и, умри его дядюшка несколькими годами ранее, он был бы отдан кому то из знакомых священнослужителей, чтобы перейти к Эдмунду, когда возраст позволит ему принять сан. Но расточительство Тома, предшествовавшее этому событию, было столь велико, что пришлось передать освободившееся место другому кандидату, и младший брат вынужден был расплачиваться за удовольствия старшего. Имелся и другой семейный приход, который, в сущности, придерживали для Эдмунда; но хотя благодаря сему обстоятельству совесть мучила сэра Томаса и несколько меньше, он полагал подобный выход из положения несправедливым и всячески старался внушить это убеждение старшему сыну, в надежде, что оно подействует куда более, нежели все то, что он говорил или делал прежде.

— Мне стыдно за тебя, Том, — с величайшим достоинством сказал он. — Мне стыдно за то средство, к которому я вынужден прибегнуть, и я полагаю, тебя можно пожалеть за то чувство, какое ты испытываешь сейчас по от

ношению к брату. На десять, двадцать, тридцать лет, а может быть, и на всю жизнь ты лишил Эдмунда более чем половины дохода, который он должен был получать. В будущем, возможно, я или ты еще сумеем обеспечить ему более высокое положение (я очень на это надеюсь); но не следует забывать, что, как ни хороша оказалась бы возможность, которую мы сумеем ему предоставить, с нашей стороны это будет лишь справедливое возмещение, на которое он, безусловно, вправе рассчитывать, и что никакая возможность не сравнится с тем преимуществом, от коего он сейчас вынужден отказаться из за срочности твоих долгов.

Том слушал не без стыда и не без огорчения; но, постаравшись поскорее скрыться с глаз отца, он уже очень скоро с веселым эгоизмом размышлял, что, во первых, его долг и вполнину не так велик, как у иных его приятелей, во вторых, выговор отца прескучен, и в третьих, будущий приходский священник, кто бы он ни был, всего вероятней, вскорости умрет.

После кончины мистера Норриса кандидат на его место, некий доктор Грант, по праву получил приход, приехал в Мэнсфилд и, оказавшись сорокапятилетним здоровяком, как будто должен был бы обмануть ожидания мистера Бертрама. Но нет, «это малый апоплексического склада, с короткой шеей, и, ежели его усердно потчуют хорошей стряпней, он не заживется на свете».

У доктора Гранта была жена лет на пятнадцать моложе, а детей не было, и соседи по обыкновению благосклонно отзывались об них как о людях почтенных и приятных.

Теперь, как надеялся сэр Томас, пришла пора своейченице принять участие в их племяннице, ибо оттого, что положение миссис Норрис изменилось, а Фанни подросла, казалось, не только исчезли причины, мешающие им жить вместе, но все самым решительным образом этому способствовало; а поскольку его собственные обстоятельства стали менее благоприятны, нежели прежде, так как в добавление к мотовству старшего сына он потерял убытки в Вест Индии, ему было бы желательно освободиться от затрат на ее содержание и от обязательств обеспечивать ее в будущем. Совершенно уверенный, что так оно и должно быть, сэр Томас упомянул об этом жене; и случилось так, что, когда впервые после разговора с мужем она опять об этом вспомнила, Фанни была тут же, и тетушка спокойно заметила:

— Итак, Фанни, ты нас покидаешь и будешь жить у моей сестры. Ты довольна?

Фанни так поразились, что только и была в силах повторить слова тетушки «Покидаю вас?».

— Да, милочка, отчего ты так удивлена? Ты живешь у нас уже пять лет, а моя сестра всегда хотела взять тебя к себе, когда мистера Норриса не станет. Но ты все равно должна быть на высоте и следовать моим урокам.

Для Фанни новость была столь же неприятна, сколь и неожиданна. Она никогда не видела никакого добра от тетушки Норрис и оттого не могла ее полюбить.

— Мне так жалко будет вас покинуть,— запинаясь, сказала она.

— Уж наверно жалко, а как же иначе. Я думаю, с тех пор как ты переступила порог нашего дома, у тебя не было особых причин для огорчений.

— Надеюсь, я не была неблагодарной, тетушка,— скромно сказала Фанни.

— Нет, милочка, надеюсь, что нет. Я всегда считала тебя очень хорошей девочкой.

— И мне уже никогда тут не жить?

— Никогда, дорогая. Но у тебя, без сомнения, будет уютный дом. Да и какая тебе разница, здесь ли жить или у миссис Норрис.

Фанни вышла из комнаты с глубокой печалью на сердце; она чувствовала, что разница будет не маленькая, о жизни с тетушкой Норрис она думала безо всякого удовольствия. Едва повстречавшись с Эдмундом, она поведала ему свое горе.

— Кузен,— сказала она,— меня ждет перемена, и она меня совсем не радует. И хотя часто благодаря твоим уговорам я примирялась с тем, что поначалу было мне не по душе, на этот раз ты не сможешь меня уговорить. Мне предстоит навсегда переселиться к тетушке Норрис.

— Вот как!

— Да, тетушка Бертрам сегодня мне об этом сказала. Все уже условлено. Я должна покинуть Мэнсфилд парк и отправиться в Белый коттедж, наверно, как только она туда переедет.

— Знаешь, Фанни, если бы тебе это не было неприятно, я бы сказал, что это превосходный план.

— Нет нет, кузен!

— Все прочее говорит в его пользу. Желая взять тебя к себе, тетушка поступает весьма благоразумно. Она выбирает друга и компаньонку как раз там, где надобно,

и я рад, что ее любовь к деньгам не помешала этому. Ты будешь для нее тем, чем должна быть. Я надеюсь, это не слишком огорчает тебя, Фанни.

— Очень огорчает. Совсем мне это не по душе. Я люблю этот дом, все в этом доме. Там я ничего не люблю. Ты же знаешь, с нею мне всегда не по себе.

— Я не стану говорить о том, как она обращалась с тобой, когда ты была маленькая. Но она так же обращалась со всеми нами, или почти так же. Она никогда не умела быть приветливой с детьми. Но теперь ты уже в таком возрасте, когда с тобой надо обращаться лучше. По моему, она уже держится лучше, а когда ты станешь ее единственной компаньонкой, она уж непременно станет тобою дорожить.

— Никогда никто не станет мною дорожить.

— Что этому мешает?

— Все... мое положение... моя глупость... нескладность.

— Что до твоей глупости и нескладности, милая Фанни, поверь мне, нет в тебе ничего подобного, разве что ты употребляешь эти слова в неверном смысле. Нет решительно никаких причин, почему бы тобою не стали дорожить там, где тебя знают. Ты обладаешь здравым смыслом и милым нравом, и, я уверен, у тебя благодарное сердце, и на добро ты всегда пожелаешь ответить добром. Для друга и компаньонки нет на свете качеств лучше этих.

— Ты слишком добр,— сказала Фанни, краснея от такой похвалы.— Как же я сумею отблагодарить тебя за то, что ты такого хорошего мнения обо мне? Ох, кузен, если мне придется уехать, я всегда, до последней минуты жизни буду помнить твое великодушие.

— Ну конечно, Фанни, в такой дали, как Белый коттедж, я надеюсь, ты будешь меня помнить. Ты говоришь так, будто уезжаешь за две сотни миль, а не всего лишь на другой край парка. Ты будешь членом нашей семьи почти как до сих пор. Оба семейства будут видаться каждый божий день. Вся разница только в том, что, живя с тетушкой, ты перестанешь оставаться в тени — и так и следует. Здесь, у нас, всегда находится кто то, за чью спину ты можешь спрятаться, а вот у тетушки Норрис придется тебе говорить самой за себя.

— Прошу тебя, пожалуйста, не говори так!

— Я должен это сказать и говорю это с удовольствием. Миссис Норрис сейчас куда больше подходит для попе

чения о тебе, чем леди Бертрам. Для того, кем она действительно интересуется, она многое может сделать, такая у ней натура, и она заставит тебя по справедливости оценить твои природные достоинства.

— Мне видится все это не так, как тебе,— со вздохом сказала Фанни,— но надо бы поверить, что прав скорее ты, а не я, и я очень благодарна тебе, что ты стараешься примирить меня с неизбежным. Если бы думать, что тетушке я и вправду небезразлична, было бы восхитительно чувствовать, что для кого то я что то значу!.. Ведь я знаю, здесь я ни для кого ничего не значу, и однако я так люблю Мэнсфилд парк.

— С Мэнсфилд парком ты не расстанешься, Фанни, ты расстанешься только с домом. Ты, как и прежде, будешь вольна гулять и в парке и в саду. Даже твоё привязчивое сердечко не должно пугаться такой ничтожной перемены. Ты будешь ходить по тем же дорожкам, в той же библиотеке будешь выбирать книги, тех же людей будешь встречать, на той же лошадке ездить верхом.

— Да, правда. Милый мой серый пони. Ах, кузен, как я вспомню, до чего меня пугала верховая езда, с каким страхом я слушала, когда говорили, что она пойдет мне на пользу (бывало, стоит дядюшке заговорить о лошадях, меня бросает в дрожь)... как подумаю, сколько же ты потратил усилий, чтобы урезонить меня, уговорить не бояться и убедить, что я вскоре полюблю ездить верхом, я чувствую, что ты всегда прав, и начинаю надеяться, что твои предсказания, как всегда, окажутся верны.

— И я совершенно убежден, что жизнь с миссис Норрис так же благотворно подействует на твою душу, как верховая езда на здоровье... и вдобавок послужит к твоему счастью.

Так окончилась их беседа, и хотя она могла сослужить Фанни хорошую службу, без нее вполне можно было бы обойтись, так как тетушка Норрис вовсе не имела намерения брать Фанни к себе. При настоящем положении дел она только и думала, как бы этого избежать. Чтобы никто не ждал от нее ничего подобного, она выбрала для себя самое маленькое жилище в мэнсфилдском приходе, которое при этом не умаляло бы ее достоинства; Белый коттедж только и мог вместить ее со слугами и еще оставалась комнатка для какой нибудь гостии, на чем миссис Норрис особенно настаивала; при жизни мужа лишние комнаты никогда не требовались, а теперь она всякий раз непременно упоминала о необходимости такой комнаты.

The time you have been to
presently me out of my front

Однако же никакие ее предосторожности не помешали заподозрить ее в добром намерении; а, быть может, именно разговор о необходимости лишней комнаты и ввел сэра Томаса в заблуждение, заставил предположить, что комната предназначается для Фанни. Уверенность в этом вскоре прозвучала в небрежном замечании леди Бертрам при разговоре с миссис Норрис:

— Я думаю, сестра, нам теперь не к чему держать мисс Ли, раз Фанни будет жить у тебя.

Миссис Норрис даже вздрогнула.

— У меня, дорогая леди Бертрам? Что вы хотите этим сказать?

— А разве она не переедет к тебе?.. Я думала, ты уже условилась обо всем с сэром Томасом?

— Это я то? Ничего подобного. Я и слова об этом не сказала с сэром Томасом, и он со мною тоже. Фанни будет жить со мной! У меня и в мыслях такого не было, да и ни одна душа, кто хорошо знает нас обеих, никогда б того не пожелала. Боже милостивый, да что мне с нею делать?.. Это я то! бедная, беспомощная, одинокая вдова, ни на что не годная, сломленная несчастьями — что мне делать с пятнадцатилетней девушкой! С девушкой в ее летах, в тех самых летах, когда ото всех окружающих требуются особое внимание и заботы, и подвергаются испытанию даже самые жизнерадостные характеры. Да нет же, не мог сэр Томас и вправду ожидать от меня этого! Ведь сэр Томас мой искренний друг. Нет нет, кто желает мне добра, ничем не мог бы такое предложить. Как же так случилось, что сэр Томас заговорил с вами _ об этом?

— Право, не знаю. Наверно, он думал, что так будет лучше?

— Но что именно он сказал?.. Не мог он сказать, что желает, чтоб я взяла Фанни. Да нет же, в сердце своем не мог он этого желать.

— Нет, он только сказал, он думает, что это вполне вероятно... и я тоже так подумала. Мы оба подумали, что это будет тебе утешением. Но если тебе это не по душе, тогда и говорить больше не о чем. Фанни нам не обуза.

— Дорогая сестрица! Подумайте сами, как она может быть мне хотя каким то утешением в моем бедственном положении? Я ведь несчастная, горькая вдова, я лишилась добрейшего, несравненного мужа, здоровье мое потеряно в уходе за ним и неустанным попечении, душевное состояние мое и того хуже, и не будет уже мне покоя на этом свете, средств моих едва хватит, чтобы жить как подобает

женщине благородного сословия и не позорить памяти дорогого усопшего,— какое ж мне может быть утешение, ежели я возложу на себя заботу о Фанни! Ежели б я могла пожелать этого ради себя, я нипочем не совершила бы такой несправедливости по отношению к бедняжке. Она в хороших руках, и ей это, без сомнения, на пользу. А я уж как могу должна сама справляться со своими горестями и затруднениями.

— Значит, ты не против жить совсем одна?

— Дорогая леди Бертрам, какой же еще может быть мой удел, кроме одиночества? Время от времени, я надеюсь, в моем домике погостит ктонибудь из приятельниц, но по большей части я буду проводить свои дни в полном уединении. Только бы мне удалось сводить концы с концами, о большем я не прошу.

— Я надеюсь, сестра, если подумать, дела твои не вовсе уж плохи. Сэр Томас говорит, у тебя будет шестьсот фунтов в год.

— Я не жалуюсь, леди Бертрам. Я знаю, мне уже нельзя жить как прежде, мне теперь следует по одежке протягивать ножки и научиться лучше хозяйничать. Прежде я вела хозяйство на слишком широкую ногу, а теперь не стану стыдиться экономить. Положение мое изменилось столь же заметно, как и доход. От несчастного мистера Норриса как от приходского священника требовалось очень много такого, чего никто не вправе ожидать от меня. Никто не представляет, сколько шло с нашего стола всяким случайным посетителям. В Белом коттедже надо будет лучше за всем присматривать. Я непременно должна жить по средствам, не то буду очень несчастна; и, признать-ся, я получу величайшее удовлетворение, если сумею сделать более того — к концу года отложу небольшую сумму.

— Уж конечно, сумеешь. Ты ведь всегда откладываешь, правда?

— Моя цель, леди Бертрам, быть полезной тем, кто останется после меня. Если я хочу быть богаче, так это ради ваших детей. Более мне заботиться не о ком, но мне приятно будет думать, что я сумела оставить им кое какую малость, которая никак им не помешает.

— Ты очень добра, но не тревожься о них. Они, без сомнения, будут хорошо обеспечены. Сэр Томас об этом позаботится.

— Но ведь ежели владения на Антигуа будут приносить столь малый доход, сэр Томас окажется несколько ограничен в средствах.

— Ну, это то скоро уладится. Сэр Томас уже написал по этому поводу.

— Что ж, леди Бертрам,— сказала миссис Норрис, собравшись уходить.— Я только могу сказать, что мое единственное желание — быть полезной вашему семейству... и ежели сэр Томас когданибудь опять заговорит о том, что я возьму к себе Фанни, вы сможете ему сказать, что при моем здоровье и душевном состоянии об этом не может быть и речи... к тому же у меня и места для нее не будет, ведь мне необходимо иметь комнату на случай, если ктонибудь приедет погостить.

Леди Бертрам пересказала мужу этот разговор достаточно подробно, чтобы он мог убедиться, как сильно он ошибался относительно намерений свояченицы; и теперь та могла быть совершенно спокойна, что он ничего от нее не ждет и не позволит себе никаких намеков. Его лишь удивляло ее нежелание сделать хоть чтонибудь для племянницы, которую она первая сочла нужным взять на попечение; но поскольку она заранее позаботилась, чтобы он, как и леди Бертрам, понял, что все, чем она владеет, предназначается их семейству, он быстро примирился с некоей ее особенностью, которая, служа к выгоде и пользе их семейства, даст ему возможность лучше обеспечить Фанни самому.

Фанни вскорости стало известно, что ее страхи из за переезда напрасны, и, узнав об этом, она так открыто, искренне обрадовалась, что это несколько утешило Эдмунда в его разочаровании из за несбывшейся надежды на то, что, по его мнению, должно было послужить к ее вящей пользе. Миссис Норрис переехала в Белый коттедж, Гранты заняли дом приходского священника, и, когда эти события остались позади, несколько времени все в Мэнсфилде шло по старому.

Чета Грантов, показав склонность к дружелюбию и общительности, вызвала у большинства своих новых знакомых величайшее удовлетворение. Были у них и свои недостатки, и миссис Норрис вскорости их обнаружила. Доктор Грант очень любил поест, и ему всякий день требовались обильные обеды; а миссис Грант, вместо того чтобы умудряться потакать его пристрастию при самых скромных расходах, назначила своей кухарке почти столь же щедрое жалованье, как в Мэнсфилд парке, и сама почти никогда не показывалась ни в кладовой, ни в кухне. Говоря о таких поводах для недовольства или о количестве сливочного масла и яиц, которые поглощались в доме

нового священника, миссис Норрис была не в силах сохранять сдержанность. Кто ж, как не она, любил изобилие и гостеприимство... кто ж, как не она, терпеть не мог всяческую скарედность... в ее время приходский дом, уж конечно, никогда не испытывал недостатка во всякого рода удобствах, об нем никогда нельзя было сказать дурного слова, но то, как дом ведется сейчас, понять невозможно. Женщина с замашками аристократки в сельском приходе не к месту. Миссис Грант полезно было бы заглянуть в кладовую в Белом коттедже. Ведь кого ни спросишь, все говорят, что миссис Грант более пяти тысяч никогда и не имела.

Леди Бертрам слушала подобные обличительные речи без особого интереса. Вникать в промахи миссис Грант, несовместные с представлением о бережливой хозяйке, она не могла, но красавица в ней была жестоко оскорблена тем, что, не отличаясь привлекательной наружностью, миссис Грант так хорошо устроилась на свете, и свое удивление по этому поводу она высказывала столь же часто, хотя и не столь многословно, как миссис Норрис — свое по тому другому поводу.

С этих обсуждений не минуло и года, а в жизни семейства Бертрам произошло новое событие такой важности, что по праву должно было занять кое какое место в мыслях и разговорах сестер. Сэр Томас счел необходимым сам отправиться на Антигуа, чтобы лучше там всем распорядиться, и взял с собою старшего сына в надежде оторвать его от дурных знакомств дома. Они покинули Англию, предполагая пробыть в отъезде год.

Необходимость сей меры из за состояния денежных дел и надежды, что она послужит к пользе сына, примирили сэра Томаса с решением покинуть семью и поручить дочерей в столь решающем для их развития возрасте руководству других. Он не мог полагать, что леди Бертрам способна вполне им его заменить или хотя бы надлежащим образом исполнить обязанности матери, но был достаточно уверен в бдительном внимании миссис Норрис и в рассудительности Эдмунда и потому уехал не опасаясь, что они останутся без необходимого руководства.

Леди Бертрам совсем не нравилось, что супруг ее оставил; но ее не волновали ни тревога об его безопасности, ни шбота об его удобстве, поскольку была она из тех людей, которые полагают, что ни для кого, кроме них самих, не существует ничего опасного, трудного или утомительного.

В связи с этим новым событием более всех других следовало пожалеть обеих мисс Бертрам; не оттого, что

они огорчались, но оттого, что не испытывали огорчения. Отец не пользовался их любовью, он никогда, казалось, особенно не потворствовал их развлечениям, и его отъезд был им, к сожалению, весьма приятен. Теперь можно было забыть обо всех ограничениях; и вовсе не стремясь к удовольствию, которое сэр Томас, вероятно, им бы запретил, они тотчас почувствовали, что стали сами себе хозяйки и могут угождать любой своей прихоти. Фанни испытала такое же облегчение, как и ее кузины, и вполне это понимала, но, от природы более совестливая, полагала это неблагодарностью и искренне горевала оттого, что не горюет. Сэр Томас так много сделал для нее и для ее братьев, а теперь уехал, и может быть, никогда не вернется!., и проводить его без единой слезинки!., это же постыдная бесчувственность. Более того, в последнее утро он высказал надежду, что следующей зимою она, возможно, опять увидится с Уильямом, и велел, как только станет известно, что его эскадра прибыла в Англию, написать ему и пригласить в Мэнсфилд. Какое внимание, какая доброта!.. И если бы еще, говоря так, он улыбнулся или назвал ее «милая Фанни», вся его прежняя хмурость и холодное обращение с ней были бы забыты. Но под конец сэр Томас прибавил: «Ежели Уильям и вправду придет в Мэнсфилд, я надеюсь, он сможет убедиться, что долгие годы, пока вы не виделись, не прошли для тебя без пользы... хотя, боюсь, он заметит, что в шестнадцать лет его сестра в некоторых отношениях осталась такою же, какой была в десять»,— и эти слова жестоко ее обидели. Когда сэр Томас уехал, Фанни горько плакала, вспоминая эти слова, а кузины, видя ее покрасневшие глаза, сочли ее лицемеркой.

ГЛАВА 4

ом Бертрам в последнее время так редко бывал дома, что скучать об нем можно было разве только на словах; и леди Бертрам вскоре лишь диву давалась, как хорошо они обходятся даже и без сэра Томаса, как хорошо сумел его заменить Эдмунд, который самолично принимал решения, разговаривал с управляющим, переписывался с поверенным в делах, улаживал недоразумения со слугами, и при этом в каждой мело

чи оберегал ее от возможной усталости и напряжения, предоставляя ей лишь самой адресовать письма.

Были получены первые сведения, что после приятного плавания путешественники благополучно прибыли на Антигуа, хотя дошли они не прежде, чем миссис Норрис позволила себе предаться невероятнейшим страхам, стараясь всякий раз, как заставляла Эдмунда в одиночестве, приобщить к ним и его; в надежде стать первой, кому доведется узнать о какой-нибудь катастрофе, она уже настроилась, как именно сообщит об ней всем остальным, но тут заверения сэра Томаса, что они с Томом живы и здоровы, вынудили ее отложить на время и волнение свое, и вкрадчивые вступления к роковой вести.

Наступила и миновала зима, а речи эти все были без надобности, вести по-прежнему приходили добрые; и миссис Норрис, в придачу ко всем заботам о собственном хозяйстве, кое-какому вмешательству в хозяйство сестры и наблюдению за расточительством миссис Грант, так была занята, содействуя развлечениям племянниц, поощряя их стремление наряжаться, выставляя напоказ их совершенство и приглядывая им будущих мужей, что у ней почти не оставалось досуга опасаться за судьбу отсутствующих.

Обе мисс Бертрам теперь прочно утвердились среди местных красавиц; а так как их красота и блестящее воспитание сочетались с присущей им от природы естественной непринужденностью и заботливо привитой любезностью и обходительностью, они заслужили благосклонность и восхищение местного общества. Тщеславие у них было такого превосходного свойства, что казалось, они полностью его лишены, и они нисколько не важничали; а похвалы, вызываемые таким поведением, сохраненные и пересказанные им тетюшкой, укрепляли их веру в свою непогрешимость.

Леди Бертрам не сопровождала дочерей, когда они выезжали. Она была слишком тяжела на подъем, чтобы даже и ради удовольствия, какое получает любая мать, видя успех и радость своих детей, обречь себя на кое-какие неудобства, и попечение это было передано сестре, которая ничего лучше столь почетного представительства не желала, и со знанием дела упивалась открывшейся перед нею возможностью вращаться в обществе, не обременяя себя расходами на лошадей.

Фанни не участвовала в развлечениях этого сезона; но радовалась, что, когда они призывали всех прочих чле-

нов семейства, она, по общему признанию, оказывалась полезна в качестве тетушкиной компаньонки; а так как мисс Ли уже покинула Мэнсфилд, то в вечер бала или поездки в гости Фанни неизменно заменяла тетушке Бертрам всех и вся. Она разговаривала с тетушкой, слушала ее, читала ей; и покой этих вечеров, уверенность, что в их *tete a tete* ей не грозит ни единое недоброе слово, оказывались невыразимо приятны душе, которая лишь изредка бывала свободна от тревог и смущения. Что же до развлечений своих кузин и кузена, она любила слушать о них, особенно о балах и о том, с кем танцевал Эдмунд; но считала свое положение слишком скромным, чтобы воображать, будто и ей когда нибудь позволят войти в этот мир, и потому слушала, вовсе не думая, что ей доведется узнать все это ближе. В целом этой зимою ей жилось уютно; ибо хотя Уильям так и не появился в Англии, надежда на его приезд, никогда не оставлявшая Фанни, очень ее поддерживала.

С наступлением весны Фанни лишилась своего дорогого друга, старого серого пони, и одно время ей грозила опасность, что утрата скажется не только на ее чувствах, но и на здоровье, ибо, Хотя признано было, как необходима ей верховая езда, никто не позаботился, чтобы она опять стала ездить верхом, «потому что,— как заметили тетушки,— она может ездить на лошадях своих кузин во всякое время, когда те им не нужны»; но такого времени, разумеется, никогда не находилось, ведь в каждый погожий день обеим мисс Бертрам лошади неизменно бывали нужны, и при всей их благовоспитанности им и в голову не приходило, что не грех иной раз пожертвовать своим удовольствием. Погожим апрельским и майским утром они превесело отправлялись на прогулки верхом; а Фанни либо весь день сидела дома с одной тетушкой, либо гуляла до изнеможенья по наущению другой; ибо леди Бертрам, не любившая прогулки, полагала их ненужными и всем прочим, а миссис Норрис, которая весь день была на ногах, находила, что и все прочие не должны уступать ей в этом. Эдмунд в ту пору был в отъезде, не то зло было бы исправлено раньше. Когда он воротился, понял, в каком положении оказалась Фанни, и представил все дурные последствия этого, он решил, что выход может быть только один, и утверждение «У Фанни должна быть лошадь» противопоставил всем попыткам матери, порожденным бездеятельной натурой, и тетушки, заботящейся об одной лишь экономии, убедить

его, что это совершенно не важно. Миссис Норрис хотела думать, что среди множества лошадей Мэнсфилд марка наверняка найдется какая-нибудь старая лошадь, которая вполне сгодится для Фанни, или такую можно взять на время у их управляющего, или, быть может, иной раз брать у мистера Гранта пони, на котором ездят за почтой. По ее мнению, нет никакой необходимости и даже неприлично, чтобы у Фанни, так же, как у девиц Бертрам, была своя лошадь. Сэр Томас, разумеется, не имел такого намерения, и она, миссис Норрис, уверена, что делать такую покупку в его отсутствие, увеличивая и без того огромные расходы на конюшню в ту пору, когда значительная часть его доходов оказалась под угрозой, совершенно непроситительно. «У Фанни должна быть лошадь», — отвечал Эдмунд на все возражения. Миссис Норрис не могла с ним согласиться. Леди Бертрам соглашалась; как и сын, она полагала это необходимым и не сомневалась, что так рассудил бы и его отец; она лишь умоляла его не торопиться, лишь хотела, чтобы он дождался возвращения сэра Томаса, и тогда сэр Томас нее уладит сам. Он должен быть дома в сентябре, и что плохого, если они всего лишь подождут до сентября?

Хотя Эдмунд был куда больше недоволен тетушкой, почти не уделявшей внимания племяннице, чем матерью, он вынужден был прислушаться к ее словам и под конец избрал такую линию поведения, чтобы не опасаться, что отец подумает, будто он взял на себя слишком много, и при том не лишать Фанни столь ей необходимых для здоровья прогулок верхом. У него были три собственные лошади, но все неподходящие для женщины. Две были охотничьи, третья — хорошая ездовая лошадь: эту третью Эдмунд надумал обменять на такую, которая подойдет кухне для верховой езды; он знал, где ее сыскать, и, раз уже решил, быстро довел дело до конца. Новая кобыла оказалась истинным сокровищем; почти без труда она стала именно такою, как требовалось, и тогда была отдана Фанни чуть ли не в полное распоряжение. Прежде Фанни не представляла, чтобы кто-нибудь мог так же подойти ей, как старый серый пони; но ее восторг от кобылы Эдмунда значительно превосходил удовольствие, которое она получала раньше; и всякий раз при мысли о том, что своей радостью она обязана доброте Эдмунда, к ней прибавлялось еще что-то, чего она не в силах была выразить словами. В глазах Фанни кузен Эдмунд был воплощением всего, что только может быть хорошего и благородного,

и этого никто, кроме нее, не способен оценить по достоинству, и он заслужил право на такую благодарность, какая, сколь бы ни была велика, все будет недостаточна. В отхождении Фанни к Эдмунду слились чувства самые почти-тельные, благодарные, исполненные доверия и нежности.

Так как и на словах и по существу лошадь оставалась собственностью Эдмунда, миссис Норрис могла допустить, чтобы на ней ездила Фанни; доведись леди Бертрам вспомнить свои возражения, Эдмунд был бы оправдан в ее глазах тем, что, хотя и не дождался сентября, когда сентябрь наступил, сэр Томас все еще находился за границей безо всякой надежды на скорое окончание дел. Когда все его помыслы уже обратились к Англии, неожиданно возникли неблагоприятные обстоятельства, и полнейшая неопределенность, в которой он оказался, побудила его отослать домой сына, а самому ждать, пока все не уладится. Том благополучно прибыл и сообщил, что отец находится в добром здравии; но, на взгляд миссис Норрис, особого смысла в его приезде не было. Она вообразила, что сэр Томас отослал сына, движимый отцовской любовью, в предвидении грозящей ему самому опасности, и ее стали одолевать ужасные предчувствия, которые долгими осенними вечерами, в печальном одиночестве ее коттеджа, так ее мучили, что днем ей приходилось искать спасения в столовой Мэнсфилд парка. Возвращение зимнего сезона, однако, сыграло свою роль; и среди встреч и приглашений мысли ее так приятно были заняты устройством судьбы старшей племянницы, что нервы основательно поуспокоились. «Если бедняжке сэру Томасу не суждено вернуться, будет особенно утешительно знать, что Мария удачно выдана замуж»,— обыкновенно думала она всякий раз, как они оказывались в обществе богатых мужчин, главным же образом когда им представляли молодого человека, который недавно унаследовал какое нибудь из крупнейших состояний и прекраснейших имений Англии.

Мистер Рашуот был с самого начала покорен красотой старшей мисс Бертрам и, имея намерения жениться, скоро вообразил себя влюбленным. То был скучный молодой человек, отличавшийся разве что здравым смыслом; но так как ни в наружности его, ни в обращении не было ничего неприятного, его избранница была очень довольна своей победой. Марии Бертрам шел уже двадцать первый год, и она начинала считать замужество своим долгом; а так как брак с мистером Рашуотом сулил ей радость большего дохода, чем у отца, а также, без сомнения,

Доктор Сэмюел Джонсон.
С картины Дж. Рейнолдса, ок. 1756 г.

дом в Лондоне, что было сейчас главной целью, она опять же по чувству долга сочла своей прямой обязанностью, если удастся, выйти замуж за мистера Рашуота. Тетушка Норрис весьма усердно способствовала заключению этого союза всяческими советами и затеями, которые и должны были сделать его еще привлекательней для обеих сторон; среди прочего она старалась завязать дружбу с матерью сего джентльмена, которая в настоящее время жила с ним одним домом, и вынудила леди Бертрам нанести ей утренний визит, для чего почтенной леди пришлось одолеть десять миль далеко не лучшей дороги. Очень скоро между матерью мистера Рашуота и миссис Норрис установилось взаимопонимание. Миссис Рашуот призналась, что весьма желает, чтобы сын женился, и объявила, что из всех барышень, каких ей довелось видеть, старшая мисс Бертрам, судя по ее привлекательности и прочим совершенствам, кажется,

лучше всех других способна составить его счастье. Миссис Норрис вполне с этим согласилась и выразила восхищение проникательностью племянницы, сумевшей отличить человека, истинно достойного. Да, Мария и вправду гордость и радость всей их семьи, она безупречна, просто ангел; и, конечно, когда девушка так окружена поклонниками, сделать выбор нелегко; но насколько миссис Норрис может позволить себе судить при таком недолгом знакомстве, ей кажется, мистер Рашуот именно тот молодой человек, который заслуживает Марии и должен ее привлечь.

Протанцевав друг с другом на положенном числе балов, молодые люди подтвердили эти мнения, к явному удовольствию обоих семейств и многочисленных наблюдателей соседей, которые уже много недель чувствовали, как уместен брак между мистером Рашуотом и старшей мисс Бертрам, и с должным упоминанием об отсутствии сэра Томаса было договорено о предстоящей помолвке.

Согласие сэра Томаса можно было получить лишь через несколько месяцев; а пока суд да дело, поскольку никто не сомневался в его самом сердечном удовольствии от сего родства, оба семейства поддерживали между собою самую тесную связь, и попытка сохранить предстоящее в тайне состояла единственно в том, что тетушка Норрис говорила об этом повсюду как о событии, о котором пока еще говорить не следует.

Из всего семейства один лишь Эдмунд полагал этот союз ошибкою; и как тетушка ни старалась представить мистера Рашуота в лучшем виде, Эдмунд не находил его подходящей для Марии партией. Он мог согласиться, что сестре лучше знать, в чем ее счастье, но его не радовало, что счастье она видит в больших деньгах; и, оказываясь в обществе Рашуота, частенько говаривал себе, что «не будь у этого малого двенадцати тысяч в год, он был бы обыкновенным тупицей».

Сэр Томас, однако ж, был поистине счастлив в предвидении союза столь бесспорно выигрышного и о котором он знал только все наилучшее и приятное. Это было как раз такое родство, как надобно — в том же графстве, земли по соседству; и он со всей поспешностью сообщил о своем сердечном согласии. Он лишь поставил условием, чтобы свадьба состоялась не прежде, чем он воротится, чего он опять ждал с величайшим нетерпением. Он написал в апреле и твердо надеялся полностью все уладить и уехать с Антигуа еще до окончания лета.

Так обстояли дела в июле месяце, и Фанни едва исполнилось восемнадцать лет, когда местное деревенское общество

пополнилось братом и сестрой миссис Грант, некими мисте-ром и мисс Крофорд, детьми ее матери от второго брака. Оба были молоды и богаты. У сына было хорошее имение в Норфолке, у дочери — двадцать тысяч фунтов. Когда они были детьми, сестра горячо их любила; но так как она вышла замуж вскоре после смерти их общей родительницы, а они остались на попечении брата их отца, которого миссис Грант совсем не знала, она с тех пор едва ли их и видела. Дом дядюшки стал для них истинным домом. Адмирала и миссис Крофорд, всегда и на все смотревших по разному, объединила привязанность к этим детям, по крайней мере, они расходились только в том, что у каждого был свой лю-бимец, которому они выказывали особую любовь. Адмирал восхищался мальчиком, его супруга души не чаяла в девочке; и как раз смерть леди Крофорд заставила ее *protegee* после нескольких месяцев дальнейших испытаний в доме дяди ис-кать другого пристанища. Адмирал Крофорд, человек рас-пущенный, вместо того чтобы удержать у себя племянницу, предпочел привести в дом любовницу; этому миссис Грант и была обязана желанием сестры приехать к ней, что было столь же приятно для одной стороны, как и уместно для другой; ибо к этому времени миссис Грант успела исполь-зовать все привычные возможности, которые предоставляет бездетному семейству деревенская жизнь, полностью, и да-же с избытком, обставила свою любимую гостиную краси-вой мебелью, завела отменный сад и домашнюю птицу и уже стала жаждать каких то перемен дома. Оттого приезд сестры, которую она всегда любила и теперь надеялась за-держать у себя, пока та не выйдет замуж, был как нельзя более кстати; и беспокоилась она главным образом об том, чтобы не оказалось, что Мэнсфилд не удовлетворит привыч-ки молодой девицы, до того жившей все больше в Лондоне.

Мисс Крофорд не вовсе была свободна от сходных опасений, правда, они в основном были вызваны сомнения-ми, подойдет ли ей стиль жизни сестры и достаточно ли изысканным окажется общество; и лишь после того, как она тщетно старалась уговорить брата поселиться с нею в заго-родном доме, она решила попытать счастья у других родственников. К сожалению, Генри Крофорду было совсем не по вкусу подолгу жить под какойнибудь одной крышей либо ограничивать себя какимнибудь одним обществом; он не мог поступить по желанию сестры в деле столь важ-ном, но с величайшей любезностью сопровождал ее в Норт-гемптоншир и, если бы ей там наскучило, по первому ее зову с такою же готовностью забрал бы ее оттуда.

чения о тебе, чем леди Бертрам. Для того, кем она действительно интересуется, она многое может сделать, такая у ней натура, и она заставит тебя по справедливости оценить твои природные достоинства.

— Мне видится все это не так, как тебе,— со вздохом сказала Фанни,— но надо бы поверить, что прав скорее ты, а не я, и я очень благодарна тебе, что ты стараешься примирить меня с неизбежным. Если бы думать, что тетушке я и вправду небезразлична, было бы восхитительно чувствовать, что для кого то я что то значу!.. Ведь я знаю, здесь я ни для кого ничего не значу, и однако я так люблю Мэнсфилд парк.

— С Мэнсфилд парком ты не расстанешься, Фанни, ты расстанешься только с домом. Ты, как и прежде, будешь вольна гулять и в парке и в саду. Даже твое привязчивое сердечко не должно пугаться такой ничтожной перемены. Ты будешь ходить по тем же дорожкам, в той же библиотеке будешь выбирать книги, тех же людей будешь встречать, на той же лошадке ездить верхом.

— Да, правда. Милый мой серый пони. Ах, кузен, как я вспомню, до чего меня пугала верховая езда, с каким страхом я слушала, когда говорили, что она пойдет мне на пользу (бывало, стоит дядюшке заговорить о лошадях, меня бросает в дрожь)... как подумаю, сколько же ты потратил усилий, чтобы урезонить меня, уговорить не бояться и убедить, что я вскоре полюблю ездить верхом, я чувствую, что ты всегда прав, и начинаю надеяться, что твои предсказания, как всегда, окажутся верны.

— И я совершенно убежден, что жизнь .с миссис Норрис так же благотворно подействует на твою душу, как верховая езда на здоровье... и вдобавок послужит к твоему счастью.

Так окончилась их беседа, и хотя она могла сослужить Фанни хорошую службу, без нее вполне можно было бы обойтись, так как тетушка Норрис вовсе не имела намерения брать Фанни к себе. При настоящем положении дел она только и думала, как бы этого избежать. Чтобы никто не ждал от нее ничего подобного, она выбрала для себя самое маленькое жилище в мэнсфилдском приходе, которое при этом не умаляло бы ее достоинства; Белый коттедж только и мог вместить ее со слугами и еще оставалась комнатка для какой нибудь гостьи, на чем миссис Норрис особенно настаивала; при жизни мужа лишние комнаты никогда не требовались, а теперь она всякий раз непременно упоминала о необходимости такой комнаты.

*Will you please you look to
persuade me out of my fears*

могло бы оказаться для них более серьезным испытанием, а при ее наружности не было и речи ни о каком сравнении, и ей позволительно было быть милой хорошенькой девушкой, при том, что они оставались первыми красавицами в здешнем краю.

Брат ее не был хорош собой; нет, когда они увидели его впервые, он показался им некрасивым и слишком смуглым; но все таки он был джентльмен и отличался приятной манерою разговора. При второй встрече они нашли его уже не таким некрасивым; да, он некрасив, это несомненно, зато какое выражение лица, и зубы хороши, и так сложен превосходно, что скоро уже забываешь о его некрасивости; а после третьей беседы с ним, отобедавши в его обществе у викария, они уже никому больше не позволяли так о нем отзываться. Такого приятного молодого человека им никогда еще не доводилось видеть, и обе равно были в восторге от него. Помолвка старшей мисс Бертрам делала его по справедливости собственностью Джулии, что она вполне сознавала, и он еще и недели не пробыл в Мэнсфилде, а она уже совершенно была готова в него влюбиться.

Мысли Марии о сем предмете были более смутные и сбивчивые. Она не желала толком в них разобраться. «Что за беда, если ей понравится приятный человек... что она не свободна, всем известно... пускай мистер Крофорд сам поостережется». Мистер Крофорд ничуть не намерен был оказаться в опасности; обе мисс Бертрам стоят того, чтобы доставить им удовольствие, и они к тому готовы; и у него поначалу была единственная цель им понравиться. Он не желал, чтобы они умирали от любви; но при здравом уме и самообладании, благодаря которым ему следовало бы судить и чувствовать вернее, он позволял себе в таких делах большую свободу.

— Мне чрезвычайно нравятся обе ваши мисс Бертрам, сестра,— сказал он, воротясь, когда проводил их до кареты после того обеда,— они очень изящные, приятные барышни.

— Ну, конечно, конечно, и я рада это слышать. Но Джулия тебе нравится больше.

— О да! Джулия мне нравится больше.

— В самом деле? А ведь все почитают Марию красивейшей из них.

— И не удивительно. У ней и черты лучше, и выражение лица, на мой взгляд, милее... но Джулия мне нравится больше. Мария, конечно же, красивее и показалась мне приятнее, но Джулия всегда будет мне нравиться больше, потому что так вы мне приказали.

— Не стану тебя уговаривать, Генри, но знаю, в конце концов она уж непременно понравится тебе больше.

— Разве я не сказал вам, что она с самого начала понравилась мне больше?

— И кроме того, Мария обручена. Помни об этом, милый братец. Она уже сделала выбор.

— Да, и оттого она нравится мне еще более. Обрученная женщина всегда милее необрученной. Она довольна собою. Ее треволненья позади, и она может на всех подряд испытывать свои чары. Обрученная девушка не представляет опасности, ей ничто не грозит.

— Ну что до этого... мистер Рашуот весьма достойный молодой человек, и для нее это замечательно удачный брак.

— Но мисс Бертрам ни в грош его не ставит; таково ваше мнение о вашей близкой подруге. Я бы под ним не подписался. Мисс Бертрам, без сомнения, питает великую привязанность к мистеру Рашуоту. Я прочел это в ее глазах, когда о нем упомянули. Я слишком хорошо думаю о мисс Бертрам, чтобы предположить, что она отдаст свою руку без любви.

— Мэри, ну что с ним поделать?

— По моему, надобно предоставить его самому себе. Уговоры ни к чему не приведут. В конце концов он окажется в ловушке.

— Но я вовсе не желала бы, чтоб он оказался в ловушке, вовсе не желала бы, чтоб его одурачили, я бы желала, чтобы все было честно и благородно.

— О господи!, пусть его попытает счастья и окажется в ловушке. Не вижу в том ничего плохого. Рано или поздно всяк попадается.

— Но не всегда в браке, дорогая Мэри.

— Особливо в браке. Дорогая моя миссис Грант, при всем моем уважении к тем из присутствующих, кому случилось вступить в брак, все же из сотни людей не найдется ни единого мужчины или женщины, кто бы, вступив в брак, не оказался в ловушке. Куда ни гляну, всюду то же; и чувствую, что иначе и не может быть, ведь при этом каждый ждет от другого куда более, чем во всякой иной сделке, а сам всего менее намерен вести себя по чести.

— Ах, Мэри! На Хилл стрит ты прошла плохую школу для супружества.

— Моей бедняжке тетушке и вправду не за что было так уж любить замужество, но, однако, по моему наблюдению, брак хитрая штука. Сколько ж я знаю случаев, когда вступали в брак полные надежды и веры, что нашли весьма удачную партию с точки зрения родства, или образованности

и воспитания, или добрых свойств натуры, и оказывались совершенно обманутыми и вынуждены были мириться с полной противоположностью всему, чего ожидали! Что же это, как не ловушка?

— Дитя мое, боюсь, у тебя слишком разыгралось воображение. Ты уж извини, но я не могу полностью тебе поверить. Право же, ты видишь лишь одну сторону. Ты видишь дурное и не видишь утешения. Без кое каких трудностей и разочарований ничто не обходится, и все мы склонны ждать чересчур многого; ну, а если не сбудется наше представление о счастье, человеческая натура такова, что тотчас же возникнет иное; если первый расчет окажется неверен, мы сделаем другой, получше; чем нибудь да утешимся, милочка Мэри,— а те недоброжелатели, что смотрят со стороны и делают из мухи слона, куда вероятней окажутся и обманутыми и в ловушке, чем сами заинтересованные стороны.

— Bravo, сестра! Я отдаю должное твоему *esprit du corps*¹. Когда я стану женою, я постараюсь быть такой же стойкой; и дай мне бог таких же стойких друзей. Это избавило бы меня от многих страданий.

— Ну и хороша же ты, Мэри, не лучше своего брата. Но мы непременно вылечим вас обоих. Мэнсфилд вылечит вас обоих... и безо всяких ловушек. Оставайтесь с нами, и мы вас непременно вылечим.

Вовсе не желая, чтобы их вылечили, Крофорды, однако, очень хотели остаться. Дом викария пришелся Мэри по вкусу в качестве нового пристанища, и Генри тоже готов был задержаться здесь. Он приехал, намереваясь провести у Грантов всего несколько дней, но Мэнсфилд сулил приятное времяпрепровождение, и ничто не призывало его в какое либо другое место. Миссис Грант была счастлива оказать гостеприимство им обоим, и доктор Грант соглашался на это с превеликим удовольствием; разговорчивая хорошенькая девушка вроде мисс Крофорд — всегда приятная компания для праздного домоседа; а присутствие в доме мистера Крофорда давало повод что ни день пить кларет.

Восхищение, которое мистер Крофорд вызвал у сестер Бертрам, они изъясляли куда восторженней, чем то было в обычае у мисс Крофорд. Однако она признавала, что братья Бертрам прекрасные молодые люди, что двух таких сразу не часто встретишь и в Лондоне и что их манеры, особенно манеры старшего, на редкость хороши. Он много бывал в Лондоне, отличался большею живостью и галант

¹ Здесь: верность духу супружества (фр.).

— Я уже начинаю понимать вас всех, кроме мисс Прайс,— сказала мисс Крофорд, прогуливаясь с братьями Бертрам.— Скажите на милость, она выезжает или не выезжает?.. Я в недоумении... Она вместе со всеми вами обедала у викария, значит, похоже, она выезжает, и однако ж, она так неразговорчива, что трудно этому поверить.

Эдмунд, к которому прежде всего были обращены эти слова, ответил:

— Я, кажется, представляю, что вы имеете в виду... но не берусь ответить на ваш вопрос. Моя кузина уже не ребенок. По годам и здравому смыслу она взрослая, но выезжает или не выезжает — это выше моего понимания.

— И однако же, в этом очень просто разобраться. Различие столь велико. Манера поведения, а также внешний вид обычно совсем разные. До этого случая мне и в голову не приходило, будто можно ошибиться, выезжает девушка или нет. Если девушка не выезжает, она всегда определенным образом одета, носит, например, скромный капор, кажется очень застенчивой и никогда слова не вымолвит. Можете улыбаться, но, уверяю вас, это так, и так и следует, хотя, случается, в этом чересчур усердствуют. Девушке положено быть тихой и скромной. Самая нежелательная сторона в этом, что, когда девушку вводят в общество, ее поведение часто меняется слишком резко. Иные в самое короткое время переходят от робости к полной ее противоположности — к самонадеянности! Вот в чем недостаток нынешнего порядка вещей. Неприятно видеть девушку восемнадцати, девятнадцати лет, которая так внезапно переменилась, особенно если вы видели ее год назад, когда она едва решалась заговорить. Мистер Бертрам, уж вам то наверно приходилось иной раз наблюдать такое.

— Разумеется, приходилось. Но едва ли это справедливо. Я вижу, что у вас на уме. Вы подшучиваете надо мною и мисс Андерсон.

— Ни в коем случае. Мисс Андерсон! Я не понимаю, о ком или о чем вы говорите. Я в полном неведении. Но я с величайшим удовольствием стану над вами подшучивать, если вы объясните, о чем речь.

— О, как же ловко вы всё разыграли, но меня не так то легко провести. Когда вы описывали изменившуюся молодую особу, у вас перед глазами уж наверно была мисс Андерсон. Вы слишком точно ее нарисовали, я не ошибся. Все было именно так. Андерсоны с Бейкер стрит. Мы как раз вчера о них говорили. Эдмунд, ты ведь слышал, я упоминал Чарлза Андерсона. Как раз тот случай, о котором

рассказала сия молодая особа. Когда Андерсон впервые представил меня своему семейству, тому года два, его сестра не выезжала и мне не удавалось втянуть ее в беседу. Однажды утром я просидел там час, дожидаясь Андерсона, в комнате была единственно эта девица да еще маленькая девочка, а может две — гувернантка то ли хворала, то ли отлучилась, маменька же всякую минуту появлялась и исчезала с деловыми письмами; и мне никак не удавалось удостоиться от молодой девицы ни словечка, ни взгляда, никакого подобающего ответа, она поджала губки и отворотилась от меня, да с каким видом! С того дня я не видел ее год. Она стала выезжать. Я встретил ее у миссис Холфорд — и не узнал. Она подошла ко мне, сказала, что мы знакомы, и так пристально на меня глядела, что я совсем смешался, а она знай себе щебечет и смеется, я уж просто не знал, куда деваться. Я чувствовал, что становлюсь всеобщим посмешищем... а мисс Крофорд, без сомнения, слышала эту историю.

— Прелестная история, и столь правдивая, что, осмелюсь сказать, она не к чести мисс Андерсон. Это слишком распространенный недостаток. Маменьки, конечно, еще не совсем верно направляют своих дочерей. Не знаю, в чем состоит их ошибка. Не решусь советовать, как ее избежать, но я, безусловно, вижу, что они часто ошибаются.

— Те, кто своим поведением показывает, как женщине следует себя вести, весьма способствуют исправлению этой ошибки, — галантно заметил мистер Бертрам.

— В чем состоит ошибка, достаточно ясно, — сказал не столь обходительный Эдмунд, — эти девицы плохо воспитаны. Им с самого начала внушили неверные понятия. Их поступки всегда вызываются тщеславием — ни до того, как они начинают появляться на людях, ни после в их поведении нет истинной скромности.

— Ну, не знаю, — нерешительно ответила мисс Крофорд. — Нет, я не могу с вами согласиться. Право же, это далеко не самое важное. Куда хуже, когда девушки, которые еще не выезжают, держатся так же высокомерно и осмеливаются вести себя так же, как если бы выезжали, а я такое видела. Вот это хуже некуда, вовсе отвратительно!

— Да, это и вправду никуда не годится, — сказал мистер Бертрам. — Это сбивает с толку, не знаешь, как себя вести. Плотно облегающий голову капор и эдакий смиренный вид, которые вы так хорошо описали, куда уж верней — сразу говорят, чего тут ждать; а из за их отсутствия я в прошлом году попал в пренеприятную историю. Прошлым сентябрем, только воротясь из Вест Индии, я на неделю поехал в Рамс

гит с приятелем, со Снидом, я уже упоминал о нем при тебе, Эдмунд. Там были его отец и мать и сестры, всё новые для меня лица. Когда мы приехали, их не было дома; мы отправились на поиски и нашли их на пристани. Миссис Снид была там с двумя дочерьми и кое с кем из знакомых. Я, как положено, поклонился, и, поскольку миссис Снид была окружена мужчинами, присоединился к одной из ее дочерей, сопровождал ее всю дорогу домой и всячески старался ее занять; молодая девица держалась вполне непринужденно и говорила столь же охотно, как слушала. У меня и в мыслях не было, будто я веду себя не так, как положено. По виду сестры ничем не отличались друг от друга: обе хорошо одеты, с вуалями и зонтиками, как и все другие девицы; но после оказалось, что все свое внимание я уделил младшей сестре, которая не выезжала, и этим чрезвычайно обидел старшую. В ближайшие полгода мисс Огасту еще не следовало замечать, и, я думаю, мисс Снид никогда мне этого не простила.

— Да, и правда нехорошо. Бедная мисс Снид! Хотя у меня и нет младшей сестры, я ей сочувствую. Как это должно быть досадно, когда тебя раньше времени перестают замечать. Но тут во всем виновата маменька. Мисс Огасту должна была сопровождать гувернантка. Подобная половинчатость никогда не приводит ни к чему хорошему. Но теперь удовлетворите мое любопытство насчет мисс Прайс. Она выезжает на балы? А на обедах бывает всюду, не только у моей сестры?

— Нет,— отвечал Эдмунд,— не думаю, чтоб она хоть раз была на балу. Моя матушка редко ездит в гости, обедает единственно у миссис Грант, более ни у кого, и Фанни остается дома с нею.

— О, тогда все ясно. Мисс Прайс не выезжает.

ГЛАВА 6

истер Бертрам отправился в ..., и мисс Крофорд была готова ощутить величайшую пустоту в обществе, образованном двумя их семействами, и даже скучать по нему во время их встреч, которые в последнее время происходили чуть не всякий день; и когда вскоре после его отъезда они все вместе обеды в Мэнсфилд парке, она заняла свое излюбленное место неподалеку от конца стола, уверенная, что смена хозяина за

ставит ее почувствовать весьма печальную перемену. Она не сомневалась, что обед пройдет прескучно. Не в пример брату, Эдмунд не найдет тем для беседы. Супом станут обносить при унылом молчании, вино пить без всяких улыбок и милого вздора, дичину резать без сопровождения хотя бы одного единственного рассказа о том, как вкусна была оленья нога в прошлый раз, или занимательной истории «об одном моем друге». Ей придется искать развлечение в том, что происходит в другом конце стола, или, наблюдая за мистером Рашуотом, который теперь появился в Мэнсфилде, впервые после приезда Крофордов. Он гостил в соседнем графстве у приятеля, у которого недавно на новый манер переустроили парк, и воротился полный мыслями об этом, снедаемый жаждой переустроить и свою усадьбу таким же манером; и хотя ничего толком рассказать не мог, говорил единственно о таком переустройстве. Это уже обсуждали в гостиной и теперь возобновили разговор в столовой. Было очевидно, что мистер Рашуот желал заинтересовать этим всего более мисс Бертрам и узнать ее мнение; и хотя ее поведение говорило скорее не о том, что она сколько нибудь стремится пойти ему навстречу, но о том, что она сознает свое превосходство над ним, упоминание Созертон корта и связанных с ним планов наполняло ее ощущением довольства и не позволяло вести себя совсем уж нелюбезно.

— Я бы хотел, чтобы вы увидели Комптон,— говорил он,— это само совершенство! Никогда в жизни не видел, чтобы усадьба так изменилась. Я сказал Смиту, что не понимаю, где я нахожусь. Такого красивого подъезда к дому не сыщешь во всей Англии. Дом открывается взгляду в совершенно неожиданном повороте. Право слово, приехав вчера в Созертон, я вдруг увидел, что он похож на тюрьму, на самую что ни на есть мрачную тюрьму.

— Стыд и срам! — воскликнула миссис Норрис. — Нечего сказать — тюрьма! Созертон — распрекраснейшая усадьба.

— Ее вне всякого сомнения необходимо переустроить, сударыня. В жизни не видел дома, который было бы так необходимо переустроить. И он такой унылый, просто ума не приложу, что с ним можно поделать.

— Не удивительно, что мистер Рашуот так думает именно сейчас,— с улыбкой сказала миссис Грант, обращаясь к миссис Норрис,— но будьте уверены, когда наступит время, которого он ждет всем сердцем, в Созертоне все будет переустроено.

— Мне надо попытаться что то сделать со своей усадь

бой,—сказал мистер Рашуот,—но что, я не знаю. Я надеюсь, у меня будет добрый друг, который мне поможет.

— Мне кажется, в таких обстоятельствах самым лучшим другом для вас был бы мистер Рептон,—невозмутимо заметила старшая мисс Бертрам.

— Как раз об этом я и думал. Раз он так хорошо все сделал у Смита, я полагаю, мне надобно немедля с ним условиться. Он берет пять гиней за день.

— Да бери он все десять, уж вас то наверняка это не должно останавливать! — воскликнула миссис Норрис.— Цена не должна быть вам помехой. Будь я на вашем месте, я б за ценой не постоила. Я велела бы все сделать в самом изысканном стиле и наилучшим образом. Такая усадьба, как Созертон корт, заслуживает, чтоб там было сделано все, чего можно достичь с помощью вкуса и денег. Там просторно, есть где развернуться, а парк с лихвой вознаградит вас за ваши старания. Коснись до меня, так, если б у меня была хоть пятая доля той земли, что у вас в Созертон корте, я б постоянно что нибудь сажала да что нибудь переустраивала, уж очень мне это по сердцу и по нраву. В моем теперешнем пристанище земли всего пол акра, и было бы вовсе нелепо что нибудь такое затевать. Курам на смех. Но будь у меня поболее места, я б находила огромное удовольствие в переустройстве и посадках. В пасторате мы очень много этим занимались; он стал совсем не тот, каким был, когда мы приехали. Вы, молодежь, пожалуй, мало что помните о нем. Но был бы здесь дорогой сэр Томас, он то мог бы вам рассказать, как и что мы переустроили; мы бы сделали и еще многое, если б не слабое здоровье бедного мистера Норриса. Он, бедняжка, почти никогда не выходил из дому, не мог порадоваться делам рук наших, и это лишало меня охоты заняться теми усовершенствованиями, о которых мы не раз говорили с сэром Томасом. Когда б не болезнь мистера Норриса, мы собирались продолжить ограду сада и насадить деревья, чтобы отгородить кладбище, как сделал доктор Грант. Мы и так всегда что то делали. Всего за год до кончины мистера Норриса мы посадили у стены конюшни абрикос, и теперь он превратился в такое замечательное дерево, любо смотреть, сэр,—докончила она, обратясь к доктору Гранту.

— Дерево, без сомненья, прекрасно разрослось, сударыня,—отвечал доктор Грант.— Почва хорошая, и не было случая, чтоб, пройдя мимо, я не пожалел, что плоды не стоят тех усилий, которые потребуются, чтобы их снять.

— Это вересковая пустошь, сэр, мы купили эту землю как пустошь, и она нам стоила... то есть это подарок сэра

Леди Чэмберс.
С картины Дж. Рейнолдса, 1792 г.

Томаса, но мне попался на глаза счет, и я знаю, земля стоит семь шиллингов и была записана как вересковая пустошь.

— Вас провели, сударыня,— отвечал доктор Грант.— Картофель, который мы сейчас едим, с таким же успехом можно принять за абрикос с вересковой пустоши, что и плод, который снят с того дерева. Он в лучшем случае безвкусный; хороший абрикос пригоден для еды, а ни один абрикос из моего сада непригоден.

— По правде говоря, сударыня, мистер Грант едва ли знает истинный вкус наших абрикосов,— через стол обращаясь к миссис Норрис, тихонько сказала миссис Грант, будто не желая, чтобы ее услышали другие.— Не знаю, удалось ли ему попробовать хотя один,— плод этот такой ценный и не требует особых трудов, а наши еще и замечательно крупные, хорошего сорта, так что при раннем варенье да пирогах с начинкой моя кухарка ухитрится употребить их все.

Миссис Норрис, которая стала уже покрываться краской, успокоилась, и некоторое время разговор шел не о переустройстве Созертоне, а об других материях. Доктор Грант и миссис Норрис редко находились в согласии; их знакомство началось со спора о деньгах за износ пасторского дома, и обыкновения у них были вовсе различные.

Немного погодя мистер Рашуот опять принялся за свое.

— Имением Смита восхищается все графство. А до того, как им занялся Рептон, там и смотреть было не на что. Я предполагаю сговориться с Рептоном.

— На вашем месте, мистер Рашуот, я бы насадила какойнибудь миленький кустарник,— сказала леди Бертрам.— В хорошую погоду приятно выйти в аллею, обсаженную кустами.

Мистер Рашуот жаждал заверить ее светлость в своем совершенном согласии и попытался сказать что то лестное; но, говоря о своей покорности именно ее вкусу, с которым будто бы неизменно совпадали и его всегдашние намерения, да еще сверх того стараясь дать понять, сколь неизменно он внимателен к удобству всех дам, и исподволь внушить, что лишь одной единственной он страстно желает угождать, он совсем запутался, и Эдмунд был рад положить конец его речи, предложив ему вина. Однако же мистеру Рашуоту, обыкновенно вовсе неразговорчивому, было еще что сказать о дорогом его сердцу предмете.

— У Смита земли всего не многим более ста акров, само по себе маловато, и тем удивительней, что их удалось так переустроить. Ну, а в Созертоне у нас добрых семьсот акров, не считая заливных лугов; так что, я полагаю, если можно было так преобразить Комптон, нам отчаиваться незачем. Там срубили два не то три красивых старых дерева, которые росли чересчур близко к дому, и это удивительно, какой теперь открывается вид, так что я полагаю, Рептон, или ктонибудь вроде него, в Созертоне непременно срубит аллею, знаете, ту, которая ведет с запада к вершине холма,— говорил он, обращаясь более всего к мисс Бертрам.

Но мисс Бертрам подумала, что ей вот как пристало ответить:

— Аллея? Ах нет, не помню. Право же, я очень мало знаю о Созертоне.

Фанни, которая сидела по другую руку Эдмунда, как раз напротив мисс Крофорд, и внимательно слушала, теперь посмотрела на него и негромко сказала:

— Рубить аллею! Как жаль! Это не приводит тебе на

мысль Купера? «Аллеи срублены, и вновь скорблю о вашей незаслуженной судьбе».

— Боюсь, аллее не на что надеяться, Фанни,— с улыбкой отвечал Эдмунд.

— Хотелось бы мне увидеть Созертон до того, как вырубят деревья, увидеть усадьбу такой, какая она сейчас, какой была с давних пор. Но, наверно, мне это не удастся.

— Ты никогда там не была? Ну, конечно, у тебя не было случая. И к сожалению, верхом туда далеко. Надо нам чтонибудь придумать.

— Это не важно. Когда я его наконец увижу, ты мне расскажешь, что в нем изменили.

— Как я понимаю, Созертон старинная усадьба и не лишена величия,— сказала мисс Крофорд.— Она в каком то определенном стиле?

— Дом построен во времена Елизаветы, он самый обыкновенный, кирпичный, обширный, тяжеловесный, но внушительный и со множеством хороших комнат. Расположен он неудачно, в одном из самых низких мест парка, и оттого его неудобно переустраивать. Но роща прекрасная, и есть ручей, который, надо полагать, может очень послужить к украшению усадьбы. Я думаю, мистер Рашуот совершенно прав, намереваясь придать ей современный вид, и несколько не сомневаясь, что все будет сделано наилучшим образом.

Мисс Крофорд слушала его уважительно и сказала себе: «Как прекрасно воспитан человек, он отлично вышел из трудного положения».

— Не хочу навязывать мистеру Рашуоту свое мнение,— продолжал Эдмунд,— но если бы я переделывал усадьбу на новый лад, я бы не стал доверяться чужим рукам. Пусть бы у меня получилось не так красиво, зато по моему собственному вкусу, и не разом, а постепенно. Я предпочел бы мириться с собственными промахами, а не с чужими.

— Вы то, конечно, знали бы, чего хотите, а вот мне это не подходит. Не могу я в таких делах ничего ни представить заранее, ни измыслить, мне подавай все готовое; и будь у меня собственная усадьба, я была бы премного благодарна любому мистеру Рептону, лишь бы он взялся за это и с помощью моих денег навел там всю красоту, на какую способен; и покуда он все не закончит, я ни разу ни на что и не гляну.

— А для меня такая была бы радость видеть, как все постепенно меняется,— сказала Фанни.

— Ну, да, так уж вас воспитали. В мое образование это не входило, и единственный подобный урок, преподанный

мне далеко не самым любимым человеком, показал мне, что постепенное переустройство поистине мученье. Три года назад адмирал, мой достопочтенный дядюшка, купил небольшой дом в Туикенеме, дабы нам всем было где проводить лето. И мы с тетушкой отправились туда в полном восторге, но, хотя дом был прелестнейший, мы скоро поняли, что его необходимо переустроить. И три месяца повсюду была грязь и беспорядок, ни одна дорожка не посыпана песком, ни на одну скамью невозможно присесть. Я бы хотела, чтобы при загородном доме все доведено было до наивозможнейшего совершенства — аллеи, обсаженные кустами, и цветники, и множество садовых скамей. Но все должно быть сделано без моего попеченья. Генри — иной, он любит сам во всем участвовать.

Услыхав, как мисс Крофорд, которою Эдмунд весьма склонен был восхищаться, небрежно говорит о своем дяде, он огорчился. Это не согласовалось с его понятиями о приличиях, и он молчал до тех пор, пока ее дальнейшие улыбки и живость не побудили его пока отодвинуть эти мысли.

— Мистер Бертрам,— сказала она,— я наконец получила весть о своей арфе. Теперь я знаю, что она в Нортгемптонне, в целости сохранности, и все десять дней, вероятно, там и была, несмотря на торжественные заверения в обратном.

Эдмунд выразил удовольствие и удивление.

— А все потому, что мы действовали слишком прямо: посылали слугу, ездили сами — от Лондона туда не будет и семидесяти миль,— но сегодня утром мы узнали про это верным путем. Арфу видел один арендатор и сказал мельнику, а мельник — мяснику, а зять мясника оставил записочку в лавке.

— Я очень рад, что так или иначе вы получили о ней известие, и, надеюсь, теперь уж не будет никаких проволочек.

— Я должна получить ее завтра. Но как, по вашему, ее доставят? Не в фургоне или в двуколке. Нет, нет! Ничего такого здесь нанять невозможно. С таким же успехом я могла спросить носильщиков или ручную тележку.

— Я думаю, в разгар позднего сенокоса нелегко нанять лошадь и повозку?

— Я изумилась, узнав, какое это вызвало недовольство. Мне казалось, здесь сколько угодно лошадей и повозок, и я велела своей горничной с кемнибудь сговориться; ведь стоит мне выглянуть в окошко из моей туалетной, и я вижу деревенский двор, а гуляю в аллее — непременно пройду мимо другого двора, вот я и подумала,

стоит спросить — и повозка к твоим услугам, и еще жале-ла, что не всем смогу предоставить такой выгодный слу-чай. Вообразите же мое удивление, когда оказалось, что просьба моя самая неразумная и невозможная на све-те, что я провинилась перед всеми арендаторами, всеми работниками, перед самым сеном во всем приходе. А уж что до управляющего доктора Гранта, я чувствую, от него мне надобно держаться подальше. И даже мой брат, который вообще сама доброта, когда узнал, что я затея-ла, посмотрел на меня довольно хмуро.

— От вас нельзя было ожидать, чтоб вы подумали об этом заранее, но теперь, когда вы уже задумались, вы должны понять, как важно убрать сено. Должно быть, нанять повозку в любое время не так легко, как вы полага-ете, у наших арендаторов не в обычае отдавать их на сто-рону, а в страду им, верно, никак не обойтись без лошади.

— Со временем я пойму все ваши порядки. Но я при-ехала сюда с бесспорным лондонским правилом, что за деньги можно получить все, и поначалу была несколько смущена стойкой независимостью здешних обычаев. Од-нако же завтра арфу мне привезут. Генри само добросер-дечие, и он предложил привезти ее в своем ландо. Не правда ли, она будет доставлена с почетом?

Эдмунд сказал, что арфа — его любимый инструмент и он надеется, что в скором времени ему позволят ее послушать. Фанни вовсе никогда не слышала арфу и тоже очень хотела послушать.

— Я буду счастлива поиграть вам обоим,— отвечала мисс Крофорд,— по крайней мере столько, сколько вы пожелаете слушать, возможно, даже много больше — ведь я сама горячо люблю музыку, а когда слушатели от при-роды наделены тонким вкусом, исполнителю много при-ятней. Пожалуйста, мистер Бертрам, если вы пишете своему брату, прошу вас заверить его, что моя арфа при-бывает, он столько слышал, как я по ней тоскую. И если вам не трудно, можете сказать, что из сострадания к его чувствам я приготовлю к его возвращению самые грустные пьесы, ибо я знаю, что его лошадь потерпит поражение.

— Если буду писать, скажу все, что вы пожелаете; но пока я не предвижу такого случая.

— Да нет, вероятно, даже если б он уехал на год, будь ваша воля, ни вы бы ему, ни он вам ни разу не на-писали. Предвидеть такой случай поистине невозможно. Что за странные создания братья! Пока не возникнет самая настоятельная необходимость, вы нипочем не напи

жете друг другу; а когда вам все таки приходится взять в руки перо, чтобы сказать, что такая то лошадь заболела или такой то родственник умер, вы стараетесь обойтись самым малым числом слов. У вас у всех одна манера письма. Я прекрасно ее знаю. Вот Генри во всем остальном самый образцовый брат, он любит меня, советуется со мною, доверяет мне и готов разговаривать со мною часами, и однако, он ни разу не написал мне более одной странички, а часто всего лишь — «Дорогая Мэри, я только что приехал. В Бате, кажется, полно народу, и все здесь как обыкновенно. Искренне твой». Такова чисто мужская манера, таков законченный образец братского письма.

— Когда они вдали от всей семьи, они пишут и длинные письма,— сказала Фанни, зардевшись при мысли об Уильяме.

— У мисс Прайс брат в море,— сказал Эдмунд,— он безупречный корреспондент, и это внушает ей мысль, что во чересчур сурово о нас судите.

— В море, вот как?.. Конечно, в военном флоте?

Фанни предпочла бы, чтобы историю Уильяма поведал Эдмунд; но его решительное молчание вынудило ее самое рассказать о положении брата; говоря о его профессии и о чужеземных городах и странах, где он побывал, она оживилась, но стоило ей помянуть, сколько лет прошло с той поры, как он покинул родные края, и в глазах у ней заблестели слезы. Мисс Крофорд любезно пожелала ему скорейшего продвижения по службе.

— Вы ничего не знаете о капитане моего кузена? — спросил Эдмунд.— Капитан Маршалл? Сколько я понимаю, у вас широкое знакомство среди морских офицеров?

— Достаточно широкое среди адмиралов, но среди младших офицеров мы мало кого знаем,— сказала она надменно.— Капитаны, должно быть, превосходные люди, но они не нашего круга. Я могу много порассказать о разных адмиралах, и о них самих, и об их флагманских кораблях, и о том, у кого какое жалованье, и об их мелких ссорах и зависти. Но вообще могу вас заверить, что их всех обходят по службе и со всеми очень скверно обращаются. Жизнь в доме дяди, конечно же, свела меня с кругом адмиралов. Я много видела и контр адмиралов и вице адмиралов.

Эдмунд вновь стал серьезен и ответил только:

— Это благородная профессия.

— Да, профессия неплохая, но при двух условиях: если она дает возможность разбогатеть и если человек

умеет не сорить деньгами. Иными словами, она не из любимых моих профессий. Мне она никогда не была по сердцу.

Эдмунд опять заговорил об арфе и о том, с какой радостью он предвкушает возможность услышать игру мисс Крофорд.

Меж тем остальные все еще рассуждали о переустройстве парка; и миссис Грант не могла не обратиться к брату, хоть и отвлекла этим его внимание от мисс Джулии Бертрам.

— Генри, дорогой, а тебе нечего сказать? Ты ведь сам занимался переустройством, и, сколько я слышала, Эврингем может соперничать с лучшими усадьбами Англии. Его природные красоты несравненны. Мне и прежде казалось, Эврингем само совершенство: там такие волнистые земли и такие леса! Чего бы я не отдала, чтобы вновь его увидеть!

— Мне чрезвычайно приятно твое лестное мнение о нем,— отвечал Генри.— Но, боюсь, ты несколько разочаруешься. Он не будет соответствовать твоим нынешним вкусам. Там и земли то всего ничего... Ты удивишься, как он мал, а что до переустройства, там почти ничего нельзя было сделать, сущие пустяки... Я предпочел бы заниматься этим куда далее.

— Вы любите подобные занятия? — спросила Джулия.

— Безмерно. Но при столь благоприятном ландшафте, когда даже самому неопытному глазу было заметно, что там оставалось сделать совсем немного, и при вытекающих из этого моих намерениях Эврингем стал таким, каков он теперь, уже через три месяца после того, как я вступил в совершеннолетие. План переустройства возник у меня еще в Вестминстере, кое что я, пожалуй, изменил, будучи в Кембридже, и двадцати одного года привел его в исполнение. Я склонен завидовать мистеру Рашу оту, у него впереди столько радости. А радость, которая предстояла мне, я вкусил в один краткий миг.

— Кто быстро понимает, тот быстро решает и быстро действует,— сказала Джулия.— Вот уж у вас никогда не будет недостатка в занятиях. Чем завидовать мистеру Рашуоту, помогите ему советом.

Миссис Грант услышала последние слова Джулии и горячо к ней присоединилась, заверяя всех, что никто не понимает в подобных делах лучше ее брата; а поскольку мисс Бертрам тоже загорелась этой мыслью и полностью ее поддержала, заявив, что, по ее мнению, куда лучше

искать совета у друзей и бескорыстных советчиков, чем сразу же отдать все в руки специалиста, мистер Рашуот исполнился желания прибегнуть к помощи мистера Крофорда; и мистер Крофорд, как требовали приличия, заверив, что способности его весьма скромные, заявил, что он весь к его услугам и рад быть полезен. Тогда мистер Рашуот стал просить мистера Крофорда оказать ему честь пожаловать в Созертон и погостить там; а меж тем миссис Норрис, будто читая в умах своих племянниц, вовсе не пришедших в восторг от такого плана, ибо он лишал их общества мистера Крофорда, внесла свою поправку:

— Без сомненья, мистер Крофорд охотно поедет. Но почему не поехать и еще кое кому из нас? Почему нам не составить ему компанию? Тут многим интересны ваши нововведения, дорогой мистер Рашуот, и многим хочется услышать мнение мистера Крофорда прямо на месте, и может быть, их мнения тоже вам сгодятся; а что до меня, я давно желаю снова нанести визит вашей почтенной матушке; моя невнимательность вызвана единственно отсутствием собственных лошадей; а теперь я могла бы поехать, и, пока все остальные ходили бы да судили рядили, я бы посидела часок другой с миссис Рашуот, а после мы все могли бы вернуться сюда к позднему обеду или, если то будет удобно вашей матушке, пообедать в Созертоне и в свое удовольствие прокатиться домой при луне. Я полагаю, мистер Крофорд посадит в свое ландо моих двух племянниц и меня, Эдмунд может поехать верхом, сестра, а Фанни останется с тобою дома.

Леди Бертрам возражать не стала, а все, кому предстояло ехать, поспешили выразить свою готовность, один только Эдмунд, все выслушав, не произнес ни слова.

ГЛАВА 7

кажи, Фанни, а как тебе теперь нравится мисс Крофорд? — спросил Эдмунд на другой день, после того, как сам поразмыслил об этом. — Как она понравилась тебе вчера?

— Понравилась... даже очень. Мне нравится, как она разговаривает. Ее интересно слушать, и она необыкновенно хорошенькая, просто удовольствие смотреть на нее.

— Наружность ее поистине очень привлекательна.

У нее на редкость выразительное лицо! Но в ее словах, Фанни, тебя ничто не покорило?

— Да, правда! Ей не следовало так говорить о своем дяде. Я очень удивилась. Она жила у дяди столько лет, и, каковы бы ни были его недостатки, он так любит ее брата и, говорят, обращается с ним как с родным сыном. Я просто не поверила своим ушам!

— Я так и думал, что тебя это покоробит. Не годится так говорить... некрасиво.

— И по моему, сущая неблагодарность.

— Неблагодарность — весомое слово. Не знаю, есть ли у ее дяди хоть какое то право ждать от мисс Крофорд благодарности; у жены его, без сомнения, было такое право; и как раз сердечное тепло и уважение к памяти тетушки сбили ее с толку. Она оказалась в трудном положении. С таким горячим сердцем и живой душой, должно быть, нелегко отдать должное своему чувству к миссис Крофорд, не бросив при этом тень на адмирала. Не берусь судить, кто больше повинен в их раздорах, хотя нынешнее поведение адмирала, пожалуй, склоняет к тому, чтобы занять сторону его жены; и то, что мисс Крофорд полностью ее оправдывает, только естественно и привлекательно. Я не осуждаю ее мнения, но высказывать их прилюдно, право же, неуместно.

— А не кажется тебе,—спросила Фанни, немного поразмыслив,— что эта неуместность бросает тень на саму миссис Крофорд, ведь племянницу полностью воспитала она? И, видно, не сумела внушить ей верное понятие о том, чем она обязана адмиралу.

— Справедливое замечание. Да, недостатки племянницы нам следует отнести на счет тетушки; и тогда еще понятней, в каких она росла неблагоприятных условиях. Но ее нынешний дом должен принести ей пользу. Миссис Грант всегда держит себя безупречно. Приятно слушать, с какой любовью мисс Крофорд говорит о своем брате.

— Да, только недовольна, что он пишет ей такие короткие письма. Она меня насмешила. Но я не могу так уж высоко ценить любовь и доброту брата, который не дает себе труда написать сестре, когда они в разлуке, ничего достойного внимания. Уж конечно, Уильям никогда, ни при каких обстоятельствах так со мною не обошелся бы. И какое у ней право думать, что и ты, если уедешь, не станешь писать длинных писем?

— Право живого ума, Фанни, который ловит всякий повод, лишь бы позабавиться или позабавить других. Это

вполне позволительно, когда не одобreno дурным настроем или грубостью. А ни в наружности, ни в манерах мисс Крофорд нет и тени этого — ничего резкого, кричащего, вульгарного. Она на редкость женственна, за исключением тех частностей, о которых мы говорили. Тут ей нет оправданий. Я рад, что в этом мы с тобою единодушны.

Годами Эдмунд формировал ум Фанни, снискал ее привязанность, и не удивительно, что она переняла его образ мыслей; правда, теперь появилась опасность, что в эту пору и по этому поводу они разойдутся во взглядах, так как восхищение Эдмунда новой соседкою могло завести его туда, куда Фанни не в состоянии была за ним последовать. Очарование мисс Крофорд не ослабевало. В придачу к ее прелести, остроумию и неизменно хорошему настроению прибыла арфа, и, стоило только попросить, мисс Крофорд играла с величайшей охотою, с выражением и вкусом, что необыкновенно ей шло, и после каждой пьесы находилось несколько к месту сказанных слов. Ради удовольствия послушать свой любимый инструмент Эдмунд бывал в пасторате всякий день; каждое утро он получал приглашение на завтрашнее утро, ибо мисс Крофорд приятно было иметь слушателя, и в скором времени все пошло так, как и следовало ожидать.

Молодая девица, хорошенькая, живая, с арфой, столь же элегантной, как она сама, подле окна, выходящего на газон, окруженный кустами в пышной летней листве, — этого было довольно, чтобы покорить сердце любого мужчины. Время года, место, сама атмосфера, все располагало к нежным чувствам. Миссис Грант со своими пальцами тоже была им не без пользы; всё сливалось в гармонию; а так как когда рождается любовь, ей способствует всякая малость, то заслуживало внимания даже и блюдо с сэндвичами, которым оказывал честь доктор Грант. Не обдумывая происходящее, не зная, к чему стремится, Эдмунд, однако же, за неделю подобных встреч был уже порядком влюблен; и, к чести мисс Крофорд, надобно прибавить, что, хотя не был он ни светским человеком, ни старшим братом, хотя не владел искусством лести или занимательной светской беседы, он становился ей мил. Она это чувствовала, хотя никак не предвидела и едва ли могла понять; ведь приятен он был не на общепринятый лад — не болтал всякий вздор, не делал комплименты, в мнениях своих был непоколебим, внимание свое выражал спокойно и просто. Быть может, в его искренности, твер

Indulged with her
favourite instrument

дости, цельности было некое очарование, которое мисс Крофорд, вероятно, оказалась способна почувствовать, хотя и не умела отдать себе в нем отчет. Она, однако же, не слишком много размышляла о том: Эдмунд был ей приятен, ей нравилось его присутствие, довольно и этого.

Фанни не удивлялась, что каждое утро Эдмунд проводит в пасторате; она и сама была бы рада бывать там, будь у ней возможность являться без приглашений и никем не замеченной, единственно чтобы послушать арфу; не удивлялась она и тому, что, когда после вечерней прогулки оба семейства вновь расставались, Эдмунд считал уместным провожать миссис Грант с сестрою до их дома, меж тем как мистер Крофорд всецело посвящал себя дамам из усадьбы; но обмен этот она полагала весьма неравноценным, и если бы так было и за столом и Эдмунд не смешивал ей вино с водою, она предпочла бы вовсе обходиться без вина. Она несколько недоумевала, что он мог проводить столько часов с мисс Крофорд и не видеть притом недостатков, схожих с теми, которые уже заметил и о которых ей самой что нибудь непременно напоминало почти всякий раз, как она оказывалась в обществе этой особы; но так уж оно было. Эдмунд любил говорить с нею о мисс Крофорд, но ему, казалось, довольно и того, что дядюшке адмиралу от нее уже больше не доставалось; и Фанни не решалась делиться с ним своими наблюдениями, опасаясь показаться недоброжелательной. Первая истинная боль, испытанная ею по вине мисс Крофорд, была следствием желания той научиться, по примеру молодых обитательниц усадьбы, ездить верхом, которое возникло у ней вскоре после приезда в Мэнсфилд и которое Эдмунд поддержал, когда их знакомство стало более тесным, и для первых попыток предложил свою спокойную кобылу как самую подходящую из всех имеющихся в обеих конюшнях. Однако ж этим предложением он вовсе не думал причинить боль или огорчение своей кузине: ее это не должно было ни на день лишить прогулки верхом. Кобылу станут забирать в пасторат лишь за полчаса до того, как мисс Крофорд вознамерится сесть в седло; и когда Эдмунд впервые предложил это, Фанни вовсе не почувствовала себя уязвленной, напротив, исполнилась благодарности, ведь он спросил у ней разрешения отпустить кобылу.

Первое испытание мисс Крофорд выдержала с честью и не доставила Фанни никаких неудобств. Эдмунд, который привел кобылу и всем распоряжался, воротился

с нею вовремя, еще до того, как Фанни и степенный старый конюх, сопровождавший ее всякий раз как она ехала нерхом, без своих кузин, были готовы отправиться в путь. Назавтра все прошло не столь безупречно. Мисс Крофорд получала такое удовольствие от верховой езды, что попросту не могла остановиться. Неугомонная и бесстрашная, и хотя небольшого роста, зато крепкого сложения, она, казалось, нарочно создана была стать наездницей; и к чистой и неподдельной радости, какую она получала от самих уроков верховой езды, что то, вероятно, прибавилось от присутствия и наставлений Эдмунда, да еще от уверенности, что своими редкостными успехами она превосходит возможности, отпущенные природой женщине, и потому ей никак не хотелось спешиваться. Фанни была готова и ждала, и тетушка Норрис уже принялась распекать ее за то, что она мешкает, а ни лошади не было и в помине, ни Эдмунд не объявлялся. Чтобы избаться от тетушки и поискать Эдмунда, Фанни вышла в парк.

Оба дома, хотя и разделенные едва ли полумилей, не были в пределах видимости друг друга; но если пройти от парадных дверей полсотни шагов и посмотреть вдоль парка, открывался вид на пасторат и все его уголья, полого поднимающиеся за сельской дорогой; и на лугу доктора Гранта Фанни тотчас всех увидела — Эдмунд и мисс Крофорд ехали бок о бок верхами, а доктор, и миссис Грант, и мистер Крофорд с двумя или тремя грумами стояли неподалеку и наблюдали. Ей показалось, что все они в наилучшем настроении, все исполнены интереса к одному и тому же, все, без сомненья, превеселы, ибо неселый шум достигал и до нее. А вот ее этот шум совсем не порадовал; подумалось, что Эдмунд, верно, забыл об ней, и вдруг больно сжалось сердце. Она не могла отвести глаз от луга, не могла не смотреть на все, что там происходит. Сперва мисс Крофорд и ее спутник шагом, по кругу, объехали поле, совсем не маленькое; потом, явно по ее предложенью, пустились галопом; и Фанни, при ее робкой натуре, поражалась, как ловко та сидит на лошади. Через несколько минут они остановились, Эдмунд был рядом с мисс Крофорд, что то говорил, похоже, учил обращаться с поводьями, держал ее руку в своей; Фанни видела это, а быть может, дорисовала в своем воображении то, чего увидеть не могла. Ей не следует всему этому удивляться; что может быть естественней для Эдмунда, он ведь всегда старается каждому помочь, он со всеми

и каждым неизменно добр. Но она невольно подумала, что мистер Крофорд вполне мог бы избавить его от беспокойства, что брату особенно пристало и прилично было бы взять такую заботу на себя; однако мистер Крофорд, при всем его хваленом добросердечии и при всем его умении управлять с конем, вероятно, оказался бы тут профаном, и далеко ему было до деятельной доброты Эдмунда. Ей пришло на ум, что кобыле нелегко служить двум всадникам; уж если забыли о второй всаднице, должны бы подумать о бедняге лошади.

Вскоре, глядя на всадников, Фанни несколько успокоилась, так как общество на лугу рассеялось и мисс Крофорд, все еще верхом, но в сопровождение пешего Эдмунда проехала через калитку в аллею, в парк, и направилась к месту, где стояла она. Теперь она была в страхе, как бы не показаться грубой и нетерпеливой, и пошла им навстречу, горячо желая избежать этого подозрения.

— Дорогая мисс Прайс,— сказала мисс Крофорд, едва подъехала настолько, чтобы ее можно было услышать,— я еду, чтоб самой принести извинения за то, что заставила вас ждать... но мне решительно нечем оправдаться... я знала, что уже поздно и что я веду себя весьма дурно. И потому очень вас прошу, вы должны меня простить. Эгоизм, знаете ли, всегда должно прощать, ведь его не вылечишь.

Фанни ответила чрезвычайно учтиво, и Эдмунд прибавил, что ей, конечно же, некуда спешить.

— Право, времени более чем достаточно, чтобы моя кузина могла успеть дважды проехать то расстояние, какое обыкновенно проезжает,— сказал он,— и, помешав ей выехать на полчаса ранее, вы избавили ее от неудобства: сейчас натянуло облака, и она уже не будет страдать от жары. Надеюсь, вы сами не утомились от столь долгой тренировки. Я бы предпочел, чтоб вам не надо было возвращаться домой пешком.

— Уверю вас, меня только и утомляет, что необходимость спешиться,— сказала мисс Крофорд, спрыгнув на землю с его помощью.— Я очень крепкая. Меня никогда ничто не утомляет, кроме того, что мне не по вкусу. С очень большой неохотой уступаю вам место, мисс Прайс, но искренне надеюсь, что вам предстоит приятная прогулка и что я услышу одно только хорошее об этой милой, восхитительной, красивой лошади.

Старый конюх, который ждал поодаль со своей лошадью, теперь подошел к ним, посадил Фанни в седло, и

они тронулись в противоположную сторону парка; и на душе у ней нисколько не полегчало, когда, оборотясь, она увидела, что мисс Крофорд и Эдмунд спускаются с холма по направлению к деревне; не порадовал ее и конюх своим разговором об том, как ловко мисс Крофорд ездит верхом, за чем он наблюдал почти с таким же интересом, как сама Фанни.

— Одно удовольствие глядеть, когда миледи так лихо ездит верхом! — говорил он. — Ни в жисть не видал, чтоб кто лучше сидел в седле. У ней вроде и в мыслях того нет, чтоб бояться. Совсем не так, как вы, мисс, когда впервой начали, на пасху тому будет шесть лет. Господи помилуй! Да как же вы дрожали, когда сэр Томас велел посадить вас на лошадь!

В гостинной тоже превозносили мисс Крофорд. Сестры Бертрам полностью оценили ее достоинства — природенную силу и храбрость; она, как и они, получала удовольствие от верховой езды, как они, обладала редкостными способностями к этому искусству, и они расхваливали ее с величайшим удовольствием.

— Я так и знала, что она будет хорошо ездить верхом, — говорила Джулия, — у ней для этого подходящее сложение. Фигура такая же складная, как у брата.

— И она тоже всегда хорошо настроена, и такая же деятельная, — прибавила Мария. — Поневоле думаешь, что искусство верховой езды во многом зависит от состояния духа.

Когда вечером они расходились, Эдмунд спросил Фанни, собирается ли она завтра кататься верхом.

— Нет, не знаю, если тебе нужна лошадь, то нет, — ответила она.

— Мне самому она вовсе не нужна, — сказал он, — но когда бы тебе ни пришла охота остаться дома, я думаю, мисс Крофорд была бы рада воспользоваться ею па более долгий срок... иными словами, на все утро. Она непременно желает доехать до Мэнсфилдского выгона, миссис Грант говорила ей, что оттуда открываются замечательные виды, и я нисколько не сомневаюсь, что ей вполне это по силам. Но для этого подойдет любое утро. Она была бы чрезвычайно огорчена, если бы помешала тебе. И это вправду было бы очень дурно... Ведь она катается единственно ради удовольствия, а ты ради здоровья.

— Завтра я определенно не поеду, — сказала Фанни. — Последнее время я каталась очень часто и охотнее оста

нусь дома, ты ведь знаешь, я достаточно окрепла, и теперь вполне могу прогуливаться пешком.

Эдмунд был явно доволен, что должно было послужить утешением для Фанни, и конная прогулка к Мэнсфилдскому выгону состоялась на другое же утро; поехали все молодые люди, кроме нее, все получили большое удовольствие и во время поездки и еще того больше вечером, когда со вкусом ее обсуждали. Удавшийся замысел подобного рода обыкновенно рождает новый замысел, и, проехавшись к Мэнсфилдскому выгону, они все склонны были завтра же ехать куданибудь еще. Вокруг много было красивых видов, которыми стоило полюбоваться, и, хотя погода стояла жаркая, куда бы они ни поехали, всюду находились тенистые дорожки. Для молодого общества всегда найдется тенистая дорожка. Четыре погожих утра одно за другим они провели подобным же образом, показывая Крофордам окрестности и по хозяйски знакомя их с самыми живописными уголками. Все шло как нельзя лучше; все были отменно настроены и веселы, а жара докучала лишь настолько, чтобы можно было с приятностью об этом поговорить — и так шло вплоть до четвертого дня, когда радость одной из участниц этих развлечений была сильно омрачена. То была мисс Бертрам. Эдмунда и Джулию пригласили на обед в пасторат, а ее — нет. Миссис Грант сделала это движимая самыми добрыми намерениями, имея в виду мистера Рашуота, которого отчасти ожидали сегодня в усадьбе; но мисс Бертрам восприняла это как жесточайшую обиду, и, пока не оказалась дома, ее умение вести себя, скрыть овладевшие ею досаду и гнев подверглось суровому испытанию. А мистер Рашуот не приехал, и оттого обида стала еще горше, и не было у ней даже того облегчения, чтобы показать свою власть над ним; ей только и оставалось, что сердиться на маменьку, тетушку и кузину и по мере возможностей омрачать их обед и десерт.

Между десятью и одиннадцатью в гостиную вошли Эдмунд и Джулия, бодрые от вечернего воздуха, сияющие и веселые, полная противоположность тому, какими они застали сидящих там трех дам, ибо Мария едва подняла глаза от книги, леди Бертрам пребывала в полудреме, и даже тетушка Норрис, расстроенная дурным настроением племянницы, задав два три вопроса об обеде, на которые не тотчас получила ответ, казалось, чуть ли не дала себе зарок не произнести более ни слова. Первые несколько минут брат и сестра слишком рьяно восхваляли вечер и пре

возносили звезды, чтобы подумать о чем то, что было вне их самих, но при первой же паузе Эдмунд огляделся по сторонам и спросил:

— А где же Фанни?.. Уже пошла спать?

— Нет, во всяком случае, я этого не знаю,— отвечала тетушка Норрис.— Она только что была здесь.

Тут с другого конца предлинной комнаты донесся мягкий голосок Фанни; оказалось, что она на диване. Тетушка Норрис принялась ее бранить.

— Это прескверная привычка, Фанни, весь вечер бездельничать на диване. Почему не подойдешь, не сядешь здесь и не займешься делом, как все мы?.. Если у тебя нет своей работы, я могу тебя снабдить из корзинки для бедных. Там есть новый миткаль, который принесли на прошлой неделе, к нему еще никто не прикоснулся. Я вся измучилась, кроивши. Надобно тебе научиться думать о других. Верь моему слову, для молодой девицы отвратительная привычка — вечно валяться на диване.

Тетушка еще и половины всего этого не сказала, а Фанни уже вернулась на свое место за столом и вновь взялась за рукоделье; и Джулия, отменно настроенная после развлечений этого дня, отдала Фанни должное, неоскликнув:

— Могу сказать вам, тетушка, что Фанни менее всех в доме расслаживается на диване.

— Фанни,— сказал Эдмунд, со вниманием глядя на нее,— по моему, у тебя болит голова?

Отрицать это она не могла, но сказала, что боль не очень сильная.

— Не верится мне,— возразил он.— Я слишком хорошо знаю выражение твоего лица. Давно она началась?

— Незадолго до обеда. Это просто от жары.

— Ты в жару выходила?

— Выходила, а как же,— сказала тетушка Норрис.— А ты хотел бы, чтоб она в такой прекрасный день сидела дома? Все мы выходили, разве нет? Даже твоя маменька провела на воздухе более часу.

— И правда, Эдмунд,— прибавила ее светлость, полнотою пробудясь, когда миссис Норрис стала сердито выговаривать Фанни.— Я провела на воздухе более часу. Три четверти часа сидела в цветнике, а Фанни тем временем срезала розы, и, поверь, было очень приятно, только очень жарко. В беседке было довольно тенисто, но, скажу тебе, необходимость дойти до дому привела меня в совершеннейший ужас.

— А Фанни срезала розы, да?

— Да, боюсь, нынешний год это уж последние. Бедняжка! Ей так было жарко, но розы совсем распустились и долее ждать было нельзя.

— Право же, ничего нельзя было поделаться,— теперь уже мягче поддержала тетушка Норрис.— Уж не тогда ли у ней и заболела голова, сестра? Ничто так этому не способствует, как пребывание на жарком солнце, да еще склонившись. Но, мне кажется, к завтраму все пройдет. Ты бы дала ей понюхать ароматический уксус, вечно я забываю наполнить свой флакончик.

— Уксус у ней,— сказала леди Бертрам,— он у ней с тех пор, как она второй раз воротилась из твоего дому.

— Как! — воскликнул Эдмунд.— Она не только срезала розы, но и ходила по этой жаре через парк к вашему дому, сударыня, да еще дважды?.. Не удивительно, что у ней болит голова.

Миссис Норрис разговаривала с Джулией и не слыхала его слов.

— Я боялась, что ей будет трудно,— сказала леди Бертрам.— Но когда розы были собраны, твоя тетушка захотела поставить их у себя дома, и тогда, сам понимаешь, надобно было их отнести.

— И роз было так много, что ей пришлось ходить дважды?

— Нет, но их надобно было оставить в свободной комнате сохнуть, и, к сожаленью, Фанни забыла замкнуть дверь и принести назад ключи, так что пришлось ей идти опять.

Эдмунд встал и зашагал по комнате.

— И неужто некого было послать с этим порученьем, кроме Фанни? — сказал он.— Право слово, сударыня, в этом деле вы очень скверно распорядились.

— Вот уж не знаю, как тут можно было поступить лучше? — вскричала миссис Норрис, не в силах долее оставаться глухой,— разве только пойти мне самой. Но я не могу быть в двух местах разом, а в это самое время я по желанию твоей маменьки разговаривала с мистером Грином об ее скотнице и обещала Джону Груму написать миссис Джефферис об его сыне, и бедняга ждал меня уже полчаса. Я думаю, никому не придет в голову обвинять меня, будто я когда нибудь себя щажу, но, право же, не могу я все делать сразу. А что Фанни ради меня прошла до моего дому, так тут не многим более четверти мили, и я не думаю, чтоб моя просьба оказа

*While Lucy
cut the roses*

лась чрезмерной. Как часто я хожу туда и назад по три раза на дно, ранним утром и поздним вечером, да в любую погоду, и слова не говорю.

— Я хотел бы, чтобы у Фанни было хотя бы вполсилы ваших сил, сударыня.

— Ежели б Фанни постоянно не пренебрегала моционом, она б не уставала так скоро. Она вон уж сколько времени не ездила верхом, а я убеждена, что, когда она не ездит верхом, ей надобно ходить. Если б она перед тем каталась, я б не стала ее посылать. Но я думала, что после того как она согнувшись срезала розы, ей это только пойдет на пользу, ведь после такого рода усталости лучше всего освежает прогулка пешком. Солнце, правда, было горячее, но вовсе не такая уж стояла жара. Между нами говоря, Эдмунд,— сказала она, многозначительно кивнув в сторону его матери,— весь вред был оттого, что она срезала розы и слонялась по цветнику.

— Боюсь, так оно и есть,— сказала более чистосердечная леди Бертрам, услышав эти слова.— Очень боюсь, что виною головной боли цветник, такая была жара, что и умереть можно. Я сама едва перенесла ее. Сидела и звала мопса, не хотела пускать его на клумбы, и то едва выдержала.

Эдмунд не сказал дамам более ни слова, но тихонько пройдя к другому столу, на котором еще стоял поднос с ужином, принес Фанни стакан мадеры и чуть не весь заставил выпить. Она бы рада была отказаться, но из за слез, вызванных сменяющими друг друга чувствами, пить было легче, чем разговаривать.

Досадуя на мать и тетюшку, Эдмунд пуще того сердился на самого себя. Он забыл Фанни, и это хуже всего, что сделали они. Если б о ней должным образом подумали, ничего бы худого не случилось; но четыре дня подряд она была оставлена без внимания, не имея никакого выбора ни в обществе, ни в моционе, не имея никакого повода отказаться от всего того, что могли с нее спросить ее неразумные тетюшки. Стыдно ему было от мысли, что четыре дня подряд у ней не было возможности кататься верхом, и он дал себе зарок, что, хотя ему очень жаль лишать мисс Крофорд удовольствия, ничего подобного никогда больше не случится.

Фанни легла в постель с таким же тяжелым сердцем, как в первый вечер по приезде в Мэнсфилд парк. В ее недомоганье отчасти было повинно и состояние духа, потому что вот уже несколько дней она чувствовала себя

заброшенной и пыталась побороть недовольство и ревность. Когда она полулежала на диване, в дальнем углу, где укрылась от всех взглядов, душа у ней болела куда сильней головы; а из за внезапной перемены, которую вызвала доброта Эдмунда, она едва была в силах совладать с собою.

ГЛАВА 8

аннины прогулки верхом возобновились на другой же день, и, так как утро было славное, пронизанное свежестию, не такое жаркое, как все последнее время, Эдмунд верил, что ущерб, нанесенный ее здоровью и настроению, будет скоро возмещен. В ее отсутствие приехал мистер Рашуот, сопровождающий свою матушку, которая пожаловала, чтобы проявить любезность, в особенности приглашением посетить Созертон, поскольку план, который возник две недели назад, из за последовавшего затем ее отъезда из дому, до сих пор не осуществили. Тетушка Норрис и ее племянницы чрезвычайно обрадовались его возрождению, и поездка была назначена на один из ближайших дней, при условии, что мистер Крофорд не будет занят; девицы не забыли поставить это условием, и, хотя тетушка Норрис готова была бы ответить за мистера Крофорда согласием, они не одобрили ее смелость, но и не пожелали идти на риск; и наконец, поняв намек мисс Бертрам, мистер Рашуот сообразил, что самое для него верное — тотчас же отправиться в пасторат, посетить мистера Крофорда и спросить, подходит ли ему среда.

Еще до того, как он воротился, пришли миссис Грант и мисс Крофорд. Они уже несколько времени гуляли и, выбрав другой путь в усадьбу, разминувшись с ним. Однако ж они всех обнадежили, что он застанет мистера Крофорда дома. Было, разумеется, помянуто и о намерении ехать в Созертон. Право же, трудно представить, чтоб разговаривали о чем либо, кроме этой поездки, так как миссис Норрис была из за нее в приподнятом настроении, а миссис Рашуот, благожелательная, любезная, скучно разговорчивая, напыщенная особа, которая лишь то и разумела, что касалось ее самой или ее сына, настоятельно уговаривала леди Бертрам поехать вместе со всеми. Леди Бертрам неизменно отклоняла приглашение,

но спокойная манера отказа никак не убеждала миссис Рашуот, и она поняла, что миссис Бертрам подлинно не хочет ехать, лишь когда вмешалась миссис Норрис и куда многословней и громче объяснила ей правду.

— Для сестры это будет чересчур утомительно, уверяю вас, чересчур утомительно, дорогая миссис Рашуот. Ведь туда десять миль да назад десять. Вы уж извините на сей раз мою сестру и удовольствуйтесь двумя нашими милыми девочками и мною. Созертон единственное место, куда она и рада бы поехать в такую даль, но, право же, это невозможно. Фанни Прайс, знаете ли, составит ей компанию, и все будет хорошо; а что до Эдмунда, поскольку его тут нет, чтоб сказать самому, я отвечу за него — конечно, он будет счастлив присоединиться к остальному обществу. Он ведь может поехать верхом.

Миссис Рашуот, вынужденная согласиться с тем, что леди Бертрам останется дома, только и могла об этом пожалеть. Отсутствие ее светлости будет большим изъяном, и, конечно, было бы чрезвычайно приятно видеть у себя и молодую особу, мисс Прайс, она ведь еще не бывала в Созертоне, и такая жалость, что она его не увидит.

— Вы очень добры, вы сама доброта, сударыня! — воскликнула миссис Норрис, — но что до Фанни, у ней еще будет множество случаев увидеть Созертон. У ней впереди довольно времени, и о ее поездке сейчас не может быть и речи. Леди Бертрам никак без нее не обойтись.

— Да, да!.. Я не могу остаться без Фанни.

Убежденная, что все жаждут увидеть Созертон, миссис Рашуот затем пригласила и мисс Крофорд; и хотя миссис Грант, которая, поселившись по соседству, за все время не потрудилась нанести визит миссис Рашуот и сейчас учтиво отклонила приглашение, она была рада любому случаю доставить удовольствие сестре; и Мэри, после должных уговоров и разговоров, любезно приняла любезное приглашение. Мистер Рашуот воротился из пастората с успехом; и Эдмунд появился как раз вовремя, чтобы узнать, о чем условлено на среду, проводить миссис Рашуот до кареты, а двух других дам провести по парку до середины пути.

Возвратясь в малую гостиную, он застал там миссис Норрис, которая все никак не могла решить, желательно или нет чтобы мисс Крофорд тоже ехала в Созертон, и не будет ли ландо брата полно и без нее. Обе мисс Бертрам посмеялись над ее опасениями, заверив ее, что

четверо прекрасно там поместятся, а есть ведь еще и козлы, на которые ктонибудь может сесть с ним рядом.

— Но почему же ехать в экипаже Крофорда или в одном только его экипаже? — сказал Эдмунд. — Почему не воспользоваться маменькиным фаэтоном? Когда на днях впервые заговорили об этой поездке, я не мог понять, почему не поехать в собственном экипаже, если речь идет о семейном визите.

— Как? — вскричала Джулия. — По такой то погоде тесниться втроем в закрытой карете, когда можно расположиться в ландо! Нет, дорогой Эдмунд, это нам вовсе не подходит.

— Притом, я знаю, что мистер Крофорд надеется самолично нас повезти, — сказала Мария. — После того, что было сказано поначалу, он, конечно, счел наши слова за обещание.

— И потом, дорогой Эдмунд, брать два экипажа, когда довольно и одного, это только напрасное беспокойство, — прибавила миссис Норрис. — И между нами говоря, кучер не в восторге от дорог между Мэнсфилдом и Созертоном, он вечно жалуется, что аллеи узкие и карета всегда поцарапанная, и кому ж это надобно, чтоб дорогой наш сэр Томас воротился домой, а у кареты весь лак стерт.

— Воспользоваться экипажем мистера Крофорда по этой причине было бы не очень красиво, — сказала Мария. — Но все дело в том, что Уилкоккс — бестолковый старик и никудышный кучер. Ручаюсь, что в среду узкие дороги не причинят нам никакого неудобства.

— Я не вижу беды в том, чтоб ехать на козлах, — сказал Эдмунд, — ничего тут нет неприятного.

— Неприятного! — воскликнула Мария. — О господи, я уверена, всем захотелось бы занять это место. С козел лучше всего можно любоваться окрестностями. Наверно, мисс Крофорд захочет сидеть на козлах.

— Тогда может поехать и Фанни, без сомнения, для нее хватит места.

— Фанни! — повторила тетушка Норрис. — Дорогой Эдмунд, о том, чтоб ей ехать с нами, и думать нечего. Она остается со своей тетушкой. Я так и сказала миссис Рашуот. Ее там не ждут.

— Я полагаю, сударыня, — сказал он, обращаясь к матери, — у вас нет причин не желать, чтобы Фанни приняла участие в поездке, кроме той, что касается до вас,

до вашего удобства. Если бы вы могли обойтись без нее, разве вы желали бы задержать ее дома?

— Нет, конечно, но я никак не могу без нее обойтись.

— Можете, если я останусь с вами дома, а я намерен остаться.

В ответ раздались общие громкие протесты.

— Да,— продолжал Эдмунд.— Мне нет никакой необходимости ехать, и я намерен остаться дома. А Фанни горячо желает увидеть Созертон. Я знаю, ей очень этого хочется. Она не часто получает подобное удовольствие, и я уверен, сударыня, вам было бы приятно доставить ей эту радость.

— О да! Очень приятно, если только у твоей тетушки нет возражений.

У миссис Норрис тотчас нашлось единственное возражение, какое еще оставалось,— ведь они определенно заверили миссис Рашуот, что Фанни не сможет приехать, и престранно будет выглядеть, если они возьмут ее с собою, право же, осложнение это вовсе непреодолимо. Это бы выглядело более чем странно! Такою это было бы бесцеремонностью, так граничило бы с неуважением к миссис Рашуот, чьи манеры являют образец столь превосходного воспитания и внимательности, что по сравнению с нею она, миссис Норрис, чувствует себя сущей невежей. Тетушка Норрис не питала ни малейшей привязанности к Фанни, не было у нее и желания чемнибудь порадовать племянницу, но на сей раз она противоречила Эдмунду скорее из пристрастия к своему проекту, единственно потому, что не ктонибудь, а она его замыслила. Ей казалось, что она устроила все как нельзя лучше и все перемены будут только к худшему. Поэтому когда Эдмунд, дождавшись минуты, чтоб она замолчала, сказал в ответ, что ей не надобно беспокоиться насчет миссис Рашуот, потому что, идя с нею через прихожую, он упомянул о мисс Прайс, которая, возможно, тоже поедет, и немедленно получил для кухни весьма любезное приглашение, миссис Норрис была слишком раздосадована, чтобы охотно покориться, и только и сказала:

— Хорошо, прекрасно, как тебе угодно, поступай по своему, мне все равно.

— По моему, это неслыханно, чтоб ты остался дома вместо Фанни,— сказала Мария.

— Она, без сомнения, должна быть тебе очень приятна,— прибавила Джулия, поспешно выходя из комнаты с сознанием, что надо бы самой остаться дома.

— Фанни будет благодарна в той мере, в какой требует случай,— только и сказал Эдмунд, и на том разговор кончился.

Когда Фанни об этом узнала, благодарность ее много превзошла удовольствие. Она ощущала доброту Эдмунда со всей свойственной ей впечатлительностью и даже глубже, чем он мог вообразить, не подозревая о ее нежной привязанности к нему; но ей было больно оттого, что ради нее он отказался хотя бы от малого, да и без него возможность увидеть Созертон была ей не в радость.

При следующей встрече двух мэнсфилдских семейств в предполагаемую поездку были внесены еще изменения, да такие, которые встречены были всеобщим одобрением. Миссис Грант вызвалась составить компанию леди Бертрам вместо сына, а доктор Грант должен будет присоединиться к ним за обедом. Леди Бертрам была весьма довольна этой переменою, а молодые девицы вновь пришли в прекрасное расположение духа. Даже Эдмунд был явно благодарен, что все устроилось так, чтоб он мог принять участие в поездке; и миссис Норрис тоже сочла, что это прекрасная мысль, она и сама до этого додумалась и только хотела высказать вслух, но ее опередила миссис Грант.

В среду день выдался прекрасный, и вскоре после завтрака прибыло ландо, Крофорд привез сестер; к тому времени все были уже готовы, теперь оставалось только миссис Грант выйти из экипажа, а остальным занять места. Всем местам место, предмет всеобщей зависти, самое почетное сиденье осталось свободным. Кому выпадет счастливый жребий его занять? Пока сестры Бертрам размышляли, как верней, да еще изобразив это так, будто делаешь другим одолжение, сохранить его за собою, сомнения разрешила миссис Грант, которая, выходя из ландо, сказала:

— Вас пятеро, значит, одной лучше сесть с Генри, а ведь вы, Джулия, недавно говорили, что хотели бы научиться править лошадьми, так вот, по моему, для вас подходящий случай взять урок.

Как повезло Джулии! Как не повезло Марии! Первая вмиг оказалась на козлах, вторая, хмурая и разобиженная, заняла место внутри; и экипаж тронулся, сопровождаемый добрыми пожеланиями двух оставшихся дам и лаем мопса, которого хозяйка держала в объятиях.

Дорога пролегла по приятной местности, и Фанни, которая в своих прогулках верхом особенно не отдалялась от дому, скоро с великой радостью уже смотрела на все то,

чего не видела прежде, и любовалась открывающейся ей красотой. Во время беседы к ней обращались не часто, да ей этого и не хотелось. Собственные мысли и раздумья были по обыкновению лучшими ее собеседниками, и, замечая новые окрестности, коттеджи, стада, ребятишек, направление дорог, разницу в почвах, хороши ли хлеба и травы, она находила в том развлечение, которое могло стать отраднее единственно, если б она могла поделиться своими чувствами с Эдмундом. Только в этом и было у ней сходство с молодой особой, которая сидела рядом; во всем, кроме расположения к Эдмунду, мисс Крофорд ничуть на нее не походила. Совсем у ней не было присущей Фанни тонкости вкуса, ума, чувств; она едва замечала природу, неодушевленную природу; весь ее интерес был устремлен на людей, а склонность она имела к тому, что ярко и весело. Однако, глядя назад, на Эдмунда, когда дорога не петляла или, если он догонял их, когда дорога шла круто вверх, девицы были единоклюбны, и не раз в один и тот же миг восклицали «а вот и он».

Первые семь миль мисс Бертрам едва ли было чем утешиться; взгляд ее постоянно упирался в Крофорда и Джулию, которые сидели бок о бок и превесело без умолку болтали; и, видя его выразительный профиль, когда он с улыбкою поворачивался к сестре, или слыша ее смех, Мария неизменно испытывала досаду, которую из чувства приличия ей удавалось лишь слегка притушить. Когда Джулия оборачивалась, на лице у ней было написано удовольствие, и всякий раз, как она заговаривала с ними, ясно было, что она в наилучшем настроении — с ее места открывается очаровательный вид на окрестности, ей хотелось бы, чтобы они все могли им любоваться, и т. д. — но поменяться местами она предложила единственный раз, когда они достигли вершины пологого холма. Слова ее: «Ах, какой отсюда открывается прекрасный вид! Я бы хотела, чтоб вы сели на мое место, но, как бы я вас ни уговаривала, боюсь, вы не согласитесь» — обращены были к мисс Крофорд и прозвучали не слишком настойчиво, а не успела еще мисс Крофорд толком ответить, как экипаж опять покатил с большой скоростью.

Когда они оказались в пределах, наводящих на мысли о Созертоне, мисс Бертрам, о которой можно сказать, что ее влекло в две противоположные стороны, испытала облегчение. У ней были чувства к Рашуоту и чувства к Крофорду, и поблизости от Созертоня первые значи

тельно возобладали. Положение мистера Рашуота весьма завидное, и она чувствовала себя причастной к этому положению. Стоило ей сказать мисс Крофорд: «Эти леса входят в имение Созертон» — или небрежно заметить, что, «кажется, сейчас по обе стороны дороги всё собственность мистера Рашуота», и сердце ее ликовало; и удовольствию этому предстояло возрастать по мере их приближенья к превосходному особняку и старинной усадьбе рода, который у себя в имении олицетворял высшую власть.

— Теперь колдобин на дорогах не будет, мисс Крофорд, наши неприятности позади. Дальше дорога будет такая, как полагается. Мистер Рашуот привел ее в порядок, когда унаследовал имение. Отсюда начинается деревня. Вон те домишки поистине позор. Церковный шпиль почитают замечательно красивым. Я рада, что церковь не так близко к самому особняку, как часто бывает в старинных усадьбах. Колокольный звон, должно быть, ужасно досаждал. Здесь есть и пасторат; с виду приятный домик, и, сколько я понимаю, священник и его жена очень достойные люди. Вон там приют, его построил кто то из Рашуотов. По правую руку дом управляющего, он весьма почтенный человек. Сейчас мы подъезжаем к главным воротам парка, но предстоит еще чуть не милю ехать по парку. Вы видите, в этом конце он не уродлив, здесь есть красивые деревья, но расположен дом ужасно неудачно. Мы полмили едем к нему вниз по холму, и это жаль; будь подъезд к усадьбе лучше, она выглядела бы совсем недурно.

Мисс Крофорд поспешила выразить свое восхищение; она без сомненья догадывалась о чувствах мисс Бертрам и считала за честь всеми силами способствовать ее удовольствию. Миссис Норрис была сама говорливость и восторг; и даже у Фанни нашлись восторженные слова и наверно были приняты снисходительно. Она жадно вбирала все, что могла охватить взглядом; и после того как ей с трудом удалось увидеть дом, она заметила, что такие постройки вызывают в ней почтительность, и еще прибавила:

— А где же та аллея? Сколько я понимаю, дом обращен на восток. Так что аллея, должно быть, по другую сторону. Мистер Рашуот говорил о западном фасаде.

— Да, она как раз за домом, начинается чуть поодаль и тянется на полмили до самого конца парка. Часть ее можно увидеть отсюда... самые отдаленные деревья. Это все дубы.

Теперь мисс Бертрам могла с уверенностью говорить о том, в чем прежде, когда Рашуот спрашивал ее мнение, ничего не понимала, и, когда они подкатили к широкому каменному крыльцу перед парадным входом, ею овладело такое радостное волнение, какое только способны породить суетность и тщеславие.

ГЛАВА 9

Рашуот встретил свою прекрасную леди на пороге и с должным радушием приветствовал все общество. В гостиной их столь же сердечно приняла его матушка, и оба они с такой любезностью отличали из всех старшую мисс Бертрам, что большего она и желать не могла. После того как все поздоровались, надобно было первым делом откусать, двери широко распахнулись, и все прошли чрез несколько комнат в столовую, где их ждал изысканный и обильный завтрак. Было много сказано, много съедено, и все шло хорошо. Потом заговорили о том предмете, что был особою целью сегодняшней поездки. Как желал бы мистер Крофорд, каким образом он предпочел бы осмотреть парк?.. Мистер Рашуот предложил свой кабриолет. Мистер Крофорд дал понять, что куда желательней экипаж, в котором могут поместиться более двух человек.

Лишить себя счастливой возможности увидеть и глазами других, услышать и другие суждения было бы грешно, даже хуже, чем отказаться от удовольствия, которое мы получаем сейчас.

Миссис Рашуот сказала, чтоб они взяли и фаэтон, но это едва ли пришлось по вкусу: молодые девицы в ответ не улыбнулись и не сказали ни слова. Ее следующее предложение — показать дом тем из них, кто не был здесь прежде, оказалось приятнее, ибо Мария Бертрам обрадовалась случаю похвастать его размерами, и все рады были чем то заняться.

Соответственно все общество поднялось, и миссис Рашуот провела гостей чрез множество комнат с высокими потолками, иные весьма внушительных размеров, щедро обставленные во вкусе полувековой давности, с блестящими полами, массивным красным деревом, богатым Дамаском, мрамором, резьбой и позолотой, каждая хороша на свой

лад. Картин было в изобилии, из них несколько хороших, но большая часть фамильные портреты, уже никому ничего не говорящие, кроме миссис Рашуот, которая с великим старанием разузнала у домоправительницы все, чему та могла научить, и теперь почти с таким же успехом могла показывать дом. На сей раз она обращалась главным образом к мисс Крофорд и к Фанни, но готовность внимать ей была у них несравнима, ибо мисс Крофорд, которая уже повидала десятки великолепных домов и ко всем осталась равнодушна, теперь только делала вид, будто вежливо слушает, тогда как Фанни, которой все было почти столь же интересно, сколь ново, с непритворной серьезностью выслушивала все, что миссис Рашуот могла поведать о прошлом своего семейства, о его подъеме и величии, о королевских посещениях и свидетельствах преданности королю, и с радостью связывала эти события с уже известными ей из истории либо вызывала в воображении сцены былого.

Дом расположен был так, что ни из одной комнаты не открывался особо широкий вид, и, пока Фанни и другие слушали миссис Рашуот, Генри Крофорд озабоченно выглядывал из окон и качал головою. Из всех комнат, выходящих на западный фасад, был виден газон, а далее, сразу же за высоким железным палисадом и воротами, начиналась аллея.

Пройдя еще по множеству комнат, которые служили, казалось, только для того, чтоб можно было взимать оконный налог и дать занятие горничным, миссис Рашуот сказала:

— Теперь мы направляемся в домашнюю церковь, в нее надобно входить сверху и сверху же на нее смотреть, но все мы здесь свои люди и, с вашего позволения, я проведу вас отсюда.

Они вошли. Фанни воображала нечто большее, нежели просторную продолговатую комнату, обставленную так, чтоб располагать к молитве,— здесь не было ничего более внушительного или впечатляющего, чем обилие красного дерева и подушек темно красного бархата, что представлялись взгляду на идущей поверху семейной галерее.

— Я разочарована,— тихонько сказала Фанни Эдмунду.— Не такой я представляла домашнюю церковь. Нет в ней ничего, внушающего благоговенье, ничего печального, ничего величественного. Здесь нет боковых приделов, нет арок, нет надписей, нет хоругвей. Нет хоругвей, кузен, что «развевал бы ветер ночи, дующий с небес». Нет указания, что «под камнем сим шотландский спит монарх».

— Ты забываешь, Фанни, как недавно все это построено

и с какой ограниченной целью по сравнению со старинными часовнями в замках и монастырях. Она была предназначена всего лишь для надобностей одной семьи. Я думаю, хоронили членов семейства в приходской церкви. Там ты и найдешь хоругви и гербы.

— Глупо, что мне это не пришло в голову, но все равно я разочарована.

Миссис Рашуот начала свой рассказ:

— Эта церковь была украшена так, как вы ее видите, во времена Якова Второго. Сколько я знаю, до того эти скамьи были просто деревянные, и есть некоторые основания думать, что покровы и подушки на кафедре и семейной скамье были просто бордового сукна, но это лишь предположения. Церковь красивая, и прежде в ней служили постоянно, и утром и вечером. На памяти многих здесь всегда читал проповеди домашний священник. Однако покойный мистер Рашуот покончил с этим.

— Каждое поколение вносит свои усовершенствования, — с улыбкою сказала мисс Крофорд Эдмунду.

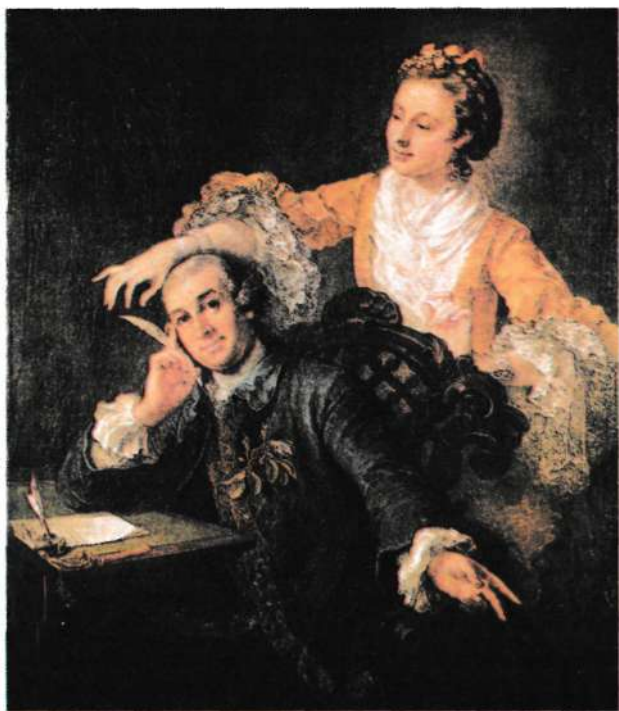
Миссис Рашуот отошла, дабы повторить то же самое мистеру Крофорду, а Эдмунд, Фанни и мисс Крофорд остались стоять вместе, одной стайкой.

— Как жаль, что этому обычаю был положен конец! — воскликнула Фанни. — То была драгоценная принадлежность прежних времен. В домашней церкви, в домашнем священнике есть что то такое, что очень согласно с большим величественным домом, представляется, что именно таков в нем должен быть обиход! Вся семья в одни и те же часы собирается для молитвы, это прекрасно!

— Еще как прекрасно! — со смехом сказала мисс Крофорд. — Главам семей, без сомнения, весьма полезно заставлять всех несчастных горничных и лакеев бросать дела и удовольствия и дважды в день молиться, меж тем как сами хозяева измышляют предлоги, чтобы при этом не присутствовать.

— Едва ли Фанни таким образом представляет себе семейные собрания, — заметил Эдмунд. — Если хозяин и хозяйка сами на них не присутствуют, в этом обычае должно быть не столько хорошего, сколько дурного.

— Во всяком случае, в таких материях лучше предоставить людей самим себе. Каждый предпочитает идти своим путем — выбрать, когда и как предаваться молитве. Обязанность присутствовать на службе, сама долгая церемония, скованность — все вместе тяжкое испытание и никому не нравится; и если б почтенные прихожане, которые изо дня

Дэвид Гаррик с женой.
С картины У. Хогарта, 1757 г.

в день преклоняли колени и зевали на галерее, могли предвидеть, что еще настанет пора, когда, проснувшись с головною болью, можно будет полежать лишние десять минут, не страшась осуждения за то, что пропустил службу, они запрыгали бы от радости и зависти. Вообразите, с какой неохотою часто отправлялись в домашнюю церковь бывшие красавицы из рода Рашуотов? Разные молодые миссис Элинор и миссис Бриджет напускали на себя притворную набожность, а головы их были полны совсем иных мыслей, особенно если бедняга священник был нехорош собою, а в те времена, я думаю, они были еще непригляднее, чем теперь.

На несколько мгновений слова ее повисли в воздухе. Фанни покраснела и подняла глаза на Эдмунда, но была так разгневана, что не могла вымолвить ни слова; ему и самому прежде, чем заговорить, потребовалось как то собраться с мыслями:

— При вашем живом уме вы едва ли можете отнестись серьезно даже к серьезным предметам. Вы нарисовали нам забавную картинку, и наши слабости не позволяют сказать, что так не могло быть. Иной раз мы все чувствуем, как трудно сосредоточиться в той мере, в какой было бы желательно; но если предположить, что это случается часто, то есть что из за нерадивости слабость обращается в привычку, чего ж можно ждать от такого человека, предоставив ему молиться в уединении? Неужто вы полагаете, что душа, которая страдает и позволяет себе отвлекаться от молитвы в церкви, была бы сосредоточенней в тесноте спальни?

— Да, очень вероятно. У ней будет, по крайности, два преимущества. Там меньше внешних отвлечений и душа не так долго будет подвергаться испытанию.

— Я думаю, душа, которая не борется с собою при одних обстоятельствах, найдет, на что отвлечься и при других, и влияние самого места и примера может зачастую вызвать лучшие чувства, чем те, которые были при начале. Однако признаюсь, долгая служба иной раз чересчур большое напряжение для души. Хорошо бы это было не так, но я не столь давно уехал из Оксфорда, чтобы забыть, каковы богослуженья при множестве народу.

Пока происходил этот разговор, а остальное общество разбрелось по церкви, Джулия обратила внимание Крофорд на свою сестру.

— Посмотрите ка на мистера Рашуота и Марию,— сказала она,— стоят рядом, будто перед бракосочетаньем. И вид у них такой, правда?

Крофорд улыбкою выразил согласие, подошел к Марии и сказал так, что она одна могла услышать:

— Мне неприятно видеть мисс Бертрам столь близко к алтарю.

Вздвигнув, та невольно сделала шаг другой, но тотчас опомнилась, деланно засмеялась и спорила его почти так же тихо, не будет ли он посаженным отцом.

— Боюсь, у меня это выйдет пренеловко,— отвечал он и посмотрел на нее со значеньем.

В ту минуту к ним подошла Джулия и подхватила шутку.

— Честное слово, вот ведь жалость, что нельзя совершить это немедленно, всего то и недостает разрешения венчать без церковного оглашения, мы уже все здесь, и получилось бы так мило и славно.

Она говорила об этом и смеялась почти безо всякой осторожности, будто желая привлечь внимание Рашуота и его матушки и заставить сестру выслушивать любезности,

произносимые вполголоса влюбленным, меж тем как миссис Рашуот, с подобающим достоинством и улыбками, говорила, что, когда бы сие событие ни произошло, она этим будет весьма счастлива.

— Был бы уж Эдмунд священником! — воскликнула Джулия и, подбежав туда, где он стоял с мисс Крофорд и Фанни, продолжала: — Эдмунд, дорогой, был бы ты уже священником, ты мог бы их обвенчать немедленно. Как жаль, что ты еще не посвящен в сан, мистер Рашуот и Мария вполне готовы к венцу.

Выражение лица мисс Крофорд при словах Джулии могло бы позабавить стороннего наблюдателя. Новость, которую она только теперь узнала, поистине ошеломила ее. Фанни стало ее жаль. «Как она будет терзаться оттого, что совсем недавно сказала», — промелькнуло у ней в голове.

— Посвящен в сан! — сказала мисс Крофорд. — Как, разве вы собираетесь стать священником?

— Да, вскоре после возвращения моего отца я приму сан... возможно, на рождество.

Придя в себя от неожиданности и вновь обретя прежний цвет лица, мисс Крофорд только и сказала:

— Знай я это прежде, я б отозвалась о духовенстве с большим уважением, — и переменяла предмет разговора.

Вскоре церковь вновь была предоставлена тишине и покою, которые за редким исключением царили здесь круглый год. Мария Бертрам, недовольная сестрой, шла впереди, и у всех, казалось, было такое чувство, что пробыли они там слишком долго.

Нижний этаж теперь был уже весь показан, и миссис Рашуот, которая в подобных случаях нисколько не уставала от своей роли, уже собралась проследовать к главной лестнице и вести гостей чрез все комнаты наверху, но тут вмешался сын, не уверенный, что им хватит на это времени.

— Ведь если мы слишком долго будем ходить по дому, — высказал он самоочевидное предположение, одно из тех, которые иной раз приходят на ум людям и с головою куда более ясной, — нам не останется времени посмотреть, что надобно сделать в парке. Уже половина третьего, а в пять мы обедаем.

Миссис Рашуот подчинилась, и теперь, вероятно, надобно было ждать, что все примутся оживленной прежнего обсуждать, кто и на чем отправится обозреть парк, и миссис Норрис приготовлялась заняться тем, какие всего лучше подобрать экипажи и лошадей, когда молодые люди, оказавшись пред входною дверью, соблазнительно растворенною

на лестничный марш, ведущий прямо к кустам и всем углам обложенной дерном площадки для игр, все словно в едином порыве, в жажде воздуха и свободы, вышли наружу.

— А почему бы нам пока не повернуть вот сюда,— сказала миссис Рашуот, тотчас же поняв намек и следуя за ними.— Тут всего более растений, и тут удивительные фазаны.

— А не найдется ли здесь чегонибудь для нас интересного, прежде чем мы пойдем дальше? — сказал мистер Крофорд, оглядываясь кругом.— Вот я вижу весьма многообещающие стены. Мистер Рашуот, не посоветаться ли нам на этом газоне?

— Джеймс,— заметила сыну миссис Рашуот,— я полагаю, девственная часть парка будет вновь для всего общества. Обе мисс Бертрам еще никогда такого не видали.

Возражений на это не последовало, но несколько времени, казалось, никто не склонен был ни присоединиться к чьему то предложению, ни куда то направиться. Поначалу всех привлекли разнообразные растения и фазаны, и, наслаждаясь волей, все разбрелись в разные стороны. Крофорд первый двинулся вперед, желая представить, каковы возможности дома с этого края. Газон, опоясанный высокой стеною, впереди упирался в кустарник, далее располагалась лужайка для игр в шары, а за нею газон уступами уходил вдаль и упирался в железную ограду, за которой с него видны были вершины деревьев, вплотную подступившей к нему неухоженной части парка. Место было самое подходящее для придинок. За Крофордом вскоре последовали Мария Бертрам и Рашуот, а когда немного погодя остальные тоже сошлись по несколько человек, Эдмунд, мисс Крофорд и Фанни, которые соединились, казалось, столь же естественно, как и первые трое, нашли их на террасе занятых обсуждением, ненадолго разделили их недоуменья и озабоченность, а затем покинули их и двинулись дальше. Последние трое,— миссис Рашуот, миссис Норрис и Джулия, все еще оставались далеко позади; ибо Джулия, которой более не светила счастливая звезда, вынуждена была держаться подле миссис Рашуот и приноравливать свой нетерпеливый шаг к ее медленной поступи, меж тем как миссис Норрис, случайно встретясь с домоправительницей, которая вышла покормить фазанов, остановилась с нею посудачить. Бедняжка Джулия, единственная из девяти вовсе не удовлетворенная своим жребием, теперь все время горько раскаивалась, и вполне возможно вообразить, сколь отличалась она от Джулии, что восседала на козлах ландо. Учтивость, воспи

тайная в ней как безусловная ее обязанность, не позволяла ей сбежать; а недостаток того истинного самообладания, того необходимого внимания к другим, того знания собственного сердца, того принципа справедливости, которые отнюдь не составляли основу ее воспитания, делали ее несчастною.

— Какая несносная жара,— сказала мисс Крофорд, когда они одолели уступчатый газон и во второй раз оказались у калитки напротив середины дома, выходящей к неухоженной части парка.

— Наверное, все мы не прочь отдышаться? Вон там прелестный лесок, если б только удалось в него попасть. Вот счастье, да только если калитка не на запоре! Но она, конечно же, на запоре, в этих огромных усадьбах одни только садовники и могут ходить, куда им угодно.

Калитка, однако, оказалась не заперта, и они все согласны и с радостью прошли через нее и оставили позади безжалостный блеск дня. Довольно длинный лестничный марш привел их в дальнюю часть парка, в насаженную рощу площадью около двух акров, и хотя состояла она главным образом из бука, пихты и лаврового дерева и была наполовину вырублена, и хотя разбита была с чересчур большой правильностью, здесь, в сравнение с лужайкой для игры в шары и уступчатым газоном, царили сумрак и тень и естественная красота. Все они ощутили ее свежесть и несколько времени только шли и восхищались. Наконец после недолгого молчания заговорила мисс Крофорд:

— Итак, вы собираетесь стать священником, мистер Бертрам. Меня это несколько удивляет.

— Почему ж это должно вас удивлять? Вы, несомненно, предполагали, что я готовлю себя к какому то поприщу, и могли понять, что я не пойду ни в законники, ни в военные, ни в моряки.

— Да, правда. Но, короче говоря, мне это не пришлось в голову. И ведь обыкновенно находится дядюшка или дед, который оставляет наследство второму сыну.

— Весьма похвальное обыкновение,— сказал Эдмунд,— но так бывает не всегда. Я одно из этих исключений и оттого должен сам о себе позаботиться.

— Но чего ради вам становиться священником? Я думала, это всегда удел самого младшего сына, когда много братьев и всем предоставляется выбор до него.

— Значит, вы думаете, что сама по себе церковь никогда никого не привлекает?

— «Никогда» — зловещее слово. Но если употребить «никогда» в обиходном смысле, что означает «довольно ред

ко», то да, я и вправду так думаю. Ведь чего можно достичь в церкви? Мужчины любят отличаться, и на любом другом поприще можно отличаться, только не в церкви. Священник — ничто.

— Надеюсь, «ничто» в обиходном употреблении, так же как «никогда», имеет степени. Священнику не дано занимать высокое положение или главенствовать в свете. Он не должен предводительствовать толпами или задавать тон в одежде. Но я не могу назвать ничтожной роль, которая обязывает заботиться о том, что всего важнее для человечества, имея в виду каждого человека в отдельности или все общество в целом, жизнь земную и вечную, обязывает пещься о религии и нравственности, а тем самым о поведении, которое из них проистекает. Такое служение никто не может назвать ничтожным. Если ничтожен человек, принявший его, то потому, что пренебрегает своим долгом, забывает о том, сколь важен этот долг, выступает в роли, в какой ему выступать не следует.

— Вы приписываете священнику большую роль, чем обыкновенно от него ждут или чем я в состоянии понять. Важность этой роли и то, что из нее проистекает, не очень и заметишь в обществе, и как это может быть достигнуто, если священнослужители почти не появляются на людях? Две проповеди в неделю, даже если они стоят того, чтобы их слушать, даже если у проповедника хватает ума написать их самому, а не заимствовать у Блэра, как могут они совершить все то, о чем вы говорите? Руководить поведением и нравами большого прихода во все прочие дни недели? Ведь священника редко где увидишь, кроме как на кафедре во время службы.

— Вы говорите о Лондоне, я же говорю обо всем государстве.

— Мне кажется, по столице можно довольно верно судить о любом другом месте.

— Нет, хочу надеяться, что не тогда, когда речь идет о соотношении добродетели и порока в королевстве. Не в больших городах мы ищем высочайшую мораль. Уважаемые люди любого звания не там могут творить всего более добра; и конечно, не там можно всего более ощутить влияние духовенства. За хорошим проповедником следуют, им восхищаются; но не только хорошими проповедями полезен священник своему приходу и округе, когда приход и округа невелики и всем виден его образ жизни, его личность и поведение, что в Лондоне бывает не часто. Там духовенство теряется в толпах прихожан. Священники из

вестны по большей части единственно как проповедники. А что до их влияния на поведение людей, я не хочу, чтобы мисс Крофорд поняла меня превратно, подумала, будто я почитаю их судьями хорошего воспитания, учителями благовоспитанности и учтивости, знатоками этикета. «Поведение», о котором я говорю, можно скорее назвать «нравами», пожалуй, следствием добрых принципов; короче говоря, следствием тех доктрин, которые им положено проповедовать, к которым положено приобщать свою паству; и я убежден, повсюду можно заметить, что, каково духовенство — такое, как ему быть должно, или не такое, — таков и весь прочий люд.

— Несомненно, — со спокойной уверенностью сказала Фанни.

— Вот вам, — воскликнула мисс Крофорд, — вы уже совершенно убедили мисс Прайс!

— Я был бы рад убедить мисс Крофорд.

— Не думаю, чтоб вам когда нибудь это удалось, — отвечала та с лукавой улыбкой. — Я и сейчас удивляюсь ничуть не меньше, чем вначале, что вы намерены принять сан. Право же, вы созданы для чего то лучшего. Ну передумайте же. Еще не поздно. Займитесь правом.

— Заняться правом! — Вы это советуете с такой же легкостью, как мне было сказано войти в эти заросли.

— Теперь вы собираетесь сказать, будто из двух этих занятий право более походит на непролазные заросли, но я вас опережаю; запомните, я вас опередила.

— Чтоб помешать мне сказать *bon mot*¹, вам вовсе не надобно торопиться, по натуре я нисколько не остроумен. Я выражаюсь просто и без затей и, прежде чем подыскать остроумное словцо, буду маяться добрых полчаса.

За этим последовало общее молчание. Каждый был погружен в свои мысли. Первой заговорила Фанни:

— Вот уж не думала, что устану оттого, что всего только пройду по этому прелестному лесу, но, когда дойдем до первой же скамейки, я буду рада немного посидеть.

— Фанни, дорогая, — воскликнул Эдмунд и тотчас предложил ей опереться на его руку, — как же это я не подумал! Надеюсь, ты не очень устала. Быть может, и моя вторая спутница окажет мне честь и обопрется на мою руку, — оборотился он к мисс Крофорд.

— Благодарю вас, но я ничуть не устала. — Говоря так, она, однако ж, оперлась на его руку. И, довольный этим,

¹ Острое словцо (фр.).

впервые ощущая ее близость, он на время забыл про Фанни.

— Вы едва коснулись меня,— сказал он.— Вам нет от меня никакой помощи. Поразительно, насколько женская рука легче мужской! В Оксфорде я привык, что на улице на меня опирался ктонибудь из мужчин, и по сравнению с ними вы всего лишь пушинка.

— Я правда не устала, чему даже удивляюсь, мы ведь прошли по этому лесу, должно быть, никак не меньше мили. Вам не кажется?

— Меньше полумили,— твердо отвечал Эдмунд: не настолько еще он был влюблен, чтобы измерять расстояние или считать время с женской небрежностью.

— О, вы не принимаете в расчет, сколько мы тут кружили. Мы шли такой извилистой тропой, а лес сам по себе занимает не менее полумили, если идти прямо, ведь с тех пор, как мы сошли с дороги, мы все еще не видели, где он кончается.

— Но если помните, прежде чем мы сошли с дороги, нам уже виден был его конец. Мы смотрели вдоль просеки и видели, что она упирается в железные ворота, и до них было не более фарлонга¹.

— О, я ничего знать не знаю про ваши фарлонги, но я уверена, что этот лес тянется очень далеко и что мы едва вошли в него, как стали кружить, и потому, когда я говорю, что мы прошли по нему добрую милу, я имею в виду во всех направлениях.

— Мы пробыли здесь ровно четверть часа,— сказал Эдмунд, доставая часы.— Неужели вы думаете, что мы идем со скоростью четыре мили в час?

— О, не донимайте меня своими часами. Часы вечно либо спешат, либо отстают. Не желаю я, чтобы мною управляли часы.

Еще несколько шагов — и тропинка вывела их на ту самую дорогу, о которой они говорили; и, чуть отступя от нее, хорошо затененная и укрытая листвой, обращенная к идущей по канаве изгороди, что отделяла парк, стояла удобная широкая скамья, на которую все они и опустились.

— Боюсь, ты слишком устала, Фанни,— сказал, поглядев на нее, Эдмунд,— ну отчего ты не сказала о том пораньше? Что тебе за удовольствие от сегодняшней поездки, если ты переутомишься. Представьте, мисс Крофорд, она тотчас устает от любой прогулки, кроме верховой езды.

¹ Восьмая часть английской мили.

— Как же тогда гадко, что всю прошлую неделю вы предоставляли мне ее лошадь! Мне стыдно за вас и за себя, но больше это не повторится.

— Ваша внимательность и забота заставляет меня еще острее почувствовать свою небрежность. Вы более меня печетесь о Фанни.

— Однако ее сегодняшняя усталость ничуть меня не удивляет; ведь ни одна из наших обязанностей так не утомляет, как наше утреннее занятие — мы осматривали большой дом, слонялись по комнатам, напрягали зрение и внимание. Слушать то, чего не понимаешь, восхищаться тем, до чего нет дела, — по общему мнению, нет ничего скучней на свете, и мисс Прайс, сама того не ведая, в этом убедилась.

— Я скоро приду в себя, — сказала Фанни. — Сидеть в тени в такой прекрасный день и смотреть на зелень — это превосходный отдых.

Немного погодя мисс Крофорд уже опять была на ногах.

— Мне надобно двигаться, — сказала она, — отдых меня утомляет. Я смотрела поверх изгороди, пока не устала. Хочу пойти посмотреть на тот же вид через железные ворота, оттуда я смогу толком все рассмотреть.

Эдмунд тоже поднялся со скамейки.

— Послушайте, мисс Крофорд, если вы посмотрите вдоль аллеи, вы убедитесь, что тут не может быть более полумили или даже четверти мили.

— Расстояние огромное, — сказала она, — это сразу видно.

Эдмунд все пытался ее переубедить, но напрасно. Она не желала подсчитывать, не желала сравнивать. Она лишь улыбалась и твердила свое. Высочайшая степень согласия и та не была бы так увлекательна, и они беседовали с обоюдным удовольствием. Наконец сошлись на том, что они постараются определить размеры леса, еще немного по нему похажив. Они пройдут в один конец, по тому направлению, на котором находятся, прямо по зеленой дорожке вдоль изгороди, и возможно, чуть свернут в сторону, если им покажется, что это им поможет, и через несколько минут воротятся. Фанни сказала, что отдохнула и тоже готова идти, но ей не позволили. Эдмунд так настойчиво уговаривал ее не двигаться с места, что она не могла ему противиться и осталась на скамейке, где сидела, и с удовольствием думала о заботливости кузена, но с великим сожалением о том, как недостает ей выносливости. Она смотрела им вслед, пока они не скрылись за поворотом, и прислушивалась до тех пор, пока не перестала их слышать.

Прошло четверть часа, двадцать минут, а Фанни все размышляла об Эдмунде, мисс Крофорд и о себе, и никто не нарушал ход ее мыслей. Она стала удивляться, что ее оставили так надолго, и прислушалась — ей не терпелось снова услышать их голоса и шаги. Она прислушивалась и наконец услышала, услышала голоса и приближающиеся шаги; но едва убедилась, что это не те, кого она ждет, как на дорожке, по которой пришла и она, появились и встали перед нею Мария, Рашуот и Крофорд.

«Мисс Прайс совсем одна!» и «Дорогая моя Фанни, как же так?» были их первые приветствия. Она поведала им, что произошло.

— Фанни, бедняжка моя! — воскликнула ее кузина. — Как дурно они обошлись с тобою! Лучше бы ты оставалась с нами.

Потом, сидя на скамейке меж двух джентльменов, она возобновила разговор, который они вели прежде, и принялась горячо обсуждать возможные преобразования усадьбы. Еще ничего не решили, но Генри Крофорд был полон идей и проектов, и, стоило ему чтонибудь предложить, это незамедлительно одобрялось сперва Марией, а после Рашуотом, который, казалось, только и делал, что слушал других, и едва ли рискнул высказать хотя бы единую собственную мысль, кроме желания, чтоб они увидели усадьбу его друга Смита.

Так прошли несколько минут, после чего мисс Бертрам, заметив железную калитку, выразила желание пройти через нее в парк, чтобы их представления и планы стали более полными. По мнению Генри Крофорда, именно этого должны были бы желать и все прочие, это единственный путь, который приведет их к наилучшему решению; и он немедленно увидел бугор, не далее как в полумиле, с которого как раз и откроется необходимый вид на дом. Так что всем надобно идти к тому бугру, через калитку; но калитка оказалась закрыта. Мистер Рашуот пожалел, что не взял с собою ключ; и ведь подумал было, не взять ли; уж теперь то он нипочем не выйдет из дому без ключа; но пока это никак не помогло делу. Пройти в парк было невозможно; а так как намеренье мисс Бертрам ничуть не ослабело, кончилось все заявлением мистера Рашуота, что он тотчас пойдет и возьмет ключ. И он тотчас отправился.

— Раз мы уже так далеко от дома, без сомнения, ничего лучше и не придумаешь,— сказал мистер Крофорд, когда тот ушел.

— Да, больше ничего не придумаешь. Но скажите откровенно, вы не находите, что усадьба в целом хуже, чем вы ожидали?

— Разумеется, нет, совсем напротив. Я нахожу ее лучше, величественней, более законченной в своем стиле, хотя стиль этот, быть может, и не самый лучший. И сказать по правде,— прибавил он, понизив голос,— я не думаю, что когда нибудь еще Созертон доставит мне такое удовольствие, как сейчас. Следующим летом он вряд ли покажется мне лучше.

После мгновенного замешательства его спутница так ему отвечала:

— Вы слишком светский человек, чтоб не видеть все глазами света. Если общество сочтет, что Созертон стал лучше, я не сомневаюсь, что и вы так подумаете.

— Боюсь, в некоторых отношениях я не настолько светский человек, как было бы к моему благу. Мои чувства не столь мимолетны, и я не так умело властвую над памятью о прошлом, как свойственно светскому человеку.

Последовало недолгое молчание. И опять заговорила мисс Бертрам.

— Поездка сюда нынче утром, кажется, доставила вам большое удовольствие. Мне приятно было видеть, что вы с Джулией так прекрасно развлекали друг друга. Вы оба всю дорогу смеялись.

— Разве? Да, в самом деле, но, убей меня бог, не могу вспомнить чему. А, ну как же, я рассказывал ей смешные истории про ирландца, слугу моего дядюшки. Ваша сестра любит смеяться.

— Вы находите ее веселей меня?

— Ее легче развлечь,— отвечал Крофорд,— а потому, знаете ли, она лучше в качестве спутницы,— продолжал он с улыбкою.— Вам, боюсь, было бы скучно все десять миль слушать ирландские анекдоты.

— Мне кажется, от природы во мне не меньше живости, чем в Джулии, но сейчас мне особенно есть о чем подумать.

— Несомненно... и бывают положения, когда чрезмерная веселость означает бесчувственность. Однако ваши виды слишком хороши, чтоб оправдать недостаток задора. Впереди вам все улыбается.

— Вы имеете в виду буквально или фигурально? Буквально, я думаю. Да, конечно, солнце светит, и парк так радует глаз. Но, к сожалению, из-за этой железной калитки, этой ограды, я будто скована, чего то лишена. Я не могу вырваться, как говорил тот скворец.

При этих словах, а были они сказаны с выражением, она пошла к калитке; Крофорд последовал за нею.

— Как долго мистер Рашуот не несет ключ!

— А вы ни за что на свете не выйдете без ключа, без соизволения и защиты мистера Рашуота, не то, я думаю, вы могли бы с моею помощью довольно легко пройти вот здесь, подле калитки; я думаю, это вполне возможно, если вы и правда хотите почувствовать себя свободнее и позволите себе подумать, что сие не запрещено.

— Запрещено! Чепуха! Я и вправду могу выйти таким образом и выйду. Мистер Рашуот вот вот будет здесь, мы еще не скроемся из виду.

— А если скроемся, мисс Прайс будет так добра и скажет ему, что он найдет нас у того пригорка, у дубовой рощи на пригорке.

Чувствуя, что их затея к добру не приведет, Фанни не могла не попытаться ей помешать:

— Ты поранишься, Мария,— воскликнула она,— ты непременно поранишься об эти зубцы, порвешь платье, соскользнешь в канаву. Лучше тебе не ходить.

Пока произносились эти слова, ее кузина в целостности была уже по другую сторону изгороди и, улыбаясь со всем добродушием, какое придает успех, сказала:

— Благодарю, дорогая Фанни, но и я и мое платье живы здоровы, так что до свиданья.

Фанни опять была оставлена в одиночестве, и настроение у ней нисколько не улучшилось, ее огорчало чуть ли не все, что она увидела и услышала, удивляло поведение Марии, и она сердилась на Крофорда. Избрав кружной и, как ей виделось, далеко не лучший путь к пригорку, те двое скоро скрылись из глаз; и еще несколько минут она оставалась, не слыша и не видя никого вокруг. Казалось, этот лесок отдан ей одной. Она могла бы даже подумать, что Эдмунд и мисс Крофорд совсем его покинули, но ведь не мог же Эдмунд вовсе о ней забыть.

Неожиданные шаги ворвались в ее неприятные размышления, кто то торопливо шел по главной дорожке. Она ожидала увидеть Рашуота, но оказалось, это Джулия, разгоряченная, запыхавшаяся; при виде Фанни она разочарованно воскликнула:

— Вот так так! А где же остальные? Я думала, Мария и мистер Крофорд тут с тобой.

Фанни объяснила.

— Ну и история, право слово! Их нигде не видно,— она нетерпеливо оглядывала парк.— Но они не могли далеко уйти, и я не хуже Марии могу одолеть эту изгородь, даже безо всякой помощи.

— Но, Джулия, мистер Рашуот с минуты на минуту будет здесь с ключом. Дождись же мистера Рашуота.

— Нет уж. Хватит с меня на сегодня этого семейства. Видишь ли, милая, я только что сбежала от его ужасной маменьки. Пока ты сидела тут спокойная и довольная, я такое вытерпела наказание! Надо бы тебе оказаться на моем месте, но ты всегда ухитряешься избежать таких переделок.

Были это на редкость несправедливые слова, однако Фанни не придала им значения, пропустила мимо ушей: Джулия была раздосадована, а нрав имела вспыльчивый, но чувствовалось, что она скоро отойдет, и оттого Фанни не стала ей возражать, только спросила, не видела ли она мистера Рашуота.

— Да, да, мы его видели. Он так мчался, будто дело шло о жизни и смерти, и только и успел сказать, почему торопится и где вы все.

— Жаль, что ему напрасно причинили столько хлопот.

— Это уж забота мисс Марии. Я не обязана наказывать себя за ее грехи. От его маменьки мне некуда было деться, поскольку моя прескучная тетушка вилась вокруг здешней экономки, но уж от сына я ускользну.

И она немедленно протиснулась меж прутьев ограды и пошла прочь, не слушая последнего вопроса Фанни, не видела ли она гденибудь мисс Крофорд и Эдмунда. Однако Фанни теперь почти с ужасом ждала возвращения Рашуота, и это мешало ей совершенно погрузиться в мысли об их столь долгом отсутствии. Она чувствовала, что с ним обошлись очень дурно, и была удручена, что должна будет сообщить ему обо всем происшедшем. Он присоединился к ней через пять минут после того, как скрылась Джулия; и, хотя Фанни представила все в наилучшем свете, он был явно обижен и недоволен сверх всякой меры. Поначалу он едва ли вымолвил слово; только лицо его выражало чрезвычайное удивление и досаду, он отошел к калитке и стоял там, казалось, не зная, как быть.

— Они пожелали, чтоб я тут осталась — моя кузина Ма

*He walked to the gate
and stood there without
seemingly to know what to do.*

рия поручила мне сказать вам, что вы найдете их у того пригорка или поблизости.

— Навряд ли я пойду дальше,— угрюмо сказал мистер Рашуот.— Их нигде не видать. Пока я дойду до пригорка, они могут еще куданибудь уйти. Довольно я находился.

И он с самым мрачным видом сел подле Фанни.

— Мне очень жаль,— сказала она,— так все неудачно получилось.— А уж как хотелось ей суметь сказать что-нибудь более утешительное.

Они помолчали, потом мистер Рашуот проговорил:

— Я думаю, они с таким же успехом могли меня дожидаться.

— Мисс Бертрам думала, вы ее догоните.

— Я б не должен был ее догонять, если б она меня дождалась.

На это нечего было возразить, и Фанни промолчала. Немного спустя он продолжал:

— Прошу вас, мисс Прайс, скажите, вы тоже в таком восторге от этого мистера Крофорда, как иные? Что до меня, ничего хорошего я в нем не нахожу.

— Мне он вовсе не кажется красивым.

— Красивым! Да кто ж назовет красивым такого коротышку. В нем нет и пяти футов девяти дюймов. А может быть, только пять футов и восемь, я и этому не удивлюсь. Я думаю, этот господин совсем нехорош собою. По моему мнению, эти Крофорды не очень то ценное приобретение для нашего общества. Мы прекрасно обходились без них.

Легкий вздох слетел с губ Фанни — что тут можно было возразить.

— Добро б я не сразу согласился принести ключ, но ведь стоило ей пожелать, и я сразу пошел.

— Вы вели себя любезней некуда, и, мне кажется, вы шли очень быстро; но ведь, знаете, расстояние тут немалое, отсюда и до дома и в самом доме, а когда люди ждут, они не умеют верно судить о времени, и каждые полминутки им кажутся за пять.

Рашуот поднялся и опять пошел к калитке и вслух досадовал, что тогда не было с ним ключа. По тому, как он стоял, Фанни почудилось, что он оттаял, и она решилась на еще одну попытку и потому сказала:

— Жаль, что вы к ним не присоединитесь. Они надеялись, что из той части парка им лучше будет виден дом и можно будет подумать, как его перестроить; а ведь, знаете, все это без вас не решишь.

Оказалось, ей легче удастся отослать собеседника, чем удержать подле себя. Рашуот не остался глух к ее словам.

— Что ж, — сказал он, — если вы и впрямь так думаете, я лучше пойду; было бы глупо принести ключ понапрасну. — И, отворив калитку, он без дальнейших церемоний двинулся прочь.

Теперь мыслями Фанни всецело завладели те двое, которые так давно ее бросили, и, окончательно потеряв терпенье, она решила отправиться на поиски. Она пошла в ту сторону, и только собралась свернуть с главной дорожки, как до ее слуха донесся голос и смех мисс Крофорд; звуки приближались, и, пройдя еще немного по извилистой тропинке, Фанни оказалась с ними лицом к лицу. Они как раз возвращались в рощу из парка, куда вскоре после того, как они расстались с нею, их заманила незапертая боковая калитка, а побывали они в той части парка, в той самой аллее, куда Фанни мечтала попасть все утро, и сидели там под деревом. Таков был их рассказ. Они, видно, провели время приятнейшим образом и даже не заметили, как долго отсутствовали. Единственным утешением ей служили заверения Эдмунда, что он очень хотел вернуться за нею и, не будь она к тому времени уже такая усталая, конечно, вернулся бы; но этих его слов было недостаточно ни чтоб утолить боль оттого, что ее покинули на целый час, тогда как рассказал он всего о нескольких минутах, ни чтоб избавиться от известного любопытства, о чем же они беседовали все это время; и когда по общему согласию они стали собираться домой, Фанни охватило разочарование и уныние.

Через полтора часа после того как все вышли из дому, в конце уступчатого газона появились и миссис Рашуот с миссис Норрис, готовые войти в рощу. Миссис Норрис была слишком занята беседою и оттого не смогла двигаться быстрее. Разные неприятные неожиданности омрачили настроение племянниц, а вот ей это утро принесло одни удовольствия — ибо домоправительница, выслушав великое множество похвал тому, каких прекрасных здесь сумели развести фазанов, повела ее на сыроварню, рассказала все про здешних коров и дала рецепт знаменитого сливочного сыра; а после того как их покинула Джулия, им встретился садовник, с которым миссис Норрис свела весьма полезное знакомство, ибо наставила его по поводу болезни внука, убедила, что это лихорадка, и пообещала самое чудодейственное лекарство, а он в ответ провел ее в самые свои лучшие оранжереи и преподнес весьма любопытный экземпляр вереска.

Случайно встретясь, они все вместе направились к дому и там кто как мог в праздности проводили время — сидели на диванах, болтали о том о сем, листали «Куотерли ревью», — пока не воротились остальные и не наступило время обеда. Сестры Бертрам с обоими джентльменами пришли уже довольно поздно, и было похоже, что прогулка их не очень удалась и ничуть не приблизила к цели сегодняшнего дня. По их рассказам, они бродили в поисках друг друга, и когда все наконец соединились, это, на взгляд Фанни, произошло слишком поздно и для того, чтобы вновь воцарилась гармония, и, по общему признанию, для того, чтобы решить, что и как требуется переустроить. Глядя на Джулию и Рашуота, Фанни чувствовала, что не у ней единственной нехорошо на душе: о том же говорили их сумрачные лица. Крофорд и Мария были много веселей, и Фанни показалось, что мистер Крофорд во время обеда прилагал особые старания, чтобы развеять некоторую обиду тех двоих и восстановить общее хорошее расположение духа.

За обедом скоро последовал чай и кофий, а предстоящие десять миль обратного пути не позволяли особенно задерживаться, и с того времени, как сели за стол, все обменивались торопливыми замечаниями по пустякам, пока к крыльцу не подали ландо, и миссис Норрис засуетилась, взяла у домоправительницы несколько фазаньих яиц и сливочный сыр, обрушила на миссис Рашуот поток любезностей и, наконец, была готова первой ступить за порог. В тот же миг мистер Крофорд, подойдя к Джулии, сказал:

— Надеюсь, моя спутница не лишит меня своего общества, разве что на вечернем воздухе ее испугает такое незащищенное место в экипаже.

Джулия не ждала этого вопроса, но ответила любезным согласием, и похоже было, что для нее сегодняшний день кончится почти так же хорошо, как начался. Мария настроилась на нечто иное и была несколько разочарована, но уверенность, что подлинное предпочтение отдано ей, все же утешила ее и помогла как должно принять прощальные знаки внимания Рашуота. Ему явно было куда приятней посадить ее в ландо, чем помочь взобраться на козлы, и этим он, видно, остался очень доволен.

— Ну, Фанни, видит бог, ты прекрасно провела день, — проговорила тетушка Норрис, когда они ехали по парку. — От начала и до конца одно сплошное удовольствие! Ты уж так должна быть благодарна твоей тетушке Бертрам

и мне, что мы позволили тебе ехать. Весь день знай себе развлекалась!

Мария была достаточно раздосадована и оттого прямо ей и сказала:

— Я думаю, вам и самой грех жаловаться, сударыня. Вон у вас сколько всякого добра на коленях, да еще вот корзинка между нами, она все время безжалостно ударяет меня по локтю.

— Дорогая моя, это всего лишь отросточек прелестного вереска, меня заставил его взять милейший старик садовник, но, если он тебе мешает, я тотчас же поставлю его себе на колени. Ну ка, Фанни, держи вот этот сверток, да поосторожней, смотри не оброни, тут сливочный сыр, такой же превосходный, как тот, что подавали за обедом. Эта добрая душа миссис Уитикер никак не могла успокоиться, непременно хотела всучить мне какойнибудь из сыров. Я противилась до тех пор, пока она чуть не заплакала, да притом я знаю, именно такой сыр очень любит сестра. Эта миссис Уитикер истинное сокровище! Она была просто шокирована, когда я спросила, дозволяется ли вино за столом прислуги, и она отослала прочь двух горничных за то, что они пришли в белых платьях. Осторожно держи сыр, Фанни. Теперь я могу отлично поместить другой сверток и корзинку.

— Чем еще вы разжились? — спросила Мария, не без удовольствия оттого, что Созертон так расхваливают.

— Разжилась, дорогая моя! Это всего лишь четыре прелестных фазаньих яйца, миссис Уитикер мне их буквально навязала, никаких отказов и слушать не хотела. Говорит, раз, сколько она понимает, я живу совсем одна, будет очень забавно иметь таких вот птичек, и оно и вправду так. Я велю коровнице положить их под первую же свободную курицу, и если они вылупятся, их можно отнести ко мне домой и взять взаймы клетку, и в часы одиночества мне великая радость будет ухаживать за ними. И ежели мне повезет, твоей маменьке они тоже достанутся.

Вечер был прелестный, мягкий, безветренный, и, оттого что в природе был разлит такой покой, поездка была на редкость приятная; но, когда миссис Норрис замолчала, никто более не вымолвил ни слова. Все утомились душою, и почти все, верно, размышляли сейчас, чего более принес этот день — удовольствия или огорчения.

ень в Созертоне, при всех его несовершенствах, вызвал у сестер Бертрам куда более приятные чувства, чем они испытали при чтении писем с острова Антигуа, которые скоро после того прибыли в Мэнсфилд. Много приятней было думать о Генри Крофорде, чем об отце; а думать о том, что через несколько времени папенька вернется в Англию, о чем напоминали эти письма, было и вовсе несносно.

Ноябрь был тот недобрый месяц, когда следовало ждать его возвращения. Сэр Томас писал об этом с той мерой уверенности, какую могли позволить опыт и горячее желание. Дела его уже почти завершились. Это давало основания предполагать, что он отправится сентябрьским пакетботом, и тем самым он мог надеяться на встречу со своим любимым семейством в начале ноября.

Марию стоило пожалеть более, нежели Джулию, ибо для нее возвращение отца означало замужество, поскольку отец, который прежде всего заботился об ее счастье, соединит ее с влюбленным в нее Рашуотом, союз с которым, как она полагала недавно, сделает ее счастливой. Будущее казалось ей мрачным, и только и оставалось, что закрыть его самой от себя некоей туманной завесой в надежде, что, когда завеса рассеется, она увидит что-нибудь иное. Вряд ли папенька воротится в самом начале ноября, всегда неизбежны задержки, отсутствие попутного ветра или что-нибудь еще; любезное нам «что-нибудь», коим успокаивает себя всякий, кто закрывает глаза, чтобы не видеть, и не слушает доводов рассудка, чтобы не уступить им. Может быть, он появится хотя бы в середине ноября; до середины ноября еще три месяца. Три месяца заключают в себе тринадцать недель. За тринадцать недель многое может случиться.

Сэр Томас был бы глубоко оскорблен, догадываясь он хотя бы наполовину о чувствах, которые испытывали дочери по поводу его возвращения, и навряд утешился бы, зная он об интересе, который оно возбудило в груди другой молодой особы. Мисс Крофорд, отправясь с братом в Мэнсфилд парк, чтобы провести там вечер, услышала сию добрую весть; и, хотя ее это словно бы не касалось и она только из вежливости спокойно всех поздравила с возвращением главы семьи, она выслушала весть с интересом, который не так то легко было насытить. Миссис Нор

рис поведала подробности, почерпнутые из писем, и на том разговор кончился; но после чаю, когда мисс Крофорд стояла с Эдмундом и Фанни у раскрытого окна, глядя, как в сгущающихся сумерках тонут окрестности, а сестры Бертрам, Рашуот и Генри Крофорд хлопотали вокруг свечей на фортепиано, она вдруг поворотилась, глянула на них и вернулась к прежнему разговору:

— Какой счастливый вид у мистера Рашуота! Он думает о ноябре.

Эдмунд тоже обернулся и посмотрел на Рашуота, но не нашел что сказать.

— Возвращение вашего отца будет поистине событием.

— Да, несомненно, после столь долгого отсутствия, да притом полного опасностей.

— Оно будет также предвестником других событий: ваша сестра выйдет замуж, а вы примете сан.

— Да.

— Не обижайтесь,— смеясь сказала мисс Крофорд,— но мне, право, приходят на ум некоторые древние герои язычники, которые, совершив великие подвиги в чужой земле, приносят жертвы богам за свое благополучное возвращение.

— В этом случае никакой жертвы нет,— отвечал Эдмунд с серьезной улыбкою и опять бросил взгляд на фортепиано.— Сестра сама решила выйти за него замуж.

— О да! Я знаю. Я просто пошутила. Она поступила всего лишь так, как поступила бы всякая молодая девушка, и я не сомневаюсь, что она совершенно счастлива. Какую вторую жертву я имею в виду, вы, конечно, не понимаете.

— Я принимаю сан так же добровольно, как Мария выходит замуж.

— Какая удача, что ваши наклонности и удобство вашего родителя так совпали. Я полагаю, здесь поблизости вас дожидается очень хороший приход.

— Который, по вашему, и влияет на мое решение.

— Вот уж ничего похожего! — воскликнула Фанни.

— Спасибо тебе на добром слове, Фанни, но сам я не сказал бы этого с такою уверенностью. Напротив, сознание, что меня ожидает хорошее обеспечение, и вправду повлияло на меня. И я не вижу в том ничего дурного. Мне не пришлось преодолевать никакого предубеждения, и я не вижу, почему человек станет менее достойным священнослужителем, если ему известно, что он смолоду будет жить в достатке. Я был в верных руках. Я надеюсь,

что не склонился бы в дурную сторону, и убежден, что отец мой слишком совестлив, чтобы позволить мне подобное. На меня, без сомненья, было оказано влияние, но, по моему, это не заслуживает упрека.

— Это то же самое, как если сын адмирала идет во флот или сын генерала — в армию, и никто не видит в том ничего дурного, — сказала Фанни после короткого молчания. — Никого не удивляет, что они выбрали путь, на котором им всего лучше послужат друзья, никто не подозревает их в том, будто их выбор менее серьезен, чем кажется.

— Нет, дорогая мисс Прайс, не то же самое, и на то есть веские причины. Профессия моряка или солдата говорит сама за себя. Все свидетельствует в их пользу: героизм, опасность, общий толк, обычай. Солдаты и моряки всегда угодны свету. Никого не может удивить, что мужчины становятся солдатами или моряками.

— А мотивы человека, который принимает сан, со всей определенностью предпочтя его иным поприщам, по вашему, достойны подозрений? — сказал Эдмунд. — Чтобы оправдать себя в ваших глазах, он должен так поступить, не имея ни малейшей уверенности, что будет хоть сколько нибудь обеспечен.

— Как? Принять сан, не имея прихода! Ну что вы, да это безумие, совершенное безумие!

— Позвольте тогда спросить вас, откуда ж браться служителям церкви, если человек не должен принимать сан, надеется ли он на достаток или не надеется? Нет, вам, конечно же, нечего ответить. Но я попросил бы вас отдать должное священнику, исходя из ваших же доводов. Если на него не должны влиять чувства, которые достойны, по вашему мнению, соблазнить и вознаградить при выборе профессии солдата и моряка, если героизм, шумиха, мода — все это не про него, значит, тем менее оснований подозревать его выбор в недостатке искренности и добрых намерений.

— О, он, без сомненья, искренен, предпочитая верный доход необходимости трудиться ради него; и у него самые прекрасные намерения до конца дней своих ничего не делать, только есть, пить и жиреть. Это праздность, мистер Бертрам, и ничто иное. Праздность и любовь к покою. Недостаток столь похвального честолубия, вкуса к интересному обществу или охоты взять на себя заботу быть приятным в общении — вот что рождает священников. Священнику только и остается, что быть неряхой и себя

любцем, читать газету, следить погоду да пререкаться с женою. Всю работу за него исполняет викарий, а дело его жизни — обедать.

— Есть, разумеется, такие, но, я думаю, их не так много, чтобы согласиться с мисс Крофорд, полагающей, будто таков вообще и есть священник. Я подозреваю, что сие исчерпывающее и, да позволено мне будет сказать, банальное суждение принадлежит не вам, но тем предубежденным особам, чьи мнения вы постоянно слышали. Невозможно, чтоб ваши собственные наблюдения дали вам достаточное представление о духовенстве. Вы сами могли быть знакомы всего лишь с несколькими из того круга людей, которых так решительно осуждаете. Вы повторяете то, что вам говорили за столом вашего дядюшки.

— Я повторяю то, что мне кажется общепризнанным мнением, а что общепризнано, то обычно верно. Хотя сама я мало видела домашнюю жизнь духовного сословия, ее видели слишком многие, чтобы можно было говорить о каком либо недостатке знания.

— Там, где огульно осуждается любая категория образованных людей, кем бы они ни были, там неизбежно недостает знания или (улыбнулся Эдмунд) чего то еще. Ваш дядя и его собраты адмиралы, вероятно, мало знают священников, кроме судовых, от которых, хороши они или плохи, всегда рады бы избавиться.

— Бедный Уильям! Судовой священник на «Антверпене» был так к нему добр,— мягко прозвучал риторический возглас Фанни, как нельзя более отвечающий если не сей беседе, то ее чувствам.

— Я так мало была склонна заимствовать мнения у дядюшки, что вряд ли вы правы,— сказала мисс Крофорд.— Но коль скоро вы настаиваете, должна заметить, что, поскольку я гощу сейчас у своего брата доктора Гранта, я не вовсе лишена возможностей наблюдать духовенство. И хотя со мною доктор Грант чрезвычайно добр и предупредителен, и хотя он поистине джентльмен и, мне кажется, человек ученый, умный и весьма почтенный, и его проповеди часто очень хороши, я вижу, что он праздный себялюбивый бонвиван, у него все зависит от того, вкусно ли он поел, он и пальцем не шевельнет ради чьего либо удобства, более того, если кухарка допустила промах, он гневается на свою превосходную жену. Сказать по правде, нынче вечером нас с Генри отчасти выгнало из дому его разочарование в недожаренном гусе,

с которым он не мог совладать. Моя бедная сестра вынуждена была остаться и терпеть его недовольство.

— Право же, я не удивлен, что вы его осуждаете. Это большой недостаток, усугубленный прескверной привычкой потворствовать своим желаниям. И при вашей чувствительной натуре вам, должно быть, весьма больно видеть, как страдает от этого ваша сестра. Это свидетельствует против нас, Фанни. Нам нельзя пытаться защитить доктора Гранта.

— Да,— отвечала Фанни,— но это вовсе не значит, что нам не следует защищать его профессию. Ведь какую бы профессию доктор Грант ни избрал, он остался бы при своем характере. А так как во флоте ли, в армии ли под его началом оказалось бы куда больше людей, чем сейчас, я думаю, будь он моряком или солдатом, а не священником, плохо пришлось бы куда большему числу людей. И еще я поневоле думаю, что малоприятным свойствам доктора Гранта грозила бы еще большая опасность усугубиться, когда бы он избрал занятие более деятельное и мирское, где он имел бы меньше времени и обязательств перед самим собой, где не обязан был бы познать самого себя, во всяком случае, не так часто вынужден был бы пытаться познать самого себя, чего никак не избежать в нынешней его профессии. Человек, такой здравомыслящий человек, как доктор Грант, который привычен каждую неделю наставлять других в их обязанностях, каждое воскресенье дважды ходить в церковь и так прекрасно произносить такие прекрасные проповеди, поневоле при этом и сам становится лучше. Это должно побуждать его думать, и я не сомневаюсь, что он чаще старается сдерживаться, чем если бы был не священником, а кемнибудь другим.

— Противное мы, конечно, не можем доказать, но я желаю вам лучшей судьбы, мисс Прайс, чем стать женою человека, чья благожелательность покоится на его проповедях, потому что, хотя каждой воскресной проповедью он может привести себя в хорошее настроение, совсем нерадостно, если с утра понедельника и до вечера субботы он будет препираться из за недожаренного гуся.

— По моему, на того, кто способен часто пререкаться с Фанни, никакие проповеди не действуют,— с нежностью сказал Эдмунд.

Фанни еще более отворотилась к окну, а мисс Крофорд едва успела очень мило сказать: «Сколько я понимаю, мисс Прайс чаще заслуживает похвалы, чем слышит ее»,— как сестры Бертрам принялись усердно приглашать ее

присоединиться к их веселому пенью, и она быстро прошла к фортепиано, а Эдмунд смотрел ей вслед в безмерном восторге ото всего множества ее добродетелей, начиная с предупредительности и кончая легкой грациозной походкою.

— Вот оно, воплощение доброго нрава,— сказал он через минуту.— Вот натура, которая никого не заставит страдать. Какая у ней прелестная походка! и с какой легкостью она отзывается желаниям других людей! идет навстречу, едва ее позовут.— И на миг задумавшись, прибавил: — Какая жалость, что она была в таких руках!

Фанни согласилась с этим и имела удовольствие видеть, что, несмотря на ожидавшееся пение, Эдмунд все еще стоит с нею у окна; вскоре он обратил взгляд за окно, где все, что было внушительного, навевающего покой, радующего глаз, предстало во всем великолепии ясной ночи, на фоне укрытой тенью рощи. Фанни дала волю чувствам.

— Это истинная гармония! — сказала она.— Истинный покой! То, с чем не сравнится никакая живопись, никакая музыка, о чем одной поэзии дано попытаться поведать. Вот что может утишить любую тревогу, вызвать в душе восторг! Когда я смотрю на такую ночь, мне кажется, будто на свете нет ни зла, ни горя; ведь конечно же, и того и другого будет меньше, если чаще внимать величию природы и, созерцая подобный вид, люди будут чаще печься не о себе.

— Меня радует твое воодушевление, Фанни. Ночь восхитительная, и можно лишь очень пожалеть тех, кого не научили чувствовать с той же глубиной, как ты, кого сызмала хотя бы не приохотили к природе. Они так много теряют.

— Это ты, кузен, научил меня думать о ней и чувствовать ее.

— У меня была очень способная ученица. Вон Арктур, он сегодня очень яркий.

— Да, и Большая Медведица. Хорошо бы увидеть Кассиопею.

— Для этого надобно выйти на газон. Ты бы не побоялась?

— Нисколько. Мы уже так давно не наблюдали звезды.

— Да, не знаю даже, отчего это получилось.— У фортепиано запели.— Мы дождемся, пока они кончат, Фанни,— сказал Эдмунд, отворотясь от окна; а те все пели и пели, и она с обидой замечала, что он понемногу, шаг за шагом отходит к фортепиано, и, когда певцы

умолкли, он был рядом с ними и один из тех, кто всего настойчивей выражал желание послушать их еще.

Фанни вздыхала в одиночестве, пока тетушка Норрис не разбранила ее за неосторожность — так ведь недолго и простыть — и не отогнала от окна.

ГЛАВА 12

эр Томас должен был воротиться в ноябре, старшего же сына дела призвали домой раньше. Приближенье сентября принесло вести о мистере Бертраме, сперва в письме к леснику, а потом в письме к Эдмунду; а в конце августа приехал и он сам, по прежнему готовый быть веселым, милым и галантным, как располагали обстоятельства или требовало присутствие мисс Крофорд, готовый рассказывать о скачках и Уэймуте, об увеселительных прогулках и знакомых, что полтора месяца назад было бы ей небезынтересно, а теперь силою наглядного сравнения привело к убеждению, что она решительно предпочитает ему младшего брата.

Это было весьма неприятно, и она искренне огорчалась, но так уж оно вышло; и теперь она столь далека была от намерения стать женою старшего, что, не считая простейших притязаний красавицы, знающей себе цену, даже не стремилась его пленять; его затянувшееся отсутствие из Мэнсфилда, вызванное одной только жаждой удовольствий да потворством собственной прихоти, с совершенной ясностью показало ей, что он ее не любит; но его равнодушие далеко уступало ее собственному, так что, окажись он уже сейчас новым сэром Томасом, полновластным владельцем Мэнсфилд парка, каковым ему со временем предстояло стать, она и то навряд ли приняла бы его предложение.

Время года и те же дела, которые привели мистера Бертрама в Мэнсфилд, вынудили мистера Крофорда отправиться в Норфолк. В начале сентября Эверингем не мог без него обойтись. Он уехал на две недели; две недели такого уныния для сестер Бертрам, что это должно было бы их насторожить, и Джулию, при ее ревности к сестре, заставило даже признать, что нельзя доверять его уходуванью, и уж лучше бы он не возвращался; в эти две недели, когда между охотой с ружьем и сном было вдоволь досуга,

и, будь сей джентльмен более привычен разбираться в своих побуждениях и размышлять, к чему ведет его праздное тщеславие, он убедился бы, что ему следует задержаться подолее; но преуспевание и дурной пример сделали его слишком беспечным себялюбцем, и он не заглядывал в завтрашний день. Красивые, умные и столь много обещающие сестры забавляли его пресыщенную душу и, не найдя в Норфолке ничего, что могло бы сравниться с развлечениями мэнсфилдского общества, он с удовольствием возвратился к ним в назначенное время и с таким же удовольствием был там встречен теми, с кем намеревался развлекаться и дальше.

Мария, которую окружал вниманием один только мистер Рашуот, обреченная выслушивать все одни и те же подробности его ежедневных занятий, удач и неудач, его похвалы своими собаками, его завистливые сетования на соседей, его сомнения в связи с новым законом об охоте и гнев на браконьеров — предметы, которые находят путь к сердцу женщины единственно если есть кое какой дар у рассказчика либо кое какая привязанность у слушательницы, отчаянно скучала без мистера Крофорда; а Джулия, никем и ничем не занятая, чувствовала себя вправе скучать по нем и того более. Каждая из сестер полагала, что предпочтенье отдано ей. Джулию могли в том оправдать намеки миссис Грант, склонной верить в то, чего ей хотелось, а Марию — намеки самого мистера Крофорда. С его возвращением все вошло в ту же колею, что и до отъезда: с сестрами Бертрам он держался, не изменяя той живости и приятности, которая позволяла сохранить расположение обеих, но без тени того постоянства, прочности, заботы, тепла, которые бы могли привлечь внимание общества.

Фанни, единственная из всех, ощущала в происходящем что то такое, что вызывало у ней неприязнь; но с того самого дня в Созертоне она, видя Крофорда с какой либо из сестер, уже не могла не наблюдать за ними и почти всегда удивлялась или порицала; и, будь она уверена, что ее суждения в этом случае могут сравняться с ее оценками во всех прочих, не сомневаясь она, ясно ли видит и не пристрастно ли судит, она бы, вероятно, поделилась иными важными мыслями со своим всегдашним наперсником. Однако же сейчас осмелилась лишь на единственный намек, но и он пропал втуне.

— Меня несколько удивляет, что мистер Крофорд так скоро воротился после того, как пробыл здесь так

долго, целых семь недель,— сказала она.— Мне казалось, он так любит смену впечатлений и переезды, и я думала, раз уж он уехал, что нибудь непременно повлечет его куда нибудь еще. Он ведь привык к местам куда более веселым, чем Мэнсфилд.

— Это к его чести,— был ответ Эдмунда,— и, по моему, его сестру это радует. Ей не нравится неустойчивость его склонностей.

— Сколь мил он моим кузинам!

— Да, его обхождение с женщинами должно доставлять им удовольствие. По моему, миссис Грант воображает, будто он отдает предпочтение Джулии; я же этого не замечаю, но был бы рад, будь это правда. Его недостатки не таковы, чтобы истинное чувство не могло их преодолеть.

— Не будь Мария обручена, я иной раз готова была бы подумать, что ею он восхищается больше, чем Джулией,— осторожно сказала Фанни.

— Что, быть может, скорее свидетельствует о том, что он увлечен Джулией сильнее, чем ты можешь предположить. Я полагаю, так случается часто — прежде, чем принять окончательное решение, мужчина куда более отличает сестру или закадычную подругу той, которая подлинно занимает его мысли, чем ее самое. Крофорд слишком разумен и не оставался бы тут, если б ему грозила какая нибудь опасность со стороны Марии. А за нее, после того как она столь ясно показала, что сильное чувство ей не свойственно, я нисколько не опасаясь.

Фанни решила, что, должно быть, ошиблась, и положила впредь думать по иному; но, как ни привыкла следовать за Эдмундом, как ни помогали утвердиться в его мнение взгляды и намеки, которые она замечала со стороны кое кого из окружающих и которые словно бы говорили, что Крофорд избрал Джулию, она подчас не знала, что и подумать. Однажды вечером она ненароком услышала о надеждах своей тетушки Норрис на сей предмет, а также о ее чувствах и о сходных чувствах миссис Рашуот, и, слушая, только диву давалась; и как же она была бы рада не присутствовать при разговоре, ибо происходил он, когда остальная молодежь танцевала, а она с великой неохотою сидела у камина в обществе пожилых дам, всем сердцем желая, чтобы вновь появился старший кузен, на кого она возлагала все надежды как на единственного свободного в ту минуту партнера. То был ее первый бал, хотя без приготовлений и великолепия, какие

сопровождают первый бал многих молодых особ, ибо о нем подумали лишь сегодня днем, благодаря тому что на половине слуг недавно завелся скрипач, а к мистеру Бертраму только что пожаловал новый закадычный друг и с помощью миссис Грант можно было составить пять пар. Фанни, однако ж, была поистине счастлива, протанцевав первые четыре танца, и ей жаль было терять даже четверть часа. Пока она ждала и надеялась, поглядывая то на танцующих, то на дверь, она и услышала невольно разговор вышеупомянутых дам:

— Я полагаю, сударыня, мы сейчас опять увидим счастливые лица,— сказала тетушка Норрис, глядя на Рашуота и Марию, которые во второй раз танцевали вместе.

— Да, сударыня, без сомненья,— отвечала миссис Рашуот с величественной и самодовольною улыбкой.[^] Теперь будет на что посмотреть с некоторым удовлетвореньем, и я полагаю, это такая жалость, что они должны были расстаться. Молодым людям в их положении надо бы позволить несколько отступить от общепринятых правил. Удивляюсь, что мой сын этого не предложил.

— Мне кажется, он предложил, сударыня... Мистер Рашуот всегда так внимателен. Но у нашей душеньки Марии уж очень строгое понятие о приличиях и столько в ней истинного такта, какой нынче не часто встретишь, миссис Рашуот, такое стремление избежать фамильярности!.. Дорогая сударыня, вы только взгляните, какое у ней сейчас лицо... совсем не то, что во время двух предыдущих танцев!

Мисс Бертрам и вправду выглядела счастливой, глаза у ней лучились радостью, и разговаривала она с большим одушевлением, потому что Джулия и ее партнер мистер Крофорд были с нею рядом; все они сейчас сошлись на одном месте. Как она выглядела перед тем, Фанни не могла вспомнить, ибо сама танцевала с Эдмундом и о ней не думала.

Миссис Норрис продолжала:

— Просто душа радуется, сударыня, когда видишь, что молодые люди таким надлежащим образом счастливы, так подходят друг другу, именно то, что надобно! Не могу не подумать, в каком восторге будет наш дорогой сэр Томас. А как вам кажется, сударыня, каковы надежды на второй брак? Мистер Рашуот подал хороший пример, а подобные примеры весьма заразительны.

Вопрос этот привел миссис Рашуот, которая не видела никого и ничего, кроме собственного сына, в совершенное недоумение.

— Вон те двое, сударыня. Вы не видите там никаких признаков?

— Боже мой!.. Мисс Джулия и мистер Крофорд. Да, в самом деле, очень милая пара. Каков его доход?

— Четыре тысячи в год.

— Прекрасно... Те, у кого собственность невелика, должны довольствоваться тем, что имеют... Четыре тысячи в год неплохое состояние, и он как будто весьма любезный, уравновешенный молодой человек, так что, я надеюсь, мисс Джулия будет очень счастлива.

— Тут еще ничего не условлено, сударыня... Мы пока говорим об этом единственно меж друзей. Но у меня почти нет сомнений, этого не миновать. Он последнее время уделяет ей совершенно исключительное внимание.

Дальше Фанни слушать не могла. На время она перестала и слушать и интересоваться услышанным, потому что в комнате снова появился мистер Бертрам, и, хотя она чувствовала, что быть приглашенной им большая честь, ей казалось, он все таки ее пригласит. Он подошел к их кружку, но вместо того, чтоб пригласить ее на танец, пододвинул к ней стул и доложил ей, в каком состоянии сейчас находится его больная лошадь и каково мнение на этот счет его конюшего, с которым он только что расстался. Фанни поняла, что танцевать они не будут, и по свойственной ей скромности тотчас же почувствовала, что ожидать этого было вовсе неразумно. Поведая про свою лошадь, мистер Бертрам взял со стола газету и, со скучающим видом глядя поверх нее, сказал:

— Если ты хочешь танцевать, Фанни, я к твоим услугам.

Предложение было отклонено еще того учтивей — танцевать она не хотела.

— Я рад,— сказал он куда оживленной и отложил газету,— а то я до смерти устал. Я только диву даюсь, как это почтеннейшая публика выдерживает столь долгое время. Чтоб находить в такой глупости хотя какое то удовольствие, они все должны быть влюблены, и, наверно, так оно и есть. Если поглядеть на них, сразу видно, что они все тут влюбленные, все, кроме Йейтса и миссис Грант... а между нами говоря, ей, бедняжке, возлюбленный надобен, должно быть, не меньше, чем им всем. С этим доктором жизнь у ней, должно быть, отчаянно скуч

ная,— он лукаво покосился в сторону доктора, но, оказалось, тот сидит совсем рядом, и выражение лица и предмет разговора так мгновенно переменялись, что Фанни, несмотря ни на что, едва удержалась от смеха.— Странная эта история в Америке, доктор Грант!.. Что вы о ней скажете?.. Я всегда обращаюсь к вам, чтоб знать, что мне следует думать о делах государственных.

— Дорогой мой Том! — вскорости воскликнула тетушка Норрис,— раз ты не танцуешь, я полагаю, ты не откажешься присоединиться к робберу, не так ли? — и, поднявшись со своего места и подойдя к нему, чтоб настоять на своем, прибавила шепотом: — Видишь ли, мы хотим составить партию для миссис Рашуот... Твоя маменька очень этого желает, но сама не может уделить нам время и сесть с нами, так она занята своим рукодельем. А ты, я и доктор Грант как раз будет то, что надобно, и, хотя мы то ставим по полкроны, ты можешь ставить против него полгиней.

— Я был бы весьма счастлив,— отвечал Том и поспешно вскочил,— до чрезвычайности приятно... но только сейчас я буду танцевать. Пойдем, Фанни,— сказал он, взяв ее за руку,— довольно попусту терять время, не то танец кончится.

Фанни очень охотно дала себя увести, хотя не испытывала к нему особой благодарности и, в отличие от него, не видела никакой разницы между эгоизмом тетушки Норрис и его собственным.

— Ну и просьбица, ей богу! — негодуяще воскликнул он, едва они отошли от почтенных дам.— Вздумала пригвоздить меня к карточному столу на целых два часа, с собою и доктором Грантом, с которым они вечно препираются, и с этой настырной старухой, которая понимает в висте не больше, чем в алгебре. Я бы предпочел, чтоб моя почтенная тетушка была не так навязчива. И таким вот образом меня попросить! Безо всяких церемоний, при них при всех, чтоб я не мог отказаться! Как раз это я особенно не люблю. Больше всего меня злит, когда делают вид, будто тебя спрашивают или предоставляют тебе выбор, а в действительности так к тебе обращаются, чтоб вынудить поступить только по их желанию... о чем бы ни шла речь! Не приди мне в голову счастливая мысль танцевать с тобою, нипочем бы не отвертеться. Прямо беда. Но когда тетушка заберет чтонибудь в голову, ее не остановишь.

*"I should give me the
greatest pleasure, and
that I am that moment
going to dance."*

остопочтенный Джон Йейтс, сей новоиспеченный друг, не мог ничем особенно похвалиться, кроме привычки вести светскую жизнь и сорить деньгами и тем, что был он младшим сыном некоего лорда с приличным независимым состоянием; и сэр Томас, вероятно, считал бы его появление в Мэнсфилде вовсе нежелательным. Мистер Бертрам свел с ним знакомство в Уэймуте, где они вместе провели десять дней в одной компании, и дружба их, если то можно назвать дружбою, была закреплена и упрочена приглашением мистера Йейтса в Мэнсфилд, когда ему будет удобно заглянуть туда по пути, и его обещанием приехать; и он и вправду приехал, еще раньше, чем его ожидали, ввиду того, что большое общество, собравшееся, чтобы повеселиться в доме его друга, ради встречи с которым он покинул Уэймут, вынуждено было разъехаться. Он прилетел на крыльях разочарования, с головою, полной мыслей о выступлении на сцене, так как то общество собиралось ставить спектакль; и пьесу, в которой была роль и у него, уже через два дня должны были представлять, когда внезапная кончина одной из ближайших родственниц того семейства нарушила их планы и рассеяла исполнителей. Быть так близко к счастью, так близко к славе, так близко к большой хвалебной статье о домашнем спектакле в Эклсфорде, поместье достопочтенного лорда Рэвеншо в Корнуолле, которая, конечно же, увековечит имена всех участников, по крайней мере, на год! Быть так близко, и все потерять,—рана была так болезненна, что ни о чем другом мистер Йейтс говорить не мог. Эклсфорд и его театр, всевозможные приготовления, наряды, репетиции, шутки — то был неизменный предмет его речей, а похвальба этим недавним прошлым — единственное утешение.

По счастью для него, любовь к театру столь всеобща, а стремление выступать на сцене у молодых людей столь сильно, что его разговоры явно упали в добрую почву. Начиная с распределения ролей и до самого эпилога, все пленяло, и лишь немногие не желали бы принять в этом участие или не решились бы попробовать себя в какойнибудь роли. Пьеса называлась «Обеты любви», и мистер Йейтс должен был быть графом Кэсселом.

— Роль пустяковая и совсем не в моем вкусе, на такую в другой раз я нипочем бы не согласился. Но я порешил ничего не усложнять. Лорд Рэвеншо и герцог завладели двумя единственно стоящими ролями еще до того, как я приехал в Эклсфорд. И хотя лорд Рэвеншо предложил отказаться от своей роли в мою пользу, но, сами понимаете, согласиться я не мог. Мне было жаль, что он так переоценил свои возможности, он совсем не подходил для Барона! Маленького роста, слабый голос, и уже через десять минут становится хриплым! Это причинило бы пьесе заметный ущерб, но я то порешил ничего не усложнять. Сэр Генри полагал, что герцог не подходит для Фредерика, но лишь потому, что сам хотел исполнять эту роль, тогда как из них двоих герцог был куда более на месте. Я был поражен, что сэр Генри такой тупица. По счастью, сила пьесы не в нем. Наша Агата неподражаема, и, на взгляд многих, герцог был тоже очень хорош. И в целом спектакль был бы замечательный.

«Вот ей богу незадача» и «Да, вас, конечно, можно пожалеть»,— доброжелательно и сочувственно отозвались слушатели.

— Не стоит жаловаться, но, право же, эта родственница не могла выбрать более неподходящего времени, чтобы отправиться на тот свет. И как тут не пожелать, чтобы эту новость придержали всего на три денька, которые нам требовались. Какихнибудь три дня, и была то она всего лишь бабушка, и случилось все за двести миль оттуда, так что большой беды не было бы, и я знаю, это предлагали, но лорд Рэвеншо, который, по моему мнению, соблюдает приличия строже всех в Англии, и слушать об этом не хотел.

— Вместо комедии совсем иное действо,— сказал мистер Бертрам.— С «Обетами любви» было покончено, и лорд и леди Рэвеншо отправились одни исполнять пьесу «Моя бабушка». Что ж, его то наверно утешит наследство; и, между нами говоря, он, быть может, стал опасаться, как бы роль Барона не повредила его доброму имени и его легким, и не жалел, что уезжает; а чтоб утешить вас, Йейтс, я думаю, нам надобно разыграть небольшую пьеску в Мэнс филде и попросить вас быть нашим распорядителем.

Хотя мысль эта родилась только сию минуту, она не оказалась сиюминутною прихотью, так как склонность к игре уже пробудилась и всего сильнее завладела именно тем, кто был сейчас хозяином дома и кто, имея столько досуга, что почти любое новшество было для него благом, обладал

к тому же той мерой живости и вкуса к комическому, какая и надобна, чтобы примениться к этому новшеству — игре на сцене. Мысль эта возвращалась опять и опять.

— О! Вот бы нам устроить чтонибудь вроде Экслфордского театра.

Желание его эхом отозвалось в душах обеих сестер; и Генри Крофорд, который, хоть и жил в вихре наслаждений, этого удовольствия еще не отведал, горячо поддержал такое намеренье.

— Право же, у меня сейчас хватит глупости согласиться на любую роль, — сказал он, — начиная с Шейлока и Ричарда III до героя какогонибудь фарса, который распевает песенки, вырядившись в алый мундир и треуголку. У меня такое чувство, будто я могу быть кем угодно, могу произносить громкие речи и неистовствовать, или вздыхать, или выделять антраша в любой трагедии или комедии, написанной на нашем родном языке. Давайте чтонибудь делать. Пусть это будет всего половина пьесы... один акт... одна сцена; что нам может помешать? По вашим лицам мне ясно, что вы не против, — сказал он, глядя в сторону сестер Бертрам, — а театр... что такое, в сущности, театр? Мы только развлечемся. Нам подойдет в этом доме любая комната.

— Необходим занавес, — сказал Том Бертрам, — несколько ярдов зеленого сукна для занавеса, и, пожалуй, достаточно.

— О, вполне достаточно! — воскликнул мистер Йейтс, — еще только сделать на скорую руку одну две кулисы, в глубине — дверь и три четыре легких декорации; более ничего не надобно. Раз мы все затеваем единственно для собственного развлечения, нам ничего более не требуется.

— По моему, нам следует удовольствоваться еще меньшим, — сказала Мария. — У нас и времени неостанет, и возникнут новые осложнения. Нам следует согласиться с мнением мистера Крофорда и устроить представление, а не спектакль. В наших лучших пьесах найдется немало сцен, где можно обойтись без декораций.

— Нет, — сказал Эдмунд, который стал прислушиваться к разговору с тревогою. — Давайте ничего не будем делать наполовину. Если уж играть, пусть это будет театр как театр, с партером, ложей, галеркою, и давайте возьмем пьесу целиком, от начала и до конца; так что, если то будет немецкая пьеса, неважно какая, пусть в ней будут остроумные шутки, меняющийся дивертисмент, и пантоми

ма, и матросский танец, и между актами песня. Если мы не превзойдем Эклсфорд, не стоит и приниматься.

— Послушай, Эдмунд, не порть нам удовольствие,— сказала Джулия.— Ты как никто любишь театр и, чтоб посмотреть спектакль, готов отправиться хоть на край света.

— Верно, чтобы увидеть настоящую игру, хорошую, настоящую профессиональную игру; но я вряд ли перейду из этой комнаты в соседнюю, чтобы посмотреть на неловкие попытки тех, кто не был обучен актерскому искусству,— на компанию дам и господ, образованность и хорошее воспитание которых будут только помехою для лицедейства.

После недолгого молчания разговор, однако, был продолжен, спор разгорелся еще жарче, и стремление каждого, подогретое спором и уверенностью, что он не одинок в своем стремлении, еще возросло; и хотя ни на чем еще не сошлись, кроме того, что Том Бертрам предпочел бы комедию, а его сестры и Генри Крофорд — трагедию, и что найти пьесу, которая угодит им всем, проще простого, в решимости играть не то, так другое, утвердились все, и Эдмунду стало очень не по себе. Он задумал предотвратить это, если возможно, хотя его мать, которая тоже слышала разговор, происходивший за столом, не выказала ни малейшего неодобрения.

В тот же вечер ему выпал случай попытать свои силы. Мария, Джулия, Генри Крофорд и Йейтс были в бильярдной. Том воротился оттуда в гостиную, где Эдмунд в задумчивости стоял у горящего камина, леди Бертрам расположилась чуть поодаль на диване, а Фанни подле нее приводила в порядок ее рукоделье, и, едва войдя, заговорил:

— Такого отвратительного бильярда, как у нас, по моему, не встретишь нигде на свете. Я больше не в силах его терпеть, и пожалуй, уже ничто не соблазнит меня к нему воротиться. Но зато мне пришла в голову недурная мысль. Бильярдная как раз подходит для театра, у ней именно та форма и длина, какие надобны, и в дальнем конце можно растворить двери, стоит только переставить книжный шкаф в папенькиной комнате; если мы решимся, лучшего и желать нельзя. А папенькина комната будет отличная артистическая. Она будто нарочно для того и соединена с бильярдной.

— Не всерьез же ты собрался играть на сцене, Том? — негромко спросил Эдмунд, когда брат подошел к камину.

— Не всерьез? Еще как всерьез, можешь мне поверить. А что тебя в этом удивляет?

— По моему, это никуда не годится. Если говорить

вообще, домашние представления — затея отнюдь не бесспорная, а уж в наших обстоятельствах предпринимать чтонибудь в таком роде вовсе неблагоприятно, и даже более того. Это показало бы вопиющий недостаток сочувствия к отцу, которого с нами сейчас нет и который до известной степени находится в постоянной опасности; и, по моему, это было бы опрометчиво, имея в виду Марию, ведь ее положение сейчас требует такта, я бы сказал, принимая во внимание все обстоятельства, величайшего такта.

— Ты смотришь на это так серьезно, будто мы собираемся играть трижды в неделю, покуда не вернется отец, и приглашать в зрители всю округу. Но мы ничего подобного не затеваем. Мы только и хотим сами немного развлечься, просто для разнообразия, и попробовать свои силы в чем то новом. Мы не ищем ни публики, ни публичности. Я думаю, можно не сомневаться, что мы выберем совершенно безупречную пьесу, и я не вижу особого вреда или опасности ни для кого из нас в том, что мы станем обмениваться изысканными фразами, написанными какимнибудь почтенным автором, а не болтать на своем привычном языке. Я не чувствую ни опасений, ни угрызений совести. А что до отсутствия отца, это уж никак не может служить препятствием, скорее даже поводом, поскольку для маменьки ожидание его, конечно, пора весьма тревожная, и, если мы поможем ей скоротать время и поддержим бодрость духа в предстоящие недели, я сочту, что мы распорядились своим временем наилучшим образом, и, уверен, с этим согласится и он. Для маменьки это очень тревожная пора.

При этих словах оба посмотрели на мать. Леди Бертрам откинулась на спинку в углу дивана — воплощенное здоровье, благополучие, покой и уравновешенность, ее как раз одолела сладкая дрема, а Фанни исправляла разные огрехи в ее рукоделье.

Эдмунд улыбнулся и покачал головою.

— О господи! ну что тут скажешь,— воскликнул Том и, от души рассмеявшись, уселся в кресло.— Право слово, ваша тревога, дорогая маменька... я попал пальцем в небо.

— Что такое? — спросила ее светлость недовольным спросонья голосом.— Я не спала.

— Ох, дорогая маменька, конечно же нет... никто этого и не заподозрил... Так вот, Эдмунд,— возвратился он к предмету их разговора, снова приосанившись и взяв прежний тон, едва леди Бертрам опять стала клевать носом,— я буду стоять на своем... в нашей затее нет решительно ничего дурного.

— Не могу с тобой согласиться... Я убежден, что отец ни в коем случае не одобрил бы ее.

— А я убежден в противном. Отец, как никто другой, любит, чтоб молодежь находила применение своим талантам, и всячески ее в том поощряет; а все, что имеет касательство к игре, ораторскому искусству, декламации, я думаю, ему всегда по вкусу. Когда мы были мальчиками, он, без сомнения, поощрял это в нас. Сколько раз, в этой самой комнате, мы ему на радость скорбели над мертвым телом Юлия Цезаря и повторяли «быть или не быть!». И еще помню, однажды во время рождественских вакаций каждый вечер я непременно декламировал «мое имя Норвал».

— Это совсем другое дело. Ты должен сам видеть разницу. Отец хотел, чтоб мы, школьники, хорошо говорили, но он никогда б не захотел, чтоб его взрослые дочери играли в спектакле. Во всем, что касается приличий, он весьма строг.

— Я все это знаю,— с неудовольствием сказал Том.— Я не хуже тебя знаю отца и позабочусь, чтоб его дочери ничем его не огорчили. Занимайся своими делами, Эдмунд, а я позабочусь об остальных членах семьи.

— Если ты определенно решился на спектакль, я надеюсь, все будет очень скромно и без шума,— отвечал упорствующий Эдмунд,— и я полагаю, о театре не может быть и речи. Это означало бы непозволительное обращение с отцовским домом в его отсутствие, чего никак нельзя оправдать.

— За все, что касается до этих дел, отвечать буду я,— решительно заявил Том.— Дом нашего отца останется в целости сохранности. Я не меньше тебя озабочен тем, чтобы не нанести дому никакого ущерба. А что до перемен, какие я только что предложил — подвинуть книжный шкаф, отпереть дверь или даже на неделю воспользоваться бильярдной и это время не играть там на бильярде,— с таким же успехом можно предположить, будто отец станет возражать, что после его отъезда мы проводим больше времени в этой комнате, а не в малой гостиной, как при нем, или что фортепиано сестер передвигают из одного конца комнаты в другой. Совершенная чепуха!

— Ежели нет ничего плохого в самом новшестве, плохо уже то, что оно будет стоить денег.

— Да, денег это будет стоить огромных! Возможно, даже целых двадцать фунтов. Чтонибудь вроде театра нам непременно надобно будет устроить, но мы сделаем это простейшим образом: суконный занавес и кое какие плот

ничьи работы... вот и все. А поскольку плотничьи работы все будут сделаны дома Кристофером Джексонем, о лишних тратах смешно и говорить. Раз этим займется Джексон, сэра Томаса расходы не могут беспокоить. Не воображай, будто в этом доме ты единственный способен видеть и здраво рассуждать. Если тебе самому играть не по вкусу, не играй, но не жди, что все другие станут тебя слушаться.

— Нет, чтоб мне играть, об этом не может быть и речи, — отвечал Эдмунд.

После его слов Том вышел из комнаты, а Эдмунд сидел и задумчиво, с досадою помешивал уголья в камине.

Фанни, которая слышала все от начала до конца и испытывала совершенно те же чувства, что и Эдмунд, желая скольконибудь его утешить, отважилась нарушить молчанье:

— Быть может, им не удастся найти подходящую пьесу, у твоего брата и у сестер вкусы, кажется, совсем разные.

— Нет у меня на это надежды, Фанни. Если они не откажутся от своей затеи, они чтонибудь да найдут. Я поговорю с сестрами и постараюсь разубедить хотя бы их, ничего другого я сделать не могу.

— Мне кажется, на твоей стороне будет тетушка Норрис.

— Скорей всего. Но и Том и сестры так мало к ней прислушиваются, что это не поможет. И если сам я не смогу их убедить, к ее помощи я прибегать не стану, пускай тогда все идет своим чередом. Нет ничего хуже семейных раздоров, надобно идти на все, лишь бы избежать ссоры.

Случай поговорить с сестрами представился на другое утро, но они были столь же нетерпимы к его совету, столь же неподатливы на его уговоры и столь же непреклонны, когда дело касалось до их удовольствия, как Том. У маменьки затея не вызвала никаких возражений, и они нимало не боялись папенькиного неодобренья. Какой может принести вред то, что делается в таком множестве почтенных семей таким множеством самых уважаемых дам. И одна лишь сумасбродная щепетильность способна увидеть что то заслуживающее осуждения в их затее, ведь участвовать будут только братья, сестры да ближайшие друзья, и, кроме них одних, о ней никто и знать не будет. Джулия, правда, склонна была согласиться, что положение Марии и вправду, пожалуй, требует особой осторожности и такта... но на нее то это никак не распространяется, она то свободна; а Мария, по видимому, полагала, что помолвка лишь возносит ее надо всякими ограничениями и оставляет еще

менее оснований, чем Джулии, советоваться с маменькой ли, с папенькой.. Эдмунду не на что было особенно надеяться, однако ж он все говорил о том же, когда появился Генри Крофорд, только что из пастората, и воскликнул:

— В нашем театре нет недостатка в исполнителях, мисс Бертрам. Нет недостатка в исполнителях второстепенных ролей... Моя сестра шлет всем нежный привет и надеется, что ее примут в труппу, и рада будет изобразить какуюнибудь старую дуэнью или послушную наперсницу, роль которой вам самим, быть может, окажется не по вкусу.

Мария бросила на Эдмунда взгляд, который означал: «Ну, что ты теперь скажешь? Можем мы быть неправы, если Мэри Крофорд чувствует как мы?» И Эдмунд замолчал, поневоле признавая, что великое обаяние игры на сцене может соблазнить и незаурядный ум; с чистосердечием любви он поневоле увидел в ее приветии и надежде прежде всего любезность и услужливость.

Затея продвигалась. Сопротивление ни к чему не привело; а что до тетушки Норрис, Эдмунд ошибся, полагая, будто она хоть как то его поддержит. Все ее возраженья оказались таковы, что старшие племянник и племянница, которые отлично умели с ней обходиться, разбили их в первые же пять минут; а поскольку все приготовления требовали совсем небольших расходов, а от нее и вовсе никаких, поскольку она предвидела для себя всяческие удобства, которые будут вызваны спешкой, суматохой и важностью происходящего, и тотчас же извлекла для себя пользу, вообразив, будто ей надобно покинуть свой дом, где она уже целый месяц жила на собственный счет, и поселиться у них, дабы в любое время быть в их распоряжении, в душе она была чрезвычайно довольна их выдумкой.

ГЛАВА 14

охоже было, что Фанни ближе к правде, чем предполагал Эдмунд. Найти пьесу, которая была бы по вкусу всем, оказалось и впрямь нелегко; и уже плотник получил распоряженья и снял размеры, уже предложил, как устранить по меньшей мере два вида помех, и, доказав неизбежность расширения работ и расходов, уже принялся за дело, а поиски пьесы все продолжались. Шли и другие приготовления. Из Норт

гемптона доставили огромный рулон зеленого сукна, и те-тушка Норрис раскроила его (да так искусно, что сберегла добрых три четверти ярда), и горничные уже шили из него занавес, а пьесу все еще не подыскиали; и когда подобным манером прошли три дня, Эдмунд начал было надеяться, что ее так никогда и не найдут.

Тут ведь о стольком требовалось позаботиться, стольким участникам угодить, столько требовалось приятных ролей, да, сверх того, чтоб пьеса была одновременно и трагедия и комедия, что надежды прийти к согласию, казалось, и вправду так мало, как бывает во всем, что затевается с пылом юности.

Сторонниками трагедии были обе мисс Бертрам, Генри Крофорд и мистер Йейтс, комедии — Том Бертрам, правда, не в полном одиночестве, поскольку того же явно желала и Мэри Крофорд, однако из вежливости хранила молчание; но при его решительном нраве и воле союзники, казалось, и не надобны; и независимо от столь несовместимых требований всем хотелось пьесу, в которой ролей было бы немного, но все преотличные, и три главные — женские. Все лучшие пьесы были просмотрены попусту. Ни «Гамлет», ни «Макбет», ни «Отелло», ни «Дуглас», ни «Игрок» не содержали в себе ничего, что удовлетворило бы даже сторонников трагедии; а «Соперники», «Школа злословия», «Колесо судьбы», «Законный наследник» и многие прочие вызвали еще более горячие возражения и были отклонены одна за другой. Стоило назвать пьесу, и ктонибудь непременно находил в ней недостатки, и то с одной стороны, то с другой неизменно слышалось:

— О нет, это не годится. Лучше обойдемся без напыщенных трагедий.

— Слишком много действующих лиц.

— Во всей пьесе нет ни одной сносной женской роли.

— Дорогой мой Том, что угодно, только не это. У нас не достанет исполнителей.

— Ну кто ж захочет исполнять такую роль.

— От начала до конца одна буффонада. Это, может быть, и годится, да только для ролей простонародья.

— Если вам непременно требуется мое мнение, по моему, у нас в Англии нет и не было пьесы более пресной.

— Я не хочу спорить, только порадуюсь, если от меня будет хоть какой то прок, но, думаю, это уж вовсе неудачный выбор.

Фанни наблюдала и слушала, и втайне забавлялась, примечая эгоизм, который, более или менее замаскирован

ный, казалось, управлял всеми, и гадала, чем же дело кончится. Для собственного удовольствия она могла бы пожелать, чтобы какаянибудь пьеса все таки была разыграна, поскольку ни единого спектакля никогда не видела, но все прочие более серьезные соображения были против того.

— Так у нас ничего не получится,— сказал наконец Том Бертрам.— Мы непростительно тратим время попусту. Надобно на чем то остановиться. Неважно на чем, лишь бы хоть что то выбрать. Уж чересчур мы разборчивы. Незачем путаться, если действующих лиц будет несколько больше. Можно исполнять и по две роли. Хватит нам так уж заноситься. Если роль незначительна, тем больше чести чегонибудь в ней достичь. С этой минуты я согласен на все. Я беру любую роль, какую бы мне ни предложили, лишь бы она была комическая. Пусть она будет комическая, других условий я не ставлю.

И затем, кажется, уже в пятый раз, предложил «Законного наследника», сомневаясь единственно в том, кого предпочесть самому — Лорда Дьюберли или Доктора Панглоса, и очень серьезно, но безрезультатно пытался убедить остальных, что среди прочих персонажей есть прекрасные трагические роли.

Молчание, которое последовало за этой бесплодной попыткой, он же и нарушил, когда, взявши один из множества лежащих на столе томов с пьесами и полистав его, вдруг воскликнул:

— «Обеты любви»! А почему бы нам не взять «Обеты любви», которые ставили у Рэвеншо? Как это нам прежде не пришло в голову! Меня вдруг осенило, вот оно то, что надо. Что вы на это скажете?.. Здесь две ведущие трагические роли для Йейтса и Крофорда и говорящий стихами дворецкий для меня — если на него нет других желающих,— роль пустяковая, но из тех, которые мне не противны, и, как я уже говорил, я готов взять любую роль и стараться изо всех сил. А что до остальных ролей, они подойдут любому. Остаются лишь Граф Кэссел и Анхельт.

Предложение было всеми одобрено. Все уже начали уставать от неопределенности, и первое, о чем подумал каждый, что из всех пьес, какие они перебрали, эта для всех самая подходящая. Особенно был доволен мистер Йейтс — он еще в Экслсфорде вздыхал по роли Барона, жаждал ее сыграть, завидовал каждой тираде лорда Рэвеншо, и ему только и оставалось повторять их все у себя в комнате. Неистовствовать в роли Барона Уилденхейма было пределом его театральных мечтаний, и, уже зная половину сцен

наизусть, он с великой поспешностью предложил себя на эту роль. Надобно, однако ж, отдать ему справедливость, он не собирався ее присваивать, но, помня, что есть и еще прекрасная возможность произносить громкие речи в роли Фредерика, заявил, что равно готов и на нее. Генри Крофорд был согласен на любую из этих ролей. Какую бы ни выбрал мистер Йейтс, он никак не станет возражать против оставшейся. Тут последовал короткий обмен, комплиментами. Мисс Бертрам, весьма заинтересованная в роли Агаты, взяла решение на себя, заметив мистеру Йейтсу, что здесь надобно подумать и о росте и о фигуре, а поскольку он выше, он особенно подходит для Барона. Все признали ее правоту, две эти роли распределили соответственно, и она получила уверенность, что Фредериком будет именно тот, кто ей желателен. Теперь три роли были уже взяты, оставался единственно мистер Рашуот, за которого Мария всегда отвечала, что он согласен быть кем угодно; и тут Джулия, которая, как и сестра, намеревалась стать Агатой, изъявила величайшую заботу об интересах мисс Крофорд.

— Мы забываем об отсутствующей,— сказала она.— В пьесе недостаточно женских ролей. Амелия и Агата могут подойти Марии и мне, а для вашей сестры, мистер Крофорд, ничего нет.

Мистер Крофорд выразил желание, чтоб никто об этом не тревожился; он совершенно уверен, что у сестры нет охоты играть, разве что понадобится бы ее помощь, а в данном случае она бы и помыслить не могла, чтоб ее принимали во внимание. Но ему тотчас возразил Том Бертрам, заявив, что роль Амелии во всех отношениях подходит мисс Крофорд, если только она согласится ее сыграть.

— Амелия прямо создана для нее,— сказал он.— Как Агата для любой из моих сестер. И они тут ничем не жертвуют, ведь роль в высшей степени комическая.

Последовало короткое молчание. На лицах обеих сестер выразилась тревога, ведь каждая чувствовала, что именно у ней есть особое право на Агату, и надеялась, что остальные будут настаивать, чтоб она ее сыграла. Меж тем Генри Крофорд, который взял пьесу и нарочито небрежно листал начало, скоро все уладил.

— Я вынужден умолять мисс Джулию Бертрам не соглашаться на роль Агаты,— сказал он,— не то мне не сохранить необходимой серьезности. Вы не должны, право, не должны (оборотился он к ней). Я не выдержу, если увижу на вашем лице бледную и скорбную маску.

Мы столько с вами смеялись, что я неизбежно вспомню про то и Фредерик с его ранцем будет вынужден ретироваться.

Мило, учтиво было сказано, но что касается чувств Джулии, эта любезная манера ее не обманула. Она подметила взгляд Марии, который убедил ее, что она обиделась даром; это уловка, хитрость, ею пренебрегли, предпочли Марию; торжествующая улыбка, которую Мария не сумела скрыть, выдала, как отлично она все поняла, и не успела еще Джулия взять себя в руки, чтобы заговорить, а уже против нее подал голос и родной брат:

— Да, да, Агатой должна быть Мария. Марии она лучше удастся. Хотя Джулия воображает, будто предпочитает трагедию, тут бы я на нее не положился. Нет в ней ничего такого, чего требует трагедия. И наружность не та. У ней и черты не трагические, и походка слишком быстрая, и разговор слишком быстрый, и серьезного вида она не сохранит. Лучше ей сыграть деревенскую старуху, Жену крестьянина, право слово, лучше, Джулия. Эта роль совсем неплохая, поверь. Старушка с немалою силой духа поддерживает высочайшее добросердечие мужа. Тебе играть Жену крестьянина.

— Жена крестьянина! — воскликнул Йейтс. — О чем вы говорите? Самая незначительная, ничтожная роль, такая будничная... Ни единой выигрышной реплики. Такую роль вашей сестре! Да это оскорбление — предложить такое. В Экслсфорде эта роль предназначалась гувернантке. Мы все сошлись на том, что никрму другому нельзя ее предложить. Прошу вас, уважаемый распорядитель, чуть больше справедливости. Если вы не можете по достоинству оценить таланты вашей труппы, вы не заслуживаете своей должности.

— Ну, что до этого, дорогой друг, так прежде, чем я и моя труппа начнем играть, нам предстоит немного поломать голову. Но я вовсе не желал умалять достоинства Джулии. Нам ни к чему две Агаты, и нам необходима Жена крестьянина. И вот же я сам подал сестре пример скромности, довольствуясь стариком дворецким. Когда роль пустяковая, тем больше чести, если Джулия сумеет чтонибудь из нее сделать. Если же она так решительно настроена против всего смешного, пусть говорит то, что произносит Крестьянин, а не Жена крестьянина, и по всей пьесе поменяет их ролями; он то серьезен и, без сомнения, достаточно трогателен. А для пьесы

никакой разницы; что же до самого Крестьянина, раз ему достанутся реплики его жены, я сам охотно сыграю эту роль.

— При всем вашем пристрастии к Жене крестьянина, ничего с этой ролью не сделаешь, чтоб она подошла вашей сестре,— возразил Генри Крофорд,— и не годится нам испытывать ее доброту и навязывать ей такую роль. Мы просто не позволим ей согласиться. Не пристало нам пользоваться ее любезностью. Ее таланты понадобятся для роли Амелии. Амелия такой персонаж, что сыграть ее трудней, чем даже Агату. На мой взгляд, эта роль самая трудная в пьесе. Чтоб выразить игривость и простодушие Амелии, не впадая в крайность, требуются большие способности, большая изощренность. Я видел, как хорошие актрисы терпели неудачу в этой роли. Простодушие и правда редко удаются даже профессиональным актрисам. Тут требуется тонкость чувств, которой они не обладают. Тут требуется благородное происхождение, одним словом, некая Джулия Бертрам. Надеюсь, вы согласитесь? — Он повернулся к Джулии с видом тревожно умоляющим, который ее несколько смягчил; но пока она колебалась, не зная, как ответить, опять вмешался ее брат и заявил, будто у мисс Крофорд больше оснований сыграть эту роль.

— Нет, нет, Джулия не должна быть Амелией. Эта роль совсем не для нее. Ей она не понравится. И не получится у нее. Джулия слишком высокая и крепкая. Амелии пристало быть маленькой, легкой, с девичьей фигуркой и непоседливостью. Роль эта подходит мисс Крофорд, и только мисс Крофорд, уверяю вас, мисс Крофорд похожа на Амелию и, конечно же, сыграет ее замечательно.

Не слушая его, Генри Крофорд продолжал умолять Джулию:

— Вы должны оказать нам услугу,— говорил он.— Право, должны. Когда вы обдумаете эту роль, вы, безусловно, увидите, что она вам подходит. Пусть ваш выбор трагедия, но, без сомнения, окажется, что вас выбирает комедия. Вам предстоит навестить меня в темнице с корзиною провизии: вы ведь не откажетесь навестить меня в темнице. Мне кажется, я даже вижу, как вы входите с корзиною.

Его уговоры не оставили Джулию равнодушной. Она заколебалась; но не старается ли он всего лишь утешить и успокоить ее и заставить забыть о недавней обиде?

Она не доверяла ему. Он пренебрег ею слишком явно. Его настояния, возможно, не более как вероломная игра. Джулия подозрительно глянула на сестру; все решит выражение ее лица: не встревожена ли она, не раздосадована? Но на лице Марии покой и довольство, а Джулия хорошо знала, что в этой затее Мария может быть счастлива только за ее счет. И потому, мигом вознегодовав, она дрожащим голосом сказала Генри Крофорду:

— Похоже, вы не боитесь, что не сумеете сдержать смех, когда я войду с корзинкой провизии... а ведь можно было бы этого ждать... но я вам так опасна единственно в роли Агаты!

Она замолчала. У Генри Крофорда вид был довольно глупый, казалось, он не знает, что сказать. И опять принялся за свое Том Бертрам:

— Мисс Крофорд должна быть Амелией... Она будет превосходной Амелией.

— Не бойся, я не хочу эту роль,— сердито, торопливо воскликнула Джулия.— Мне не быть Агатой, а никого другого я нипочем играть не стану. А что до Амелии, она мне отвратительней всех ролей. Я ее просто ненавижу. Противная, ничтожная, назойливая, ненатуральная, нахальная девица. Я всегда возражала против комедии, а это комедия в ее худшем виде.

И так сказав, она поспешно вышла из комнаты, и почти всем стало неловко, но особого сочувствия к ней не испытал никто, кроме Фанни, которая тихонько все слушала и с великой жалостью думала, что причина волнений Джулии — жестокая ревность.

После ухода Джулии наступило недолгое молчание, но скоро брат ее воротился к делу, к «Обетам любви» и вместе с мистером Йейтсом стал нетерпеливо просматривать пьесу, чтобы удостовериться, какие понадобятся декорации, а тем временем Мария и Генри Крофорд беседовали вполголоса, и утверждение, с которого она начала,— «Конечно же, я очень охотно уступила бы эту роль Джулии, но, хотя сама я, пожалуй, сыграю ее совсем дурно, я убеждена, что она сыграет еще хуже»,— утверждение это, разумеется, удостоилось всех похвал, каких она ждала.

Так продолжалось какое то время, а потом общество и вовсе распалось, поскольку Том Бертрам и мистер Йейтс отправились для дальнейших совещаний в комнату, которой теперь предстояло называться Театром, а мисс Бертрам вздумала пойти в пасторат, чтобы самой

предложить роль Амелии мисс Крофорд; и Фанни осталась одна.

Оказавшись в одиночестве, она первым делом взяла лежащий на столе том и стала читать пьесу, о которой столько слышала. В ней проснулось любопытство, и она пробежала страницу за страницей с жадностью, которая время от времени сменялась разве что удивлением — как можно было это предложить и принять для домашнего театра! Агата и Амелия, каждая на свой лад, показались ей столь неподходящими для домашнего представления, положение одной и язык другой столь непригодными для изображения любой достойной женщиной, что она и помыслить не могла, будто ее кузины имеют понятие о том, чем занялись; и она жаждала, чтоб увещевания Эдмунда, которых, конечно же, не миновать, поскорей заставили их опомниться.

ГЛАВА 15

Мисс Крофорд приняла роль очень охотно, а вскоре после возвращения мисс Бертрам из пастората приехал мистер Рашуот, и тем самым нашелся исполнитель еще одной роли. Ему предложили на выбор Графа Кэссела и Анхельта, и поначалу он не знал, на ком остановиться, и просил совета мисс Бертрам, но когда ему объяснили, как различны эти персонажи и каков каждый из них, и он вспомнил, что однажды видел эту пьесу в Лондоне и счел Анхельта изрядным тупицею, он вскоре избрал роль Графа. Мисс Бертрам одобрила его решение, ведь чем меньше ему придется заучивать, тем лучше; и хотя она не могла разделить его желание, чтоб Граф и Агата играли вместе, и с трудом сдерживала нетерпение, пока он медленно переворачивал страницы в надежде все же найти такую сцену, она премило взяла его роль в руки и сократила все реплики, которые поддавались сокращению; кроме того, сказала, что ему надобно роскошно одеться, и выбрала для него цвета. Необходимость разодеться была весьма любезна мистеру Рашуоту, хотя он и делал вид, будто относится к этому с презрением, и он слишком был занят мыслями о том, как будет выглядеть, чтобы думать о других или прийти к какомунибудь из тех заключе

ний или испытать какое нибудь из тех неудовольствий, к которым уже отчасти приготавилась Мария.

Вот сколько дел уладилось, прежде чем обо всем узнал Эдмунд, ибо он с утра отсутствовал; но когда перед обедом он вошел в гостиную, там стоял шум от жаркого спора, в котором участвовали Том, Мария и Йейтс, а Рашуот нетерпеливо шагнул ему навстречу, спеша поведать приятные новости.

— Мы нашли пьесу,— сказал он,— «Обеты любви», и я буду Графом Кэсселом и в первый раз появлюсь в голубом фраке и розовом шелковом плаще, а потом и в другом затейливом костюме, вроде охотничьего. Еще не знаю, как мне это понравится.

Фанни слушала и не спускала глаз с Эдмунда, и сердце ее трепетало за него, и она видела его взгляд и понимала, каковы сейчас его чувства.

— «Обеты любви»! — с величайшим изумленьем только и вымолвил он в ответ Рашуоту и поворотился к брату и сестрам, словно едва ли сомневался, что они это опровергнут.

— Да! — воскликнул мистер Йейтс.— После всех обсуждений и споров мы сошлись на том, что для нас «Обеты любви» безупречней всех прочих пьес и более всех прочих нам подходят. Удивительно, как это мы не подумали о них прежде. Моя тупость чудовищна, ведь по сравнению с Экслсфордом у нас здесь все преимущества, так удобно, когда уже есть для нас пример, коему следовать. Мы успели распределить почти что все роли.

— И женские тоже? — мрачно спросил Эдмунд, глядя на Марию.

— Я взяла роль, которую должна была исполнять леди Рэвеншо,— отвечала Мария, невольно краснея. И докончила смелее: — А мисс Крофорд будет Амелией.

— Не думал я, что у нас так легко найдутся охотники играть подобную пьесу,— заметил Эдмунд, отворачиваясь к камину, где расположились его мать, тетушка и Фанни, и с видом крайне раздосадованным сел.

Мистер Рашуот последовал за ним и продолжал:

— Я выхожу на сцену трижды, и в моей роли сорок две реплики. Немало, правда?.. Только мне не очень по вкусу, что надобно вырядиться таким франтом... В голубом «фраке да в розовом шелковом плаще я, пожалуй, и не ;знаю себя.

Эдмунду нечего было ему ответить. Несколько минут спустя мистера Бертрама вызвали из комнаты, чтобы

Церковь и кладбище Св. Девы Марии в Боэ.
Место паломничества.

он разрешил кое какие сомнения плотника, и, так как с ним вышел и мистер Йейтс, а вскоре за ними последовал и мистер Рашуот, Эдмунд поспешил воспользоваться случаем:

— При мистере Йейтсе я не мог сказать, как я отношусь к сей пьесе, не бросив тень на его друзей в Эклсфорде,— заговорил он.— Но теперь я должен сказать, дорогая моя Мария, что нахожу ее совершенно неподходящей для представления на домашнем театре, и надеюсь, ты от нее откажешься... Когда ты внимательно ее прочтешь, не сомневаюсь, ты непременно откажешься. Прочти вслух маменьке или тетушке всего лишь первый акт, и увидишь сама, возможно ли тебе ее одобрить. Я уверен, уже не понадобится прибегать к авторитету папеньки.

— Мы очень по разному смотрим на вещи! — воскликнула Мария.— Уверяю тебя, я отлично знакома с пьесой, и, если кое что опустить, совсем немного, что, конечно, будет сделано, я не вижу в ней ничего нежелательного. И тебе надобно знать, что я не единственная девица,

кто находит ее вполне подходящей для домашнего представления.

— Мне очень жаль,— был ответ.— Но в этом деле решающее слово будет за тобою. Ты должна подать пример. Если другие совершили ошибку, ты должна направить их на путь истинный и послужить образцом подлинного такта. Во всем, что касается до приличий, именно твое поведение должно быть законом для всех остальных.

Он изобразил Марию столь значительной особой, что это отчасти подействовало, поскольку была она большая любительница задавать тон; и она ответила уже куда дружелюбнее:

— Я очень тебе признательна, Эдмунд, у тебя, без сомнения, самые добрые намерения, но мне по-прежнему кажется, что ты судишь чересчур строго, и я, право же, не решусь переубеждать остальных. Вот уж это, по моему, и вправду было бы неприлично.

— Неужто ты вообразила, что мне могло это прийти в голову? Нет... пусть переубеждает единственно твое поведение. Скажи, что, ознакомься с ролью, ты чувствуешь, что она тебе не подходит, что она, по твоему, требует таких сил и уверенности в себе, какими ты не обладаешь. Скажи так с твердостью, и этого будет вполне довольно. Все, кто способен разобраться, поймут, что тобою движет. От пьесы откажутся, и твоему такту воздадут должное.

— Не исполняй ничего предосудительного, дорогая моя,— сказала леди Бертрам.— Сэр Томас был бы недоволен... Фанни, позвони, пожалуйста, мне пора обедать. Надеюсь, Джулия уже одета.

— Сэр Томас, несомненно, был бы недоволен, сударыня,— сказал Эдмунд еще прежде, чем Фанни успела позвонить.

— Вот видишь, моя дорогая, что говорит Эдмунд?

— Если б я отказалась от роли, ее непременно взяла бы Джулия,— с вновь вспыхнувшей горячностью возразила Мария.

— Как? — воскликнул Эдмунд.— Если будет знать, что тобою движет?

— Но она может подумать, что она и я — не одно и то же... мы в разном положении... и ей незачем быть столь щепетильной, как полагаю для себя нужным я. Я уверена, она рассудит именно так. Нет, ты уж меня извини, я не могу взять назад свое согласие. Все уже твердо условлено, нельзя всех так разочаровать. Том был

бы вне себя. И если уж мы такие привередливые, мы никогда ничего не сыграем.

— Я как раз собиралась сказать в точности то же,— вмешалась тетушка Норрис,— ежели возражать против каждой пьесы, вы никогда ничего не сыграете... и все деньги, какие пошли на приготовления, окажутся выброшенными на ветер... и уж тогда то всем нам стыда не обернуться. Я пьесу не знаю, но Мария говорит, ежели там и есть какие нескромности, а без того редкая пьеса обходится, их легко опустить. Не к чему нам быть уж такими требовательными, Эдмунд. Раз мистер Рашуот тоже намерен играть, значит, не может тут быть ничего дурного. Вот единственно Тому надобно было получше знать, чего он хочет, когда разговаривал с плотниками, потому как из за этих боковых дверей они полдня работали понапрасну. Однако ж, занавес будет лучше некуда. Горничные очень хорошо его делают, и, я думаю, мы сможем отослать обратно несколько дюжин колец. Чего ради пришивать их так часто. Надеюсь, есть кой какая польза и от меня, надо ж кому то приглядывать за работами и чтоб ничего не пропадало даром. Когда собирается столько молодежи, непременно требуется какая нибудь трезвая голова, чтоб ее направлять. Я забыла рассказать Тому, что нынче видела своими глазами. Была я на птичьем дворе, гляжу по сторонам, и только собралась выйти, вдруг вижу — кого б вы думали? — Дик Джексон подходит к дверям для прислуги, а в руках у него две сосновые досточки, как пить дать несет отцу; мать, верно, послала его с каким нибудь порученьем к отцу, а тот велел принести две досточки, не мог без них обойтись. Я тотчас же смекнула, что к чему, ведь тут как раз звонок возвестил слугам обед, и не терплю я людей, которые зарятся на чужое добро,— а Джексоны такие и есть, я всегда это говорила, именно из тех, кто всегда присвоит что плохо лежит,— ну, я так прямо и говорю мальчишке — большой лоботряс вымахал, уж десять лет ему, пора бы, кажется, иметь совесть,— я, мол, сама отнесу досточки отцу, Дик, так что беги ка домой, да побыстрей. У мальчишки вид был преглупый, он поворотился и ни единого словечка не сказал, думаю, я разговаривала с ним довольно сурово; надеюсь, он на время излечится, не станет ходить по дому мародерствовать... Не терплю эдакую жадность... и ведь твой отец столько добра сделал этому семейству: круглый год дает Джексону работу!

Никто не потрудился ей ответить; скоро воротились остальные, и Эдмунд понял, что не найдет покоя, если не постарается изо всех сил обратить их на путь истинный.

Обед прошел тягостно. Тетушка Норрис опять поведала о своей победе над Диком Джексоном, но более ни о пьесе, ни о приготовлениях к ней особенно не разговаривали, ибо все чувствовали неодобрение Эдмунда, даже его брат, хотя ни за что бы в том не признался. Марии сейчас недоставало воодушевляющей поддержки Генри Крофорда, и она предпочитала избегать сего предмета. Мистер Йейтс, который старался полюбитьсЯ Джулии, понял, что любым разговором есть надежда рассеять ее мрачность скорее, чем сожаленьями о том, что она ушла из их труппы, а мистер Рашуот, занятый единственно мыслями о своей роли и своем наряде, скоро уже переговорил о том и другом все, что только можно было сказать.

Но театральные заботы были отставлены всего на час другой; дел предстояло еще великое множество; и к вечеру, прибодрясь и ощутив новый прилив сил, Том, Мария и Йейтс, вновь сойдясь в гостиной, вскоре расположились за отдельным столом, раскрыли пьесу, и, только что в нее углубились, их прервал весьма желанный приход Генри и Мэри Крофорд, которые, как ни грязно и темно было на улице, уступили желанию прийти и встречены были с превеликой радостью.

«Ну как подвигаются дела?», «На чем вы порешили?», «Да без вас у нас ничего не получается» — слышалось после первых приветствий; и скоро Генри Крофорд уже сидел с теми тремя за столом, меж тем как его сестра с любезнейшими поздравлениями подошла к... леди Бертрам.

— Право, я должна вас поздравить, ваша светлость, с выбранною пьесой, — сказала она. — Хотя вы и проявили завидное терпенье, вам, уж конечно, надоели наши споры и неурядицы. Актеры могут радоваться, что решение найдено, но сторонние наблюдатели должны быть несравненно благодарней. И я искренне вас поздравляю, сударыня, а также миссис Норрис и всех остальных, кто находился в том же неприятном положении, — и опасно, и лукаво она, минуя Фанни, глянула на Эдмунда.

Леди Бертрам ответила ей весьма любезно, но Эдмунд промолчал. Не возразил против того, что он всего лишь сторонний наблюдатель. Поболтав еще несколько минут с теми, кто сидел у камина, мисс Крофорд во

ротилась к сидящим у стола и, стоя подле них, как будто заинтересовалась их планами, но внезапно, словно что то вспомнив, воскликнула:

— Друзья мои, вы так усердно и спокойно занимаетесь всеми этими коттеджами и питейными домами, но, прошу вас, позвольте мне меж тем узнать мою судьбу. Кто будет Анхельтом? Кому из присутствующих здесь джентльменов я буду иметь удовольствие отдать свое сердце?

В первое мгновение никто не произнес ни слова, потом сразу несколько голосов сообщили печальную правду,— что Анхельта у них еще нет.

— Мистер Рашуот согласился на роль Графа Кэссела, но Анхельта еще не взял никто.

— У меня был выбор,— сказал мистер Рашуот,— но я подумал, что Граф мне больше подходит... хотя для меня не слишком большое удовольствие разодеться в пух и прах.

— Вы, без сомненья, выбрали весьма мудро,— просяв, заметила мисс Крофорд.— Анхельт — нудная роль.

— У Графа сорок две реплики,— отвечал мистер Рашуот,— а это не пустяк.

— Я нисколько не удивлена, что никто не вызвался быть Анхельтом,— после короткого молчания сказала мисс Крофорд.— Ничего лучшего Амелия и не заслуживает. Такая развязная девица напугает любого мужчину.

— Я был бы только счастлив взять эту роль на себя! — воскликнул Том.— Но это невозможно. К сожалению, Дворецкий и Анхельт участвуют в одних и тех же сценах. Однако ж я не откажусь от этой мысли... посмотрю, нельзя ли чтонибудь придумать... еще раз пролистаю пьесу.

— Эту роль следовало бы взять вашему брату,— вполголоса сказал мистер Йейтс.— Вы полагаете, он не согласится?

— Я не стану его спрашивать,— холодно, решительно отвечал Том.

Мисс Крофорд заговорила о чем то еще, а несколько времени спустя вновь присоединилась к сидящим у камина.

— Я им совсем не нужна,— сказала она, садясь.— Я их только озадачиваю и вынуждаю говорить любезности. Мистер Эдмунд Бертрам, раз уж сами вы не играете, вы можете посоветовать как человек не заинте

ресованный, и потому я обращаюсь именно к вам. Как нам быть с Анхельтом? Возможно ли, чтоб ктонибудь из участников взял его в качестве второй роли? Что вы посоветуете?

— Я посоветую найти другую пьесу,— спокойно сказал Эдмунд.

— Я бы не возражала,— отвечала она,— хотя не сказала б, что роль Амелии, если хорошо ее исполнить, так уж мне не нравится... то есть если все идет хорошо... я бы не хотела никому причинять беспокойство... но если те за столом предпочитают не слышать вашего совета (мисс Крофорд оглянулась по сторонам) — они, разумеется, вас не послушают.

Эдмунд промолчал.

— Если существует роль, которая могла бы вас соблазнить, я думаю, это как раз Анхельт,— немного погодя лукаво заметила сия особа,— ведь он священник.

— Это никак бы меня не соблазнило, мне было бы жаль выставить его на посмешище из за плохой игры,— отвечал Эдмунд.— Очень трудно сыграть так, чтоб Анхельт не показался сухим, напыщенным педантом. И человек, который избирает профессию священника, вероятно, менее всех прочих пожелает исполнять эту роль на сцене.

Мисс Крофорд нечего было на это возразить, и с некоторой обидой и разочарованием она подвинула свой стул значительно ближе к чайному столу и направила все свое внимание на миссис Норрис, которая там главенствовала.

— Фанни,— окликнул Том Бертрам с другого стола, где они все еще оживленно совещались и разговор не умолкал ни на миг,— нам требуются твои услуги.

Фанни вскочила, ожидая какогонибудь порученья, ибо, несмотря на все старания Эдмунда, к ней по привычке еще обращались в подобных случаях.

— Нет, нет, мы не хотим срывать тебя с места. Сию минуту нам ничего от тебя не надобно. Мы только хотим, чтоб ты участвовала в спектакле. Ты должна быть Женою крестьянина.

— Я?! — воскликнула Фанни и опять села, с видом крайне испуганным.— Право, увольте. Да хоть озолотите меня, я ни одной роли не смогу сыграть. Право же, я не умею представлять.

— Хочешь не хочешь, а ты должна, мы не можем без тебя обойтись. И ты напрасно пугаешься, роль пустя

ковая, сущий пустяк, на все про все не более полдюжины реплик, и особой беды не будет, если никто ничего и не услышит, так что можешь оставаться такой же тихой мышкой, но появиться на сцене ты должна, чтоб было на кого смотреть.

— Если вас пугает полдюжины реплик, что ж тогда говорить мне при моей то роли? — воскликнул Рашуот. — Мне надобно заучить сорок две.

— Вовсе не того я боюсь, что надобно учить наизусть, — возразила Фанни, со страхом увидев, что в комнате все смолкло и на нее обращены едва ли не все взгляды, — но я правда не умею играть.

— Да как ни сыграешь, для нас и того будет довольно. Твое дело — знать слова, а всему остальному мы тебя научим. Ты появляешься только в двух сценах, а так как Крестьянином буду я, я тебя поддержу и помогу, и ты прекрасно справишься, ручаюсь тебе.

— Нет, право, мистер Бертрам, увольте меня. Вы не понимаете. Для меня это никак невозможно. Если мне пришлось бы согласиться, я бы вас только разочаровала.

— Вздор! Вздор! Не будь такой скромницей, ты прекрасно справишься. Тебе сделаны будут всяческие послабления. Мы не ждем совершенства. Тебе потребуется коричневое платье, белый фартук и домашний чепец, и мы нарисуем тебе морщины и мелкие морщинки в уголках глаз, и из тебя получится весьма пристойная старушка.

— Пожалуйста, увольте меня, право же, увольте, — воскликнула Фанни, от чрезмерного волнения все более заливаясь краскою и горестно глядя на Эдмунда, который дружелюбно смотрел на нее, но, не желая раздражать брата своим вмешательством, только ободряюще ей улыбался. Ее мольбы не оказывали на Тома ни малейшего действия; он опять повторил то, что уже говорил прежде, и теперь требовал не один Том, его поддерживали Мария, и мистер Крофорд, и мистер Йейтс, они тоже настаивали, кто мягче, кто учтивей, и перед таким напором она совсем растерялась; не успевала она перевести дух, как всему делу положила конец тетушка Норрис, которая заговорила с ней шепотом и сердитым и громким:

— Что это за суету ты подняла по пустякам? Мне просто стыдно за тебя, Фанни, как же ты не желаешь оказать услугу кухне и кузену в такой малости... Они то вон как к тебе добры... Учтиво согласись на эту роль, и, прошу тебя, чтоб о том больше и разговору не было.

— Не понуждайте ее, сударыня,— сказал Эдмунд.— Так принуждать не годится. Вы ж видите, игра ей не по душе. Пусть, как и все мы, сама решает, чего она хочет. Нет никакой причины не доверять ее суждению. Не принуждайте ее больше.

— Я и не собираюсь ее принуждать,— резко отвечала миссис Норрис,— но если она не сделает то, чего от нее хотят ее тетушка и кузен с кузиною, я буду почитать ее весьма упрямой и неблагодарной девицей, да да, весьма неблагодарной, принимая во внимание, кто она и что.

Эдмунд так был возмущен, что не мог произнести ни слова, но мисс Крофорд, удивленно поглядев на миссис Норрис, а потом на Фанни, у которой уже навертывались слезы на глаза, тотчас сказала не без язвительности:

— Не нравится мне мое место, для меня тут слишком жарко.— И отодвинула стул к другому концу стола, поближе к Фанни, а усевшись, ласково, тихонько заговорила:

— Не огорчайтесь, милая мисс Прайс... это досадливый вечер... все досаждают и сердятся... но бог с ними.— И с подчеркнутым вниманием продолжала с нею разговаривать и пыталась хоть немного развеселить ее, хотя самой было совсем не весело.

Выразительно поглядев на брата, она тем самым положила конец дальнейшим настояниям со стороны устроителей спектакля, а истинно добрые чувства, которые почти одни ею сейчас и руководили, быстро восполнили то небольшое, что она было потеряла в глазах Эдмунда.

Фанни не любила мисс Крофорд, но была чрезвычайно благодарна ей за сочувствие; а та не оставила незамеченным ее вышиванье, и посетовала, что не умеет сама так хорошо вышивать, и попросила позволения заимствовать ее рисунок, и предположила, что Фанни, должно быть, теперь готовится выезжать, чего ей, конечно же, не миновать, когда ее кузина выйдет замуж, а потом принялась расспрашивать, давно ли у ней были вести от брата моряка, и сказала, что ей так любопытно его увидеть и что он, наверно, очень красивый молодой человек, и посоветовала Фанни заказать его портрет, прежде чем он снова отправится в плаванье,— и Фанни не могла устоять перед столь приятной лестью и невольно слушала и отвечала куда оживленней, чем хотела бы.

Устроители все продолжали совещаться по поводу пьесы, и внимание мисс Крофорд впервые отвлек от

Фанни Том Бертрам, который поведал ей, что, увы, у него нет никакой возможности взять на себя роль Анхельта в дополнение к Дворецкому; он всячески старался чтонибудь придумать, но ничего не выходит, он вынужден сдаться.

— Но найти исполнителя для Анхельта ничуть не трудно,— прибавил он.— Стоит только сказать слово — и можно выбирать с пристрастием. Я прямо сейчас могу назвать по меньшей мере шестерых молодых людей не далее чем в шести милях от нас, которые жаждут быть принятыми в нашем обществе, и один двое таковы, что никак нас не посрамят. На любого из Оливеров или на Чарлза Мэдокса я не побоялся бы положиться. Том Оливер очень толковый малый, а Чарлз Мэдокс человек на редкость воспитанный, так что завтра рано поутру я проедусь верхом в Сток и с кемнибудь из них условлюсь.

Он говорил, а Мария тем временем опасливо посматривала на Эдмунда, ожидая, что он сейчас воспротивится подобному расширению их замысла, идущего вразрез со всеми их торжественными заверениями; но Эдмунд молчал. Мисс Крофорд на миг задумалась, потом спокойно ответила:

— Что до меня, я не стану возражать ни против чего, что вам всем кажется подходящим. Я когонибудь из этих джентльменов видела? Ах да, мистер Чарлз Мэдокс однажды обедал у сестры, не правда ли, Генри? Такой с виду тихий молодой человек. Да, я его помню. Если можно, обратитесь, пожалуйста, к нему, это будет не так неприятно, как иметь дело с совсем незнакомым человеком.

Выбор остановили на Чарлзе Мэдоксе. Том повторил, что намерен отправиться к нему завтра рано поутру; и хотя Джулия, которая во все это время едва ли проронила хоть слово, язвительно заметила, глянув сперва на Марию, а после на Эдмунда, что «мэнсфилдский спектакль до крайности взбудоражит всю округу», Эдмунд все еще хранил молчание, и его чувства выражались лишь в непреклонной серьезности.

— Я не в таком радужном свете вижу наш спектакль,— вполголоса молвила мисс Крофорд, наклонясь к Фанни.— И могу сказать мистеру Мэдоксу, что до того, как мы станем вместе репетировать, я несколько сокращу его роль и основательно сокращу свою. Играть с ним пренеприятно, совсем не то, что я ожидала.

Как ни старалась мисс Крофорд, ей не удалось уговорить Фанни и вправду забыть, что произошло. Когда вечер подошел к концу, она легла в постель, полная мыслями об этом, не в силах успокоиться, от ошеломившего ее нападения кузена Тома, столь прилюдного и упорного, подавленная суровым осуждением и упреками тетушки. Так вот оказалась средоточием всеобщего внимания, узнать, что это еще только прелюдия к чему то куда более неприятному, выслушать требование, чтоб она сделала нечто совсем невозможное — стала играть на сцене, — а затем и обвинение в упрямстве и неблагодарности, усиленное намеком на ее зависимое положение, — все это было слишком мучительно, и, оставшись одна, Фанни вспоминала обо всем почти с тою же болью, да еще прибавился ужас перед завтрашним днем, когда может последовать продолженье, которое уж вовсе неизвестно к чему приведет. Мисс Крофорд защитила ее только на то время, пока была рядом; а если, когда они окажутся лишь среди своих, Том и Мария опять станут ее просить, со всей присущей им властной настойчивостью, а Эдмунда как раз не будет дома, — что ж ей тогда делать? Она уснула, так и не найдя ответа на этот вопрос, и, когда наутро проснулась, он оставался все таким же неразрешимым. Белая комнатуха под крышей, что оставалась ее спальenkой с того первого дня, когда она вошла в эту семью, не могла подсказать какой либо ответ, и, едва одевшись, она пошла искать спасенья в другой комнате, более просторной, где можно было походить и подумать и где она уже несколько времени была почти что хозяйкою. Прежде то была их классная; она носила это название, пока сестры Бертрам не запретили так ее называть, и до недавних пор была жилою комнатою. Здесь жила мисс Ли, и здесь, не считая последних трех лет, когда она уехала от своих подросших воспитанниц, они читали, писали, болтали, смеялись. Комната осталась без употребления и одно время пустовала, никто в ней не бывал, кроме Фанни, когда она навещала свои комнатные растения или ей требовалась какая нибудь из книг, которые по недостатку места в ее каморке наверху она, радуясь такой возможности, по прежнему держала здесь;

но постепенно, когда необходимость в этой более удобной комнате становилась острее, Фанни присоединила ее к своим владениям, проводила в ней многие часы; и, не встречая никакой помехи, освоилась тут столь бесхитростно и естественно, что теперь уже все числили эту комнату за нею. Восточная комната, как ее называли с тех самых пор, когда Марии Бертрам исполнилось шестнадцать, теперь считалась Фанниной почти так же безусловно, как белая спальня; была она такая крохотная, что Фанни имела все основания пользоваться другою комнатою, и оттого кухни, чьи покои несравненно ее превосходили, как того требовало их чувство собственного превосходства, вполне это одобрили; а тетюшка Норрис, поставив условием, чтоб для одной Фанни там никогда не топили, поворчав, согласилась, чтоб она пользовалась тем, что никому другому не надобно, однако же иной раз говорила о сей милости так, будто речь идет о самой что ни на есть лучшей комнате в доме.

Расположение комнаты было столь благоприятным, что при Фанниной неприхотливости она и нетопленная часто поутру раннюю весной и поздней осенью была ей мила, а когда туда проникал луч солнца, Фанни надеялась, что ее и вовсе никто не заставит покинуть это убежище, даже если задерживалась там уж очень долго. Она могла укрыться там после каких-нибудь неприятностей внизу и тотчас же находила утешение в каком-нибудь занятии или в раздумьях о том, что в тот час ее занимало. Ее цветы, книги — а она их собирала с того самого часу, когда впервые ей можно стало распорядиться хотя бы шиллингом, — конторка для письма, шитье для бедных или искусное рукоделье — все здесь было под рукой; а если к этому не лежала душа, если только и хотелось, что поразмыслить, в этой комнате при взгляде чуть ли не на каждый предмет рождались милые воспоминания. Тут каждая вещь была другом или наводила на мысль о друге; и хотя иногда Фанни приходилось горько страдать, хотя ее побуждения часто понимали превратно, с ее чувствами не считались, а ее разумение недооценивали, хотя она познала муки тирании, осмеянья и пренебреженья, однако ж всякий раз, обращаясь к ним, она находила в них что либо утешительное: тетюшка Бертрам заступилась за нее, или мисс Ли ее ободрила, или, что случалось чаще и было ей всего дороже, Эдмунд — ее защитник и друг — стал

на ее сторону, или объяснил, что она имела в виду, или уговаривал ее не плакать и чем то выказал свою привязанность, отчего слезы стали так сладостны; и все вместе теперь уже перемешалось, и даль времен все привела в созвучье, и оттого в каждой прошлой горести таилось свое очарование. Комната так ей была мила, что Фанни ни за что не поменяла бы в ней мебель на самую наилучшую в доме, хотя, изначально совсем простая, она чего только не вытерпела от детей, и самыми элегантными предметами и украшением здесь были выцветшая скамеечка для ног работы Джулии, слишком неказистая, чтоб ей нашлось место в гостиной, три транспаранта, сделанные в разгар моды на транспаранты, предназначавшиеся для трех нижних стекол окна, где Тинтернское аббатство расположилось между какой то итальянской пещерой и освещенным луною озером в Камберленде; над камином коллекция семейных профилей, которую сочли недостойной других комнат, и рядом небольшой рисунок, прикрепленный кнопкой к стене — набросок корабля, четыре года назад посланный Уильямом со Средиземного моря, с подписью внизу буквами вышиною с грот мачту — К.Е.В.¹ «Антверпен».

В это уютное гнездышко и отправилась теперь взволнованная, полная сомнений Фанни в надежде на его благотворное влияние — может быть, удастся, глядя на профиль Эдмунда, услышать душою хоть какойнибудь его совет, либо, дав дохнуть свежего воздуха своей гери, выставив ее за окно, и самой ощутить прилив душевных сил. Но не только страх пред собственным упорством предстояло ей одолеть, теперь она заколебалась, как же тут должно поступить; и пока она ходила по комнате, ее сомнения росли. Права ли она, отказывая в том, о чем ее так горячо просят, чего так сильно желают? Что есть неоценимо важного в затее, которой увлеклись иные из тех, кому она столь многим обязана? Не дурной ли нрав ею руководит... не себялюбие ли и боязнь выставить себя напоказ? И довольно ли мнения Эдмунда, его убеждения, что сэр Томас все это не одобрил бы, чтобы оправдать ее решительный отказ наперекор воле всех остальных? Игра на сцене так ее ужасала, что она склонна была усомниться в истинности и чистоте своих сомнений, и, пока смотрела по сторонам, настойчивые просьбы кузины и кузена оказать им любезность стано

¹ Корабль Его Величества.

вились все весомей по мере того, как на глаза один за другим попадались подарки, которые она от них получала. Стол между окнами уставлен был корзинками для рукоделья, подаренными в разное время по большей части Томом; и, глядя на все эти свидетельства их доброты, Фанни приходила в смущенье оттого, в каком же она долгу перед ними. Стук в дверь вспугнул ее, когда она пыталась разобраться, как же ей должно поступить, и в ответ на ее кроткое «Войдите» появился тот, кому она обыкновенно высказывала все свои сомнения. При виде Эдмунда глаза ее засветились радостью.

— Можно поговорить с тобою несколько минут, Фанни? — спросил он.

— Да, конечно.

— Мне надобно посоветоваться. Мне надобно твое мнение.

— Мое мнение! — воскликнула она, отказываясь поверить таким лестным словам, хотя они безмерно ее обрадовали.

— Да, твой совет и твое мнение. Я не знаю, как быть. С этой театральной затеей час от часу не легче. Выбрали пьесу хуже некуда, а теперь для полноты картины намерены обратиться за помощью к молодому человеку, который нам едва знаком. Тогда конец всякой скромности и благопристойности, о чем шла речь поначалу. Я не знаю о Чарлзе Мэдоксе ничего дурного, но оттого, что он будет введен в наше общество таким образом, неизбежно чересчур тесное знакомство, крайне нежелательное, и не просто тесное знакомство, а близость. Я даже и подумать об этом не могу, — и таким мне это представляется серьезным злом, что, если возможно, его непременно следует предотвратить. Разве ты не так же думаешь?

— Так же, но что можно поделать? Твой брат настроен столь решительно.

— Только одно, Фанни. Роль Анхельта должен взять я сам. Мне совершенно ясно, что иначе Том не угомонится.

Фанни не находила слов.

— Мне это совсем не нравится, — продолжал Эдмунд. — Кому понравится поневоле в глазах всех оказаться столь непоследовательным. Коль скоро я, как известно, с самого начала возражал против этой затеи, что может быть нелепей моего желания присоединиться к ним теперь, когда они во всех отношениях зашли го

раздо дальше; но я не вижу другого выхода. А ты, Фанни?

— Нет,— раздумчиво отвечала она,— пока нет... но...

— Но что? Я вижу, ты со мною не согласна. Подумай еще, Фанни. Возможно, ты недостаточно отдаешь себе отчет в том зле, которое может произойти, в тех неприятных последствиях, которые неизбежны, когда малознакомый молодой человек введен в дом таким образом... принят у нас... получает право приходить в любое время... и вдруг поставлен в такое положение, при каком неизбежно должен отказаться от сдержанности. Стоит только подумать о вольности, к которой неизбежно будет вести каждая репетиция. Все это очень дурно! Поставь себя на место мисс Крофорд, Фанни. Представь, каково играть Амелию с незнакомым человеком. Она вправе рассчитывать на сочувствие, потому что, без сомнения, сокрушается из-за этого. Я довольно слышал вчера вечером из вашего с нею разговора, чтоб понять ее нежелание играть с незнакомым человеком. И вероятно, когда она соглашалась на эту роль, у ней были иные надежды — быть может, она не обдумала все как следует и оттого не представляла, что из этого получится, но было бы невеликодушно, было бы поистине дурно подвергнуть ее такому испытанию. Ее чувства следует уважать. Тебе так не кажется, Фанни? Ты, я вижу, в сомнении.

— Мне жаль мисс Крофорд, но еще того более я жалею тебя, видя, что тебе приходится делать то, против чего ты возражал и что, как ты знаешь, будет неприятно дядюшке. Все станут так торжествовать!

— У них не будет особых причин торжествовать, когда они увидят, как скверно я играю. Однако торжества не миновать, и мне надобно достойно его встретить. Но если мое участие поможет избежать разговоров касательно этой затеи, ограничить представление, ввести наше безрассудное предприятие в более тесные рамки, я буду вознагражден. При нынешнем моем положении я не имею на них влияния, ничего не могу поделать; я их обидел, и они не станут меня слушать, но когда, уступив им, я приведу их в хорошее расположение духа, появится надежда уговорить их намного сузить круг зрителей по сравнению с тем, к чему они сейчас стремятся. Это будет немалый выигрыш. Моя цель ограничить его четой Грантов и матушкой мистера Рашуота. Разве ради такого выигрыша не стоит уступить?

— Да, это будет очень важно.

— Но ты по прежнему этого не одобряешь. Можешь ты назвать какой либо иной путь, который поможет принести такую же пользу?

— Нет, мне ничего не приходит в голову.

— Тогда скажи, что ты меня одобряешь, Фанни. Иначе мне неспокойно.

— О кузен!

— Если ты против меня, мне не следует себе доверять... и однако ж... Но ведь совершенно невозможно, чтоб Том поступил по своему, стал ездить по округе в поисках когонибудь, кого удастся уговорить участвовать в нашем спектакле, кого угодно, лишь бы хоть с виду то был порядочный человек. Я надеялся, что ты больше считаешься с чувствами мисс Крофорд.

— Она, несомненно, обрадуется. Для нее это будет большое облегчение,— сказала Фанни, стараясь, чтоб голос ее звучал сердечней.

— Она никогда еще не была так благожелательна по отношению к тебе, как вчера вечером. Это дает ей особое право на мое расположение.

— Она и вправду была очень добра, и я рада, что она будет избавлена...

Фанни не смогла закончить свои великодушные речи. Совесть остановила ее посредине, но Эдмунд был удовлетворен.

— Я пойду сразу же после завтрака,— сказал он,— и уверен, что там будут довольны. А теперь, милая Фанни, я больше не стану тебе мешать. Тебе хочется читать. Но я не мог успокоиться, пока не поговорил с тобой и не пришел к решению. Во сне и наяву меня всю ночь преследовала их затея. Это зло, но я, безусловно, делаю его меньше, чем оно могло бы быть. Если Том уже встал, я прямо иду к нему и покончу с этим; и, когда мы встретимся за завтраком, у нас будет отличное настроение от предвкушения, как мы столь единодушно будем участвовать в этой глупости. А ты меж тем, должно быть, отправишься путешествовать по Китаю. Как продвигается лорд Макартни? — Он открыл лежащий на столе том, а потом взял и другие.— А вот и «Истории» Крабба, и «Бездельник» тут же, чтоб развлечь тебя, если утомишься от столь серьезной книги. Меня поистине восхищает, как ты распределяешь свой день. И как только я уйду, ты выкинешь из головы всю эту театральную чепуху и уютно устроишься за своим столом. Но смотри не пересиди здесь, а то замерзнешь.

Он ушел; но не до чтения было Фанни, не до Китая, не до покоя. Такую невероятную, такую непостижимую, такую недобрую весть он ей принес; и ни о чем другом она думать не могла. Он будет играть! После всех его возражений, — возражений столь справедливых и всеми услышанных! После всего того, что он ей говорил, и ведь она видела и знала, каковы его чувства. Возможно ли? Где же его стойкость? Не обманывает ли он себя? Не ошибается ли? Увы, это все мисс Крофорд. В каждом слове Эдмунда чувствовала Фанни ее влияние и оттого страдала. Сомнения и страхи из за собственного поведения, которые мучили ее прежде, а пока она его слушала, затаились, теперь уже не имели значения. Их поглотила тревога более глубокая. Пусть все идет своим чередом, чем бы это ни кончилось. Том и Мария могут на нее нападать, но им ее не допечь. Она недосыгаема для них; и если она все таки вынуждена будет покориться — что за важность? Все равно ее удел — страдание.

ГЛАВА 17

Для мистера Бертрама и Марии это и вправду был день торжества. Такой победы над благоразумием Эдмунда никто не ждал и она привела их в восторг. Теперь уже ничто не мешало дорогому их сердцу предприятую, и, ликуя, удволенные во всех отношениях, они наедине поздравили друг друга с завистливым безволием, которому и приписали эту перемену. Пусть Эдмунд по прежнему напускает на себя серьезность и говорит, что их затея ему не нравится, что выбор пьесы он и вовсе не одобряет, а все таки все вышло как они хотели: он согласился играть, и лишь потому, что уступил своему себялюбию. В их глазах Эдмунд спустился с нравственной высоты, на какой всегда был прежде, и оба они оттого стали и лучше и счастливей.

С Эдмундом они, однако ж, повели себя при этом безукоризненно, ничем не выдали свою бурную радость, разве только едва заметной тенью улыбки, и, казалось, они почитают замечательной удачей, что избавлены от вторжения в их общество Чарлза Мэдокса, как если б им его навязывали помимо их воли. Им ведь только и на

добно было, чтоб все происходило в семейном кругу. С появлением среди них незнакомого человека стало бы так неуютно! И когда, развивая эту мысль, Эдмунд намекнул о своей надежде ограничить число зрителей, они под влиянием минуты готовы были любезно пообещать все что угодно. Все были отменно настроены и воодушевлены. Тетушка Норрис предложила придумать ему костюм, мистер Йейтс заверил его, что и в последней сцене Ан хельта с Бароном можно дать волю живости и выразительности, а мистер Рашуот взял на себя труд подсчитать, сколько у него реплик.

— Может быть, теперь и Фанни охотнее нам поможет,— сказал Том.— Может быть, ты и ее убедишь.

— Нет, она совершенно непреклонна. Она ни в коем случае не будет играть.

— Вот как! Ну хорошо.

И ни слова более, но Фанни опять почувствовала себя в опасности, а равнодушие к опасности уже начинало ей изменять.

В пасторате перемена в Эдмунде вызвала не меньше радостных улыбок, чем в усадьбе; мисс Крофорд они были очень к лицу, и, вмиг, обретя прежнюю веселость, она стала входить во все подробности, а это, конечно, не могло на него не подействовать. Разумеется, он прав, нельзя не уважать подобные чувства, и он рад, что решил на это. И утро проходило во всеобщем довольстве, если и не таком уж глубоком, зато таком сладостном. Была от него польза и для Фанни: поддавшись уговорам мисс Крофорд, миссис Грант со своей обычною благожелательностью согласилась на роль, которую прежде навязывали Фанни,— вот и все, чем порадовал бедняжку этот день, и даже это известие, переданное ей Эдмундом, причинило внезапную острую боль, потому что она обязана теперь именно мисс Крофорд, именно ее добрым стараниям должна быть благодарна, и, говоря об этом как о заслуге мисс Крофорд, Эдмунд сиял от восхищенья. Теперь она в безопасности; но безопасность не принесла ей покоя. Никогда еще не было у ней так беспокойно на душе. Ей вовсе не казалось, будто она поступила дурно, но все остальное вселяло в нее тревогу. И сердцем и разумом она равно была против решения Эдмунда; не могла она оправдать его непоследовательность, а то, что благодаря этой перемене он счастлив, приводило ее в отчаянье. Ревность и смятение снесли ее. Мисс Крофорд подошла к ней веселая, и это ее оскорбило; дру

жески заговорила с нею, и Фанни стоило труда ответить учтиво. Вокруг нее каждый был весел и деятелен, упоен собственной значительностью и собственными успехами, у каждого был свой интерес, своя роль, свой костюм, своя любимая сцена, свои друзья и союзники, все были заняты, совещались, сравнивали или находили развлечение в шутливых причудах. Она одна была печальна и никому не нужна; ни в чем не участвовала, могла уйти или остаться, могла окунуться в их шум и суету или удалиться в уединение Восточной комнаты, и никто ее не замечал и ни разу ее не хватился. Ей уже чуть ли не казалось, будто все что угодно предпочтительней ее теперешнего положения. Миссис Грант была незаменима; это о ней говорили, что добрый нрав делает ей честь, с ее вкусом и временем считались, в ее присутствии нуждались, ее общества искали и оказывали ей внимание, и превозносили ее; и вначале Фанни едва не стала завидовать роли, которую та взялась исполнить. Но раздумье пробудило в ней более достойные чувства, она признала за миссис Грант право на уважение, какого сама она никогда не заслуживала, и даже достанься ей еще большее уважение, чем миссис Грант, если б она присоединилась к затее, которую, думая хотя бы о дядюшке, следовало полностью осудить, вовсе не стало бы у ней легко на душе.

Как скоро поняла Фанни, не ей одной было грустно. Джулия тоже страдала, хотя и не столь безвинно.

Генри Крофорд подшутил над ее чувствами; но она так долго принимала его благосклонное внимание и даже искала его, притом далеко не без причины ревнуя к сестре, что должна была бы уже исцелиться; и теперь, когда невозможно было не видеть, что он предпочел Марию, она покорилась, нисколько не тревожась за положение сестры и даже не пытаясь образумиться и успокоиться. И либо сидела в угрюмом молчании, охваченная такою печалью, которую ничто не могло развеять, при которой не было места никакому любопытству и не могло позабавить острое словцо; либо, благосклонно принимая внимание мистера Йейтса, с насильственной веселостью разговаривала с ним одним и насмеялась над игрою всех прочих.

Первые день два после того, как Джулии была нанесена обида, Генри Крофорд пытался все загладить своим обычным манером — чрезвычайной обходительностью и комплиментами, но не настолько о том заботился, чтобы, несколько раз подряд получив отпор, продолжать свои

попытки; и скоро, поглощенный пьесой и не имея времени более чем на флирт с одной девицей, он стал равнодушен к их размолвке, вернее даже счел ее удачей, которая тихонько положила конец тому, что в недалеком будущем могло породить надежды не у одной только миссис Грант. Ей было неприятно видеть, что Джулия не участвует в пьесе, сидит в сторонке и никому нет до нее дела; раз тут и речи нет о счастье Джулии, а Генри самому видней, в чем состоит его счастье, раз он с обезоруживающей улыбочкой ее заверил, что ни у него, ни у Джулии никогда не было серьезных мыслей друг о друге, ей только и оставалось вернуться к своим опасениям касательно старшей сестры, умолять его не слишком ею восхищаться, не рисковать своим спокойствием, после чего она с удовольствием приняла участие во всем, что радовало все молодое общество и что в особенности служило к развлечению двоих, которые ей были так дороги.

— Я даже удивляюсь, что Джулия не влюблена в Генри,— заметила она однажды в разговоре с Мэри.

— А я полагаю, она влюблена,— холодно отвечала Мэри.— Я думаю, влюблены обе сестры.

— Обе! Нет, нет, этого не может быть. Смотри не намеки ему на это. Подумай о мистере Рашуоте.

— Лучше посоветуй мисс Бертрам подумать о мистере Рашуоте. Ей это пошло бы на пользу. Я часто думаю об имени и независимости мистера Рашуота и хотела бы, чтоб это досталось другому... но о нем самом я никогда не думаю. Человек с такими земельными владениями может представлять графство в парламенте, может пренебречь профессией и заседать в парламенте.

— Наверно, он и вправду будет скоро в парламенте. Когда воротится сэр Томас, кандидатуру мистера Рашуота, наверно, выставят от какого нибудь избирательного округа, но пока не нашлось никого, кто бы его надоумил, что пора действовать.

— Сколько великих дел ждет сэра Томаса, когда он воротится домой,— помолчав, сказала Мэри.— Помнишь «Обращенье к табаку» Хокинса Брауна в подражание Поупу?

О, чудо лист, чей дух дарует разом
Солдатам скромность, слугам церкви — разум.

— Я б такую написала пародию:

О сэр, чей властный вид дарует разом
Щедроты чадам, Рашуоту разум.

— Не правда ли, подходит, миссис Грант? Похоже, что решительно все зависит от возвращения сэра Томаса.

— Уверяю тебя, когда ты увидишь его в семье, ты поймешь, что он не зря и по заслугам пользуется таким влиянием. Не думаю, что мы так уж хорошо обходимся без него. У него превосходная, исполненная величайшего достоинства манера поведения, как и подобает главе такого дома, и он всех держит в повиновении. Леди Бертрам, кажется, имеет сейчас еще менее весу, чем при нем, и никто, кроме него, не умеет обуздывать миссис Норрис. Но, Мэри, пожалуйста, не воображай, будто Мария Бертрам равнодушна к Генри. Я не сомневаюсь, что и Джулия к нему равнодушна, не то не стала б она вчера вечером флиртовать с Йейтсом; и хотя Генри и Мария очень дружны, я думаю, ей слишком нравится Созертон, чтоб она оказалась непостоянной.

— Если б Генри вступил в игру до того, как состоялся сговор, думаю, Рашуоту не на что было б особенно надеяться.

— Если у тебя такие подозрения, надо что то делать, и как только с пьесой будет покончено, мы с ним серьезно поговорим и постараемся, чтоб он разобрался, чего он хочет; и если у него ничего серьезного на уме, хотя это и Генри, на время отправим его отсюда.

Джулия, однако ж, и вправду страдала, хотя миссис Грант этого не разглядела, и от внимания многих членов ее собственной семьи это тоже ускользнуло. Она полюбила, она и сейчас еще любила, и испытывала все муки, выпадающие на долю пылкой и жизнерадостной натуры, когда она разочаровывается в пусть безрассудной, но милой ее сердцу надежде и всем существом чувствует, что с ней обошлись несправедливо. Душа ее была оскорблена и разгневана, и лишь мысли, порожденные гневом, могли принести ей утешенье. Сестра, с которой она обыкновенно неплохо ладила, стала ей теперь злейшим врагом; они отдалились друг от друга, и Джулии недостало благородства — она надеялась, что ухаживанья, которые там все еще продолжались, приведут к какой нибудь крупной неприятности и Мария понесет наказание за то, что так постыдно ведет себя по отношению к ней, а также и к мистеру Рашуоту. Сестры не отличались особо трудными характерами, не расходились во мнениях, что могло бы помешать их дружбе, пока их интересы были одинаковы, но при теперешнем испытании им недостало любви ли, нравственных ли устоев, чтобы сделать их снисходитель

ными или справедливыми, наделить добродетелью или состраданием. Мария ощущала свое торжество и шла к цели, нимало не заботясь о Джулии; а Джулия, стоило ей увидеть, как Генри Крофорд отличает Марию, надеясь, что это неизбежно вызовет ревность и рано или поздно заставит окружающих возмутиться.

Фанни понимала многое из того, что творилось в душе Джулии, и жалела ее; но открытой близости между ними не было. Джулия не делилась с нею, и Фанни не осмеливалась ей навязываться. Каждая страдала в одиночестве, вернее, их соединяло единственно Фаннино понимание.

Оба брата и тетушка, занятые собственными заботами, не замечали расстроенного вида Джулии, были слепы к истинной причине его. Они были полностью поглощены каждый своим. Томом завладели дела театральные, и он не замечал ничего, что не имело к ним прямого отношения. Эдмунд, разрываясь меж своею театральной и истинной ролью, меж притязаниями мисс Крофорд и мыслями о собственном поведении, меж любовью и последовательностью, был равно ненаблюдателен; а тетушка Норрис была слишком занята — пеклась обо всех необходимых мелочах их труппы, надзидала за приготовлением костюмов, всячески исхитряясь при этом, дабы побольше сэкономить, за что никто ей не был благодарен, и с тайным самодовольством сберегала для отсутствующего сэра Томаса полкроны на том, полкроны на сем, — где уж ей было присматривать за поведением и оберегать счастье его дочерей.

ГЛАВА 18

се теперь шло своим чередом; театр, актеры, актрисы, костюмы — все продвигалось вперед; но, хотя никаких новых серьезных помех не возникло, Фанни вскорости заметила, что для самих участников спектакля это отнюдь не сплошь одно удовольствие и что не видно уже того общего воодушевления и восторга, которые поначалу ей даже трудно было переносить. У каждого появились поводы для досады. У Эдмунда их было немало. Совершенно наперекор его мнению из города приехал декоратор и принялся за дело, что значительно увеличило расходы и, того хуже, умножило

молву об их приготовлениях; а брат, вместо того чтобы и вправду послушаться его и ограничить представление самым узким кругом, раздавал приглашения налево и направо. Сам же Том стал беспокоиться, что у декоратора дело продвигается слишком медленно, и мучился ожиданием. Он уже выучил свою роль — все свои роли, — поскольку взял на себя все самые пустячные роли, которые не мешали бы исполнять роль Дворецкого, и ему не терпелось играть; и с каждым таким пустым днем росло ощущение незначительности всех вместе взятых его ролей, и чем дальше, тем более он сожалел, что они не выбрали какую нибудь иную пьесу.

На долю Фанни, которая была весьма учтивой слушательницей и часто единственная оказывалась под рукой, доставались жалобы и огорчения большинства. Не кто нибудь, а она узнавала, что, по общему мнению, мистер Йейтс чересчур напыщен, а сам мистер Йейтс разочарован в Генри Крофорде, что Том Бертрам так быстро говорит — ничего не разберешь, а миссис Грант все портит неуместным смехом, что Эдмунд не поспевает со своей ролью и что просто беда иметь дело с мистером Рашуотом, ему для каждой реплики требуется суфлер. Она знала также, что бедняге Рашуоту вечно не с кем репетировать: он тоже, как прочие, изливал свои жалобы ей; она же, ясно видя, что кузина Мария слишком старательно его избегает и слишком часто безо всякой необходимости репетирует свою первую сцену с Генри Крофордом, в скором времени уже со страхом ждала других его жалоб. Она поняла, что каждый из них, далеко не всем удовлетворенный и не ото всего получающий радость, требует чего то, чего у него нет, и тем самым дает остальным повод к неудовольствию. У каждого роль либо слишком длинна, либо слишком коротка; никто не слушает партнера с должным вниманием, никто не помнит, с какой стороны следует выходить на сцену, никто, кроме самого жалобщика, не соблюдает никаких указаний.

Фанни казалось, что она извлекает из этой затеи ничуть не меньше невинного удовольствия, чем любой из участников; Генри Крофорд играл хорошо, и, прокравшись в театр, она наслаждалась репетицией первого акта, несмотря на чувства, которые в ней возбуждали иные реплики Марии. Мария, по ее мнению, тоже хорошо играла... слишком хорошо; и после первых нескольких репетиций Фанни единственная и представляла их публику и, то в качестве суфлера, то в качестве зрителя, часто оказывалась

весьма полезной. Сколько она могла судить, мистер Крофорд намного превосходил всех как актер; у него было более уверенности, чем у Эдмунда, более здравомыслия, чем у Тома, более таланта и вкуса, чем у мистера Йейтса. Как человек он ей не нравился, но она не могла не признать, что актер он был самый лучший, и на сей счет мало кто придерживался другого мнения. Мистер Йейтс, правда, роптал на его безжизненность и вялость, и настал наконец день, когда мистер Рашуот, хмуро глядя на Фанни, сказал:

— Неужто вы и впрямь находите, что все идет так замечательно? Убей меня бог, вот уж никак не могу я восхищаться мистером Крофордом... и, говоря между нами, по моему, просто смешно, когда такого недомерка, коротышку, человека самой заурядной внешности перевозносят, будто замечательного актера.

С этого часу возродилась его прежняя ревность, которую Мария, чьи надежды на Крофорда все возрастали, не давала себе труда рассеять; и едва ли можно было ждать, что мистер Рашуот когда нибудь выучит свои сорок две реплики. И ни у кого, кроме его маменьки, и в мыслях не было, что он хотя в малой мере справится со своею ролью. Она то, разумеется, хотела бы, чтоб его роль была более значительной, и откладывала приезд в Мэнсфилд до того времени, когда они настолько продвинутся в репетициях, что включают все его сцены, но остальные только того и желали, чтоб он запомнил реплику партнера, после которой ему надобно произнести свои начальные слова, а далее послушно следовал бы за суфлером. Фанни, исполненная добросердечия и жалости, изо всех сил старалась втолковать ему, как заучивать роль, всячески направляла его и приходила на помощь, подыскивала для него мнемонические приемы запоминания, сама заучивала каждое слово его роли, но он едва продвигался вперед.

Фанни, конечно же, одолевала разнообразные тревоги, опасенья, страхи; но, со всем тем и при постоянных посягательствах на ее время и внимание, она вовсе не чувствовала себя среди участников представления бесполезной или не у дел, как не была и одинока в своем беспокойстве, и уж вовсе не испытывала недостатка в покушениях на ее досуг или сочувствие. Мрачность ее первоначальных опасений оказалась напрасной. Она постоянно была нужна то одному, то другому; она успокоилась, должно быть, не менее всех прочих.

*She worked very
diligently under
her aunt's directions*

Было к тому же много шитья, и здесь требовалась ее помощь; а тетушка Норрис, как и остальные, считала Фанни вполне умелой, что явствовало из ее тона, когда она взывала:

— Поди ка сюда, Фанни! Славное у тебя выдалось времечко, да только разве ж можно знай себе похаживать из комнаты в комнату да пялить на все глаза... ты мне нужна. Я тут надрываюсь, прямо с ног валюсь, надобно было исхитриться поэкономнее скроить мистеру Рашуоту плащ, не прикупать атласу; а теперь, я полагаю, ты можешь мне помочь его сшить. Тут всего то три шва, ты мигом прострочишь. Я тоже рада б делать единственно то, что мне укажут, чтоб не самой ломать голову. Тебе легче, можешь мне поверить. А только ежели все будут таково прохлаждаться, мы не скоро дело сделаем.

Фанни покорно взялась за работу, не пытаясь и слова сказать в свою защиту; но тетушка Бертрам была добрей и вступилась за нее:

— Не удивительно, что Фанни так радуется, сестра. Ей ведь это в новинку... Мы с тобой сами, бывало, очень любили спектакли... Я и по сей день люблю; вот буду малость посвободней, тоже непременно побываю у них на репетициях. О чем она, эта пьеса, Фанни, ты мне еще не рассказывала?

— Ох, сестра, прошу тебя, не проси ее сейчас; Фанни не из тех, кто умеет сразу и работать и разговаривать. Это про обеты в любви.

— По моему, завтра вечером будут репетировать три акта,— сказала Фанни тетушке Бертрам.— И вы сможете посмотреть сразу всех актеров.

— Ты уж лучше обожди, пока повесят занавес,— вмешалась миссис Норрис.— Через день два его повесят... без занавеса что за представление, и я думаю, не ошибусь, если скажу, что фестоны ты сочтешь весьма красивыми.

Леди Бертрам, казалось, вполне готова была покорно ждать. Фанни не разделяла спокойствия тетушки: завтрашний вечер не шел у ней из головы — ведь если станут репетировать все три акта, Эдмунд будет впервые играть вместе с мисс Крофорд; в третьем акте есть сцена, которая ей особенно интересна, которую она и жаждала и страшилась посмотреть в их исполнении. Сцена эта вся о любви: мужчине предстоит поведать о прелестях брака по любви, а партнерше — чуть ли не признаться ему в любви.

Фанни читала и перечитывала эту сцену, и множество чувств, мучительных и озадачивающих, одолевали ее, и она нетерпеливо ждала представления как события поистине чрезвычайного. И не верилось ей, что они уже репетировали эту сцену, хотя бы и без свидетелей.

Наступило завтра, вечернюю репетицию не отменили, и Фанни думала о ней все с тем же волнением. Она усердно трудилась, исполняя все наставления тетушки Норрис, но за усердием и молчанием таилась душа растревоженная, очень далекая от сиюминутных занятий; и около полудня, не желая присутствовать при еще одной и, по ее понятию, вовсе не нужной репетиции первого акта, которую только что предложил Генри Крофорд, она вместе со своею работой ускользнула в Восточную комнату, чтобы побыть в одиночестве и при том избежать встречи с мистером Рашуотом. Проходя через холл, она мельком увидела мисс Крофорд и миссис Грант, которые только что пришли из пастората, что никак не изменило ее желания уединиться, и с четверть часа она шила и размышляла без помех в Восточной комнате, а затем в дверь негромко постучали и появилась мисс Крофорд.

— Я не ошиблась? Да, это Восточная комната. Милая мисс Прайс, прошу меня извинить, но я пришла сюда, чтоб попросить вас о помощи.

Фанни, весьма удивленная, постаралась со всей учтивостью показать себя хозяйкою каминаты и бросила озабоченный взгляд на блестящую каминную решетку, на которой не было ни единого полена.

— Не беспокойтесь, мне не холодно, ничуть не холодно. Позвольте мне еще немного побыть здесь и не откажите в любезности прослушать мой третий акт. Я принесла свою книгу, и, если вы просто прорепетируете со мной, я так вам буду благодарна! Я пришла сегодня в надежде порепетировать с Эдмундом — вдвоем — еще до вечера, но он куда то запропастился; и даже и окажись он здесь, боюсь, с ним я не смогла бы, мне надо прежде привыкнуть к роли, ведь, право, в ней есть такие две три реплики... Вы мне не откажете, правда?

Фанни весьма учтиво ее в том заверила, хотя голос ее прозвучал не очень твердо.

— Скажите, вам не приходилось заглянуть в мою роль? — продолжала мисс Крофорд, открывая книгу. — Вот она. Вначале я отнеслась к ней легко, но, право же... Вот посмотрите на эту реплику, и на эту, и на эту. Как же мне произносить такие слова, глядя ему в лицо? Вы бы

могли? Но он ведь ваш кузен, это совсем другое дело. Пожалуйста, прорепетируйте со мной, и я буду воображать, будто, вы — это он, и стану постепенно привыкать. Вы иногда и впрямь на него походите.

— Неужели?.. Я с величайшей готовностью сделаю все что смогу, но мне придется читать, наизусть я мало что знаю.

— Я думаю, совсем не знаете. Книга, конечно, будет у вас. Ну, за дело. Нам надобно иметь под рукой два стула, чтоб вы вынесли их на авансцену. Вот... настоящие стулья из классной комнаты, я бы сказала, совсем не для театра; они куда больше подходят для маленьких девочек, чтоб сидеть и болтать ножками, когда учишь уроки. Что бы сказали ваша гувернантка и ваш дядюшка, увидев, для чего мы их взяли? Если б сэр Томас мог нас всех сейчас увидеть, он бы осенил себя крестным знамением: ведь репетиции идут по всему дому. Йейтс буйствует в столовой. Я слышала его, когда поднималась по лестнице, а в театре, конечно же, репетируют неутомимые Агата и Фредерик. Уж если они не достигли совершенства, я буду весьма удивлена. Кстати, пять минут назад я туда заглянула, и как раз это было одно из тех мгновений, когда они старались не заключить друг друга в объятия, а со мною был мистер Рашуот. Я смотрю, у него вдруг сделалось такое странное лицо, и я сразу все повернула по другому, сказала ему шепотом: «У нас будет превосходная Агата, в самой ее манере столько материнского, такой у ней материнский голос и выражение лица». Неплохо придумала, правда? Он тут же повеселел. Теперь — за мой монолог.

Мисс Крофорд начала, и Фанни присоединилась к ней с тем сдержанным чувством, какое рассчитывали в ней вызвать самой мыслью, что она представляет Эдмунда; но и вид ее и голос были столь женственны, что не очень правдоподобно изобразила она мужчину. Однако ж при таком Анхельте мисс Крофорд набралась кое какой храбрости, и они уже оставили позади первую половину сцены, когда стук в дверь заставил их умолкнуть, а в следующий миг появился Эдмунд и положил конец репетиции.

Удивленье, понимание, удовольствие эта неожиданная встреча вызвала у всех троих; а поскольку Эдмунда привела сюда та же самая нужда, что и мисс Крофорд, их понимание и удовольствие оказались отнюдь не мимолетными. Он тоже захватил с собою книгу и искал Фанни, чтоб попросить ее прорепетировать с ним и помочь подготовиться

к вечеру, вовсе не зная, что мисс Крофорд уже в доме; и как же они обрадовались и воодушевились оттого, что столкнулись здесь, оттого, что одна и та же мысль привела их сюда, оттого что оба так оценили Фаннину доброту.

Она же не могла разделить их пыл. В их безудержном сиянии ее оживление угасло, и, чувствуя, что обоим уже делается не до нее, она не в силах была утешиться тем, что каждый из них искал у ней помощи. Теперь им надобно репетировать вместе. Эдмунд предложил это, настаивал, просил, пока мисс Крофорд, не слишком сопротивлявшаяся с самого начала, уже не могла более отказываться — и Фанни нужна была единственно, чтобы подсказывать и делать замечания. Ее, в сущности, облекли полномочиями судьи и критика, и она всю душой желала справиться и говорить им о каждом их промахе; но все ее чувства противились этому, не могла она этого, не хотела, не смела; будь ей даже свойственно критиковать, на сей раз совесть не позволила бы ей высказать неодобренье. Ей казалось, все чувства, о которых говорилось в этой сцене, ей самой слишком близки, чтоб она могла по совести и верно судить о частностях. Быть суфлером — этого ей вполне довольно, а иногда более чем довольно, ибо не всегда она способна была помнить о книге. Глядя на них, она забывалась и, взволнованная нараставшей увлеченностью Эдмунда, однажды закрыла книгу и отворотилась как раз в ту минуту, когда ему нужна была ее помощь. Это приписали вполне естественной усталости и ее поблагодарили и пожалели, но она заслуживала куда большей жалости, о чем, как она надеялась, им никогда не догадаться. Наконец сцена кончилась, и Фанни заставила себя присовокупить свои похвалы к тем лестным отзывам друг о друге, которыми они обменивались; и когда она опять осталась одна и могла все вспомнить, ей подумалось, что они так исполняют свои роли, игра их пронизана таким чувством, что, без сомнения, успех им обеспечен, а для нее зрелище это будет поистине мучительным. Но как бы оно ни подействовало, она сегодня же снова должна выдержать это тяжелое испытание.

Первая настоящая репетиция трех актов непременно состоится нынче вечером; было условлено, что миссис Грант и Крофорды воротятся тотчас как отобедают; и каждый участник был исполнен нетерпеливого предвкушения. Казалось, по этому случаю всеми овладело радостное волнение; Том ликовал, что дело близится к завершению;

Эдмунда воодушевила утренняя репетиция, и разных досаждавших всем пустяков как не бывало. Все были оживлены, охвачены горячкою ожидания; дамы скоро покинули столовую, за ними скоро последовали мужчины, и, за исключением леди Бертрам, тетушки Норрис и Джулии, все спозаранку оказались в театре, зажгли столько ламп, сколько позволяла его незаконченная сцена, и ждали только миссис Грант и Крофордов, чтоб начать репетицию.

Долго ждать Крофордов не пришлось, но миссис Грант с ними не оказалось. Она не могла прийти. Доктор Грант, во всеуслышанье заявив, что ему нездоровится, к чему его трезво мыслящая свояченица отнеслась без особого доверия, не мог отпустить жену.

— Доктор Грант болен,— сказала мисс Крофорд с мнимой серьезностью.— Еще с каких пор болен, он нынче не стал есть фазана. Вообразил, будто фазан жесткий, отослал свою тарелку на кухню и с тех пор страдает.

Ну и разочарованье! Отсутствие миссис Грант поистине огорчительно. Ее приятные манеры и веселую покладистость неизменно ценили все и каждый, но уж сейчас то она была совершенно необходима! Без нее ни игра, ни сама репетиция не доставят им ни малейшего удовлетворения. Весь вечер погублен. Что ж было делать? Том, Крестьянин, был вне себя. После растерянного молчания иные взгляды обратились к Фанни, раздался один голос, второй: «Может быть, мисс Прайс будет так любезна и согласится хотя бы читать роль миссис Грант». На нее тотчас обрушились мольбы, просили все, даже Эдмунд сказал: «Право, согласись, Фанни, если тебе это не слишком неприятно».

Но Фанни все не решалась. Ей претила самая мысль об этом. Почему бы им не попросить и мисс Крофорд? Зачем она не укрылась в своей комнате, вместо того чтоб приходить на репетицию, ведь чувствовала же, что так оно безопасней? Знала же, что репетиция и раздражает ее, и огорчит, знала, что ее дело — держаться подальше. Она наказана по заслугам.

— Вам ведь надо только читать,— вновь взмолился Генри Крофорд.

— А я совершенно уверена, что она знает эту роль от начала до конца,— прибавила Мария,— вчера она сто раз поправляла миссис Грант. Фанни, ну, конечно же, ты знаешь роль.

Не могла Фанни сказать, что не знает, а между тем они продолжали настаивать, и Эдмунд опять повторил, что

хочет того же, и смотрел так, будто напрасно понадеялся на ее добросердечие, и пришлось ей уступить. Она постарается изо всех сил. Все успокоились, и, пока они готовились начать, Фанни оставалось лишь слушать, как бьется ее трепещущее сердце.

Они и вправду начали и, слишком поглощенные шумом, который при этом подняли сами, не услышали непривычный шум в другой половине дома и какое то время продолжали репетицию, но вдруг дверь в комнату распахнулась, на пороге возникла Джулия с побелевшим от страха лицом и воскликнула:

— Папенька приехал! Он сейчас в прихожей.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 1

Как описать смущенье, какое охватило участников репетиции? Почти для всех то был миг невыразимого ужаса. Сэр Томас в доме! Все мгновенно в это поверили. Никто не питал ни малой надежды на обман или ошибку. Вид Джулии был самым бесспорным тому свидетельством; и после первого смятения и восклицаний долгие полминуты никто не произнес ни слова; каждый с изменившимся лицом уставился в лицо другого, и почти каждый принял это как неприятнейшее известие, весьма несвоевременное, ошеломляющее! Мистер Йейтс мог полагать это всего только досадной помехой на нынешний вечер, а мистер Рашуот мог воображать это благом, но у всех прочих на сердце лег тяжкий груз самообвинений и неясной тревоги, все прочие вопрошали в сердце своем: «Что же с нами случится? Как теперь быть?» Ужасное то было молчание, и ужасны были для каждого подтверждающие эту весть звуки растворяемых дверей и близящихся шагов.

Джулия первая вышла из оцепенения и заговорила. Ревность и горечь поначалу отпустили ее, эгоизм отступил перед общей бедою, но в миг ее появления Фредерик благоговейно слушал повесть Агаты и руку ее прижимал к своему сердцу, и едва Джулия заметила, что, несмотря на потрясенье от ее слов, он не переменял позы, не отпустил руку Марии, в ее оскорбленном сердце вновь вспыхнула обида, бледность в лице сменилась жаркою краской и она вышла из комнаты со словами: «Мне то нечего бояться предстать перед ним».

Ее уход подстегнул остальных, и в один и тот же миг выступили вперед оба брата — оба почувствовали необходимость что то предпринять. Им довольно было обменяться

всего несколькими словами. Разницы во мнениях тут быть не могло; им следует немедленно отправиться в гостиную. С тем же намерением к ним присоединилась Мария, как раз теперь самая решительная из них троих; ибо именно то, из за чего так стремительно вышла Джулия, было ей сладостной поддержкою. Генри Крофорд не выпустил ее руку в такую минуту, в минуту такого испытания и важности, это стоит целого века сомнений и тревог. Она сочла это залогом самых серьезных намерений, и даже встреча с отцом ее не страшила. Они вышли, не обращая никакого внимания на мистера Рашуота, который вопрошал: «А мне тоже пойти? Может быть, мне лучше тоже пойти? Наверно, мне тоже следует пойти?», но, едва они переступили порог, Генри Крофорд не замедлил ответить на его тревожные вопросы и, усердно одобряя его намерение тотчас же засвидетельствовать свое почтение сэру Томасу, с радостью поспешил отослать его вслед за остальными.

Теперь Фанни осталась только с Крофордами и мистером Йейтсом. Кузины и кузены вовсе о ней не подумали; а ее понятие о праве на привязанность сэра Томаса было более чем скромным, и потому, не смея ставить себя наравне с его детьми, она рада была повременить и перевести дух. По складу характера, при котором даже невиновность не избавляла от страданий, она волновалась и тревожилась более остальных. Она едва не теряла сознание: к ней воротился привычный страх пред дядюшкою, и, представляя, как все ему будет рассказано, она жалела и его и всех других, а беспокойство ее за Эдмунда и вовсе не поддавалось описанию. Она села в уголке и, вся дрожа, погрузилась в эти пугающие мысли, а трое остальных, не имея более надобности сдерживаться, дали выход досаде и горько жаловались на столь непредвиденно ранний приезд хозяина дома, оказавшийся совсем некстати, и, нисколько не жалея бедного сэра Томаса, сетовали, что он не пробыл в дороге вдвое дольше или еще не задержался на Антигуа.

Крофорды говорили горячее, нежели мистер Йейтс, ведь они лучше понимали семью Бертрамов и ясней судили, как худо все это может обернуться. Гибель театра для них была несомненна, они чувствовали, что их затее грозит неминуемая и скорая гибель; мистер же Йейтс почитал это лишь временною помехой, бедой на один вечер и даже предположил, что репетицию, быть может, удастся возобновить после чаю, когда суматоха, вызванная приездом сэра Томаса, уляжется, и пьеса на досуге его позабавит. Крофордов эта мысль только насмешила, и вскоре, порешив,

что им всего лучше тихонько отправиться домой и оставить Бертрамов в семейном кругу, они предложили мистеру Йейтсу пойти с ними и провести вечер в пасторате. Но мистер Йейтс, никогда еще не имевший дела с теми, для кого власть отца и семейное доверие отнюдь не пустые слова, вовсе не считал это необходимым и потому, поблагодарив их, предпочел остаться, «чтоб наилучшим образом засвидетельствовать свое почтение старому джентльмену, раз уж он приехал», да к тому ж несправедливо будет по отношению к другим участникам спектакля, если все от них сбежит.

Как раз в это время Фанни начала приходить в себя, почувствовала, что, если и дальше уклоняться от встречи, это могут счесть непочтительностью, и, приняв поручение Крофордов передать их извинения и видя, что они готовы удалиться, вышла из комнаты, чтоб исполнить ужасавший ее долг — предстать перед дядюшкой.

Слишком быстро оказалась она у двери гостиной, и, постояв с минуту в ожидании того, на что нечего было и надеяться, ибо никогда ни у какой двери не обретала она мужество, она в отчаянии повернула ручку — и вот перед нею огни гостиной и вся семья Бертрам. Войдя, она краем уха услышала свое имя. Сэр Томас оглядывался по сторонам со словами «Но где же Фанни? Почему я не вижу мою малышку Фанни?», а заметив ее, пошел ей навстречу и с удивившей и тронувшей ее добротою назвал милой Фанни, нежно ее поцеловал и с явным удовольствием отозвался о том, как сильно она выросла. Фанни не знала, что и думать, куда смотреть. Она была совсем подавлена. Никогда еще не был он с нею так добр, так удивительно добр. Казалось, он стал другим; радостно взволнованный, он говорил теперь быстро, и все, что было пугающего в его величии, казалось, растаяло в нежности. Он подвел ее поближе к свету и опять на нее посмотрел — стал расспрашивать об ее здоровье, а потом перебил себя, заметив, что можно и не спрашивать, ее наружность говорит сама за себя. Прелестный румянец, которому уступила место прежняя бледность, подтверждает, что она и поздоровела и похорошела. Он расспрашивал Фанни о ее родных, особенно же об Уильяме; и доброта его даже заставила ее упрекнуть себя за то, что она слишком мало его любит и сочла его приезд бедою; и когда, набравшись храбрости, она подняла на него глаза и увидела, что он похудел и словно обожжен солнцем, осунулся, изнурен усталостью и жарким климатом, в ней всколыхнулась вся ее нежность, и горько ей стало при мысли, какая его поджидает нежданная неприятность.

Сэр Томас был поистине душою общества, которое в этот час по его предложенью разместилось у камина. Кто как не он был сейчас вправе говорить более других; и от радости, что после столь долгой разлуки он опять у себя дома, в кругу семьи, он сделался непривычно общителен и словоохотлив; он готов был рассказывать обо всех подробностях своей поездки и отвечать на каждый вопрос обоих сыновей едва ли не до того, как они успевали спросить. Его дела на Антигуа в последнее время стали быстро налаживаться, и он приехал сейчас прямоком из Ливерпуля, куда по счастливой случайности приплыл на частном судне, вместо того чтобы дожидаться пакетбота; и, сидя подле леди Бертрам и с сердечным удовольствием глядя на окружающие его лица, он тотчас же поведал обо всех мелких частностях, о своих трудах и хлопотах, приездах и отъездах, однако ж не раз прерывал себя, чтобы заметить, как ему посчастливилось, что хотя он и приехал столь неожиданно, но застал всех вместе, чего он столь горячо желал, но на что не смел надеяться. Не был забыт и мистер Рашуот — его ждал самый радушный прием и сердечное рукопожатие, и теперь он с подчеркнутым вниманием был включен в беседу, касающуюся до предметов, самым тесным образом связанных с Мэнсфилдом. В наружности мистера Рашуота не было ничего неприятного, и сэру Томасу он сразу понравился.

Никто из окружавшего сэра Томаса общества не слушал его с таким безоблачным искренним наслаждением, как его жена, которая и вправду так безмерно обрадовалась и оживилась от его неожиданного приезда, что, кажется, первые за последние двадцать лет чуть ли не пришла в волнение. Несколько мгновений она даже трепетала, но при всем оживлении не изменила обычной рассудительности, отложила рукоделье, отодвинула от себя мопса и уделила мужу все свое внимание и все оставшееся на диване место. Ни из за кого она не тревожилась, и потому ее собственного удовольствия ничто не могло омрачить; все время его отсутствия она провела безупречно; прилежно вышивала скатерть и сплела много ярдов бахромы, и с такою же чистой совестью, как о себе, могла бы сказать обо всей молодежи, что вели они себя хорошо и время проводили с пользою. Ей так было приятно снова его видеть и слушать его разговор, его рассказы так развлекали слух и давали пищу разумению, что сейчас она стала особенно понимать, как, должно быть, о нем скучала и как невозможно было бы переносить долее его затянувшееся отсутствие.

Семья Рукс Лидо.
С картины А. Дэвиса, ок. 1763 г.

Миссис Норрис была совсем не так рада и счастлива, как сестра. Не то чтобы ее, как других, одолевали страхи из за того, что, когда сэр Томас увидит, в каком состоянии находится дом, это вызовет его неодобренье, поскольку столь слепа она была в своих суждениях, что, хотя при появлении зятя чутье заставило ее убрать с глаз долой розовый шелковый плащ мистера Рашуота, она более, пожалуй, ничем не обнаружила признаков тревоги; зато ее раздосадовало то, каким образом он воротился. Ей при этом решительно ничего не оставалось делать. Чем бы ему прежде всего послать за нею, чтобы она первая его увидела и разнесла счастливую весть по всему дому, а вместо того сэр Томас, вполне разумно полагаясь на крепость нервов жены и детей, не искал иного доверенного лица, кроме дворецкого, и почти немедленно последовал за ним в гостиную. Миссис Норрис чувствовала себя обманутой, ее лишили миссии, на которую она всегда рассчитывала — быть вестницей его возвращения или смерти, смотря чем кончится его отсутствие; и теперь она пыталась суетиться, хотя суетиться

было не из за чего, силилась напустить на себя важность, когда только и требовалось что спокойствие и молчание. Согласись сэр Томас откушать, она кинулась бы к экономке с назойливыми наставленьями и оскорбила бы лакеев, гоняя их куда попало; но сэр Томас решительно отказался от всякого обеда, он ничего в рот не возьмет, ничего — до самого чаю, он предпочитает дожидаться чаю. Однако ж миссис Норрис время от времени пыталась навязать ему что нибудь, и в самую интересную минуту его плавания в Англию, в минуту высочайшего волнения на капере, она вторглась в его повествованье, предлагая поест супу.

— Право же, дорогой сэр Томас, тарелка супу будет для вас куда лучше чаю. Съешьте супу, прошу вас.

Сэр Томас не поддавался.

— Вы по прежнему беспокоитесь об удобстве всех и каждого, дорогая миссис Норрис,— был его ответ.— Но я вправду ничего не хочу, кроме чаю.

— Леди Бертрам, тогда б вы приказали подавать чай немедленно, поторопили бы Бэдли, он сегодня, кажется, опаздывает.

Тут ей удалось добиться своего, и сэр Томас продолжал рассказ.

Наконец он умолк. Самые первостепенные сообщения были исчерпаны, и, казалось, ему довольно с веселым сердцем смотреть по сторонам, то на одного, то на другого из окружавших его любимых чад и домочадцев; но молчание длилось недолго: душевный подъем сделал леди Бертрам разговорчивой, и каково же было удивленье ее детей, когда они услышали от нее такие слова:

— Как, по твоему, сэр Томас, развлекалась в последнее время наша молодежь? Они представляли. Мы все увлеклись их представленьем.

— Неужели? И что ж за представление?

— О, они тебе все расскажут.

— Обо всем будет рассказано,— поспешно воскликнул Том и продолжал с напускной беззаботностью: — Но сейчас не стоит надоедать этим папеньке. Вы достаточно услышите о том завтра, сэр. Последнюю неделю, чтоб чем то заняться и развлечь маменьку, мы просто пытались разыграть несколько сценок, сущий пустяк. Чуть не с октября зарядили дожди, и мы целыми днями вынуждены были сидеть взаперти. После третьего я едва ли хоть раз брался за ружье. Сносно поохотился первые три дня, но с тех пор и не пробовал. В первый день я отправился в Мэнсфилдский лес, а Эдмунд облюбовал рощу за Исто

ном, и мы вдвоем принесли шесть пар, и каждый мог подстрелить в шесть раз больше; но, уверяю вас, сэр, мы бережем ваших фазанов, как вы сами того б желали. Не думаю, чтоб вы сочли, что в ваших лесах стало меньше дичи. В жизни я не видел в Мэнсфилдском лесу столько фазанов, как в нынешний год. Надеюсь, вы скоро и сами поохотитесь денек, сэр.

На время опасность миновала, и Фаннины страхи улеглись; но когда вскорости принесли чай и сэр Томас поднялся и сказал, что нет, не может он долее, находясь дома, хотя бы мимолетно не взглянуть на свой милый сердцу кабинет, вновь вспыхнуло всяческое волнение. Он вышел прежде, чем его успели подготовить к перемене, которую он там обнаружит; и после его ухода воцарилось тревожное молчанье. Первым заговорил Эдмунд:

— Что то надо делать,— сказал он.

— Пора подумать о наших гостях,— сказала Мария, все еще чувствуя, что ее рука прижата к сердцу Генри Крофорда, и ничем другим не интересуясь.— Где ты оставила мисс Крофорд, Фанни?

Фанни рассказала, как ушли Крофорды, и передала то, о чем они ее просили.

— Стало быть, бедняга Йейтс совсем один,— воскликнул Том.— Пойду приведу его. Он будет неплохой помощник, когда все выйдет наружу.

И он отправился в театр и поспел как раз вовремя, чтоб присутствовать при первой встрече отца с его другом. Сэр Томас был немало удивлен, увидев, что в его комнате зажжены свечи, а когда бросил взгляд по сторонам, заметил еще и следы чьего то недавнего здесь пребывания и общий беспорядок в расстановке мебели. Книжный шкаф, отодвинутый от двери, ведущей в бильярдную, особенно его поразил, но только он успел подивиться всему этому, как звуки, доносящиеся из бильярдной, изумили его и того более. Кто то там разговаривал весьма громким голосом — голос был ему незнаком,— и не просто разговаривал, нет, скорее что то выкрикивал. Сэр Томас ступил к двери, радуясь, что может прямоком войти в бильярдную, и, отворив ее, оказался на подмостках лицом к лицу с декламирующим молодым человеком, который, казалось, того гляди собьет его с ног. В ту самую минуту, когда Йейтс заметил сэра Томаса и куда успешней, чем за все время репетиции, вошел в свою роль, в другом конце комнаты появился Том Бертрам; и никогда еще ему не стоило такого труда удержаться от смеха. Серьезное

и изумленное лицо отца, впервые в жизни очутившегося на сцене, и постепенная метаморфоза, превратившая охваченного страстью Барона Уилденгейма в прекрасно воспитанного и непринужденного мистера Йейтса, который с поклоном приносил сэру Томасу Бертраму свои извинения,— это было такое зрелище, такая поистине театральная сцена, какую Том не пропустил бы ни за что на свете. Это последняя, по всей вероятности, последняя сцена на сих подмостках, подумал он, но лучшей и разыграть невозможно. Театр закроется при величайшем успехе.

У него, однако ж, не было времени потворствовать какому бы то ни было веселью. Надобно было подойти к ним и представить их друг другу, и, испытывая немалую неловкость, он сделал все, что мог. Сэр Томас, верный своему характеру, принял мистера Йейтса с видом весьма радушным, на самом же деле он радовался этому неизбежному знакомству не более, нежели тому, каким образом оно началось. Семья и связи мистера Йейтса были ему достаточно известны, чтобы представление его в качестве «особо близкого друга», еще одного из сотни особо близких друзей сына, было для него чрезвычайно нежелательным; лишь блаженство оттого, что он снова дома, и вся проистекавшая от этого снисходительность помогли сэру Томасу не разгневаться, когда в собственном доме он был поставлен в неловкое положение, оказался участником нелепейшей сцены посреди всей этой театральной чепухи, и так не вовремя вынужден был согласиться на знакомство с молодым человеком, каковой, без сомнения, будет ему не по душе и чье невозмутимое спокойствие и разговорчивость в первые же пять минут словно свидетельствовали о том, что из них двоих он чувствует себя в этом доме куда более непринужденно.

Том понимал чувства отца и, горячо желая, чтоб он всегда был так же хорошо настроен и выражал их лишь отчасти, теперь ясней, чем когда бы то ни было, представлял, что у сэра Томаса могли быть основания почитать себя оскорбленным, могли быть причины для того взгляда, каким он окинул потолок и лепнину в своей комнате, и что, когда он с оттенком печали справился о судьбе бильярдного стола, его любопытство было вполне законным. Всего несколько минут потребовалось обоим сторонам для этих неприятных ощущений; и после того, как сэр Томас даже вынудил себя сказать несколько спокойных одобрительных слов в ответ на нетерпеливые вопросы мистера Йейтса, что ведь правда все очень удачно устрое

но, три джентльмена вместе возвратились в гостиную, причем сэр Томас с видом заметно опечаленным, что не прошло незамеченным для всего общества.

— Я был в вашем театре,— сдержанно сказал он, садясь.— Я оказался в нем довольно для себя неожиданно. Его близость к моей комнате... но он, разумеется, во всех отношениях застал меня врасплох, поскольку я никак не предполагал, что все это приняло столь серьезный оборот. Однако ж, сколько я мог заметить при свете свечей, все выполнено искусно и делает честь моему другу Кристоферу Джексону.

И он переменял предмет разговора и мирно попивал кофе, обсуждая домашние дела более спокойного свойства; но Йейтс не сумел постичь значение слов сэра Томаса, ему не хватило ни скромности, ни такта, чтобы, участвуя в общем разговоре, никому себя не навязывать, и он не давал сэру Томасу отвлечься от театра, донимал вопросами и замечаниями, связанными с ним, и в конце концов заставил его выслушать всю историю своего разочарованья в Эклсфорде. Сэр Томас слушал его чрезвычайно учтиво, но весь этот рассказ, от начала до конца, во многом оскорблял его представление о приличиях и утвердил в дурном мнении об образе мыслей мистера Йейтса; и когда тот кончил, он выразил свое сочувствие всего лишь легким кивком.

— Это, в сущности, и вызвало к жизни наш театр,— на миг задумавшись, сказал Том.— Мой друг Йейтс занес эту заразу из Эклсфорда, и она распространилась, сэр, как, знаете ли, неизбежно распространяются подобные вещи,— вероятно, тем быстрее, что прежде вы сами так часто поощряли в нас приверженность к подобным занятиям. Мы словно вновь ступили на знакомую землю.

Едва представилась возможность,[^] Йейтс подхватил слова друга, и тотчас же дал сэру Томасу отчет в том, в чем они уже преуспели, чем заняты теперь, поведал о постепенном расширении их замыслов, о счастливом разрешении первых трудностей и о нынешнем многообещающем положении дел; рассказывал он все это в таком ослеплении, что не только вовсе не обращал внимания на то, как ерзают на месте многие его друзья, как меняется выражение их лиц, как они волнуются, беспокойно покашливают, но не замечал и выражение лица, с которого не сводил глаз,— не замечал, как сэр Томас потемнел, как хмурится, серьезно и испытующе смотрит на дочерей и Эдмунда, на нем особенно задерживая взгляд, всем своим видом выражая протест, укор, которые ощущал

в своем сердце. Не менее остро все это ощущала и Фанни, которая, задвинув свой стул за дальний край тетушкиного дивана, укрылась ото всех глаз, а сама не упускала ничего из происходящего. Она не думала не гадала, что когда нибудь ей доведется увидеть столь укоризненный взгляд отца, обращенный к Эдмунду; и чувствовать, что в какой то мере он заслужен, было, конечно же, особенно тяжело. «Именно на твою рассудительность, Эдмунд, я полагался,— говорил этот взгляд.— Чем же ты был занят?» В душе она взывала к дядюшке с мольбой, и из груди ее готовы были вырваться слова: «Ох, только не на него. Смотрите так на всех остальных, но только не на него!»

А мистер Йейтс все говорил:

— Сказать по правде, сэр Томас, когда вы приехали нынче вечером, мы репетировали. Мы играли первые три акта, и в целом не без успеха. Наша труппа сейчас далеко не в полном составе, из за того что Крофорды ушли домой, так что сегодня мы уже ничего более сделать не сможем, но, если завтра вечером вы окажете нам честь своим присутствием, за результат я бы не побоялся. Мы рассчитываем на вашу снисходительность, вы сами понимаете, как начинающие актеры, мы рассчитываем на вашу снисходительность.

— Моя снисходительность вам обеспечена, сэр,— серьезно отвечал сэр Томас,— но только безо всяких репетиций.— И прибавил мягче, с улыбкою: — Я приехал домой, чтобы радоваться и оказывать снисхождение.— И по воротясь к кому то другому или ко всем остальным, спокойно сказал: — О мистере и мисс Крофорд мне поминали в последних письмах из Мэнсфилда. Вы почитаете это знакомство приятным?

Том единственный из всех был готов ответить на этот вопрос, но, не питая ни к нему, ни к ней особого расположения, а также не терзаемый ревностью, ни любовной, ни актерской, отозвался о них обоих весьма лестно:

— Мистер Крофорд очень приятный человек, истый джентльмен; его сестра милая, хорошенькая, элегантная, веселая девушка.

Рашуот не мог далее молчать:

— В общем то он, конечно, джентльмен, но вам следовало бы сказать вашему отцу, что в нем не более пяти футов восьми дюймов росту, не то можно подумать, будто он хорош собою.

Сэр Томас не очень это понял и взглянул на говорящего с некоторым удивлением.

— Ежели требуется сказать, что я думаю,— продолжал Рашуот,— по моему мнению, весьма неприятно, когда без конца репетируют. Хорошенького понемножку. Теперь мне уже не так нравится театр, как вначале. По моему, куда лучше сидеть вот так уютно, без посторонних и ничего не делать.

Сэр Томас опять на него посмотрел и потом ответил, одобрительно улыбаясь:

— Рад узнать, что наши чувства касательно сего предмета так схожи. Это приносит мне искреннее удовлетворенье. Что я предусмотрителен, и проницателен, и полон угрызений совести, каких не испытывают мои дети, это совершенно естественно; равно как и то, что я куда более, чем они, ценю домашний покой, дом, в коем нет места шумным развлечениям. Но испытывать те же чувства в вашем возрасте чрезвычайно благоприятно и для вас самих, и для всех, кто вас окружает; и я отдаю себе отчет в том, как важно иметь столь весомого союзника.

Сэр Томас постарался выразить мнение мистера Рашуота более вразумительно, нежели тот сумел сделать это сам. Он понимал, что мистер Рашуот отнюдь не гений, но готов был высоко ценить его как человека рассудительного, уравновешенного, с понятиями куда более достойными, чем он способен был высказать. Мало кто смог удержаться от улыбки. Мистер Рашуот едва ли способен был все это уразуметь, но всем своим видом показывал, как он доволен добрым мнением сэра Томаса, и не сказал далее почти ни слова, чем весьма способствовал тому, чтоб это мнение сохранилось еще несколько долее.

ГЛАВА 2

Н аутро Эдмунд первым делом постарался увидеться с отцом наедине и честно рассказал ему обо всей театральной затее, защищая себя лишь настолько, насколько, как он понимал теперь, в более трезвую минуту, того заслуживали его побуждения, и признавая с полной искренностью, что его уступка, хотя и вызванная соображениями справедливости, сопровождалась такой личной заинтересованностью, что делала его суждение весьма сомнительным. Обвиняя себя самого, он старался ни о ком другом не сказать

ничего дурного; но лишь говоря о поведении одной, не должен был защищать ее или преуменьшать ее вину.

— Все мы в той или иной мере виноваты,— говорил он,— все, за исключением Фанни. Фанни единственная судила верно и во всем была последовательна. В сердце своем она от начала и до конца упорно не принимала эту затею. Она неизменно думала о нашем долге перед вами. Вы увидите, Фанни такова, какою вы желали бы ее видеть.

Сэр Томас ощутил всю неуместность их затей в столь неподходящем обществе и в столь неподходящее время с тою силой, какую только и мог ждать от него сын; он и вправду был слишком взволнован, чтобы много говорить; он пожал руку Эдмунду и порешил, что, едва дом будет очищен от последней малости, наталкивающей на мысли о театре, и приведен в прежний вид, он постарается отбросить неприятные впечатления и как можно скорее забыть обо всем, как забыли его самого. Он не стал выражать неудовольствие другим своим детям: ему хотелось верить, что они чувствуют свою ошибку, а не заниматься дознанием, рискуя убедиться в противном. Уже одно то, что всему положен конец и стерты все следы приготовлений, послужит достаточным укором.

Был, однако ж, в доме человек, кому он хотел дать понятие о своих чувствах не только чрез свое поведение. Как было не наекнуть миссис Норрис об обманутой надежде, что ее совет мог бы воспрепятствовать тому, чего она, конечно же, никак не одобряла. Затеявая эту постановку, молодежь действовала весьма легкомысленно, им и самим следовало быть благоразумнее; но они молоды, и, за исключением Эдмунда, пожалуй, всё натуры неустойчивые; и потому для него тем неожиданнее, что она участвовала в их необдуманных действиях и поддерживала их рискованные развлечения куда более определенно, чем заслуживали подобные действия и подобные развлечения. Миссис Норрис была несколько смущена и чуть ли не лишилась дара речи, чего с ней во всю ее жизнь не случилось; ибо ей стыдно было сказать, что она вовсе не видела того неприличия, которое так бросалось в глаза сэру Томасу, и она нипочем не призналась бы, что ее влияние недостаточное и к ее словам навряд ли прислушались бы. Ей только и оставалось сейчас по возможности скорее перевести разговор и направить мысли сэра Томаса в иное, более радостное русло. Она могла обвиняком сказать о многом, что послужило бы к ее чести, ведь она так неусыпно

пеклась о пользе и покое его семьи, могла помянуть о неизменном своем усердии и многих жертвах, вроде поспешных хождений и неожиданных отлучек от своего очага и несчетных тонких намеков леди Бертрам и Эдмунду касательно их излишней доверчивости и недостаточной бережливости, чем она всегда способствовала весьма значительной экономии и уличению недобросовестных слуг. Но главная ее заслуга, конечно же, связана с Созертоном. Ее величайшая опора и слава заключались в том, что она сумела упрочить знакомство с Рашуотами. Тут она была неуязвима. Это полностью ее заслуга, что восхищение мистера Рашуота Марией было доведено до хотя каких то практических шагов.

— Ежели б я сидела сложа руки и не поставила себе целью быть представленной его матери, а потом не убедила бы сестру первой нанести ей визит, вот не сойти мне с места, ничего б из этого не получилось, потому как мистер Рашуот из тех милых, скромных молодых людей, коих надобно основательно подбадривать, и, ежели б мы ничего не предпринимали, тут довольно девиц, которые на него охотились. Но я сделала все возможное и невозможное. Я готова была перевернуть небо и землю, чтоб уговорить сестру, и наконец уговорила. Расстояние до Созертона вам известно; было это посреди зимы, и дороги почти что непроезжие, но все же я ее уговорила.

— Я знаю, сколь велико, сколь по справедливости велико ваше влияние на леди Бертрам и ее детей, и тем более огорчен, что оно не было употреблено на...

— Любезнейший сэр Томас, видели бы вы, каковы в тот день были дороги! Я уж думала, нам нипочем по ним не проехать, хотя запряжены были, разумеется, четыре лошади; и из за великой своей любви и доброты нас повез бедняга старый кучер, хотя едва мог усидеть на козлах по причине ревматизма, который я лечевала с самого Михайлова дня. В конце концов я его вылечила, но всю зиму он был очень плох, а день был такой, что прежде, чем выехать, я не могла не подняться к нему в комнату, чтоб посоветовать ему не рисковать, — прихожу, а он надевает парик, ну, я ему и говорю: «Кучер, лучше **вам** не ездить, ваша госпожа и я будем в полной безопасности, вы ведь знаете, какой надежный малый Стивен, и Чарлз теперь уж так часто управляет передними, что, конечно же, можно ничего не бояться». Однако ж вскорости мне стало ясно, что ничего из этого не выйдет: он порешил ехать, а так как я терпеть не могу надоедать

да настырничать, я более ничего не сказала; но при каждом толчке у меня за него сердце кровью обливалося, а когда мы выехали на ухабистые дороги вокруг Стока, а там на камнях снег да иней, это уж было хуже не придумаешь, и я из за него вовсе исстрадалась. А еще бедняжки лошади! Видеть, как они тянут из последних сил! Вы ведь знаете, я всегда душой болею за лошадей. И вот подъезжаем мы к подножью Сэндкрофтского холма, и как вы думаете, что я сделала? Вы станете надо мною смеяться, но я вышла из кареты и пошла пешком. Право слово. Наверно, это не больно им помогло, а все же не могла я сидеть в свое удовольствие, а чтоб благородные животные надрывались. Я ужасно простыла, но это меня не заботило. Цель моя была достигнута — визит состоялся.

— Надеюсь, мы всегда будем почитать это знакомство достойным тех трудов, коих оно потребовало. Изысканностью манер мистер Рашуот не отличается, но вчера вечером я был доволен его мнением об одном предмете — решительным предпочтением, которое он отдает спокойному семейному времяпрепровождению перед шумом и суетою актерства. Похоже, его чувства именно таковы, как только и можно желать.

— Воистину так, и чем ближе вы его узнаете, тем он более будет вам нравиться. Он ничем особливо не блещет, но у него тысячи прекрасных свойств! И он так склонен смотреть на вас снизу вверх, что меня из за этого совсем засмеяли, поскольку все полагают это делом моих рук. «Право слово, миссис Норрис,— говорит вчера миссис Грант,— будь мистер Рашуот вашим родным сыном, он бы и тогда не мог питать к сэру Томасу большее уважение».

Сбитый с толку ее увертками, обезоруженный лестью, сэр Томас отказался от своего намерения и вынужден был остаться при убеждении, что, когда на карту поставлено нынешнее удовольствие тех, кого она любит, ее рассудительность иной раз отступает пред ее добротою.

В то утро у него было множество дел. Беседы с Эдмундом и с миссис Норрис заняли лишь малую его часть. Надобно было вновь окунуться во все привычные заботы своей мэнсфилдской жизни, встретиться с управляющим и дворецким — выслушать их доклады и проверить счета, а в промежутках между делами наведаться в конюшни, и в парк, и на ближние поля; но, деятельный и методический, он не только управился со всем этим еще до того, как вновь занял свое место главы дома за обедом, а еще

и распорядился, чтоб плотник разобрал то, что так недавно возводил в бильярдной, и отпустил декоратора, да столь надолго, чтоб оправдать приятную уверенность, что тот окажется уж никак не ближе Нортгемптона. Декоратор отбыл, успев испортить только пол в одной комнате, погубить все конюховы губки и превратить пятерых младших слуг в недовольных бездельников; и сэр Томас питал надежду, что еще одного двух дней будет довольно, чтобы стереть все внешние следы того, что тут натворили, вплоть до уничтожения всех переплетенных экземпляров «Обетов любви», ибо каждый попадавшийся ему на глаза он сжигал.

Мистер Йейтс уже начал понимать намерения сэра Томаса, хотя по прежнему был далек от понимания их причины. И он и его друг, взявши ружья, почти на все утро ушли из дому, и Том воспользовался случаем объяснить ему, с подобающими извинениями за странности отца, чего теперь надо ожидать. Йейтс, разумеется, был глубоко уязвлен. Второй раз разочароваться на один и тот же манер — это уж чересчур жестокое невезенье; и он так вознегодовал, что, не будь это неучтиво по отношению к другу и к его младшей сестре, он бы уж наверно раскритиковал баронета за его нелепые действия и постарался бы его несколько урезонить. Он был твердо в том уверен, пока они ходили по Мэнсфилдскому лесу и всю дорогу домой; но когда все они сидели за одним столом, что то он такое увидел в сэре Томасе, из за чего счел более разумным предоставить ему действовать по своему и, почитая его действия глупостью, не перечить. Он и прежде знал несговорчивых отцов и часто сталкивался с неудобствами, которые они причиняют, но ни разу на своем веку не встречал подобного человека, столь непостижимо нравственного, столь постыдно деспотического, как сэр Томас. Его можно терпеть единственно ради его детей, и пусть благодарит свою красавицу дочь Джулию за то, что мистер Йейтс все таки намерен остаться под его крышей еще несколько дней.

Вечер прошел по видимости спокойно, хотя почти у каждого на душе кошки скребли; дочери по просьбе сэра Томаса музицировали, и музыка помогла скрыть недостаток истинной гармонии. Мария была в большом волнении. Она полагала совершенно очевидным, что теперь Крофорд должен, не теряя времени, объявить о своих намерениях, и ее тревожило, если даже один день проходил, никак не приближая ее к цели. Все утро она его ждала и весь вечер еще не теряла надежды его дождаться.

Рашуот уехал рано, спеша принести в Созертон важное известие о возвращении сэра Томаса; и Мария горячо надеялась, что вот вот все прояснится и он будет навсегда избавлен от труда приезжать сюда снова. Но из пастората никого не было видно, ни единой души, и никаких вестей не поступало, за исключением любезной записочки от миссис Грант к леди Бертрам, которой она поздравила ее с приездом сэра Томаса и осведомлялась о его здоровье. Впервые за много, много недель эти две семьи весь день были полностью разделены. С самого начала августа не проходило дня, чтоб они так или иначе не встретились. Грустный это был день и тревожный; и завтрашний день, хотя и по иному, был тоже несчастливый. Вслед за несколькими минутами лихорадочной радости наступили долгие часы жгучего страдания. Генри Крофорд снова был в доме; он пришел вместе с доктором Грантом, который жаждал засвидетельствовать свое почтение сэру Томасу, и в довольно ранний час их ввели в малую гостиную, где находилась большая часть семьи. Вскороности появился сэр Томас, и Мария с восторгом и волнением смотрела, как представляют ее отцу человека, которого она любит. Чувства ее трудно описать, и столь же трудно описать, каковы были они несколько минут спустя, когда Генри Крофорд, который сидел между нею и Томом, вполголоса спросил последнего, собираются ли они вернуться к спектаклю после теперешнего счастливого перерыва (тут он учтиво поглядел в сторону сэра Томаса), потому что в этом случае он сочтет своим долгом воротиться в Мэнсфилд в любое время, когда потребуется обществу; он уезжает немедленно, поскольку должен безотлагательно встретиться в Бате со своим дядюшкой, но, если есть какая то надежда на возобновление «Обетов любви», он будет полагать себя решительно связанным, отбросит все прочие обязательства и твердо договорится с дядюшкой, что он явится сюда, как только в том возникнет необходимость. Из за его отсутствия спектакль не должен погибнуть.

— Из любого места Англии, где бы я ни был — из Бата, Норфолка, Лондона, Йорка, — я тут же являюсь по первому зову.

Хорошо, что в эту минуту должен был отвечать Том, а не его сестра. Ему ничего не стоило тотчас сказать:

— Мне жаль, что вы уезжаете... но что до пьесы, с нею покончено, совершенно и безвозвратно. — И он многозначительно посмотрел на отца. — Вчера был отослан декоратор, и завтра от театра мало что останется. Я с са

мого начала знал, как это будет... Для Бата еще рано. Там вы никого не застанете.

— Это примерно дядюшкино обычное время.

— Когда вы думаете ехать?

— Вероятно, сегодня буду уже не ближе Бенбери.

— Чьими конюшнями вы пользуетесь в Бате? — был следующий вопрос, и, пока они об этом беседовали, Мария, у которой не было недостатка ни в гордости, ни в решительности, готовилась с завидным спокойствием вынести свою долю беседы с Генри Крофордом.

К ней он вскорости и оборотился и повторил многое из того, что уже сказал, лишь несколько мягче и при том яснее выражая свое сожаление. Но что толку от его выражения и тона? Он уезжает, и, если уезжает и не по собственной воле, он по собственной воле намерен оставаться вдали: ибо, исключая то, что можно счесть его долгом пред дядюшкой, все остальные обязательства зависят единственно от его желания. Он может сколько угодно говорить о необходимости, но ей известна его независимость... Рука, которая так прижимала ее руку к своему сердцу! Теперь и рука и сердце равно пребывают в покое! Внутренняя сила поддерживала Марию, но душа была жестоко уязвлена. Ей недолго пришлось терпеть то, что поднималось в ней, когда она слушала его слова, которые противоречили его поступкам, или скрывать смятение чувств за необходимой сдержанностью, ведь обыкновенная воспитанность требовала, чтоб он немного спустя перенес свое внимание на других, и прощальный визит, каким было затем провозглашено это посещение, оказался весьма недолог. Он отбыл... в последний раз коснулся ее руки, отвесил последний общий поклон, теперь сразу же можно будет вкусить все, что способно дать уединение. Генри Крофорд отбыл, отбыл из их дому и в ближайшие два часа — из пастората; итак, конец всем надеждам, которые его себялюбивая суетность внушила Марии и Джулии Бертрам.

Джулия могла радоваться, что он отбыл. Его присутствие уже становилось ей ненавистно; и раз Марии он не достался, никакой иной мести ей уже не надобно. Она не желала, чтоб к его бегству прибавилось еще и разоблачение. Генри Крофорд отбыл, теперь сестру можно даже пожалеть.

Фанни возрадовалась от происшедшего куда более чистой радостью. Она услышала новость за обедом и благословила ее. Все прочие поминали об этом с сожалением, отдавая дань достоинствам Крофорда каждый в меру сво

их чувств — от слишком пристрастного, искреннего уважения Эдмунда до безразличия его матери, равнодушно произносящей заученные слова. Тетушка Норрис наконец задумалась и подивилась, что его влюбленность в Джулию кончилась ничем; и готова была испугаться собственной нерадивости, из-за коей недостаточно способствовала счастливой развязке; но когда столько забот, где ж тут успеешь исполнить все задуманное, даже и при ее расторопности?

Еще через день другой отбыл и мистер Йейтс. Вот в чьем отъезде был крайне заинтересован сэр Томас; когда жаждешь остаться наедине со своим семейством, тяготясь присутствием постороннего и получше мистера Йейтса; а он — незначительный и самоуверенный, праздный и расточительный — обременял до крайности. Сам по себе утомительный, он в качестве друга Тома и поклонника Джулии оказался непереносим. Сэру Томасу было во все безразлично, уедет или останется мистер Крофорд, но, сопровождая мистера Йейтса до дверей, он желал ему всяческого благополучия и доброго пути с искренним удовлетворением. Мистер Йейтс видел собственными глазами, как пришел конец всем театральным приготовлениям в Мэнсфилде, как было убрано все, что имело касательство к спектаклю; он покинул усадьбу, когда она вновь обрела всю свойственную ей умеренность; и, выпроваживая его, сэр Томас надеялся, что расстанется с наихудшей принадлежностью этой затеи, и притом с последней, которая неизбежно напоминала бы о ее недавнем существовании.

Тетушка Норрис ухитрилась убрать с его глаз один предмет, который мог бы его огорчить. Занавес, шитьем которого она заправляла с таким талантом и успехом, отправился с нею в ее коттедж, где, надо ж так случиться, у ней как раз была надобность в зеленом сукне.

ГЛАВА 3

озвращение сэра Томаса произвело разительную перемену в образе жизни обитателей усадьбы, независимо от «Обетов любви». Когда он взял бразды правления в свои руки, Мэнсфилд преобразился. От некоторых членов общества избавились, и многие другие погрузнели, и по сравненью с недавним прошлым дни потянулись однообразные и пасмурные;

унылые семейные сборища редко оживлялись. С обитателями пастората почти не виделись. Сэр Томас, и всегда избегавший тесной дружбы, в нынешнюю пору был особенно не склонен к каким либо встречам, за единственным исключением. Одних только Рашуотов считал он возможным вводить в семейный круг.

Эдмунд не удивлялся, что таковы были чувства отца, и не сожалел ни о чем — только общества Грантов ему не доставало.

— Ведь они вправе рассчитывать на наше внимание,— говорил он Фанни.— По моему, они срослись с нами... по моему, они неотъемлемая часть нашей жизни. Мне хотелось бы, чтоб отец лучше понимал, как внимательны они были к нашей матери и сестрам, пока он отсутствовал. Боюсь, как бы они не подумали, что ими пренебрегают. Но все дело в том, что отец почти их не знает. Когда он уехал из Англии, они еще и года здесь не прожили. Знай он их лучше, он бы по заслугам дорожил их обществом, ведь они именно такие люди, какие ему по душе. В нашем замкнутом семейном кругу иной раз недостает веселого оживленья; сестры не в духе, и Тому явно не по себе. Доктор и миссис Грант внесли бы оживление, и наши вечера проходили бы куда отраднее даже для отца.

— Ты так думаешь? — сказала Фанни.— По моему, дядюшке не понравилось бы никакое пополнение нашего общества. Я думаю, как раз тишиной, о которой ты говоришь, он и дорожит, ему только и требуется что спокойствие семейного круга. И мне совсем не кажется, будто мы сейчас серьезней, чем прежде; я хочу сказать, до того, как дядюшка уехал в чужие края. Сколько я помню, всегда примерно так и было. При нем никогда особенно много не смеялись; а если какая то разница и есть, то не больше, чем ей положено быть вначале после столь долгого отсутствия. Не может не появиться хоть некоторая робость. Но я не припоминаю, чтоб вечерами мы уж очень веселились, разве только когда дядюшка уезжал в город. Наверно, молодежь и вообще не веселится на глазах у тех, на кого смотрит снизу вверх.

— Вероятно, ты права, Фанни,— после недолгого раздумья отвечал Эдмунд.— Вероятно, наши вечера не преобразились, а скорее стали опять такими, как были всегда. Новшеством была как раз их оживленность... Однако ж какое сильное впечатление они произвели, эти немногие недели! У меня такое чувство, будто так, как сейчас, мы не жили никогда.

— Во мне, верно, нет той живости, что в других,— сказала Фанни.— И вечера не кажутся мне слишком длинными. Я люблю дядюшкины рассказы об островах Вест Индии. Я могла бы слушать его часами. Меня это развлекает более многого иного, но, боюсь, я просто непохожа на других.

— Почему именно этого ты боишься? — спросил он с улыбкою.— Ты хочешь услышать, что непохожа на других оттого, что благоразумней и скромнее? Но, Фанни, разве я хоть раз хвалил в глаза тебя или когонибудь другого? Если хочешь, чтоб тебя похвалили, поди к папеньке. Он тебя порадует. Спроси своего дядюшку, что он о тебе думает, и услышишь достаточно похвал; и, хотя они, вероятно, будут относиться главным образом к твоей внешности, придется тебе с этим примириться и поверить, что со временем он оценит и красоту твоей души.

Подобные речи так были ей внове, что совершенно ее смутили.

— Твой дядя почитает тебя очень хорошенькой, милая Фанни, вот в чем все дело. Любой другой на моем месте много чего бы тут наговорил, а на твоём месте любая другая обиделась бы, что прежде ее не почитали очень хорошенькой; но правда вот она: до последнего времени твой дядюшка никогда тобою не любовался, а теперь любит. У тебя стал такой прелестный цвет лица!.. И ты так похорошела... и весь твой облик... Нет, Фанни, не возмущайся... это всего лишь твой дядюшка. Если ты не способна вынести восхищение дядюшки, что с тобою будет? Право же, тебе следует приучить себя к мысли, что на тебя можно заглядеться. Постарайся не сокрушаться, что из тебя выйдет хорошенькая женщина.

— Ох, Эдмунд! Не говори так, не говори! — воскликнула Фанни, которую терзали чувства, о каких Эдмунд не подозревал; но, видя, что она огорчена, он не стал продолжать этот разговор и только прибавил серьезнее:

— Твой дядя склонен быть довольным тобою во всех отношениях, и мне хотелось бы только, чтоб ты больше с ним разговаривала. Ты одна из тех, кто слишком молчалив вечерами в нашем семейном кружке.

— Но я и так разговариваю с ним больше прежнего. Да, я в этом уверена. Ты разве не слышал вчера вечером, как я его спросила про торговлю рабами?

— Слышал... и надеялся, что за этим вопросом последуют другие. Твой дядя был бы рад, чтоб его расспрашивали и далее.

— И мне очень хотелось его расспросить... но стояла такая мертвая тишина! А ведь кузины были тут же и не произнесли ни слова, и, похоже, им это было совсем неинтересно, и мне стало неприятно... я подумала, может показаться, будто я хочу перещегоолять их, выказывая интерес к его рассказу и удовольствие, какие он бы, наверно, хотел найти в своих дочерях.

— Мисс Крофорд была совершенно права на днях, когда сказала, что ты почти так же боишься оказаться на виду и услышать похвалу, как другие женщины боятся невнимания. Мы говорили о тебе в пасторате, и так она сказала. Она на редкость проницательна. Я не знаю никого, кто бы так хорошо разбирался в людях. В столь молодые годы это поразительно! Она, без сомнения, понимает тебя лучше, чем почти все, кто знает тебя давным давно; а что до некоторых других, я могу представить, по иным ее живым намекам, по нечаянно сорвавшимся с языка словам, что если бы не свойственный ей такт, она могла бы с такою же точностью отозваться о многих. Хотел бы я знать, что она думает о папеньке? Он должен восхищать ее как видный мужчина с достоинством и манерами истинного джентльмена; но оттого, что она знакома с ним так мало, его сдержанность должна ее отталкивать. Если бы они могли долее побыть в обществе друг друга, они, без сомнения, прониклись бы взаимною симпатией. Ему бы доставила удовольствие ее живость, а у ней вдоволь прозорливости, чтобы оценить его одаренность. Хорошо бы им встречаться почаще! Надеюсь, ей не кажется, будто он испытывает к ней неприязнь.

— Она уж конечно так уверена в расположении всех остальных в вашем семействе, что вряд ли у ней возникнут такие опасения,— с легким вздохом сказала Фанни.— И желание сэра Томаса быть самое первое время наедине со своей семьей так естественно, что ничего не говорит об его отношении к мисс Крофорд. Я думаю, немного погодя мы опять будем встречаться, как и прежде, ну, разумеется, насколько позволяет время года.

— Это первый октябрь со времени ее младенчества, который она проводит в деревне. Танбридж и Челтнем деревней не назовешь; а ноябрь еще угрюмей, и я вижу, что миссис Грант весьма встревожена, как бы с приближением зимы Мэнсфилд не показался сестре слишком унылым.

Фанни многое могла бы сказать, но куда безопасней не говорить ничего и не касаться времяпрепровождения

мисс Крофорд, ее достоинств, ее настроения, ее ощущения собственной значительности, ее друзей, не то можно случайно обронить замечание, которое покажется невеликодушным. Доброе мнение о ней мисс Крофорд заслуживает по меньшей мере благодарной снисходительности, и Фанни перевела разговор.

— Завтра, по моему, дядюшка обедает в Созертоне, и ты и мистер Бертрам тоже. Дома окажется совсем небольшое общество. Надеюсь, дядюшка будет по прежнему благоволять к мистеру Рашуоту.

— Это невозможно, Фанни. После завтрашнего визита он станет относиться к нему хуже, ведь мы проведем в его обществе добрых пять часов. Я был бы в ужасе от того, какой скучнейший день нам предстоит, если б не куда большая беда, которая за ним последует,— впечатление, которое он произведет на сэра Томаса. Не сможет он долее себя обманывать. Мне жаль их всех, и я был бы рад, если б мистер Рашуот и Мария никогда не повстречались.

Что касается мистера Рашуота, сэра Томаса, безусловно, ждало разочарование. Как ни расположен он был к мистеру Рашуоту, как ни почтительно относился к нему мистер Рашуот, это не помешало ему вскорости разглядеть хотя бы часть правды — что тот весьма ничтожный молодой человек, не сведущий ни в делах, ни в книгах, не имеющий, как правило, собственного мнения и, похоже, сам того не сознающий.

Совсем иного зятя ожидал он; и, огорчаясь за Марию, он пытался представить, что же чувствует она сама. Ему не пришлось долго наблюдать, чтоб заметить, что в лучшем случае она к мистеру Рашуоту равнодушна. Она обращалась с ним небрежно и холодно. Не мог он ей нравиться, и не нравился. Сэр Томас решил поговорить с ней серьезно. Каким бы выгодным ни был этот союз, как долго и гласно ни были бы они обручены, невозможно ради этого жертвовать ее счастьем. Она дала свое согласие после слишком недолгого знакомства, а узнав Рашуота лучше, раскаивается.

Благожелательно и серьезно заговорил с дочерью сэр Томас: высказал ей свои опасения, спросил, чего она желает, убеждал быть с ним откровенной и искренней и заверил ее, что он бесстрашно встретит все затруднения, и ежели она несчастлива из за предстоящих уз, надобно от них немедленно отказаться. Он все возьмет на себя и освободит ее. Слушая его, Мария на миг заколебалась, но

только на миг; едва отец умолк, она тотчас же ему ответила, ответила решительно и не выказывая волнения. Она поблагодарила его за великую заботу, за отеческую доброту, но он явно ошибается, полагая, что у ней есть хотя бы малейшее желание расстроить помолвку или что у ней изменилось суждение или намерение. Она самого высокого мнения о мистере Рашуоте и его нраве и нисколько не сомневается, что будет с ним счастлива.

Сэр Томас был удовлетворен; пожалуй, даже чересчур обрадовался тому, что услышал от дочери, и оттого не стал углубляться далее, что при своем здравомыслии, должно быть, посоветовал бы всякому другому. Это был союз, отказ от которого сильно бы его огорчил, и он рассудил таким образом: Рашуот еще достаточно молод и может измениться к лучшему; в хорошем окружении он должен измениться к лучшему и изменится; и ежели Мария могла сейчас сказать с такой уверенностью, что будет с ним счастлива, причем говорила не пристрастно, не в ослеплении любви, ей следует верить. Она, вероятно, не очень пылкая по натуре, он и всегда так полагал, но от этого ей вовсе не должно быть хуже, и, ежели она не стремится видеть в муже человека выдающегося и блистательного, все прочее будет в ее пользу. Благожелательная девушка, которая выходит замуж не по любви, обыкновенно тем сильнее привязана к родительскому дому, и близость Созертона к Мэнсфилду послужит великим соблазном и, по всей вероятности, станет постоянным источником наиприятнейших и невинных удовольствий. Вот так и в таком роде рассуждал сэр Томас — счастливый тем, что избавлен от всех пагубных неловкостей разрыва — от неизбежных в подобном случае удивления, осуждения, позора, счастливый тем, что состоится брак, который прибавит ему чести и влияния; и особенно счастливый тем, что обнаружил в дочери свойства наиболее благоприятные для сей цели.

Мария была удовлетворена беседою не менее сэра Томаса. В ее теперешнем настроении она радовалась, что заново связала себя с Созертоном и может не опасаться дать Крофорду повод торжествовать, позволив ему определять ее настроение и погубить ее виды на будущее; и удалилась в гордой решимости, с твердым намерением впредь вести себя по отношению к Рашуоте осмотрительней.

Обратись сэр Томас к дочери в первые три четыре дня после того, как Генри Крофорд уехал из Мэнсфилда,

пока чувства ее не успели хоть сколько нибудь успокоиться и она еще не вовсе отказалась от своих надежд на него и не порешила терпеть его соперника, ее ответ отцу мог бы быть иным; но когда прошло еще три четыре дня и Крофорд не воротился, не прислал письма, не передал привета,— ничем не показал, что сердце его смягчилось, не оставил надежды, что расставанье послужило к ее выгоде,— она образумилась настолько, что стала искать утешения, какое только способна дать гордость и возможность вознаградить себя за поражение.

Генри Крофорд погубил ее счастье, но не узнать ему о том; не погубить ее доброе имя, ее внешность и ее успех тоже. Не придется ему воображать, будто из за него она обрекла себя на затворничество в Мэнсфилде, отказалась от Созертонна и Лондона, от независимости и роскоши. Независимость была ей сейчас надобна, как никогда; в Мэнсфилде ее особенно недоставало. Все менее и менее склонна она была терпеть ограничения, которые предписывал отец. Свобода, которую она вкусила во время его отъезда, была сейчас совершенно необходима. Ей не терпелось вырваться из отцовских и мэнсфилдских пут и найти утешенье для раненой души в богатстве и высоком положении, в суете, в свете. Она была исполнена решимости и не знала сомнений.

При таких чувствах медлить было бы мучительно, даже медлить из за необходимых приготовлений, и сам Рашуот едва ли ждал свадьбы с таким нетерпением, как Мария. В душе ее все важнейшие приготовления уже завершились; к супружеству ее понуждала ненависть к дому, ограничения, однообразие; и еще мука от разочарования в любви и презренье к человеку, который должен был стать ее мужем. Все остальное может обождать. Обзаведение новыми каретами и мебелью может обождать до Лондона, до весны, когда она даст волю своему вкусу.

Поскольку все заинтересованные лица выразили свое согласие, вскорости стало ясно, что для всех хлопот, какие должны предшествовать свадьбе, довольно нескольких недель.

Миссис Рашуот была совершенно готова удалиться на покой и уступить бразды правления молодой женщине, коей посчастливилось стать избранницею ее дорогого сына; и в самом начале ноября она снялась с места и со своей горничной, ливрейным лакеем, фаэтоном и законным вдовьим имуществом отправилась в Бат, дабы по вечерам похвалиться созертонскими чудесами пред

своими гостями и в воодушевлении карточной игры радоваться им куда более, нежели когда либо у себя дома; и еще до середины того же месяца состоялось торжество, которое подарило Созертону новую хозяйку.

Свадьба была весьма достойная. Невеста предстала в элегантном туалете, подружки невесты, как тому и быть должно, ей уступали, сэр Томас был посаженным отцом, мать, готовясь взволноваться, держала в руках флакончик с нюхательной солью, тетушка Норрис тщилась заплакать, а доктор Грант с чувством совершил обряд венчания. Толкуя о брачной церемонии, соседи всё одобрили, кроме одного, что экипаж, который доставил новобрачных и Джулию от дверей церкви в Созертон, оказался тою же каретою, в какой мистер Рашуот ездил еще за год до того. Во всем прочем этикет сего дня мог выдерживать самую суровую критику.

Все свершилось, и они уехали. Сэр Томас беспокоился, как и положено заботливому отцу, и охвачен был чуть ли не таким же сильным волнением, какого опасался для себя, но, по счастью, не испытала, его жена. Тетушка Норрис, вполне готовая разделить с домочадцами Бертрамов заботы сего дня, провела его в усадьбе, поддерживая настроение сестры и выпивая за здоровье мистера и миссис Рашуот лишний стаканчик другой, и была рада и счастлива, ведь именно благодаря ей состоялась эта свадьба, все это дело ее рук, и, глядя, как она торжествует, никто бы не подумал, что ей доводилось слышать, будто на свете существуют несчастливые браки или что она имеет хотя бы малейшее представление о том, как настроена ее племянница, выросшая и воспитанная у ней на глазах.

Молодая чета намеревалась в ближайшие дни проследовать в Брайтон и на несколько недель снять там дом. Всякий курорт был Марии внове, а в Брайтоне зимою почти так же оживленно, как летом. Когда здешние развлечения им прискучат, будет самое время отправиться за новыми развлечениями в Лондон.

Джулия ехала с ними в Брайтон. С тех пор как соперничество меж сестрами кончилось, они постепенно обретали прежнее взаимопониманье; и, во всяком случае, уже настолько опять сблизились, что обе чрезвычайно довольны были оказаться в такое время вместе. Отнюдь не общество Рашуота было всего заманчивей для его супруги, и Джулия жаждала новизны и удовольствий ничуть не менее Марии, хотя достались они ей куда легче, и зависимое положение она переносила куда лучше.

Их отъезд произвел еще одну заметную перемену в Мэнсфилде — образовалась некая пустота, которую далеко не сразу можно было заполнить. Семейный кружок значительно сузился, и хотя от обеих мисс Бертрам в последнее время особого веселья не было, по ним, конечно же, скучали. Даже их мать скучала, и несравненно более их мягкосердечная кузина, которая бродила по дому и думала о них и сочувствовала им с такою нежной жалостью, какую они мало чем заслужили.

ГЛАВА 4

отъездом кузин Фанни стала больше значить в семье Бертрамов. Она оказалась единственной молодой девушкой в гостинной, единственной из той всегда интересной части любого семейства, в которой до сего времени занимала всего лишь скромное третье место, и теперь ее больше, чем когда либо, замечали, больше думали о ней, больше заботились; и чаще слышалось «А где Фанни?», даже когда никому не требовались ее услуги.

Ее теперь больше ценили не только в усадьбе, но и в пасторате. В доме, где после смерти мистера Норриса она бывала разве что дважды в год, она стала званой дорогой гостьей, самой желанной для Мэри Крофорд в хмурые, непогожие дни ноября. Вначале она оказалась там случайно, а после стала приходить по настойчивой просьбе миссис Грант, которая, искренне желая хоть немного разнообразить жизнь сестры, с помощью простейшего самообмана убедила себя, что уговаривает Фанни почаще их навещать для ее же, Фанниного, блага, предоставляет ей счастливую возможность для всяческого совершенствования.

Однажды тетюшка Норрис послала Фанни с каким то поручением в деревню, и неподалеку от пастората ее застиг ливень, а когда она пыталась укрыться среди ветвей и листьев дуба, растущего у самого двора, ее заметили из окна и, хотя она застенчиво сопротивлялась, настояли, чтоб она вошла. Почтительному слуге она противилась, но когда, раскрыв зонт, вышел сам доктор Грант, ей ничего не оставалось как, отчаянно устыдившись, поскорее войти в дом; а бедняжка мисс Крофорд,

которая только что жаловалась на гнетущий дождь и в полном унынии вздыхала по своим несбывшимся мечтам об утренней прогулке и хоть малой надежде увидеть в ближайшие двадцать четыре часа когонибудь, кроме собственных домочадцев, услышав суету у парадной двери и увидев в прихожей изрядно промокшую мисс Прайс, просто возликовала. И как же ей было не оценить такое событие в дождливый день в деревне. Она мигом вновь воспрянула духом, едва ли не всех расторопней помогала Фанни привести себя в порядок, первой обнаружила, что та вымокла сильнее, чем поначалу позволяла заметить, и снабдила ее сухим платьем; а Фанни, после того, как была вынуждена подчиниться всем этим заботам и принять помощь и любезность хозяек и горничных, была вынуждена также вернуться вниз, где на тот час, пока не кончился дождь, ее усадили в гостиной, и тем самым продлилось блаженство мисс Крофорд оттого, что она увидела не приевшееся лицо и получила повод для свежих мыслей, и потому ее хорошее настроение сохранилось на время переодевания к обеду и на самый обед.

Обе сестры были так добры к Фанни и так милы, что она радовалась бы своему пребыванию у них, если б могла верить, что никак им не мешает, и могла надеяться, что через час дождь и вправду перестанет и ей не придется, к немалому своему смущению, возвращаться домой в экипаже доктора Гранта, о чем ей уже было сказано. Что же до тревоги, которую могло вызвать дома ее отсутствие в такую погоду, об этом она нисколько не беспокоилась, ведь о том, что она ушла, знали только ее тетушки и, как она прекрасно понимала, ничуть не тревожились, и в каком бы коттедже, по мнению тетушки Норрис, она ни пережидала дождь, у тетушки Бертрам это не вызовет ни малейших опасений.

За окнами несколько прояснилось, когда, заметив в комнате арфу, Фанни стала о ней расспрашивать, а затем высказала горячее желание послушать ее и призналась, хотя этому трудно было верить, что с тех самых пор, как арфу доставили в Мэнсфилд, ни разу ее не слушала. Самой Фанни казалось, что это вполне естественно и просто. С тех пор, как привезли инструмент, она едва ли хоть раз побывала в пасторате, не было для того никаких поводов; но мисс Крофорд, вспомнив Фаннино давно высказанное желание на сей предмет, огорчилась своей небрежностью; и охотно, с готовностью стала

ее немедленно спрашивать: «Сыграть вам прямо сейчас?», «Что вы хотите послушать?»

И сразу же заиграла, радуясь новой слушательнице, слушательнице столь благодарной, да еще, по всей видимости, не обиженной вкусом. Она до тех пор играла, пока по глазам Фанни, устремленным за окно, где как будто уже распогодилось, поняла, как следует поступить.

— Еще четверть часа, и тогда будет видно, не польет ли опять,— сказала мисс Крофорд.— Не убегайте при первом же просвете. Вон те тучи внушают опасения.

— Но они прошли,— отвечала Фанни.— Я за ними наблюдала. Это все идет с юга.

— С юга ли, с севера, туча есть туча, и, пока она нависает, вам лучше обождать. И к тому же я хочу сыграть вам еще кое что, очень милую вещицу, ваш кузен Эдмунд ее любит больше всего. Непременно останьтесь и послушайте любимую пьесу вашего кузена.

Фанни чувствовала, что и вправду надо послушать; и хотя ей не надобно было ждать таких слов, чтоб подумать об Эдмунде, но это напоминанье помогло особенно ясно представить его мысли и чувства, и ей вообразилось, как он снова и снова сидит в этой комнате, быть может, на том самом месте, где сидит сейчас она, с неустанным восхищеньем слушает любимую мелодию, исполняемую, как ей казалось, изысканно и выразительно; и хотя сама она слушала эту музыку с удовольствием, и рада была, что ей понравилось то, что нравится ему, когда музыка смолкла, ей захотелось уйти еще нетерпеливей, чем прежде; и поскольку это было очевидно, ее весьма любезно попросили побывать у них еще, заходить за ними всякий раз, как ей будет удобно, позволить им сопровождать ее на прогулке, заглядывать к ним, чтобы еще послушать арфу, и Фанни сочла это своим долгом, если только дома не станут возражать.

Так возникла эта своего рода дружба, завязавшаяся в первые две недели после отъезда сестер Бертрам, дружба, вызванная главным образом тоскою мисс Крофорд по чему то новому и почти не задевшая чувства Фанни. Фанни заходила к ней каждые два три дня; ее словно околдовали: если она не шла к мисс Крофорд, ей становилось не по себе, и однако, она не питала любви к этой молодой особе, думала по иному, чем та, не чувствовала признательности за то, что ее общества искали именно теперь, когда никого другого не осталось; и не получала удовольствия от разговора мисс Крофорд,

разве что изредка он ее развлекал, да и то зачастую вопреки ее рассудку, ибо это все были шутки, задевающие людей или темы, к которым, по ее мнению, следовало относиться с уважением. Однако она приходила, и в непривычно погожие для этого времени года дни они полчаса за полчаса прохаживались по аллеям, которые миссис Грант обсадила кустарником; иной раз даже осмеливались посидеть на какой-нибудь лавочке под наполовину облетевшими ветвями и оставались там, бывало, до тех пор, пока вдруг налетевший холодный ветер, срывая последние желтые листья, не заглушал тихие восторги Фанни по поводу усад столь неторопливо отступающей осени, и тогда они вскакивали и опять принимались ходить, чтоб согреться.

— Какая прелесть... ну какая же прелесть,— говорила Фанни, оглядываясь по сторонам, когда однажды они вот так сидели вдвоем.— Всякий раз, когда я попадаю в эту аллею, меня поражает, как она выросла и как хороша. Три года назад это была всего лишь неприхотливая зеленая изгородь вдоль поля, и никто ее не замечал, никто не думал, что она когда-нибудь порадует глаз, а теперь ее обратили в аллею, и даже трудно сказать, чем она всего дороже — своею пользою или красотою; и, пожалуй, еще через три года мы забудем, почти забудем, что тут было прежде. Как поразительны, просто поразительны свершения времени и перемены в душе человеческой! — И, следуя за ходом своих мыслей, она немного спустя прибавила: — Если какую-то из наших способностей можно счесть поразительней остальных, я назвала бы память. В ее могуществе, провалах, изменчивости есть, по моему, что-то куда более откровенно непостижимое, чем в любом из прочих наших даров. Память иногда такая цепкая, услужливая, послушная, а иной раз такая путаная и слабая, а еще в другую пору такая деспотическая, нам неподвластная! Мы, конечно, во всех отношениях чудо, но, право же, наша способность вспоминать и забывать мне кажется уж вовсе непонятной.

Мисс Крофорд, которая слушала ее невнимательно и равнодушно, нечего было сказать, и, заметив это, Фанни вновь обратилась мыслями к тому, что, как ей казалось, могло ту заинтересовать.

— Может быть, мои похвалы неуместны, но я восхищена вкусом миссис Грант, который виден здесь во всем. В расположении аллеи такая приятная для глаз неприхотливость!., никаких особых претензий!

— Да,— небрежно ответила мисс Крофорд,— для такого места это как раз то, что надо. Здесь не ждешь ничего грандиозного... и, между нами говоря, пока я не приехала в Мэнсфилд, я даже не представляла, что сельскому священнику может прийти в голову затеять такие посадки или что нибудь в этом роде.

— Я рада, что так разрослись вечно зеленые кустарники! — сказала в ответ Фанни.— Садовник моего дядюшки всегда говорит, что тут земля лучше, чем у него, и это видно по тому, как растут лавры и вообще вечно-зеленые. Вечнозеленые! Как прекрасна, как желанна, как удивительна вечная зелень! Если подумать, до чего поразительно разнообразие природы! Мы ведь знаем, что в некоторых странах множество деревьев, которые роняют листья, но все равно изумляешься, что на одной и той же почве, под одним и тем же солнцем появляются растения, которые разнятся друг от друга в том, что составляет основу и закон их существования. Вы подумаете, что я неумеренно восхищаюсь, но, когда я выхожу под открытое небо, особенно когда сижу под открытым небом, меня тянет к таким вот размышлениям. Стоит кинуть взгляд на самое заурядное творение природы, и сразу находишь пищу для игры воображения.

— По правде говоря, я вроде того знаменитого дожа при дворе Людовика XIV,— отвечала мисс Крофорд.— И знаете, на мой взгляд, самое поразительное в этой аллее, что я сама в ней очутилась. Скажи мне кто нибудь год назад, что здесь будет мой дом, что мне доведется жить здесь месяц за месяцем, я нипочем бы не поверила! А я здесь уже чуть не пять месяцев! И притом самых спокойных пять месяцев за всю мою жизнь.

— Должно быть, для вас чересчур спокойных.

— Теоретически я бы и сама так думала, но,— и глаза у ней заблестели,— на поверку оказывается, что никогда еще не было у меня такого счастливого лета,— и продолжала задумчивей, понизив голос: — Но ведь как знать, к чему это может привести.

У Фанни забилося сердце, у ней уже не было больше сил гадать и искать подтверждения своим догадкам. Мисс Крофорд, однако ж, вновь оживившись, вскоре продолжала:

— Оказывается, я куда лучше, чем могла себе представить, примирилась с деревенским существованием. Мне даже кажется, что при определенных обстоятельствах проводить в деревне половину года очень приятно.

Со вкусом обставленный, не слишком большой дом — средоточие семейных связей, постоянные встречи в тесном кругу, к твоим услугам самое избранное общество, которое смотрит на тебя с почтительностью даже большей, чем на тех, кто состоятельней, а после разных веселых развлечений тебе предстоит не что нибудь, а tete a tete с человеком, который тебе милей всех на свете. В этой картине нет ничего страшного, не правда ли, мисс Прайс? Когда у тебя такой дом, даже новоиспеченной миссис Рашуот можно не завидовать.

— Завидовать миссис Рашуот! — только и рискнула сказать Фанни.

— Полно, полно, с нашей стороны было бы не слишком красиво строго судить миссис Рашуот, я предвкушаю, что мы будем обязаны ей великим множеством веселых, блистательных, счастливых часов. Я думаю, в следующем году всем нам предстоит часто бывать в Созертоне. Такой брак, как у мисс Бертрам, — истинное благо для всего общества, ведь супруга мистера Рашуота будет почитать самым большим удовольствием обставить дом и задавать самые блестящие балы.

Фанни молчала, и мисс Крофорд снова задумалась, но через несколько минут вдруг подняла голову и воскликнула:

— А вот и он! — То был, однако ж, не Рашуот, но Эдмунд, который направлялся к ним вместе с миссис Грант. — Моя сестра и мистер Бертрам... Я так рада, что ваш старший кузен уехал и теперь его опять можно называть просто мистер Бертрам. Обращение «мистер Эдмунд Бертрам» звучит так чинно, так жалостливо, так подчеркнуто относится именно к младшему брату, что я терпеть его не могу.

— Как по разному мы чувствуем! — воскликнула Фанни. — Для меня мистер Бертрам звучит холодно, бессмысленно, в нем совсем нет тепла и выразительности! Оно говорит единственно о том, что обращаешься к джентльмену, вот и все. А в имени Эдмунд есть благородство. Это имя героическое и прославленное — имя королей, принцев, рыцарей. От него будто исходит дух доблестного великодушия и нежной привязанности.

— Я признаю, что само по себе оно хорошо, и лорд Эдмунд или сэр Эдмунд звучит восхитительно; но погребите его под ледяным, все уничтожающим «мистер» — и «мистер Эдмунд» это не более, чем «мистер Джон» или «мистер Томас». Что ж, присоединимся к ним,

и тогда придется выслушать вполтину меньше упреков за то, что мы сидим на воздухе в такую холодную пору.

Эдмунд встретил их с особым удовольствием. Он видел их вместе впервые с тех пор, как знакомство Фанни с мисс Крофорд стало более тесным, о чем он с радостью услышал несколько времени назад. Дружба между двумя дорогими его сердцу девушками была для него как нельзя более желанна. Но, к чести влюбленного, надобно сказать, что у него хватало разума понимать, что вовсе не только и не столько Фанни выигрывает от этой дружбы.

— Так вы не собираетесь бранить нас за нашу неосмотрительность? — спросила мисс Крофорд. — А как по вашему, разве не для того мы здесь сидим, чтоб нам об этом было сказано, и чтоб нас попросили и умоляли никогда более этого не делать?

— Возможно, я вас и побранил бы, сиди вы поодиночке, но уж если вы поступаете дурно вместе, я на многое могу посмотреть сквозь пальцы, — отвечал Эдмунд.

— Они недолго сидят, — объявила миссис Грант, — потому что, когда я поднималась за шалью, я видела из лестничного окна, что они прогуливаются.

— Да к тому же день такой погожий, и потому вряд ли так уж неосмотрительно, что вы несколько минут посидели, — прибавил Эдмунд. — О нашей погоде не всегда стоит судить по календарю. В ноябре иной раз можно позволить себе кое какие вольности скорее, чем в мае.

— Видит бог, — воскликнула мисс Крофорд, — мне еще не доводилось иметь таких друзей, как вы оба, вы так бесчувственны и не оправдываете ожиданий! Вы ни на миг не встревожились. Вы понятия не имеете, как мы намучились, как озябли! Но я уж давно предполагала, что мистера Бертрама не проймешь всякими невинными ухищрениями против здравого смысла, перед которыми не устоять женщине. На него я с самого начала не очень и надеялась, но вы, миссис Грант, моя собственная сестра, мне кажется, вам положено было хоть немного за меня встревожиться.

— Не тешь себя понапрасну, любезнейшая моя Мэри. Нет у тебя ни малейшей надежды меня тронуть. Я и правда тревожусь, но совсем об ином; и ежели б я могла изменить погоду, тебе все время пришлось бы терпеть резкий восточный ветер, потому как из за теплых ночей

некоторые мои растения Роберт оставляет на улице, а я знаю, чем это кончится: погода разом переменится, ударит мороз и застанет всех врасплох (по крайней мере Роберта), и все погибнет, а еще и того хуже — кухарка мне сейчас сказала, что индейку нельзя хранить дольше завтрашнего дня, а ведь я ни в коем случае не хотела ее готовить до воскресенья, потому что знаю, насколько больше доктор Грант обрадуется ей именно в воскресенье, после всех воскресных трудов. Вот они, можно сказать, огорчения, и оттого, на мой взгляд, погода не по сезону душная.

— Услады домашнего хозяйства в деревенской глуши! — насмешливо сказала мисс Крофорд. — Порекомендуйте меня вашему садовнику и торговцу домашней птицей.

— Дорогое мое дитя, порекомендуй мистера Гранта в настоятели Вестминстерского собора или собора святого Павла, и я еще как буду рада твоему садовнику и торговцу домашней птицей. Но у нас в Мэнсфилде такой публики не водится. Что прикажешь мне делать?

— О! Да ничего, кроме того, что вы уже делаете: ежечасно терзаться и никогда не терять самообладания.

— Благодарю, Мэри, но где ни живи, этих досадных мелочей не миновать. И когда ты поселишься в городе и я приеду тебя навестить, будут они, наверно, и у тебя, несмотря на садовника и торговца домашней птицей, а пожалуй что, как раз из за них. Ты будешь горько сетовать на их отдаленность и необязательность, либо на непомерные цены и мошенничество.

— Я намерена стать достаточно богатой, чтоб не иметь поводов для подобных жалоб. Из всего, что мне доводилось слышать, самый верный залог счастья — большой доход. Уж он то упасет от неприятностей из за миртов и индеек.

— Вы хотите стать очень богатой? — сказал Эдмунд и, как показалось Фанни, бросил на мисс Крофорд взгляд, исполненный значенья.

— Разумеется. А вы разве нет? А мы все разве не хотим?

— Я не могу хотеть ничего, что было бы в такой степени не в моей власти. Мисс Крофорд дано выбрать, сколь велико будет ее состояние. Ей стоит лишь определить для себя, сколько тысяч в год она желает, и они, без сомненья, будут к ее услугам. Мои намерения не идут далее того, чтоб не оказаться в бедности.

— Благодаря умеренности и экономии, и согласуя свои желания со своим доходом, и прочее такое. Я вас понимаю, и для человека в ваши лета, при таких ограниченных средствах и без влиятельных знакомств, это весьма подходящее намерение. Чего вы можете желать, кроме приличного содержания? Времени вам остается немного, а положение ваших родных не таково, чтоб они могли что нибудь для вас сделать или унижить вас сравнением со своим богатством или местом, какое сами занимают в обществе. Будьте честны и бедны, сделайте милость, но я не стану вам завидовать. Я даже не уверена, что стану вас уважать. Я куда больше уважаю тех, кто честен и богат.

— Степень вашего уважения к тому, кто честен, богат ли он или беден, как раз несколько меня не занимает. Я не намерен быть бедняком. Я решительно против бедности. Единственное, что меня тревожит, чтоб вы не смотрели свысока на того, кто честен и занимает среднее положение между бедностью и богатством.

— Но если он мог бы занимать более высокое положение, а предпочел удовольствоваться более скромным, я, конечно же, буду смотреть на него свысока. Я не могу не смотреть свысока на все, что довольствуется безвестностью, когда могло бы возвыситься до степеней почетных.

— Но как возвыситься? Как, к примеру, моя честность может возвыситься до каких то почетных степеней?

Отвечать на этот вопрос было не так то просто, за протяжным «О о» у прекрасной девы не сразу нашлось что прибавить:

— Вы должны были войти в парламент или еще десять лет назад пойти служить в армию.

— Об этом что сейчас толковать? Ну, а парламента, я думаю, мне придется подождать до особого собрания представителей от младших сыновей, которым не на что жить. Нет, мисс Крофорд,—прибавил Эдмунд серьезнее,—есть отличия, которых я хотел бы достичь, и чувствовал бы себя несчастным, если б не имел на то никакой надежды, решительно никакой надежды или возможности,—но они совсем иного свойства.

Понимание, которое увидела Фанни в его взгляде, когда он говорил, и то, которое она ощутила в том, как, смеясь, отвечала ему мисс Крофорд, было горестной пищей для ее наблюдений; и почувствовав, что не в состоянии как должно внимать миссис Грант, с которой она

шла сейчас следом за теми двоими, она уже почти решилась немедленно уйти домой и только ждала, когда наберется мужества объявить о том, но тут большие часы в Мэнсфилд парке пробили три, и, услышав их, она поняла, что и вправду отсутствовала из дому куда более обыкновенного, и потому недавние сомнения, надобно ли уйти прямо сейчас или нет и как лучше это сделать, быстро кончились. С полным сознанием своей правоты она тотчас же начала прощаться; а Эдмунд в это самое время припомнил, что леди Бертрам о ней справлялась и что пошел он в пасторат именно затем, чтоб привести ее домой.

Фанни и вовсе заторопилась и, нисколько не надеясь, что Эдмунд будет ее сопровождать, готова была поспешить к усадьбе одна; но все тоже ускорили шаг и вместе с нею вошли в дом, чрез который надо было пройти. В прихожей оказался доктор Грант, все остановились и заговорили с ним, и по тому, как держался Эдмунд, ей стало ясно, что он все же намерен идти с нею. Он тоже прощался. И Фанни не могла не быть ему благодарна. Напоследок доктор Грант пригласил Эдмунда завтра отобедать с ним, и не успело еще в Фанни шевельнуться от этого неприятное чувство, как миссис Грант, вдруг вспомнив, повернулась к ней и попросила и ее доставить им удовольствие и тоже отобедать с ними. Такое внимание было ей внове, и само приглашение так было внове, что она и чрезвычайно удивилась, и смутилась, и бормоча, что весьма обязана, «но не уверена, что это будет возможно», смотрела на Эдмунда в ожидание его мнения и помощи. Но Эдмунд, в восторге от того, что ей выпала такая радость, с полувзгляда и с полуслова убедившись, что она бы не против, да не уверена в согласии тетушки, не мог представить, чтоб его маменька не пожелала ее отпустить, и потому решительно и без колебаний посоветовал принять приглашение; и хотя даже при его поддержке Фанни не отважилась бы на такой дерзкий порыв независимости, вскоре условлено было, что, если миссис Грант не сообщат ничего иного, она может ожидать Фанни к обеду.

— И знаете, что будет на обед? — с улыбкою сказала миссис Грант, — индейка, и уж наверняка прелестная. Поэтому что знаешь, дорогой, — поворотилась она к мужу, — кухарка настаивает, что индейку надобно готовить завтра.

— Прекрасно, прекрасно! — воскликнул мистер Грант. — Тем лучше. Рад слышать, что дома есть такая прелесть. Но, должен сказать, мисс Прайс и мистеру Эд

мунду предстоит пойти на риск. Мы не желаем наперед знать меню. Мы рассчитываем на дружескую встречу, а вовсе не на роскошный обед. Чем бы вы или ваша кухарка ни вздумали нас попотчевать — индейкой, или гусем, или бараньей ногой.

Фанни и Эдмунд отправились домой вдвоем; и, сразу же обсудив приглашение, о котором Эдмунд говорил с самым горячим удовлетворением, полагая его особенно желательным при той дружбе, что установилась меж Фанни и мисс Крофорд и очень его радует, — они далее шли молча, ибо, покончив с этим разговором, Эдмунд задумался и уже не расположен был беседовать ни о чем другом.

ГЛАВА 5

о почему это миссис Грант пригласила Фанни? — сказала леди Бертрам. — Почему ей вздумалось пригласить Фанни?.. Ты ведь знаешь, Фанни никогда на таких обедах там не бывает. Не могу я без нее обойтись, и я уверена, она вовсе не хочет туда идти... Ведь правда же ты не хочешь, Фанни?

— Если вы так ставите пред нею вопрос, — воскликнул Эдмунд, не давая кухне заговорить, — Фанни немедленно ответит «нет», но я уверен, дорогая маменька, что ей хотелось бы пойти, и не вижу причин, почему бы ей не пойти.

— Не представляю, почему миссис Грант пришло в голову ее пригласить. Ведь прежде этого не бывало. У ней было обыкновение иногда приглашать твоих сестер, но Фанни она никогда не приглашала.

— Если вам нельзя без меня обойтись, сударыня, — начала Фанни с привычной готовностью во всем себе отказывать...

— Но к услугам маменьки весь вечер будет папенька.

— Да, правда?

— Может быть, вы спросите совета у папеньки?

— Прекрасная мысль. Так я и сделаю, Эдмунд. Как только сэр Томас воротится домой, спрошу его, могу ли я обойтись без Фанни.

— Как вам будет угодно, сударыня. Но я то полагал, что вы спросите мнения папеньки о том, насколько прилично или неприлично принять сие приглашение. И, я ду

маю, он сочтет, что миссис Грант поступила правильно, пригласив Фанни, и поскольку это первое приглашение, Фанни следует его принять.

— Не знаю. Мы спросим сэра Томаса. Но он будет весьма удивлен, что миссис Грант вообще вздумала пригласить Фанни.

Более до прихода сэра Томаса сказать было нечего, во всяком случае по делу; но предмет, затронутый в этом разговоре, касался до удобства леди Бертрам завтрашним вечером и был для нее настолько важнее всего прочего, что полчаса спустя, когда, воротясь с поля и идя в свою гардеробную, сэр Томас на минуту к ней заглянул, она окликнула его уже на выходе:

— Погоди ка, сэр Томас, мне надобно тебе кое что сказать.

Ее голос, исполненный томного спокойствия, поскольку она никогда не брала на себя труд говорить громко, сэр Томас неизменно слышал и неизменно на него отзывался, и сейчас он снова к ней подошел. Она начала свой рассказ, и Фанни немедленно выскользнула из комнаты, ибо слушать, как о ней говорят с дядюшкой, было выше ее сил. Она тревожилась, тревожилась, быть может, более, чем следовало, ибо что за важность, в конце концов, пойдет она или останется дома, но, если дядюшка станет раздумывать и решать, с видом весьма серьезным, и устремит на нее серьезный взгляд, и, наконец, решит не в ее пользу, она может не выказать должного смирения и равнодушия. Меж тем все шло благополучно. Началось с таких вот слов леди Бертрам:

— Я скажу тебе кое что, что тебя удивит. Миссис Грант пригласила Фанни на обед!

— Что ж,— сказал сэр Томас, словно ждал чего то еще, чтобы и вправду удивиться.

— Эдмунд хочет, чтоб она пошла. Но как я без нее обойдусь?

— Она опоздает,— сказал сэр Томас, доставая часы,— но что тебя озадачило?

Эдмунд почувствовал, что должен заговорить и заполнить пропуски в рассказе матери. Он рассказал все, и ей только и осталось, что единственно прибавить:

— Как странно! Ведь прежде миссис Грант никогда ее не приглашала.

— Но разве не естественно, что миссис Грант хочет порадовать сестру такой приятной гостьей? — заметил Эдмунд.

Мисс Мария Сиддонс.
С картины Т. Лоуренса.

— Что может быть естественнее,— сказал сэр Томас^А после недолгих размышлений.— Да и не будь тут ее сестры, все равно, я полагаю, ничего не может быть естественнее. Желание миссис Грант оказать внимание мисс Прайс, племяннице леди Бертрам, не требует никаких объяснений. Меня единственно удивляет, что она лишь теперь приглашена впервые. Фанни правильно поступила, не дав твердого ответа. Мне представляется, ее чувства делают ей честь. Но, сколько я понимаю, пойти ей хочется, ведь вся молодежь любит быть вместе, и я не вижу причин отказать ей в этом удовольствии.

— Но смогу ли я без нее обойтись, сэр Томас?

— Я думаю, без сомненья, сможешь.

— Ты ведь знаешь, когда тут нет моей сестры, она разливает чай.

— Твою сестру, должно быть, можно уговорить провести с нами день, и сам я тоже непременно буду дома.

— Тогда хорошо, Фанни может пойти, Эдмунд.

Добрая весть скоро достигла Фанни. По дороге к себе Эдмунд постучался к ней.

— Ну вот, Фанни, все улажено, твой дядя ни на миг не усомнился. Другого мнения у него не было. Ты идешь.

— Спасибо тебе, я так рада,— не задумываясь отвечала Фанни, однако, затворив за ним дверь и оставшись одна, невольно спохватилась: «Но почему мне радоваться? Ведь я уж наверно услышу и увижу там такое, от чего мне будет больно.

И все же, наперекор этому убеждению, она радовалась. Каким бы неприятным ни показалось это развлечение другим, для Фанни оно полно было новизны и значения, ведь, кроме дня, проведенного в Созертоне, она едва ли когданибудь обедала в гостях; и хотя теперь она отправлялась всего за три мили и ждали ее всего лишь три человека, все равно то был званый обед и все связанные с ним скромные приготовления сами по себе уже были радостью. Те, кто должен был входить в ее чувства и направлять ее вкус, не сочувствовали ей и не помогали, ибо леди Бертрам никогда и не помышляла о том, чтоб быть комунибудь полезной, а тетушка Норрис, которая пришла назавтра, поскольку сэр Томас ее пригласил, зайдя к ней рано поутру, была в прескверном расположении духа и, казалось, только о том и пеклась, чтоб как можно более испортить удовольствие племянницы и сейчас и в будущем.

— Право слово, Фанни, великое твое счастье, что к тебе так внимательны и так потворствуют твоим прихотям! Ты должна быть очень благодарна миссис Грант, что она подумала о тебе, и твоей тетушке за то, что она тебя отпускает; и смотри на это, как на нечто чрезвычайное, ведь, я надеюсь, ты понимаешь, что нет у тебя никаких оснований расхаживать по гостям да бывать на званых обедах; и не надейся, пожалуйста, что подобное приглашение когданибудь повторится. И не воображай также, будто приглашением на обед оказали честь тебе, честь оказана твоим дядюшке с тетушкой и мне. Миссис Грант почитает своим долгом перед нами в кои то веки оказать тебе внимание, иначе она бы и не подумала тебя приглашать, и уж не сомневайся, будь дома твоя кузина Джулия, тебе этого приглашенья нипочем не получить бы.

Тетушка Норрис весьма искусно свела на нет всю радость Фанни от благорасположения миссис Грант, и, понимая, что от нее ждут ответа, Фанни только и смогла сказать, как она благодарна тетушке Бертрам за то, что та ее отпускает, и пообещала оставить вечернее тетушкино рукоделие в таком виде, чтоб той не понадобилась ее помощь.

— Уж будь уверена, тетушка прекрасно без тебя обойдется, не то она не позволила бы тебе уйти. Ведь при ней буду я, так что можешь быть за нее спокойна. И надеюсь, ты проведешь очень приятный день и от всего будешь в восторге. Но, скажу я тебе, когда за столом пятеро, это совсем нескладно; и меня крайне удивляет, что такая изысканная дама, как миссис Грант, не придумала ничего лучше! Да еще за их большущим столом, который так ужасно загромождает всю комнату! Если б, когда я съезжала, доктор согласился взять мой стол, как поступил бы на его месте всякий разумный человек, чем привозить свой нелепый новый, который больше, доподлинно больше здешнего обеденного стола, насколько было бы лучше! и насколько более его бы уважали! потому что если человек выходит за подобающие ему пределы, его не станут уважать. Всегда помни об этом, Фанни. Пятеро, всего пятеро будут сидеть за таким столом! А кушаний, смею думать, будет столько, что хватило б и на десятерых.

Тетушка Норрис перевела дух и опять заговорила.

— Люди, которые выходят из своего круга и тщатся делать вид, будто они выше его, поступают весьма безрассудно и глупо, а потому я полагаю, что сейчас, когда ты без насгсобираешься в гости, самое время дать тебе совет, Фанни. И я тебя прошу и умоляю, не забывай о скромности, не разговаривай и не высказывай своих мнений, как будто ты ровня своим кузинам — нашей дорогой миссис Рашуот или Джулии. Поверь мне, добра от этого не будет. И помни, где б ты ни оказалась, ты должна быть тише воды, ниже травы; и хотя мисс Крофорд в пасторате, можно сказать, дома, ты с нее пример не бери. А захочешь вечером воротиться, жди, пока Эдмунд не соберется уходить. Пускай он сам решит, когда это уместнее сделать.

— Конечно, сударыня, я так бы и поступила.

— И ежели пойдет дождь, а, по моему, дождя не миновать, по всему видно, что вечер будет сырой, — так уж ты какнибудь обойдись и не надейся, что за тобою

пришлют экипаж. Я нынче вечером домой не ворочусь, так что для меня запрягать не будут; и потому ты подготавливайся на этот случай, возьми с собою все, что может понадобиться.

Фанни нашла все это вполне естественным. Свое право на удобства она расценивала никак не выше, чем тетушка Норрис; и когда вскорости после этого разговора сэр Томас заглянул в комнату со словами: «Фанни, в котором часу тебе понадобится экипаж?», она так изумилась, что не смогла вымолвить ни слова.

— Любезнейший сэр Томас! — воскликнула тетушка Норрис, покраснев от негодованья.— Фанни может дойти пешком.

— Пешком! — повторил сэр Томас с величайшим достоинством и прошел в комнату.— Чтоб в это время года моя племянница отправилась на званый обед пешком! В двадцать минут пятого тебе удобно?

— Да, сэр,— робко отвечала Фанни, чувствуя себя перед миссис Норрис чуть ли не преступницей; и не в силах оставаться с нею, когда могло показаться, будто она торжествует, она вышла вслед за дядюшкой, и почти тотчас из за двери донеслись возмущенные слова:

— Вот уж напрасно!.. Вовсе чрезмерная доброта! Впрочем... Эдмунд тоже приглашен... да, правда... это ради Эдмунда. В четверг вечером я заметила, что он охрип.

Но на Фанни это не произвело никакого впечатления. Она чувствовала, что экипаж подается ей, и только ради нее; едва она осталась одна, от дядюшкиной заботливости, последовавшей сразу же за утверждениями миссис Норрис, на глаза у ней навернулись слезы благодарности.

Кучер подал экипаж минута в минуту; в следующую минуту появился и джентльмен, а поскольку дама, из за чрезмерной щепетильности боясь опоздать, уже несколько минут сидела в гостиной, сэр Томас проводил их вовремя, как того и требовала его привычка к пунктуальности.

— Теперь я должен на тебя посмотреть, Фанни,— сказал Эдмунд с доброй улыбкой любящего брата,— и сказать, как ты выглядишь; и сколько я могу судить при этом свете, выглядишь ты и вправду очень мило. Что ты надела?

— То новое платье, которое дядюшка был так добр, что подарил мне к свадьбе Марии. Надеюсь, оно не слишком нарядное. Но мне так хотелось его надеть при

первом же подходящем случае, а другого такого может не быть всю зиму. Надеюсь, ты не сочтешь, что я слишком нарядная.

— Если женщина в белом, она никогда не может быть слишком нарядной. Нет, ты вовсе не чересчур нарядная, все как раз так, как требуется. Твое платье очень милое. Мне нравятся эти блестящие крапинки. А нет ли у мисс Крофорд какого то похожего платья?

У самого пастората они проехали мимо конного двора и каретного сарая.

— Э, да тут гости! — воскликнул Эдмунд. — Вот чей то экипаж! С кем же это нам предстоит встретиться? — И, опустив боковое стекло, чтоб получше разглядеть, сказал: — Это Крофорда, уверяю тебя, ландо Крофорда! Вон два его лакея ставят ландо на его обычное место. Конечно же, он здесь. Какая неожиданность, Фанни. Я буду очень рад его видеть.

У Фанни не было ни повода, ни времени сказать, что у нее то чувство совсем иное; но при мысли, что Крофорд тоже будет смотреть на нее во время устрашающей церемонии вступления в гостиную, она трепетала еще более.

Крофорд и вправду оказался в гостиной; он приехал довольно давно и уже готов был к обеду; а улыбки и удовольствие, написанное на лицах троих обитателей пастората, его окруживших, свидетельствовали о том, как им приятно его внезапное решение, отлучившись из Бата, на несколько дней приехать к ним. Эдмунд и Крофорд встретились очень сердечно; и для всех, кроме Фанни, его приезд был радостью, и даже для нее его присутствие было отчасти благом: ведь чем больше общество, тем скорее она могла предаться своей любимой привычке — сидеть молча и не привлекать ничьего внимания. Она скоро и сама это поняла, ибо, как подсказывал ей безошибочный такт вопреки мнению тетушки Норрис, хотя она и должна была покориться тому, что оказалась в этом обществе первою дамой и всем вытекающим из того маленьким отличиям, она увидела, пока они сидели за столом, что все захвачены нескончаемою беседою, в которой ей вовсе не требуется участвовать — столько надо было переговорить брату с сестрой о Бате, столько обоим молодым людям об охоте, столько мистеру Крофорду с мистером Грантом о политике, и еще обо всем на свете — сразу и по отдельности — мистеру Крофорду и миссис Грант, — и потому

ей вполне возможно молча слушать и очень приятно провести день. Ей не удалось, однако, польстить вновь прибывшему джентльмену, сделав вид, будто ее заинтересовал быстро завладевший его мыслями план доктора Гранта и совет Эдмунда, которых горячо поддержали обе сестры — продлить его пребывание в Мэнсфилде и послать в Норфолк за его охотниками; казалось, он не может на это решиться, пока еще и Фанни его не одобрила. Ему понадобилось узнать ее мнение — долго ли простоит такая мягкая погода, но Фанни отвечала коротко и равнодушно, насколько позволяла учтивость. Не могла она желать, чтоб он остался, и ей было бы куда приятней, чтоб он с нею не заговаривал.

Она смотрела на Крофорда, и у ней не шли из головы обе отсутствующие кузины, в особенности Мария; но его самого, по видимому, никакое воспоминание не смущало. Вот он опять в том же самом месте, где все произошло, и, видно, так же намерен радоваться жизни без сестер Бертрам, как если б никогда не знал Мэнсфилд другим. Фанни слышала, как он поминал о них лишь мимоходом, и, только когда все общество опять оказалось вместе в гостиной и Эдмунд, поодаль, кажется, весь ушел в какой то деловой разговор с доктором Грантом, а мисс Грант была занята за чайным столом, он более серьезно и обстоятельно заговорил о них с сестрою.

— Итак, сколько я понимаю, Рашуот и его прекрасная молодая супруга в Брайтоне... Счастливчик! — сказал он с многозначительной улыбкою, отчего Фанни он сразу стал ненавистен.

— Да, они там... уже недели две, не правда ли, мисс Прайс? И Джулия с ними.

— И я полагаю, Йейтс поблизости.

— Йейтс!.. О, мы ничего о нем не знаем. Не представляю, чтоб о нем часто поминали в письмах в Мэнсфилд парк. А по вашему, мисс Прайс? Я думаю, мой друг, Джулия достаточно умна, чтоб не занимать отца рассказами о Йейтсе.

— Несчастный Рашуот со своими сорока двумя репликами! — продолжал Крофорд. — Никому их не забыть. Бедняга!.. Вижу его как сейчас... его тяжелый труд и отчаянье. Да, я сильно ошибаюсь, если его очаровательная Мария когда нибудь пожелает, чтоб он продекламировал ей свои сорок две реплики. — И мгновенно сделавшись серьезным, прибавил: — Она для него слишком хороша, чересчур хороша. — И, снова переменяя тон,

с нежной галантностью обратился к Фанни: — Вы были его лучшим другом. Ваша доброта и терпение незабываемы, с каким неустанным терпением вы старались помочь ему выучить роль... старались заставить его шевелить мозгами, в которых природа ему отказала, старались поделиться с ним пониманием, которого у вас в избытке! Пусть у него самого не хватало ума, чтоб оценить вашу доброту, зато, осмелюсь сказать, все остальное общество отдавало ей должное.

Фанни покраснела, но ничего не сказала.

— Это сон, сладкий сон! — воскликнул Крофорд, после недолгой задумчивости снова нарушив молчание. — Я всегда буду с особенным удовольствием вспоминать наши репетиции. Они сообщали всему такой интерес, такое оживление, такой душевный подъем! Это ощущал каждый. Все мы были воодушевлены. Занятий, надежды, заботы, суеты хватало на весь день с утра до вечера. Постоянно возникали небольшие препятствия, сомнения, тревоги, которые надобно было одолеть. Никогда я не был так счастлив.

«Никогда не был так счастлив! — в молчаливом негодовании повторила про себя Фанни. — Не был так счастлив, как когда поступал непозволительно! И не мог этого не понимать. Не был так счастлив, как когда вел себя столь постыдно и бесчувственно! Что за испорченная душа!»

— Нам не повезло, мисс Прайс, — продолжал Крофорд, понизив голос, чтоб не мог услышать Эдмунд, и не имея представленья об ее чувствах. — Право же, очень не повезло. Нам бы только еще неделю, всего неделю. Вот если б у нас было право распоряжаться событиями, если б всего неделю другую в пору осеннего равноденствия Мэнсфилд парк мог управлять ветрами, все вышло бы по другому. Нет, мы не стали бы подвергать его опасности, наслали бы на него не грозу и шторм, но только упорный противный ветер или штиль. Я думаю, мы удовлетвоались бы в ту пору недельным затишьем в Атлантике, мисс Прайс.

Казалось, он намерен был во что бы то ни стало получить ответ, и, отвернувшись от него, Фанни сказала куда тверже, чем обыкновенно:

— Что до меня, сэр, я не стала бы задерживать приезд дядюшки ни на один день. По возвращении дядюшка отнесся ко всему этому с таким неодобреньем, что мне кажется, все и так зашло достаточно далеко.

Никогда еще она не отвечала ему в столь многих словах и никогда еще никому — так сердито; и, договорив, она дрожала и вся покраснелась от своей дерзости. Крофорд удивился, но, несколько поразмыслив в молчании, ответил спокойнее, серьезнее и так, будто высказывал свое искреннее убеждение:

— Я думаю, вы правы. Это было скорее приятно, чем благоразумно. Мы подняли слишком много шума.— И заговорил о другом, готов был занять ее иной беседой, но Фанни отвечала так робко и неохотно, что ему никак это не удавалось.

Мисс Крофорд, которая опять и опять поглядывала на доктора Гранта и Эдмунда, теперь заметила:

— Эти джентльмены, видно, обсуждают что то чрезвычайно интересное.

— Самое интересное на свете,— отвечал ей брат,— как заработать деньги, как обратить хороший доход в еще лучший.— Доктор Грант наставляет Бертрама в той жизни, в которую он очень скоро вступит. Оказывается, он примет сан уже через несколько недель. Они говорили об этом в столовой. Я рад, что Бертрам будет так хорошо обеспечен. У него будет очень неплохой доход, который достанется ему без особых трудов, и он сможет сорить деньгами. Как я понимаю, у него будет не меньше семисот фунтов в год. Семьсот фунтов в год для младшего брата совсем неплохо. И так как он по-прежнему будет жить дома, это пойдет ему на *menus plaisirs*;¹ а проповеди на рождество и на пасху, вероятно, дадут ему солидную сумму от пожертвований.

Стараясь скрыть свои подлинные чувства, сестра засмеялась и сказала:

— Ничто меня так не забавляет, как легкость, с какой каждый распоряжается богатством тех, у кого куда меньше денег, чем у них самих. Ты бы оказался в большом затруднении, Генри, будь твои *menus plaisirs* ограничены семьястами в год.

— Может быть, ты и права, но, знаешь, это все относительно. Многие зависят от происхождения и привычки. Для младшего сына всего лишь баронета Бертрам, несомненно, обеспечен очень неплохо. К тому времени, как ему исполнится двадцать четыре или двадцать пять, у него будет семьсот в год, и ему не придется для этого пальцем шевельнуть.

¹ Карманные расходы (букв.: мелкие удовольствия) (фр.).

Мисс Крофорд могла бы сказать, что кое что для этого сделать придется и кой чем поплатиться, о чем она не могла думать с легкостью; но она сдержалась и оставила слова брата без ответа; и, когда оба джентльмена вскорости к ним присоединились, постаралась выглядеть спокойной и беззаботной.

— Бертрам,— сказал Генри Крофорд,— я сочту своим долгом приехать в Мэнсфилд послушать вашу первую проповедь. Я приеду нарочно для того, чтобы подбодрить новичка. Когда это будет? Вы не желаете ко мне присоединиться, мисс Прайс, чтобы подбодрить своего кузена? Не сочтете ли своим долгом присутствовать и во все время проповеди не сводить с него глаз, как сделаю я, дабы не пропустить ни слова, или отворотиться единственно для того, чтоб записать какое нибудь особо выдающееся изречение? Мы запасемся записными книжками и карандашом. Когда это будет? Вам непременно следует читать проповедь в Мэнсфилде, чтоб ее могли услышать сэр Томас и леди Бертрам.

— Я как можно долее постараюсь держаться от вас подальше, Крофорд,— сказал Эдмунд,— потому что скорее всего вы станете меня смущать, и видеть такие старания с вашей стороны будет мне грустнее, чем со стороны кого либо другого.

«Неужто Крофорд не почувствует укора? — подумала Фанни.— Нет, ему не дано чувствовать, как должно».

Теперь, когда все общество вновь собралось вместе и главных говорунов опять потянуло друг к другу, Фанни стало покойно; а когда после чая составила партия в вист, составила единственно для развлечения доктора Гранта, о чем постаралась его заботливая жена, хотя никто не должен был об этом догадаться, и мисс Крофорд взялась за арфу, ей оставалось только слушать, и уже весь вечер ничто не нарушало ее покой, разве что время от времени мистер Крофорд обращался к ней с вопросом или замечанием, которые невозможно было оставить без ответа. Мисс Крофорд слишком огорчилась из за того, что недавно узнала, и потому была не в настроении ни для чего, кроме музыки. Музыкаю она утешалась сама и развлекала своего друга Фанни.

Известие, что Эдмунд примет сан так скоро, было для нее как удар, который угрожал давно, но все оставалась надежда, что он минет, что до него далеко, и теперь ее охватил гнев и разочарование. Она была безмерно возмущена Эдмундом. Ей казалось, она имеет на него

большее влияние. Ведь она уже начала о нем думать, она это сознавала, с истинным расположением, с вполне определенными намерениями; но теперь станет относиться к нему так же прохладно, как и он к ней. Поставив себя в положение, до которого, как ему известно, она не снизойдет ни в коем случае, он ясно показал, что не имеет на нее серьезных видов, не питает к ней подлинного чувства. Она сумеет ответить ему таким же равнодушием. Отныне она будет относиться к его благосклонности единственно как к сиюминутному развлечению. Если так может владеть своими чувствами он, то уж она со своими справится без труда.

ГЛАВА 6

аутро у Генри Крофорда было уже решено, что ближайшие две недели он пробудет в Мэнсфилде, и, послав за своими охотниками и набросав несколько слов в объяснение адмиралу, он запечатал и отбросил письмо и огляделся в поисках сестры, а когда увидел, что она в одиночестве, сказал с улыбкою:

— Ну, и как, ты думаешь, Мэри, я намерен развлекаться в дни, свободные от охоты? Я уже не настолько молод, чтоб выезжать чаще трех раз в неделю, но у меня есть план на промежуточные дни, и как ты думаешь, что у меня на уме?

— Уж конечно, гулять и кататься верхом со мною.

— Не совсем так, и хотя и то и другое будет мне весьма приятно, но это все единственно для пользы тела, а мне надобно найти пищу для души. То все отдых и потворство своим желаниям, без благотворной примеси труда, а я не люблю праздности. Нет, мой план состоит в том, чтоб влюбить в себя Фанни Прайс.

— Фанни Прайс! Чепуха! Нет нет. Довольно с тебя двух ее кузин.

— Но мне нужна Фанни Прайс, мне нужно затронуть ее сердце. Ты, видно, не очень понимаешь, как она заслуживает внимания. Когда вчера вечером мы о ней говорили, мне показалось, что никто из вас не заметил, как она чудесно преобразилась за последние полтора месяца. Вы ее видите каждый день и потому не замечаете этого, но уверяю тебя, она совсем не та, что была осенью. Тогда она была тихая, застенчивая, отнюдь не дурнушка, но сейчас она просто

красотка. Я тогда думал, что она не может похвастать ни цветом лица, ни правильностью черт; но в этой ее нежной коже, которая столь часто заливается краской, как это было вчера, несомненная прелесть, а что до ее глаз и уст, я убежден, что, когда ей есть что выразить, они могут быть весьма выразительны. А потом ее манеры, поведение, tout ensemble¹ столь неопиcуемо изменились к лучшему! И с октября она выросла по меньшей мере на два дюйма.

— Вздор! Вздор! Это тебе так показалось, потому что рядом не было ни одной высокой женщины для сравнения и потому, что на ней было новое платье, а ты никогда прежде не видел ее так хорошо одетую. Поверь мне, она в точности такая ж, как была в октябре. Все дело в том, что во вчерашнем нашем обществе она, кроме меня, была единственная девушка, больше тебе не на кого обратить внимание, а без этого ты никак не можешь. Я всегда находила ее хорошенькой, не на удивление, но, как говорится, «довольно хорошенькой», красота того рода, которую чем дальше, тем больше замечаешь. Ее глазам следовало бы быть темнее, но улыбка у ней милая; а что до ее чудесной перемены к лучшему, я уверена, тому причиною красивый наряд и то, что тебе просто не на кого было более посмотреть; и тем самым, если ты и вправду намерен завести с нею флирт, ты никогда меня не убедишь, что это благодаря ее красоте, а вовсе не из за твоего безделья и безрассудства.

В ответ на это обвиненье брат лишь улыбнулся, а несколько времени спустя сказал:

— Не знаю, как вести себя с мисс Фанни. Не понимаю ее. Вчера не мог разобрать, что у ней на уме. Какой у ней нрав? Она серьезная? Чудачка? Жеманница? Почему она меня чуждается и смотрит так строго? Мне стоило немалых трудов добиться от нее словечка. Еще никогда я не проводил в обществе девушки столько времени, пытаясь ее развлечь, и так мало в том преуспел! В жизни не встречал девушку, которая смотрела бы на меня так строго! Я должен попытаться взять над нею верх. Всем своим видом она мне говорит: «Вы мне не понравитесь. Ни за что не понравитесь», а я говорю, что поправляюсь.

— Какой же ты глупый! Вот, оказывается, в чем ее привлекательность! Именно из за этого, из за того, что ты ей не интересен, ты находишь, что у ней такая нежная кожа, и что она стала намного выше, и так прелестна и очаровательна! Я очень хочу, чтоб ей не пришлось страдать по

¹ Все вместе (фр.).

твоей милости; толика любви, возможно, и оживит ее и пойдут ей на пользу, но только не вздумай всерьез вскружить ей голову, потому что другого такого милого создания нет на свете, и она способна сильно чувствовать.

— Речь идет всего лишь о двух неделях,— отвечал Генри,— и если ее можно погубить за две недели, значит, у ней такой склад, при котором ничто не спасет. Нет, я не причиню ей зла, этой милой малышке! Мне только и надо, чтоб она смотрела на меня добрыми глазами, улыбалась мне и заливалась краской, берегла для меня место подле себя, где бы мы ни оказались, и мигом оживлялась, когда бы я на него садился рядом и заводил с нею разговор, пусть думает, как думаю я, пусть ее занимает все, что меня касается и что доставляет мне удовольствие, пусть постарается задержать меня в Мэнсфилде, а когда я уеду, пусть чувствует себя навеки несчастливой. Ничего больше я не желаю.

— Сама умеренность! — сказала Мэри.— Теперь меня может не мучить совесть. Что ж, у тебя будет довольно удобных случаев показать себя с наилучшей стороны, мы ведь много времени проводим вместе.

И, не пытаясь более увещевать брата, она предоставила Фанни ее судьбе, так что, не будь сердце Фанни защищено особым образом, о каком мисс Крофорд не подозревала, судьба ее оказалась бы много тяжелей, чем она заслуживала; ибо хотя, без сомненья, существуют такие непобедимые восемнадцатилетние девицы (недаром же мы о них читаем в романах), которых ни за что не склонишь к любви, несогласной с их здравым смыслом,— и тут не поможет ни искусство, ни обаяние, ни внимательность, ни лесть,— Фанни я бы к ним не причислила, не подумала б, что при столь отзывчивом нраве и столь присущем ей вкусу ей удалось бы уберечь сердце от ухаживаний (пусть бы они и длились всего только две недели) такого человека, как Крофорд,— несмотря даже на то, что ей пришлось бы побороть прежнее дурное мнение о нем, не будь ее чувства уже поглощены другим. При всей защищенности души, какая неизбежна при любви к другому и пренебрежении к тому, кто на нее покушается, постоянное внимание Крофорда, постоянное, но не назойливое, ибо он все более применялся к ее кротости и утонченности,— очень скоро вынудило бы ее относиться к нему с меньшей неприязнью, чем прежде. Она отнюдь не забыла о прошлом и думала о Крофорде столь же дурно, как раньше; но его таланты не остались не замеченными ею: он был занимателен и вел себя настолько лучше прежнего, так был обходителен, так серьезно, безукоризнен

но обходителен, что невозможно было держаться в ответ нелюбезно.

На это понадобилось всего несколько дней, и к концу этих нескольких дней возникли обстоятельства, которые, пожалуй, и способствовали его расчетам снискать расположение Фанни и к тому же так ее обрадовали, что она стала расположена ко всем и каждому.

Уильям, столь долго отсутствовавший и столь горячо ею любимый брат, воротился в Англию. Она сама получила от него письмо, несколько счастливых, торопливых строк, написанных, когда «Антверпен» вошел в залив и стал на якорь в Спитхеде, и отправленных в Портсмут с первым же катером; и когда появился Крофорд с газетою в руках, желая первым сообщить ей эту весть, Фанни, трепеща от радости, сияющая, исполненная благодарности, записывала любезное приглашение, которое в ответ на письмо Уильяма с самым невозмутимым видом ей диктовал дядюшка.

Всего лишь накануне Крофорд получил полное представление о привязанности Фанни к брату, или, вернее, впервые узнал, что есть у ней такой брат и что он служит на таком корабле, но вспыхнувший тогда интерес очень кстати не погас и побудил его по возвращении в город разузнать, когда предположительно «Антверпен» вернется из плавания в Средиземном море, и удача, которая сопутствовала ему наутро, когда он спозаранку просматривал флотские новости, казалась вознаграждением за изобретательность, что натолкнула его на такой способ порадовать Фанни, а также за почтительное внимание к дядюшке адмиралу, заключающееся в том, что Генри Крофорд уже многие годы выписывал газету, которая печатала самые свежие флотские новости. Оказалось, однако ж, что он опоздал. Все те прекрасные первые чувства, которые он надеялся в ней возбудить своим сообщением, уже нашли выход. Но его намерение, доброте его намерения Фанни с благодарностью оценила, горячо его поблагодарила, ибо, подхваченная волною любви к брату, позабыла о своей привычной застенчивости.

Дорогой Уильям скоро будет с ними. Он, без сомнения, немедленно получит отпуск, ведь он еще только корабельный гардемарин; а поскольку родители его живут в городе, где на рейде стоит корабль, и, верно, уже виделись с ним и, должно быть, видятся ежедневно, он по справедливости сразу же отправится к сестре, которая все семь лет чаще всех писала ему письма, и к дядюшке, который всех более его поддерживал и способствовал его продвижению; и вправ

ду ответ на ее ответ пришел со всей возможной быстротою, в нем был назначен день его скорого приезда, и не успели миновать десять дней с тех пор, как Фанни была в волнении из за первого в ее жизни званого*обеда, а ее уже охватило волнение более высокого свойства — в прихожей, в коридоре, на лестнице прислушивается она, не слышно ли кареты, которая доставит к ней брата.

По счастью, карета подъехала, когда Фанни вот так ее поджидала, и не было ни церемоний, ни робости, которые могли бы отодвинуть миг встречи; брат и сестра оказались вдвоем, едва Уильям переступил порог дома, и в первые блаженные минуты им ничто не мешало и не было свидетелей, если не считать слуг, занятых более всего тем, чтобы отворить именно те двери, которые надобно. Произошло в точности то, о чем, не сговариваясь, постарались сэр Томас и Эдмунд, как стало ясно обоим, когда, едва заслышав шум, вызванный приездом Уильяма, они с исполненной сочувствия живостию посоветовали готовой кинуться в прихожую миссис Норрис оставаться на месте.

Скоро появились Уильям и Фанни, и сэр Томас с удовольствием увидел, что его протеже, которого он снарядил в путь семь лет назад, стал, без сомнения, совсем другим человеком, — пред ним стоял юноша с открытым, приятным лицом, который держался с естественною непринужденностью, однако ж сердечно и почтительно, из чего ясно было, что это поистине друг.

Не скоро Фанни пришла в себя от счастливого волнения того часа, который состоял из последнего получаса ожиданий и первого получаса сбывшихся надежд; потребовалось время даже на то, чтоб она смогла ощутить свое счастье, чтоб рассеялось разочарование, неизбежное при происшедших в человеке переменах, и она опять увидела в брате прежнего Уильяма и заговорила с ним так, как жаждала ее душа все долгие семь лет. Но наконец и это пришло, чему помогла его любовь, столь же горячая, как ее, и куда менее стесненная утонченностью или неуверенностью в себе. Фанни была самой большой его любовью, и для него, более сильного духом и отважного, выражать свою любовь было столь же естественно, как любить. На другой день они с истинной радостью гуляли вдвоем, и день за днем они были почти неразлучны, что с удовольствием заметил сэр Томас еще до того, как на это обратил его внимание Эдмунд.

Если не считать тех мгновений особенного восторга, какой дали ей в последние месяцы малейшие естественные или нежданные знаки Эдмундова внимания, никогда еще

Джон Плэмпин.
С картины Т. Гейнсборо, ок. 1755 г.

Фанни не испытывала такого блаженства, как в этих беспрепятственных, равных, свободных от каких либо опасений отношениях с братом и другом, который изливал ей душу, поверял свои надежды и страхи, планы и тревожения касательно долгожданного, дорогой ценой заработанного и недаром ценимого блага — продвижения по службе; который из первых рук мог сообщить ей каждую малость об отце и матери, о братьях и сестрах, о ком она слышала так редко; которому интересно было узнать обо всех удобствах и обо всех мелких затруднениях ее жизни в Мэнсфилде; который готов был видеть каждого здешнего домохозяина таким, каким представляла его она, лишь об тетушке Норрис он отзывался с меньшей щепетильностью, **чем** сестра, и громче ее бранил; и с которым (это, пожалуй, самая драгоценная милость из всех) можно было перебирать все дурное и хорошее, что было в их детстве, с величайшей нежностью вспоминать общую боль и радость. Преимущество это — споспешник любви, в которой даже супружеские узы уступают братским. Дети из одной семьи,

одной крови, с одними и теми же первыми воспоминаниями и привычками, обладают такими причинами для радости, каких не дают никакие последующие отношения; и лишь при долгой, противоестественной разлуке, при разрыве, которого не могут оправдать никакие последующие отношения, не сохраняются остатки этой ранней привязанности. Бывает это, увы! слишком часто. Братская любовь, в иных случаях столь всеобъемлющая, в других хуже, чем ничто. Но у брата и сестры Прайс чувство это было еще в расцвете, свежее, не раненное противоположностью интересов, не охлажденное никакою новой привязанностью, и время и жизнь врозь его лишь укрепили.

Столь трогательная любовь возвышала их обоих в глазах каждого, у кого было сердце, способное оценить все доброе и хорошее. На Генри Крофорда это произвело не меньшее впечатление, чем на прочих. Он чтит участливую, откровенную нежность молодого моряка и даже сказал ему, протянув руку в сторону Фанниной головки: «Знаете, мне уже начинает нравиться эта причудливая мода, хотя, когда я впервые услышал, что в Англии она в ходу, я не мог этому поверить, и, когда миссис Браун и прочие дамы появились в такой прическе на приеме у Верховного комиссара в Гибралтаре, я подумал, что они сошли с ума, но Фанни способна примирить меня с чем угодно»; и с живым восхищением Крофорд замечал, как она заливается румянцем, как блестят у ней глаза, как она захвачена, с каким глубоким интересом слушает брата, пока тот описывает любой из неизбежных в плавании опасных случаев, любую страшную картину, которых за столько времени, проведенного в море, у него набралось немало.

Генри Крофорду хватало душевного вкуса, чтоб оценить то, что он видел, и Фанни стала для него еще привлекательней, вдвойне привлекательней оттого, что чувствительность, окрасившая и озарившая ее лицо, была и сама по себе привлекательна. Он уже более не сомневался в щедрости ее сердца. Она способна на чувство, на подлинное чувство. Быть любимым такой девушкой, возбудить первый пыл в ее чистой, юной душе — это было бы замечательно! Она заинтересовала его более, чем он предвидел. Двух недель ему оказалось не довольно. Он остался на неопределенное время.

Сэр Томас часто побуждал Уильяма рассказывать. Рассказы племянника были сами по себе занимательны, но всего более дядюшка хотел понять рассказчика, узнать молодого человека по его рассказам; и с глубоким удовлетворением слушал ясные, простые, живые подробности, видя

в них доказательство честных правил, осведомленности в своем деле, энергии, мужества и бодрости — всего, что достойно успеха и служит верным его залогом. Совсем еще молодой, Уильям уже очень многое успел повидать. Он плывал в Средиземном море, у островов Вест Индии, опять в Средиземном море, благодаря расположению капитана часто сходил с ним на берег и за семь лет успел испытать все опасности, какие порождают совместно море и война. Обладая такими возможностями, он имел право, чтоб его слушали; и хотя посреди его рассказа о кораблекрушении или о схватке с неприятелем тетушка Норрис порой вдруг принималась суетливо сновать по комнате в поисках ниток или какойнибудь завалящей пуговицы для сорочки, все остальные, несмотря на помеху, внимательно слушали; и даже леди Бертрам эти ужасы не оставляли равнодушной, и, случалось, она поднимала глаза от своего рукоделья и говорила: «Боже мой! Как неприятно. И как же это людям охота отправляться в плаванье».

С иным чувством слушал рассказы Уильяма Генри Крофорд. Вот бы ему тоже побывать в море и столько же увидеть, совершить, перестрадать. Сердце его разгорячилось, воображение разыгралось, и юноша, который, не достигши и двадцати лет, прошел чрез такие телесные тяготы и душевные испытания, вызывал у него величайшее уважение. Перед сияньем героизма, деятельности, неутомимости, выносливости его себялюбивая привычка потворствовать своим слабостям выглядела постыдно и жалко; и, недовольный собою, он желал бы оказаться неким Уильямом Прайсом и, обладая таким же чувством собственного достоинства и счастливым рвением, отличиться, собственным трудом достичь богатства и положения.

Желанье это было скорее нетерпеливым, чем стойким. От раздумий о прошлом и вызванных ими сожалений Крофорда пробудил вопрос Эдмунда о планах на завтрашнюю охоту, и он нашел, что несколько не хуже быть богатым с самого начала жизни и иметь в своем распоряжении лошадей и конюхов. В одном отношении это даже лучше, ибо позволяет, если возникнет такое желание, оказать комунибудь услугу. При свойственном Уильяму задоре, храбрости и любознательности, он не прочь был поохотиться, и Крофорд без малейшего для себя неудобства мог предоставить в его распоряжение верховую лошадь, надобно было лишь преодолеть колебания сэра Томаса, который лучше племянника знал цену подобному одолжению, да развеять опасения Фанни. Она боялась за Уильяма; и сколь

ко бы он ни рассказывал, как часто ездил верхом в разных странах, как вместе с другими верхом поднимался в горы, какие доставались ему необъезженные лошади и мулы и как он ухитрялся избегать страшных падений, ничто ее не убеждало, что он сумеет справиться с породистым гунтером во время охоты на лисицу; и так же, пока Уильям не вернулся здоровый и невредимый, избежав несчастного случая и позора, не могла она примириться с риском или испытать толику благодарности к Крофорду, на которую он с полным правом рассчитывал, за то, что одолжил ее брату лошадь. Однако ж, когда оказалось, что Уильяму это не причинило никакого вреда, Фанни признала это любезностью и в ту минуту, когда лошадь опять была предложена брату, даже наградила владельца улыбкою; а в следующую минуту с величайшей сердечностью, да так, что отказаться было невозможно, Крофорд передал лошадь в распоряжение Уильяма на все то время, пока тот пробудет в Нортгемптоншире.

ГЛАВА 7

эту пору два семейства встречались почти так же часто, как осенью, на что ни один из членов прежнего общества не смел и надеяться. Во многом этому способствовало возвращение Генри Крофорда и приезд Уильяма Прайса, но во многом тому была причиною терпимость, с какою сэр Томас принимал усилия пастора поддерживать добрососедские отношения. Не обремененный более заботами, которые вначале не давали ему покою, теперь, когда душа его была свободна, он согласился, что Гранты и их молодежь и вправду заслуживают того, чтоб у них бывать; и хотя у него и в мыслях не было строить планы или замышлять суливший выгоды брак для кого либо из дорогой его сердцу молодежи, к которому могли привести эти постоянные встречи, и презирал подобную предусмотрительность, почитая ее унижительной, он не мог не замечать, правда, лишь в общем, не придавая этому значения, что мистер Крофорд особо отличает его племянницу, не мог, вероятно (но не отдавал себе в том отчета), и удержаться от того, чтоб тем охотнее отвечать согласием на приглашения Грантов.

Однако, когда после многих споров и многих сомнений — «Ведь сэр Томас, кажется, к нам не расположен,

а леди Бертрам так тяжела на подъем!» — Гранты наконец отважились на такое приглашение, готовность, с какою сэр Томас согласился отобедать в пасторате вместе со всей семьею, была вызвана только воспитанностью и доброжелательностью и не имела касательства к мистеру Кроффорду, который в его глазах был всего лишь одним из членов этой милой семьи, и только во время этого визита ему впервые пришло в голову, что кто либо из тех, кто склонен к подобного рода праздным наблюдениям, пожалуй, счел бы Кроффорда поклонником Фанни Прайс.

По ощущенью всех присутствовавших встреча оказалась весьма прятная; собралось как раз столько, сколько надобно, любителей поговорить и любителей послушать, а что до самого обеда, он, как всегда у Грантов, был изыскан и обилен, совершенно таков, к каким все привыкли, и потому ни у кого, кроме тетушки Норрис, не вызвал никаких чувств, она же не могла спокойно видеть множество кушаний, которыми был уставлен огромный стол, поминутно ждала какогонибудь подвоха от слуг, проходящих у ней за спиною, и вынесла некое весьма свежее убеждение, что при таком множестве блюд какоенибудь уж непременно остынет.

Как заранее предполагали миссис Грант и ее сестра, вечером, когда составила партия в вист, осталось достаточно народу для какойнибудь карточной игры, где каждый играет за себя, и, как всегда в подобных случаях, все с готовностью согласилось, поскольку иного выбора у них не было. Недолго думая, решили играть в «спекуляцию»; и леди Бертрам скоро оказалась в тяжелейшем положении, поскольку ей предложили самой выбрать, во что она хочет играть, предпочтет ли вист или нет. Она заколебалась. По счастью, рядом был сэр Томас.

— Чем мне заняться, сэр Томас? Вистом или «спекуляцией» — что меня более развлечет?

На миг задумавшись, сэр Томас присоветовал «спекуляцию». Сам он собирался играть в вист и, должно быть, почувствовал, что, имея ее партнером, не очень и развлечется.

— Прекрасно, — ответила ее светлость, очень довольная. — Тогда, пожалуйста, «спекуляция», миссис Грант. Я совсем ее не знаю, но Фанни меня научит.

Тут, однако ж, вмешалась Фанни, с тревогой объявив о своем полном неведении: она в жизни не играла в эту игру и не видела, как в нее играют; и леди Бертрам опять было заколебалась, но все принялись ее уверять, что нет ничего проще, что это самая простая карточная игра, а Генри Кроффорд самым серьезным образом стал просить у ней

позволения сесть между ее светлостью и мисс Прайс и учить их обеих, и тогда все образовалось; сэр Томас, миссис Норрис, доктор и миссис Грант — само превосходство ума и чувство собственного достоинства — сели за один стол, а оставшихся шестерых мисс Крофорд рассадил за другим. Генри Крофорд, к его удовольствию, был посажен подле Фанни и оказался занят по горло, поскольку должен был распоряжаться картами двух игроков, как, разумеется, и своими собственными, ибо, хотя Фанни в первые же три минуты отлично овладела правилами игры, ему надо было еще ободрять ее, разжигать в ней жадность, ожесточать сердце, что было нелегко, в особенности же когда ей предстояло играть против Уильяма; а что до леди Бертрам, ему пришлось весь вечер быть в ответе за ее репутацию и удачу; в самом начале игры он успел помешать ей заглянуть в ее карты, и уже до самого конца ему пришлось каждый раз подсказывать ей, что с ними делать.

Он был отменно настроен, действовал со счастливой легкостью и превосходил всех прочих живостью, находчивостью и игровой дерзостью, что делало честь игре; и круглый стол был весьма отраден своим несходством с чопорной сдержанностью и степенной молчаливостью игроков в вист.

Дважды сэр Томас справлялся, довольна ли и успешно ли играет его благодетельная, но тщетно: никакой паузы не могло хватить для его обстоятельной манеры разговора; и об успехах леди Бертрам мало что было известно до тех пор, пока после окончания первого роббера миссис Грант не подошла к ней и не поинтересовалась.

— Надеюсь, ваша милость довольна игрою.

— О да, конечно! Право, очень интересно. Престранная игра. Я так и не знаю, в чем она состоит. Я только не должна заглядывать в свои карты, а все остальное делает мистер Крофорд.

— Бертрам, — сказал Крофорд немного погодя, улучив минуту затишья в игре. — Я вам еще не рассказывал, что со мной произошло вчера, когда я возвращался домой. — Накануне они вместе охотились, и в разгар гона, на изрядном расстоянии от Мэнсфилда, когда оказалось, что его лошадь потеряла подкову, Генри Крофорд был вынужден прервать охоту и постараться доехать до дому. — Я вам говорил, что, проехав старую крестьянскую усадьбу, где растут тисы, я заблудился, а все оттого, что терпеть не могу спрашивать дорогу; но я вам не говорил, что мне, по обыкновению, повезло, — со мною всегда так: стоит мне в чем то промахнуться, и промах непременно обернется выигрышем, — ехал я, ехал,

и приехал как раз туда, где мне давно любопытно было побывать. Поворотил я за край бугристого поля и очутился посреди уединенной деревушки; вокруг пологие холмы, путь мне преграждает узкий ручей, который надобно перейти вброд, справа, на эдаком пригорке, стоит церковь, для подобного места поразительно большая и внушительная, и никакого дома вроде господского, только вблизи того пригорка с церковью виднеется один — скорее всего пасторат. Короче говоря, я оказался в Торнтон Лейси.

— Похоже на то, — сказал Эдмунд. — Но в какую сторону вы поворотили, когда миновали усадьбу Сиуэла?

— Никогда не отвечаю на такие коварные неуместные вопросы, но, даже если б я и стал отвечать на все, о чем вы могли бы спрашивать добрый час, все равно вы б мне не доказали, что это не Торнтон Лейси, потому что это был именно Торнтон Лейси.

— Значит, вы кого то спросили?

— Нет, я никогда не спрашиваю. Но я сказал какому то человеку, который чинил живую изгородь, что это Торнтон Лейси, и он согласился.

— У вас хорошая память. Я и забыл, что так много рассказывал вам об том месте.

В Торнтон Лейси ему предстояло вскорости поселиться, как было отлично известно мисс Крофорд; и она тем усиленной заинтересовалась покупкою валета Уильяма Прайса.

— И как же вам понравилось то, что вы увидели? — продолжал Эдмунд.

— Очень даже понравилось. Счастливчик вы. Там хватит работы на пять лет, до того, как он станет пригоден для жилья.

— Нет нет, все совсем не так плохо. Скотный двор необходимо перенести, согласен. Но больше, по моему, ничего не надобно. Дом совсем неплохой, и, когда скотный двор не будет его загораживать, к нему откроется вполне приемлемый подъезд.

— Скотный двор надобно убрать и на его месте насадить деревья, чтоб не видна была кузница. Фасад дома следует повернуть с севера на восток, чтобы главный вход и основные комнаты обращены были на восток, где вид и вправду прелестный. Это, без сомнения, можно сделать. Вот с той стороны и должен быть подъезд, через теперешний сад. А на теперешних задах дома надобно насадить новый сад — он будет очень красив, будет полого спускаться на юго восток. Склон этот как будто нарочно для того и предназначен. Я проехал пятьдесят ярдов по аллее от церкви

к дому, хотел все получше рассмотреть, и представил, как это можно переустроить. Нет ничего проще. Луга за будущим садом и за теперешним, что тянутся вдоль аллеи, на которой я стоял, и, изгибаясь, поворачивают к главной дороге, идущей через деревню, их все, конечно же, надобно объединить; луга прелестные, красиво перемежаются купами деревьев. Они, верно, принадлежат приходу. А если нет, вам следует их приобрести. Теперь о ручье — что то с ним надобно делать, но что, я пока не решил. Есть у меня две три идеи.

— Есть и у меня две три идеи,— сказал Эдмунд.— И одна из них, что лишь очень немногое из того, что вы предложили касательно Торнтон Лейси, претворится в жизнь. Мне следует удовлетворяться куда меньшей красотой и украшением. Я думаю, дом и прилегающие к нему земли можно сделать удобными и придать им вид жилища джентльмена без особых затрат, и этого должно быть довольно; и, я надеюсь, этого будет довольно всем тем, кому я дорог.

Тон Эдмунда и мимолетный взгляд, брошенный на мисс Крофорд, когда он выразил эту надежду, вызвал у ней подозрение и досаду, и она поспешно закончила сдавать Уильяму Прайсу и, за чрезмерно дорогую цену оставив себя в вальсе, воскликнула:

— Вот, ставлю на карту последнее, как и положено решительной женщине. Холодная рассудительность не для меня. Я не из тех, кто сидит сложа руки. Если я проиграю игру, так не оттого, что не боролась за победу.

Она выиграла, но заплатила за победу слишком дорого. Вновь начали сдавать карты, и Крофорд опять заговорил о Торнтон Лейси.

— Мой план, возможно, не самый лучший. У меня не достало времени. Но сделать там надобно немало. Торнтон Лейси того заслуживает, и, если вы сделаете много меньше того, что можно было бы там сделать, вы будете не удовлетворены. (Простите, ваша милость, вам не следует заглядывать в карты. Вот так, пусть просто лежат перед вами.) Дом того заслуживает, Бертрам. Вы говорите, ему надобно придать вид усадьбы джентльмена. Этого можно достичь, избавившись от скотного двора, потому что, если б не эта чудовищная помеха, я в жизни не видел, чтоб от подобного дома исходило бы такое благородство, чтоб он так выгодно отличался от обыкновенного пастората, от жилища людей с доходом в несколько сотен в год. Не какие нибудь отдельные комнатухи с низкими потолками, где крыш столько ж, сколько окошек,— не стиснутый по плебейски квадратный арендаторский дом, нет, это дом просторный, он весь со

ставляет единое целое, видом своим напоминает особняк, жилище почтенного семейства, которое живет в нем из поколения в поколение, по крайней мере, лет двести и сейчас располагает двумя тремя тысячами в год.— Мисс Крофорд слушала, а Эдмунд согласно кивнул.— И потому, что там ни делай, он все равно будет выглядеть жилищем джентльмена. Но он может стать значительно, лучше. (Дай ка я взгляну, Мэри. Леди Бертрам дает дюжину за эту королеву. Нет нет, дюжины она не стоит. Леди Бертрам не дает дюжину. Ей нечем будет ответить. Продолжайте, продолжайте.) Усовершенствованиями, которые я предложил, его можно еще более облагородить (я вовсе не настаиваю, чтоб вы следовали моему плану, хотя, между прочим, сомневаюсь, что ктонибудь придумает лучший). Его можно превратить в настоящий загородный дом. Благодаря разумным усовершенствованиям он из жилища джентльмена станет жилищем человека образованного, современного, со вкусом, с хорошим знакомством. Все это может отпечататься на нем; и дом приобретет такой вид, что каждый проезжий станет почитать его хозяина крупным землевладельцем, тем более что нет поблизости настоящей дворянской усадьбы, которая могла бы с ним соперничать; обстоятельство, которое, между нами говоря, делает тем драгоценней такое местоположение с точки зрения привилегий и независимости. Вы то, надеюсь, согласны,— сказал он мягче, поворачясь к Фанни.— Вы там были?

Фанни ответила коротким «нет» и попыталась прикрыть свой интерес к сему предмету пристальным вниманием, с которым стала следить за братом, а он изо всех сил старался навязать ей невыгодную сделку, провести ее, но Крофорд продолжал:

— Нет нет, вам не следует расставаться с королевой. Вы дали за нее слишком большую цену, а ваш брат предлагает вам меньше половины. Нет нет, сэр, руки прочь, руки прочь, ваша сестра не отдает королеву. Она уже решила. Вы выиграете,— продолжал он, снова поворачясь к Фанни,— без сомнения, выиграете.

— А Фанни предпочла бы, чтоб выиграл Уильям,— сказал Эдмунд, улынувшись ей.— Бедная Фанни! Ей не дали сплутовать не в свою пользу, а ей так хотелось!

— Мистер Бертрам,— сказала мисс Крофорд несколько минут спустя,— Генри такой превосходный советчик по части усовершенствований, что, если вы станете затевать чтонибудь такое в Торнтон-Лейси, вам без его помощи не обойтись. Только подумать, как он оказался полезен в Созертоне!

Только подумать, какие там затеяли огромные перемены благодаря тому, что он поехал с нами туда однажды жарким августовским днем, чтоб осмотреть парк,— только вспомнить, как заиграл всеми красками его талант. Мы съездили туда и воротились домой, а уж что там было придумано, никакими словами не передать!

Взгляд Фанни, печальный, даже укоризненный, на миг обратился на Крофорда, но, встретясь с ним взглядом, она тотчас отвела глаза. Что то поняв, он посмотрел на сестру, покачал головою и со смехом ответил:

— Не так уж и много в Созертоне было придумано, но день был такой жаркий, и мы все ходили в поисках друг друга, сбитые с толку.— Как только он смог укрыться за общим говором, он прибавил тихонько, обращаясь к одной только Фанни: — Мне было б жаль, если б вы судили о моих способностях строить планы по тому дню в Созертоне. Сейчас я все вижу по иному. Не думайте, будто я такой, каким представился вам тогда.

Тетушка Норрис услышала слово «Созертон» в минуту счастливого отдыха после решающей взятки, которая ей досталась благодаря их с сэром Томасом искусной игре против козырей, находящихся на руках у доктора и миссис Грант, и, весьма тем обрадованная, воскликнула:

— Созертон! Да, вот это усадьба так усадьба, чудо что за день мы там провели. Тебе очень не повезло, Уильям, но, когда приедешь в следующий раз, я надеюсь, дорогие наши мистер и миссис Рашуот будут дома и, уж будь уверен, оба примут тебя как нельзя любезней. Твои кухни не из тех, кто забывает родных, а мистер Рашуот такой душенька. Они ведь сейчас в Брайтоне, живут в самом наилучшем доме, как оно и следует при богатстве мистера Рашуота. Не знаю в точности, каково там расстояние, а только когда поедешь назад в Портсмут, ежели это не очень уж далеко, надобно тебе засвидетельствовать им свое почтение. И я тогда передам с тобою посылочку, которую хотела б переправить твоим кузинам.

— Я бы с превеликим удовольствием, тетушка, но Брайтон чуть не у мыса Бичи Хед, и, если б я даже мог сделать такой крюк, где мне надеяться, что в таком роскошном месте будут рады захудалому, бедному гардемарину вроде меня.

Тетушка Норрис принялась было горячо его заверять, что он может рассчитывать на приветливость Рашуотов, но ее остановил сэр Томас.

— Не советую тебе ехать в Брайтон, Уильям,— веско произнес он.— Я полагаю, в скором времени тебе предста

вится более удобный случай встретиться с ними, но мои дочери всегда и везде были бы рады своим кузенам. И ты увидишь, что мистер Рашуот самым искренним образом расположен относиться ко всем нашим родным, как к своим собственным.

— Лучше б ему быть личным секретарем первого лорда Адмиралтейства, — только и ответил на это Уильям, да и то вполголоса, чтоб это не достигло ничьих ушей, и на том разговор окончился.

Пока что сэр Томас не заметил в поведении мистера Крофорда ничего такого, что бы его заинтересовало; но, когда после второго роббера партия в вист была окончена и, оставив мистера Гранта и миссис Норрис за обсуждением последней игры, он стал наблюдать за другим столом, он увидел, что его племянница пользуется благосклонностью и к ней обращены даже некие знаки особого внимания.

Генри Крофорд был увлечен своим новым планом преобразования Торнтон Лейси и, так как Эдмунд его не слушал, с весьма серьезным видом подробно излагал этот план своей милой соседке. Он задумал зимою снять этот дом, дабы иметь здесь по соседству свое жилище, и не для того только, чтоб располагаться в нем во время охотничьего сезона (как объяснил он ей в ту минуту), хотя и по этим соображениям тоже, поскольку, несмотря на всю любезность доктора Гранта, он чувствует, что, поставив в докторову конюшню своих лошадей, конечно же, обременяет хозяина; но его приверженность к здешним краям не ограничивается развлечением, одним сезоном в году: он всем сердцем желает обрести здесь приют, в любое время располагать небольшой усадьбой, где можно было бы проводить все свободное время, чтоб продолжать, углублять, всемерно совершенствовать ту дружбу и близость с обитателями Мэнсфилд парка, которая с каждым днем становится ему все дороже. Сэр Томас слушал и не находил в словах молодого человека ничего обидного. В них не было недостатка в уважении; и Фанни слушала его так благонравно, скромно, спокойно, безо всякой игривости, что ее не в чем было упрекнуть. Она говорила мало, лишь время от времени соглашалась с Крофордом, и ничем не показывала, будто склонна отнести хотя бы часть его похвал на свой счет, никак не укрепляла его в намерении обосноваться в Нортгемптоншире. Увидев, что за ним наблюдает, Генри адресовался с тем же к сэру Томасу тоном не столь приподнятым, но по прежнему исполненным чувства.

— Хочу заделаться вашим соседом, сэр Томас, вы,

должно быть, слышали, как я говорил об этом мисс Прайс. Могу я рассчитывать на ваше согласие и на то, что вы не станете отговаривать вашего сына от такого арендатора?

Учтиво кивнув, сэр Томас отвечал:

— Это единственное качество, сэр, в каком я не желал бы видеть вас своим постоянным соседом. Но я надеюсь и верю, что Эдмунд сам поселится в своем доме в Торнтон Лейси. Эдмунд, я не слишком много на себя беру?

Только при этом обращении отца Эдмунд впервые услышал, о чем идет речь, но, поняв вопрос, не растерялся:

— Разумеется, сэр, я непременно там поселюсь, другого у меня и в мыслях не было. Но хотя я отказываю вам как арендатору, Крофорд, приезжайте ко мне как друг. Каждую зиму считайте дом наполовину своим, и мы увеличим конюшни по вашему новому проекту, со всеми новшествами вашего проекта, какие придут вам в голову нынешней весной.

— Мы окажемся в проигрыше,— продолжал сэр Томас.— Его отъезд, хотя и всего за восемь миль, нанесет непоправимый урон нашему семейному кружку, но я был бы глубоко огорчен, если б мой сын мог примириться на меньшем. Вполне естественно, что вы не задумались об этом всерьез, мистер Крофорд. У прихода существуют нужды и потребности, которые могут стать известны лишь пастырю, живущему там постоянно, и никакое доверенное лицо не в силах удовлетворить их в той мере, как он сам. Эдмунд мог бы, так сказать, исполнять свой долг перед Торнтоном, то есть читать молитвы и проповеди, не покидая Мэнсфилд парк; он мог бы ездить туда верхом по воскресеньям, в дом будто бы обитаемый, и отправлять богослужение, он мог бы быть торнтонским священником каждый седьмой день три четыре часа, если б это его удовлетворило. Но не удовлетворяет его это. Он знает, что человеческой натуре недостаточно того урока, который она получит во время воскресной службы, и что, если он не живет среди своих прихожан и постоянным вниманием не проявляет себя их доброжелателем и другом, он делает слишком мало и для них и для себя.

Крофорд кивком выразил свое согласие.

— Повторю снова,— прибавил сэр Томас,— я был бы счастлив видеть мистера Крофорда живущим в любом доме в нашем краю, только не в Торнтон Лейси.

Мистер Крофорд поклонился в знак признательности.

— Сэр Томас, без сомнения, понимает обязанности приходского священника,— сказал Эдмунд.— Будем надеяться, что его сын сумеет доказать, что и ему они известны.

Как бы ни подействовала в самом деле маленькая речь

сэра Томаса на мистера Крофорда, она привела в замешательство двух самых внимательных его слушательниц — мисс Крофорд и Фанни. Одна из них, до сих пор не зная, что Торнтон Лейси так скоро и так бесповоротно станет для Эдмунда домом, опустив глаза, задумалась о том, каково будет не видеть его всякий день; а другая пробудилась от приятных фантазий, которыми до того тешила себя, представляя картину будущего Торнтона, убедительно нарисованную братом, и уже не могла долее закрывать глаза на церковь и священника и видеть лишь достойную, изящную, перестроенную на современный лад усадьбу обеспеченного человека, куда он порою наезжает, — и потому вспыхнула к сэру Томасу доподлинной неприязнью, почитая его разрушителем сей картины, и страдая всего более оттого, что его характер и поведение обязывали поневоле к сдержанности, да еще оттого, что не могла она позволить себе высмеять все это и тем дать выход своему разочарованию.

Всем ее приятным размышлениям пришел конец. Раз настал час поучений, пора кончать с картами, и она рада была, что ей вздумалось и удалось переменить место и соседа, чтоб воспрянуть духом.

Самые солидные особы собравшегося нынче общества в беспорядке расположились у камина в предвидении близкого расставанья. Уильям и Фанни оказались поодаль от всех. Они только вдвоем остались за опустевшим карточным столом и мирно разговаривали, не думая обо всех прочих, пока кое кто из прочих не подумал о них. Первым подошел к ним свой стул Генри Крофорд и несколько минут молча наблюдал за ними, а за ним самим тем временем наблюдал сэра Томаса, который стоя беседовал с доктором Грантом.

— Сегодня у нас бал, — сказал Уильям. — Будь я в Портсмуте, я б, наверно, пошел.

— Но ты не жалеешь, что ты не в Портсмуте, Уильям?

— Нет, Фанни, нисколько. Мне еще хватит и Портсмута и танцев, когда я не смогу быть с тобою. Да и что за радость идти на бал, ведь у меня скорей всего не будет дамы. Портсмутские барышни воротят нос ото всех, кто еще не произведен в офицеры. В их глазах гардемарин ничто. Он и вправду ничто. Помнишь барышень Грегори, они стали на редкость хорошенькие, но меня едва замечают, потому что за Люси, видите ли, ухаживает лейтенант.

— Стыд и срам! Но не огорчайся, Уильям. (А у самой от возмущения на щеках вспыхнул румянец.) Тут нечего огорчаться. Ведь дело не в тебе, так или иначе в свое время через это прошли все величайшие адмиралы. Помни об этом, по

старайся утвердиться в мысли, что это одна из тягот, какие выпадают на долю каждого моряка, вроде плохой погоды и жизни, полной трудностей и лишений, только с тем преимуществом, что этому придет конец и наступит время, когда ничего такого тебе уже сносить не придется. Едва ты станешь лейтенантом!.. Только подумай, Уильям, едва ты станешь лейтенантом, тебе и дела не будет до такого вздора.

— Мне уже начинает казаться, Фанни, что я никогда не стану лейтенантом. Всех, кроме меня, производят в офицеры.

— Уильям, дорогой, не надо так, не падай духом. Дядюшка ничего не говорит, но он, без сомненья, сделает все, что в его силах, чтоб тебя произвели в офицеры. Он знает не хуже тебя, как это важно.

Она замолчала, вдруг увидев, что дядюшка куда ближе к ним, чем ей казалось, и каждый счел необходимым перевести разговор на другое.

— А ты любишь танцевать, Фанни?

— Да, очень... только я быстро устаю.

— Хотел бы я пойти с тобою на бал и поглядеть, как ты танцуешь. А у вас в Нортгемптоне балов не бывает? Хотел бы я поглядеть, как ты танцуешь, хотел бы потанцевать с тобою, если ты не против, ведь здесь никому не известно, кто я, а мне хотелось бы еще раз оказаться твоим партнером. Прежде мы ведь часто с тобой плясали, верно? Когда на улице играла шарманка? Я на свой лад неплохой танцор, но, надо думать, ты лучше меня.— И, повернувшись к дядюшке, который теперь стоял совсем рядом, Уильям прибавил: — Не правда ли, сэр, Фанни отлично танцует?

В смятении от такого неслыханного вопроса, Фанни не знала, куда и смотреть, как перенести ответ, который сейчас последует. Серьезнейший упрек или по меньшей мере весьма холодное безразличие, какого она ждала, огорчат брата, а сама она сторит от стыда. Но, напротив, в словах дядюшки не было ничего похожего:

— К сожалению, я не могу ответить на твой вопрос. С тех пор, когда Фанни была малым ребенком, я не видел, чтоб она танцевала. Но, я думаю, нам обоим можно не сомневаться, что, когда мы все таки увидим это, а я полагаю, нам вскорости представится такой случай, она, как и подобает девушке нашего круга, не ударит в грязь лицом.

— Я имел удовольствие видеть, как ваша сестра танцует, мистер Прайс,— сказал Генри Крофорд, наклонясь вперед,— и готов ответить на все ваши вопросы по этому поводу к полнейшему вашему удовольствию. Но мне кажется,—

он заметил, что Фанни огорчена, — лучше сделать это какнибудь в другой раз. Одному из присутствующих неприятно, когда говорят о мисс Прайс.

Он и вправду однажды видел, как Фанни танцует, и сейчас непременно ответил бы, что танцевала она легко и плавно, со спокойным изяществом и в согласии с музыкой, однако ж в действительности ни за что бы не вспомнил, как она танцевала, и скорее считал само собой разумеющимся, что она там была, чем удержал в памяти хоть что то касающееся до нее.

Однако же его сочли поклонником ее искусства танцевать; а сэр Томас, вполне довольный таким мнением, продолжал беседу о танцах вообще, увлекся описанием балов на Антигуа и рассказами племянника о разных танцах, какие ему довелось увидеть, и даже не услышал, как объявили, что его экипаж подан, и догадался об том лишь по суете, которую подняла миссис Норрис.

— Едем, Фанни; Фанни, да что ж это ты? Мы уезжаем. Ты разве не видишь, что твоя тетушка уезжает? Да поторапливайся же. Терпеть не могу заставлять доброго старого Уилкокса ждать. Всегда надобно помнить про кучера и лошадей. Любезнейший сэр Томас, мы условились, что экипаж вернется за вами, за Эдмундом и Уильямом.

Сэру Томасу нечего было на это возразить, ведь он сам так распорядился, посоветовавшись прежде с женою и ее сестрой; но миссис Норрис, видно, забыла про то и вообразила, что это она обо всем позаботилась.

Последнее, что почувствовала Фанни во время этого визита, было разочарование, ибо ее шаль, которую Эдмунд собрался взять у слуги, чтоб накинуть ей на плечи, перехватила быстрая рука мистера Крофорда, и Фанни оказалась обязанной его более подчеркнутому вниманию.

ГЛАВА 8

елание Уильяма видеть Фанни танцующей запомнилось его дядюшке. Надежда на такую возможность, поданная тогда сэром Томасом, была подана не для того, чтоб о ней более не думать. Он по прежнему склонен был вознаградить столь привлекательное чувство, вознаградить и любого другого, кто желает видеть Фанни танцующей, и вообще доставить

удовольствие молодежи; и, обдумав это, сэр Томас в покое и без всяких помех принял решение, которое стало известно утром за завтраком, когда, помянув и похвалив вчерашние слова племянника, он прибавил:

— Не хотелось бы мне, Уильям, чтоб ты уехал из Нортгемптоншира, не получив такого удовольствия. Мне приятно было бы увидеть, как вы оба танцуете. Ты говорил о балах в Нортгемптоне. Твои кузины иной раз бывали на них, но теперь нам это совсем не подойдет. Для твоей тетушки это будет слишком утомительно. Я полагаю, нам нечего и думать об нортгемптонском бале. Было бы желательней устроить танцы у нас дома, и если...

— Ах, любезнейший сэр Томас,— прервала его тетушка Норрис,— я так и знала, к чему вы клоните. Так и знала, что вы скажете. Если б дорогая наша Джулия была дома или дражайшая миссис Рашуот — в Созертоне, у вас был бы случай соблазниться такой мыслью — устроить в Мэнсфилде танцы для молодежи. Уж в этом я не сомневаюсь. Вот кто бы украсил бал, и, окажись они дома, был бы у нас на рождестве бал. Поблагодари дядюшку, Уильям, поблагодари дядюшку.

— Моим дочерям хватает удовольствий в Брайтоне,— веско произнес сэр Томас.— И, надеюсь, они счастливы. А бал, который я намерен дать в Мэнсфилде,— будет для их кузины и кузена. Если б мы могли собраться все вместе, наша радость, без сомненья, была бы полней, но отсутствие одних не должно лишать удовольствия других.

Тетушке Норрис нечего было на это возразить. По лицу сэра Томаса она поняла, что он исполнен решимости, и пришлось ей умолкнуть, пока она не одолела удивление и досаду. В такое время устраивать бал! В отсутствие дочерей! и даже не посоветовавшись с нею! Скоро, однако, она нашла чем утешиться. Все заботы она возьмет на себя; леди Бертрам, конечно же, должна быть избавлена ото всех усилий и хлопот, и все выпадет на ее долю. На балу она будет исполнять обязанности хозяйки; эта мысль тотчас вернула ей хорошее настроение, так что она смогла присоединиться к остальным еще до того, как они высказали всю свою радость и благодарность.

В предвкушении обещанного бала Эдмунд, Уильям и Фанни, каждый на свой лад, так обрадовались, так радостно благодарили сэра Томаса, что большего он и желать не мог. Эдмунд радовался за Фанни и Уильяма. Никогда еще ни одна любезность отца, ни одно доброе дело не доставляли ему такого удовлетворения.

Леди Бертрам, безмятежно спокойная и всем довольная, не имела никаких возражений. Сэр Томас постарался никак ее не взволновать, и она заверила его, «что нисколько не боится никаких волнений, потому что откуда ж им взяться».

Тетушка Норрис уже рассудила, какие комнаты посоветовать сэру Томасу как более всего подходящие для этого события, но оказалось, у него все уже предусмотрено; и когда она порешила и намекнула ему, в какой день быть балу, то убедилась, что он уже и день назначил. Он все основательно продумал, и, как только она будет готова терпеливо его выслушать, он прочтет ей список семейств, которые намерен пригласить, и, неизбежно принимая в расчет, что предупреждены все будут так незадолго, все же надеется собрать довольно молодежи, чтоб составилось двенадцать—четырнадцать пар; и может также разъяснить, по каким соображениям он полагает именно двадцать второе число самым подходящим днем. Уильяму требуется быть в Портсмуте двадцать четвертого, таким образом, двадцать второе будет его последним днем в Мэнсфилд парке; но, раз впереди так мало времени, назначать более ранний день было бы неразумно. Тетушке Норрис пришлось удовольствоваться тем, что она совершенно с этим согласна и сама тоже готова была предложить как раз двадцать второе.

Итак, бал непременно будет, и еще до наступления вечера о нем было объявлено всем, до кого это касалось. Приглашения были отправлены с нарочным, и многие девицы, как и Фанни, отправились спать переполненные радостными заботами. А у Фанни в иные минуты заботы даже заслоняли радость, ибо, юная и неопытная, имея столь небольшой выбор и не доверяя собственному вкусу, она мучительно сомневалась, «как же следует одеться», а более всего огорчало ее единственное украшение, очень красивый янтарный крестик, который Уильям привез ей из Сицилии, потому что не было у ней для него никакой цепочки, только ленточка, и, хотя однажды она уже так его надевала, позволительно ли это на сей раз, когда все прочие девицы будут красоваться в роскошнейших драгоценностях? Однако ж и не надеть его нельзя! Уильям хотел купить к нему золотую цепочку, но это оказалось ему не по средствам, и оттого, не надев крестик, она жестоко его обидит. Вот что мучило Фанни и заглушало ее радость оттого, что предстоящий бал затеян более всего ради ее удовольствия.

Меж тем приготовления шли своим чередом, а леди Бертрам по прежнему сидела на диване, нимало ими не потревоженная. К ней несколько чаще обыкновенного обра

щалась домоправительница, и ее горничная торопилась приготовить ей новое платье. Сэр Томас отдавал распоряжения, а миссис Норрис суежилась, но хозяйку дома все это ничуть не волновало, и, как она и предвидела, «волноваться тут было решительно не из чего».

Эдмунд в эту пору был особенно озабочен; его мысли всецело поглощены были двумя надвигающимися событиями, которые должны будут определить его судьбу — посвящением в сан и супружеством, — событиями столь серьезными, что бал, за которым вскоре последует одно из них, для него вовсе не был исполнен такого значения, как для всех прочих домочадцев. Двадцать третьего он отправится к приятелю, живущему неподалеку от Питерборо, который находится в том же положении, что и он, и на рождественской неделе им предстоит посвящение в сан. Тем самым наполовину судьба его будет решена, но вот со второй половиной вряд ли все пройдет так гладко. Его обязанности будут определены, но жена, которой предстоит делить их с ним, воодушевлять и вознаграждать его, может еще оказаться недосыгаемой. Сам он знал, чего хочет, но не всегда был совершенно уверен, что знает, чего хочет мисс Крофорд. Кое в чем у них не доставало согласия, в иные минуты он сомневался, подлинно ли они созданы друг для друга, и, хотя вполне доверял ее чувству настолько, чтоб решиться (почти решиться) в самое ближайшее время осуществить задуманное — едва будут улажены все предстоящие ему разнообразные дела и станет ясно, что он может ей предложить, — им владела тревога, постоянные сомнения, каков то будет ее ответ. Порою он был глубоко убежден в ее расположении к нему; оглядываясь назад, он видел, что она давно уже поощряет его чувства и в своей бескорыстной привязанности так же совершенна, как и во всем прочем. Но в другое время надежды перемежались сомнениями и страхом, и, думая о том, что, по ее собственным словам, она не склонна к уединенной, затворнической жизни и предпочитает жизнь в Лондоне, чего он мог ждать, кроме решительного отказа? Разве что согласия, которое и вовсе невозможно принять, потому что оно потребовало бы от него слишком тяжелых жертв — покинуть эти края, изменить долгу и призванию ему не позволила бы совесть.

Все определялось ответом на один единственный вопрос. Настолько ли она его любит, чтоб пренебречь расхождениями, что были до сих пор для нее важны, довольно ли любит, чтоб они перестали быть для нее важны? И, хотя на этот вопрос, который он задавал себе вновь

и вновь, он по большей части отвечал «да», иной раз ответом было «нет».

Мисс Крофорд вскорости собиралась уехать из Мэнсфилда, и оттого в самое последнее время «да» и «нет» то и дело сменяли друг друга. Эдмунд видел, как сверкали у ней глаза, когда она говорила о письме любезной ее подруги, в котором та надолго приглашала ее в Лондон, и о доброте Генри, который, обязавшись оставаться здесь до января, сможет ее туда сопроводить; говорила об удовольствии такого путешествия с одушевлением, в котором Эдмунду уже слышалось «нет». Но то было в первый день, когда обо всем только что уговорились, в самый первый час, в пылу радости, когда ничего, кроме друзей, к которым она поедет, для нее не существовало. А с тех пор он слышал, как она говорит об этом по иному, с иными чувствами, с чувствами смешанными. Слышал, как она говорила сестре, что покидает ее с сожалением и уже понимает, что ни лондонские друзья, ни предстоящие удовольствия не стоят того, с чем она расстанется, и хотя она чувствует, поехать надобно, и знает, как ей будет там весело, она уже предвкушает, как опять вернется в Мэнсфилд. Не таилось ли во всем этом «да»?

Поглощенному такими размышлениями, устройством и приведением в порядок своих дел, недосуг было Эдмунду особенно задумываться о вечере, который все остальные домочадцы ждали с куда большим интересом. Если б не радость кухни и кузена, этот вечер был бы для него не дороже любой другой заранее назначенной встречи двух семейств. Каждая встреча несла надежду на новое подтверждение привязанности мисс Крофорд. Но вихрь бала, пожалуй, не слишком благоприятствует возбуждению и выражению серьезных чувств. Ангажировать ее загодя на два первых танца — только это счастье и было в его власти, таким лишь образом он и мог участвовать в приготовлениях к балу, которые с утра до ночи шли вокруг него.

В четверг будет бал, а в среду утром Фанни, все еще не в силах решить, что же ей надеть, надумала искать совета у лиц более просвещенных, обратиться к миссис Грант и ее сестре, чей признанный вкус избавит ее в дальнейшем от упреков; а так как Эдмунд и Уильям поехали в Нортгемптон и у ней были основания полагать, что мистера Крофорда тоже нет дома, она пошла в пасторат, почти уверенная, что у ней будет случай посоветоваться с ними наедине, а для Фанни, которую ее забота приводила в немалое смущение, это и было всего важнее.

Немного не доходя до пастората, она встретила мисс Крофорд, которая как раз шла к ней, и, хотя та, разумеется, из учтивости, предложила воротиться в дом, Фанни подумала, что ей, верно, жаль прерывать прогулку, и тотчас же объяснила, с чем шла, ведь если мисс Крофорд готова любезно дать ей совет, обо всем об этом можно с таким же успехом поговорить и не в доме. Мисс Крофорд была, похоже, польщена ее просьбою и, на миг задумавшись, стала куда сердечней прежнего уговаривать Фанни воротиться к ним и предложила пройти в ее комнату, где они смогут уютно поболтать и не побеспокоят доктора и миссис Грант, которые сейчас в гостиной. Фанни это пришлось по душе, и, горячо благодаря мисс Крофорд за готовность и любезное внимание, она прошла за нею в дом, поднялась по лестнице, и скоро они уже поглощены были обсуждением столь волнующего предмета. Мисс Крофорд, довольная, что к ней обратились, предоставила в распоряжение Фанни все свое понимание и вкус, и благодаря ее советам все сразу стало легко, а оттого что она старалась подбодрить Фанни, еще и приятно. Наряд во всех самых важных подробностях был определен.

— Но какое у вас будет ожерелье? — спросила мисс Крофорд. — Вы не собираетесь надеть крестик, подарок брата?

И говоря так, она разворачивала пакетик, который Фанни заметила у ней в руке, когда они встретились. Фанни поделилась с нею своими желаниями и сомнениями по сему поводу: она не знает, то ли надеть крестик, то ли воздержаться. В ответ мисс Крофорд поставила пред нею шкатулку для украшений и предложила выбрать какуюнибудь золотую цепочку или кольцо. Вот, оказывается, что было в пакете, вот, оказывается, для чего она шла к Фанни; и самым милым образом стала уговаривать Фанни взять какуюнибудь из них для крестика и сохранить на память и чего только при этом не говорила, чтоб преодолеть Фаннину щепетильность, из за которой та в первое мгновение в ужасе отшатнулась.

— Видите, сколько их у меня, — сказала она. — Я и половины не ношу и даже не вспоминаю про них. Я ведь не предлагаю вам новые, а всего лишь старые. И вы должны простить мою смелость и сделать мне одолжение.

Фанни все противилась, противилась всей душою. Подарок был чересчур дорогой. Но мисс Крофорд настаивала и убеждала, с такой ласковой серьезностью доказывая,

что Фанни должна согласиться и ради Уильяма и крестика, и ради бала, и ради нее, что в конце концов преуспела. Фанни почувствовала, что вынуждена подчиниться, не то ее обвинят в заносчивости, равнодушии или еще в какомнибудь низком свойстве; и, с застенчивой неохотой дав согласие, она принялась выбирать. Она смотрела и смотрела, пытаясь понять, какое из украшений самое недорогое, и наконец остановила свой выбор на одной цепочке, на которую, как ей показалось, чаще других обращали ее внимание. Она была золотая, прелестной работы, и хотя Фанни предпочла бы цепочку подлинней и попроще, что, по ее мнению, больше подошло бы для такого случая, она понадеялась, что выбрала ту, которой мисс Крофорд всего менее дорожит. Мисс Крофорд улыбкою выразила полнейшее одобрение и, чтоб завершить дело, поспешила надеть подарок на шею Фанни и показать, как славно это выглядит.

Спору нет, цепочка Фанни к лицу, и, не считая кое какой еще оставшейся неловкости, она была до крайности довольна приобретением, которое пришлось так кстати. Правда, она бы предпочла быть обязанной кому то другому. Но чувство это недостойное. Мисс Крофорд предупредила ее желание с добротой истинного друга.

— Всякий раз, как стану надевать эту цепочку, непременно буду о вас думать и чувствовать, как вы необыкновенно добры,— сказала она.

— Когда будете надевать эту цепочку, вы должны думать и еще о ком то,— отвечала мисс Крофорд.— Вы должны думать о Генри, прежде всего потому, что это был его выбор. Это он мне ее преподнес, и вместе с цепочкой я передаю вам обязанность помнить о первом дарителе. Пусть это будет семейная память. Вспоминая сестру, вы непременно вспомните и брата.

Безмерно удивленная и растерянная, Фанни готова была немедленно вернуть подарок. Взять то, что было преподнесено другим, да еще братом... Нет, невозможно!.. Так нельзя! И поспешно и смущенно, чем немало позабавила подругу, она положила цепочку на прежнее место, порешив либо взять чтонибудь другое, либо не брать ничего. Мисс Крофорд подумала, что в жизни не видела такой милой совестливости.

— Дорогое мое дитя,— со смехом сказала она,— чего вы испугались? По вашему, увидев, что это моя цепочка, Генри вообразит, будто вы заполучили ее нечестным путем? Или вам кажется, что он будет чересчур польщен,

увидав на вашей прелестной шейке украшение, которое приобретено на его деньги три года назад, еще до того, как он узнал, что есть на свете такая прелестная шейка? Или, быть может,—она лукаво поглядела на Фанни,—вы подозреваете, что мы сговорились, что я делаю этот подарок с его ведома и он сам этого хотел?

Вся залившись краской Фанни возразила, что ничего подобного у ней и в мыслях не было.

— Что ж,—сказала мисс Крофорд уже серьезней, но несколько ей не поверив,—тогда, чтоб убедить меня, что вы не заподозрили здесь никаких хитростей и сами, как я всегда считала, не способны на неискренние любезности, возьмите цепочку и больше об этом не говорите. То, что это подарок моего брата, никак не должно до вас касаться, раз это вовсе не умаляет моего желания отдать ее вам. Генри всегда мне что нибудь дарит. У меня такое множество подарков от него, что я не могу дорожить и половиной, а он половины и не помнит. А что до этой цепочки, я и надевала то ее раз пять шесть, не больше, она прелестная, но я никогда о ней и не вспоминаю. И хоть я рада отдать вам любую другую из этой шкатулки, вы на редкость удачно выбрали как раз то, с чем, случись мне выбирать, я всего охотней рассталась бы и что охотней всего увидела бы на вас. Прошу вас, не возражайте более. Такой пустяк не стоит долгих разговоров.

Фанни не посмела более упорствовать и с новыми изъявлениями благодарности опять приняла цепочку, правда, уже без прежней радости, ибо что то во взгляде мисс Крофорд было ей не по душе.

Она не могла не ощутить перемену в поведении мистера Крофорда. Давно уже ее заметила. Он явно старается угодить ей, он до крайности предупредителен, все обхождение его такое, как было прежде с ее кузинами; он, видно, хочет лишить ее покоя, как лишил покоя их обеих; и уж не с его ли ведома подарена ей эта цепочка! Нет, не было у ней уверенности, что он тут ни при чем, ведь мисс Крофорд преданная сестра, но легкомысленная особа и подруга.

Размышляя, и сомневаясь, и чувствуя, что обладанье тем, о чем она так мечтала, не принесло подлинной радости, Фанни возвращалась домой и опять ощущала тяжесть заботы, хотя иную, но, пожалуй, не меньшую, чем когда недавно шла этой же дорожкой.

казавшись дома, Фанни немедленно поднялась, чтобы положить в Восточную комнату это неожиданное приобретение — цепочку в некую заветную шкатулку, где хранила все свои более скромные сокровища; но как же она поразилась, когда, отворив дверь, увидела, что за столом сидит и пишет ее кузен Эдмунд. Никогда прежде такого не случалось, и было это и удивительно и радостно.

— Фанни, — сразу же заговорил он, вставая и откладывая перо, а в руке у него было что то еще, — прости мое вторжение. Я искал тебя, но, немного подождав в надежде, что ты вот вот придешь, воспользовался твоей чернильницей, чтоб объяснить, почему я здесь очутился. Начало записки ты прочтешь сама, но теперь я скажу о самом деле; видишь ли, я прошу тебя принять этот пустячок — цепочку для Уильямова крестика. Она должна была быть у тебя уже неделю назад, но получилась задержка, мой брат отсутствовал из города долее, чем я рассчитывал, и я только теперь получил ее в Нортгемптоне. Надеюсь, цепочка понравится тебе сама по себе. Я старался сообразоваться с простотою твоего вкуса, но так или иначе я знаю, ты будешь снисходительна к моему намерению и сочтешь его тем, что оно есть — знаком любви одного из самых старых твоих друзей.

И он заторопился к двери еще прежде, чем Фанни, переполненная множеством мучительных и радостных чувств, успела сказать хоть слово; но одно желание, сильнейшее из всех, заставило ее поспешить, и она воскликнула:

— О кузен! Подожди минутку, прошу тебя, подожди. Эдмунд воротился.

— Я даже и не стараюсь тебя благодарить, — взволнованно продолжала она. — О благодарности не может быть и речи. Не могу тебе передать, что я сейчас чувствую. Ты так добр, что подумал об этом, я просто...

— Только это ты мне и хотела сказать, Фанни? — Эдмунд улыбнулся и опять повернулся к двери...

— Нет нет, не это. Мне надобно с тобою посоветоваться.

Почти бессознательно она стала развязывать пакетик, который он только что ей передал, и, увидев упакованную со всем искусством ювелиров простую золотую

цепочку, скромную и изящную, опять не удержалась от восклицания:

— О, какая ж она красивая! именно такая, в точности такая, как мне хотелось! единственно об таком украшении я и мечтала. Она замечательно подходит к моему крестик. Их непременно надобно носить вместе, и так и будет. И как вовремя она подросла. Ах, Эдмунд, ты даже не представляешь, как ты мне угодил.

— Фанни, милая, да ведь это такая малость. Я очень рад, что цепочка тебе нравится и что завтра ты сможешь ее надеть, но такой пылкой благодарности она вовсе не стоит. Поверь, ничто на свете не радует меня так, как случай порадовать тебя. Да, я могу с уверенностью сказать, что не знаю другой такой полной, такой чистой радости. В ней нет изъяна.

После такого признания Фанни готова была молчать хоть час, но, чуть повременив, Эдмунд вынудил ее спуститься с облаков на землю:

— Но о чем же ты хотела со мною посоветоваться? — спросил он.

Фанни хотела поговорить о цепочке, которую теперь жаждала вернуть, и надеялась, что он одобрит ее поступок. Она рассказала ему о посещении пастората, и тут восторгам ее пришел конец, ибо Эдмунд был поражен и восхищен поступком мисс Крофорд, безмерно счастлив совпадением их намерений, и Фанни не могла не видеть, что эта радость и есть для него «самая большая на свете», хотя, быть может, она и не без изъяна. Не сразу удалось ей привлечь его внимание к своему плану или услышать его мнение на сей счет; он предался мечтам, полным нежности, и лишь опять и опять с губ у него срывались невнятные похвалы; но, когда он наконец очнулся и понял, он весьма решительно воспротивился желанию Фанни.

— Возвратить цепочку! Нет, дорогая, ни в коем случае. Это жестоко обидело бы мисс Крофорд. Что может быть обидней, чем получить назад подарок, преподнесенный другу в справедливой надежде доставить ему удовольствие. Зачем лишать ее радости, которую она так заслужила своим поступком?

— Будь цепочка подарена мне первой, у меня и в мыслях бы не было ее возвращать. Но раз это сперва подарил ей брат, разве не естественно предположить, что, если мне она не нужна, мисс Крофорд предпочла б оставить ее себе?

— Мисс Крофорд не должна знать, что цепочка не нужна, а тем более, что она тебе не подходит, и совсем не важно, что ее подарил ей брат; раз уж это не помешало ей подарить ее тебе, а тебе принять подарок, значит, ты можешь спокойно оставить ее у себя. Без сомнения, эта цепочка красивее моей и лучше подходит для бала.

— Нет, не красивей для такого случая, несколько не красивей, и куда меньше мне пригодна. Уильямову крестику твоя цепочка подходит куда лучше.

— На один вечер, Фанни, на один только вечер, даже если это и жертва, я уверен, ты скорее предпочтешь принести жертву, чем огорчить ту, которая так пеклась о твоём удовольствии. Мисс Крофорд относится к тебе с неизменной благосклонностью, ты, разумеется, этого вполне заслуживаешь, кому знать это лучше меня, но ответить на благосклонность так, чтоб это выглядело неблагодарностью, хотя, я знаю, тобою движет иное чувство, было бы совсем на тебя непохоже. Надень завтра вечером ее цепочку, как обещала, а та, которая была заказана безо всякого касательства к балу, пусть подождет других, менее торжественных случаев. Послушайся моего совета. Не хотелось бы мне, чтоб и тень охлаждения промелькнула между теми, на чью близость я смотрел с величайшим удовольствием и чьи души столь схожи подлинным благородством и природного утонченностию, что малые различия вызваны скорее разницей положения и не могут служить помехою истинной дружбе. Не хотелось бы мне, чтоб и тень охлаждения промелькнула,— повторил Эдмунд и, чуть понизив голос,— между теми двумя, кто мне дороже всех на свете.

И он вышел, а Фанни старалась совладать с собой. Она — одна из тех двух, кто ему дороже всего на свете, это должно придать ей сил. Но другая! первая! Никогда еще Эдмунд не был так откровенен, и хотя сказал он не более того, что она уже давно замечала, то был удар, ибо открылись его убеждения и намерения. Для него все решено. Он хочет жениться на мисс Крофорд. Жестокий удар, хотя Фанни давно этого ждала; и снова и снова она повторяла, что она — одна из тех двоих, кто Эдмунду всего дороже, прежде чем слова эти обрели для нее смысл. Если б только она могла поверить, что мисс Крофорд достойна его, тогда... Ах, тогда все было бы по другому!.., много легче! Но он обманывается в ней; он наделяет ее достоинствами, которыми она не обладает; у ней все те же недостатки, что были, но теперь он их

не видит. Сколько слез пролила Фанни над этим обманом, пока ей удалось наконец унять свое волнение; и уныние, которое за ним последовало, нашло выход единственно в пылких молитвах о его счастье.

Она намерена была, ибо почитала это своим долгом, попытаться преодолеть всю чрезмерность едва ли не себялюбивой своей привязанности к Эдмунду. Называть или воображать это потерей или разочарованием было бы самонадеянностью, для которой, в своем смирении, она все слова находила недостаточно суровыми. Думать о нем так, как вправе думать мисс Крофорд, было бы с ее стороны безумием. Для нее он ни при каких обстоятельствах не может быть более чем другом. Почему у ней появилась эта запретная, предосудительная мысль? Такое ей бы и примерещиться не должно. Она постарается быть разумной, чтоб в здравом уме и с чистым сердцем иметь право судить о натуре мисс Крофорд и преимущество воистину печься о благе Эдмунда.

Со всей отвагой убежденности она твердо решила исполнить свой долг; но, так как ею владело еще и множество чувств, свойственных юности и ее натуре, не стоило бы ей особенно удивляться, что, при всех ее добрых намерениях касательно самообладания, она как сокровище, на которое не смела и надеяться, схватила листок бумаги, где Эдмунд начал к ней писать, и, с величайшей нежностью прочитав слова: «Милая моя Фанни, соблаговоли принять от меня», заперла его вместе с цепочкою как самую драгоценную часть подарка. Никогда еще не писал он ей что то столь похожее на письмо, и, возможно, более и не напишет; и уж наверно не напишет еще раз такое, что столь обрадовало бы ее своей своевременностью и манерой. Не бывало других двух строчек, пусть даже они и вышли из под пера самого прославленного автора, которые удостоились бы таких похвал, никакие находки не могли так осчастливить самого любящего биографа. Восторг любящей женщины превосходит даже восторг биографа. Сам почерк, независимо от содержания, уже дарит ей блаженство. И никакие буквы, выведенные рукою человеческой, не приносили такого блаженства, как зауряднейший почерк Эдмунда. Эти торопливо написанные строки были само совершенство; счастье было уже в начертании, в порядке первых трех слов — «Милая моя Фанни», на которые она могла бы смотреть без конца.

Благодаря сему счастливому смешению здравомыслия и слабости упорядочив свои мысли и успокоив чувства,

Фанни в положенное время могла спуститься в гостиную и приступила к своим обычным занятиям подле тетушки Бертрам, как всегда была почтительна и внимательна и вовсе не выглядела удрученной.

Наступил четверг, суливший надежду и удовольствие; и для Фанни он начался много приятней, чем свойственно иной раз таким своенравным, неуправляемым дням, ибо вскорости после завтрака Уильяму принесли весьма дружескую записку от Крофорда, писавшего, что завтра ему придется на несколько дней поехать в Лондон, а потому он хотел бы обзавестись попутчиком и надеется, что, если Уильям готов покинуть Мэнсфилд на полдня ранее, чем предполагал, он не откажется занять место в его, Крофорда, карете. В Лондон он намерен прибыть ко времени дядюшкиного, по обыкновению позднего, обеда и приглашает Уильяма вместе с ним отобедать у адмирала. Уильям обрадовался предложенью, предвкушая быструю езду в карете четверкой, да притом с таким дружелюбным и любезным приятелем; и, уподобив ее поездке курьером с важными бумагами, сразу же высказал свое согласие и чего только не наговорил о том, сколько в ней будет радости и достоинства; Фанни тоже была очень довольна, но по другой причине: ведь сначала предполагалось, что Уильям выедет на завтра вечером почтовой каретой из Нортгемптона, и пред тем, как он пересел бы в портсмутский дилижанс, ему не удалось бы передохнуть и часу; и хотя из за приглашенья Крофорда она намного раньше лишилась бы общества брата, она всем сердцем радовалась, что Уильям будет избавлен от неизбежной усталости, и уже не думала ни о чем другом. Сэр Томас одобрил этот план по другой причине. Племянник будет представлен адмиралу, и это может сослужить ему хорошую службу. Адмирал, без сомненья, человек влиятельный. Одним словом, записка Крофорда всех обрадовала. Пол утра Фанни была из за нее в приподнятом настроении, радуясь еще и тому, что сам автор уезжает.

А что до бала, который был уже не за горами, столько с ним было связано волнений и страхов, что в предвкушении его она и вполонину не радовалась так, как должна бы и как то предполагали в ней многие девицы, ожидавшие этого же события куда спокойней, ведь для них не было в нем ни той новизны, ни того интереса, ни того особого наслажденья, какие предстояли Фанни. Мисс Прайс, половине приглашенных известная единственно по фамилии, должна была впервые появиться пред ними,

да еще в качестве королевы вечера. Кто мог быть счастливей мисс Прайс? Но ее не приучили сызмала к мысли, что ей надо будет выезжать; а знай она, какую роль отвели ей, по общему мнению, на этом бале, она бы еще сильнее встревожилась, еще сильнее одолели бы ее страхи, что она не так держится и что все на нее смотрят. Потанцевать так, чтоб на нее не слишком обращали внимание и не слишком утомиться, иметь довольно сил и партнеров примерно на половину вечера, немного потанцевать с Эдмундом и не слишком много с Крофордом, знать, что Уильяму весело, и суметь держаться подальше от тетушки Норрис — вот предел ее мечтаний и, кажется, по ее понятиям, величайшее доступное ей счастье. Поскольку то были самые смелые ее надежды, они не могли владеть ею постоянно; и все долгое утро, проведенное по преимуществу с двумя тетушками, ее нередко охватывали и мысли не столь радужные. Уильям решил насладиться своим последним днем в Мэнсфилде сполна и отправился стрелять бекасов; Эдмунд, как Фанни имела все основания полагать, был в пасторате; и оставленная одна на растерзанье тетушке Норрис, которая была рассержена из-за того, что распоряжаться ужином предстояло не ей, а домоправительнице, и уклониться от встречи с которой она, разумеется, не могла, хотя вполне могла без нее обойтись, Фанни так измучилась, что ей уже стало казаться, будто ото всего связанного с балом исходит одно зло; и когда в конце концов ее все так же в сердцах отослали одеваться, она направилась в свою комнату в таком изнеможенье, вовсе не чувствуя себя счастливой, словно это не ей предстояло танцевать на балу.

Медленно поднимаясь по лестнице, она думала о том, что было накануне — примерно в этот час она воротилась из пастората и в Восточной комнате застала Эдмунда. «Вот бы и сегодня застать его там!» — размечталась она, уступая прихоти воображения.

— Фанни, — услышала она в эту минуту совсем рядом. Она вздрогнула, подняла глаза и в прихожей, к которой только что подошла, увидела самого Эдмунда, он стоял на верхней площадке другой лестницы. И сразу же направился к ней.

— У тебя усталое, измученное лицо, Фанни. Ты слишком далеко ходила.

— Нет, я сегодня вовсе не гуляла.

— Значит, ты переутомилась дома, а это еще хуже. Лучше бы погуляла.

Жаловаться Фанни не любила, и оттого ей проще было промолчать; и хотя Эдмунд смотрел на нее с обычной своею добротой, он скоро, без сомнения, уже не думал о том, как она выглядит. Он был явно не в духе; что то его расстроило, что то, никак не связанное с нею. Они вместе поднялись по лестнице — комнаты их были на одном этаже.

— Я иду от Грантов, Фанни,— наконец сказал Эдмунд.— Ты, верно, догадываешься, по какому делу я там был,— сказал так серьезно, что об одном лишь деле она и могла подумать, и тошно ей стало, слова не вымолвить.— Я хотел ангажировать мисс Крофорд на два первых танца,— последовало объяснение, и Фанни вновь ожила и, видя, что он ждет от нее каких то слов, кое как сумела спросить, преуспел ли он.

— Да,— отвечал Эдмунд.— Она согласилась, но сказала,— продолжал он с вымученной улыбкою,— что будет танцевать со мною в последний раз. Она говорила не серьезно. Я думаю, надеюсь, уверен, это не серьезно... но лучше бы мне этого не слышать. Она сказала, что никогда не танцевала со священником и впредь тоже не станет. По мне, так лучше не было бы никакого бала, как раз в канун... я хочу сказать, на этой неделе, в этот самый день... завтра я уезжаю из дому.

Не сразу Фанни удалось заговорить.

— Мне очень жаль, что ты огорчен,— вымолвила она.— Сегодняшний день должен был всех радовать. Этого желал дядюшка.

— О да, да! И он и будет радовать. Все будет хорошо. Просто я на минуту расстроился. В сущности, я совсем не думаю, что сегодня бал не ко времени; какое это имеет значение? Но Фанни, ты ж понимаешь, что это значит.— Он задержал ее, взявши за руку, и продолжал негромко, серьезно.— Ты ж видишь, что происходит, и, верно, можешь сама мне объяснить, не хуже, чем я тебе, почему я так расстроен. Я хочу немного поговорить с тобою. Ты на редкость хорошо, душевно слушаешь. Нынче утром меня огорчило ее поведение, и я до сих пор не могу взять себя в руки. Я знаю, у ней такой же милый, безупречный нрав, как у тебя, но под влиянием ее прежнего окружения в ее разговорах, во мнениях, которые она высказывает, проскальзывает что то нехорошее. Она ничего дурного не думает, а говорит дурно, говорит это шутливо, и, хотя я понимаю, что она шутит, меня это глубоко ранит.

— Тому виной воспитание,— мягко сказала Фанни.

Эдмунд не мог не согласиться с нею.

— Да, это ее тетя и дядя! Они отравили прекраснейшую душу!.. Потому что, признаюсь тебе, Фанни, похоже, это не только поведение, похоже, порча задела саму ее душу.

Фанни вообразила, что он взывает к ее здравомыслию, и потому, с минуту подумав, сказала:

— Если ты желаешь только, чтоб я тебя выслушала, кузен, я вся — внимание, но советовать я не вправе. От меня совета не жди. Я на это не способна.

— Ты права, Фанни, что не хочешь брать на себя такую обязанность, но не бойся. Об этом я никогда не стану советовать. В таких делах не следует искать совета, и, думаю, мало кто его ищет, разве что когда хочет поступить против своей совести. Мне надобно только поговорить с тобою.

— И еще одно, кузен. Извини мою смелость, но, разговаривая, будь осторожен. Не скажи ничего такого, о чем когда нибудь пожалеешь. Возможно, настанет время...

При этих словах она вспыхнула.

— Милая моя Фанни! — воскликнул Эдмунд, прижимая ее руку к губам почти с такою же нежностью, как если б то была рука мисс Крофорд. — Ты — сама предусмотрительность! Но сейчас в этом нет надобности. Время это никогда не придет. Не бывать тому времени, которое ты подразумеваешь. Я начинаю думать, что нет на это никакой надежды, это все менее и менее вероятно. А если б оно и пришло, не будет ничего такого, о чем тебе или мне страшно было бы вспомнить, ибо никогда я не стану стыдиться своих сомнений, и если им придет конец, то лишь благодаря происшедшим в ней переменам, и тогда память о былых ее недостатках только больше ее возвысит. Ни единой душе на свете я не сказал бы то, что сказал тебе. Но ты всегда знала мое мнение о ней, ты можешь подтвердить, что никогда я не был ослеплен. Сколько раз мы говорили с тобою о ее мелких заблуждениях! Ты не должна меня опасаться, Фанни. Я почти отказался от своих серьезных намерений на ее счет. Но что бы на меня ни нашло, надо быть поистине болваном, чтоб подумать о твоей доброте и сочувствии иначе, как с самой искренней благодарностью.

Он сказал довольно, чтоб поколебать опыт восемнадцатилетней девушки. Сказал довольно, чтоб Фанни почувствовала себя счастливей, чем все последнее время, лицо ее прояснилось, и она ответила:

— Да, кузен, я убеждена, что кто кто, а ты на это не способен. Я могу не страшиться слушать, что бы ты мне ни рассказал. Говори все что хочешь.

Они уже поднялись на второй этаж, и появление горничной помешало им продолжить беседу. Для Фанниного душевного спокойствия было самое время кончить разговор, потому что еще минута другая, и Эдмунд, пожалуй, поведал бы ей обо всех слабостях Мэри Крофорд и о своем унынии. Но теперь он, уходя, смотрел на нее с благодарною нежностью, а у ней ощущение было поистине драгоценное. Уже много часов не испытывала она ничего подобного. С тех пор как прошла первая радость, которую ей доставила записка Крофорда Уильяму, ее одолевали чувства прямо противоположные: ничто вокруг не утешало, и в душе не было надежды. Теперь все вновь заулыбалось. Она вновь подумала о выпавшей Уильяму удаче, которая теперь показалась ей куда значительней, чем поначалу. А бал — какое удовольствие предстоит нынче вечером! В неподдельном оживлении и почти уже со счастливым трепетом, столь естественным в предвкушении бала, она принялась одеваться. Все шло прекрасно, и она оглядела себя в зеркале не без удовольствия, а когда взялась за цепочки, вышло совсем удачно: оказалось, та, которую подарила мисс Крофорд, никак не проходит в колечко крестика. Ради Эдмунда Фанни готова была ее надеть, но она оказалась слишком крупна. Значит, надобно надеть подаренную Эдмундом; и с величайшей радостью соединив цепочку с крестиком, эти напоминания о двух возлюбленных ее души, два самые дорогие ей подарка, и в действительности и в мыслях ее будто нарочно созданные друг для друга, Фанни надела их, и ей показалось, будто в них — частица души Уильяма и Эдмунда, и она поняла, что теперь готова надеть и цепочку мисс Крофорд. Да, именно так и следует поступить. Есть у мисс Крофорд на это право, и, раз ее подарок уже не посягает на другое право, право доброты более подлинной, можно признать и ее великодушие, и даже не без удовольствия. Цепочка и вправду выглядела превосходно, и Фанни вышла наконец из своей комнаты успокоенная и довольная собою и всем вокруг.

Тетушка Бертрам, куда менее сонная, чем обыкновенно, по такому случаю вспомнила о ней. Ей самой вдруг пришло в голову, что, одеваясь к балу, Фанни рада будет получить помощь более умелую, чем можно ждать от простых горничных, и, когда сама была одета, действи

тельно послала к ней в помощь собственную горничную — разумеется, слишком поздно, чтоб от этого был толк. Миссис Чепмэн поднялась на верхний полуэтаж в ту самую минуту, когда Фанни вышла из своей комнаты, полностью одетая, и им лишь осталось обменяться любезностями, но Фанни оценила тетушкино внимание почти так же, как сама леди Бертрам или миссис Чепмэн.

ГЛАВА 10

Когда Фанни сошла вниз, дядюшка и обе тетушки были в гостиной. Дядюшка посмотрел на нее с интересом, с удовольствием отметил ее элегантность и то, как на диво она сейчас хороша. При ней он только и позволил себе похвалить ее изящный и весьма подходящий к случаю наряд, однако ж, когда вскоре она вышла из комнаты, он без обиняков воздал должное ее красоте.

— Да, — сказала леди Бертрам, — она прекрасно выглядит. Я послала к ней Чепмэн.

— Прекрасно выглядит! — воскликнула тетушка Норрис. — А как же ей не выглядеть хорошо при том, какие ей даны возможности: в такой семье ее воспитали, и перед глазами все время пример ее кузин. Вы только подумайте, любезный сэр Томас, какие возможности ей даровали мы с вами. Взять хоть платье, которое вы изволили заметить, это ж ваш щедрый подарок ко дню свадьбы нашей дорогой миссис Рашуот. Что бы она была, не протяни мы ей руку помощи?

Сэр Томас ничего более не сказал, но, когда они сели за стол, взгляды обоих молодых людей уверили его, что, когда дамы выйдут, он сможет успешнее коснуться до внешности Фанни. Фанни видела, что на нее смотрят с одобрением, и от одного сознания, что она хороша, она становилась еще краше. У ней было несколько причин чувствовать себя счастливой, а скоро она стала и еще счастливей, ибо, провожая ее тетушек из столовой и придерживая перед ними отворенную дверь, Эдмунд сказал ей, когда она проходила мимо:

— Ты непременно должна танцевать со мною, Фанни, оставь для меня два танца, любые, какие захочешь, кроме первых.

Чего ж было еще желать? Едва ли хоть раз в жизни была она так близка к блаженству. Веселость кузин в дни прежних балов уже не удивляла ее; все и вправду будет чудесно, и она пошла по гостиной, выделявая разные па, благо ее пока не замечала тетушка Норрис, которая сразу же устремилась к камину и стала переворачивать по своему и портить превосходно сложенные дворецким поленья, горящие таким величавым пламенем.

Так прошли полчаса, которые при любых других обстоятельствах показались бы Фанни томительно долгими, но ее по прежнему переполняло счастье. Стоило только подумать о разговоре с Эдмундом, и что ей тогда суета тетушки Норрис, что ей зевки леди Бертрам?

К ним присоединились мужчины, и скоро началось сладостное ожиданье экипажей; в гостиной царил дух непринужденности и довольства, мужчины окружили дам, все разговаривали, смеялись, и каждая минута была исполнена радости и надежды. Фанни чувствовала, что веселость дается Эдмунду нелегко, но как отрадно видеть, что его усилия увенчиваются таким успехом.

Когда наконец стали слышны подъезжающие экипажи, когда начали наконец собираться гости, Фанни уже не ощущала прежней веселой легкости на сердце, при виде стольких незнакомых лиц она сжалась, ушла в себя; мало того что образовался солидный круг важной и церемонной публики, вполне под стать сэру Томасу и леди Бертрам, Фанни опять и опять призывали для испытания куда более тяжелого. Дядюшка представлял ее разным гостям, и ей приходилось участвовать в разговоре, и делать реверансы, и опять разговаривать. Трудная то была обязанность, и всякий раз она смотрела при этом на Уильяма — с какою непринужденностью он проходил в глубине залы — и жаждала быть подле него.

Появление Грантов и Крофордов произвело благоприятную перемену. Чопорность отступила пред их простотой и естественностью, пред их широким знакомством: общество распалось на несколько небольших кружков, и всем стало уютнее. Фанни воспользовалась этим, и, свободная от усилий, которых от нее потребовало светское поведение, была бы снова счастлива, сумеет она удержаться и не переводить взгляд с Эдмунда на Мэри Крофорд и обратно. Та сегодня само очарование — и кто знает, к чему это приведет. Раздумьям Фанни пришел конец, когда она осознала, что пред нею стоит Крофорд, и, почти тотчас пригласив ее на два первых танца, он тем самым

Мастер Лэмтон.
С картины Т. Лоуренса.

направил ее мысли в другое русло. Радость ее от этого была сродни ощущению смертника, которому отменили смертный приговор. Быть ангажированной на первые же танцы так замечательно, ведь открытие бала неотвратимо приближалось, а она столь невысоко себя ценила, что думала, будто, не пригласи ее Крофорд, никто бы не пожелал стать ее партнером и не обошлось бы без чьего то вмешательства, расспросов, суеты, а это было бы ужасно; однако же ей неприятна была некая многозначительность, с которой он ее пригласил, и она подметила, он бросил быстрый взгляд на ее цепочку, и в глазах его мелькнула улыбка, да, так ей показалось, и Фанни вспыхнула, и тошно ей стало. И хотя второго взгляда, который мог бы ее

встревожить, не последовало, хотя обращение Крофорда было всего лишь сдержанно любезным, ей никак не удавалось справиться со своим смущением, еще увеличившимся при мысли, что Крофорд понимает его причину, и она не могла успокоиться, пока он не повернулся к кому-то другому. Тогда она понемногу вновь воспрянула духом, искренне довольная оттого, что у ней есть партнер, добровольный партнер, пригласивший ее до начала танцев.

Когда общество направилось в танцевальную залу, Фанни впервые оказалась подле мисс Крофорд, и та немедленно, с улыбкою и уж вовсе недвусмысленно посмотрела на украшение, на которое прежде мельком глянул ее брат, и заговорила было об этом предмете, но Фанни, желая поскорей переменить тему, поспешила объяснить ей, откуда взялась вторая цепочка — цепочка для крестика. Мисс Крофорд слушала, и все предназначавшиеся Фанни похвалы и все намеки вылетели у ней из головы, лишь одно чувство завладело ею, и блестевшие до того глаза ее заблестели еще ослепительней, и она воскликнула пылко и радостно:

— Подарок от него? От Эдмунда? Как это похоже на него! Никакой другой мужчина не подумал бы об этом. Я безмерно его уважаю.— И она огляделась по сторонам, будто ей не терпелось высказать свое уважение ему самому. Но его не оказалось поблизости, он сопровождал нескольких дам, выходящих из комнаты, а к Фанни и мисс Крофорд меж тем подошла миссис Грант, взяла их под руки, и они последовали за всеми остальными.

У Фанни упало сердце, но поразмыслить даже о чувствах мисс Крофорд она не успела. Они вступили в танцевальную залу, играли скрипки, душа ее пришла в волнение и уже не могла сосредоточиться ни на чем серьезном. Надобно было наблюдать за общими приготовлениями, смотреть, что делается вокруг.

Скоро к ней подошел сэр Томас, спросил, ангажирована ли она, и в ответ услышал именно то, чего ждал: «Да, сэр, меня пригласил мистер Крофорд»; Крофорд был неподалеку, сэр Томас подвел его к Фанни, говоря что то, из чего она поняла, что именно ей предназначено быть в первой паре и открывать бал,— о таком она и помыслить не могла. Всякий раз как она предвкушала сегодняшний вечер, для нее само собой разумелось, что открывать бал будут Эдмунд с мисс Крофорд, и сейчас она так была поражена, что, хотя новость эту услышала от самого

дядюшки, все же не удержалась от удивленного восклицанья, намекнула, что для этого она никак не подходит, даже взмолилась, чтоб ее уволили от подобной чести. Уже сама попытка противоречить сэру Томасу свидетельствовала, до какой Фанни дошла крайности, но его слова и вправду безмерно ее ужаснули, и, глядя ему в лицо, она сумела вымолвить, что надеется, что он распорядится по другому, но напрасна была надежда; сэр Томас улыбнулся, попытался ее приободрить, а потом посмотрел на нее с самым серьезным видом и самым решительным образом произнес: «Все будет так, как я сказал, моя милая», и Фанни не осмелилась более вымолвить ни слова; а в следующее мгновение Крофорд уже вел ее в конец залы, и они остановились там, ожидая, чтоб к ним присоединились остальные танцующие, пара за парой.

Фанни сама себе не верила. Оказаться во главе такого множества утонченных девушек! Честь слишком велика. С нею обходятся как с ее кузинами! И она унеслась мыслями к обоим кузинам и с самой неподдельной искренней нежностью пожалела, что они сейчас не дома и не могут занять подобающее им место в этой зале и вкушать свою долю развлечений, которые, конечно, привели бы их в восторг. Сколько раз они вслух мечтали о бале у себя дома как о величайшей радости! И вот в Мэнсфилд парке дают бал, а их нет дома, и открывает его она, да еще и с Крофордом! Наверно, теперь бы они уже не позабывали, что честь эта досталась ей; но, оглядываясь назад, вспоминая, как все они жили осенью, как относились друг к другу, когда однажды уже танцевали здесь в доме, она и сама с трудом понимала, что же происходит сегодня.

Бал начался, Фанни была скорее польщена, чем счастлива, во всяком случае, при первом танце; ее партнер был в превосходном настроении и пытался и ей его передать, но она слишком была испугана и потому никак не могла радоваться, по крайней мере до тех пор, пока ей не перестало казаться, что на нее все смотрят. Однако ж, юная, хорошенькая и послушная партнеру, она и в неловкости своей была грациозна, и мало кто в этой зале не склонен был ее оценить. Она привлекательна, скромна, она племянница сэра Томаса, и, как скоро было замечено, ею восхищается мистер Крофорд. Этого оказалось довольно, чтобы всех к ней расположить. Сам сэр Томас наблюдал с немалым удовлетвореньем, как она скользит в танце; он гордился племянницею, и, не в пример миссис

Норрис, отнюдь не считая, будто всей своею прелестью она обязана переселению в Мэнсфилд, он был доволен собою, оттого что оделил ее всем прочим: образованием и хорошими манерами она обязана ему.

Мисс Крофорд читала многие мысли сэра Томаса, когда он стоял и смотрел в залу, и, вопреки всем несправедливостям по отношению к ней, которые он совершил, желая показать себя с наилучшей стороны, она воспользовалась случаем и подошла к нему, чтоб сказать несколько приятных слов о Фанни. Ее похвалы были сердечны, и он принял их именно так, как ей хотелось бы, присоединяясь к ним в той мере, в какой позволяли его обычная сдержанность, учтивость и неторопливая манера речи, и явно был более подготовлен к такому разговору, нежели леди Бертрам, которую Мэри увидела на диване неподалеку и прежде, чем танцевать, подошла к ней сказать, как мило выглядит Фанни.

— Да, она и вправду хорошо выглядит,— невозмутимо отвечала та,— Чепмэн помогла ей одеваться. Я послала к ней Чепмэн.— Так она была поражена собственною добротою, когда вдруг послала к племяннице Чепмэн, что это не шло у ней из головы.

Тетушку Норрис мисс Крофорд знала слишком хорошо, чтоб вообразить, будто можно ее порадовать, похвалив Фанни; и она обратилась к той, как того требовал случай:

— Ах, сударыня, как же нам сегодня недостает наших дорогих миссис Рашуот и Джулии!

И тетушка Норрис вознаградила ее всеми улыбками и любезностями, на какие только у ней достало времени среди множества самой себе навязанных дел — она подбирала игроков в карты, кой о чем намекала сэру Томасу и старалась пересадить всех маменек и прочих сопровождающих в более удобную часть залы.

Мисс Крофорд сильно ошиблась в своих расчетах, лишь когда захотела доставить удовольствие самой Фанни. Она намеревалась привести в счастливый трепет ее сердечко, наполнить ее восхитительным ощущением успеха, и, неверно истолковав Фаннин румянец, когда подошла к ней после первых двух танцев, все еще полагая, что необходимо это сделать, сказала с многозначительным видом:

— Может быть, хоть вы мне скажете, зачем мой брат едет завтра в Лондон? Он сказал, у него там дело, а какое, не говорит. Впервые он отказывает мне в доверии! Но нас

всех ждет эта участь. Всем нам рано или поздно находит-ся замена. Вот уже я должна осведомляться у вас. Прошу вас, Фанни, скажите, чего ради едет Генри?

С тою мерой твердости, какую позволяло смущенье, Фанни заверила, что ей ничего не известно.

— Ну что ж, — со смехом сказала мисс Крофорд, — тогда мне остается предположить, что он едет единственно ради удовольствия сопровождать вашего брата и дорогого разговаривать о вас.

Фанни растерялась, но растерянность ее вызвана была недовольством; а меж тем мисс Крофорд удивлялась, отчего она не улыбнется, и почитала ее слишком беспокойной, странной, какою только не почитала, и лишь об одном не догадывалась, что благосклонность Генри не так уж ей и приятна. Сегодняшний вечер принес Фанни много радостей, но не Крофордова благосклонность была тому причиной. Она предпочла бы, чтоб он не так скоро вновь пригласил ее танцевать, и лучше б ей не понимать, что, недавно спрашивая тетюшку Норрис о часе ужина, он заботился о том, чтоб не упустить ее на эту часть вечера. Но избежать его внимания было невозможно; благодаря ему она чувствовала, что всё сегодня ради нее; и нельзя сказать, что его поведение отталкивало Фанни, что он бестактен или хвастлив, а временами, когда заговаривал об Уильяме, он был совсем не неприятен, в нем даже ощущалось делавшее ему честь душевное тепло. И однако ж ее довольство никак не зависело от его благосклонности. Фанни радовалась всякий раз, как смотрела на Уильяма и видела, до чего ему хорошо, всякий раз, как удавалось походить с ним несколько минут по зале и послушать, что он говорит о своих партнершах; она была счастлива оттого, что знала, как ею восхищаются, счастлива оттого, что могла еще долго предвкушать два танца с Эдмундом, а они отодвигались все дальше, ведь ее приглашали наперебой, с ним же определенного уговора не было. Она была счастлива даже и тогда, когда уже танцевала с ним, но не потому, что он заражал ее весельем или был нежно предупредителен, как нынешним благословенным утром. Он был измучен душою, и Фанни счастлива была сознанием, что рядом с нею, своим другом, он обретает покой.

— Я устал от светских обязанностей, — сказал Эдмунд. — Я весь вечер не закрывал рта, а сказать мне было нечего. Но с тобою я отдохну, Фанни. Тебе не надобно, чтоб я тебя развлекал беседою. Давай позволим себе роскошь помолчать.

Фанни даже и согласия не решилась вымолвить. Усталость, в немалой мере вызванная, должно быть, теми же чувствами, в которых он признавался ей нынче поутру, требовала особого уважения, и они протанцевали оба танца, сохраняя такую строжайшую сдержанность, что ни один сторонний наблюдатель не помыслил бы, будто сэр Томас воспитал жену для своего младшего сына.

Нынешний вечер принес Эдмунду мало радости. Мисс Крофорд во время первого танца с ним была весела, но не радовала его эта веселость; не покой принесла она ему, но беспокойство; и после — а оказалось, он не в силах не пригласить ее снова — она совершенно измучила его своей манерой разговора о занятии, которому он вот вот себя посвятит. Они то разговаривали, то молчали, он убеждал, она высмеивала, и наконец они расстались, в досаде друг на друга. Фанни, которая не могла вовсе не наблюдать за ними, увидела довольно, чтоб испытать кой какое удовлетворенье. Чувствовать себя счастливой, когда Эдмунд страдает, было бы варварством. Однако ж само убеждение, что он страдает, должно было бы прибавить ей счастья, и вправду прибавило.

Когда два танца с Эдмундом кончились, Фаннино желание танцевать и ее силы тоже оказались на исходе, и сэр Томас, видя, что в иные минуты она не столько танцует, сколько прохаживается, что она запыхалась и прижимает руку к груди, велел ей сесть. И с этого времени Крофорд тоже перестал танцевать и сел.

— Бедная моя Фанни! — воскликнул Уильям, подойдя к ней на минутку и как заведенный продолжая обмахиваться веером своей партнерши, — как скоро, ты изнемогла! Да ведь бал только еще развернулся. Я надеюсь, мы часа два еще потанцуем. Как же это ты так рано устала?

— Так рано! Мой добрый друг, — сказал сэр Томас, со всей необходимой осторожностью доставая часы, — сейчас три часа, твоя сестра не привыкла к такому позднему времени.

— Тогда вот что, Фанни, завтра, когда я буду уезжать, ты не вставай. Спи, пока будет спатья, а обо мне не думай.

— Ну что ты, Уильям!

— Как? Она собиралась встать до вашего отъезда?

— Конечно, сэр! — воскликнула Фанни, вскочив, чтоб быть поближе к дядюшке. — Я непременно должна встать и позавтракать с ним. Ведь это последний раз, последнее утро.

— Лучше не вставай. Он должен позавтракать и быть готов не позднее половины десятого. Мистер Крофорд, я полагаю, вы за ним заедете в половине десятого?

Однако ж Фанни слишком настаивала и глаза у ней были полны слез, как тут откажешь, и кончился разговор милостивым «Ну, что ж, ну, что ж», что означало разрешение.

— Да, в половине десятого,— сказал Крофорд вслед Уильяму,— и я буду точен, ведь ради меня любящая сестра не встанет.— И понизил голос, обращаясь к Фанни: — О моем отъезде загорюет лишь опустевший дом. Завтра у нас с вашим братом будут совсем разные представления о времени.

Минуту другую поразмыслив, сэр Томас пригласил Крофорда разделить с ними ранний завтрак, вместо того, чтоб завтракать одному, сам он тоже откушает с ними; и готовность, с какою было принято приглашение, лишь убедила его, что подозрения, которые (надобно было себе в этом признаться) прежде всего и навели на мысль устроить сегодняшний бал, и вправду весьма основательны. Крофорд влюблен в Фанни. Сэр Томас с удовольствием предчувствовал, чем дело кончится. Племянница его, однако ж, нисколько не была ему благодарна за это приглашение. Она надеялась провести последнее утро наедине с Уильямом. Это была бы несказанная милость. И хотя надежды ее рушились, она и не думала роптать. Напротив, так непривычно ей было, чтобы посчитались с ее чувствами или чтоб что то было сделано по ее желанию, что она склонна была скорее удивляться и радоваться тому, чего достигла, нежели сетовать на дальнейший неожиданный оборот событий.

В скором времени сэр Томас опять вмешался и посоветовал ей немедленно отправляться спать. У него это называлось «посоветовать», однако же его совет был равен распоряжению, и Фанни только и оставалось, что подняться и, после того как Крофорд сердечнейше с нею распрощался, тихонько выйти; в дверях она остановилась «лишь на миг один», чтоб, подобно леди из Брансхолмского замка, окинуть взглядом счастливую картину, в последний раз увидеть пять шесть исполненных решимости пар, которые все еще увлеченно танцевали, а потом, под звуки бесконечного контрданса, стала медленно подниматься по парадной лестнице, и ее лихорадило от надежд и страхов, от супа и глинтвейна, гудели ноги и одолевала усталость, и было тревожно и неспокойно, но наперекор всему душа ликовала, восхищенная балом.

Отсылая Фанни, сэр Томас, возможно, пекся не только о ее здоровье. Быть может, он подумал, будто Крофорд сидел подле нее уж слишком долго, а возможно, хотел от-рекомендовать ее в качестве хорошей жены, показав, как она послушна.

ГЛАВА 11

стался позади бал, а теперь и завтрак; брат с сестрою расцеловались на прощанье, и Уильям уехал. Крофорд, как и предсказывал, появился минута в минуту, и последняя трапеза была скорой и приятной.

До последней минуты занятая Уильямом, Фанни теперь воротилась в комнату, где они завтракали, с глубокой печалью на сердце, горюя о грустной перемене; и здесь дядюшка по доброте сердечной оставил ее в одиночестве, чтоб она могла поплакать на покое, возможно, думая, что опустевшие стулья двух молодых людей вызовут в ней восторженную нежность и что горчица и кости от холодной свинины, оставшиеся на тарелке Уильяма, и яичная скорлупа на тарелке Крофорда будут равно взывать к ее чувствам. Как и предполагал дядюшка, Фанни села и заплакала от любви, но от любви сестринской и никакой другой. Уильям уехал, и ей теперь казалось, что, пока он гостил в Мэнсфилде, она большую часть времени растратила попусту в напрасных тревожненьях и себялюбивых заботах, с ним вовсе не связанных.

Таков был нрав Фанни, что стоило ей подумать о тетушке Норрис, предоставленной самой себе в скудном и безрадостном ее домишке, и она неизменно принималась укорять себя в какомнибудь пустячном недостатке внимания к той, когда они виделись в последний раз; где ж ей было надеяться, что за две недели, которые Уильям провел в Мэнсфилде, она успела сказать и подумать все, на что он был вправе рассчитывать.

Тягостный и печальный то был день. Вскорости после второго завтрака простился со всеми на неделю и Эдмунд, сел на коня и поскакал в Питерборо,— теперь уехали все. О вчерашнем бале остались одни воспоминания, которые Фанни не с кем было разделить. Она разговаривала с тетушкой Бертрам — надо ж ей было хотя с кем то поговорить о бале, но тетушка так мало заметила из того, что происхо

дило на бале, и так была нелюбопытна, что разговаривать с нею было весьма утомительно. Леди Бертрам не помнила толком ни кто во что был одет, ни кто где сидел за ужином, помнила единственно свой туалет и свое место. Не удержала она в голове, что ж это такое она услышала об одной из девиц Мэддокс и что ж это такое леди Прескот заметила в Фанни; не уверена была, то ли полковник Харрисон говорил об Уильяме, то ли о Крофорде, когда сказал, что он самый красивый молодой человек в зале; кто то что то ей шепнул, да только она позабыла спросить сэра Томаса, о чем шла речь. Таковы были самые длинные ее речи и самые отчетливые высказывания; в остальном Фанни только и слышала от нее, что вялые: «Да... да... очень хорошо... разве ты?.. разве он?.. А я этого не видела... Я не отличила бы одного от другого». Худо это было. Не многим лучше досадливых ответов тетушки Норрис, окажись она тут; но она отбыла восвояси, запасшись избыточными желе, дабы попотчевать ими занемогшую служанку, и в здешнем тесном кружке царили мир и доброжелательность, хотя более нечем было похвастать.

Вечер был такой же тягостный, как день.

— Не пойму, что это со мной такое! — сказала леди Бертрам, когда со стола убрали чайные принадлежности.— Я совсем оступела. Должно быть, оттого, что вчера засиделась допоздна. Фанни, придумай что нибудь, чтоб я не клевала носом. Вышивание валится из рук. Поди ка принеси карты, а то я вовсе оступела.

Фанни принесла карты и, пока не пришла пора идти спать, играла с тетушкой в крибидж; а поскольку сэр Томас читал про себя, следующие два часа безмолвие прерывалось единственно карточным счетом:

— Теперь получается тридцать один. Четыре на руках и восемь в казне.

— Вам сдавать, тетушка. Хотите, я сдам за вас?

Фанни снова и снова думала о том, как все переменялось за последние сутки в этой комнате и во всей этой части дома. Вчера вечером гостиную переполняли надежды и улыбки, суета и движение, шум и блеск, и не только гостиную, но весь дом. Теперь же повсюду лишь вялость и безлюдье.

Хороший ночной сон подбодрил Фанни. На завтра она уже думала об Уильяме повеселее, а так как утром ей представился случай очень мило поболтать с миссис Грант и мисс Крофорд о вечере четверга, и не обошлось в их разговоре без преувеличений, на какие способно воображе

ние, без смеха и шуток, что непременно следует за прошедшим балом, то Фанни уже не так трудно было обрести свое обычное настроение и освоиться с затишьем этой мирной недели.

Да, никогда еще на памяти Фанни в Мэнсфилде не бывало так малолюдно; уехал и тот, от кого исходило ощущение уюта и бодрости при всякой трапезе и всякий раз, когда семья собиралась вместе. Но к этому надобно притерпеться. Скоро он уедет совсем; и Фанни благодарила судьбу, что может сидеть в одной комнате с дядюшкой, слышать его голос, прислушиваться к его вопросам и даже отвечать на них без прежней мучительной стеснительности.

— Нам недостает обоих наших молодых людей,— говорил сэр Томас в первый и во второй день, когда они собирались после обеда сильно поредевшим кружком; и, заметив в первый день слезы на глазах Фанни, ничего более не добавил, лишь предложил выпить за здоровье отсутствующих; но на другой день пошел несколько дальше. Благоклонно отозвался об Уильяме и выразил надежду на его продвижение по службе.— И есть основания полагать, что теперь он станет навещать нас не так уж редко. Что же до Эдмунда, нам надо привыкнуть обходиться без него,— прибавил сэр Томас.— Эта зима будет его последней в нашем домашнем кругу.

— Да,— сказала леди Бертрам.— Но я предпочла бы, чтоб он не уезжал. Наверно, все они рано или поздно уезжают. А я бы предпочла, чтоб они оставались дома.

Это относилось главным образом к Джулии, которая как раз попросила разрешения вместе с Марией ехать в Лондон, поскольку сэр Томас счел полезным для обеих дочерей дать такое разрешение; леди Бертрам, хоть она при своем добродушии и не стала этому мешать, сетовала теперь на то, что, вместо того чтоб воротиться со дня на день, Джулия еще задержится. Движимый прежде всего здравым смыслом, сэр Томас постарался примирить жену с этой переменою. Он ссылаясь на все чувства, какие надлежит испытывать в этом случае заботливой родительнице, и ей было приписано все, что должна испытывать любящая мать, которая печется об удовольствии своих детей. Выслушав сэра Томаса, леди Бертрам согласно сказала «да» и, минут пятнадцать молча поразмыслив, вдруг заявила:

— Я вот думала, думала, сэр Томас, и знаешь, я очень рада, что мы тогда взяли в дом Фанни, ведь теперь, когда наши дети разъехались, видно, как нам это хорошо.

Сэр Томас немедленно с толком повернул ее неловкую похвалу:

— Совершенно справедливо. Не боясь хвалить Фанни в лицо, мы показываем ей, какой славной девочкой ее почитаем... теперь мы особенно дорожим ее обществом. Если ранее добры к ней были мы, теперь мы сами нуждаемся в ее доброте.

— Да,— не сразу отозвалась леди Бертрам,— и так утешительно думать, что уж она то всегда будет с нами.

Сэр Томас помолчал, с затаенной улыбкою взглянул на племянницу, а потом серьезно ответил:

— Надеюсь, она никогда нас не покинет, до тех пор, пока ее не пригласят в какойнибудь другой дом, который по справедливости посулит ей большее счастье, чем она узнала у нас.

— Вот уж это мало вероятно, сэр Томас. Кому же вздумается ее приглашать? Мария, верно, будет рада время от времени видеть ее в Созертоне, но, конечно, не предложит ей там поселиться... и здесь ей, без сомненья, лучше. И потому, я не могу без нее обойтись.

Неделя, которая прошла в усадьбе так тихо и мирно, в пасторате оказалась совсем иной. По крайней мере, молодым девицам этих семейств она принесла чувства отнюдь не одинаковые. Для Фанни она была исполнена умиротворения и покоя, для Мэри же — скуки и досады. Кое что объяснялось разницею нрава и душевного склада — одну так легко было порадовать, другая не привыкла мириться с тем, что не по ней; однако ж всего важнее была, пожалуй, разница обстоятельств. В чем то их интересы были противоположны. Для Фанни отсутствие Эдмунда, причина и цель его отсутствия были истинным облегчением. Для Мэри оно было во всех отношениях мучительно. Ей не доставало его общества каждый день, чуть не каждый час, и так сильно не доставало, что мысль о том, ради чего он уехал, безмерно ее сердила. Он не мог бы придумать ничего неудачнее, чем это недельное отсутствие как раз в то время, когда брата ее не было дома и Уильям Прайс тоже уехал, и тем самым окончательно распалось их общество, еще недавно столь оживленное. Мэри не находила себе места. В пасторате оставалось теперь жалкое трио, запертое в четырех стенах из за нескончаемых дождей и снега, заняться было нечем и надеяться на перемены тоже не приходилось. Она сердилась на Эдмунда за то, что он остался верен своим понятиям и согласно с ними поступал, не посчитавшись с нею (так она на него сердилась, что на бале они расстались чуть ли не врагами), и однако ж, во вре

мя его отсутствия не могла не помнить о нем постоянно, перебирала в мыслях его достоинства, думала о его любви и жаждала видеть его ежедневно, как бывало в последнее время. Он отсутствовал излишне долго. Не должен он был уезжать так надолго, не должен был покинуть дом на целую неделю, когда столь близок уже ее отъезд из Мэнсфилда. Потом она принялась винить себя. Напрасно она так горячилась во время их последнего разговора. Страшно ей было, что, говоря о священнослужителях, она употребила несколько сильных, несколько презрительных выражений, вот уж чего делать не следовало. Это было невоспитанно, дурно. Она желала всей душой, чтоб не были они сказаны, эти слова.

Неделя миновала, а досада Мэри не прошла. Все само по себе было худо, но ей стало и того хуже, когда опять настала пятница, а Эдмунд не появился, настала и суббота, а его нет как нет, и когда в воскресенье, при мимолетной встрече с его семейством выяснилось, что он писал домой, что откладывает возвращение, ибо пообещал несколькими днями дольше погостить у друга.

Если прежде она нетерпеливо ждала его и огорчалась, сожалела о словах, которые сорвались у ней с языка, и страшилась, что они слишком сильно на него подействовали, то теперь эти переживания и страхи удесятились. Более того, ей пришлось одолевать чувство весьма неприятное и совсем ей незнакомое — ревность. У Оуэна, у которого гостит Эдмунд, есть сестры. Быть может, они показались ему привлекательными. Но так или иначе, его отсутствие в то время, когда, как он заранее знал, она предполагала уехать в Лондон, было для нее невыносимо. Воротись Генри, как он намеревался, через три четыре дня, она сейчас уже покидала бы Мэнсфилд. И ей вдруг стало совершенно необходимо увидеться с Фанни и попытаться еще хоть что то узнать. Не могла она долее жить в таком злополучном одиночестве; и она направилась в усадьбу, несмотря на трудности пути, которые неделю назад считала непреодолимыми, затем, чтоб услышать немного более того, что знала, затем, чтоб хотя бы услышать его имя.

Первые полчаса были потеряны, потому что Фанни сидела подле леди Бертрам, а, пока не удастся остаться с Фанни наедине, надеяться не на что. Но наконец леди Бертрам вышла из комнаты, и тотчас же, стараясь голосом не выдать свои чувства, мисс Крофорд заговорила:

— Ну, как вам нравится, что ваш кузен Эдмунд так долго не возвращается? Я думаю, вам приходится хуже всех, ведь дома вы теперь единственная молодая особа. Вам,

Леди Кэролайн Монтегю Дуглас Скотт.
С картины Дж. Рейнолдса, 1776 г.

должно быть, его недостает. Вас не удивляет, что он задерживается?

— Н не знаю,— неуверенно отвечала Фанни.— Да... по правде сказать, я этого не ждала.

— Быть может, он всегда будет задерживаться дольше, чем намеревался. У всех молодых людей такое обыкновение.

— Но не у Эдмунда. В первый раз, когда он ездил к мистеру Оуэну, он не задержался.

— Теперь ему там больше понравилось. Он сам чень, очень привлекательный молодой человек, и я даже несколько огорчена, что до отъезда в Лондон больше его не увижу, а теперь в этом уже нет сомнений. Я жду Генри со дня на день, и, как только он воротится, меня уже ничто не будет задерживать в Мэнсфилде. Признаться, я была бы рада еще

раз увидеть Эдмунда. Но вы непременно ему передадите мой привет. Да... именно привет. Вам не кажется, мисс Прайс, что какого то слова в нашем языке недостает — между приветом и... сердечным приветом,— которое подошло бы для нашего дружеского знакомства? Знакомства, что продолжалось столько месяцев! Но, возможно, привета в таком случае довольно. Длинное он прислал письмо? Подробно ли написал, как проводит время? Его привлекли там рождественские развлечения?

— Я слышала не все письмо, оно написано дядюшке... но, по моему, оно совсем короткое, там всего навсего несколько строк. Я только и слышала, что его друг настаивал, чтоб он пожил там подолее, он согласился. Еще два три дня или еще несколько дней, я не совсем уверена.

— Вот как, он писал к отцу... А я думала, к леди Бертрам или к вам. Но если к отцу, не удивительно, что он был краток. Кто станет писать к сэру Томасу о том о сем? Если б он написал к вам, он сообщил бы более подробностей. О балах и увеселительных прогулках. Описал бы вам всех и все. Сколько у мистера Оуэна сестер?

— Взрослых три.

— Они музыкальны?

— Не могу сказать. Я ничего такого не слыхала.

— Понимаете, женщина, которая сама играет, когда спрашивает о другой женщине, этим интересуется прежде всего,— сказала мисс Крофорд, стараясь казаться веселой и беззаботной. Но глупо задавать вопросы о молодых девицах... о любых трех сестрах, только что вышедших из детства. И так ясно, каковы они — все получили прекрасное воспитание, все милы, а одна даже очень недурна. В каждой семье есть красавица. Так водится. Две играют на фортепиано, одна — на арфе, и все поют... или пели бы, если б их учили... или оттого, что их не учили, поют еще лучше еловом, что nibудь в этом роде.

— Я ничего не знаю про сестер Оуэн,— спокойно сказала Фанни.

— Ничего не знаете и, как говорится, вам нет до них дела. В жизни не слыхала, чтоб тон так ясно выражал равнодушие. И вправду, какое может быть дело до людей, которых никогда не видел? Что ж, когда ваш кузен воротится, он застанет в Мэнсфилде тишь и гладь — вся шумная публика уже разъедется: ваш брат, и мой, и я сама. Сейчас, когда день отъезда так близок, мне жаль расставаться с миссис Грант. И ей жаль, что я уезжаю.

Фанни почувствовала, что обязана заговорить:

— Можете не сомневаться, мисс Крофорд, по вас многие будут скучать,— сказала она.— По вас будут очень скучать.

Мисс Крофорд обратила на нее свой взор, словно желая услышать и увидеть еще что то, а потом сказала, смеясь:

— О да, будут скучать, как скучают по всякому шумному злу, когда его убирают с глаз долой,— то есть сразу ощущается огромная разница. Но я не напрашиваюсь на комплименты. Если по мне и вправду заскучают, это будет видно. Кому захочется меня увидеть, те сумеют меня отыскать. Я ведь не уеду невесть куда, в края далекие и недостижимые.

Теперь Фанни не могла заставить себя заговорить, и мисс Крофорд была разочарована: ей так хотелось услышать лестные уверения в своей неотразимости от той, кому, как ей казалось, это должно быть известно; и настроение ее опять омрачилось.

— Да, сестры Оуэн,— сказала она несколько времени спустя.— Представьте, что одна из них поселилась бы в Торнтон Лейси, как бы вам это понравилось? Случались вещи и неожиданней. А уж эти сестрицы, я думаю, только того и добиваются. И они в своем праве, ведь для них это значило бы весьма недурно устроиться. Я ничуть не удивляюсь и не виню их. Каждый должен получше о себе позаботиться. Сын сэра Бертрама не первый встречный, а теперь он для них свой. Их отец духовное лицо, и брат духовное лицо, и все они духовные лица. Он их законная собственность, человек того же круга. Вы молчите, Фанни... мисс Прайс, вы молчите. Но скажите ка по чести, вы, должно быть, именно этого и ждете?

— Нет,— твердо отвечала Фанни.— Ничего подобного я совсем не жду.

— Совсем не ждете! — с живостью воскликнула мисс Крофорд.— Вы меня удивили. Но уж вы то знаете... мне всегда кажется, что вы знаете... возможно, по вашему, он вообще не собирается жениться... или сейчас не собирается.

— Да, по моему, не собирается,— мягко сказала Фанни, надеясь, что не ошиблась ни в своем предположение, ни в том, что высказала его.

Мисс Крофорд испытующе на нее посмотрела и, обретя еще большую уверенность оттого, что под ее взглядом Фанни скоро покраснела, только и сказала:

— Ему всего лучше так, как сейчас.— И заговорила о другом.

благодаря разговору с Фанни на душе у мисс Крофорд полегчало, и она возвращалась домой, готовая, если понадобится, выдержать даже еще неделю в том же малочисленном обществе в ту же скверную погоду; но в тот самый вечер воротился из Лондона ее брат, такой же как всегда или более обыкновенного оживленный, и уже можно было не опасаться скуки. Он по-прежнему отказывался говорить, чего ради ездил в Лондон, но это лишь способствовало веселью; еще накануне она бы на это сердилась, теперь же принимала лишь как милую шутку,— пожалуй, за шуткою скрывается какой то милый для нее сюрприз. И следующий день и вправду принес ей сюрприз. Генри сказал, что должен пойти к Бертрамам и справиться, как они поживают, и через десять минут будет обратно,— но его не было более часу; сестра ждала его, чтоб погулять вместе в саду, и наконец, потеряв терпенье, встретила его на повороте аллеи, и, когда она воскликнула: «Генри, дорогой, где же ты пропадал так долго?», он только и мог сказать, что сидел с леди Бертрам и с Фанни.

— Сидел с ними полтора часа! — вскричала Мэри.

Однако настоящий сюрприз был впереди.

— Да, Мэри,— сказал брат, предложил ей опереться на его руку и, как в тумане, двинулся по аллее.— Я не мог уйти раньше... Фанни так прелестна!.. Я твердо решил, Мэри. У меня нет ни малейших сомнений. Тебя это удивляет? Нет... ты, должно быть, чувствуешь, что я твердо решил жениться на Фанни Прайс.

Вот это и вправду был сюрприз; ибо, что бы Крофорду ни казалось, его сестра ничего подобного вообразить не могла; и на лице у ней выразилось такое неподдельное изумление, что ему пришлось повторить сказанное, притом полнее и торжественней. Твердая решимость, которую он выказал, не вызвала у ней недовольства. Этот сюрприз был ей даже приятен. В ее нынешнем состоянии духа Мэри радовалась родству с семьей Бертрам, и ее ничуть не огорчало, что Фанни брату неровня.

— Да, Мэри, воистину я попался,— в заключение подтвердил Генри.— Ты знаешь, какая легкомысленная прихоть двигала мною поначалу, но теперь с этим покончено. Я лщу себя надеждой, что мои успехи не так уж незначи

тельны — она теперь более расположена ко мне; ну, а мое чувство прочно.

— Счастливица, счастливица! — воскликнула Мэри, едва к ней вернулся дар речи.— Что за партия для нее! Дорогой мой Генри, это первое мое чувство, но второе, которое я выскажу тебе с такой же искренностью, что я всей душой одобряю твой выбор и всем сердцем чувствую, что ты будешь счастлив, как я того хотела и ждала для тебя. У тебя будет самая милая жёнка, воплощение благодарности и преданности. Именно то, чего ты заслуживаешь. Какая поразительная для нее партия! Миссис Норрис часто говорит про Фаннино везенье, что то она скажет теперь? В каком восторге будет вся семья! А там у Фанни есть истинные друзья. Как они возрадуются! Но Расскажи мне все. Рассказывай без конца. Когда ты стал думать о ней всерьез?

Ответить на такой вопрос — что может быть трудней, но и что может быть приятней, чем услышать его. Не мог он сказать, «как мука сладкая им завладела», и не успел он еще трижды на разные лады поведать о своем чувстве, как сестра нетерпеливо прервала его:

— Так, так, милый Генри, стало быть, вот зачем тебе понадобилось в Лондон! Вот оно, твое дело! Прежде чем окончательно решиться, ты почел нужным посоветоваться с адмиралом.

Но Генри упорно это отрицал. Он слишком хорошо знал своего дядю и ни за что не стал бы советоваться с ним касательно своей женитьбы. Адмирал ненавидел браки и полагал, что молодому человеку с независимым состоянием жениться непозволительно.

— Когда он узнает Фанни, он души в ней не будет чаять,— продолжал Генри.— Она в точности такова, что должна рассеять все предубеждения адмирала против женщин, ведь она в точности такова, каких, по его мнению, не бывает. Она и есть сама невозможность, какую он бы описал, будь он еще способен приличным образом выразить свои понятия. Но пока все не улажено окончательно, так что уже никакое вмешательство ничего не сможет изменить, дяде незачем ничего знать. Нет, Мэри, ты глубоко ошибаешься. Ты еще не угадала, по какому делу я ездил в Лондон.

— Ну, что ж, я удовлетворена. Теперь я знаю, с кем это связано, а остальное мне не к спеху. Фанни Прайс... чудесно, просто чудесно! Чтоб Мэнсфилд так для тебя обернулся... чтоб ты нашел в Мэнсфилде свою судьбу! Но ты совершенно

прав, ты бы не мог сделать лучший выбор. Девушки лучше не сыскать в целом свете, а богатства тебе и своего хватает. А что до ее родства, оно превосходное. Бертрамы несомненно одна из лучших семей в здешнем краю. Она племянница сэра Томаса Бертрама — для света этого вполне довольно. Но продолжай, продолжай. Рассказывай еще. Каковы твои планы? Она уже знает о своем счастье?

— Нет.

— Чего же ты ждешь?

— Чтоб... чтоб это был не просто благоприятный случай. Понимаешь, Мэри, она не похожа на своих кузин, и все таки я думаю, что не услышу отказа.

— Ну конечно, конечно! Будь ты даже не так мил, и, предположим, она еще не полюбила тебя (в чем я, однако ж, сомневаюсь), все равно тебе отказ не грозит. При ее мягкой благодарной натуре она немедля предастся тебе всей душой. Я уверена, без любви она за тебя не выйдет. То есть я хочу сказать, если есть на свете девушка, способная не поддаться честолюбивым притязаниям, так это уж наверно Фанни. Но попроси ее полюбить тебя, и у ней никогда не хватит духу отказать.

Едва при всем своем пыле Мэри замолкала, Генри принимался ей рассказывать с тою же радостью, с какой она слушала, и беседа увлекла ее почти так же, как его, хотя ему, в сущности, и поведать то было не о чем, кроме как о своих чувствах, не о чем рассуждать, кроме как об очаровании Фанни; как хороши у ней лицо и фигурка, как она мило держится и какое у ней золотое сердце — тема эта была неисчерпаема. Он превозносил ее кротость, скромность, доброту, ту самую доброту, которой мужчина отводит столь важное место, когда судит о достоинствах женщины, что, хотя подчас любит женщину недобрую, поверить в это никак не может. У Генри были все основания превозносить натуру Фанни и полагаться на нее. Он часто видел, каким испытаниям ее подвергали. Есть ли в семье сэра Томаса хоть кто то, кроме Эдмунда, кто бы постоянно так или иначе не испытывал ее терпенье и выдержку? Она верна своим привязанностям. Стоит только посмотреть на нее рядом с братом! Может ли быть доказательство восхитительней, что сердце у ней не только мягкое, но и пылкое? Может ли хоть что то вселить более надежды мужчине, который ждет от нее любви? Притом она, без сомненья, умна, и ум у ней быстрый и ясный; а в ее поведении, как в зеркале, отражается ее скромная и утонченная душа. Но и это еще не все. Генри Крофорд

был слишком разумен, чтоб не чувствовать, сколь драгоценно, когда у жены есть благие убеждения, хотя он вовсе не привык к серьезным размышлениям и оттого назвать бы их не сумел; но, говоря о твердости и уравновешенности ее поведения, и высокою понятии о чести, и неизменном соблюдении приличий, что дает любому мужчине все основания положить на ее преданность и чистоту, он словами выражал свое понимание, что его избранницей движут достойные убеждения и вера.

— Я могу с такою полнотою, так всецело довериться ей,— сказал Генри,— а именно это мне и надобно.

И его сестра, искренне уверенная, что, так превознося Фанни, он отнюдь не преувеличивает ее достоинства, могла лишь радоваться ожидавшему его счастью.

— Чем больше я думаю об этом,— воскликнула она,— тем больше убеждена, что ты поступаешь совершенно правильно, и, хотя мне никогда бы не пришло на ум, что тебя может привлечь такая девушка, как Фанни Прайс, теперь я убеждена, что она то и составит твоё счастье. Твой дурной замысел нарушить ее покой обернулся разумнейшей мыслью. Вам обоим он принесет добро.

— С моей стороны было скверно, очень скверно злоумышлять против такого создания! Но тогда я ее не понимал. И у ней не будет причин сожалеть о том часе, когда у меня впервые родилась эта мысль. Я сделаю ее очень счастливой, Мэри, так счастлива она никогда не была, да и никого счастливей не видела. Из Нортгемптоншира я ее не увезу. Я сдам внаем Эверингем и сниму дом здесь, по соседству. Пожалуй, Стонуикский охотничий домик. Сдам Эверингем в аренду на семь лет. Едва зайнусь, и уж наверно тотчас найдется отличный арендатор. Можно хоть сейчас назвать троих, которые с благодарностью согласятся на мои условия.

— Вот как! — воскликнула Мэри.— Поселишься в Нортгемптоншире! Чудесно! Тогда мы будем все вместе.

Сказав так, она опомнилась и пожалела о сказанном; но напрасно она смутилась — Генри только и подумал, что она предполагает остаться в пасторате, и ответил сердечнейшим приглашением поселиться в его доме, ибо он, брат, имеет на нее больше прав.

— Ты должна отдавать нам больше половины своего времени,— сказал он.— Я не могу согласиться, что у миссис Грант такие же права на тебя, как у нас с Фанни, ведь у нас они есть у обоих. Фанни станет тебе истинной сестрою!

Мэри оставалось только поблагодарить его и заверить, что так оно и будет, но, однако, твердо порешила, что теперь очень скоро окажется гостей брата или сестры.

— Ты будешь несколько месяцев жить в Лондоне, а остальные в Нортгемптоншире?

— Да.

— Правильно. И в Лондоне, конечно, заведешь собственный дом, довольно тебе жить у адмирала. Милый мой Генри, твое счастье, что ты расстанешься с адмиралом, пока его пагубное влияние еще не сказалось на тебе, пока ты еще не перенял никакие его нелепые мнения и не привык к одиноким трапезам, будто нет большего блага на свете, чем одиночество. Ты не сознаешь, сколько выиграл, потому что ослеплен уважением к дяде, но, на мой взгляд, ранняя женитьба для тебя спасительна. Видеть, как ты уподобляешься адмиралу словами или делами, видом или жестами,— это разбило бы мне сердце.

— Ну что ты, Мэри, тут мы с тобою не сходимся. Адмирал не лишен недостатков, но человек он очень хороший, и он был мне более чем отец. Редкий отец дал бы мне такую свободу поступать по своему. Не надобно настаивать Фанни против него. Я хочу, чтоб они полюбили друг друга.

Мэри не стала ему говорить, каковы ее чувства на этот счет — нет на свете двух людей, чьи характеры и поведение менее созвучны, со временем он это поймет; но от одного замечания, связанного с адмиралом, она не удержалась:

— Генри, я очень высоко ценю Фанни Прайс, и, если б могла предположить, что у будущей миссис Крофорд окажется даже вполтину меньше оснований, чем у моей бедной тетушки, с которой адмирал так скверно обращался, ненавидеть само его имя, я бы постаралась воспрепятствовать твоему браку; но я знаю тебя, знаю, если ты будешь любить жену, она окажется счастливейшей из женщин, и, даже когда ты ее разлюбишь, она найдет в тебе великодушие и воспитанность истого джентльмена.

Возможно ли не сделать все на свете, чтоб Фанни Прайс была счастлива, возможно ли ее разлюбить,— таков был смысл красноречивого ответа Генри.

— Видела бы ты ее нынче утром, Мэри,— продолжал он.— С какою невыразимой прелестью и терпением она исполняла все просьбы ее тупоумной тетки, рукодельничала с нею и для нее и, склоняясь над рукодельем, очаровательно розовела, потом возвращалась на свое место, чтоб

дописать что то для этой тупой матроны, и все это с такой естественною кротостью, будто так и полагалось, чтоб она ни минуты не принадлежала самой себе, и, как всегда, была так скромно причесана, а когда писала, на лоб упал завиток, и она то и дело, тряхнув головою, откидывала его назад, и среди всего этого успевала поговорить со мною или послушать меня, и казалось, ей нравятся мои речи. Видела бы ты ее в эти минуты, Мэри, так нипочем не могла б подумать, что ее власти над моим сердцем когда нибудь придет конец.

— Дорогой мой Генри! — воскликнула Мэри и на миг умолкла, с улыбкою посмотрела ему в лицо. — Как же я рада видеть, что ты так влюблен! Право, я в восторге. Но что скажут миссис Рашуот и Джулия?

— Мне все равно, что бы они ни сказали, что бы ни почувствовали. Теперь они увидят, какая женщина способна меня привлечь, какая женщина способна привлечь разумного мужчину. Хотел бы я, чтоб это открытие пошло им на пользу. И теперь они увидят, что с их кузиною обращаются, как она того заслуживает, и хотел бы, чтоб они искренне устыдились, вспоминая, как сами возмутительно, высокомерно, бессердечно обращались с нею. — И, немного помолчав, он прибавил спокойнее: — Они разгневаются. Миссис Рашуот очень разгневается. Для нее это будет особенно горькая пилюля, и, подобно прочим горьким пилюлям, окажется нехороша на вкус, но уже через минуту будет проглочена и забыта. Ведь не такой я наглец, чтоб думать, будто ее чувство, хоть оно и относилось ко мне, долговечней, чем у других женщин. Да, Мэри, моя Фанни воистину почувствует разницу в поведении всякого, кто станет к ней обращаться, будет чувствовать ее ежедневно, ежечасно; и сознание, что я тому причиною, что это благодаря мне она получает то, чего достойна, послужит к полноте моего счастья. Сейчас она зависима, беспомощна, одинока, заброшена и забыта.

— Нет, Генри, не всеми, не всеми забыта, не одинока и не забыта. Ее кузен Эдмунд никогда ее не забывает.

— Эдмунд... Да, согласен, он к ней, конечно, добр. И сэр Томас на свой лад тоже, как бывает добр богатый, высокомерный, велеречивый, властный дядюшка. Разве то, что Эдмунд и сэр Томас вместе в состоянии сделать, разве то, что они делают для ее счастья, покоя, чести и достоинства, может сравниться с тем, что стану делать я?

а другое утро Генри Крофорд опять был в Мэнсфилд парке, причем ранее того часа, когда принято являться с визитами. Леди Бертрам и Фанни он застал в малой гостиной, и, к его счастью, когда он вошел, леди Бертрам как раз собиралась удалиться. Она дошла уже почти до дверей и, не мысля, что можно потратить столько усилий понапрасну, любезно его встретила, коротко сослалась на то, что ее ждут, велела слуге доложить о госте сэру Томасу и прошествовала своей дорогою.

Безмерно довольный, что она уходит, Генри поклонился, проводил ее взглядом и, не теряя ни минуты, тотчас же оборотился к Фанни, достал из кармана какие то письма и весьма оживленно заговорил:

— Должен признаться, я бесконечно обязан тому, кто дал мне случай увидеть вас наедине. Вы и не представляете, как мне этого хотелось. Зная ваши чувства к брату, я не вынес бы, если б вам пришлось разделить с кем либо из домочадцев первую радость от известия, которое я принес. Он произведен. Ваш брат — лейтенант. Я бесконечно счастлив поздравить вас с производством вашего брата в офицеры. Вот письма, из которых это явствует, они только что прибыли. Вы, наверно, хотите их посмотреть.

Фанни не в силах была вымолвить ни слова, но он и не ждал от нее слов. Ему довольно было видеть ее глаза, краску в лице, видеть, как сменялись ее чувства — сомнение, смущение и, наконец, ликование. Он протянул ей письма, и она их взяла. Первое было от адмирала — в нескольких словах он сообщал племяннику, что дело, о котором он хлопотал, — производство молодого Прайса — закончилось успешно; и в конверт были вложены еще два письма — одно от секретаря военно морского министра (первого лорда Адмиралтейства) другу адмирала, которого он уполномочил позаботиться об этом деле, второе — от этого друга ему самому; из этого письма следовало, что его светлость был счастлив иметь попечение о рекомендации сэра Чарлза, что сэр Чарлз был в восторге от представившегося ему случая доказать адмиралу Крофорду свое глубочайшее уважение и что присвоение мистеру Уильяму Прайсу звания второго лейтенанта на его вели

чества шлюпе «Дрозд» наполнило радостью широкий круг весьма замечательных лиц.

Фанни дрожащей рукой держала письма, взор ее перебегал с одного на другое, и сердце переполнилось волнением, а меж тем Крофорд все говорил и говорил с непритворным пылом, спеша выразить, как близко к сердцу принимает он это событие.

— Как бы ни была велика моя собственная радость, умолчу о ней, ибо думаю лишь о вашей радости. В сравнение с вами кто вправе ликовать? Я чуть ли не упрекал себя, узнав прежде вас то, что вам должно бы стать известно ранее всех на свете. Однако ж я не потерял ни минуты. Почта нынче утром запоздала, но уж я то потом не мешкал ни минуты. Не стану и пытаться описывать, как нетерпеливо, как страстно, как отчаянно желал я скорейшего разрешения этого дела, как был горько уязвлен, как жестоко разочарован, что оно не доведено было до конца, пока я оставался в Лондоне! Со дня на день откладывал я свой отъезд в надежде на скорое его окончание, ибо ничто, кроме такого дорогого моему сердцу предмета, не могло бы и вполовину долее задержать меня вдали от Мэнсфилда. Но хотя мой дядюшка отнесся к моему желанию со всей сердечностью, какой я от него ждал, и немедленно сделал все от него зависящее, один его друг был в отсутствии, а другой чрезвычайно занят, отчего возникли сложности, разрешения которых я уже не смог долее ждать, и, зная, в каких надежных руках я все оставляю, я в понедельник уехал, в надежде, что самой ближайшей почтой получу вот эти письма. Мой дядюшка, самый лучший человек в целом свете, увидев вашего брата, как я и думал, сделал все от него зависящее. Он в восторге от вашего брата. Вчера я не позволил себе рассказать, в какой восторг он пришел, не позволил себе повторить и половины похвал адмирала в его адрес. Я отложил это до тех пор, пока не получу подтверждения, как получил нынче, что то были похвалы истинного друга. Вот теперь можно сказать, что я и сам не мог бы ждать от адмирала большего интереса, а с ним более горячего желания помочь, более высокой похвалы, чем та, что от души выразил мой дядюшка после того, как они вместе провели вечер.

— Так, выходит, все это плод ваших стараний? — воскликнула Фанни. — Боже милосердный! Как вы добры, как добры! Вы и вправду... это благодаря вашему желанию... прошу прощенья, но я в растерянности. Неужто

адмирал просил за Уильяма?., как это было?., я ошеломлена.

Генри был неописуемо счастлив, что может все растолковать, и принялся рассказывать, как все началось, и подробнее объяснять, каково в этом его собственное участие. Последняя его поездка в Лондон имела единственной целью ввести брата Фанни в дом на Хилл стрит и уговорить адмирала, чтоб он всем своим влиянием поспособствовал продвижению Уильяма по службе. Это и было его дело в Лондоне. О своем намерении он не сказал ни единой душе, не заикнулся о том даже Мэри; пока не был уверен в исходе, он не хотел ни с кем делиться своими чувствами, но таково было его дело в Лондоне; и с таким жаром он говорил о своих стараниях, столько страсти было в каждом слове, так изобиловала его речь выражениями вроде *глубочайшей заинтересованности, двояких мотивов, невозможности сказать все, что ему хотелось бы*, что, будь Фанни в состоянии внимать ему, она несомненно поняла бы, к чему он клонит; но сердце ее так было переполнено, она так еще была удивлена, что слушала вполуха даже то, что он говорил ей об Уильяме, и, когда он замолчал, только и промолвила: «Как вы добры! Как необыкновенно добры! Ах, мистер Крофорд, мы вам бесконечно обязаны. Милый, милый мой Уильям!», потом вскочила и поспешно направилась к двери, восклицая: «Пойду к дядюшке. Дядюшка должен узнать об этом как можно скорее!» Но этого Крофорд допустить не мог. Случай был слишком хорош, и чувства его слишком нетерпеливы. Он сразу же ее остановил. Она не должна уходить, должна подарить ему еще пять минут! И он взял ее за руку и повел обратно на место, и только в середине его дальнейшего объяснения Фанни заподозрила, чего ради он ее задержал. Однако ж когда она окончательно поняла это и увидела, что от нее ждут, чтоб она поверила, будто вызвала в нем чувства, коих сердце его никогда прежде не знало, и что все, сделанное им для Уильяма, должно служить доказательством его безмерной, не имеющей себе равных преданности ей, она до крайности огорчилась и несколько времени не могла вымолвить ни слова. Она сочла все это вздором, пустой болтовней и волокитством, рассчитанным лишь на то, чтоб ввести ее в заблуждение; она только и почувствовала, что он ведет себя с нею непорядочно, недостойно, чего она вовсе не заслужила; но это очень на него похоже, вполне согласно с тем, что она уже видела; однако она не позволит себе и наполо

вину выказать свое неудовольствие, ведь она теперь стольким ему обязана, и нельзя ей о том не помнить, хоть ему и недостало деликатности. Пока сердце ее трепещет благодарностью и радостью за Уильяма, не может она слишком возмущаться из-за того, что ранит лишь ее самое; и после того, как она дважды отняла у Крофорда свою руку и дважды тщетно пыталась отворотиться от него, она поднялась и в сильном волнении только и сказала:

— Прошу вас, мистер Крофорд, не надо. Пожалуйста, не надо. Подобный разговор мне очень неприятен. Я уйду. Мне это невыносимо.

Но он все не умолкал, говорил о своем чувстве, умолял о взаимности и, наконец, в самых определенных словах, так что не могла она не понять, предложил ей себя, свою руку, свое состояние, решительно все. Да, он так это прямо и сказал. Фанни удивилась и смутилась более прежнего, и, все еще не веря, можно ли принять это всерьез, она не в силах была долее слушать. Крофорд настаивал на ответе.

— Нет, нет, нет! — воскликнула Фанни, закрыв руками лицо. — Это все вздор. Не терзайте меня. Я более не могу это вынести. Вы были так добры к Уильяму, мою благодарность не выразить никакими словами. Но я не хочу, не могу, не должна слушать такие речи. Нет, нет, не думайте обо мне. Да вы и не думаете. Это все пустое, я знаю.

Фанни кинулась прочь от Крофорда, и тут донесся голос сэра Томаса, который, направляясь к той комнате, где были они, что то говорил слуге. Теперь уже не время для дальнейших уверений и настояний, хотя расстаться с Фанни в тот самый миг, когда исполненному надежды и заранее уверенному в успехе Крофорду казалось, будто на пути к его счастью стоит единственно ее скромность, было хотя и необходимо, но жестоко. Фанни убежала из двери, противоположной той, к которой приближался дядюшка, и в крайнем смятении, одолеваемая противоречивыми чувствами, принялась ходить взад и вперед по Восточной комнате, еще до того, как сэр Томас покончил с извинениями и любезностями, узнав о радостном известии, которым пришел поделиться его гость.

Из-за всего происшедшего Фанни была дрожь, буря чувств и мыслей бушевала в ней, она была взволнована, счастлива, несчастна, бесконечно благодарна, безмерно

*W'no m' she could,
bury her face.*

разгневана. Все это неправдоподобно! Поведение Крофорда непростительно, непостижимо! Но уж такой он есть, что бы ни сделал, во всем примесь зла. Сперва благодаря ему она стала счастливей всех на свете, а потом он ее оскорбил; ну, что на это сказать, как расценить, как к этому отнестись. Не может она принять его речи всерьез, но как же извинить подобные слова и предложения, если они говорятся не всерьез?

Но Уильям — лейтенант. Это, без сомнения, правда, и ничем не омраченная. Лишь об этом она и станет думать и забудет обо всем остальном. Конечно, Крофорд более с ней не заговорит, должен он был видеть, как ей это неприятно. И тогда с какой признательностью будет она почитать его за дружеское участие в Уильяме.

Она не двинется из Восточной комнаты дальше лестничной площадки, пока не убедится, что Крофорд уже откланялся; но уверясь, что он ушел, она сразу же поспешила к дядюшке, чтоб разделить с ним радость его и свою и услышать от него все, что он знает или предполагает о том, куда теперь лежит путь Уильяма. Сэр Томас был доволен не менее, чем она того желала, и весьма добр и разговорчив, и так они вдвоем хорошо поговорили об Уильяме, что Фанни и думать забыла про то, из за чего рассердилась, пока под конец беседы не оказалось, что Крофорд приглашен сегодня же с ними отобедать. Новость пренеприятно ее поразила, ведь, хотя он скорее всего и не придаст значение тому, что произошло, ей было бы мукой вновь увидеть его так скоро.

Она старалась не показывать виду, с приближением обеденного часа изо всех сил старалась чувствовать себя и выглядеть как обыкновенно, но, когда гость вошел в комнату, на нее сразу напала неодолимая робость и неловкость. Она и помыслить не могла, что в день, когда придет весть о производстве Уильяма, волею обстоятельств ей придется испытать столько неприятных чувств.

Крофорд не просто появился в комнате, очень скоро он был уже подле нее. Он принес ей записку от своей сестры. Фанни не смела поднять на него глаза, но по его голосу незаметно было, чтобы он сознавал, как был совсем недавно безрассуден. Фанни немедленно развернула записку, довольная, что есть чем заняться, и, читая, радовалась, что тетюшка Норрис, тоже приглашенная на обед, суетится поблизости и несколько загромождает ее ото всех.

«Дорогая моя Фанни,— ибо именно так отныне я смогу вас называть, к величайшему своему облегчению, потому что язык с трудом повиновался мне, когда надо было произнести «мисс Прайс», особенно же в последние полтора месяца,— не могу отпустить брата, не написав вам несколько поздравительных слов и не выразив своего самого радостного согласия и одобрения. Решайтесь, дорогая моя Фанни, и смелее! Тут не может быть никаких затруднений, о которых стоило бы упоминать. Лицу себя надеждою, что уверенность в моем согласии будет для вас безразлична; итак, нынче ввечеру милостиво улыбнитесь ему своей прелестнейшей улыбкою и отошлите его ко мне еще счастливей, чем он сейчас.

Любящая вас М. К.»

Не те это были строки, которые могли принести Фанни облегчение, ибо хотя она и читала записку впопыхах и в смятенье и потому не очень ясно поняла смысл, однако ж, было очевидно, что мисс Крофорд поздравляет ее с нежной привязанностью своего брата и даже, похоже, принимает его чувства всерьез. Фанни не знала, как быть и что подумать. Ей несносна была сама мысль, что все это, пожалуй, серьезно, и, как ни поверни, она была озадачена и взволнована. Она страдала всякий раз, едва Крофорд заговаривал с нею, а заговаривал он слишком часто; и она боялась, что, когда он обращается к ней, голос его и манера не совсем таковы, как в разговоре со всеми остальными. Во время этого обеда не было ей покоя; кусок не шел в горло, и, когда сэр Томас шутливо заметил, что радость отняла у ней аппетит, она готова была провалиться сквозь землю от стыда, от ужаса, как это может истолковать мистер Крофорд, ибо, хотя ничто бы не заставило ее посмотреть вправо, в его сторону, она чувствовала, он то сразу же обратил на нее взгляд.

Она была молчаливей обыкновенного. Она едва поддерживала разговор, даже когда речь шла об Уильяме, ведь офицерское звание он получил тоже стараниями того, кто сидел по правую руку от нее, и связь эта ее мучила.

Фанни казалось, леди Бертрам засиделась за столом долее обыкновенного, и она уже стала терять надежду когданибудь выйти; но наконец то они оставили мужчин одних, и, пока тетушки в гостинной каждая на свой лад заканчивали разговор о назначении Уильяма, она вольна была подумать на свободе.

Тетушка Норрис среди всего прочего была в восторге от экономии, которую это принесет сэру Томасу.

— Теперь Уильям сможет сам себя содержать, что будет означать весьма заметную разницу для его дядюшки, ведь никому не известно, сколько он стоил сэру Томасу; и уж конечно, это несколько отразится и на ее собственных подарках тоже. Она очень рада, что дала Уильяму то, что дала при расставании, право, очень рада, что тогда была в силах дать ему существенную сумму без особого материального ущерба для себя, то есть существенную для нее при ее скудных средствах, а ему теперь это пригодится, поможет оснастить свою каюту. Ему, без сомнения, предстоят кой какие расходы, ему придется многое купить, хотя его родители, конечно, наставят его, как приобрести все подешевле, но она так рада, что внесла в это и свою лепту.

— Я рада, что ты дала ему существенную сумму,— безо всяких задних мыслей невозмутимо сказала леди Бертрам,— потому что я то дала ему всего десять фунтов.

— Вот как! — воскликнула тетушка Норрис и покраснела.— Право слово, он уехал с набитыми карманами! Да еще и дорога до Лондона ничего ему не стоила!

— Сэр Томас мне сказал, что десяти фунтов будет довольно.

Тетушка Норрис вовсе не собиралась ставить это под сомнение и предпочла перевести разговор.

— Просто диву даешься, каких денег молодые люди стоят их благодетелям, ведь их и воспитать надобно, и на ноги поставить! — сказала она.— Им и невдомек, во что это обходится, сколько на них уходит в год у родителей или у дядюшек и тетушек. Вот, к примеру, дети моей сестры Прайс. Если взять их всех вместе, так, я полагаю, никто и не поверит, во сколько они каждый год обходятся сэру Томасу, уж не говоря о том, как стараюсь для них я.

— Совершенно верно, сестра, так оно и есть. Но что они могут поделаться, бедняжки. А для сэра Томаса это не составляет почти никакой разницы. Фанни, пусть Уильям не позабудет про мою шаль, если будет в Вест Индии. И я поручу ему купить еще чтонибудь стоящее. Хорошо б он отправился в Вест Индию, и тогда у меня была бы шаль. Фанни, я думаю, мне нужны две шали.

Фанни меж тем принимала участие в разговоре, лишь когда нельзя было промолчать, а сама все пыталась по

нять, что ж такое затеяли мистер и мисс Крофорд. Не может это быть серьезно. Все на свете, кроме его слов и поведения, против этого. Против все обычные, возможные, разумные доводы; все обыкновения и образ мыслей Крофордов и все ее собственные несовершенства. Да разве может она вызвать серьезное чувство у человека, который видел столько женщин, несравнимо ее превосходящих, и столько восхищал, и за столькоими ухаживал; на которого, похоже, трудно произвести впечатление, даже когда ему очень старались понравиться; который о подобных материях судит так легко, так беспечно, так бесчувственно; который так много значит для каждого, но, видно, не нашел никого, к кому бы сам питал подлинную привязанность? И еще, как может быть, чтоб его сестра, при всех ее требовательных и светских понятиях о браке, стала поощрять серьезные намерения касательно девушки столь ниже его по положению? Что может быть неестественней для обоих Крофордов? Фанни стыдилась собственных сомнений. Во что угодно можно поверить, только не в серьезное чувство к ней Крофорда, не в одобрение этого чувства его сестрою. Она успела убедить себя в том еще прежде, чем в гостиную вошли мужчины. Надо было только не утратить это убеждение, когда Крофорд оказался тут же, ибо раз другой он устремлял на нее взгляд, который она просто не знала как расценить с общепринятой точки зрения: во всяком случае, у любого другого мужчины он имел бы очень серьезное, очень определенное значение. Но Фанни все еще старалась думать, что он выражает не более того, что выражал, когда бывал устремлен на ее кузин и десятки других женщин.

Ей казалось, он хочет поговорить с нею так, чтоб другие не слышали. Он как будто искал такой случай всякий раз, как сэр Томас выходил из комнаты или был занят разговором с тетужкой Норрис, но Фанни старательно этого избегала.

Наконец то — Фанни едва этого дождалась, ведь ей все время было не по себе, хотя час был еще не столь поздний, — Крофорд заговорил о том, что пора уходить; но не успела Фанни вздохнуть с облегчением, как он повернулся к ней со словами:

— А вы ничего не передаете для Мэри? Никакого ответа на ее записку? Она будет разочарована, если ни строчки от вас не получит. Прошу вас, напишите ей хоть несколько слов.

— Да да, конечно! — воскликнула Фанни и поспешно встала, поспешно от смущения, от желания ускользнуть. — Я сейчас к ней напишу.

И она пошла к столу, за которым обыкновенно писала для своей тетушки, и приготовила письменные принадлежности, все еще понятия не имея, что же отвечать мисс Крофорд. Она лишь однажды прочла ее записку, и как тут ответишь, когда ничего ей не понятно. Совершенно не привычная к подобной переписке, она, будь у ней время, извелась бы из за сомнений и страхов, гадая, в каком же тоне ответить; но надобно немедля написать хоть что то, и с единственным чувством не дай бог не показать, что она поняла истинный смысл письма, с дрожью в душе дрожащей рукою Фанни написала:

«Я весьма благодарна Вам, дорогая мисс Крофорд, за любезные поздравления, коль скоро они касаются моего драгоценного Уильяма. Как я понимаю, остальная же часть Вашего письма просто шутка, но я ни к чему такому непривычна и надеюсь, вы не будете в обиде, если я попрошу Вас об этом позабыть. Я довольно видела мистера Крофорда, чтоб составить представление о его наклонностях. Если б он так же хорошо понимал меня, он, я думаю, вел бы себя со мною иначе. Сама не знаю, что я пишу, но Вы окажете мне величайшую любезность, если никогда более не станете поминать о сем предмете. С благодарностию за честь, которую Вы мне оказали своим письмом, дорогая мисс Крофорд,

остаюсь искренне Ваша».

Конец был почти совсем неразборчив от усилившегося страха, ибо под предлогом, что ему надо получить записку, Крофорд уже направился к ней.

— Не подумайте, будто я вас тороплю, — вполголоса сказал он, видя, с каким непостижимым трепетом она пишет. — У меня этого и в мыслях нет. Умоляю вас, не торопитесь.

— Благодарю вас, я уже закончила, как раз закончила сейчас, еще полминуты... я вам очень признательна, будьте так добры, передайте это мисс Крофорд.

Фанни протянула ему сложенный листок; пришлось Крофорду его взять; а так как она, отведя взгляд, тотчас прошла к камину, где сидели все остальные, ему только и оставалось, что и вправду откланяться.

Фанни казалось, что не было еще в ее жизни дня, исполненного таких волнений, вместе и мучительных и радостных, но, к счастью, радость была не из тех, что кончаются с исходом дня, ибо каждый новый день вновь принесет сознание, что Уильям произведен, мученье же, надобно надеяться, уж более не воротится. Ее письмо, конечно же, покажется написанным хуже некуда, такая нескладица была бы позором и для ребенка, ведь она была в отчаянии и писала как придется, не выбирая слов. Однако же записка хотя бы убедит обоих, что благосклонность Крофорда вовсе не произвела на нее впечатления и не вызвала благодарности.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 1

роснувшись на другое утро, Фанни поняла, что отнюдь не забыла о Крофорде; но она помнила смысл своей записки и, как и вчера вечером, надеялась, что она окажет свое действие. Если б только Крофорд уехал! Она желала этого всем сердцем, пусть бы он уехал и увез с собою сестру,—раньше ведь так и предполагалось, для того он и вернулся в Мэнсфилд. И ей было совершенно непонятно, почему они до сих пор этого не сделали, ведь мисс Крофорд явно не желала тут задерживаться. Вчера, когда Крофорд был у них в гостях, Фанни надеялась, что он назовет день их отъезда, но он лишь сказал, что в скором времени они отправятся в путь.

Уверенная, что записка ее достигнет цели, к которой она стремилась, Фанни не могла не удивиться, когда случайно увидела Крофорда, направляющегося к их дому, да притом в такой же ранний час, как вчера. Вероятно, его приход не имеет к ней отношения, но, если только можно, надо избежать встречи с ним; и, так как в эту минуту она поднималась в Восточную комнату, она решила посидеть там, пока он не уйдет, разве что за нею пошлют; а поскольку тетушка Норрис еще не отбыла к себе, вряд ли грозила опасность, что и Фанни понадобится.

Несколько времени, во власти волнения, она прислушивалась, трепетала, страшилась, что в любую минуту за нею пошлют; но ничьи шаги не приближались к Восточной комнате, и Фанни постепенно успокоилась, могла уже сидеть и заниматься делом и надеяться, что Крофорд как пришел, так и уйдет, и ей ничего не надобно будет о том знать.

Прошло около получаса, и она уже чувствовала себя вполне уютно, но вдруг услышала, что к ее двери направляются чьи то шаги, тяжелые, непривычные для этой половины дома,— то были дядюшкины шаги, столь же ей знакомые, как его голос; они часто приводили ее в трепет, затрепетала она и сейчас, при мысли, что он намерен о чем то с нею говорить. Это и вправду оказался сэр Томас, он отворил дверь и спросил, здесь ли она и можно ли ему войти. Казалось, ее вновь охватил ужас, который она испытывала, когда он прежде изредка появлялся в этой комнате, и чувство было такое, будто он сейчас примется экзаменовать ее по французской или по английской грамматике.

Однако ж она повела себя весьма предупредительно, подвинула ему стул и постаралась казаться польщенной; и в своем волнении совсем забыла про изъяны своего жилища, но сэр Томас, едва переступив порог, вдруг остановился и в совершенном недоумении спросил:

— А почему у тебя сегодня не зажжен камин?

За окном лежал снег, и Фанни сидела, кутаясь в шаль. Она не сразу нашлась.

— Мне не холодно, сэр... В это время года я никогда не сижу тут подолгу.

— Но... тут вообще зажигают камин?

— Нет, сэр.

— Как же так? Тут какая то ошибка. Я полагал, что ты пользуешься этой комнатою, потому что чувствуешь себя тут вполне уютно. Ведь в твоей спальне камина нет. Тут какое то серьезное недоразумение, которое следует устранить. Тебе уж никак не годится сидеть в нетопленной комнате, пусть даже и всего полчаса в день. Ты слабенькая. Ты зябнешь. Твоя тетушка, вероятно, не знает, что здесь не топят.

Фанни предпочла бы промолчать, но, вынужденная говорить, она из чувства справедливости по отношению к той тетушке, которую любила больше, не могла удержаться, чтоб среди сказанного в ответ не помянуть «тетушку Норрис».

— Понятно,— воскликнул сэр Томас, овладев собою и не желая ничего более слушать.— Понятно. Миссис Норрис всегда — и весьма разумно — стояла за то, чтобы при воспитании не потакать излишне присущим юному возрасту слабостям. Но во всем надобно соблюдать умеренность. Притом твоя тетушка Норрис очень крепкого здоровья, и это, без сомнения, влияет на ее взгляды

касательно нужд прочих людей. Но с другой стороны, я отлично ее понимаю. Ее чувства издавна мне известны. Сей принцип сам по себе хорош, но иной раз она заходит слишком далеко, и в случае с тобою так оно и вышло. Я представляю, что иногда в некоторых отношениях допускалась неуместная предвзятость, но я слишком хорошего мнения о тебе, Фанни, и не думаю, что ты таишь из-за этого обиду. Ты девушка понятливая и не станешь судить о вещах односторонне и о событиях пристрастно. Ты будешь судить о прошлом в целом, примешь во внимание, что за люди вокруг, в какую пору как они поступают и ради чего, и почувствуешь, что ничуть не меньшими твоими друзьями были те, кто приучал и готовил тебя к тем заурядным условиям жизни, которые казались твоим уделом. Хотя их предусмотрительность может в конце концов оказаться излишней, намерения у них были добрые. И не сомневайся, все преимущества богатства будут удвоены благодаря тем небольшим лишениям и ограничениям, которым тебя, возможно, подвергали. Надеюсь, ты не обманешь моей веры в тебя и всегда будешь относиться к твоей тетушке Норрис с должным уважением и вниманием. Но довольно об этом. Сядь, моя дорогая. Мне надобно несколько минут поговорить с тобою, но я не задержу тебя надолго.

Фанни повиновалась, потупясь и краснея. Сэр Томас помолчал, постарался скрыть улыбку, потом продолжал:

— Ты, верно, не знаешь, что нынче утром ко мне пожаловал гость. Вскоре после завтрака, когда я был у себя, мне доложили о приходе мистера Крофорда. Что его привело ко мне, ты, вероятно, догадываешься.

Фанни все сильнее заливалась краской, и, решив, что это от смущенья она не может ни заговорить, ни поднять глаза, дядюшка отвел от нее взгляд и сразу же продолжал рассказ о визите мистера Крофорда.

Мистер Крофорд явился затем, чтоб объявить о своей любви к Фанни, предложить ей руку и сердце и просить согласия ее дяди, который, судя по всему, заменяет ей родителей; и говорил он весьма хорошо, откровенно, свободно, как приличествует случаю, а посему сэр Томас, чувствуя, что и собственные его ответы и замечания наилучшим образом содействовали происходящему, с превеликим удовольствием передавал подробности беседы и, не подозревая, что творится в душе племянницы, воображал, будто подробности эти ей еще много приятней, нежели ему самому. Итак, он говорил уже несколько

минут, а Фанни все не решалась его прервать. Она едва ли даже ощущала желание прервать его речь. Слишком она растерялась. Она чуть отворотилась и, устремив взгляд за окно, в полном смятении и тревоге слушала дядюшку. На миг он замолчал, но Фанни едва ли еще осознала это, когда, встав со стула, он сказал:

— А теперь, Фанни, исполнив одну часть своей миссии и показав тебе, что все покоится на чрезвычайно солидной и приятной основе, я могу исполнить оставшуюся часть: прошу покорно, спустись со мною вниз, и, хоть я не считаю себя неподходящим спутником, там мне придется уступить место другому, кого тебе стоит послушать и того более. Как ты, вероятно, догадываешься, мистер Крофорд еще у нас. Он у меня в комнате и надеется увидеть там тебя.

К удивленью сэра Томаса, услышав это, Фанни переменялась в лице, вздрогнула, слабо ахнула; но еще более он удивился, когда она вскричала:

— О нет, сэр Томас, я не могу, право, я не могу к нему пойти. Мистер Крофорд должен знать,, да, он должен знать,, я вчера довольно ему сказала, чтоб убедить его... он вчера говорил со мной об этом, и я, не скрывая, сказала ему, что мне это ужасно неприятно и не в моих силах ответить ему тем же.

— Я что то не пойму тебя,— сказал сэр Томас, вновь садясь.— Не в твоих силах ответить ему тем же! Что это значит? Я знаю, он вчера с тобою говорил и, как я понимаю, получил именно столько оснований действовать дальше, сколько могла позволить себе дать молодая разумная особа. По тому, что я заключил из его слов, я был весьма доволен твоим вчерашним поведением, оно говорит о скромности, которая достойна самой высокой похвалы. Но теперь, когда он сделал следующий шаг таким подобающим образом, так благородно, что же тебя смущает теперь?

— Вы ошибаетесь, сэр! — воскликнула Фанни, в эту отчаянную минуту даже вынужденная сказать дядюшке, что он не прав.— Вы глубоко ошибаетесь. Как мог мистер Крофорд сказать такое? Я вчера не давала ему никаких оснований. Напротив, я ему сказала... не могу вспомнить точные слова... но безусловно я ему сказала, что не хочу его слушать, что мне это до крайности неприятно во всех отношениях и я прошу его никогда более так со мною не говорить... Это я ему уж точно сказала, и не только это, а сказала бы и того более,, будь я вполне уверена,

что он говорит серьезно, но мне не хотелось... я никак не могла приписывать ему намерения, которых у него, возможно, и не было. Я думала, у него это все пустое.

Долее она не в силах была говорить, у ней перехватило дыхание.

— Верно ли я тебя понял, что ты отказываешь мистеру Крофорду? — после недолгого молчания спросил сэр Томас.

— Да, сэр.

— Отказываешь ему?

— Да, сэр.

— Отказываешь мистеру Крофорду! На каком основании? Что тому причину?

— Он... он недостаточно мне по душе, чтоб я могла выйти за него замуж.

— Весьма странно! — сказал сэр Томас тоном спокойного неудовольствия. — Чего то я не могу тут постичь. Есть молодой человек, который желает ухаживать за тобою, и решительно все говорит в его пользу: не только его положение, состояние и характер, но и на редкость приятный нрав, манера обращения и разговор, любезные всем и каждому. И ты знаешь его не первый день, вы знакомы уже несколько времени. К тому же его сестра — твоя ближайшая подруга, и, не будь ничего другого, говорящего в его пользу, я полагаю, тебе должно бы быть довольно уже и того, что он сделал для твоего брата. Еще неизвестно, когда бы это удалось благодаря моему влиянию. А он уже все сделал.

— Да, — едва слышно сказала Фанни, опустив глаза, ее вновь охватил стыд, ибо после того, как дядюшка в таком свете изобразил Крофорда, ей и вправду было стыдно, что ей он не по душе.

— По поведению мистера Крофорда ты должна была понимать, — вскоре продолжал сэр Томас, — уже несколько времени должна была понимать, что он тебя отличает. Его предложение не могло быть для тебя неожиданным. Ты должна была заметить его благосклонность, и, хотя ты всегда вела себя как полагается (мне не в чем тут тебя упрекнуть), я не замечал, чтоб он был тебе неприятен. Я склонен думать, Фанни, что ты не отдаешь себе отчет в своих чувствах.

— Нет, нет, сэр! Конечно же, отдаю. Его благосклонность всегда... всегда была мне не по душе.

Сэр Томас посмотрел на нее с еще большим удивлением.

— Это выше моего понимания,— сказал он.— Это требует объяснений. Ты еще так молода и почти никого не встречала, едва ли возможно, чтоб твое сердце...

Он замолчал и пристально на нее посмотрел. Он увидел, что губы ее сложились для слова «нет», но голос изменил ей, и она вся залилась румянцем. Однако в девице столь скромной румянец никак не противоречил невинности; и, предпочтя удовольствоваться этим, сэр Томас поспешно прибавил:

— Нет, нет, я знаю, о том и речи нет, это невозможно. Что ж, больше тут сказать нечего.

И несколько минут он и вправду молчал. Глубоко задумался. Племянница тоже глубоко задумалась, пыталась обрести твердость и подготовиться к дальнейшим расспросам. Она скорее умерла бы, чем вымолвила признание, и надеялась, поразмыслив, обрести опору, чтоб не выдать правду.

— Независимо от увлечения мистера Кроффорда, которое, мне кажется, оправдано его выбором,— опять, притом вполне невозмутимо, заговорил сэр Томас,— само по себе его желание рано вступить в брак, на мой взгляд, весьма похвально. Я сторонник ранних браков, когда это позволяют средства, и советовал бы каждому молодому человеку с достаточным доходом, достигшему двадцати четырех лет, жениться как можно скорее. Я совершенно в том уверен, и оттого мне горько думать, что мой старший сын, твой кузен мистер Бертрам, не склонен рано жениться. Во всяком случае, сколько я могу судить, брак отнюдь не занимает место ни в его планах, ни в мыслях. Я желал бы, чтоб он был более склонен осесть.— При этих словах он бросил взгляд на Фанни.— Эдмунд, я думаю, по своей натуре и привычкам более брата склонен жениться рано. Вот он, как мне кажется с недавних пор, уже увидел девицу, которую мог бы полюбить, тогда как о моем старшем сыне этого сказать нельзя. Я прав? Ты со мною согласна, Фанни?

— Да, сэр.

Это было сказано тихо, но спокойно, и отношение Фанни к кузенам уже более не внушало беспокойства сэру Томасу. Но то, что тревога его сместилась, никак не облегчило положение Фанни; и, поскольку непостижимость ее поведения лишь подтвердилась, его недовольство возросло; он встал и, нахмурясь,— что Фанни отлично представляла, хотя и не смела поднять глаз,— зашагал по комнате, а немного погодя властно спросил:

— У тебя есть причина плохо думать о нраве мистера Крофорда, дитя мое?

— Нет, сэр.

Фанни жаждала прибавить: «Но о его правилах поведения — есть», но при ужаснувшей ее мысли о предстоящем в этом случае разговоре, объяснении и, возможно, неспособности его убедить сердце у ней упало. Ее дурное мнение о Крофорде основывалось по преимуществу на ее наблюдениях, которыми, оберегая своих кузин, она едва ли осмелилась бы поделиться с их отцом. Мария и Джулия, в особенности Мария, были слишком замешаны в неподобающем поведении Крофорда, и обрисовать его таким, как он ей представлялся, было невозможно, не выдав кузин. Фанни надеялась, что для такого человека, как ее дядя, столь проникательного, благородного, доброго, будет довольно просто ее признания в том, что Крофорд ей определенно не нравится. К безмерному ее огорчению, эта надежда не оправдалась.

Сэр Томас подошел к столу, подле которого Фанни сидела дрожащая и несчастная, и сказал достаточно холодно и сурово:

— Я вижу, разговаривать с тобою бесполезно. Лучше положить конец этой унижительной беседе. Нельзя более заставлять мистера Крофорда ждать. И потому я лишь почитаю своим долгом высказать свое мнение о твоём поведении: ты обманула все мои ожидания и оказалась совсем не такою, какою я тебя представлял. Потому что с тех пор, как я воротился в Англию, у меня сложилось весьма лестное мнение о тебе, Фанни, и, думаю, это было видно по тому, как я себя вел. Я находил, что ты на удивление свободна от неуравновешенности, самомнения и какой либо склонности к той своевольной, своенравной независимости, которая так распространена в наши дни среди молодых женщин и которая в молодых женщинах особенно оскорбительна и отвратительна. Но сейчас ты показала, что можешь быть своевольной и упрямой, что ты желаешь решать и решаешь сама за себя, не испытывая ни уважения, ни почтения к тем, кто, без сомненья, имеет кое какое право руководить тобою, и даже не спрашиваешь их совета. Ты показала себя совсем, совсем не такой, какою я тебя представлял. Выгода и невыгода твоей семьи, твоих родителей, братьев и сестер, кажется, не занимала никакого места в твоих мыслях, когда ты принимала решение. Как они выиграли бы, как радовались бы от такого твоего устройства — это для

тебя ничто. Ты думаешь единственно о самой себе. И оттого, что ты не питаешь к мистеру Крофорду в точности тех чувств, которых молодое горячее воображение почитает необходимым для счастья, ты решилась сразу же ему отказать, не пожелав даже дать себе хоть несколько времени, чтоб поразмыслить, несколько времени, чтоб поразмыслить спокойно, по настоящему проверить свои намерения, и вместо того сгоряча, в сумасбродном порыве пренебрегаешь возможностью устроить свою жизнь, устроить весьма подходящим образом, достойно, благородно, а меж тем другой такой возможности у тебя, наверно, уже никогда более не будет. К тебе чрезвычайно благосклонен молодой человек — разумный, деятельный, уравновешенный, прекрасно воспитанный, состоятельный, и он просит твоей руки великодушно и бескорыстно. И позволь тебе сказать, Фанни, что ты можешь ждать еще восемнадцать лет и не дожидаться, чтоб к тебе посватался человек, обладающий и половиною богатства мистера Крофорда или десятою долею его достоинств. Я с радостью отдал бы за него любую из своих дочерей. Мария составила превосходную партию, но, ежели бы мистер Крофорд просил руки Джулии, я выдал бы ее за него с куда большим удовольствием, чем выдал Марию за мистера Рашуота.— И чуть помолчав, сэр Томас прибавил: — И я был бы весьма удивлен, если б какая нибудь из моих дочерей, в любое время получив предложение, даже наполовину менее подходящее, чем то, которое получила ты, отнеслась бы с таким пренебрежением к моему мнению и попечению, что не дала бы себе труда посоветоваться со мною, и немедля и наотрез ответила бы решительным отказом. Я был бы весьма удивлен и весьма уязвлен подобным поступком. Я счел бы это серьезным нарушением чувства долга и уважения. Тебя я не могу судить по тем же правилам. У тебя нет по отношению ко мне чувства долга, как у родного дитяти. Но если в сердце своем, Фанни, ты способна оправдать неблагодарность... и сэр Томас остановился. К этому времени Фанни уже так горько плакала, что при всем своем гневном не стал продолжать. Ее портрет, им нарисованный, и обвинения, столь тяжкие, столь многочисленные, и чем дальше, тем все более жестокие, едва не разбили ей сердце. Своевольная, упрямая, себялюбивая, да еще и неблагодарная. Вот как он о ней думает. Она обманула его ожидания, утратила его хорошее мнение. Что с нею станется?

— Мне так жаль,— невнятно, сквозь слезы вымолвила она.— Мне правда очень жаль.

— Жаль! Еще бы. Надеюсь, что тебе жаль. И, вероятно, у тебя будет причина еще долго сожалеть о своих сегодняшних делах.

— Если б только я могла поступить иначе,— опять с большим трудом произнесла Фанни,— но я так уверена, что никогда не сделаю его счастливым и сама тоже буду несчастна.

Она опять расплакалась, но, несмотря на слезы, несмотря на это ужасное мрачное слово «несчастлива», которое вызвало слезы, сэру Томасу показалось, что Фанни несколько смягчилась, склонна несколько переменить свои намерения, а это предвещает благоприятный ответ на пылкие речи, если их обратит к ней молодой человек. Сэр Томас знал, что племянница очень застенчива, слишком легко приходит в волнение, и он подумал: видно, душа ее в таком состоянии, что кой какое время, кой какая настойчивость, кой какое терпенье, а также и нетерпенье,— если влюбленный благоразумно пустит в ход всю эту смесь,— пожалуй, окажут обычное действие. Если б только мистер Крофорд стал упорно добиваться своего, если он достаточно любит, чтобы упорствовать... У сэра Томаса появились надежды. Мысли эти промелькнули у него в уме и приободрили его.

— Ну что ж,— сказал он с важностью, но уже не так сердито,— что ж, дитя мое, осуши слезы. Что толку в слезах, ничему они не помогут. Теперь тебе следует пойти со мною вниз. Мистеру Крофорду и так пришлось ждать слишком долго. Ты должна сама дать ему ответ. Мы не можем рассчитывать, что он удовольствуется меньшим. И только ты сама можешь объяснить ему, как вышло, что у него сложилось неверное представление о твоих чувствах, которому он, на свою беду, и доверился. Я никак не могу сделать это за тебя.

Но Фанни так отчаянно не желала спускаться к мистеру Крофорду, одна мысль об этом так явно сделала ее несчастной, что, немного подумав, сэр Томас счел за благо не неволить ее. И тем самым надежды на них обоих, на джентльмена и его даму, пока не оправдались, но, когда он взглянул на племянницу и увидел, что случилось от слез с ее лицом, он решил, что немедленная встреча может послужить не только на пользу, но и во вред. Так что сказав несколько ничего не значащих слов, он ушел один, а злосчастная племянница сидела и плакала

о том, что произошло, и чувствовала себя как нельзя хуже.

В душе у ней было полнейшее смятение. Прошрое, настоящее, будущее — все приводило в ужас. Но самую жестокою боль причинял ей гнев дядюшки. Себялюбивая и неблагодарная! Чтoб он так о ней думал! Отныне она несчастна навсегда. Нет у ней никого, кто встал бы на ее сторону, кто вступился бы за нее, с кем можно было бы посоветоваться. Единственный ее друг далеко. Он мог бы смягчить отца; но все, должно быть, все станут думать, что она себялюбивая и неблагодарная. Теперь ее станут упрекать в этом снова и снова — она будет слышать этот упрек, видеть его в глазах, знать, что он всегда присутствует в мыслях и разговорах о ней. И она даже негодовала на Крофорда; но вдруг он и вправду ее полюбил и тоже несчастлив! Все это ужасно.

Примерно через четверть часа дядюшка воротился; при виде его Фанни едва не лишилась чувств. Он разговаривал, однако ж, спокойно, без давешней суровости, без упреков, и она несколько приободрилась. И слова и поведение его были утешительны, ибо начал он так:

— Мистер Крофорд ушел, мы только что с ним распрощались. Не стану тебе передавать наш разговор, не стану сейчас отягощать твои чувства рассказом о том, что испытал он. Достаточно сказать, что он держался в высшей степени великодушно, как подобает джентльмену, и лишь утвердил меня в самом лестном мнении о его проникательности, сердце и нраве. Когда я представил ему, как ты терзаешься, он немедленно и с величайшей деликатностью отказался от мысли сей же час с тобою увидеться.

При этих словах Фанни, которая смотрела на дядюшку, снова опустила глаза.

— Разумеется,— продолжал сэр Томас,— он, надобно полагать, попросит разрешения поговорить с тобою наедине, пусть даже всего пять минут, просьба вполне естественная, и отказать ему в этом праве невозможно. Но о точном времени мы не уговаривались, пожалуй, это будет завтра или в другой день, когда ты достаточно придешь в себя. Пока тебе остается лишь успокоиться. Осуши слезы, они тебя только изнуряют. Если, как я хотел бы думать, ты готова оказать мне почтительное внимание, ты не станешь давать волю этим чувствам, но стараешься внять голосу рассудка и совладать с собою. Я советую тебе выйти, свежий воздух будет тебе на поль

зу. Походи часок по дорожке в аллее, там никого сейчас не будет, и от воздуха и движения ты почувствуешь себя лучше. И вот что, Фанни (он на минуту вернулся к прежней теме), внизу я не стану упоминать о том, что произошло. Не скажу даже леди Бертрам. К чему давать другим повод для разочарования. Сама тоже ничего про это не говори.

То было распоряжение, которому она готова была подчиниться с величайшей радостью; то было проявление доброты, которую Фанни ощутила всем своим сердцем. Быть избавленной от бесконечных упреков тетушки Норрис! Сэр Томас ушел, оставив в ее душе благодарность. Все что угодно можно вынести скорее, чем такие упреки. Встреча с Крофордом и то была бы не так тягостна.

Она тотчас вышла, как советовал дядюшка, и, насколько смогла, последовала его наставленью и в остальном: и вправду осушила слезы, и вправду серьезно постаралась взять себя в руки и обрести душевное равновесие. Она хотела доказать ему, что и вправду заботится о его спокойствии и жаждет вновь обрести его расположение; и ведь он дал ей и еще одно существенное основание для таких стараний — сохранил все происшедшее в тайне от тетушек. Теперь надо не жалеть усилий, чтоб ни видом своим, ни поведением не возбудить подозрений; и она чувствовала, что способна на многое, лишь бы это уберегло ее от тетушки Норрис.

Фанни была ошеломлена, поистине ошеломлена, когда, воротясь с прогулки и снова зайдя в Восточную комнату, первым делом увидела, что в камине разведен огонь. Огонь! Это было уже слишком; подобная милость, именно сейчас, вызывала и благодарность и муку. Неужто у сэра Томаса хватило времени вспомнить о таком пустяке; но вскоре оказалось, что камин теперь будут зажигать каждый день, об этом ей охотно сообщила горничная, которая зашла приглядеть за огнем. Так распорядился сэр Томас.

— Если я и вправду могу быть неблагодарной, значит, я просто чудовище! — сказала себе Фанни. — Упаси меня господь от неблагодарности!

До самого обеда она больше не видела ни дядюшку, ни тетушку Норрис. За столом сэр Томас держался с нею почти совершенно так же, как прежде; Фанни была уверена, что он и не собирался менять своего отношения и что только ее обостренной совести могла привидеться какая то перемена; но вот тетушка Норрис скоро уже при

нялась выговаривать ей: и когда стала объяснять, как же скверно она поступила, и корить за одно то, что она вышла прогуляться, не сказавшись, Фанни стократ благословила доброту дядюшки, который упас ее от подобных упреков, только вызванных куда более серьезной причиною.

— Ежели б я знала, что ты собралась выйти, я б послала тебя к себе домой с приказаниями для Ненни,— сказала тетушка Норрис,— а вместо того мне пришлось идти самой, хотя мне это было совсем некстати. Ежели б ты была так добра, что поставила нас в известность, что собираешься выйти, я бы худо бедно сберегла время, и ты избавила б меня от беспокойства. А тебе, я полагаю, было б все равно, гулять в аллее или пройтись до моего дому.

— Я посоветовал Фанни пройтись в аллее, потому что там суше всего,— сказал сэр Томас.

— О! — воскликнула тетушка Норрис и на миг запнулась.— Это очень любезно с вашей стороны, сэр Томас, но вы не представляете, какая сухая дорожка к моему дому. Уверяю вас, Фанни прогулялась бы ничуть не хуже. Да еще с той выгодой, что принесла бы кой какую пользу и услужила своей тетке. Нет, это все она сама виновата. Ежели б только она сказала нам, что собирается выйти,, но что то есть в ней такое, я и прежде частенько замечала — она и в рукоделии предпочитает все делать по своему. Не любит она, чтоб ей указывали. Только и ждет случая все сделать по своему. Есть в ней эдакая склонность к секретничанью, и самовольству, и сумасбродству. Я бы всячески советовала ей от этого отучиться.

Сей портрет Фанни показался сэру Томасу весьма далеким от истины, и, хотя совсем недавно он сам выражал подобные чувства, он теперь постарался перевести разговор на другое, но удалось ему это не сразу, ибо у тетушки Норрис недоставало проницательности, чтобы понять на сей раз или когда либо еще, как хорошо он относится к Фанни и как далек от желания подчеркивать достоинства собственных детей, умаляя достоинства племянницы, и чуть не во все время обеда она выговаривала Фанни и негодовала на нее за прогулку, о которой не была поставлена в известность.

Наконец обед остался позади, наступил вечер, и Фанни успокоилась и повеселела куда более, чем могла надеяться после столь бурного утра; но она была уверена прежде всего, что поступила правильно, что рассудила здраво, что намерения ее чисты, и за это она готова поручиться; и во вторых, ей хотелось надеяться, что недовольство

дядюшки уже не так велико, а станет и того меньше, когда он рассудит обо всем более беспристрастно и, как хороший человек, непременно представит, до чего ужасно, непростительно, до чего безнадежно и дурно выходить замуж без любви.

Она не могла не льстить себя надеждой, что, когда встреча, которая угрожает ей завтра, останется позади, с этим будет полностью покончено, и как только Крофорд уедет из Мэнсфилда, все скоро минет и забудется, словно ничего этого никогда и не было. Не верила она, не могла поверить, что Крофорд станет долго печалиться из-за своей любви к ней, не такой он души человек. Лондон скоро его вылечит. В Лондоне он скоро станет дивиться своей безрассудной влюбленности и будет благодарен ее, Фанниной, рассудительности, которая спасла его от дурных последствий этого увлечения.

Пока Фанни была поглощена этими надеждами, ее дядюшку вскоре после чаю вызвали из комнаты; случай самый обыкновенный, и оттого она не испугалась и даже не задумалась о том, но десять минут спустя снова появился дворецкий и сказал, обращаясь именно к ней:

— Сэр Томас желает говорить с вами, сударыня, у себя в кабинете. Ей сразу пришло на ум, что это может означать; от этой догадки она побледнела, но тотчас же поднялась, готовая повиноваться, и тут услышала восклицанье тетушки Норрис:

— Постой, постой, Фанни! Ты что это? Куда собралась? Ишь заспешила. Уж поверь мне, это не ты требуешься, уж поверь мне, это я нужна (и она поглядела на дворецкого), тебе уж слишком не терпится перебежать мне дорогу. На что ты можешь понадобиться сэру Томасу? Это вы меня имели в виду, Бэдли. Сейчас иду. Вы уж наверно имели в виду меня, Бэдли. Сэру Томасу нужна я, а не мисс Прайс.

Но Бэдли стоял на своем:

— Нет, сударыня, не вы, а мисс Прайс, верно вам говорю, что мисс Прайс.

И на губах его мелькнула улыбка, которая означала: «Нет уж, для такого дела, я думаю, вы никак не пойдете».

Тетушка Норрис, весьма раздосадованная, вынуждена была опять удовольствоваться своим рукодельем; а взволнованная Фанни пошла к дверям, понимая, что ей предстоит, и в следующую минуту, как и ожидала, осталась наедине с Крофордом.

азговор получился не такой короткий и не такой окончательный, как предполагала молодая особа. Молодого человека оказалось не так то легко убедить. Он был исполнен всей той решимости добиваться своего, какую только и мог пожелать ему сэръ Томас. Изрядное тщеславие побуждало его, во первых, думать, что она все таки его любит, хотя, возможно, сама того не знает; и во вторых, вынужденный наконец признать, что она не знает собственных чувств, он из того же тщеславия уверил себя, что со временем сумеет добиться, чтоб чувства эти стали такими, как он желает.

Он был влюблен, очень влюблен, и любовь его была того свойства, что, завладев натурой активной, жизнерадостной, не столько утонченною, сколько горячее, заставляла вдвойне жаждать ответного чувства Фанни как раз потому, что ему было в этом чувстве отказано, и он твердо решил добиться ее любви, которая будет его гордостью и счастьем.

Он не станет отчаиваться, он от нее не откажется. У него есть все основания для крепкой привязанности: ведь она обладает всеми теми достоинствами, что оправдают самые пылкие надежды на прочное счастье с нею; ее теперешнее поведение, говорящее о бескорыстии и утонченности (по его мнению, свойствах, чрезвычайно редких), лишь обострило все его желания и укрепило его решимость. Он не знал, что ему предстоит завоевывать сердце, уже занятое. Вот уж чего он не подозревал. Он скорее склонен был полагать, что ни о чем таком она никогда всерьез и не думала и потому была вне опасности; что ее охраняла юность, юность души, столь же прелестной, как ее наружность; что ее скромность мешает ей понять его чувство к ней, и что она все еще подавлена внезапностью его ухаживанья, совершенно для нее неожиданного, и новизною положения, которому никогда не было места в ее воображении.

Не значит ли это, что когда он будет понят, он безусловно преуспеет? Он нисколько в том не сомневался. Такая любовь, как у него, любовь такого человека, как он, без сомнения, должна быть вознаграждена, и особенно долго ждать не придется; и Крофорд был в совершенном

восторге от мысли, что в самое короткое время вынудит Фанни полюбить его, он даже едва ли сожалел, что пока-то она его не любит. Преодолеть кой какие затруднения — для Генри Крофорда это не беда. Скорее это его даже бодрит. Уж слишком он привык легко одерживать победы над женскими сердцами. Нынешнее положение было для него ново и оттого воодушевляло.

Однако ж для Фанни, которая слишком часто в своей жизни сталкивалась с противодействием, чтобы находить в нем что то привлекательное, все это было непостижимо. Она увидела, что он и вправду намерен упорствовать; но совершенно не понимала, как он это может после всех тех слов, что она вынуждена была ему сказать. Она говорила ему, что не любит его, не может его любить, и, без сомнения, никогда не полюбит; что никакая перемена тут невозможна, что разговор об этом ей до крайности мучителен и она умоляет никогда более его не заводить, позволить ей сейчас уйти, и пусть на том разговор этот будет закончен раз и навсегда. Но Крофорд все настаивал, и тогда Фанни прибавила, что, на ее взгляд, у них слишком различные натуры, а потому взаимная любовь между ними невозможна, и еще сказала, что они не подходят друг другу ни по своему нраву, ни по образованию, ни по склонностям. Все это она высказала со всею серьезностью искреннего убеждения; однако ж этого было не довольно, ибо Крофорд немедля стал отрицать, будто они сколько нибудь чужды друг другу по натуре или будто их положение так уж несхоже; и определенно заявил, что все равно будет ее любить и надеяться!

Фанни знала, что хочет высказать, но не могла судить о собственной манере разговора. И ей было невдомек, что в речах ее за несравненной мягкостью и кротостью невозможно различить суровость ее намерения. Ее робость, благодарность и деликатность превращали каждое слово, которым она стремилась выразить равнодушие к Крофорду, едва ли не в попытку самоотречения; казалось, по крайней мере, что для нее это столь же мучительно, как для него. Крофорд был уже не тот Крофорд, кто в качестве тайного, вероломного, коварного обожателя Марии Бертрам вызывал у ней отвращение, кого ей противно было видеть и слышать, в ком она не находила ни единого хорошего свойства и чью силу, состоявшую хотя бы в умении всем и каждому быть приятным, она едва ли признавала. Теперь это был Крофорд, который питал

к ней бескорыстную, пылкую любовь; чьи чувства теперь явно исполнены были благородства и прямодушия; чье представление о счастье покоилось на браке по любви; кто красноречиво восхищался ее достоинствами, опять и опять живописал ей свою любовь, доказывал, в той мере, в какой это можно доказать словами, притом в тех выражениях, в том тоне и с тем жаром, какие даны человеку еще и талантливому, что его привлекает в ней ее кротость и доброта; и ко всему, то был Крофорд, который содействовал производству Уильяма в офицеры!

Вот она — перемена! вот они резоны, которые не могли не повлиять на Фанни. Легко было пренебрегать им с высоты гневной добродетели, памятуя о Созертоне или о театре в Мэнсфилд парке, но теперь он обращался к ней, имея права, которые требовали иного отношения. Она должна быть обходительна и исполнена сочувствия. Должна чувствовать себя польщенной и, думая о себе ли, о брате ли, должна испытывать глубокую благодарность. От всего этого она и отвечала ему так соболезнуя, так взволнованно, а слова, означающие отказ, перемешивались с другими, которые явственно выражали, что она чувствует себя в долгу перед ним и полна участия, и поэтому то Крофорд, при его тщеславии и неунывающей самоуверенности, попросту не мог взять в толк, что она равнодушна к нему или, во всяком случае, настолько равнодушна, как говорит. И заявляя на прощанье, что в своем благосклонном внимании к ней будет попрежнему упорен, настойчив и полон надежды, он был вовсе не так неразумен, как представлялось Фанни.

Он отпустил ее с неохотою, но в лице его не было отчаяния, которое противоречило бы его словам, или хотя бы вселило в нее надежду, что он не столь безрассуден, сколь явствовало из его слов.

Теперь Фанни рассердилась. Его упорство, такое себялюбивое и невеликодушное, и вправду ее возмутило. Вот и опять ему недостает такта, способности считаться с другими, что прежде так поражало и отвращало ее. Вот опять перед нею тот Крофорд, которого она прежде так не одобряла. Как явно ему недостает чуткости и душевности, когда дело касается его собственного удовольствия. И увы! она всегда знала, что нет у него правил, которые заставляли бы его поступать по велению долга, если уж молчит сердце. Будь она даже свободна в своих чувствах, как, наверно, и должно было бы быть, никогда бы он ими не завладел.

Головки ангелов.
С картины Дж. Рейнолдса, ок. 1785 г. (?)

Так думалось Фанни, поистине так, и вполне серьезно, когда она сидела в Восточной комнате у огня — этой великой милости и роскоши — и размышляла, дивилась прошлому и настоящему и тому, что еще предстоит, и ее одолевали смятение и тревога, из за которых все для нее было смутно, и ясно лишь одно, что никогда, ни при каких обстоятельствах не полюбит она Крофорда и что сидеть у огня и думать об этом — блаженство.

Чтобы узнать, что произошло между молодыми людьми, сэр Томас был вынужден или сам себя вынудил ждать до завтра. Тогда он увидел Крофорда и получил от него полный отчет. Сперва он испытал разочарование: он надеялся на лучший исход, он не думал, что час, потраченный таким молодым человеком, как Крофорд, на уговоры

такой мягкосердечной девушки, как Фанни, почти ничего не переменит; но полные решимости суждения и жизне-радостное упорство влюбленного довольно быстро его успокоили, и, видя у главного заинтересованного лица такую уверенность в успехе, сэр Томас и сам стал вскоре на это надеяться.

Со своей стороны он не упустил ничего, что могло бы этому способствовать,— был любезен, добр, не скупился на похвалы. Он превозносил упорство мистера Крофорда, отдал должное и Фанни, снова подтвердил, что брака этого желает более всего на свете. В Мэнсфилд парке мистеру Крофорду всегда будут рады; и лишь его собственное разумение и чувство должны определить, сколь часто он станет бывать здесь теперь или в будущем. О сем предмете у всей семьи его племянницы и у всех ее друзей будет общее мнение и единственное желание; все те, кто ее любит, будут склонять ее лишь к одному решению.

Было сказано все, что могло поощрить молодого человека, все поощрения были выслушаны с благодарной радостью, и оба джентльмена расстались наилучшими друзьями.

Довольный тем, что все теперь идет надлежащим и обнадеживающим образом, сэр Томас порешил не докучать более племяннице и воздержаться от открытого вмешательства. Он не сомневался, что при ее нраве всего верней на нее подействует доброта. Уговоры позволены лишь одной стороне. Снисходительность всего семейства, желания которого будут Фанни безусловно ясны, может наилучшим образом способствовать успеху. Согласно с принятым решением, сэр Томас при первом же удобном случае сказал Фанни с мягкой печалью, которую, как он надеялся, Фанни постарается рассеять:

— Что ж, Фанни, я виделся еще раз с мистером Крофордом и узнал от него, как обстоят дела между вами. Он удивительнейший молодой человек, и, чем бы все ни кончилось, ты, конечно же, понимаешь, что внушила ему чувство далеко не заурадное. Правда, ты еще слишком молода и не знаешь, сколь неустойчива, изменчива, непостоянна любовь по самой природе своей, а потому не можешь изумляться, как я, тому замечательному упорству, с каким он встречает твой отказ. Им движет одно лишь чувство к тебе, он нисколько не считает это своею заслугою, и, должно быть, он прав. Однако ж при том, какой прекрасный он сделал выбор, его постоянство

исполнено благородства. Будь его выбор не столь безупречен, я осудил бы его упорство.

— Мне, право, очень жаль, сэр,— сказала Фанни,— что мистер Крофорд будет по прежнему... я знаю, что для меня это весьма лестно, и чувствую, что не заслуживаю такой чести, но я так убеждена, и говорила ему о том, что никогда не буду в силах...

— Дорогая моя,— прервал ее сэр Томас.— Не стоит об этом. Твои чувства мне известны не хуже, чем, должно быть, тебе мои желания и сожаления. Тут ничего более не скажешь и не сделаешь. С этого часу мы с тобою уже никогда не возвратимся к этому разговору. Тебе нечего опасаться, не из за чего тревожиться. Ты ведь не можешь предположить, что я способен уговаривать тебя выйти замуж против твоей воли. Я пекусь единственно о твоём счастье и благополучии, и от тебя только и требуется, что потерпеть старания мистера Крофорда убедить тебя, что они вовсе не несовместимы с его счастьем и благополучием. Он действует на свой страх и риск. Тебе ничто не грозит. Я обещал ему, что он сможет с тобою видаться всякий раз, как станет у нас бывать, как, вероятно, и было бы, если б ничего между вами не произошло. Ты будешь видаться с ним в нашем обществе наравне со всеми нами столько, сколько сможешь, не вспоминая о том, что тебе неприятно. Он так скоро покинет Нортгемптоншир, что даже и эта небольшая жертва потребуется от тебя не так уж часто. Будущее представляется мне весьма неопределенным. А теперь, дорогая моя Фанни, мы покончим с этим разговором.

Обещанный отъезд Крофорда — вот единственное, о чем Фанни думала с удовольствием. Однако ж добрые слова дядюшки, его снисходительность она оценила по достоинству; и когда она рассудила, сколь многое ему неизвестно, то поняла, что не вправе удивляться тому, какую линию поведения он избрал. Он, который отдал дочь замуж за Рашуота. Где уж от него ждать романтической утонченности. Ей следует исполнять свой долг и верить, что со временем долг этот станет менее тягостен.

Хотя ей было всего восемнадцать, не могла она предположить, будто чувство Крофорда вечно; не могла не надеяться, что упорно, непрестанно противясь ему, в конце концов положит ему конец. Сколько времени могла она отвести на это в своем воображении, это уже другое дело. Было бы несправедливо спрашивать у молодой особы, как высоко она оценила свои совершенства.

Вопреки своему намерению молчать сэр Томас был вынужден еще раз заговорить о сем предмете с племянницей, чтобы коротко подготовить ее к тому, что он должен посвятить во все тетушек; мера, которой он предпочел бы избежать, будь это возможно, но она стала необходима, поскольку Крофорд отнюдь не желал сохранять в тайне свои чувства и стремления. Он и не думал ничего скрывать. В пасторате все уже было известно, он любил говорить о будущем с обеими своими сестрами, и ему было бы только приятно иметь осведомленных свидетелей его успешного продвижения к своей цели. Узнав об этом, сэр Томас понял, что должен немедленно сообщить обо всем жене и свояченице; хотя опасался за Фанни, не меньше ее самой страшился того, как на это отзовется миссис Норрис. Он весьма осуждал ее неуместное, хоть и добронамеренное усердие. Поистине, к этому времени сэр Томас уже явно был недалек от того, чтобы причислить ее к тем добронамеренным людям, кои всегда совершают неуместные и чрезвычайно неприятные поступки.

Тетушка Норрис, однако ж, утешила его. Он настаивал, чтобы к племяннице относились снисходительно и не доносили ее поучениями; и миссис Норрис не только пообещала, но и соблюдала обещание. Только вид у ней стал еще недоброжелательней прежнего. Она гневалась, отчаянно гневалась на племянницу, но более за то, что ей сделано такое предложение, чем за то, что Фанни его отвергла. Это предложение было обидно и оскорбительно для Джулии, вот на ком Крофорду следовало остановить свой выбор; а помимо того, тетушка Норрис не могла простить Фанни, что та пренебрегла ею; и как ей было не испытывать недоброе чувство при таком возвеличении той, которую она всегда старалась посрамить.

Сэр Томас считал ее куда благоразумней, чем она того заслуживала, а Фанни готова была благословлять ее за то, что она выказывала неудовольствие единственно своим видом, но не словами.

Леди Бертрам приняла новость по иному. В прошлом она была красавица, и состоятельной красавицею оставалась всю свою жизнь; и лишь красота да богатство внушали ей уважение. А потому известие, что руки Фанни просит человек денежный, очень возвысило племянницу в ее глазах. Убедившись, в чем она прежде сомневалась, что Фанни вправду очень хороша собою и выгодно выйдет замуж, леди Бертрам почувствовала, что возмож

ность называть Фанни племянницей в некотором роде делает ей честь.

— Ну, Фанни,— сказала она, едва они остались одни, а она даже испытала что то вроде нетерпенья, так хотелось ей остаться наедине с племянницей, и на ее лице выразилось непривычное оживление.— Ну, Фанни, нынче утром мне сделали весьма приятный сюрприз. Разок то мне надобно об этом поговорить, я так и сказала сэру Томасу, разок мне это необходимо, а после я уже не буду. Поздравляю тебя, дорогая моя племянница.— И самодовольно на нее глядя, прибавила: — Хм... наша семья и правда красивая.

Фанни покраснела и поначалу не знала, что на это сказать, а потом, надеясь поразить тетушку в ее уязвимое место, отвечала:

— Дорогая тетушка, уж вы то, без сомненья, не желаете, чтоб я поступила иначе. Не можете вы желать, чтоб я вышла замуж, ведь вам недоставало бы меня, верно? Да, вам, без сомненья, очень бы меня недоставало.

— Нет, моя дорогая. Раз тебе сделано такое предложение, я бы прекрасно без тебя обошлась. Если ты выйдешь замуж за такого состоятельного человека, как мистер Крофорд, я прекрасно без тебя обойдусь. И тебе следует понимать, Фанни, что каждая молодая девица просто обязана принять такое великолепное предложение.

То было едва ли не единственное правило поведения, единственный совет, какой получила Фанни от тетушки за восемь лет с половиною. И он заставил Фанни замолчать. Она почувствовала, что спорить бесполезно. Если тетушка чувствует иначе, чем она, нечего и надеяться вызвать у ней понимание. Леди Бертрам вдруг стала на удивленье разговорчива.

— Я тебе вот что скажу, Фанни,— объявила она.— Он уж точно влюбился в тебя на балу, уж точно он попался в тот вечер. Ты тогда выглядела замечательно. Все так говорили. Сам сэр Томас так сказал. И ведь Чепмэн помогала тебе одеваться. Я очень рада, что послала к тебе Чепмэн. Я и сэру Томасу скажу, что это случилось в тот вечер.— И, следуя все тем же радостным мыслям, она несколько погодя прибавила: — И вот что я тебе скажу, Фанни... В следующий раз, когда у моей мопсы будет потомство, одного щенка получишь ты... такого подарка я не сделала даже Марии.

Эдмунду при возвращении предстояло услышать великие новости. Множество неожиданностей ждало его. Первой, и не самой малой, оказалась встреча с Генри Крофордом и его сестрою, которые шли по деревне, куда он только что въехал. А он то полагал, что они сейчас очень далеко отсюда. Он пробыл в отсутствии более двух недель нарочно для того, чтобы избежать встречи с мисс Крофорд. Он возвращался в Мэнсфилд в том состоянии духа, когда готов был предаться грусти о прошедшем и нежным воспоминаниям, и вдруг увидел самую красавицу, властительницу его дум, опиравшуюся на руку брата; и та, кого еще миг назад он почитал в семидесяти милях отсюда, и того дальше от него в своих помыслах, много дальше любого расстоянья, приветствовала его самым дружеским образом.

На такой прием с ее стороны он никак бы не надеялся, даже если бы и думал с нею увидеться. Возвращаясь после исполнения того дела, ради которого уезжал, он мог бы ожидать чего угодно, только не удовольствия, выразившегося на ее лице, и простых приветливых слов. Этого было достаточно, чтобы в сердце его вспыхнула радость, и он приехал домой в самом подходящем настроении для того, чтобы в полной мере оценить и другие радостные неожиданности.

Скоро он уже знал во всех подробностях о Производстве Уильяма; и втайне весьма утешенный в сердце своем, что еще подкрепляло его радость от этого известия, он во все время обеда был необыкновенно доволен и весел.

После обеда, когда он остался наедине с отцом, ему была рассказана история Фанни; а потом ему стали известны и все прочие значительные события последних двух недель и нынешнее положение дел в Мэнсфилде.

Фанни подозревала, о чем у них идет речь. Они оставались в столовой куда долее обыкновенного, и потому она не сомневалась, что они говорят о ней; когда подали чай, мужчины наконец вышли, и она опять почувствовала на себе взгляд Эдмунда, и ее охватило горькое чувство вины. Он подошел к ней, сел рядышком, взял ее руку и ласково сжал; и в эту минуту Фанни подумала, что, если б не чаепитие, не общество в гостинной, она, наверно, не суме

ла бы сдержать чувства, поддалась бы непростительному порыву.

Эдмунд, однако, сжав ей руку, вовсе не намеревался дать ей понять, будто безоговорочно одобряет и поощряет ее, как она с надеждою подумала. Это должно было лишь выразить его интерес ко всему, что касается до Фанни, передать ей, что новость оживила его нежную к ней привязанность. Однако ж он был полностью на стороне отца. Он не так, как отец, удивился, что она отказала Крофорду, ибо вовсе не думал, что она хоть сколько нибудь его отличает, скорее напротив, и легко себе представил, что Крофорд застиг ее врасплох, но и сам сэр Томас не мог бы желать этого брака более, чем Эдмунд. По его мнению, все говорило в пользу этого союза, и, отдавая Фанни должное за то, что она сделала под влиянием своего нынешнего равнодушия к Крофорду, отдавая ей должное в таких лестных выражениях, какие никак бы не повторил за сыном сэр Томас, Эдмунд искренне надеялся, со всей горячностью верил, что все кончится браком, и что, как он начинал уже серьезно подумывать, их взаимная привязанность покажет, что по натуре они как раз подходят для того, чтоб составить счастье друг друга. Крофорд не дал ей времени расположиться к нему. Он начал не с того конца. Однако же, полагал Эдмунд, при властной, яркой и одаренной натуре Крофорда и податливом нраве Фанни, они неизбежно придут к счастливой развязке. Меж тем он видел, как смутилась Фанни, и потому старательно остерегался словом ли, взглядом, движением смутить ее вновь.

Крофорд появился на другой день, и в связи с возвращением Эдмунда сэр Томас счел себя более чем вправе пригласить его остаться отобедать; нельзя было не оказать ему этой чести. Крофорд, разумеется, остался, и у Эдмунда был прекрасный случай наблюдать, как он спешит завоевать Фанни и в какой мере сулит надежду ее ответное поведение; и так мала была эта мера, так мала, что он готов был изумиться упорству друга,—ведь только смущение Фанни и могло внушить какую то надежду, и, уж если не на ее смятение, ни на что другое надеяться не приходилось. Фанни стоила упорства Крофорда; по мнению Эдмунда, она стоила величайшего терпения, любого душевного усилия, но при этом он не представлял, что сам мог бы продолжать добиваться какой либо женщины, если б в глазах ее, как сейчас в глазах Фанни, не прочел ничего, что поддержало бы его мужество. Он очень

хотел надеяться, что Крофорд видит ясней; и это было самое утешительное заключение, к которому он пришел, наблюдая за ними перед обедом, во время обеда и после него.

Вечером несколько обстоятельств показались ему более обнадеживающими. Когда они с Крофордом вошли в гостиную, его матушка и Фанни с таким молчаливым усердием занимались своим рукодельем, будто ни до чего другого им и дела не было. Эдмунд не смог не заметить вслух, что обе они, видно, наслаждаются совершенным покоем.

— Мы не все время были так молчаливы,— отвечала леди Бертрам.— Фанни читала мне и отложила книгу, только когда услышала ваши шаги.— На столе и вправду лежала книга, которую, похоже, только только закрыли, том Шекспира.— Она мне часто читает из этих книг. И как раз читала за этого... Как бишь его зовут, Фанни?., когда услышала ваши шаги.

Крофорд взял книгу.

— Ваша светлость, я был бы счастлив дочитать за него,— сказал он.— Я тотчас найду это место.— И, осторожно дав книге раскрыться там, где листы распались сами собой, он вправду нашел нужное место или другое, за одну две страницы от него, достаточно близко, чтоб удовлетворить леди Бертрам, которая, едва он назвал кардинала Уолси, сказала, что это и есть тот самый монолог. Фанни ни взглядом, ни словом не помогла Крофорду, не произнесла ни звука за или против. Она вся ушла в свое рукоделье. Казалось, она решила ничем другим не интересоваться. Но у ней был слишком хороший вкус. Она не выдержала и пяти минут, поневоле начала слушать; Крофорд читал превосходно, и она поистине наслаждалась хорошим чтением. К хорошему чтению она, однако ж, была приучена давно; прекрасно читал дядюшка, кузины и кузены, в особенности Эдмунд; но чтение Крофорда отличалось поразительным разнообразием, ничего подобного ей еще слушать не доводилось. Король, королева, Бэкингам, Уолси, Кромвель — он читал за всех по очереди; со счастливым умением, со счастливою силою догадки он всякий раз ухитрялся напасть на самую лучшую сцену либо на самый лучший монолог любого из них; и что бы ни следовало выразить — достоинство или гордыню, нежность или угрызения совести,— все удавалось ему превосходно. Он читал как истинный артист. Его игра в их театре впервые показала Фанни, какое наслаждение

His reading was capital.

может доставить пьеса, и сейчас чтение оживило в памяти тогдашнюю его игру; пожалуй, даже принесло еще большее наслаждение, оттого что было неожиданно и не вызывало неприятного чувства, какое она испытывала, видя его на сцене с мисс Бертрам.

Эдмунд замечал, что Фанни слушает и все больше обращается в слух, и ему забавно и приятно было видеть, как все медленнее движется у ней в руках иголка, которая поначалу, казалось, поглощала все ее внимание; как выпала она у ней из рук, а Фанни не шелохнулась, и, наконец, как глаза, которые весь день так старательно избегали Крофорда, устремлялись на него, устремлялись подолгу, но наконец притянули его ответный взгляд, и тогда книга была закрыта, а чары разрушены. Фанни тотчас опять ушла в себя, залилась румянцем и с величайшим усердием принялась за вышивание; но этого было довольно, чтобы вселить в Эдмунда радость за друга, и, когда он сердечно того благодарил, он горячо надеялся, что выражает и тайные чувства Фанни.

— Должно быть, это ваша любимая пьеса,— сказал он.— Вы так читали, словно хорошо ее знаете.

— С этого часу она, без сомненья, станет моей любимой,— отвечал Крофорд.— Но не думаю, чтоб я держал в руках том Шекспира с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать. Я однажды видел на сцене «Генриха восьмого»... или слышал об этом от кого то... сейчас уже не уверен. Но мы ведь сами не знаем, как знакомимся с Шекспиром. Для англичанина он — неотъемлемая часть души. Его мысли, его красоты растворены в самом нашем воздухе, и мы повсюду соприкасаемся с ними, бессознательно их впитываем. Всякий человек, если он не совсем глуп, открыв Шекспирову пьесу на любой странице, тотчас проникнется ее мыслью.

— Все мы, без сомненья, в какой то мере знакомы с Шекспиром с малых лет,— сказал Эдмунд.— Прославленные места из его творений приводятся всеми авторами чуть не в каждой второй книге, какую мы открываем, и все мы говорим его словами, повторяем его сравнения, пользуемся его описаниями; но это совсем несхоже с тем, как донесли его суть вы. Знать из него отрывки и обрывки — это вполне обычно; знать его достаточно глубоко, пожалуй, не так уж необычно; но хорошо читать его вслух — это редкий талант.

— Я весьма польщен, сэр,— отвечал Крофорд и поклонился с насмешливой серьезностью.

Оба они бросили взгляд на Фанни, желая увидеть, нельзя ли и ее вызвать на похвалу, однако оба почувствовали, что ждать этого напрасно. Ее похвала заключалась в том внимании, с каким она слушала, этим и следует удовольствоваться.

А вот леди Бертрам выразила свое восхищение, и при этом не скупясь:

— Я будто в театре побывала,— сказала она.— Жаль, сэра Томаса тут не было.

Крофорд был чрезвычайно доволен. Если леди Бертрам, вовсе несведущая и ко всему равнодушная, могла это почувствовать, что ж тогда должна была почувствовать ее племянница, такая чуткая и просвещенная,— мысль эта возвышала его в собственных глазах.

— У вас, без сомнения, замечательные актерские способности, мистер Крофорд,— изрекла ее светлость несколько погодя.— И вот что я вам скажу, я думаю, вы рано или поздно заведете театр у себя дома в Норфолке. Я хочу сказать, когда там осядете. Непременно заведете. Я думаю, вы устроите театр у себя в доме в Норфолке.

— Вы думаете, сударыня? — живо отозвался он.— Нет, нет, никогда, ни в коем случае. Ваша светлость глубоко ошибается. Никакого театра в Эверингеме не будет! О нет! — И он посмотрел на Фанни с выразительной улыбкою, которая явно означала: «Эта особа ни за что не позволит завести в Эверингеме театр».

Эдмунд все это видел и видел, как решительно Фанни не желала понимать намеков, она молчала, несомненно опасаясь уже самым голосом выдать всю меру своего возмущения; а такое мгновенное осознание смысла Крофордовой улыбки, такое понимание намека скорее можно счесть благоприятным знаком, чем неблагоприятным.

Разговор о чтении вслух все еще продолжался. Говорили только оба молодых человека; стоя у камина, они беседовали о широко распространенном пренебрежении этим искусством, о полнейшем невнимании к нему во всякого рода школах для мальчиков, и потому естественно, а иной раз уже даже и неестественно, до какой степени мужчины, разумные и знающие мужчины оказываются неумелыми и неловкими, когда им приходится читать вслух; и Эдмунду и Крофорду доводилось видеть это, видеть ошибки и промахи, вызванные причинами втростепенными: неумением владеть голосом, передать смену настроений, выразительность, неумением предвидеть и оце

нить, и всему виной первая причина — невнимание к этому искусству и отсутствие привычки к нему с ранних лет, и Фанни опять слушала с увлечением.

— Даже в моей профессии и то сколь мало занимались искусством чтения! — с улыбкой сказал Эдмунд, — отчетливостью речи, ясным произношением. Однако ж я говорю скорее о прошлом, а не о сегодняшнем дне. Нынче повсюду господствует дух усовершенствования. Но когда слушаешь тех, кто был посвящен в сан двадцать, тридцать, сорок лет назад, понимаешь, что почти все они полагают, будто чтение это одно, а проповедь совсем другое. Нынче уже не так. Теперь об этом судят верней. Теперь понимают, что доходчивость самых важных истин зависит от того, насколько ясно и горячо они провозглашаются, и, кроме того, сейчас распространен более научный подход, больший вкус, большая требовательность к знанию, в каждой общине больше прихожан, которым кое что на сей предмет известно и которые уже могут о нем судить и иметь собственное мнение.

С тех пор, как Эдмунд принял сан, он уже однажды служил в церкви, и, узнав о том, Крофорд забросал его вопросами касательно его ощущений и успеха проповеди; вопросы эти заданы были хотя и с живою дружеской заинтересованностью и пристрастием, но без того налета добродушного подшучиванья или неуместной веселости, какая, без сомненья, была бы оскорбительна для Фанни, — и Эдмунд отвечал с истинным удовольствием; а когда Крофорд поинтересовался, как, по его мнению, следует читать иные места службы, и высказал на этот счет собственное мнение, свидетельствующее, что он уже думал об этом прежде, Эдмунд слушал его со все большим удовольствием. Он понимал, что это и есть путь к сердцу Фанни. Ее не завоеешь добродушием в придачу ко всевозможным любезностям да остроумию или, уж во всяком случае, не скоро завоеешь без помощи понимания, чуткости и серьезного отношения к предметам серьезным.

— В нашей литургии есть красота, которую не погубить даже скверным небрежным чтением, — заметил Крофорд. — Но есть в ней и много лишнего, и повторения, и, чтоб это не бросалось в глаза, ее следует читать особенно хорошо. Для меня это, во всяком случае, так, ибо, должен признаться, я не всегда достаточно внимателен (тут он бросил взгляд на Фанни) и в девятнадцати случаях из двадцати думаю о том, как следовало бы читать эту молитву, и жажду прочесть ее сам. Вы что то сказали? —

Он быстро подошел к Фанни, и, когда заговорил с нею, голос его смягчился; а, услышав «нет», он прибавил:

— Неужто не сказали? А я видел, губы у вас шевелились. И вообразил, будто вы собираетесь сказать, что мне следует быть внимательней и не позволять своим мыслям отвлекаться в сторону. Вы и вправду не собираетесь мне это сказать?

— Нет, конечно, вы слишком хорошо знаете свой долг... я даже и предположить не могу...

Фанни не договорила, смутилась, не могла более вымолвить ни слова, а Крофорд ждал, надеялся на продолжение. Через несколько минут он, однако, вернулся на прежнее место и вновь заговорил так, словно и не прерывал сам себя для этой нежной беседы.

— Хорошо произнесенная проповедь еще большая редкость, чем хорошо прочитанная молитва. Достойная проповедь сама по себе не редкость. Хорошо сказать трудней, чем хорошо сочинить: правилам и умению сочинять учат чаще. Искусно сочиненная и искусно прочитанная проповедь — ни с чем не сравнимое наслаждение. Такую проповедь я слушаю с величайшим восторгом и уважением и чуть ли не готов тотчас принять сан и проповедовать. Что то есть в красноречии проповедника, если это истинное красноречие, что заслуживает высочайшей похвалы и чести. Проповедник, который способен задеть за душу слушателей самых разных и повлиять на них, говоря о предметах ограниченных и давно приевшихся в устах заурядных проповедников; который способен сказать что то новое либо поразительное, что может возбудить интерес, не оскорбляя при этом общепринятые вкусы и не насилуя чувства слушателей, — такой человек и его миссия достойны всяческих почестей. Я и сам хотел бы быть таким.

Эдмунд рассмеялся.

— Поверьте, хотел бы. Всякий раз, как мне доводилось слушать выдающуюся проповедь, я чуть ли не завидовал. Но, правда, мне нужна лондонская публика. Я мог бы читать проповедь только образованной пастве, такой, которая в состоянии оценить мое искусство. И потом, мне навряд ли будет приятно читать проповеди часто. Пожалуй, изредка, раза два за весну, после того как пять шесть воскресений меня будут с нетерпением ждать, но только не постоянно, постоянно — это не по мне.

Тут Фанни, которая не могла не прислушиваться, невольно покачала головой, и Крофорд мигом вновь очу

тился подле нее, умоляя сказать, что она этим подразумевала; а так как Эдмунд, сидящий рядом с нею, понял, что Крофорд будет настойчиво донимать ее и взглядами и речами вполголоса, он повернулся к ним спиною, вжался как можно глубже в угол и раскрыл газету, от души желая, чтоб, вынужденная в конце концов объяснить, отчего она покачала головою, милая малютка Фанни своим объяснением удовлетворила пылкого влюбленного; и старательно отгородясь от их речей, Эдмунд тихонько читал вслух всевозможные объявления — «Весьма соблазнительное имение в Южном Уэльсе», «Родителям и опекунам», «Превосходный объезженный гунтер».

Меж тем Фанни, досадуя на себя, что не сумела остаться столь же неподвижной, как и молчаливой, и до глубины души огорченная поведением Эдмунда, пыталась в меру своей застенчивости и кротости избежать взглядов и расспросов Крофорда, который упорно добивался своего.

— Отчего вы покачали головой? — спрашивал он. — Что вы хотели этим выразить? Боюсь, это означало неодобренье. Но чего же? Чем я вызвал ваше неудовольствие? Мои слова показались вам неуместны?., легковесны, непочтительны? Если так, прошу вас, скажите мне. Прошу вас, если я не прав, скажите мне. Я хочу, чтоб вы наставили меня на путь истинный. Ну, пожалуйста, пожалуйста, я вас умоляю, отложите хоть на минутку ваше рукоделье. О чем вы думали, когда покачали головой?

Тщетно она взывала к нему:

— Прошу вас, сэр, не надо... прошу вас, мистер Крофорд, — дважды повторила Фанни, тщетно пытаясь уклониться. Но все так же напористо, хотя и негромко, все в том же близком соседстве, он опять и опять повторял те же вопросы. А ею сильнее и сильнее овладевало волнение и недовольство.

— Как можно, сэр? Вы, право, удивляете меня... Как же так можно? Я просто поражена...

— Я вас удивляю? Вы поражены? Что ж вам непонятно в этой моей просьбе? Я готов тотчас же вам объяснить, чем вызваны мои неотступные просьбы, мой интерес ко всему, что вы выражаете и делаете, мое теперешнее нетерпеливое любопытство. Вам не придется долго поражаться.

Фанни не удержалась от еле заметной улыбки, но не вымолвила ни слова.

— Вы покачали головой, когда я сказал, что не хотел бы исполнять обязанности священника постоянно. Да, при этом самом слове «постоянно», я не боюсь его

повторить. Я готов произнести его по буквам, прочесть его, написать. Не вижу в нем ничего, что вызывало бы тревогу. А вы видите?

— Пожалуй, сэр,— сказала Фанни, не в силах долее отмалчиваться.— Пожалуй, сэр. Я пожалела, что вы не всегда понимаете себя так хорошо, как в ту минуту, когда это говорили.

В восторге оттого, что наконец заставил ее заговорить, Крофорд преисполнился решимости не дать разговору иссякнуть; и бедняжка Фанни, которая надеялась, что такой жестокий упрек заставит его замолчать, с грустью убедилась, что ошиблась и что любопытство его теперь направлено лишь на другой предмет и один набор слов уступил место другому. Ему непременно требовались от нее какие то объяснения. Как не воспользоваться таким удобным случаем. С тех самых пор, как он виделся с нею в кабинете ее дядюшки, не было у него такого случая и до отъезда из Мэнсфилда, верно, уже и не будет. Леди Бертрам, сидящую по другую сторону стола, можно не принимать в расчет, она скорее всего, по обыкновению, дремлет, а Эдмунд все еще поглощен объявлениями.

— Что ж,— сказал Крофорд после множества стремительных вопросов и неохотных ответов,— теперь я счастливей прежнего, потому что яснее понимаю ваше обо мне суждение. Вы полагаете, что я непостоянен, легко поддаюсь минутной прихоти, соблазну, легко забываю. При таком мнении не удивительно, что... Но мы еще посмотрим. Нет, не словами постараюсь я убедить вас, что вы несправедливы ко мне, я не стану вам говорить, что привязанности мои прочны. Мое поведение само скажет за меня, разлука, расстояние, время скажут за меня. Они докажут вам, что если кто и заслуживает вас, так это я. Конечно же, вы несравненно благороднее меня душою, это я знаю. У вас есть достоинства, какие, как мне прежде казалось, в такой степени ни в ком не встретишь. В вас есть что то ангельское, сверх того — не просто сверх того, что видишь, ибо ничего подобного увидеть нельзя — но сверх того, что можно было бы вообразить. И все таки меня это не пугает. Вас можно добиться, вовсе не сравнившись с вами достоинствами. Об этом нечего и мечтать. Лишь тот, кто видит ваши достоинства, и сильнее, чем кто либо другой, их боготворит, и преданнее всех вас любит, лишь тот и может надеяться на взаимность. На этом и покоится моя уверенность. По этому праву я заслуживаю вас и заслужу. Я слишком хорошо вас знаю и пото

му питаю самые горячие надежды, пусть только вы убедитесь, что привязанность моя такова, как я говорю. Да, милая, прелестнейшая Фанни... Нет (спохватился он, увидев, с каким неудовольствием она отшатнулась от него)... прошу прощенья. Наверно, я еще не вправе... Но каким же еще именем мне вас называть? По вашему, в мыслях моих я называю вас какнибудь иначе? Нет, весь день напролет я думаю о «Фанни», о «Фанни» грежу всю ночь. В этом имени воплотилась такая прелесть, что оно одно заключает в себе ваш образ.

Фанни с трудом усидела на месте, она уже готова была встать и уйти, хотя представляла, как открыто он этому воспротивится, но тут с облегчением услышала приближающиеся шаги, которых давно ждала и не понимала, отчего они так непостижимо задержались.

Торжественная процессия во главе с Бэдли внесла чайный поднос, чайник, сладкие пироги и освободила Фанни, и телом и душой, из мучительного плена. Крофорд вынужден был отойти. Наконец то она свободна, при деле, защищена от него хлопотами у чайного стола.

Эдмунд не без удовольствия вновь стал одним из тех, кто мог и говорить и слушать. И хотя беседа Крофорда с Фанни показалась ему поистине долгой, и хотя, глянув на Фанни, он только и увидел досадливый румянец, он хотел надеяться, что столь долгий разговор не мог не принести хоть какую то пользу тому, кто его начал.

ГЛАВА 4

Эдмунд решил, что лишь от Фанни будет зависеть, станут они говорить об ее отношениях с Крофордом или нет, и, если она не заговорит первая, он ни за что этого не коснется; но прошло дня два взаимной сдержанности, и отец вынудил его переменить решение и попытаться употребить свое влияние на Фанни в пользу своего друга.

День отъезда Крофорда, очень близкий день, был уже назначен, и сэр Томас рассудил, что до того, как молодой человек покинет Мэнсфилд, неплохо бы сделать еще одну попытку в его пользу, укрепить его надежды, чтоб ему было легче сдержать все свои обеты и клятвы в неизменности своего чувства.

Сэр Томас был сердечно заинтересован, чтобы в этом мистер Крофорд оказался на высоте. Он желал, чтобы тот являл собою образец постоянства, и почитал, что всего верней для этого не испытывать его слишком долго.

Эдмунд охотно уступил уговорам отца вмешаться: он желал знать, каковы чувства Фанни. Прежде, когда у ней возникали какие нибудь сомнения, она всегда советовалась с ним, и при его глубокой привязанности к ней ему трудно было мириться с тем, что сейчас она отказывала ему в доверии; он надеялся быть ей полезен, конечно же, он будет ей полезен, кому еще откроет она свое сердце? Если у ней нет надобности в совете, ей, должно быть, надобна поддержка, которую дает беседа с другом. Фанни, отдалившаяся от него, молчаливая, замкнувшаяся в себе,— это так неестественно; он должен пробиться к ней, и сделать это тем легче, что она, конечно же, сама этого хочет.

— Я поговорю с нею, сэр. Воспользуюсь первым же случаем, когда смогу поговорить наедине.— Таков был ответ Эдмунда после всех этих мыслей; а когда сэр Томас сказал, что Фанни как раз прогуливается одна в аллее, он тотчас же к ней присоединился.

— Я хотел бы погулять с тобою, Фанни,— сказал Эдмунд.— Ты не против? (И он подал ей руку.) Мы уже давно не гуляли вместе в свое удовольствие.

Фанни согласилась со всем сказанным скорее не словами, но всем своим видом. Настроение у ней было подавленное.

— Но, Фанни, чтобы погулять в свое удовольствие, недостаточно просто пройтись вместе по дорожке,— через минуту прибавил Эдмунд.— Ты должна поговорить со мною. Я знаю, тебя что то беспокоит. И знаю, о чем ты думаешь. Ты ведь не предполагаешь, будто мне ничего не известно. Неужто я должен узнать обо всем от кого угодно, только не от самой Фанни?

Фанни тотчас же ответила ему, и взволнованная и удрученная:

— Если ты слышал про это от кого угодно, так мне нечего тебе рассказать, кузен.

— Быть может, не о событиях, Фанни, но о чувствах. Кто, кроме тебя, может о них рассказать. Однако не подумай, будто я собираюсь у тебя выпытывать. Если только ты и сама не хочешь мне рассказать. Я думал, когда ты поделишься своими чувствами, тебе полегчает.

— Боюсь, мы думаем совсем по разному, и потому, рассказав тебе о них, я едва ли испытаю облегчение.

— Тебе кажется, мы думаем по разному? Вот чего я никак не предполагал. Я уверен, при сравнении наших мнений обнаружится, что они так же схожи, как бывало всегда. Вот к примеру — я нахожу предложение Крофорда весьма подходящим и желательным, если ты можешь ответить ему взаимностью. По моему, вполне естественно, что вся твоя семья желает, чтоб ты ответила ему взаимностью. Но раз ты этого не можешь, ты поступила как должно, отказав ему. Разве мы с тобой в этом расходимся?

— О нет! Но я думала, ты меня винишь. Я думала, ты против меня. Такое утешенье, что я ошиблась.

— Ты могла получить это утешенье раньше, Фанни, если б ты его искала. Но как ты могла подумать, будто я против тебя? Как могла ты вообразить, будто я сторонник брака без любви? Разве я когда нибудь судил легкомысленно о подобных делах, как же могла ты вообразить, что я стану так судить, когда дело касается до твоего счастья?

— Дядюшка считает, что я поступаю нехорошо, и я знаю, он с тобой говорил.

— Я нахожу, что ты поступила совершенно правильно, Фанни. Я могу огорчаться, могу удивляться... хотя нет, едва ли, ведь у тебя не было времени привязаться к нему. Но по моему, ты совершенно права. Какое в том может быть сомненье? Позор тому из нас, у кого оно может возникнуть. Ты его не любишь, и ничто не могло бы оправдать твое согласие.

Уже много, много дней не было у Фанни так спокойно на душе.

— До сих пор твое поведение было безупречно, и те, кто хотел бы видеть его иным, не правы. Но на том дело не кончается. Чувство Крофорда незаурядно, он упорен в своей надежде вызвать у тебя расположение, которого ты не питала к нему вначале. Для этого, как известно, надобно время. Но, — продолжал Эдмунд с ласковою улыбкой, — дай ему преуспеть, Фанни, дай ему наконец то преуспеть. Ты показала себя прямой и бескорыстной, теперь покажи себя признательной и отзывчивой, и тогда ты будешь само совершенство, а я всегда был уверен, что ты рождена стать совершенством.

— Нет нет, никогда, никогда он в этом не преуспеет. — И с такой горячностью это было сказано, что Эдмунд поразился, а Фанни, увидев, как он посмотрел на нее, и услышав его слова, опомнилась и залилась краской.

— Никогда, Фанни? — переспросил он. — Да так решительно и определенно! При твоей рассудительности это совсем на тебя непохоже.

— Я хочу сказать, — горестно воскликнула Фанни, желая объясниться, — что так мне кажется, — насколько вообще возможно предвидеть будущее, — мне кажется, никогда я не смогу ответить ему взаимностью.

— Я склонен надеяться на лучшее. Мне ясно, ясней, чем Крофорду, что тому, кто хочет завоевать твою любовь (а его намерения тебе известны), придется очень нелегко, ведь этому будут противостоять все твои давние привязанности и привычки. И прежде, чем ему удастся склонить к себе твое сердце, ему надобно развязать узы, которые связывают тебя со всем твоим многолетним одушевленным и неодушевленным окружением и которыми теперь, при одной мысли о расставанье, ты стала еще сильнее дорожить. Я знаю, предчувствие, что тебе придется покинуть Мэнсфилд, поначалу будет настраивать тебя против Крофорда. Мне жаль, что он должен был тебе сказать, к чему он стремится. Мне жаль, Фанни, что он не знает тебя так же хорошо, как я. Скажу по правде, я надеюсь, что мы тебя завоюем. Мои теоретические знания, а его практические, соединенные вместе, приведут к успеху. Ему бы надобно действовать по моей подсказке. Надеюсь, однако ж, время покажет, что он заслуживает тебя, и не сомневаюсь, его постоянство будет вознаграждено. Я не могу предположить, что у тебя нет желания полюбить его — естественного благодарного желания. Не можешь ты не испытывать нечто в этом роде. Не можешь не сожалеть о своем равнодушии.

— Мы так несхожи, — сказала Фанни, избегая прямого ответа, — у нас и все склонности, и обыкновения совсем разные, и потому, даже если б я могла его полюбить, нам совершенно невозможно быть хоть скольконибудь счастливыми вместе. Нет на свете людей, которые так отличались бы друг от друга. У нас и вкусы все до единого не совпадают. Мы были бы несчастны.

— Ты ошибаешься, Фанни. Различие между вами не так уж велико. Вы во многом схожи. У вас и вкусы есть общие. У вас общие вкусы касательно литературы и нравственности. Вы оба добросердечны и благожелательны. И неужели хоть ктонибудь, кто слышал, как он читал вчера вечером Шекспира, и видел, как ты его слушала, подумает, будто вы не подходите друг другу? Ты не думаешь о себе. Характеры у вас, безусловно, разные, не

спору. Он веселый, ты серьезная, но тем лучше: его бодрость будет тебе поддержкой. Ты легко падаешь духом и склонна преувеличивать трудности. Его неунывающий нрав будет это уравнивать. Он ни в чем не видит никаких трудностей, и его приятная веселость будет тебе неизменной поддержкою. При всем различии между вами, Фанни, нет никаких оснований полагать, будто вы не можете быть счастливы вместе, и, пожалуйста, ничего такого не воображай. Вот я, например, убежден, что такое различие как раз весьма благоприятно. Я совершенно уверен, лучше, чтоб характеры были разные. Я имею в виду: разные по состоянию духа, манере поведения, по предпочтению проводить время в более узком или в более широком кругу, разговаривать или слушать собеседника, по склонности к жизнерадостности или грусти. Некоторые противоположности, без сомненья, способствуют супружескому счастью. Я, разумеется, не говорю о крайностях, а слишком большое сходство во всем этом непременно привело бы к крайности. Некоторое противодействие, мягкое и постоянное, всего лучше способствует хорошим манерам и поведению.

Фанни отлично догадывалась, о чем он сейчас думает. Его мыслями вновь завладела мисс Крофорд. С той минуты, как Эдмунд воротился в Мэнсфилд, он говорил о ней охотно и весело. Он более не избегал ее. Только накануне он обедал в пасторате.

Предоставив Эдмунда на несколько минут его счастливым мыслям, Фанни почла своим долгом вернуться к разговору о Крофорде и сказала:

— Не только из за его нрава я считаю его совершенно неподходящим для себя, хотя и в этом разница между нами слишком велика, безгранично велика; его настроение часто угнетает меня, но есть в нем и другое, что мне не нравится и того более. Должна тебе сказать, кузен, что я осуждаю его характер. Я думаю о нем плохо с тех пор, как затеяли театр. Мне кажется, его поведение в ту пору было столь предосудительно, столь бесчувственно, теперь можно об этом говорить, потому что все это уже позади, столь предосудительно по отношению к бедному мистеру Рашуоту... он, видно, вовсе не думал, в какое положение того ставит, какую причиняет ему боль, и, ухаживая за кузиной Марией, он... коротко говоря, во время затей с театром у меня создалось о нем такое впечатление, которое мне уже не преодолеть.

— Милая Фанни,— отвечал Эдмунд, едва ли дослушав ее до конца.— Лучше не судить никого из нас по тому,

какими мы казались в ту пору всеобщего безрассудства. Пору театра мне тошно вспоминать. Мария вела себя дурно, Крофорд вел себя дурно, мы все вели себя дурно, но хуже всех я сам. По сравнению со мною все остальные вели себя безупречно. Я делал глупости с открытыми глазами.

— Я была в стороне от этого,— сказала Фанни,— и потому, наверно, видела больше тебя. И я уверена, мистер Рашуот временами отчаянно ревновал.

— Вполне возможно. Что ж тут удивляться. Сама по себе затея была весьма предосудительна. Всякий раз, как подумаю, что Мария взялась за подобную роль, я ужасаюсь. Но уж если она могла позволить себе такое, что удивляться на остальных.

— Или я сильно ошибаюсь, или до театра как раз Джулия думала, будто Крофорд благоволит именно к ней.

— Джулия!.. Я уже от кого то слышал, что Крофорд был влюблен в Джулию, но никогда ничего подобного не замечал. И вот что я тебе скажу, Фанни, хотя, надеюсь, я отдаю должное добропорядочности моих сестер, по моему, вполне возможно, что котораянибудь из них или они обе очень хотели понравиться Крофорду и, забыв о благоразумии, могли беспечно выказать это желание. Помнится, обе они с явным удовольствием проводили время в его обществе, а когда мирволят такому человеку, как Крофорд, такому живому и, пожалуй, несколько беспечному, ему легко зайти чуть дальше... Тут нечему изумляться, ведь у него не было никаких притязаний, сердце его было предназначено для тебя. И, должен сказать, отдав предпочтенье тебе, он бесконечно выиграл в моем мнении. Он показал, что верно судит о блаженстве домашнего счастья и бескорыстной любви, и это делает ему честь. Это доказывает, что дядя не сумел его испортить. Иными словами, это доказывает, что он именно такой, как я хотел надеяться, и однако же боялся, что он иной.

— А я убеждена, что о серьезных материях он думает не так, как следовало бы.

— Скажи лучше, что он вовсе не думает о серьезных материях, по моему, это будет ближе к истине. Как могло быть иначе при таком воспитателе и советчике. Разве не поразительно, что при тех поистине неблагоприятных условиях, в которых они оба находились, они такие, какими мы их знаем? Я готов признать, что до сих пор Крофорд повинуетя лишь голосу чувств. По счастью, обыкновенно чувства у него добрые. Остальное восполнишь ты. Счастливчик он, что привязался к такому созданию,

к женщине, твердой как скала в своих принципах, чей мягкий нрав, однако, тем верней помогает утвердить эти принципы. Право же, он избрал себе спутницу жизни на редкость удачно. Он сделает тебя счастливой, Фанни, поверь мне, он сделает тебя счастливой, а уж ты его не только осчастливишь, но и возвысишь.

— Нет уж, увольте, не хотела бы я брать на себя такое попечение,— возразила Фанни,— такую серьезную ответственность!

— Ты, как всегда, не веришь в свои силы!, воображаешь, будто тебе все не по плечу! Что ж, хотя я сам, должно быть, не сумею внушить тебе иные чувства, я уверен, тебе их внушат. Признаться, я искренне в том заинтересован. Благополучие Крофорда мне не безразлично. Всего более меня заботит твое счастье, Фанни, но после тебя я первым делом забочусь о Крофорде. Ты ведь понимаешь, что Крофорд мне не безразличен.

Фанни слишком хорошо это понимала, и потому ей нечего было сказать, и затем шагов с полсотни они прошли молча, каждый был погружен в свои мысли. Первым нарушил молчание Эдмунд:

— Я вчера был очень доволен тем, как она об этом говорила, особенно доволен, ибо не ждал, что она все видит в таком правильном свете. Я знал, что ты ей очень по душе, но все равно боялся, что она не сочтет тебя достойной своего брата, будет жалеть, что он не остановил выбор на какой-нибудь знатной или богатой особе. Боялся ее пристрастия к тем светским понятиям, которые ей внушали с детства. Но оказалось совсем по другому. Она говорила о тебе именно так, как следовало. Она желает этого родства так же горячо, как твой дядя и я. Мы долго беседовали с нею об этом. Мне не пришлось начинать разговор самому, хотя мне не терпелось узнать ее чувства,— но я не пробыл там и пяти минут, как она заговорила столь откровенно, в той милой своей манере, решительно и бесхитростно, которая так ей присуща. Миссис Грант посмеялась над нею за то, что она так поспешила.

— Значит, при этом была миссис Грант?

— Да, когда я пришел, я застал сестер вместе, и мы все время так и проговорили о тебе, Фанни, пока не появились Крофорд и доктор Грант.

— Я не видела мисс Крофорд уже больше недели.

— Да, она сокрушается из-за этого, однако ей кажется, так оно к лучшему. Но до ее отъезда вы еще увидите. Она очень гневается на тебя, Фанни, будь к этому готова.

Она говорит, что очень разгневана, но ты можешь представить ее гнев. Это сожаление и разочарование сестры, которая думает, что ее брат вправе тотчас же получить все, чего ни пожелает. Она обижена, как и ты обиделась бы за Уильяма, но любит и ценит тебя всем сердцем.

— Я знала, что она разгневается на меня.

— Фанни, милая! — воскликнул Эдмунд, крепче прижимая к себе ее руку. — Только, пожалуйста, не расстраивайся из-за этого. Такой гнев может скорее служить предметом разговора, чем ощущаться. Сердце ее создано для любви и доброты, а вовсе не для злых чувств. Слышала бы ты, как она тебя расхваливала, видела бы, какое у ней было лицо, когда она говорила, что ты непременно должна стать женою Генри. И я заметил, что она все время называла тебя «Фанни», чего прежде никогда не делала, и произносила твое имя с истинно сестринской нежностью.

— А миссис Грант, она чтонибудь сказала... она говорила... она была там все время?

— Да, она полностью соглашалась с сестрою. Твой отказ, Фанни, их безмерно удивил. Чтоб ты могла отказать такому человеку, как Генри Крофорд, это, кажется, выше их понимания. Я говорил все что мог в твою защиту, но, сказать по правде, при том, как они это расценивают, ты должна возможно скорее повести себя иначе, чтоб доказать, что ты в здравом уме. Ничто другое их не удовлетворит. Но я докупаю тебе. Я кончил, Фанни. Не отворачивайся от меня.

Несколько минут Фанни предавалась раздумьям и воспоминаниям.

— Казалось бы, — проговорила она затем, — каждая женщина способна предполагать, что какой то мужчина не придется ей по душе или, по крайней мере, не понравится какойнибудь другой женщине, как бы он ни был вообще мил и приятен. Будь он само совершенство, по моему, это вовсе не значит, что его наверняка полюбит каждая женщина, которой случится прийтись ему по вкусу. Но даже если предположить, что это так, и согласиться, что мистер Крофорд обладает всеми правами и достоинствами, которыми его наделяют его сестры, откуда у меня взяться ответному чувству, такому же, какое испытывает он? Он застиг меня врасплох. Я и не представляла, что его отношение ко мне хоть что то значило. И конечно же, я не могла настроить себя, чтоб он мне понравился только потому, что, как мне казалось, он от нечего делать обратил на меня внимание. В моем положе

нии было бы чрезмерным тщеславием питать какие то надежды на мистера Крофорда. Если предположить, что он не имел серьезных намерений, его сестры, при том, как высоко они его ценят, без сомненья, только так и подумали бы обо мне. Тогда как же... как же я могла быть влюблена в него в ту минуту, когда он признался мне в любви? Откуда было взяться нежным чувствам к нему, едва они ему понадобились? Его сестрам следовало бы почитать меня такой же разумной, как и его. Чем выше его достоинства, тем неприличней было бы мне иметь на него виды. И... и потом, мы очень по разному судим о женской природе, если они воображают, будто женщина может так быстро, как им кажется, испытать ответное чувство.

— Милая, милая моя Фанни, наконец то я узнаю правду. Я уверен, это и есть правда. И такие понятия делают тебе честь. Я так и думал о тебе. Я полагал, что понимаю тебя. Ты сейчас дала мне то самое объяснение, которое я осмелился представить твоему другу мисс Крофорд и миссис Грант, и обеих оно хоть сколько то удовлетворило, хотя твоему добросердечному другу этого все еще не достаточно из за ее приверженности и любви к Генри. Я им говорил, что ты из тех, над кем привычка властвует значительно сильнее, чем новизна, и что сама неожиданность ухаживания Крофорда действует против него. Слишком это ново, слишком недавно — а потому не в его пользу. Ты же плохо переносишь все, к чему не привыкла. И я говорил им еще много в том же роде, старался дать представление о твоём характере. Мисс Крофорд насмешила нас, сказавши, как она собирается приободрить брата. Она намерена уговорить его не терять надежду, что со временем его полюбят и что к концу десяти лет счастливого брака его ухаживанья будут приняты весьма благосклонно.

Фанни с трудом улыбнулась, ведь он этого от нее ждал. Она была в полнейшем смятении. Ей казалось, она поступает дурно, слишком много говорит, слишком далеко заходит в своих опасениях, которые почитает необходимыми, чтоб защитить себя от одной беды, и тем самым остается беззащитной перед другой бедою, и в такую минуту и по такому поводу услышать от Эдмунда шутку мисс Крофорд было особенно горько.

По ее лицу Эдмунд увидел, что она утомлена и огорчена, и точас же решил не продолжать обсуждение и даже не поминать более имя Крофорда, разве что в какой нибудь безусловно приятной для нее связи. А потому он вскорости заметил:

— Они уезжают в понедельник. Так что ты, без сомнения, увидишься со своей подругой либо завтра, либо в воскресенье. Они вправду уезжают в понедельник! А ведь меня чуть не уговорили остаться в Лессингби как раз до этого самого дня! Я уже почти пообещал. Как бы это все изменило. Пробудь я еще пять шесть дней в Лессингби, и это отразилось бы на всей моей жизни.

— Тебе хотелось остаться там?

— Очень. Меня премило уговаривали, и я почти согласился. Если б я получил хоть от когонибудь из Мэнсфилда письмо, из которого узнал бы, что вы все живы здоровы, я бы непременно остался, но я уже две недели ничего про вас не знал и чувствовал, что нахожусь в отъезде уже достаточно долго.

— Ты там приятно проводил время?

— Да, то есть, если и нет, тому виною мое внутреннее состояние. Они все очень милые. Вряд ли они сочли таким же и меня. Когда я туда ехал, у меня душа была не на месте, и я ничего не мог с собой поделать, пока снова не оказался в Мэнсфилде.

— А сестры мистера Оуэна... ведь они тебе понравились?

— Да, очень. Милые, веселые девушки, без затей. Но я избалован, Фанни, общество обыкновенных женщин мне не подходит. Веселые девушки без затей неинтересны мужчине, который привык к умным женщинам. Это два различных слоя общества. Благодаря тебе и мисс Крофорд я стал чересчур взыскателен.

Но все равно Фанни была подавлена и утомлена; Эдмунд увидел это по ее лицу, понял, что разговорами тут не поможешь, и, ни о чем более не заговаривая, с властной добротой пользующегося доверием наставника повел ее домой.

ГЛАВА 5

Эдмунд был доволен, теперь он полагал, будто прекрасно понимает все, что Фанни могла сказать или оставить не сказанным о своих чувствах. Как он и думал прежде, Крофорд слишком поспешил и Фанни надобно дать время, чтоб мысль о замужестве сперва стала для нее привычной, а потом и приятной. Она должна освоиться с тем, что Крофорд влюблен в нее, и тогда ответное чувство, возможно, будет не за горами.

Это свое мнение, к которому Эдмунд пришел после разговора с Фанни, он высказал отцу и посоветовал ничего более не говорить ей, не пытаться снова повлиять на нее или уговорить, но предоставить все усердным ухаживаниям Кроффорда и естественному ходу ее собственных рассуждений. Сэр Томас пообещал, что так оно и будет. Он мог довериться рассказу Эдмунда о настроениях Фанни, он предполагал, что ею и вправду владеют все эти чувства, но находил, что это весьма неудачно; ибо, менее сына полагаясь на будущее, поневоле опасался, что, если ей требуется столь долго привыкать к мысли о замужестве, молодой человек может утратить к ней интерес еще до того, как она сумеет убедить себя отнестись к его ухаживанию должным образом. Однако же тут ничего нельзя было поделать, только спокойно покориться неизбежности и надеяться на лучшее.

Обещанный визит ее «друга», как Эдмунд называл мисс Кроффорд, был страшной угрозой для Фанни, и в ожидании его она жила в постоянном ужасе. Как сестра, такая пристрастная и такая разгневанная, да еще не склонная особенно выбирать слова, а с другой стороны, такая победительная и самоуверенная, она во всех отношениях вызывала у Фанни мучительную тревогу. Ее неудовольствие, проницательность и ее удачливость — все одинаково страшило Фанни; и единственной поддержкой была надежда, что при свидании они окажутся не одни. Опасаясь, как бы мисс Кроффорд не застала ее врасплох, Фанни старалась как можно более времени проводить подле леди Бертрам, держалась подальше от Восточной комнаты и не гуляла в одиночестве по аллее.

Фанни преуспела в своем намерении. Когда мисс Кроффорд наконец пришла, она сидела в малой гостиной под защитой тетушки; и первое мученье миновало ее, во взгляде и в разговоре мисс Кроффорд не было почти ничего, что так страшило Фанни, и она стала уже надеяться, что ей всего то придется вытерпеть с полчаса умеренных волнений. Но ее надежды не оправдались, мисс Кроффорд не была рабой случая. Она желала увидаться с Фанни наедине и потому довольно скоро шепнула ей, что должна где нибудь несколько минут с нею поговорить; слова эти пронзили Фанни, она ощутила их всем своим существом, каждым нервом. Отказать было невозможно. Напротив, привыкшая к немедленному повиновению, она почти тотчас поднялась и пошла вон из комнаты. На душе у ней было хуже некуда, но она ничего не могла поделать.

Едва они оказались в прихожей, всю сдержанность мисс Крофорд как рукой сняло. Она тотчас покачала головой с лукавой, однако нежною укоризной и, взяв Фанни за руку, кажется, готова была начать разговор в ту же минуту. Однако она сказала только: «Скверная, скверная девочка! И когда ж я кончу вас бранить», и у ней хватило осмотрительности удержаться от дальнейшего до тех пор, пока они не укроются в четырех стенах. Фанни, разумеется, повернула к лестнице и повела гостью в комнату, в которой теперь всегда было приятно посидеть; однако открыла дверь с тяжелым сердцем, чувствуя, что ей предстоит столь мучительная сцена, каких еще не видывал этот уголок. Но неприятный разговор, который ей угрожал, по крайней мере, отодвинулся из за неожиданной перемены в настроении мисс Крофорд, из за волнения, какое ощутила она, вновь оказавшись в Восточной комнате.

— А! — вдруг оживившись, воскликнула она. — Неужели я опять здесь? Ведь это Восточная комната. Прежде я только один раз тут побывала! — Она помедлила, огляделась, видимо восстанавливая в памяти все, что тогда произошло, потом прибавила: — Один только раз. Вы помните? Я пришла репетировать. И ваш кузен пришел: мы репетировали. Вы были нашей публикой и суфлером. Восхитительная была репетиция. Никогда ее не забуду. Вот тут мы и были, на этом самом месте; вот здесь ваш кузен, вот здесь я, а вот здесь стулья... Ах, ну почему такие минуты не длятся вечно?

К счастью для ее спутницы, ответ ей не требовался. Она была поглощена собою. Сладкие воспоминания овладели ею.

— Такую замечательную сцену мы репетировали! Она была очень... очень... как бы это сказать! Он рассказывал мне, что такое брак, и советовал выйти замуж. Мне кажется, я и сейчас его вижу, он очень старается быть сдержанным и спокойным, как положено Анхельту во время этих двух монологов. «Когда две родственных души вступают в брак, замужество сулит долгое счастье». Наверно, навсегда сохранится у меня в памяти его лицо и голос, когда он произносил эти слова. Странно, как странно, что нам выпало играть такую сцену! Будь в моей власти вернуть любую из прожитых недель, я вернула бы именно ту неделю, неделю наших репетиций. Что ни говорите, Фанни, а я бы так и поступила, никогда я не была счастливей, чем в ту неделю. Как он смирял свой непреклонный дух! О! То было несказанно сладко. Но увы!

В тот же вечер все и разрушилось. В тот же вечер воротился самый что ни на есть нежеланный ваш дядя. Бедный сэр Томас, кому вы были нужны? Только, пожалуйста, не воображайте, Фанни, будто я теперь стану неуважительно говорить о сэре Томасе, хотя я, конечно же, много недель терпеть его не могла. Нет, теперь я отдаю ему должное. Он такой, каким и должен быть глава подобного семейства. Более того, по здоровом и грустном размышлении, я теперь люблю вас всех.— И сказав это с той степенью нежности и серьезности, какой Фанни никогда еще в ней не видела и какая в глазах Фанни очень ее украсила, мисс Крофорд на миг отвернулась, стараясь овладеть собою.— С тех пор как я переступила порог этой комнаты, я сама не своя, как вы могли заметить,— вскорости сказала она с игривой улыбкой,— но все уже позади, так что давайте сядем, и пусть нам будет уютно и спокойно. У меня ведь было твердое намерение побороть вас, Фанни, но, когда дошло до дела, у меня недостает на это мужества.— И она ласково ее обняла.— Фанни, милая, славная моя, когда я думаю, что мы видимся в последний раз — кто знает, скоро ли мы опять свидимся,— я только и способна, что любить вас.

Фанни была растрогана. Она ничего подобного не предвидела, и ей редко удавалось устоять перед наводящим грусть словом «последний». Она заплакала, как если б любила мисс Крофорд, более, чем на самом деле могла ее полюбить, и мисс Крофорд, еще смягчившись при виде такого душевного волнения, с нежностью обхватила ее и сказала:

— Мне так не хочется с вами расставаться. Там, куда я еду, не будет никого, кто хотя бы вполтину был мне так мил, как вы. Кто говорит, что нам с вами не быть сестрами? Мы будем сестрами непременно. Я чувствую, мы созданы для того, чтоб породниться, и ваши слезы убеждают меня, что и вы так думаете, дорогая моя Фанни.

Фанни овладела собой и, отвечая далеко не на все услышанное, сказала:

— Но ведь вы просто переходите из одного дружеского круга в другой. Вы едете к очень близкой подруге.

— Да, это правда. Миссис Фрейзер многие годы была моя ближайшая подруга. Но у меня нет ни малейшего желания быть с нею рядом. Я только и могу сейчас думать что о друзьях, с которыми расстаюсь: о моей превосходной сестре, о вас, обо всех Бертрамах. Во всех вас настолько больше сердечности, чем встречаешь повсюду

"Good, gentle Fanny!"

в мире. Со всеми вами у меня было такое чувство, что я могу доверять вам и положиться на вас, при обыкновенных отношениях ничего похожего не бывает. Жаль, я не условилась с миссис Фрейзер приехать к ней после пасхи, в такую пору гостить было бы лучше, но теперь я уже не могу отменить поездку. А после нее мне придется поехать к ее сестре, леди Сторнуэй, из них двоих самой близкой моей подругой была как раз она, но в последние три года я к ней охладела.

После этих слов девушки долгие минуты сидели молча, в задумчивости; Фанни размышляла о том, какие разные дружба существуют на свете, направление мыслей Мэри было не столь философичным.

И опять она заговорила первая:

— Я так прекрасно помню, как решила искать вас наверху; отправилась разыскивать Восточную комнату, а сама понятия не имела, где она находится! Я так хорошо помню, о чем я думала, пока шла, и как заглянула и увидела вас у этого стола за рукодельем. А как потом удивился ваш кузен, когда отворил дверь и увидел здесь меня! И конечно, не забыть приезд вашего дяди в тот же вечер! Никогда я не переживала ничего подобного.

Потом опять каждая ненадолго погрузилась в свои мысли, но вот, отбросив их, Мэри приступила к Фанни.

— Ну, Фанни, вы совсем замечались! Надеюсь, о том, кто непрестанно думает о вас. Если б только я могла ненадолго перенести вас в наше городское общество, чтоб вы поняли, как там думают о вашей власти над Генри! О, как ревнуют и завидуют многие и многие! С каким удивленьем, недоверием они услышат о вашем отказе! Ведь Генри не таил своих чувств, он истинный герой рыцарского романа и гордится своими оковами. Вам надо бы приехать в Лондон, чтоб понять, какую вы одержали победу. Видели бы вы, как его домогаются и как домогаются меня, оттого что я его сестра! Теперь, без сомненья, я буду для миссис Фрейзер совсем не столь желанной гостьей, и виной тому отношение Генри к вам. Узнав правду, она, весьма вероятно, была бы рада, чтоб я опять оказалась в Нортгемптоншире: у мистера Фрейзера есть дочь от первой жены, и моя приятельница жаждет выдать ее замуж и с радостью отдала бы ее за Генри. Как же только она его не добивалась! Вы сидите здесь такая бесхитростная и скромная и даже представить не можете, как все там будут потрясены, как всем им захочется на вас поглядеть, сколько вопросов на меня посыплется!

Бедняжка Маргарет Фрейзер станет меня донимать, какие у вас глаза, да какие зубки, да как вы причесываетесь, да кто шьет вам туфли. Ради моей бедняжки подруги я бы хотела, чтоб Маргарет вышла замуж, ведь Фрейзеры так же несчастливы, как большинство женатых людей. А ведь в свое время Дженет так стремилась к этому браку. Все мы были в восторге. Она не могла не радоваться этому браку, потому что он богат, а у ней не было ничего; но у него оказался скверный характер, и он весьма требователен и хочет, чтоб красивая молодая женщина двадцати пяти лет была такой же степенной, как он сам. И моя подруга плохо с ним управляется, по моему, она не умеет к нему подойти. Она все время раздражена, что по меньшей мере свидетельствует о дурном воспитании. У них я буду с уважением вспоминать об отношениях супругов в Мэнсфилдском пасторате. Даже доктор Грант выказывает моей сестре глубокое доверие и в известной мере считается с ее суждениями, и оттого чувствуется, что он подлинно к ней привязан; а вот у Фрейзеров я не видела ничего похожего. Мысленно я всегда буду в Мэнсфилде, Фанни. Моя сестра в качестве супруги, сэр Томас в качестве супруга мне кажутся образцами совершенства. Бедняжке Дженет не повезло. И ведь в ее поступке не было ничего предосудительного, она вышла замуж вполне обдуманно, нельзя сказать, чтоб она не пыталась заглянуть вперед в будущее. Она попросила три дня, чтоб поразмыслить над его предложением. И в эти три дня советовалась со всеми своими близкими, к чьему мнению стоило прислушаться, и особенно спрашивала совета у дорогой моей покойной тетушки, которая прекрасно знала свет, и потому вся ее знакомая молодежь по достоинству ценила ее суждения; и она высказалась за этот брак. Похоже, ничто не дает уверенности, что супружество будет счастливым! Я очень мало могу сказать в защиту моей подруги Флоры, которая пренебрегла очень славным молодым человеком из конной гвардии ради этого ужасного лорда Сторнуэя. У него, Фанни, ума не более, чем у Рашуота, а с лица он куда как хуже, и характер мерзкий. В ту пору я сомневалась, правильно ли она поступает, потому что он совсем непохож на джентльмена, а теперь я уверена, что она сделала ошибку. Кстати, Флора Росс отчаянно влюбилась в Генри в первую зиму, когда стала выезжать. Но начини я рассказывать вам обо всех женщинах, которые, я знаю, были в него влюблены, и этому не будет конца. Только вы, вы одна, бесчувственная Фанни, способны думать

о нем чуть ли не равнодушно. Но так ли вы бесчувственны, как даете понять? Нет, нет, я вижу, что это не так.

В эту минуту Фанни так густо покраснела, что в уме настороженном это могло подтвердить самые серьезные подозрения.

— Вы прелесть, Фанни! Я не стану вас допекать. Все пойдет своим чередом. Но, Фанни, милая, признайтесь, вы вовсе не были так уж неподготовлены к тому вопросу, как воображает ваш кузен. Быть того не может, чтоб вы совсем о том не задумывались, не питали кое каких подозрений. Вы же видели, что Генри старается оказывать вам все знаки внимания, какие в его силах. Разве на балу он не посвятил всего себя вам? А перед балом — эта цепочка! О! вы приняли ее именно так, как было задумано. Вы все почувствовали так, как только можно было пожелать. Я прекрасно это помню.

— Вы хотите сказать, что ваш брат загодя знал про цепочку? О, мисс Крофорд, это так дурно по отношению ко мне.

— Знал про цепочку! Да это все он, он сам это придумал. Стыдно сказать, но мне это не пришло в голову, однако ж, когда он меня надоумил, я с радостью послушалась, ради вас обоих.

— Не могу сказать, что я совсем не опасалась этого, — отвечала Фанни. — Что то в вашем взгляде меня испугало... но не с самого начала... Вначале я ничего не заподозрила!, уверяю вас, ничего. Это чистая правда. А подумай я такое, ничто бы не заставило меня принять цепочку. Что же до поведения вашего брата, одно время мне казалось, что он меня отличает, казалось совсем недолго, наверно, недели две три, но потом я порешила, что это ничего не значит, что просто такая у него манера, и никак не предполагала и не хотела, чтоб у него были серьезные намерения на мой счет. Я прекрасно видела, мисс Крофорд, что происходило летом и осенью между ним и кое кем из нашей семьи. Я молчала, но слепой не была. Я не могла не видеть, что мистер Крофорд позволял себе ухаживать, не имея никаких серьезных намерений.

— О да! Этого я отрицать не стану. Он время от времени любил поволочиться, и его совсем не тревожило, какую он сеял смуту в чувствах молодых девиц. Я часто бранила его за это, но это единственный его недостаток, и не могу не прибавить, что очень мало на свете молодых девиц, чьи чувства стоят того, чтоб о них тревожились. И потом, Фанни, честь приковать к себе мужчину, за

которым охотились столь многие, быть в силах сполна искупить слабости нашего пола! Нет нет, конечно же, не в натуре женщины отказаться от такого торжества. Фанни покачала головой.

— Не могу я хорошо думать о человеке, который играет чувствами женщины, какой бы она ни была, и притом она может страдать много более, чем кажется стороннему наблюдателю.

— Я его не защищаю. Я всецело предоставляю его вашему милосердию. И когда он увезет вас в Эверингем, выговаривайте ему сколько угодно, я не против. Одно вам скажу, его недостаток, пристрастие слегка влюблять в себя молодых девиц, совсем не так опасно для счастья жены, как склонность влюбляться самому, а это никогда не было ему свойственно. И я и вправду серьезно и искренне верю, что никогда еще, ни к одной женщине он не питал таких чувств, как к вам, он любит вас всем сердцем и будет любить вас так долго, как только возможно. Если хоть один мужчина способен любить женщину вечно, я думаю, так будет любить вас Генри.

Фанни не удержалась от едва заметной улыбки, но сказать ей было нечего.

— Мне кажется, ни разу Генри не был так счастлив, как когда его хлопоты увенчались успехом и вашего брата произвели в офицеры,— вскоре опять заговорила Мэри.

Невозможно было верней затронуть самую чувствительную струнку в сердце Фанни.

— О да! Он был так добр, так добр!

— Я знаю, ему это далось совсем не легко, я ведь знаю, к кому пришлось обращаться. Адмирал терпеть не может никакого беспокойства и считает ниже своего достоинства просить о каких либо одолжениях. И потом, столько есть молодых людей, о которых хлопочут таким же образом, что надо очень хотеть удружить и исполниться немалой решимости, иначе не преуспеешь. Как, должно быть, счастлив Уильям! Вот бы вам его увидеть.

Никогда еще бедняжку Фанни не подвергали в такое смятение. Мысль о том, что было сделано для Уильяма, всегда лишала ее покоя при любом решении против Крофорда; и она глубоко задумалась; а Мэри сперва самодовольно на нее поглядывала, потом стала размышлять о чем то своем, но вдруг снова привлекла ее внимание.

— Я бы рада беседовать с вами весь день,— сказала она,— но нельзя забывать про дам внизу. Так что до свиданья, моя дорогая, моя очаровательная, моя превос

ходная Фанни, потому что, хотя будет считаться, что мы расстались в малой гостинной, я хочу проститься с вами здесь. И вправду прощаюсь, и предвкушаю тот счастливый час, когда мы опять встретимся, и верю, что будет это при таких обстоятельствах, которые откроют наши сердца друг другу без остатка, без тени настороженности.

Слова эти сказаны были не без волнения и сопровождались самым что ни на есть сердечным объятием.

— Я скоро увижу в Лондоне вашего кузена, он говорит, что довольно скоро там будет, а весной, думаю, и сэра Томаса, а с вашим старшим кузеном, и с Рашуотами, и с Джулией, без сомненья, буду то и дело встречаться, со всеми, кроме вас. Я хочу попросить вас о двух одолжениях, Фанни. Первое — это письма: вы должны мне писать. И второе — что вы будете часто навещать миссис Грант и возместите ей мое отсутствие.

Фанни предпочла бы, чтоб, по крайней мере, о первом одолжении ее не просили, однако же отказать в переписке не могла, не могла даже не согласиться на это с большей готовностью, чем позволяло ее собственное суждение. Возможно ли противиться столь очевидной приязни. Такая у ней была натура, что она особенно дорожила ласковым обращением, а ведь до сих пор отнюдь не была им избалована и оттого тем более не могла устоять перед отношением мисс Крофорд. К тому же Фанни была ей благодарна за то, что их *tete a tete* оказался далеко не столь мучителен, как она опасалась.

Все уже позади, и обошлось без упреков и без разоблачения. Тайна ее осталась при ней, а если так, пожалуй, можно согласиться на многое.

Вечером было еще одно расставанье. Пришел Генри Крофорд и несколько времени посидел с ними; Фанни загодя не настроила себя сурово, и сердце ее ненадолго смягчилось по отношению к нему, ей казалось, он и вправду страдает. Совсем непохожий на себя, он едва ли вымолвил хоть слово. Он был явно удручен, и Фанни, от души надеясь, что более не увидит его до тех пор, пока он не станет мужем какой нибудь другой женщины, не могла все же его не пожалеть.

Когда настал миг расставанья, он взял ее за руку, она не отказала ему в этом; он, однако же, ничего не сказал, во всяком случае ничего, что она бы услышала, и, когда он вышел из гостинной, она была особенно довольна, что с этим символом дружбы покончено.

Назавтра Крофорды уехали.

Теперь, когда мистер Крофорд уехал, сэр Томас желал, чтоб Фанни о нем скучала, и лелеял надежду, что, лишившись ухаживаний, которые при Крофорде она почитала или мнила злом, она почувствует, как ей их недостает. Она вкусила самую лестную их сторону, и сэр Томас и вправду надеялся, что, утратив их, вновь оказавшись девушкой, не заслуживающей внимания, она в душе испытает весьма полезные сожаленья. С этой мыслию он присматривался к ней, но едва ли мог сказать, заметил ли хоть что то. Едва ли понимал, произошла ли в ее настроении хоть какая то перемена. Она постоянно была так кротка, так старательно держалась в тени, что он не мог распознать, каково ее душевное состояние. Не понимал он ее, чувствовал, что не понимает, и потому попросил Эдмунда сказать ему, как она настроена и счастливей ли она сейчас, чем была при Крофорде, или напротив того.

Эдмунд не разглядел никаких признаков сожалений и думал, что со стороны отца несколько неразумно ждать, что они могут появиться в первые три четыре дня.

Эдмунда удивляло другое — он что то не замечал, чтоб она сожалела об отъезде сестры Крофорда, своей подруги и собеседницы, которая так много для нее значила. Он недоумевал, почему Фанни заговаривала о ней так редко и высказывала очень мало огорчения оттого, что им пришлось расстаться.

Увы! как раз эта сестра, эта ее подруга и собеседница и отравляла теперь ее покой. Если б быть уверенной, что дальнейшая судьба Мэри не связана с Мэнсфилдом, как не будет с ним связана судьба ее брата, а это Фанни решила твердо, если б надеяться, что Мэри возвратится сюда так же нескоро, как ее брат, — Фанни очень хотелось на это надеяться, — у ней было бы совсем легко на сердце; но чем более она вспоминала и наблюдала, тем глубже убеждалась, что никогда еще все так не благоприятствовало браку мисс Крофорд и Эдмунда. Его намерение было явственней, чем когда либо, ее — менее уклончиво. Его возражения, щепетильность его честной натуры, казалось, все отошло в сторону, а как, почему — неизвестно; и сомнения и колебания мисс Крофорд, рожденные честолюбивыми притязаниями, тоже рассеялись — и тоже без видимой причины. Чему же это приписать, если не растущей

привязанности. Его добрые и ее дурные чувства покорились любви, и такая любовь должна их соединить. Он собирается в Лондон, как только завершит какое то дело, связанное с Торнтон Лейси,— вероятно, не поздней, чем через две недели, говорил он, и явно говорил об этом с великим удовольствием; и когда Эдмунд снова окажется с Мэри, Фанни не сомневалась, к чему это приведет. Мисс Крофорд примет его предложение, это так же несомненно, как то, что он предложение сделает; однако у Фанни живо еще было дурное впечатление, отчего такая будущность глубоко ее огорчала, независимо — она была уверена, что независимо,— от ее собственных чувств.

Во время их последнего разговора мисс Крофорд, хотя кое чем приятно удивила Фанни и проявила большую доброту, все же оставалась собою, все же видно было, что она заблудшая душа, сбившаяся с пути истинного, и сама о том не ведает; помраченная, хотя воображает себя просветленной. Она, вероятно, любит, но по всем прочим своим понятиям не заслуживает Эдмунда. У них, без сомнения, нет более ни единого общего чувства; да простят ей старшие и мудрые, но не верится ей, будто со временем мисс Крофорд переменится к лучшему, ведь если в расцвете любви влияние Эдмунда так мало прояснило ее суждения и возвысило ее представления, то даже и за долгие годы супружества все его достоинства будут в конце концов растрчены на нее понапрасну.

Житейский опыт, верно, возлагал бы более надежд на молодых супругов в подобных обстоятельствах, и беспристрастие не отказало бы мисс Крофорд в той истинно женской способности соучаствовать, благодаря которой она переймет и усвоит мнения мужчины, коего любит и уважает. Но убеждения Фанни были иные, а потому заставляли ее страдать, и она не могла говорить о мисс Крофорд без боли.

Меж тем сэр Томас по прежнему питал надежды и присматривался к Фанни, при своем знании человеческой природы чувствуя себя вправе ожидать, что, утратив свою власть и значимость, племянница о том пожалеет и ей страстно захочется, чтобы Крофорд вновь стал за ней ухаживать; но вскоре, не видя явных и бесспорных тому подтверждений, счел причиною приближающийся приезд другого гостя, что, как он полагал, вполне могло поддержать хорошее настроение Фанни. Уильям получил десятидневный отпуск, намеревался провести его в Нортгемптоншире и ехал, счастливейший из лейтенантов, ка

ковой чин был уже им получен, чтобы поделиться своим счастьем и расписать свой мундир.

Он приехал и рад был бы показать им свой мундир, но жестокий обычай предписывал появляться в нем только при исполнении служебных обязанностей. Так что мундир остался в Портсмуте, и Эдмунд полагал, что до того, как у Фанни появится случай увидеть его, и он сам и чувства его хозяина будут уже не так свежи. К тому времени он превратится в символ позора, ведь что может быть неуместней и никчемней мундира лейтенанта, который уже год, а то и два все лейтенант, и видит, как другие его обходят, получая повышение? Так рассуждал Эдмунд, пока отец не поделился с ним своим планом, благодаря которому у Фанни будет случай увидеть младшего лейтенанта с корабля его величества под названием «Дрозд» в совсем ином свете, во всей славе его.

План заключался в том, чтобы Фанни сопровождала брата в Портсмут и немного погостила в родной семье. Это пришло сэру Томасу на ум как правильная и желательная мера среди достойных его размышлений; но прежде, чем окончательно решить, он посоветовался с сыном. Эдмунд обдумал это со всех сторон и не нашел никаких возражений. Мысль и сама по себе хороша, и время выбрано наилучшее; можно не сомневаться, что Фанни будет очень, очень рада. Этого было довольно, чтобы сэр Томас принял решение; и ясным и определенным «значит, так тому и быть» с этим делом покуда было покончено; сэр Томас не без удовлетворения предвидел благие последствия поездки сверх и помимо тех, о которых шла речь в разговоре с сыном, ибо он отсылал Фанни менее всего из желания дать ей возможность вновь свидеться с родителями и уж вовсе не потому, что хотел доставить ей удовольствие. Конечно, он желал, чтобы она ехала с охотою, но пуще того желал, чтобы ей стало дома изрядно тошно еще прежде, чем придет время уезжать; и чтобы недолгое отсутствие элегантности и роскоши Мэнсфилд парка отрезвило ее и склонило по достоинству оценить дом, столь же великолепный л уже постоянный, который ей был предложен.

Так замыслил сэр Томас излечить разум племянницы, который сейчас надобно считать пораженным болезнью. Восемь или девять лет жизни среди богатства и изобилия несколько расстроили ее способность судить и сравнивать. Отцовский дом, по всей вероятности, научит ее ценить солидный доход; и сэр Томас надеялся, что, подвергнув

шись испытанию, которое он для нее замыслил, она потом всю жизнь будет мудрей и счастливей.

Умей Фанни дать волю восторгам, им не было бы предела, когда она впервые поняла, что ее ожидает, когда дядюшка впервые предложил ей навестить родителей, братьев и сестер, с которыми она почти половину своей жизни была в разлуке, в сопровождении и под опекой Уильяма на месяц другой воротиться в места своего раннего детства; когда она уверилась, что сможет видаться с Уильямом все время, до того часа, пока он вновь не уйдет в плавание. Умей она бурно ликовать, сейчас для этого было бы самое время, но ее радость была тихой, глубокой, переполняла сердце; она и всегда была немногословна, когда же ею владели самые сильные чувства, особенно склонна была к молчанию. В ту первую минуту она сумела только поблагодарить и согласиться. После, несколько привыкнув к возникающим в воображении картинам предстоящего удовольствия, которое было для нее так неожиданно, она и с Уильямом и с Эдмундом могла свободнее говорить о своих чувствах; но все равно в душе еще оставалась нежность, которую невозможно было облечь в слова. С новой силой нахлынули на Фанни воспоминания обо всех ее детских радостях и о том, как она страдала, когда ее оторвали от них, и уже казалось, что возвращение домой исцелит боль, рожденную разлукой. Быть среди своих, быть всеми любимой, любимой как никогда прежде, не бояться своей нежности и не сдерживать ее, чувствовать себя ровней тем, кто вокруг, не слышать упоминаний о Крофордах, не видеть взглядов, в которых чудится укор из за них! Такое предвкушаешь с наслаждением несказанным.

И еще Эдмунд: провести без него два месяца (а возможно, ей позволят остаться и на три) — это должно быть благо. На расстоянии, недоступном его взглядам, его доброте, не придется ежечасно, мучительно сознавать, что у него на сердце, всеми силами уклоняться от его признаний, и тогда она сумеет образумиться, обрести подобающее равновесие; тогда от мысли, что он в Лондоне устраивает свои дела, она не будет чувствовать себя несчастной. Что трудно вынести в Мэнсфилде, должно стать меньшим злом в Портсмуте.

Фанни только и огорчало сомнение, легко ли будет обойтись без нее тетушке Бертрам. Никому другому от нее нет пользы, но вот тетушке, пожалуй, так ее будет не хватать, что об этом и думать не хочется; уладить

это сэру Томасу будет, конечно же, всего трудней, а никому другому и вовсе не под силу.

Но он хозяин Мэнсфилд парка. Когда он действительно почитал что то нужным, ему неизменно удавалось это осуществить; и теперь он долго разговаривал с леди Бертрам, объяснял ей необходимость этой поездки, толковал о том, что это Фаннин долг — иногда видеться со своей семьей, и в конце концов уговорил жену отпустить ее; однако же леди Бертрам согласилась не из убеждения, а скорее из покорности, убедить ее удалось разве только в том, что сэр Томас почитает эту поездку необходимой, а значит, и она должна так думать. В тиши своей туалетной, беспристрастно об этом размышляя, не настраиваемая его рассуждениями, она вовсе не соглашалась, что Фанни надобно хоть изредка бывать подле отца с матерью, ведь они так долго обходились без дочери, а вот ей, леди Бертрам, племянница столь необходима. А касательно того, что без Фанни прекрасно можно обойтись, в чем ее пыталась убедить миссис Норрис, она положила, и очень решительно, ничего подобного не признавать.

Сэр Томас взывал к ее разуму, совести и достоинству. Он называл это жертвой и ждал, что при своей доброте и самообладании она принесет эту жертву. А миссис Норрис хотела ее убедить, что без Фанни можно прекрасно обойтись. Ведь она сама готова посвятить сестре все свое время, если та пожелает, и, коротко говоря, ничуть Фанни не нужна и вовсе не будет ее доставать.

— Возможно, сестра,— только и ответила леди Бертрам.— Я думаю, ты совершенно права, но мне, без сомнения, будет очень ее доставать.

Теперь надобно было снестись с Портсмут. Фанни написала о своем желании приехать, и ответ матери, хотя и короткий, был столь ласковый, и несколько бесхитростных строк выражали столь естественную материнскую радость от возможности вновь увидеть свое дитя, что подтвердили все надежды Фанни на счастье встречи с матерью, убедили ее, что в «маменьке», прежде не питавшей к ней особой нежности, а в этом скорей всего она же сама была виновата или сама себе это внушила, она теперь найдет сердечного и любящего друга. Пожалуй, она охладила материнскую любовь своей беспомощностью и дурным, капризным нравом или же была неразумна, желала получить ее больше, чем может достаться на долю каждого, когда детей так много. Теперь, когда она лучше умеет быть полезной и терпеливой и когда мать уже не занята не

престанными хлопотами, неизбежными в доме, полном малых детей, у ней будет довольно досуга и охоты к уюту и покою, и между ними скоро непременно возникнет та близость, какая должна быть между матерью и дочерью.

Уильям почти так же радовался этому плану, как его сестра. Ее присутствие дома до той самой минуты, когда он уйдет в море, будет для него величайшим удовольствием, а может статься, она пробудет там до его возвращения из первого его крейсерства! И еще ему очень хотелось, чтобы она увидела его корабль до того, как тот покинет гавань («Дрозд» был поистине самый красивый шлюп в военно морском флоте). И кроме всего, он жаждал показать ей кое какие нововведения на верфи.

Он без колебаний прибавил, что ее приезд домой послужит к величайшему благу всех и каждого в семействе.

— Сам не знаю, как это получается,— сказал он,— но, похоже, в отцовском доме нам недостает иных милых твоих обыкновений и упорядоченности. Там всегда неразбериха. Я уверен, ты все переменишь к лучшему. Ты расскажешь маменьке, как всему надлежит быть, и очень будешь полезна Сьюзен, и станешь заниматься с Бетси, и сумеешь снискать любовь и послушание мальчиков. Какой ты внесешь в семью порядок и уют!

К тому времени, когда пришел ответ миссис Прайс, им оставалось провести в Мэнсфилде считанные дни; и в один из этих дней молодые путешественники несколько времени были в немалой тревоге касательно своей поездки, оттого что, едва стали обсуждать, каким образом они поедут, и тетушка Норрис поняла, что все ее попытки сберечь деньги зятя оказались напрасны и, вопреки ее желанию и намекам, чтоб дорога Фанни обошлась подешевле, они поедут на почтовых, едва она увидела, как сэр Томас дает для этого деньги Уильяму, ее осенила идея, что в карете есть место для третьего пассажира, и она вдруг возжаждала поехать с ними — поехать и повидаться со своей дорогой бедняжкой сестрой Прайс. Она объявила об этом своем намерении. Надобно признать, говорила она, что она очень даже не прочь отправиться с молодежью; такая это для нее будет милость, ведь она не видалась со своей дорогой бедняжкой сестрой Прайс двадцать лет; и с помощью спутницы постарше молодежи будет легче управляться в путешествии; и как тут не подумашь, что дорогая бедняжка сестра Прайс будет думать, как же дурно она, миссис Норрис, поступила, не воспользовавшись таким случаем.

От одной мысли, что тетушка Норрис будет их спутницей, Уильям и Фанни пришли в ужас.

Весь уют предстоящего им уютного путешествия был бы загублен. Горестно смотрели они друг на друга. Часа два длилась неопределенность. Никто не вмешивался — не поддержал и не разубеждал тетушку Норрис. Ей предоставили все решить самой; к безмерной радости ее племянника и племянницы, она вдруг вспомнила, что сейчас в Мэнсфилд парке без нее никак не обойтись: ведь она слишком нужна сэру Томасу и леди Бертрам и потому не может позволить себе оставить их даже на неделю, а значит, надобно пожертвовать всяким иным удовольствием ради удовольствия быть им полезной,— на том дело и кончилось.

В действительности же она спохватилась, что, хотя в Портсмут ее доставят задаром, на обратный путь хочешь не хочешь придется раскошелиться самой. Итак, ее дорогую бедняжку сестру Прайс ждет глубокое разочарование оттого, что миссис Норрис упускает столь удобный случай; и, видно, предстоят еще двадцать лет разлуки.

Отъезд Фанни, эта ее поездка в Портсмут отразились и на планах Эдмунда. Ему, как и его тетушке, пришлось принести себя в жертву Мэнсфилд парку. Он собирался примерно в эту пору поехать в Лондон, но нельзя же оставить отца и мать как раз тогда, когда им и без того неуютно, потому что их оставили все, в ком они всего более нуждаются; и сделав над собой усилие, что далось ему не без труда, но чем он не возгордился, он еще на неделю другую отложил поездку, которую предвкушал в надежде, что благодаря ей навсегда обретет счастье.

Он сказал об этом Фанни. Она знала уже так много, пусть же узнает все. Такова была суть еще одной доверительной беседы о мисс Крофорд, и эта беседа подействовала на Фанни тем сильнее, что она чувствовала: в последний раз они говорят о мисс Крофорд более или менее свободно. После еще один только раз Эдмунд о ней упомянул. Вечером леди Бертрам наказывала племяннице, чтоб та написала скоро по приезде и писала бы часто, и сама обещала исправно отвечать; а Эдмунд улучил минутку и шепнул:

— И я буду тебе писать, Фанни, когда будет о чем рассказать. О том, что тебе приятно будет узнать и что, кроме как от меня, ты не скоро услышишь.

Даже если б она сомневалась, что он имеет в виду, она по его просиявшему лицу сразу бы это поняла, когда подняла бы на него глаза.

Подобное письмо надобно постараться встретить во всеоружии. Чтобы ждать письма от Эдмунда с ужасом! Фанни начала понимать, что с ходом времени и в различных обстоятельствах ее мнениям и чувствам еще предстоит меняться, этого не избежать в нашем переменчивом мире. Еще не полностью она испытала превратности, сужденные душе человеческой.

Бедная Фанни! Ехать ей и хотелось и не терпелось, однако же этот последний вечер в Мэнсфилд парке не мог не стать для нее тяжким испытанием. При расставание сердце ее разрывалось. Она оплакала здесь каждую комнату, а уж того более — каждого любимого обитателя этого дома. Она прильнула к тетушке, ведь той будет ее недоставать; борясь с рыданиями, поцеловала руку дядюшки, ведь она вызвала его неудовольствие; а что до Эдмунда, подойдя к нему проститься, она не смогла ни говорить, ни поднять глаза, ни подумать, и, лишь когда все осталось позади, поняла, что он простился с нею с братской нежностью.

Все это происходило ввечеру, ибо уезжали они ранним утром; и когда оставшиеся, поубавившись в числе, встретились за завтраком, об Уильяме и Фанни говорили как о тех, кто уже на шаг отдалился от них.

ГЛАВА 7

овизна путешествия и радость быть с Уильямом вскорости, когда уже изрядно отъехали от Мэнсфилд парка, как и следовало ожидать, рассеяли грусть Фанни, и к тому времени, когда первая часть пути осталась позади и надобно было покинуть карету сэра Томаса, она уже способна была распрощаться со старым кучером и безо всякого уныния послать всем приличные случаю приветы.

Приятным разговорам между братом и сестрою не было конца. Все веселило ликующего Уильяма, и он дурачился, перемежая шутками беседу о материях более серьезных, которая если не начиналась, то уж непременно кончалась восхвалениями «Дрозда», догадками о том, что кораблю предстоит в ближайшее время, надеждами, что он войдет в состав армады для участия в серьезном бою, благодаря которому (особенно если старший лейтенант

не будет помехой — а со старшим лейтенантом Уильям сейчас особенно не церемонился) он быстро получит следующий чин, или расчетами на призовые деньги, которые он щедро раздаст семье, оставив лишь столько, сколько понадобится, чтоб сделать удобным и уютным домик, где они поселятся с Фанни, когда станут уже немолоды, и проживут там вместе до глубокой старости.

О Фанниних теперешних тревогах, которые касались мистера Крофорда, они не говорили. Что произошло, Уильям знал и в душе сетовал на холодность сестры к человеку, которого числил едва ли не образцом среди людей; но он был в том возрасте, когда любовь превыше всего, и потому не мог ее винить; и, зная ее желание на сей счет, не стал ее огорчать ни малейшим намеком.

У ней были причины думать, что Крофорд еще не позабыл ее. За три недели, которые прошли с их отъезда из Мэнсфилда, его сестра несколько раз писала к ней, и в каждом письме оказывалось несколько строк от него, пылких, недвусмысленных, как его речи. Переписка эта, как Фанни и опасалась, была неприятнейшего для нее свойства. Манера письма мисс Крофорд, живая и нежная, была сама по себе злосчастьем, ибо, мало того что приходилось читать и строки, прибавленные пером ее брата, еще и Эдмунд не успокаивался, пока она не прочтает ему все самое существенное, и после она вынуждена была выслушивать его восторги касательно языка и сердечной привязанности к ней мисс Крофорд. По правде сказать, письма так были полны особого смысла, намеков, воспоминаний, так много места в них занимал Мэнсфилд, — как тут было не предположить, что они на то и рассчитаны, чтоб он их услышал; и вынужденная в этом участвовать, втянутая в переписку, которая приносит признания человека нелюбимого и заставляет поддерживать враждебную ей страсть того, кого она любит, Фанни чувствовала себя жестоко оскорбленной. И в этом тоже теперешний переезд благодетелен. Когда она не будет более под одной крышей с Эдмундом, у мисс Крофорд, без сомнения, не окажется столь важных причин писать, чтобы она стала себя утруждать, и в Портсмуте их переписка сойдет на нет.

Поглощенная подобными мыслями и тысячами других, Фанни продолжала путешествие весело, благополучно, с той скоростью, на какую разумно было надеяться в слякотный месяц февраль. Они въехали в Оксфорд, но на колледж Эдмунда Фанни успела бросить лишь торопливый

взгляд, так как они проезжали мимо и ни разу не останавливались до самого Ньюбери, где уютной трапезой, соединившей в себе обед и ужин, завершился этот отрадный и утомительный день.

Утро опять проводило их в путь спозаранку; и безо всяких событий и помех они исправно продвигались вперед и достигли окрестностей Портсмута еще засветло, так что Фанни могла смотреть по сторонам и дивиться новым строениям. Они миновали разводной мост и въехали в город; и только еще начинало смеркаться, когда, следуя громогласным указаниям Уильяма, почтовая карета с грохотом свернула с главной улицы в проулок и остановилась перед домишком, который теперь занимал мистер Прайс.

Фанни была вся волнение и трепет, вся — надежда и опасение. Едва они подъехали, неряшливого вида служанка, которая, должно быть, их поджидала, выступила вперед и, спеша не столько помочь им, сколько сообщить новость, тотчас же заговорила:

— С вашего позволения, сэр, «Дрозд» ушел из гавани, нынче приходил офицер.

Ее перебил красивый высокий мальчик одиннадцати лет, который выскочил из дому, оттолкнул служанку и, пока Уильям сам открывал дверцу кареты, закричал:

— Ты как раз вовремя. Мы уже полчаса тебя поджидаем. «Дрозд» нынче утром вышел из гавани. Я его видел. Вот красавец. Говорят, он через день два получит предписание. А в четыре приходил мистер Кэмпбел, справлялся о тебе. У него одна шляпка с «Дрозда», в шесть он отчалит на корабль и надеется, ты поспеешь с ним.

Один другой изумленный взгляд, брошенный на Фанни, когда Уильям помогал ей выйти из кареты, вот и все внимание, каким ее удостоил младший брат; но он дал ей себя поцеловать, хотя все продолжал обстоятельно рассказывать о том, как «Дрозд» выходил из гавани, вот что по праву интересовало мальчика всего сильнее, ибо на этом корабле ему в нынешнем плавании предстояло сделать свои первые шаги на поприще моряка.

Еще минута — и Фанни в узком коридорчике родительского дома, в объятиях матери, которая смотрела на нее с истинной добротою и показалась ей тем милее, что чертами лица вызвала перед глазами дочери тетюшку Бертрам; тут же были и две Фаннины сестры, — Сьюзен, рослая, красивая девочка четырнадцати лет, и самая младшая в семье, Бетси, которой еще не исполнилось пяти, —

обе по своему ей обрадовались, хотя хорошими манерами при встрече похвастать не могли. Но не манеры нужны были Фанни. Пусть бы только они ее любили, этого ей будет довольно.

Потом ее повели в гостиную, такую крохотную, что сперва она приняла ее за проходную комнату по дороге в другую, получше, и стояла, ожидая, что ее пригласят дальше, но тотчас увидела, что более тут дверей нет, заметила признаки жилой комнаты и опомнилась, упрекнула себя, огорчилась, боясь, как бы о ее мыслях не догадались. Но матери было не до того. Она опять поспешила к парадной двери, чтобы радушно встретить Уильяма.

— Уильям, дорогой, как я тебе рада. Но ты слышал про корабль? Он уже вышел из гавани, на целых три дня раньше, чем мы думали, и ума не приложу, как быть с вещами Сэма, я нипочем не успею приготовить их вовремя — вдруг «Дрозд» получит предписание уже завтра. Я ж ничего такого не ждала. Да еще тебе прямо сейчас надо отправляться в Спитхед. Приходил Кэмпбел и очень беспокоился из-за тебя, как же нам теперь быть? Я то надеялась, мы так уютно проведем с тобой вечер, и вдруг все сразу на меня свалилось.

Сын бодро отвечал, что все всегда к лучшему, и не стал сетовать, что должен будет так скоро проститься.

— Конечно, я предпочел бы, чтоб «Дрозд» был еще в гавани, тогда бы я уютно провел с вами несколько часов, но, раз ждет шлюпка, лучше мне идти сразу, и ничего с этим не поделаешь. Где же он там в Спитхед, «Дрозд»? Рядом с «Канопом»? Ну, не важно... Фанни в гостиной, а мы что ж стоим в коридоре? Идемте, маменька, вы ведь едва успели взглянуть на вашу дорогую Фанни.

Вместе они вошли в гостиную, и миссис Прайс, вновь ласково обняв дочь и недолго потолковав о том, как она выросла, весьма естественно забеспокоилась, что после долгой дороги они устали и голодны.

— Бедненькие мои, как же вы, наверно, утомились!.. Чем же вас попотчевать? Я уж стала думать, что никогда мы вас не дождемся. Последние полчаса мы с Бетси все глаза проглядели. Когда ж вы в последний раз хоть что то перекусили? А сейчас чего вам хочется? Я не знала, что вам будет по вкусу после такого путешествия, мясо или только чай, а не то все уж было б готово. А теперь боюсь, вдруг Кэмпбел пожалует раньше, чем поджарится бифштекс, да у нас и мясника то нет побли

зости. Очень неудобно, когда на твоей улице нет мясника. В прежнем доме было лучше. Может быть, выпьете чаю, как только он поспеет?

И Фанни и Уильям тотчас сказали, что предпочитают чай всему прочему.

— Тогда, Бетси, душенька, беги в кухню, посмотри, поставила ли Ребекка чайник, и скажи, пускай поскорей принесет все для чаю. Надо бы починить звонок... но Бетси очень проворный посыльный.

Бетси живехонько отправилась в кухню, гордая, что может показать нарядной сестре свое умение.

— Господи! — все беспокоилась мать. — Какой же у нас жалкий огонь; боюсь, вы оба помираете от холода. Подвинь стул поближе к камину, душенька. Чем же это занималась Ребекка? Я еще полчаса назад велела ей принести угля. Съезен, что ж ты не развела огонь?

— Я была наверху, мама, переносила свои вещи, — безбоязненно стала на свою защиту Съезен, этот ее тон поразил Фанни. — Ты ж только только решила, что мы с сестрой Фанни будем жить в другой комнате, и я сколько просила Ребекку, а она не стала мне помогать.

Дальнейшему обсуждению помешала всяческая суета: сперва пришел кучер, и надо было ему заплатить, потом Сэм заспорил с Ребеккой о том, как нести сестрин чемодан, на что у него имелось свое мнение, и, наконец, появился мистер Прайс собственной персоной, а еще до появления слышался его голос, когда он в коридоре чуть не с проклятьем отшвырнул ногой дорожную сумку сына и картонку дочери и потребовал свечу; свечу ему, однако же, не принесли, и он вошел в гостиную.

Со смешанными чувствами поднялась Фанни навстречу отцу, но тот и не различил ее в сумерках и не подумал о ней, и она снова села. Дружески пожимая сыну руку, мистер Прайс тотчас же напористо заговорил:

— Ба! Добро пожаловать, мой мальчик. Рад тебя видеть. Слыхал новость? «Дрозд» нынче поутру вышел из гавани. Экая, понимаешь, спешка. Провалиться мне, ты в последнюю минуту подгадал. Заходил доктор, спрашивал тебя, в гавани его дожидается шлюпка, к шести он должен быть в Спитхед, так что отправляйся ка лучше с ним. Я был в конторе, справлялся насчет твоего довольствия. Все вот вот решится. Не удивлюсь, если вы получите приказ уже завтра; но если вам предстоит крейсировать на запад, с этим ветром не отплыть, а капитан Уэлш полагает, что вас наверняка направят на запад, со «Сло

ном». Вот бы хорошо, ей богу. Но старик Шоли только сейчас сказал, сдается ему, вас сперва пошлют к Тек селу. Что ж, ладно, так ли, эдак ли, а мы готовы. Ты, ей богу, прозевал прекрасное зрелище, был бы здесь утром, видел бы, как «Дрозд» выходил из гавани. Я и за тысячу фунтов такое не упустил бы. Старик Шоли прибежал во время завтрака, говорит, «Дрозд» отшвартовался и уходит. Я вскочил и в два счета был уже на пристани. Другого такого красавца не сыскать, а теперь стоит себе в Спитхеде. Я пробыл там днем два часа, все на него глядел. Он бросил якорь подле «Эндимиона», между ним и «Клеопатрой», как раз к востоку от этой неуклюжей громадины.

— Ба! — воскликнул Уильям. — Как раз там бы я и сам бросил якорь. Лучшее место для стоянки в Спитхеде. Но, сэр, приехала Фанни, вот она, — проговорил он, оборотясь, и вывел Фанни вперед. — Так темно, что вы ее не увидели.

Признавшись, что совсем о ней забыл, мистер Прайс теперь обратил внимание на дочь; сердечно ее обнял и заметил, что стала она уже взрослая и, наверно, скоро ей понадобится муж, и, казалось, был готов опять о ней забыть.

Фанни попятилась к своему стулу, горько опечаленная и его манерой выражаться, и исходящим от него запахом спиртного; а он по прежнему разговаривал только с сыном и только о «Дрозде», хотя Уильям при всем горячем интересе к сему предмету не один раз пытался направить мысли отца на Фанни, на ее долгое отсутствие и долгое путешествие.

Несколько времени спустя зажгли свечу; но так как чаю еще не было и в помине и, судя по докладам Бетси, прибежавшей из кухни, надеяться, что он будет скоро, не приходилось, Уильям решил пойти переодеться и приготовить все для отбытия на корабль, чтобы потом поспешные сборы не помешали уютному чаепитию.

Едва он вышел из комнаты, туда ворвались двое краснощеких мальчишек, Том и Чарлз, нечесанные, чумазные, лет восьми и девяти, которые только что ворвались из школы и спешили поглазеть на свою сестру и сообщить, что «Дрозд» вышел из гавани; Чарлз родился после отъезда Фанни из дому, но Тома она часто помогала нянчить и теперь увидела с особливим удовольствием. Она нежно обоих расцеловала, но Тома хотела задержать подле себя, постараться различить в нем черты младенца, кото

рого любила, и рассказать ему, как в те поры он предпочитал ее всем. Том, однако же, не был расположен к подобному обращению — не для того он пришел домой, чтоб стоять и слушать кого то, но чтоб носиться повсюду и шуметь; и скоро мальчишки сбежали от нее, так хлопнув дверью гостиной, что у ней заломило виски.

Теперь Фанни видела всех, кто был дома; оставались еще два брата между нею и Сьюзен, один служил клерком в присутствии в Лондоне, а другой — мичманом на судне Ост Индской компании. Но хотя увидела она уже всех членов семейства, всего шума, который они могут поднять, она пока не слышала. Следующие четверть часа открыли Фанни и еще многое. Вскоре с лестничной площадки третьего этажа Уильям стал звать маменьку и Ребекку. Он был в отчаянии из за чего то, что там оставил, а теперь не нашел. Он не обнаружил на месте какого то ключа, обвинил Бетси, что она добралась до его новой шляпы, и кое какие небольшие, но важные переделки в форменном жилете, которые ему были обещаны, оказались не сделаны.

Миссис Прайс, Ребекка и Бетси кинулись наверх, желая защититься, они все говорили разом, но Ребекка всех громче, и теперь надобно было уладить упущенное как можно лучше и в большой спешке; Уильям тщетно пытался отослать Бетси вниз или хотя бы утихомирить; а так как едва ли хоть одна дверь в доме не стояла настежь, каждое слово было отчетливо слышно в гостиной, и лишь порою тонуло в грохоте падений и криках гоняющихся друг за дружкой вверх и вниз по лестнице Сэма, Тома и Чарлза.

Бедную Фанни просто оглушило. Дом был • невелик, стены тонкие, казалось, вся эта суматоха совсем рядом, и, усталая от путешествия и недавно пережитых волнений, она не знала, как это вынести. В самой гостиной было поспокойнее, ибо Сьюзен исчезла с остальными, и теперь здесь оставались только Фанни с отцом; а он, взяв газету, по обыкновению позаимствованную у соседа, углубился в чтение и, похоже, и думать забыл о дочери. Одинокую свечу он поставил между собой и газетою, вовсе не подумав, удобно ли это Фанни; но занятия у ней никакого не было, и она только радовалась, что свет от нее отгорожен, потому что голова разламывалась, и она сидела озадаченная, в горестном раздумье.

Она дома. Но увы! не таков он, и не так ее встретили, как... она остановилась, упрекнула себя в неразумии. Да какое у ней право на особое внимание родных? Никакого,

при том, как давно ее потеряли из виду! Заботы Уильяма им всего дороже, и всегда так было, и как может быть иначе. Однако же как мало о ней было сказано, как мало спрошено... и даже не спрашивали о Мэнсфилде! Больно ей было, что никто не вспомнил о Мэнсфилде, о родных, которые сделали для их семьи так много, о дорогих, дорогих родных! Но тут один интерес заслонил все прочие. Возможно, так и должно быть. Куда направится «Дрозд», это не может не занимать их пуще всего. Через день другой станет по другому. Винить следует единственно самое себя. И однако в Мэнсфилде встреча была бы иной. Нет, в доме дядюшки позаботились бы о времени и месте, соблюли бы меру и приличия, уделили бы внимание каждому, не то что здесь.

Почти за полчаса подобные размышленья были прерваны лишь раз внезапным взрывом отцовского гнева, вовсе не рассчитанным на то, чтоб ее утешить. В минуту когда совсем уж нестерпимы стали топот и крики в коридоре, мистер Прайс воскликнул:

— Черт поberi этих щенков! Ишь разорались! А громче всех Сэм! Этот парень годится в боцманы. Эй ты, Сэм, заткни свою проклятую дудку, не то тебе несдобровать.

Угрозой родителя явно пренебрегли, и, когда пять минут спустя все три мальчика ворвались в гостиную и сели, Фанни поняла, что они попросту вконец выбились из сил, это, казалось, подтверждали их пылающие лица и тяжелое дыхание, однако же они прямо на глазах отца продолжали лягаться и при неожиданных ударах громко вопили.

В следующий раз, когда отворилась дверь, появилось нечто более желанное: чайная посуда, которую Фанни уже не надеялась увидеть в этот вечер. Сьюзен с прислугой, по чьему убогому виду Фанни с великим удивлением поняла, что встречала их с Уильямом старшая служанка, внесли все необходимое для чаепития; Сьюзен проследила, как та ставит чайник на огонь, и взглянула на сестру, словно разрываясь между радостным торжеством оттого, что могла показать, какая она деятельная и дельная, и страхом, вдруг Фанни подумает, будто, занимаясь этим, она роняет свое достоинство. Она зашла в кухню поторопить Салли и помочь сделать тосты и разложить хлеб с маслом, сказала Сьюзен, не то она уж и не знает, когда был бы готов чай... А ведь сестре, наверно, чего то хочется с дороги.

Фанни от души ее поблагодарила. Она не могла не признать, что с наслаждением выпьет чаю, и Сьюзен

тотчас принялась за дело, словно радуясь, что всем может заняться сама; и лишь слегка без надобности посуетясь и несколько раз напрасно попытавшись образумить братьев более, нежели ей было по силам, она со всем справилась отлично. Фанни взбодрилась и телом и душою; от этой своевременной услуги очень быстро головная боль унялась и на сердце полегчало. У Сьюзен было открытое, умное лицо; она походила на Уильяма, и Фанни понадеялась, что, как и он, сестра будет расположена и добра к ней.

Итак, в гостиной все поуспокоилось, и тут воротился Уильям и вслед за ним маменька и Бетси. В лейтенантской форме Уильям был великолепен, казался еще выше, крепче, изящнее; со счастливой улыбкой он направился прямо к Фанни, а она встала и с минуту смотрела на него в безмолвном восхищении, а потом обхватила его за шею и зарыдала от переполнявших ее чувств, от страданья и радости.

Боясь показаться огорченной, она быстро овладела собой, и, утерев слезы, могла уже заметить все поразительные особенности его костюма и повосхищаться ими, и, воспрянув духом, слушала его веселые планы — каждый день до отплытия бывать на берегу и даже свозить ее в Спитхед и показать свой шлюп.

Но вот опять поднялась суета, и в гостиной появился мистер Кэмпбел, корабельный врач, молодой человек с отменными манерами, который зашел за своим приятелем и для которого не сразу исхитрились раздобыть стул, а юная устроительница чая поспешно вымыла чашку и блюдо; мужчины серьезно побеседовали с четверть часа, и вновь поднялся шум, разноголосица, суета, суматоха, мужчины и мальчики разом вместе пришли в движение, настала пора отправляться; все было готово, Уильям попрощался, и все они вышли — ибо трое мальчиков, вопреки настойчивым просьбам матери, решили проводить брата и мистера Кэмпбела до военной пристани, а мистер Прайс в это же время пошел возвращать соседу газету.

Теперь как будто можно было надеяться на подобие тишины и покоя, а тем самым, когда удалось уговорить Ребекку унести чайную посуду и миссис Прайс походила по комнате в поисках рукава от рубашки, который под конец Бетси выудила из ящика буфета в кухне, небольшая женская компания расположилась поудобней, и мать, снова посокрушавшись, что никак невозможно вовремя приготовить все необходимое для Сэма, удосужилась по

*Looked at him for a moment
in speechless admiration.*

думать о старшей дочери и о родных, от которых та приехала.

И пошли расспросы; но очень скоро миссис Прайс поинтересовалась, «как ее сестра Бертрам управляется с прислугой? Так же ли, как она, мучается, подыскивая сносную прислугу?», и это отвлекло ее от Нортгемптоншира и приковало к своим домашним неурядицам; ужасающая портсмутская прислуга, среди которой ее две служанки, конечно же, хуже всех, безраздельно поглотила ее мысли. Совершенно позабыв Бертрамов, она принялась подробно рассказывать о провинностях Ребекки, против которой было что сказать и Сьюзен, и того более маленькой Бетси, и которая и вправду, казалось, была так явно лишена каких либо достоинств, что Фанни не удержалась и робко спросила, не намерена ли маменька с ней расстаться, когда минет ее год.

— Ее год! — воскликнула миссис Прайс. — Ну, надеюсь, я сумею избавиться от нее раньше, ведь год кончится только в ноябре. В Портсмуте, душенька, прислуга так себя ведет, что прямо чудо, если какуюнибудь служанку продержишь более полугода. Нет у меня никакой надежды найти подходящую. И если придется уволить Ребекку, другая скорей всего окажется и того хуже. Но я вовсе не думаю, будто такая уж я хозяйка, что мне трудно угодить... и само место у нас довольно легкое, ведь у ней есть помощница, и половину работы я часто делаю сама.

Фанни молчала, но не потому, что согласилась, будто нельзя найти лекарства от иных из этих зол. Она сидела и смотрела на Бетси и поневоле думала больше о другой сестренке, прелестной девчущке, которая была немногим моложе этой, когда она, Фанни, уехала в Нортгемптоншир, а несколько лет спустя умерла. Было в той малышке необыкновенное обаяние. В те ранние дни она была ей милее Сьюзен, и, когда весть о ее смерти наконец достигла Мэнсфилда, несколько времени Фанни очень о ней горевала. Вид Бетси пробудил у ней в памяти образ крошки Мэри, но ни за что на свете не стала бы она мучить мать разговором о ней. Пока Фанни была занята этими мыслями, Бетси, сидя неподалеку, протягивала что то, желая привлечь ее внимание, но старалась загородить это от Сьюзен.

— Что там у тебя, милая? — спросила Фанни. — Иди сюда, покажи.

То был серебряный ножик. Тотчас вскочила Сьюзен, утверждая, что ножик ее, и пытаясь его отобрать; но

малышка кинулась под защиту маменьки, и Сьюзен оставалось только упрекать ее, что она делала с большим жаром и явно надеялась привлечь на свою сторону Фанни. Это несправедливо, что она не может получить свой ножик, это ее собственный ножик, сестрица Мэри оставила его ей, когда умирала, и уже давным давно ножик должен был храниться у ней. Но маменька не отдает его ей и всегда позволяет Бетси брать его, и кончится тем, что Бетси его испортит и оставит себе, а ведь маменька обещала, что Бетси не будет брать его в руки.

Фанни была потрясена. Ее чувство долга и чести, ее чуткое сердце были оскорблены словами Сьюзен и ответом маменьки.

— Да что ж это, Сьюзен! — воскликнула миссис Прайс жалобно и недовольно. — Что ж это ты, разве можно так злиться? Ты всегда скандалишь из-за этого ножа. Нехорошо быть такой скандалисткой. Бедняжка Бетси, как зла на тебя Сьюзен! Но не надо было брать ножик, душенька, когда я послала тебя к буфету. Ты же знаешь, я не велела тебе его трогать, ведь Сьюзен из-за этого так злится. В другой раз придется мне его спрятать, Бетси. Когда бедняжка Мэри отдавала его мне на хранение всего за два часа до смерти, она и думать не думала, что он станет яблоком раздора. Бедняжка моя! у ней голосок уж был едва слышный, а она сказала так славно: «Когда я умру и меня похоронят, маменька, пускай сестра Сьюзен возьмет мой ножик себе». Бедная крошка! она так его любила, Фанни, всю болезнь держала его подле себя на кровати. Это был подарок ее доброй крестной матери, старой адмиральши Максуэл, всего за полтора месяца до того, как Мэри прибрал господь. Бедная милая крошка! Что ж, господь прибрал ее, чтоб она не увидела грядущего зла. Ах ты, моя Бетси, — продолжала миссис Прайс, лаская дочку, — тебе вот не повезло, нет у тебя такой доброй крестной матери. Тетушка Норрис слишком далеко живет, где ж ей подумать о малышке вроде тебя.

И вправду, Фанни нечего было передать от тетушки Норрис, кроме слов, мол, она надеется, что ее крестница хорошая девочка и выучила молитвы. Как то в гостиной в Мэнсфилд парке что то неопределенное говорилось, мол, не послать ли Бетси молитвенник, но более Фанни ничего такого не слыхала. Правда, тетушка Норрис сходила домой и принесла два старых мужниных молитвенника, но, когда их получше разглядели, щедрый пыл угас. Один сочли негодным для глаз ребенка из-за мелкого шрифта,

другой показался слишком громоздким, девочке неудобно будет его носить.

Фанни, усталая с дороги и уставшая вновь, едва ей предложили лечь в постель, с благодарностью согласилась; Бетси все еще вопила, чтоб в честь приезда сестры ей позволили посидеть лишний час, а Фанни вышла из гостиной, где опять поднялась неразбериха и шум, где мальчики выпрашивали тосты с сыром, папенька требовал ром с водою и, как всегда, никто не мог дозваться Ребекки.

В узенькой, скудно обставленной комнатенке, которую ей предстояло делить с Сьюзен, не нашлось ничего, что могло бы ее подбодрить. Тесные комнатки наверху, да, разумеется, и внизу, узкий коридор и лестница — все это поразило ее куда больше, чем она могла вообразить. Вскоре она уже с признательностью думала о своей комнатке под крышей в Мэнсфилд парке, которую там почитали чересчур тесной, а тем самым и неудобной.

ГЛАВА 8

Понимай сэр Томас все чувства племянницы, когда она писала свое первое письмо тетушке, он бы не отчаивался; ибо хотя крепкий сон, славное утро, надежды вскорости опять увидеть Уильяма и сравнительная тишина в доме, оттого что Том и Чарлз ушли в школу, Сэм — по каким то своим делам, а папенька, как обыкновенно, слонялся просто так, позволили Фанни написать о родительском доме довольно бодро, однако, прекрасно это сознавая, о многом неприятном она умолчала. Понимай сэр Томас лишь половину того, что она чувствовала, когда не прошло и недели, он полагал бы, что мистер Крофорд может быть уверен в ее согласии, и пришел бы в восторг от собственной дальновидности.

Не прошло и недели, а Фанни была уже глубоко разочарована. Начать с того, что ушел в плавание Уильям. «Дрозд» получил предписание, ветер переменился, и корабль снялся с якоря через четыре дня после их приезда в Портсмут; и за эти дни она видела брата лишь дважды, накоротке, второпях, когда он сходил на берег по делам. Не было ни неспешных бесед, ни прогулки по крепостным стенам, ни посещения верфи, ни знакомства с «Дроз

дом» — ничего того, о чем строили планы, что предвкусывали. Ничто из их надежд не оправдалось, осталась неизменной только любовь Уильяма. Последняя его мысль, когда он покидал родной дом, была о Фанни. Он опять воротился к двери, нарочно чтоб сказать:

— Берегите Фанни, маменька. Она слабенькая и не привыкла, как мы, к лишениям и неудобствам. Я поручаю вам беречь Фанни.

Уильяма не стало рядом, и дом, где он ее оставил, оказался — Фанни не могла утаить это от себя — почти во всех отношениях полной противоположностью тому, чего бы ей хотелось. То было обиталище шума, беспорядка и неприличия. Никто не вел себя как следовало на его месте, ничто не делалось как должно. Она не могла, как надеялась, уважать своих родителей. От отца она многого и не ждала, но теперь убедилась, что он еще невнимательней к своему семейству, привычки его еще хуже и он еще меньше соблюдает приличия, чем она предполагала. У него нет недостатка в способностях, но сверх своей профессии он ничем не интересуется и ни в чем не сведущ. Читает он единственно газету да списки военно-морских офицеров, назначенных в кампанию, выходящие раз в три месяца; разговаривает только о доках, о гавани, о Спитхедде; он бранится, поминает имя господи всуе и пьет, он неотесан и вульгарен. В его прежнем отношении к ней Фанни не могла припомнить ни малейшей нежности. У ней оставалось лишь общее впечатление развязности и шумливости; а теперь он едва замечал ее, разве что принимался топорно ее вышучивать.

Мать разочаровала ее куда сильнее; вот на кого она уповала, и почти ничего в ней не нашла. Все ее лестные надежды стать матери необходимой быстро рассыпались в прах. Миссис Прайс не была недоброй, но, вместо того чтобы одарить дочь любовью и доверием и день ото дня больше ею дорожить, миссис Прайс выказывала к ней ничуть не более доброты, чем в день приезда. Природный инстинкт был быстро удовлетворен, а другого источника привязанности миссис Прайс не имела. Сердце и время были у ней уже полностью заняты; для Фанни не хватило у ней ни досуга, ни любви. Дочери всегда мало для нее значили. Она нежно любила сыновей, особенно Уильяма, а из дочерей заметно отличала лишь Бетси. К ней мать проявляла весьма неразумную снисходительность. Уильям был ее гордостью, Бетси — ее любимицей; а Джон, Ричард, Сэм, Том и Чарлз поглощали остатки ее материн

ской заботливости, доставляя то тревоги, то утешение. Они делили ее сердце, время же отдано было преимущественно дому и слугам. Ее дни проходили в некоей медлительной суете; она всегда была в хлопотах, а дело не подвигалось, ни с чем она не поспевала вовремя и сетовала на это, но все продолжалось по прежнему; желала быть бережливой, но недоставало ей ни изобретательности, ни упорядоченности; была недовольна слугами, но не умела их направить и, помогая ли им, выговаривая или потакая, не в силах была добиться от них уважения.

Из двух своих сестер миссис Прайс гораздо более походила на леди Бертрам, чем на миссис Норрис. Расчетливая из нужды, она не имела к тому ни склонности миссис Норрис, ни ее сноровки. От природы была она неторопливой и вялой, как леди Бертрам; жизнь в достатке и праздности гораздо больше отвечала бы ее натуре, чем необходимость во всем себе отказывать и те усилия, каких потребовало от нее безрассудное замужество. Из нее получилась бы важная дама, не хуже чем из леди Бертрам, но миссис Норрис при малом доходе оказалась бы более приемлемой матерью девяти детей.

Многое из всего этого Фанни не могла не сознавать. Она должна была чувствовать и, несомненно, чувствовала, хотя, пожалуй, не решилась бы сама себе в этом признаться, что ее маменька — пристрастная, неразумная родительница, копуша, неряха, не учит и не держит в узде своих детей, дом ее дурно поставлен и лишен какого бы то ни было уюта, и не нашлось у ней для старшей дочери ни расположения, ни разговора, ни любви, ни любопытства эту дочь узнать, ни желания приобрести ее дружбу, ни стремления к ее обществу, что могло бы приглушить горькие Фаннины чувства.

Фанни очень старалась быть полезной и не казаться ни выше своих домашних, ни не способной или не склонной (из за своего совсем иного воспитания) помочь по дому и внести в него толику уюта, а потому немедленно принялась шить для Сэма и, работая спозаранку и допоздна усердно и весьма споро, так много успела, что Сэма наконец отправили на корабль, снабдив его более чем половиною нужного белья. Фанни от души радовалась, что она полезна, но и представить не могла, как бы они управились без нее.

Когда Сэма, шумливого и заносчивого, не стало в доме, Фанни даже пожалела, потому что он был умен, понятлив и с охотою отправлялся в город по разным поручениям;

и хотя презрительно отвергал все упреки Сьюзен, вполне разумные сами по себе, но высказываемые не к месту и в бессильной запальчивости, однако же не оставался равнодушен к Фанниним трудам и ненавязчивым увещаниям; и она быстро поняла, что с его уходом лишилась лучшего из трех младших братьев, ибо Том и Чарлз, на несколько лет моложе него, были по меньшей мере на столько же лет дальше от возраста, в котором заговаривает и чувство и разум, побуждая ценить дружбу и стараться быть не столь несносными. Сестра скоро отчаялась хоть как то повлиять на этих двоих: никакими уговорами, на которые у ней хватало душевных сил и времени, укротить их не удавалось. Каждый день после школы они неизменно затевали по всему дому буйные игры; и очень скоро Фанни уже со вздохом встречала приближение субботы, половина которой была свободна от ученья.

Бетси, избалованной, приученной думать, что азбука ей заклятый враг, разрешали сколько угодно вертеться подле служанок и еще хвалили ее за то, что она доносит о каждой их провинности, и Фанни почти отчаялась ее полюбить или помочь ей; а нрав Сьюзен вызывал у ней множество сомнений. Вечные перепалки с маменькой, бессмысленные раздоры с Томом и Чарлзом и озлобленность против Бетси изрядно огорчали Фанни, и, хотя она не могла не признать, что поводов для этого вдоволь, ее пугала склонность сестры доходить до крайностей, все это выдавало нрав мало приятный, который и саму ее лишил покоя.

Таков был дом, который должен был вытеснить у ней из помыслов Мэнсфилд и научить ее умерять свои чувства, думая о кузене Эдмунде. Она же, напротив, только о Мэнсфилде и думала, о милых его обитателях, о его радующих душу обыкновениях. Здесь все было полной ему противоположностью. Оттого, что все здесь было по другому, не проходило часу, чтоб она не вспоминала жизнь в Мэнсфилде — его изящество, благопристойность, размеренность, гармонию и, пожалуй, прежде всего мир и спокойствие.

Для натур столь хрупких и нервных, как Фанни, жизнь в непрестанном шуме — зло, которое не могли бы искупить никакое изящество и гармония. Это всего более мучило ее. В Мэнсфилде никогда не слышно было ни перепалок, ни повышенного тона, ни грубых вспышек, ни малейшего ожесточения; жизнь шла размеренно, с бодрой упорядоченностью; у каждого было свое заслуженное место; чувства каждого принимались во внимание. Если

когда и можно было предположить, что недостает нежности, ее заменяли здравый смысл и хорошее воспитание; а что до слабых приступов досады, иной раз случавшихся у тетушки Норрис, как же они были коротки, пустячны, капля в море по сравнению с беспрестанной суматохой в ее теперешнем жилище. Здесь все шумливы, у всех громкие голоса (пожалуй, исключая маменьку, чей голос звучал все на одной и той же ноте, как у леди Бертрам, только уже не вяло, а капризно). Что бы ни понадобилось, все требовали криком, и служанки кричали из кухни свои оправдания. Двери вечно хлопали, лестницы не знали отдыха, все делалось со стуком, никто не сидел тихо, и, заговорив, никто не мог добиться, чтобы его выслушали.

Оценивая эти два дома, не прожив у родителей еще и недели, Фанни готова была отнести к ним знаменитое суждение доктора Джонсона о браке и безбрачии и сказать, что, хотя в Мэнсфилд парке есть свои огорчения, Портсмут лишен радостей.

ГЛАВА 9

Фанни не слишком ошибалась, не ожидая, что мисс Крофорд станет писать ей теперь столь же часто, как прежде; до следующего письма Мэри прошло много больше времени, чем до последнего в Мэнсфилд парк; но она ошибалась, думая, что, получая письма реже, она вздохнет с облегчением. Вот еще один странный оборот души: когда письмо наконец пришло, она ему поистине обрадовалась. В ее нынешнем изгнании, оторванности от хорошего общества и ото всего, что обыкновенно ее интересовало, письмо хотя от кого то из того круга, где пребывало ее сердце, написанное с любовью и не без изящества, было так желанно. Извинением за то, что не написала раньше, мисс Крофорд служила обычная ссылка на все большую занятость...

«...а теперь, когда я начала,— продолжала Мэри,— мое письмо не заслуживает, чтоб Вы его читали, так как не будет в нем под конец нежного признания в любви, не будет трех четырех строк *passionees*¹ от самого преданного на свете Г. К., ибо Генри в Норфолке; десять дней

¹ Здесь: исполненных горячего чувства (фр.).

назад дела призвали его в Эверингем, а возможно, это только предлог, чтобы, как и Вы, пуститься в дорогу. Но уж так оно есть, и, кстати сказать, его отсутствием более всего и объясняется нерадивость его сестры, ведь уже не слышно было напоминаний: «Что ж, Мэри, когда ты напишешь к Фанни? Разве не пора написать к Фанни?», которые бы меня прищипорили. Наконец то, после различных попыток встретиться, я повидалась с Вашими кузинами, «дорогой Джулией и нашей дорогой миссис Рашуот»; вчера они застали меня дома, и все мы обрадовались друг другу. Со стороны показалось бы, что мы очень обрадовались друг другу, но я и вправду думаю, что мы слегка обрадовались. Мы столько всего могли порассказать. Хотите знать, какое стало лицо у миссис Рашуот, когда помянули Ваше имя? Я не привыкла думать, что ей недостает самообладания, но для вчерашней встречи его не хватило. Вообще же из них двоих Джулия держалась лучше, по крайней мере, когда речь зашла о Вас. С той минуты, как я заговорила о «Фанни» и говорила о ней как подобает сестре, миссис Рашуот переменилась в лице и не оправилась до самого конца. Но еще придет день, когда она опять будет хороша: у нас есть приглашение на ее первый прием, на 28 е. Тогда она опять предстанет во всей красе, ибо откроет двери одного из лучших домов на Уимпол стрит. Я была там два года назад, когда этот дом принадлежал леди Лейселс, и, мне кажется, лучшего не сыскать во всем Лондоне, и тогда она, без сомнения, почувствует, что — грубо говоря — получила сполна все, что ей причитается. Генри не мог бы предоставить ей такой дом. Надеюсь, она будет об этом помнить и в меру своих сил будет довольна, воображая себя королевой во дворце, пусть даже королю лучше оставаться в тени, а так как я не имею желания бесить ее, я никогда более не стану терзать ее слух Вашим именем. Мало помалу она отрезвеет. Сколько я знаю и догадываюсь, барон Уилденгейм все еще ухаживает за Джулией, но, кажется, его не слишком поощряют. Она может сделать лучшую партию. Знатный бедняк незавидный жених, и не представляю, чтоб он мог понравиться, ведь, если отнять у бедняги барона его пустословие, у него останется один только пустой кошелек. Ваш кузен Эдмунд не торопится; его, верно, задерживают обязанности в приходе. Быть может, в Торнтон Лейси требуется наставить на путь истинный какую-нибудь старую грешницу. Я не склонна воображать, будто он забросил меня ради

грешницы молодой. Прощайте, милая душенька Фанни, для Лондона это письмо длинное; напишите мне в ответ славное письмецо, чтоб порадовать глаз Генри, когда он воротится, и представьте мне отчет обо всех удалых молодцах капитанах, которыми Вы пренебрегаете ради него».

Письмо это давало богатую пищу для размышлений, и по большей части размышлений нерадостных; и однако, при всем неудовольствии, какое оно вызвало, оно соединило Фанни с тем, о ком она неотступно думала, поведало ей о людях и событиях, которые никогда не пробуждали в ней такого любопытства, как теперь, и она была бы рада знать наверно, что подобные письма станут приходить всякую неделю. Только переписка с тетушкой Бертрам вызывала у ней более интересу.

Что же до портсмутского общества, которое возместило бы несовершенства ее нынешнего дома, в кругу знакомых маменьки и папеньки не было никого, кто мог бы хотя в малой мере ее удовлетворить; не нашлось ни единого человека, ради кого ей захотелось бы преодолеть свою робость и застенчивость. На ее взгляд, все мужчины были грубы, все женщины развязны, и те и другие дурно воспитаны; и встречи со старыми и новыми знакомыми ей были столь же мало приятны, как им. Молодые особы, которые поначалу взирали на нее с некоторым почтением, поскольку она приехала из семьи баронета, скоро оскорбленно сочли ее «гордячкой», а так как она ни на фортепианах не играла, ни роскошных ротонд не носила, они при дальнейшем размышлении, уж конечно, не признали за ней права на превосходство.

Первым утешением, которое получила Фанни взамен всех домашних зол, первым, которое при своей рассудительности могла полностью принять и которое обещало быть отнюдь не кратковременным, оказалось более близкое знакомство с Сьюзен и надежда быть ей полезной. Сьюзен всегда вела себя мило со старшей сестрой, но свойственная ей резкость и решительность удивляла и тревожила Фанни, и прошло по меньшей мере две недели прежде, чем она стала понимать характер, столь разительно отличный от ее собственного. Сьюзен видела, что дома многое идет не так, как следует, и хотела навести порядок. Не удивительно, что четырнадцатилетняя девушка, пытаясь по собственному разумению, без чьей либо помощи все переменить, ошибалась в выборе средств; и вскорости Фанни уже была склонна больше восхищаться

природным светом в душе Сьюзен, который позволял девочке отличать дурное от хорошего, чем сурово судить ее за неизбежные при этом ошибки в поведении. Сьюзен опиралась на те же истины и следовала той же системе, что и сама Фанни, но Фанни, более мягкая, покладистая, не решилась бы утверждать их действиями. В тех случаях, когда Фанни лишь отошла бы в сторону и заплакала, Сьюзен старалась делать дело, а что от ее стараний был толк, нельзя было не заметить; как ни плохо было в доме, без вмешательства Сьюзен явно было бы еще хуже, и ее то вмешательство удерживало и маменьку и Бетси от иных весьма оскорбительных крайностей, к которым вели потачки и невоспитанность.

В каждом споре с маменькой разум был на стороне Сьюзен, но миссис Прайс никогда не проявляла той материнской нежности, которая могла бы смягчить дочь. На долю Сьюзен никогда не доставалась та слепая любовь, которая сеяла зло вокруг нее. Маменька не питала к ней благодарности за любовь в прошлом или в настоящем, что помогло бы Сьюзен легче мириться с чрезмерной любовью, обращенной на других.

Все это понемногу стало ясно для Фанни, и понемногу в ней родилось смешанное чувство сострадания и уважения к Сьюзен. Однако она не могла не видеть, что сестра ведет себя неправильно, порою очень неправильно; ее попытки навести порядок часто никуда не годятся и не ко времени, а ее вид и манера выражаться часто совсем уж непростительны; но Фанни начала надеяться, что все это можно исправить. Она заметила, что Сьюзен смотрит на нее снизу вверх и хочет, чтоб сестра была о ней доброго мнения; и как ни нова была для Фанни роль авторитета, как ни нова была мысль, что она способна кого то вести или наставлять, она все таки решила, что иной раз и вправду можно намекнуть Сьюзен то на одно, то на другое и ради ее же пользы постараться высказывать кое какие справедливые понятия, привитые ей самой более подобающим воспитанием, о том, чего заслуживает каждый человек и как разумней было бы вести себя Сьюзен.

Оказывать влияние на Сьюзен или, по крайней мере, пользоваться им сознательно Фанни начала после одного доброго поступка, на который по своей деликатности решилась далеко не сразу. Ей в первые же дни пришло на ум, что небольшая сумма денег могла бы навсегда положить конец вечным баталиям из за яблока раздора — серебряного ножика, а богатство, каким она обладала,—

десять фунтов, данные дядюшкой при расставании, позволяло ей не только в мечтах, но и на деле быть щедрой. Но она вовсе не имела ни привычки благодетельствовать, кроме как совершенным беднякам, ни опыта избавлять от бед или одарять милостями ровню и слишком страшилась, вдруг домашние подумают, будто она строит из себя знатную даму, а потому не сразу сумела одолеть опасение, будто не пристало ей сделать подобный подарок. В конце концов она его все же сделала: серебряный ножик был куплен для Бетси и принят ею с восторгом, а будучи новым, показался ей лучше и желанней прежнего; Сьюзен утвердилась в правах владелицы своего ножика, так как Бетси великодушно заявила, что теперь, получив в подарок другой, куда красивей, она уже никогда опять не позарится на тот — и на долю равно довольной маменьки не пришлось ни единого упрека, хотя Фанни побаивалась, что без них не обойдется. Фаннин поступок был полностью вознагражден: не стало источника домашних ссор, и это открыло Фанни сердце Сьюзен, дало ей новый предмет любви и интереса. В Сьюзен обнаружилась душевная тонкость: довольная, что стала хозяйкой сокровища, за которое воевала не менее двух лет, она, однак'о, боялась, вдруг старшая сестра осудила ее и она заслуживает упрека за то, что ради спокойствия в доме пришлось сделать эту покупку.

Нрав у Сьюзен был открытый. Она призналась в своих страхах, винила себя, что так горячо спорила, и с этого часу, поняв, какая это достойная натура, и видя, что Сьюзен всей душою стремится заслужить ее доброе мнение и внимать ее суждениям, Фанни вновь ощутила блаженство любви и стала лелеять надежду оказаться полезной душе, которая так нуждается в помощи и так ее заслуживает. Она дала совет, совет столь разумный, что, обладая здравым смыслом, нельзя было ему воспротивиться, и сделала это крайне мягко и тактично, чтобы не уязвить нрав от совершенства далекий; и нередко с радостью замечала, что совет пошел на благо; большего и не могла ждать та, которая, видя, сколь необходимы и целесообразны смирение и терпимость, видела также со всей остротою понимания и сочувствия все, что ежечасно должно было досаждать такой девушке, как Сьюзен. Всего более изумлялась она не тому, что, уже понимая, как это недостойно, Сьюзен раздражалась и забывала об уважении и терпимости, но что наперекор всему так много понимала, о многом имела такие верные представления;

и что у ней, выросшей среди невнимания и заблуждений, сложились такие верные понятия о том, как быть должно, у ней, не имевшей своего кузена Эдмунда, который направлял бы ее мысли и определял ее убеждения.

Задушевная дружба, возникшая таким образом меж ними, пошла на благо обеим. Сидя вместе наверху, они хоть зачастую избегали домашней сумятицы; Фанни обрела покой, а Сьюзен научилась понимать, что спокойные занятия отнюдь не несчастье. Огня в камине не разжигали; но сидеть в холоде было не в новинку даже для Фанни, и тем меньше огорчало ее, что напоминало о Восточной комнате. Только в этом и нашлось сходство. Размеры, освещение, обстановка и вид из окна — все было здесь совсем другое; и частенько Фанни тяжело вздыхала, вспоминая свои книги, и шкатулки, и множество уютных тамошних мелочей. Постепенно девушки стали проводить наверху большую часть утра, поначалу только за рукодельем и разговорами, но несколько дней спустя воспоминание о мэнсфилдских книгах стало таким властным и настойчивым, что Фанни вновь неодолимо потянуло к чтению. В родительском доме не было ни единой книжки, но богатство расточительно и отважно — и часть богатств Фанни перекочевала в библиотеку, выдающую книги на дом. Она абонировалась, дивясь тому, что хоть что то предприняла *in propria persona*¹, дивясь своим поступкам во всех отношениях: иметь собственный абонемент в библиотеку, самой выбирать книги! И при выборе думать о чьем то совершенствовании! Однако вот так оно вышло. Сьюзен еще ничего не читала, и Фанни жаждала поделиться с нею своими первыми радостями и внушить ей вкус к биографиям и поэзии, к тому, чем восторгалась сама.

Вдобавок в этом занятии она надеялась утопить иные воспоминания о Мэнсфилде, которые слишком легко завладевали ее душою, если заняты были только ее пальцы; и особенно теперь надеялась, что чтение отвлечет ее мысли, не даст им следовать за Эдмундом в Лондон, куда он поехал, как сообщала ей в последнем письме тетушка. Фанни не сомневалась, к чему это приведет. Над нею грозно нависло обещанное извещение о свадьбе. Стук почтальона по соседству теперь уже всякий раз ужасал ее, — и если чтение хоть на полчаса избавит ее от этой мысли, уже и на том спасибо.

¹ Здесь: сама (лат.).

инула неделя с тех пор, как Эдмунд должен был приехать в Лондон, но Фанни не получала о нем никаких вестей. Его молчание могло иметь три различных объяснения, среди которых блуждали догадки Фанни; то одно, то другое казалось ей наиболее вероятным. Либо он опять отложил отъезд, либо еще не сумел увидеться с мисс Крофорд наедине, либо... либо он так счастлив, что ему не до писем!

Однажды утром, почти через месяц после отъезда из Мэнсфилда — а Фанни помнила об этом непрестанно и считала дни,— примерно в то время, когда они со Сьюзен собирались по обыкновению отправиться наверх, раздался стук в парадную дверь, и при том, как поспешно Ребекка бросилась отворять — обязанность эту она исполняла всего охотнее,— они поняли, что им не избежать встречи с посетителем.

Послышался мужской голос, при звуке его Фанни почувствовала, что бледнеет, и тут в комнату вошел Крофорд.

Здравомыслие того сзойства, как у нее, всегда приходит на помощь, когда в нем есть нужда; и она, оказалось, в силах представить гостя маменьке, вспомнив, что он именуется «другом Уильяма», хотя заранее не поверила бы, что в такую минуту сумеет вымолвить хоть слово. Сознание, что здесь он известен лишь как друг Уильяма, было ей некоторой поддержкой. Однако, когда она его представила и все вновь расселись, ее охватил такой ужас при мысли, к чему может повести его появление, что ей почудилось, будто она вот вот лишится чувств.

Пока она пыталась овладеть собою, их гостю, который было подошел к ней с лицом, как всегда, оживленным, достало мудрости и доброты отвести глаза и, давая ей время прийти в себя, посвятить все свое внимание миссис Прайс, к которой он обращался и которой внимал с величайшей любезностью и почтительностью, и притом с толикой дружелюбия или по меньшей мере интереса, словом, вел себя безупречно.

Миссис Прайс тоже держалась наилучшим образом. Воодушеваясь при виде такого друга своего сына и обуздывая себя из желания предстать перед ним в самом выгодном свете, она преисполнилась благодарности, безыскусственной материнской благодарности, которая не могла

ему не польстить. Мистера Прайса не было дома, о чем она весьма сожалела. Фанни уже настолько оправилась, чтобы почувствовать, что она то ничуть о том не сожалеет; ибо кроме многих других источников неловкости прибавился еще и жестокий стыд оттого, в каком доме Крофорд ее видит. Сколько бы она ни корила себя за слабость, одолеть эту слабость оказалось невозможно. Ей было стыдно, и за отца было бы еще стыдней, чем за все остальное.

Они говорили об Уильяме, что никогда не могло наскучить миссис Прайс; а мистер Крофорд отзывался о нем с такой горячей похвалою, как только она и могла желать всей душою. Ей казалось, за всю свою жизнь она еще не встречала такого приятного молодого человека; она изумилась, узнав, что такой важный и приятный молодой человек приехал не затем, чтобы побывать у портсмутского адмирала или у чиновника наблюдателя за постройкой судов, не с намерением отправиться на остров или посмотреть верфь. Вовсе не то, что она привыкла почитать приметою важного положения или времяпрепровождения богатей, привело его в Портсмут. Он приехал накануне поздним вечером, намеревался пробыть здесь день два, остановился в «Короне», случайно повстречал одного или двух знакомцев среди морских офицеров, но цель его приезда не имела ничего общего с подобного рода встречами.

К тому времени как он успел все это сообщить, было вполне разумно предположить, что уже можно взглянуть на Фанни и заговорить с нею; и она теперь была в состоянии выдержать его взгляд и слушать, что в вечер накануне отъезда из Лондона он провел полчаса с сестрою, и сестра посылает ей самый нежный привет, но не успела написать; что, воротясь из Норфолка и перед тем, как отправиться в Портсмут, он пробыл в Лондоне едва сутки и потому почитает удачею, что вообще сумел повидаться с Мэри; что ее кузен Эдмунд в Лондоне, приехал туда, сколько он понимает, уже несколько дней назад; сам он Эдмунда не видел, но тот в добром здравии, и в Мэнсфилде тоже всех оставил в добром здравии, и вчера должен был обедать у Фрейзеров.

Фанни слушала все это спокойно, даже и упоминание о последнем обстоятельстве; более того, ее измученной душе любая определенность казалась облегчением; так что слова «тем самым все уже должно быть сговорено» не вызвали в ней видимого волнения, она лишь слегка порозовела.

Поговорив еще немного о Мэнсфилде, к чему ее интерес был всего заметней, Крофорд стал намекать на пользу утренней прогулки — утро прелестное, говорил он, а в это время года прекрасное утро так часто портится, что всегда лучше не откладывать и выйти пораньше; а поскольку намеки ни к чему не привели, он вскорости возобновил этот разговор и посоветовал миссис Прайс и ее дочерям не теряя времени отправиться на прогулку. Теперь они наконец поняли. Миссис Прайс, оказывается, кроме как в воскресенье, почти не выходит из дому; признаться, при такой большой семье у ней нет досуга для прогулок. Тогда, продолжал Крофорд, быть может, она уговорит дочерей воспользоваться погожим утром и доставит ему удовольствие, позволив их сопровождать? Миссис Прайс была ему весьма признательна и очень охотно согласилась. Ее дочери так много сидят взаперти... Портсмут — место невеселое, и они редко бывают на улице, а у них есть кой какие поручения в городе, которые, она не сомневается, они с радостью исполняют. И кончилось тем, что, как ни странно — странно, неловко и мучительно, — растерявшаяся Фанни вместе со Сьюзен минут через десять уже направлялись к Хай стрит в сопровождении мистера Крофорда.

Вскоре к огорчению прибавилось еще огорчение и к замешательству замешательство, ибо едва они ступили на Хай стрит, как встретили папеньку, чья наружность, несмотря на субботу, была не лучше обычного. Он остановился, и, как ни мало он походил на джентльмена, Фанни вынуждена была представить его мистеру Крофорду. У ней не могло быть сомнений на тот счет, как будет поражен мистер Крофорд. Ему станет стыдно и мерзко. Он скоро от нее откажется, потеряет всякий интерес к этому браку, и однако, хотя она так хотела, чтобы он излечился от своей любви, подобного рода излечение было бы, пожалуй, не многим лучше самой болезни; и я уверена, в нашем британском королевстве едва ли не каждая молодая девица скорее примирится с несчастьем, что за ней ухаживает умный, приятный мужчина, чем с его отказом от нее из за неотесанности ближайших ее родственников.

Мистер Крофорд вряд ли смотрел на своего будущего тестя с мыслью, будто его костюм можно взять за образец, но (что, к своему великому облегчению, тотчас же заметила Фанни), судя по тому, как папенька повел себя с этим высокоуважаемым незнакомцем, он был сейчас совсем не тот человек, совсем не тот мистер Прайс, какого

*Fanny was obliged
to introduce him.*

знали его домашние. Манеры его, хотя и не изысканные, были сейчас вполне приемлемые; он держался благодарно, оживленно, по мужски; он разговаривал как любящий отец и благоразумный человек; его громкий голос был вполне уместен под открытым небом, и он ни разу не выбранился. Таким образом он бессознательно отдавал должное прекрасным манерам мистера Крофорда; и, должно быть, в ответ на это вспыхнувшая в душе Фанни тревога почти улеглась.

Следствием обходительности обоих джентльменов было предложение мистера Прайса повести мистера Крофорда на верфь, а мистер Крофорд, хотя и бывший на верфи не однажды, пожелал принять его предложение как любезность, каковой оно, по мысли мистера Прайса, и было; он надеялся много дольше побыть с Фанни и потому готов был с великой благодарностью воспользоваться им, если обе мисс Прайс не боятся усталости; каким то образом было установлено, или предположено, или, по крайней мере, дано понять, что они не боятся, и порешили идти на верфь; и если бы не мистер Крофорд, мистер Прайс немедленно бы туда повернул, вовсе не подумав, что дочерям надобно сделать покупки на Хай стрит. Мистер Крофорд, однако позаботился, чтобы им было позволено побывать в лавках, куда они, собственно, и направлялись; это не слишком их задержало, ибо Фанни не свойственно было вызывать чье либо нетерпенье или заставлять, чтоб ее ждали, так что едва успели оба джентльмена, остановясь у дверей, заговорить о последнем морском уставе и вступивших в строй трех палубных судах, а их спутницы уже готовы были идти дальше.

Теперь все могли тотчас же отправиться к верфи, и (по мнению Крофорда), если б мистеру Прайсу было позволено самолично распоряжаться, мужчины шли бы весьма своеобразным манером, оставив Фанни и Сьюзен позади, чтоб поспевали за ними или нет, как сумеют, а сами шагали бы вдвоем самым быстрым шагом. Время от времени Крофорду удавалось немного изменять этот порядок, хотя гораздо менее, чем ему хотелось бы; а он вовсе не желал отдаляться от них; и на каждом перекрестке или в толпе, когда мистер Прайс только крикивал: «Живо, дочки... живо, Фан... живо, Сью... поосторожней... глядите в оба», сам он был особенно внимателен к ним.

Когда благополучно дошли до верфи, Крофорд стал надеяться, что теперь он сможет порадоваться обществу

Фанни, ибо очень скоро к ним присоединился собрат мистера Прайса, такой же праздношатающийся, который, как и всякий день, пришел удостовериться, все ли тут в порядке, и должен был оказаться куда более достойным спутником мистеру Прайсу, нежели он сам; и недолго спустя оба офицера, кажется, с превеликим удовольствием ходили вдвоем, беседуя о предметах равно и неизменно интересных обоим, а молодежь тем временем сидела на бревнах или находила местечко на какомнибудь стоящем на стапеле судне, которым они пришли все вместе любоваться. Фанни всех более нуждалась в отдыхе. А Крофорд ее усталость и желание посидеть были очень на руку, но он бы еще желал обойтись без ее сестры. Приметливая девица ее лет была самый что ни на есть неподходящий третий лишний, совсем не то, что леди Бертрам,— такая востроглазая и ушки на макушке, при ней о главном не заговоришь. Он должен удовольствоваться тем, что будет мил с обеими, будет развлекать и Сьюзен тоже, лишь изредка позволит себе взгляд или намек знающей его чувства и угадывающей значение его слов Фанни. Более всего ему пришлось говорить о Норфолке; он пробыл там несколько времени, и согласно с его нынешними планами все связанное с Норфолком становилось делом первейшей важности. Такой человек как Крофорд, откуда бы ни приехал, в каком бы обществе ни побывал, всегда сумеет порассказать чтонибудь забавное; его поездки и знакомство — все пригодилось, и Сьюзен еще никогда так не развлекали. Старшей же сестре он поведал вовсе не только о пустячных удовольствиях, которые получил на всевозможных вечерах. Желая заслужить одобрение Фанни, он сказал об особой причине, которою была вызвана эта поездка в Норфолк в столь непривычное время года. Его привело туда дело, касающееся возобновления аренды, от чего зависело благополучие большой и (он уверен) трудолюбивой семьи. Он заподозрил своего приказчика в обмане — в попытке настроить его против достойного человека — и решил поехать и сам основательно разобраться в существе дела. Он поехал, сделал больше добра, чем предвидел, помог не одному семейству, как поначалу предполагал, а многим, и теперь может себя с этим поздравить и чувствует, что, исполнив долг, сохранил в душе приятные воспоминания. Он представился некоторым арендаторам, которых никогда прежде не видел, начал знакомиться с коттеджами, о существовании которых ранее и не подозревал, хотя они расположены на его землях.

Он рассказывал с расчетом на Фанни, и расчет был верен. Ей нравилось слышать от него такие приличные речи — во всем этом он вел себя как должно. Быть другом бедных и угнетенных! Ничто не могло быть ей милее, и только она собралась взглянуть на него с одобрением, как он спугнул ее, прибавив что то уж очень недвусмысленное о своей надежде иметь в скором времени помощника, друга, советчика в каждом его плане, касающемся до благотворительности и пользы Эверингема, кого то, благодаря кому Эверингем и все, что с ним связано, станет ему дороже, чем когда либо.

Фанни отворотилась, подумав, что лучше бы ему ничего такого не говорить. Она охотно допускала, что у него больше добрых свойств, чем она привыкла думать. Она уже начинала чувствовать, что в конце концов он может оказаться совсем неплох; но ей он никак не подходит и никогда не подойдет, и не следует ему о ней думать.

Он уразумел, что об Эверингеме сказано уже довольно, не грех поговорить о чемнибудь еще, и обратился к Мэнсфилду. Невозможно было выбрать лучше; тема эта тотчас же привлекла к нему и внимание Фанни и ее взоры. Ей всего милей было слушать или говорить о Мэнсфилде. Теперь, так долго разлученная со всеми, кто его знал, она, едва Крофорд упомянул о нем, почувствовала, что воистину слышит голос друга, и не удержалась от похвал красотам и уюту Мэнсфилда, а воздав должное его обитателям, Крофорд дал ей случай с искренней радостью пылко превозносить дядюшку за его ум и доброту и тетюшку за ее самый милый, несравненно кроткий нрав.

Крофорду и самому Мэнсфилду очень по душе, так он сказал; он предвкушает, что будет проводить там много, очень много времени — там или по соседству. Он особенно уповает на счастливейшее лето и осень нынешнего года там; он чувствует, что так непременно будет; он твердо на это надеется; лето и осень, несравненно лучше прошлых годов. Столь же полные воодушевления, столь же разнообразные, в столь же многочисленном обществе, но при обстоятельствах, невообразимо более прекрасных, нежели прошлые годы.

— Мэнсфилд, Созертон, Торнтон Лейси, — продолжал он, — какое общество соберется в этих домах! А в Михайлов день, возможно, прибавится четвертый, охотничий домик поблизости от всего, столь милого сердцу... ибо что до жизни в Торнтон Лейси на товарищеских началах, как однажды добродушно предложил Эдмунд Бертрам,

я надеюсь, что возникнут два возражения против этого плана, два справедливых, превосходных, неоспоримых возражения.

Тут Фанни вдвойне вынуждена была промолчать, хотя уже через мгновение о том пожалела, напрасно не заставила себя признаться, что половина того, о чем он думал, говоря так, ей понятна, и тем самым вынудила бы его сказать что-нибудь еще о его сестре и Эдмунде. Ей следует научиться разговаривать об этом, и слабость, которая заставляет уклоняться от этого разговора, скоро станет вовсе непростительна.

Когда мистер Прайс и его приятель посмотрели все, что желали или для чего нашлось у них время, остальные готовы были возвращаться; и пока они шли обратно, Крофорд улучил минутку наедине и сказал Фанни, что единственное его дело в Портсмуте — увидеться с нею, что он приехал на несколько дней ради нее, и только ради нее и потому, что не мог долее выносить разлуки с нею. Фанни огорчилась, вправду огорчилась, и однако, несмотря на это и еще кое-какие его слова, которых ему бы лучше не говорить, она нашла, что с тех пор, как они не виделись, он заметно переменялся к лучшему; он стал много мягче, услужливей и внимательней к чувствам других людей, чем бывал в Мэнсфилде; никогда еще он не был ей так приятен, вернее сказать, так близок к тому, чтоб быть ей приятным; в его отношении к папеньке не было ничего обидного, и с какой-то на редкость деликатной добротой он обращался к Сьюзен. Да, он определенно переменялся к лучшему. Фанни хотелось, чтоб следующий день уже миновал, хотелось, чтоб Крофорд приехал всего на один день, но все обернулось не так уж худо, как можно было ожидать: ведь это великая радость поговорить о Мэнсфилде.

Прежде чем они расстались, у ней появилась причина быть ему благодарной еще за одно удовольствие, и совсем особого рода. Папенька попросил Крофорда сделать ему честь разделить с ними трапезу, и не успела еще Фанни по настоящему ужаснуться, а Крофорд уже заявил, что ранее пообещал отобедать в другом месте. Он приглашен на обед и нынче и на завтра; в «Короне» он повстречал одного знакомого, которому нельзя отказать; однако он будет иметь честь навестить их снова завтра, и прочее и прочее, и таким образом они расстались — Фанни на седьмом небе от счастья, что избежала такой чудовищной неприятности!

Вот был бы ужас, если бы он согласился отобедать с ними и увидел бы все их изъяны! Стряпню Ребекки и то, как она прислуживает во время трапезы, обжорство Бетси, хватающей со стола что ни попадя... Фанни и сама еще плохо это переносила, и нередко ей за столом бывало не по себе. Она то взыскательна просто по природной деликатности, Крофорд же воспитан в роскоши и эпикурействе.

ГЛАВА 11

а другой день семейство Прайс только собралось в церковь, как снова появился Крофорд. Он пришел не с тем, чтоб задержаться у них, но чтоб к ним присоединиться; его пригласили пойти с ними в Гаррисонскую церковь, что полностью совпадало с его намерением, и они пошли туда все вместе.

Теперь семейство предстало в самом выгодном свете. Природа уделила им немалую долю красоты, и каждое воскресенье дочиста их умывало и наряжало в лучшее платье. Воскресенье всегда приносило Фанни это утешение, а в нынешнее воскресенье она была утешена более обычного. Бедная ее маменька выглядела так, что сейчас не казалась уж вовсе недостойной быть сестрою леди Бертрам, как бывало в другие дни. Это часто огорчало Фанни до глубины души — подумать только, до чего они несхожи, подумать только, что обстоятельства так увеличили разницу там, где от природы она была совсем невелика, и что маменька, столь же красивая, как леди Бертрам, и несколькими годами ее моложе, всегда выглядит такой изнуренной и поблекшей, такой беспокойной, неряшливой и убогой. Но воскресенье превращает ее в весьма достойную и довольно веселую миссис Прайс, которая выходит из дому, окруженная прекрасными детьми, ненадолго давая себе передышку от каждодневных забот, и расстраивается лишь, если видит, что мальчики неосторожны или что мимо идет Ребекка с цветком на шляпке.

В церкви надо было разделить, но мистер Крофорд постарался остаться подле женской половины семейства; и после службы тоже держался рядом, и на крепостном валу прогуливался со всеми, будто был членом семейства.

По воскресеньям, если день выдавался погожий, миссис Прайс в любое время года после утренней воскресной службы тотчас же отправлялась на крепостной вал и прогуливалась там до обеда. То было место, где она выходила на люди,— могла повстречать знакомых, услышать кой какие новости, посетовать на никудышную портсмутскую прислугу и набраться духу для предстоящих шести дней.

Туда они теперь и держали путь; и мистер Крофорд был весьма доволен, вменив себе в особую обязанность попечение о девицах Прайс; и когда они дошли, вскорости, к изумлению Фанни, получилось, что он идет между ними, и рука Сьюзен опирается на одну его руку, а ее, Фаннина,— на другую, и Фанни не сумела ни помешать этому, ни положить конец. Несколько времени ей было не по себе, но все же и сам этот день, и открывающийся отсюда вид не могли ее не радовать.

А день выдался на диво хорош. Еще только март, но в мягком воздухе, в легком нежном ветерке, в ярком солнце, которое лишь изредка на миг скрывалось за облачком, чудится апрель; и под весенним небом такая вокруг красота, так играют тени на кораблях в Спитхед и на острове за ними, и поминутно меняется море в этот час прилива, и, ликуя, оно с таким славным шумом накидывается на крепостной вал, столько во всем этом для Фанни очарования, что постепенно ее почти вовсе перестали заботить обстоятельства, при которых она ощутила это очарование. Более того, не опираясь она на руку Крофорда, она скоро поняла бы, что нуждается в ней, ибо, чтоб два часа вот так прогуливаться после недели почти без движения, ей требовались силы. Она уже начинала чувствовать, как недостает ей ежедневного привычного моциона; с тех пор как она приехала в Портсмут, здоровье ее ухудшилось, и, если бы не мистер Крофорд и не такая прекрасная погода, она бы уже валилась с ног от усталости.

Крофорд, как и Фанни, ощущал прелесть этого дня и открывающегося перед ними вида. Они часто останавливались, одинаково чувствуя и воспринимая окружающее, облакачивались о стену, чтобы несколько минут полюбоваться; и Фанни не могла не признать, что, хоть он не Эдмунд, ему доступна красота природы и он превосходно умеет выразить свое восхищение. Время от времени она погружалась в мечты, и он, пользуясь случаем, украдкой ее разглядывал; и хотя лицо ее по прежнему его пленяло, он заметил, что она не такая цветущая, как бы следовало. Говорила она, что чувствует себя хорошо, и ей не нра

вилось, когда ктонибудь подозревал иное, но, все обдумав, он пришел к убеждению, что ей не может быть покойно в ее нынешнем доме, а значит, жизнь здесь нехороша для ее здоровья, и вот он уже всей душою желал, чтоб она вновь оказалась в Мэнсфилде, где и она сама и он, видя ее, станут много счастливей.

— По моему, вы здесь уже месяц? — сказал он.

— Нет. Не полный месяц. Завтра будет только четыре недели с тех пор, как я уехала из Мэнсфилда.

— Вы необычайно точны и верны в расчетах. Я бы попросту сказал: месяц.

— Я приехала только во вторник вечером.

— И вам предстоит гостить два месяца, я не ошибаюсь?

— Да. Дядюшка говорил о двух месяцах. Думаю, что не меньше.

— А как вас доставят обратно? Кто за вами приедет?

— Не знаю. Тетушка еще ничего о том не писала. Возможно, мне придется побыть здесь дольше. Может статься, за мной не сумеют приехать ровно через два месяца.

С минуту подумав, мистер Крофорд сказал:

— Я знаю Мэнсфилд, знаю тамошние обыкновения, знаю, для вас там не все делалось как надобно. Я знаю, есть опасность, что о вас забудут, принесут ваше благополучие в жертву воображаемым удобствам любого из членов семьи. Я представляю, что, если сэру Томасу, чтобы поехать за вами самому или послать горничную вашей тетушки, не удастся уладить все дела, не внося ни малейших перемен в свои планы на ближайшие три месяца, вас могут оставить здесь жить неделю за неделей. Это не годится. Два месяца весьма большой срок, на мой взгляд, и полутора было бы вполне довольно. Я имею в виду здоровье вашей сестры, — пояснил он, обращаясь к Сьюзен, — и полагаю, что жизнь взаперти ему не на пользу. Ей необходим воздух и моцион. Когда вы узнаете ее так же хорошо, как я, вы, без сомнения, согласитесь, что она и вправду в этом нуждается и нельзя надолго ее оставлять без свежего воздуха и сельского приволья. Поэтому (сказал он, вновь повернувшись к Фанни), если еще до истечения двух месяцев вы почувствуете себя нездоровой, а для возвращения в Мэнсфилд возникнут какие либо помехи, — это никак не следует принимать во внимание; если вы почувствуете, что стали несколько слабее или беспокойнее обыкновенного, дайте только знать моей сестре, только наметьте, мы с нею немедленно приедем и отве

зем вас в Мэнсфилд. Вы понимаете, с какой легкостью и удовольствием это будет сделано. Вы понимаете, каковы в этом случае будут наши чувства.

Фанни поблагодарила его, но постаралась отделаться смехом.

— Я говорю вполне серьезно, вы прекрасно это понимаете. И я надеюсь, вы не будете жестоки, не станете скрывать, если почувствуете малейшее недомогание. Конечно же, не станете, это не в ваших силах, и потому до тех пор, пока вы будете писать в каждом письме к Мэри «я здорова», а я знаю, говорить или писать неправду вы не способны, только до тех пор мы будем полагать, что вы подлинно здоровы.

Фанни вновь его поблагодарила, однако столь она была тронута и растрожена, что ничего не смогла ответить и даже не уверена была, что же тут отвечать. Было это уже под конец прогулки. Крофорд довел их до самых дверей дома и там распрощался, ведь он знал, что они сейчас будут обедать, а потому сделал вид, будто его ждут в другом месте.

— Я бы предпочел, чтоб вы не так утомились,— сказал он, немного задерживая Фанни, когда все прочие уже вошли в дом.— Я бы предпочел оставить вас более крепкой. Не нужно ли вам чего в Лондоне? Я уже почти решил вскорости опять ехать в Норфолк. Я недоволен Мэддисоном. Он несомненно все еще надеется перехитрить меня, если удастся, и отдать какому то своему родственнику мельницу, которую я предназначаю для другого человека. Я должен найти с ним общий язык. Должен втолковать ему, что меня вокруг пальца не обведешь и я намерен быть истинным хозяином своих владений. Прежде я не давал ему это ясно понять. Уму непостижимо, сколько вреда может принести имению подобный человек, равно и доброму имени владельца и благополучию бедняков. Я очень склонен вернуться в Норфолк сразу же и немедленно все наладить так, чтоб после уже ничего нельзя было повернуть к худшему. Мэддисон умный малый, я не хочу отстранять его от дел при условии, что он не попытается отстранить от дел меня; но было бы глупо, чтоб меня одурачил человек, у которого нет резона заимодавца одурачивать меня, и еще того глупей позволить ему навязать мне в арендаторы бессердечного корыстного малого взамен честнейшего человека, которому я уже почти что обещал. Разве не будет это еще того глупей? Стоит мне ехать? Как посоветуете?

— Посоветую! Вы прекрасно знаете, что будет правильно.

— Да. Когда вы высказываете мне свое мнение, я всегда знаю, что будет правильно. Ваше суждение для меня мерило правоты.

— Нет, нет! Не говорите так. В душе каждого из нас есть наставник, и он направил бы нас лучше любого стороннего человека, лишь бы только мы к нему прислушивались. До свиданья. Желаю вам завтра приятного путешествия.

— Не нужно ли вам чего в Лондоне?

— Благодарю вас, ничего не нужно.

— Не хотите ли вы комунибудь что-нибудь передать?

— Передайте, пожалуйста, сердечный привет вашей сестре. И когда увидите моего кузена... кузена Эдмунда, будьте так добры, скажите ему, что... я надеюсь вскорости получить от него весточку.

— Непременно скажу, и, если он ленив или неградив, я сам письменно передам вам его извинения...

Продолжать он не мог, ибо нельзя было задерживать Фанни долее. Он сжал ее руку, глянул на нее и пошел прочь. Следующие три часа, пока в гостинице не приготовили самый что ни на есть, по их разумению, наилучший обед, Крофорду предстояло коротать с другим своим знакомцем, а Фанни вошла в дом, где уже ждал обед попроще.

Кушанья Прайсов обыкновенно были совсем иного свойства; и подозревай Крофорд, сколь много лишений, кроме отсутствия моциона, Фанни терпела в родительском доме, он подивился бы, что это еще так мало сказалось на ее наружности. Она так плохо переносила Ребеккины пудинги и рубленое мясо с овощами, которые та подавала вкупе с не слишком чистыми тарелками и вовсе нечистыми ножами и вилками, что очень часто принуждена бывала утолять голод лишь ввечеру, когда удавалось послать братьев за печеньем и сдобными булочками. Воспитанной в Мэнсфилде, в Портсмуте Фанни уже поздно было приучаться к выносливости; сэр Томас, зная он все это, пожалуй, рассудил бы, что, изголодавшись телом и душой, племянница наконец надлежащим образом оценит превосходное общество и превосходное состояние мистера Крофорда, однако же едва ли он стал бы продолжать сей опыт, опасаясь, как бы подобное лечение не свело ее в могилу.

Весь остаток дня Фанни была в унынии. Хотя и почти уверенная, что ей более не грозит встреча с Крофордом, она все же пала духом. В сущности, то было расставанье со своего рода другом; она и радовалась его отъезду,

и вместе с тем ей казалось, будто теперь она покинута всеми, будто вновь простилась с Мэнсфилдом; и при мысли о том, как, возвратясь в Лондон, он станет часто видаться с Мэри и Эдмундом, ее охватывали чувства столь схожие с завистью, что она ненавидела себя за них.

Ничто вокруг не могло рассеять ее уныние; явился один, а там и другой папенькин друг, и, как всегда, когда он не уходил с ними, вечер тянулся особенно долго; с шести часов до половины десятого они почти без передышки громко разговаривали и пили грог. Фанни была совсем подавлена. Удивительная перемена к лучшему, которая чудилась ей в Крофорде, одна могла внести толику утешения в ход одолевавших ее мыслей. Не задумываясь, в сколь отличном от прежнего кругу она его сейчас видела, ни о том, сколь многое зависело от сей разницы, она была совершенно убеждена, что он стал на удивленье мягче и внимательней к другим. А если такова перемена в малом, не так ли это и в более существенном? Он так был озабочен ее здоровьем и покоем, высказывал такое сочувствие, и, похоже, не только на словах, но и вправду, разве не справедливо предположить, что теперь он не станет слишком долго донимать ее ухаживаньем, которое для нее столь огорчительно?

ГЛАВА 12

редполагалось, что на завтра мистер Крофорд отбыл в Лондон, поскольку у Прайсов он более не показывался; и два дня спустя пришло подтверждение этому в письме мисс Крофорд к Фанни, которая и распечатала и стала читать это письмо с самым тревожным любопытством совсем по другой причине.

«Должна сообщить Вам, милочка Фанни, что Генри ездил в Портсмут нарочно чтоб повидаться с Вами; что он восхищен прогулкою с Вами на верфь в прошлую субботу, а еще того более тою, что состоялась на завтра, на крепостном валу; благоуханный воздух, сверкающее море и Ваше прелестное личико и беседа с Вами — все исполнено было чарующей гармонии и вызвало чувства, которые рождают бурный восторг даже при воспоминании. Сколько

я понимаю, это и должно составить суть моего письма. Он велит мне писать, а я не знаю, о чем еще Вам сообщить, кроме его впечатлений от уже упомянутой поездки в Портсмут, и этих двух прогулок, и его знакомства с Вашей семьей, особенно же с Вашей славной сестрою, премилой пятнадцатилетней девицей, которая составила вам компанию на крепостном валу и впервые увидела воочию, что такое любовь. Я не имею времени для длинного письма, но если б и имела, оно было б некстати, поскольку пишу я Вам по делу, ради сообщения, коего откладывать нельзя, не то, боюсь, все может обернуться дурно. Милая, милая моя Фанни, были бы Вы здесь, как бы я с Вами наговорила! Вы слушали бы меня, пока не утомились, и советовали мне, пока не утомились бы и того более; но невозможно изложить на бумаге и сотую долю всего, что переполняет мою душу, и потому я вовсе умолчу, а уж Вы думайте гадайте. Никаких новостей для Вас у меня нет. Не говоря, конечно, о хитросплетеньях отношений в свете; и дурно было бы докучать Вам, перечисляя людей и светские приемы, которые заполняют мое время. Мне следовало послать Вам отчет о первом приеме в доме Вашей кузины, но я поленилась, а теперь это уже в прошлом, удовольствуйтесь тем, что все там было как быть должно, в наилучшем виде, любой из ее родственников, окажись он там, был бы доволен, и, конечно, ее туалет и манеры делали ей честь. Мой друг, миссис Фрейзер, жаждет занять такой же дом, и я тоже от такого не отказалась бы. После пасхи я еду к леди Сторнуэй. Она, кажется, в превосходном настроении и очень счастлива. Мне представляется, что лорд С. в домашнем кругу весьма добродушен и мил и, пожалуй, он не так уродлив, как мне было показалось, по крайней мере встречаются и похуже. Но ему не следует оказываться рядом с Вашим кузеном Эдмундом. Что Вам сказать об этом нашем герое? Не упомяни я вовсе его имени, это выглядело бы подозрительно. Потому скажу, что раза три мы его видели и моих здешних друзей его облик подлинного джентльмена поистине ошеломил. Миссис Фрейзер (неплохой судья) утверждает, что в Лондоне она знает не более трех мужчин, кто был бы так хорош лицом, ростом, всем видом; и, признаться, когда на днях мы здесь обедали, с ним никто не мог сравниться, а собралось шестнадцать человек. По счастью, нынче все одеты на один лад, и платье мало что говорит о человеке, но... но все же...

Любящая Вас Мэри.

Чуть не забыла (это Эдмунд виноват, думаю о нем больше, чем следует, мне это не на пользу) сообщить нечто весьма существенное от себя и от Генри, а именно, что мы с ним отвезем Вас обратно в Нортгемптоншир. Милый мой дружок, не задерживайтесь в Портсмуте, как бы это не повредило Вашему хорошенькому личику. Эти противные морские ветры пагубны для красоты и здоровья. Моя несчастная тетушка страдала от них уже за десять миль от моря, чему адмирал, разумеется, не верил, но я то знаю, что так оно и было. Дайте мне только знать, и я тотчас же к Вашим услугам и к услугам Генри. Мне это будет одно удовольствие, и мы сделаем небольшой круг и по пути покажем Вам Эверингем, и, пожалуй, Вы не откажетесь проехать через Лондон и осмотреть внутреннее убранство церкви Св. Георгия на Ганноверсквер. Только в это время держите подальше от меня Вашего кузена Эдмунда, я опасаясь искушения. Какое длинное письмо! Еще одно слово. Оказывается, Генри задумал опять ехать в Норфолк по какому то делу, которое Вы и сами одобряете, но этого никак нельзя позволить до середины следующей недели, то есть его можно будет отпустить только после 14 го, оттого что в этот вечер прием устраиваем мы. Вам даже и представить невозможно, какой бесценный человек в подобных случаях Генри, так что придется Вам поверить мне на слово: ему нет цены. Он увидит Рашуотов, чем, признаться, я не огорчена — мне даже немножко любопытно, думаю, и ему тоже, хотя он в том не признается».

Письмо было таково, что Фанни жадно пробежала его глазами, потом читала не спеша, потом долго над ним размышляла и осталась в еще большем недоумении, чем прежде. Только лишь одно определенно можно было из него извлечь, что ничего решающего еще не произошло. Эдмунд еще не объяснился. Каковы на самом деле чувства мисс Крофорд, как она намерена поступить, или же поступит безо всякого намерения, или вопреки ему, так же ли много Эдмунд для нее значит, как до последнего расставанья, а если меньше, то будет ли и впредь значить все меньше или снова все повернется к прежнему — о том гадать можно было бесконечно и раздумывать в первый день и во многие последующие, не приходя ни к какому заключению. Всего настойчивей думалось, пожалуй, что, возвратясь к лондонским привычкам, мисс Крофорд почувствовала, что охладела, и заколеблется, однако же

в конце концов убедится, сколь сильна ее привязанность, и не пожелает от него отказаться. Она попытается быть более честолюбивой, чем позволяет ей сердце. Будет сомневаться, мучить, ставить условия, будет много требовать и все же под конец согласится. На этой мысли чаще всего останавливалась Фанни. Дом в Лондоне! Вот уж что, по ее мнению, невозможно. Однако, поди скажи, чего не способна попросить мисс Крофорд. Будущее кузена казалось Фанни все безотрадной. Особа, которая, говоря о нем, только и говорит о его наружности! Какая недостойная привязанность! Находить поддержку в похвалах миссис Фрейзер! Ей, которая полгода так коротко его знала! Фанни стыдно было за нее. По сравнению с этим строки письма, которые касались до мистера Крофорда и ее самой, не так уж ее задели. Поедет мистер Крофорд в Норфолк до или после четырнадцатого, нисколько ее не заботило, хотя, если все обдумать, ему следовало бы ехать немедленно. В стараниях мисс Крофорд способствовать его встрече с миссис Рашуот сказала самая дурная сторона ее натуры, было это чрезвычайно жестоко и неразумно; но Фанни надеялась, что сам он не поддастся столь унижительному любопытству. Непохоже это на него, и сестре следовало бы знать, что им движут чувства более высокие, нежели ее собственные.

Однако после этого письма Фанни ждала следующего еще нетерпеливей прежнего; и несколько дней так была им растрожена — тем, что уже произошло и еще может произойти, — что почти совсем оставила обычное чтение и беседы с Сьюзен. Не удавалось ей сосредоточиться, как она желала бы. Если мистер Крофорд помнит р ее поручении к кузену, вероятно, очень даже вероятно, что тот при всех условиях к ней напишет; это было бы как нельзя более сообразно с его обычной добротой, и пока Фанни не отказалась от этой надежды, пока после трех четырех дней ожидания постепенно ее не утратила, она терзалась неотвязной тревогой.

Наконец ее волнение несколько унялось. Надобно было примириться с этой неопределенностью, не дать ей изнурить себя, эдак она совсем никуда не будет годиться. Кое чему помогло время, еще того более собственные усилия, и Фанни вернулась к заботам о Сьюзен, обрела к ним прежний интерес.

Сьюзен все больше привязывалась к ней, и, хотя лишена была дара наслаждаться книгой, который был так силен в Фанни, и куда менее склонна к усидчивости и по

Портрет мистера и миссис Джон Энгерстайн.
С картины Т. Лоуренса.

знанию познания ради, ей так сильно хотелось не казаться невеждою, что при ее ясном уме и понятливости она сделалась на редкость внимательной, преуспевающей, благодарной ученицей. Она почитала Фанни оракулом. Фаннины объяснения и замечания весьма существенно дополняли каждый очерк, каждую главу истории. Рассказы Фанни о прежних временах западали ей в ум верней, чем страницы Гольдсмита; и она отдавала должное сестре, предпочитая ее манеру всему тому, что находила в кни

гах. Ей недоставало воспитанной сызмальства привычки читать.

Однако ж беседы их не всегда были посвящены предметам столь высоким, как история и нравы. Находилось время и для материй не столь серьезных, и всего чаще разговор возвращался к Мэнсфилд парку и всего долее на нем задерживался — на его обитателях, на их поведении, увеселениях и привычках. У Сьюзен был природный вкус ко всему благородному и хорошо устроенному, она жадно слушала о жизни в усадьбе, а Фанни не могла отказать себе в удовольствии поговорить о том, что было так дорого ее сердцу. Она надеялась, что в том нет ничего дурного; однако через некоторое время видя, как сверх меры восхищается Сьюзен всем, что говорилось и делалось в доме дядюшки, и как горит желанием побывать в Нортгемптоншире, Фанни стала корить себя за то, что пробудила мечты, которым не сбыться.

Бедняжка Сьюзен была приспособлена к родительскому дому не многим лучше своей старшей сестры; и, вполне это поняв, Фанни почувствовала, что, когда настанет час ее освобождения из Портсмута, ее радость окажется далеко не полной из за необходимости покинуть Сьюзен. То, что девушку, столь способную перенимать все хорошее, придется оставить в таких руках, огорчало ее все больше. Будь у ней надежда обзавестись собственным домом, куда можно бы пригласить сестру, какое это было бы счастье! Будь она способна ответить на чувство мистера Крофорда, надежда, что он отнюдь не станет возражать против приглашения Сьюзен, была бы ей всего отраднее. В сущности, он человек славный, думала она, и ей представлялось, что в подобном плане он принял бы самое сердечное участие.

ГЛАВА 13

иновали почти семь недель из двух месяцев, когда Фанни наконец вручили письмо, столь долгожданное письмо от Эдмунда. Она распечатала письмо, увидела, какое оно длинное, и приготовилась к описанию в подробности его счастья и к обилию изъяснений в любви и похвал в адрес счастливой, которая стала отныне госпожой его судьбы. Вот оно, это письмо:

Дорогая моя Фанни,

прости, что не написал тебе раньше. Крофорд передал мне, что ты хотела бы получить от меня весточку, но я не мог писать из Лондона и убедил себя, что ты поймешь мое молчание. Если б я мог написать несколько радостных строк, я б не заставил тебя ждать, но ничего подобного я был сделать не в состоянии. Я возвратился в Мэнсфилд с гораздо меньшей уверенностью, нежели его покинул. Надежды мои убывают. Ты, вероятно, уже осведомлена об этом. Мисс Крофорд в тебе души не чает, и потому вполне естественно, если она уже довольно рассказала тебе о своих чувствах, чтоб ты без особого труда могла догадаться о моих. Однако это не помешает мне сообщить тебе обо всем самому. Ты можешь выслушать признания от нас обоих, одно другому не помеха. Я не задаю вопросов. Что то есть успокоительное в мысли, что у нас один и тот же друг и, какие бы злосчастные разногласия ни существовали меж нами, мы едины в своей любви к тебе. Для меня утешение рассказать тебе, как теперь обстоят дела, каковы мои нынешние планы, если можно сказать, что они у меня есть. Я здесь уже с субботы. В Лондоне я пробыл три недели и виделся с нею, по лондонским понятиям, очень часто. Фрейзеры оказывали мне все внимание, какого разумно было ожидать. Я же, надобно думать, был отнюдь не разумен, питая надежды на отношения, подобные тем, что были в Мэнсфилде. Беда, однако, скорее в ее повадке, нежели в недостаточно частых встречах. Будь она иною, чем я ее увидел, мне не на что было бы жаловаться, но она переменялась, это стало ясно с самого начала; в первый же раз она встретила меня так непохоже на то, чего я ожидал, что я было решил немедленно уехать из Лондона. Мне незачем вдаваться в подробности. Ты знаешь слабую сторону ее характера и можешь представить настроения и слова, которые меня мучили. Была она очень весела и окружена теми, чьи дурные понятия — неподходящая опора для ее чересчур живого ума. Не нравится мне миссис Фрейзер. Она черствая, суетная женщина, замуж вышла из одной только выгоды и, хотя явно несчастлива в браке, приписывает свое разочарование не изъянам в суждениях или характере, не несоответствию в летах, а тому, что она не столь богата, как многие ее знакомые, особливо ее сестра, леди Сторнуэй, и притом она решительная сторонница всякого корыстолюбия и пре

тенциозности, будь они только достаточно корыстолюбивы и претенциозны. Я почитаю тесную дружбу с этими двумя сестрами величайшим несчастьем в жизни мисс Крофорд и моей тоже. Они годами сбивают ее с пути. Если б ее можно было оторвать от них! И временами я перестаю отчаиваться, ибо мне кажется, что эта приязнь скорее с их стороны. Они ее обожают; а она, без сомнения, тебя любит более, нежели их. Когда я думаю о безмерной привязанности ее к тебе и вообще о ее рассудительном, прямодушном, истинно сестринском поведении, она мне кажется совсем иной натурой, способной на подлинное благородство, и я готов винить себя за чересчур суровое толкование игривости. Не могу я от нее отказаться, Фанни. Она единственная женщина в целом свете, которую я могу представить своей женою. Не будь я уверен в некотором ее расположении ко мне, я, конечно, так бы не сказал, но я глубоко в нем уверен. Я убежден, что она оказывает мне предпочтение. У меня нет ревности ни к какому определенному лицу. К влиянию света — вот к чему я ревную. Привычка к богатству — вот что меня страшит. Ее притязания не превышают ее собственных средств, но они выше, чем позволяют наши совместные доходы. Однако даже в этом есть утешение. Мне легче потерять ее оттого, что я не довольно богат, чем из за моей профессии. Это лишь послужит доказательством, что ее любовь неспособна на жертвы, а их я, в сущности, навряд ли вправе от нее ждать; и если мне отказано, я думаю, это и будет истинной причиною. Я полагаю, ее предрассудки не так сильны, как раньше. Яверяю тебе свои мысли, дорогая моя Фанни, в точности так, как они у меня возникают; возможно, они подчас противоречивы, но оттого картина моей души не станет менее верной. Раз уж я начал, мне отрадно поведать тебе все, что я чувствую. Не могу я от нее отказаться. При том, как мы уже связаны и, надеюсь, будем связаны в дальнейшем, отказаться от Мэри Крофорд значило бы отказаться от общества кое кого из тех, кто мне всех более дорог, лишить себя тех домов и друзей, к коим при любом другом горе я обратился бы за утешением. Потерять Мэри означало бы для меня потерять Крофорда и Фанни. Будь это решенным делом, прямым отказом, надеюсь, я знал бы, как его перенести и как постараться ослабить ее власть над моим сердцем... и за несколько лет... но я пишу вздор... будь мне отказано, я должен это перенести; и пока я существую, я не перестану искать ее согласия. Это

правда. Весь вопрос в том, как? Каков тут наилучший путь? Порой я думаю после пасхи опять съездить в Лондон, а порой решаю ничего не предпринимать, пока она не воротится в Мэнсфилд. Даже теперь она с удовольствием говорит о предстоящем июне в Мэнсфилде; но до июня еще так далеко, и я, верно, напишу ей. Я уже почти решил объясниться в письме. Возможно ранее достичь определенности весьма существенно. Мое нынешнее положение досадно и мучительно. Подумавши, я нахожу, что наилучший способ все объяснить — письмо. Я смогу написать многое, чего не сумел сказать, она же получит время для размышлений, чтобы решить, каков будет ее ответ, и меня не столько страшит итог ее размышлений, сколько первое же необдуманное движение; да, кажется, так. Всего опасней для меня, если она станет советоваться с миссис Фрейзер, а я издалека бессилён постоять за себя. Письмо опасно тем, что его показывают в поисках совета, и, если душа сама не находит истинного решения, советчик в злосчастную минуту может подвинуть ее на поступок, в котором она потом будет раскаиваться. Мне надобно еще немного обо всем поразмыслить. Мое длинное письмо, полное забот, касающихся одного меня, боюсь, нелегкое испытание даже для такого друга, как Фанни. Последний раз я видел Крофорда на званом вечере у миссис Фрейзер. Я все более удовлетворен его поведением и речами. У него нет и тени колебаний. Он отлично знает, чего хочет, и поступает согласно своим намерениям — свойство неоценимое. Видя его и мою старшую сестру в одной комнате, я не мог не вспомнить то, что ты рассказала мне однажды, и, должен сказать, они встретились не как друзья. С ее стороны заметна была холодность. Они едва ли перекинулись несколькими словами; я видел, как он отступил от нее в удивлении, и пожалел, что миссис Рашуот не смогла извинить его за воображаемое пренебрежение Марией Бертрам. Ты захочешь узнать мое мнение, в какой мере ей отрадно ее замужество. Непохоже, чтобы она была несчастлива. Надеюсь, что они совсем неплохо ладят. Я дважды обедал на Уимпол стрит и мог бы там бывать чаще, но унижительно быть Рашуоту за брата. Джулия, похоже, безмерно наслаждается Лондоном. Мне мало что доставляло наслаждение там — но дома и того менее. Наше домашнее общество отнюдь не веселое. Тебя здесь очень недостает. А как ты необходима мне, не могу выразить. Маменька шлет тебе сердечный привет и надеется вскорости получить от тебя письмо. Не

проходит часу, чтоб она о тебе не вспомнила, и мне грустно, как подумаю, сколько еще недель она, верно, должна будет обходиться без тебя. Папенька намерен привезти тебя сам, но только не ранее пасхи, когда ему надобно съездить в Лондон по делам. Надеюсь, в Портсмуте тебе хорошо, но поездка туда не должна стать ежегодной. Я хочу, чтоб ты была дома и могла высказать мне свое мнение о Торнтон Лейси. У меня нет особой охоты к крупным усовершенствованиям, пока я не уверен, что Торнтон Лейси когданибудь обретет хозяйку. Пожалуй, я к ней все таки напишу. Уже твердо решено, что Гранты едут в Бат, они покидают Мэнсфилд в понедельник. Я этому рад. У меня не слишком отраднo на душе, и я сейчас не подхожу ни для какого общества; но твоя тетушка, похоже, чувствует себя обделенной, оттого что столь существенную мэнсфилдскую новость досталось сообщить мне, а не ей.

Всегда твой, милая моя Фанни».

«Никогда, нет, никогда и ни за что не захочу я больше получать письма,— провозгласила Фанни про себя, дочитав до конца.— Что они приносят, кроме разочарования и горя?.. Не раньше чем после пасхи!.. Как я это вынесу?.. И не проходит часу, чтоб моя бедная тетушка не заговаривала обо мне!»

Фанни постаралась, как могла, не дать этим мыслям завладеть ею, но еще мгновение — и подумала бы, что сэр Томас жесток по отношению к ним обоим, и к тетушке и к ней. Что же до главного предмета, которому посвящено письмо, ничего в нем не могло утишить ее досаду. Так она была уязвлена, что Эдмунд пробудил в ней чуть ли не неприязнь и гнев. «В промедлении нет ничего хорошего»,— сказала она. Почему все до сих пор не решено? Он слеп, и ничто не образумит его, ничто, ведь сколько раз пред его глазами представала правда, и все напрасно. Он женится на ней и будет несчастлив, будет страдать. Дай бог, чтоб под ее влиянием он не утратил благородства! Фанни опять просмотрела письмо. Она души во мне не чаёт! Какой вздор. Никого она не любит, только себя да своего брата. Дружья годами сбивают ее с пути! Очень вероятно, что это она сбивала их с пути. Быть может, они все развращают друг друга; но если они любят ее настолько сильнее, чем она их, тем менее вероятно, что они повредили ей, разве что своей лестью. Единственная женщина в целом свете, которую он может представить

своей женою. Я в том нисколько не сомневаюсь. Эта привязанность будет направлять всю его жизнь. Согласится она или откажет, сердце его навсегда соединено с нею. «Потерять Мэри означало бы для меня потерять Крофорд и Фанни». Эдмунд, меня ты не знаешь. Если ты не соединишь наши две семьи, они никогда не соединятся. О Эдмунд! Напиши ей, напиши. Положи этому конец. Пусть кончится неопределенность. Решись, свяжи себя, приговори себя.

Однако подобные чувства слишком сродни злобе, чтобы долго преобладать в разговоре Фанни с самой собою. Вскорости она смягчилась и опечалилась. Сердечное отношение Эдмунда, его ласковые слова, его доверчивое обхождение глубоко ее трогали. Просто он слишком добр ко всем. Иными словами, письмо его оказалось таково, что она, без сомненья, предпочла бы его не получать, и однако ему не было цены. Так она порешила.

Каждый, кто привержен писанию писем, даже если и писать то особенно не о чем (к их числу принадлежит значительная часть женского общества), должен посочувствовать леди Бертрам, которой не повезло, что такая najważнейшая мэнсфилдская новость, как неизбежный отъезд Грантов в Бат, стала известна в то время, когда она не могла ею воспользоваться, и каждый поймет, сколь обидно было ей видеть, что новость эта досталась ее неблагодарному сыну и со всей возможной краткостью упомянута в конце длинного письма, вместо того чтобы занять большую часть страницы в ее собственноручном послании. Леди Бертрам была, пожалуй, мастерица эпистолярного жанра, так как с самого начала замужества, не имея других занятий, и при том, что сэр Томас был членом парламента, она пристрастилась вести переписку и изобрела весьма похвальную заурядную манеру расписывать все в подробности, для чего ей довольно было и самой малой малости; однако ж даже чтобы написать к племяннице, она не могла обойтись без чего то новенького; и при том, что вскоре леди Бертрам предстояло утратить такой благодатный повод для писем, как необходимость сообщить об очередном приступе подагры у доктора Гранта и об утренних визитах миссис Грант, ей было очень тяжело лишиться одной из последних возможностей написать о них.

Однако ее ждало богатое вознаграждение. Настал для леди Бертрам час удачи. Через несколько дней после получения письма от Эдмунда Фанни получила письмо от тетушки, которое начиналось так:

«Дорогая Фанни,

я берусь за перо, чтоб сообщить весьма тревожное известие, которое, без сомнения, сильно тебя беспокоит...»

То было много лучше, чем взяться за перо, чтобы познакомить племянницу со всеми подробностями предполагаемой поездки Грантов, ибо теперешнее известие было таково, что обещало пищу для пера на многие дни и состояло не больше не меньше как в опасной болезни ее старшего сына, о которой в Мэнсфилде узнали от нарочного несколько часов назад.

В компании молодых людей Том отправился из Лондона в Нью Маркет, где ушибы от падения, на которые вовремя не обратили внимание, и изрядное количество выпитого вина вызвали лихорадку; и когда компания разъехалась, он, не имея сил двигаться, был предоставлен в доме одного из этих молодых людей болезни и одиночеству на попечении всего только слуг. Вместо того чтобы, как он надеялся, быстро поправиться и последовать за приятелями, он совсем расхворался и через недолгое время почувствовал себя так плохо, что, как и его лекарь, решил отправить письмо в Мэнсфилд.

«Сие горестное известие, как ты можешь представить, сильно нас взволновало,— заметила ее светлость, изложив суть случившегося,— и мы не можем избавиться от дурных предчувствий и великой тревоги за нашего бедного больного, чье состояние, как страшится сэр Томас, может быть очень опасно; и Эдмунд любезно предлагает немедленно отправиться ухаживать за братом, но я рада прибавить, что сэр Томас не оставит меня в этот горестный час, ведь это было бы мне слишком трудно. В нашем домашнем кружке нам будет очень недоставать Эдмунда, но я верю и надеюсь, что он застанет бедного больного не в столь внушающем тревогу состоянии, как мы опасаемся, и вскорости сумеет его привезти в Мэнсфилд; сэр Томас полагает это необходимым и считает, что это будет лучше во всех отношениях, и я льщу себя надеждой, что бедный страдалец в скором времени сможет перенести переезд без особых неудобств и вреда для себя. Так как я ни сколько не сомневаюсь, дорогая Фанни, что в этих горестных обстоятельствах ты нам сочувствуешь, я очень скоро напишу тебе опять».

Чувства Фанни по этому поводу были, разумеется, много искренней и горячее, чем манера тетушкиного письма. Она от всего сердца сочувствовала им всем. Том опасно болен, Эдмунд уехал ухаживать за ним, и печально маленькое общество, оставшееся в Мэнсфилде,— этих тревог было довольно, чтобы вытеснить все прочие тревоги или почти все. У ней только и достало эгоизма, чтоб подумать, успел ли Эдмунд написать к мисс Крофорд до того, как его призвали эти дела, но ни одно чувство, в котором не присутствовала бы чистая любовь и бескорыстное беспокойство, не задерживалось надолго у ней в душе. Тетушка о ней не забывала, писала снова и снова; в Мэнсфилде получали частые отчеты от Эдмунда, и отчеты эти с тем же постоянством передавались Фанни в той же многословной манере, в том же смещении веры, надежд, страхов, следующих друг за другом и нечаянно друг друга порождающих. То была своего рода игра в перепуг. Страдания, которых леди Бертрам не видела, она не умела вообразить; и вполне спокойно писала о волнении и тревоге и о бедном страдальце, пока Тома не доставили в Мэнсфилд и она не увидела воочию, как сильно он изменился. И тогда письмо, которое она начала писать до этого, было закончено совсем в иной манере, языком неподдельного чувства и смятения; она написала так, как могла бы сказать вслух: «Он только что приехал, дорогая моя Фанни, и его отнесли наверх; и когда я его увидела, мне стало так страшно, просто не знаю, что и делать. Без сомнений, он был очень болен. Бедный Том, мне так его жалко, и я так боюсь за него, и сэр Томас тоже; и как я была бы рада, если б ты была здесь, ты б меня успокоила. Но сэр Томас надеется, что завтра Тому будет лучше, говорит, Том ослаб еще и от переезда».

Настоящее беспокойство, которое теперь проснулось в материнской груди, прошло не скоро. Из за крайне нетерпеливого желанья Тома оказаться к Мэнсфилде, в уюте родного дома, в кругу семьи, с которых он и думать не думал, покуда пребывал в добром здравии, его, видно, повезли туда слишком рано, а потому возобновилась лихорадка, и в первую неделю он находился в большей опасности, чем когда либо. Все здесь были чрезвычайно испуганы. Леди Бертрам поверяла свои ежедневные страхи племяннице, которая теперь, можно сказать, жила этими письмами и все время проводила в страданиях из за сегодняшнего письма и в ожидании завтрашнего. Она не питала особо нежных чувств к своему старшему кузену,

но по доброте сердца со страхом думала о возможной утрате; а при чистоте ее понятий от мысли о том, как мало толку было в его жизни, как мало он, по всей видимости, способен был отказывать себе в своих желаниях, беспокойство ее становилось еще глубже.

Как и в более простых случаях, одна только Сьюзен оставалась ее слушательницей и наперсницей. Она всегда была готова выслушать и посочувствовать. Всех прочих ничуть не занимала такая далекая беда, как болезнь в семействе, пребывающем за сто миль с лишком отсюда... даже миссис Прайс, которая, увидав в руках у дочери письмо, разве что мимоходом задавала вопрос другой, а изредка безучастно замечала: «У бедной моей сестры Бертрам, должно быть, сейчас множество хлопот».

Разделенные долгими годами и столь большой разницей в положении, они уже почти не ощущали кровных уз. И привязанность, отнюдь не пылкая, так же как их натуры, теперь существовала единственно на словах. Миссис Прайс поступала по отношению к леди Бертрам в точности так, как леди Бертрам поступила бы по отношению к миссис Прайс. Трое или четверо Прайсов могли быть сметены с лица земли, любой из них или все вместе, кроме Фанни и Уильяма, а леди Бертрам не очень то и задумалась бы о том, или, возможно, стала бы повторять лицемерные речи миссис Норрис, мол, какое счастье и какое великое благо для бедняжки их дорогой сестры Прайс, что эти двое так хорошо пристроены.

ГЛАВА 14

примерно через неделю после возвращения Тома в Мэнсфилд прямая угроза его жизни миновала, и ради полного спокойствия его матери объявлено было, что он вне опасности; она уже призывала видеть его беспомощным и страдающим, слышала о его состоянии только хорошее, о плохом не задумывалась, и, от природы не склонную тревожиться или понимать по намекам, докторам было проще простого ее провести. Лихорадку одолели, а мучила его лихорадка, значит, конечно же, он скоро опять будет здоров; ничего иного леди Бертрам не предполагала, и Фанни разделяла тетушкину уверенность, пока не получила несколько строк от Эдмунда, написанных нарочно для того, чтобы разъяс

нить ей положение брата и сообщить его и отцовские страхи, которые в них заронил доктор в связи с явными признаками чахотки, что обнаружили, когда отступила лихорадка. Они сочли за благо не тревожить леди Бертрам страхами, которые, надо надеяться, не подтвердятся; но нет причины скрывать правду от Фанни. Они опасаются за его легкие.

По этим нескольким строкам от Эдмунда Фанни представила больного и его комнату в более верном и ярком свете, чем по всем пространным письмам леди Бертрам. Пожалуй, любой из домочадцев по своим наблюдениям написал бы о больном вернее, чем она; временами любой оказывался больному полезней ее. Она только и способна была, что тихонько проскользнуть к сыну в комнату и смотреть на него; но когда он был в силах разговаривать сам или слушать, как ему чтонибудь рассказывают или читают, он предпочитал общество Эдмунда. Тетушка Норрис утомляла его своими заботами, а сэр Томас не способен был умерить свое многословие и громкий голос соответственно раздражительности и слабости больного. Эдмунд — вот кто единственный был ему нужен. Уж в этом Фанни не усомнилась бы, и теперь, когда он помогал своему страдающему брату, поддерживал его, подбадривал, он более прежнего возвысился в ее глазах. Тут ведь потребовалась помощь не только из за телесной слабости, следствия недавней болезни, тут, как она теперь узнала, требовалось успокоить крайне расстроенные нервы, поднять крайне угнетенный дух; и еще, как ей представлялось, надобно было направить на путь истинный душу.

В роду Бертрамов не было чахоточных, и Фанни, думая о старшем кузене, более надеялась, чем страшилась, — кроме тех минут, когда вспоминала о мисс Крофорд, ибо ей казалось, что мисс Крофорд — дитя удачи, а при ее суетности и себялюбии немалой было бы удачей, останься Эдмунд единственным сыном.

Даже в комнате больного счастливица Мэри не была забыта. В конце Эдмунд приписал: «Что до предмета моего последнего письма, я и вправду начал писать к ней, но болезнь Тома меня оторвала, однако теперь мнение мое изменилось, я боюсь влияния ее друзей. Когда Тому полегчает, я поеду в Лондон».

Таково было положение в Мэнсфилде, и так продолжалось почти без перемен до пасхи. Несколько слов, которые Эдмунд иногда приписывал к письму матери, хватало, чтоб Фанни не мучилась неизвестностью. Медленность, с какой Том шел на поправку, внушала тревогу.

Настала пасха — в этом году особенно поздняя, как с огорчением подумала Фанни, когда впервые узнала, что у ней нет надежды уехать из Портсмута ранее, чем после праздника. Настала пасха, а о возвращении в Мэнсфилд все ни строчки, и ни слова о поездке в Лондон, которая должна была предшествовать ее возвращению. Тетушка часто выражала желание, чтоб она приехала, но от дядюшки, который один это решал, не было никакого известия и уведомления. Вероятно, он еще не мог оставить сына, но для Фанни эта отсрочка была жестокой, невыносимой. Близится конец апреля, скоро уже почти три месяца вместо двух, как она с ними в разлуке и дни свои проводит, будто наказанная, а всей суровости наказания, надеялась она, безгранично их любя, им просто не понять; и однако ж как знать, когда найдется время подумать о ней и забрать ее отсюда?

Она так горячо, нетерпеливо, так страстно желала снова оказаться с ними, что навсегда запомнила строчку из «Ученичества» Каупера. «Как жаждет дома быть она» — эти слова постоянно были у ней на языке, они верней всего выражали ее тоску; пожалуй, думалось ей, ни один ученик закрытой школы не тоскует острее по родительскому крову.

Когда она ехала в Портсмут, ей нравилось называть его домом, приятно было говорить, что едет домой; слово это было ей очень дорого; таким и осталось, только отнести его надобно к Мэнсфилду. Дом теперь там. Портсмут это Портсмут, а дом это Мэнсфилд. Так она уже давно осмелилась расположить их в своих тайных думах, и ничто не могло ее утешить больше, чем письмо тетушки, в котором та прямо так и писала: «Должна сказать, я сильно сожалею, что в эти горестные дни, столь меня угнетающие, тебя нет дома. Я верю, и надеюсь, и искренне желаю, чтоб ты никогда более не отлучалась из дому так надолго». Строки эти безмерно радовали Фанни. Однако упивалась она ими втайне. Из деликатности она старалась не выказать перед родителями предпочтения, которое отдавала дому дяди, и потому всегда говорила: «когда я поеду обратно в Нортгемптоншир» или «когда я ворочусь в Мэнсфилд», я сделаю то то и то то. Долгое время так оно и шло, но под конец тоска возобладала над осторожностью, и Фанни заметила, что говорит о том, чем станет заниматься, когда поедет домой. Она укорила себя, покраснела и со страхом посмотрела на маменьку и папеньку. Но понапрасну она смутилась. Родители ни

чем не выказали никакого неудовольствия, ни даже того, что вообще услышали ее слова. Они вовсе не питали ни малейшей ревности к Мэнсфилду. Сделай милость, стремись туда или живи там, если тебе угодно.

Фанни было грустно лишиться всех отрад весны. Не сознавала она прежде, что, проводя март и апрель в городе, лишится их. Не сознавала, как отрадно, когда все начинает зеленеть и произрастать. Как сама оживала телом и душою, наблюдая приход весны, которая при всем своем капризном нраве неизменно восхитительна, и глядя, как все хорошеет вокруг, от первоцветов в самых теплых уголках тетушкиного сада до первых листьев на дядюшкиных полях и до великолепия его лесов. Лишиться такой отрады — не пустяк; лишиться же ее ради непрерывного шума и тесноты, быть запертой в четырех стенах, где духота и дурные запахи заменили свободу, свежесть, благоухание и зелень, и вовсе худо; но даже эти причины для сожалений были ничто в сравнение с уверенностью, что тебя недостает лучшим твоим друзьям, с жаждой быть полезной тем, кто нуждается в тебе!

Будь она дома, она была бы там полезна любому. Без сомненья, от нее всем был бы толк. Всех она могла бы избавить от разных забот и трудов; и даже если б она только поддерживала дух тетушки Бертрам, избавляла ее от тягости одиночества или еще злейшей тягости — общества особы суетливой, назойливой, всегда готовой преувеличить опасность ради того, чтоб придать себе весу, ее, Фаннино, пребывание там послужило бы общему благу. Она любила представлять, как читала бы тетушке, занимала бы ее разговором и старалась помочь ей ощутить, какое благо все то, что есть, одновременно подготавливая душу ее к тому, что может случиться; и от скольких хождений вверх и вниз по лестнице можно бы избавить тетушку, и сколько можно бы исполнить поручений.

Ее удивляло, что сестры Тома преспокойно остаются в Лондоне во все время болезни, которая с разной степенью опасности длится уже несколько недель. Они то могли воротиться в Мэнсфилд когда им угодно; им то это легче легкого, и для Фанни непостижимо было, как же они обе все еще не приехали. Если миссис Рашуот может воображать, будто ее задерживают какие то обязательства, то Джулии, уж конечно, ничто не мешает покинуть Лондон когда ей заблагорассудится. Как следовало из одного тетушкиного письма, Джулия предложила вер

нуться, если в ней нуждаются, но тем и кончилось. Очевидно, она предпочитает остаться в Лондоне.

Фанни стала думать, что пребывание в Лондоне весьма дурно сказывается на всех заслуживающих уважения привязанностях. Подтверждение тому она видела в мисс Крофорд и в своих кузинах тоже; привязанность мисс Крофорд к Эдмунду прежде заслуживала уважения, заслуживала более, чем остальное в ее натуре, а ее дружеские чувства к самой Фанни были, право, безупречны. Где ж теперь та привязанность и та дружба? Так давно уже Фанни не получала от нее никаких писем, что не без оснований усомнилась она в дружбе, о которой прежде столько размышляла. Уже давным давно у ней не было вестей о мисс Крофорд и ее лондонском окружении, кроме того, что писали из Мэнсфилда, и она стала подумывать, что, пожалуй, пока они не встретятся с мистером Крофордом, она так и не узнает, поехал ли он опять в Норфолк, и этой весной уже не получит более известий от его сестры, но вдруг пришло письмо, которое оживило старые чувства и породило новые.

«Простите меня поскорей, душенька Фанни, за мое долгое молчание и поступите, пожалуйста, так, как если б могли простить меня тотчас же. Это моя нижайшая просьба и надежда, ведь Вы такая хорошая, и потому я жду, что Вы отнесетесь ко мне лучше, чем я заслуживаю, и пишу сейчас, чтоб попросить Вас ответить мне немедленно. Я хочу знать, как обстоят дела в Мэнсфилд парке, и Вы, без сомнения, можете мне об этом сообщить. Надо быть вовсе уж бесчувственной, чтоб не пожалеть их в таком несчастье; и по тому, что я слышу, у бедного мистера Бертрама едва ли есть надежда на выздоровление. Поначалу меня мало беспокоила его болезнь. Я думала, что с ним чересчур нянчатся и он сам с собою нянчится при всяком пустячном недомогании, и огорчалась более за тех, кому приходилось за ним ухаживать; но теперь с уверенностью говорят, что его жизнь и вправду в опасности, что признаки самые тревожные, и что, по крайней мере, некоторым членам семьи это известно. Если это так, Вы, конечно же, входите в их число, в число проницательных, и потому умоляю Вас, напишите мне, насколько верны мои сведения. Мне нет надобности говорить, как Вы меня обрадуете, если окажется, что они не совсем верны, но мнение это слишком распространено, и, признаюсь, меня бросает от него в дрожь. Как было бы печально, если б жизнь такого прекрасного молодого человека оборвалась

в расцвете дней. Для бедного сэра Томаса это будет ужасный удар. Я и вправду очень этим взволнована. Фанни, Фанни, вижу, как Вы улыбаетесь и глядите испытующе, но, клянусь, я никогда в жизни не подкупала врача. Бедный мистер Бертрам! Если ему суждено умереть, на свете станет двумя бедными молодыми людьми меньше; и не побоюсь, глядя в лицо кому угодно, сказать, что богатство и положение достанутся тому, кто их достоин более всех на свете. То, что совершилось на рождество,— плод безрассудной поспешности, но зло тех нескольких дней можно отчасти стереть. Лак и позолота каких только пятен не скрывают. Его же только нельзя будет именовать эсквайром. Когда любовь настоящая, как у меня, Фанни, можно и еще кой на что посмотреть сквозь пальцы. Напишите ко мне с обратной почтой, судите сами о моем волнении и не смейтесь надо мною. Скажите мне истинную правду, ту, что Вам известна из первых уст. А еще не мучьте себя, не стыдитесь моих чувств или своих собственных. Поверьте мне, они не только естественны, но и заключают в себе и человеколюбие и добродетель. Судите сами, разве, получив титул сэра, и все владения Бертрамов, Эдмунд не сделает больше добра, чем любой другой возможный наследник титула. Когда б Гранты были дома, я не стала бы Вас затруднять, но сейчас Вы единственная, от кого я могу узнать правду, так как сестры его для меня вне досягаемости. Миссис Рашуот, как Вам, конечно, известно, проводит пасху у Эймлеров в Туи кенеме и еще не воротилась, а Джулия сейчас у кузин где то поблизости от Бедфорд сквер, но я забыла их фамилию и название улицы. Однако даже когда б я могла тотчас обратиться к любой из них, я б все равно предпочла бы Вас,— мне бросилось в глаза, что им обоим слишком жаль расставаться со своими развлечениями, и потому они не желают видеть правду. Я думаю, пасхальные каникулы миссис Рашуот подходят к концу; для нее это, несомненно, доподлинные каникулы. Эймлеры милые люди, а так как мистер Рашуот в отъезде, ей остается только наслаждаться жизнью. Отдаю ей должное, что она укрепила его желание исполнить сыновний долг, поехать в Бат за матерью, но как она уживется под одной крышей с этой достопочтенной вдовицей? Моего брата сейчас нет рядом, так что от него мне нечего передать. Вам не кажется, что если б не болезнь мистера Бертрама, Эдмунд давно бы уж был в Лондоне?

Всегда Ваша, Мэри.

Я уже стала складывать письмо, но тут вошел Генри. Он, однако, не принес никаких известий, которые помешали бы отправить письмо. Миссис Р. знает, что опасаются за жизнь больного; Генри виделся с нею нынче утром, она сегодня возвращается на Уимпол стрит, старая дама приезжает. Пожалуйста, не беспокойтесь и ничего не воображайте, оттого что он провел несколько дней в Ричмонде. Он всегда ездит туда по весне. Не сомневайтесь, он не думает ни о ком, кроме Вас. В эту самую минуту он до безумия жаждет Вас видеть и занят лишь тем, что изобретает возможности для встречи и для того, чтобы она тоже доставила удовольствие и Вам. В доказательство он повторяет, и еще горячий, то, что сказал в Портсмуте, что мы будем рады доставить Вас домой, и я всем сердцем присоединяюсь. Милочка Фанни, напишите тотчас и велите нам приехать. Нам всем это будет в радость. Мы с ним, понятно, можем поехать в пасторат и нисколько не обременим наших друзей в Мэнсфилд парке. Право же, приятно будет снова всех их увидеть, а некоторое прибавление общества может оказаться им как нельзя более кстати; а что до Вас, Вы, конечно, чувствуете, сколь Вы там нужны, и при Вашей совестливости не можете сознательно оставаться в стороне, когда у Вас есть возможность воротиться. Мне недостает времени и терпенья передать Вам и половину тех слов, что желал бы Вам передать Генри, знайте только, что все они пронизаны неизменной любовью».

Большая часть этого письма вызывала у Фанни такое отвращенье и так ей не хотелось способствовать встрече той, которая его писала, с Эдмундом, что она не способна была (и сама это чувствовала) судить беспристрастно, следует ли ей принять предложение, содержащееся в конце. Для нее самой то был величайший соблазн. Через какихнибудь три дня, быть может, очутиться в Мэнсфилде — большего счастья и представить невозможно, но в нем заключался бы существенный изъян: быть обязанной таким счастьем людям, в чьих чувствах и поведении она сейчас столь много осуждала; чувства сестры и поведение брата... ее хладнокровное домогательство... его беспечная суетность. Чтоб \он продолжал знакомство, а возможно, и флиртовал с миссис Рашуот! Фанни была оскорблена. Она думала о нем лучше. Однако, по счастью, ей не нужно было взвешивать и выбирать, какое из противоположных стремлений, из вызывающих сомненье понятий пред

почесть; не ей решать, удерживать ли Мэри и Эдмунда врозь. У ней было правило: во всех случаях жизни представить, как отнесся бы к этому дядюшка. Она благоговела перед ним, боялась выйти из его воли, а потому тотчас поняла, как ей должно поступить. Она безусловно должна отклонить предложение мисс Крофорд. Если бы дядюшка желал ее приезда, он бы послал за нею; и уже само ее предложение воротиться ранее было бы самонадеянностью, которую едва ли можно чем то оправдать. Она поблагодарила мисс Крофорд, но наотрез отказалась. Как она понимает, написала она, дядюшка намерен сам за ней заехать; а раз кузен болен уже столько недель и ее присутствие не сочли необходимым, стало быть, сейчас ее возвращение нежелательно и она только чувствовала бы себя обузой.

Нынешнее состояние кузена она описала в точности таким, как сама о нем понимала, таким, какое, вероятно, внушит ее жизнерадостной корреспондентке надежду, что все ее желания сбудутся. При определенном богатстве Эдмунду, верно, простится, что он стал священником; этим, должно быть, и объясняется победа над предрассудком, с которою он готов был себя поздравить. По мнению мисс Крофорд, на свете нет ничего важнее денег.

ГЛАВА 15

Фанни была убеждена, что своим ответом глубоко разочарует мисс Крофорд, и потому, зная ее нрав, ждала, что та, пожалуй, снова к ней приступит; и хотя новое письмо пришло только через неделю, Фанни взяла его с тем же чувством.

Она тотчас же поняла, что письмо короткое, а значит, подумалось ей, наверно, деловое, и написано в спешке. Содержание его не вызывало сомнений; в первые мгновенья она решила, что ей просто напроосто сообщают о своем приезде в Портсмут в этот самый день, и отчаянно заволновалась, не зная, как тогда поступить. Однако в следующий миг возникшие пред нею затруднения рассеялись,—еще не открыв письма, она понадеялась, что Крофорды обратились к ее дядюшке и получили разрешение. Вот это письмо.

«Только что до меня дошел совершенно возмутительный, злонамеренный слух, и я пишу Вам, дорогая Фанни, чтоб предупредить Вас на случай, если он докатится и до Ваших мест, не давать ему ни малейшей веры. Это, без сомнения, какая то ошибка, и через день два все прояснится — во всяком случае, Генри ни в чем не повинен и, несмотря на мимолетное *etourderie*¹, он не думает ни о ком, кроме Вас. Пока я Вам снова не напишу, никому не говорите ни слова, ничего не слушайте, не стройте никаких догадок, ни с кем не делитесь. Без сомнения, все затихнет и окажется,— это одна только Рашуотова блажь. Если они и вправду уехали, то, ручаюсь, всего лишь в Мэнсфилд парк и вместе с Джулией. Но отчего Вы не велите приехать за Вами? Как бы Вам после об этом не пожалеть.

Ваша, и прочее...»

Фанни была ошеломлена. Никакой возмутительный злонамеренный слух до нее не дошел, и оттого многое в этом странном письме ей понять было невозможно. Она могла лишь догадаться, что оно касается до Уимпол стрит и мистера Крофорда, и лишь предположить, что там свершилось какое то крайнее безрассудство, раз оно вызвало толки в свете и, как опасается мисс Крофорд, способно возбудить ее ревность, если она о том прослышала. Но напрасно мисс Крофорд за нее волнуется. Ей только жаль тех, кто в этом замешан, жаль и Мэнсфилд, если молва докатилась и туда; но Фанни надеялась, что так далеко слухи не дошли. Если, как следует из письма мисс Крофорд, Рашуоты сами поехали в Мэнсфилд, вряд ли им предшествовали неприятные вести и, во всяком случае, вряд ли произвели там впечатление.

Что же до мистера Крофорда, может быть, происшедшее даст ему понятие о собственном нраве и убедит, насколько он не способен на постоянство в любви, и он постыдится долее ухаживать за нею.

Как странно! А ведь она уже начала думать, что он и вправду ее любит, вообразила, будто его чувство к ней отнюдь не заурядное, и его сестра все еще уверяет, будто он только о ней, Фанни, и думает. И однако он, должно быть, весьма недвусмысленно выказал свою благосклонность к кузине, повел себя весьма опрометчиво, ведь ее корреспондентка не из тех, кто станет обращать внимание на пустяки.

¹ Легкомыслие (фр.).

Неуютно ей стало, и так будет, пока она не получит новых вестей от мисс Крофорд. Не думать об этом ее письме невозможно, и ни с кем нельзя об этом поговорить, облегчить душу. Напрасно мисс Крофорд так ее заклинала сохранить все в тайне, она могла бы довериться ее понятию о долге перед кухней.

Наступил новый день, однако нового письма не принес. Фанни была разочарована. Все утро она по-прежнему только об этом и думала; но когда к вечеру вернулся отец, как всегда с газетою в руках, она до такой степени не ждала из этого источника никаких вестей, что на минуту даже отвлеклась от своих мыслей.

Она глубоко задумалась совсем о другом. Ей вспомнился ее первый вечер в этой комнате и отец с неизменной газетой. Теперь в свече уже нет надобности. До захода солнца еще полтора часа. Сейчас она всем существом ощутила, что уже прошли три месяца; от солнечного света, что заливал гостиную, ей становилось не веселее, а еще грустней; совсем не так, как на сельском просторе, светит в городе солнце. Здесь его сила лишь в слепящем блеске, в беспощадном, мучительном слепящем блеске, который только на то и годится, чтоб обнажать пятна и грязь, которые иначе спокойно бы почивали. В городе солнце не приносит ни бодрости, ни здоровья. Фанни сидела в гнетущей духоте, в пронизанном яркими солнечными лучами облаке беспокойной пыли, и переводила взгляд со стен в пятнах от головы отца на изрезанный, исцарапанный братьями стол, где стоял как всегда не отчищенный толком чайный поднос, кое как вытертые чашки с блюдцами, синеватое молоко, в котором плавали ошметки пленок, и хлеб с маслом, становящийся с каждой минутой жирней, чем был поначалу от рук Ребекки. И пока готовился чай, отец углубился в газету, а мать по обыкновению причитала над порванным ковром, — вот бы Ребекка его починила; Фанни вышла из оцепенения, лишь когда отец окликнул ее, сперва похмыкав и поразмыслив над чем то в газете:

— Как фамилия этих твоих знаменитых кузенов, которые в Лондоне, Фан?

— Рашуоты, сэр, — после минутной запинки отвечала она.

— И уж не на Уимпол стрит ли они живут?

— Да, сэр.

— Тогда, скажу я тебе, неладно у них. Возьми ка.— Он протянул ей газету.— Вот уж много чести тебе

от таких родственничков. Не знаю, не знаю, что подумает о таких делах сэр Томас; может, он чересчур утонченный и светский джентльмен и не станет меньше любить свою дочку. А только будь она моя, вот не сойти мне с этого места, стегал бы ее, пока хватило сил. Небольшая порка всего лучше остережет и мужчину и женщину тоже от эдаких выкрутасов.

Фанни прочла про себя, что «с бесконечным сожаленьем наша газета вынуждена сообщить о супружеском fracas¹ в семействе мистера Р. с Уимпол стрит; прекрасная миссис Р., которая лишь недавно связала себя узами Гименея и которая обещала стать блистательной владелицей светского общества, покинула супружеский кров в обществе хорошо известного неотразимого мистера К., близкого друга и товарища мистера Р., и даже редактору нашей газеты неизвестно, куда они отправились».

— Это ошибка, сэр,— тотчас же сказала Фанни.— Это, должно быть, ошибка... Не может этого быть... Здесь, должно быть, имеются в виду другие люди.

Она говорила из безотчетного желания отодвинуть позор, говорила с решительностью отчаяния, ибо говорила то, чему не верила, не могла верить. Потрясенная, она не усомнилась в истинности прочитанного. Правда ошеломила ее, и после она изумлялась, что все таки сумела не задохнуться, даже заговорить.

Мистера Прайса газетное сообщение не настолько встревожило, чтоб он стал всерьез отвечать.

— Может, это и вранье,— готов был допустить он,— а только нынче немало светских дамочек таким вот манером продают душу дьяволу, так что ни за кого нельзя поручиться.

— Уж конечно, будем надеяться, это неправда,— жалобно сказала миссис Прайс.— Это был бы такой позор!.. Добро б я говорила Ребекке про ковер всего раз, так нет же, раз десять я ей говорила, не меньше, верно, Бетси? А тут работы всего на десять минут.

Едва ли можно описать ужас и смятение Фанни, когда она уверилась, что те двое и вправду виновны, и отчасти представила себе, какие бедствия это повлечет, Сперва она словно оцепенела, но с каждой минутой все полнее сознавала, как дурно, как отвратительно то, что произошло, Она не думала, не смела надеяться, что в газетной заметке ложь. Письмо мисс Крофорд, которое она перечитыва

¹ Здесь, скандал (фр.).

*"There! much good may
such fine relations do you."*